ЦЕНТР НАУЧНЫХ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ (ЦНИОП)

LITTERA SCRIPTA MANET

ISSN 2225-756X

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Scopus Q1

Clarivate Web of Science™

OPEN ACCESS

We are Crossref Member

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU РИНЦ

DOAJ

ERIHPLUS

Dimensions

Google scholar

CYBERLENINKA

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

ISSN 2225-756X (Print)
ISSN 2227-1295 (Online)

Научный диалог

Том 15, выпуск 2, 2026

Nauchnyi Dialog

Volume 15, Issue 2, 2026

CC BY

ISSN 2225-756X

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Том 15, выпуск 2, 2026

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

ISSN	2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online)
Свидетельство о регистрации	ПИ № ФС 77-86214 от 27.10.2023 г., Роскомнадзор
DOI:	10.24224
Год основания	2012
Периодичность	10 раз в год
Представление в каталогах, индексирование	• WoS (Emerging Sources Citation Index) • Scopus • DOAJ • ERIH PLUS • Российский индекс научного цитирования – РИНЦ • КиберЛенинка
Подписной индекс	29255, Объединенный каталог «Пресса России»
Адрес редакции	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, оф. 57
Телефон редакции	8(343)3458984
E-mail редакции	nauka-dialog@mail.ru
Учредитель / Издатель	ООО «Центр научных и образовательных проектов»
Электронный адрес издателя	http://www.nauka-dialog.ru/
Адрес издателя	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, к. 57
E-mail издателя	cniop@bk.ru
Типография	ООО «Издательский Дом «Ажур». 620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54. Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.
Тираж	500 экземпляров

СТАТИСТИКА ВЫПУСКА

География авторов выпуска	Абакан Алматы (Казахстан) Вологда Гянджа (Азербайджан) Екатеринбург Елец Казань Кемерово Минск (Республика Беларусь)	Москва Нальчик Орел Петрозаводск Пятигорск Саранск Ставрополь Тула Пекин (Китай) Чжэньцзян (Китай) Шымкент (Казахстан)
Авторы, имеющие ученую степень	87 %	

© Центр научных и образовательных проектов, 2026

Дата выхода в свет 04.03.2026

ISSN 2225-756X

Nauchnyi dialog
(Naučnyj dialog = Nauchnyy dialog = Scientific Dialogue = ND)

Volume 15, Issue 2, 2026

ISSN	ISSN 2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online) Key title: Naučnyj dialog, Abbreviated key title: Naučn. dialog
Creative Commons	Attribution license 4.0 International (CC BY 4.0)
Mass Media Registration Certificate (by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications)	PI № FS 77-86214 of 27.10.2023
DOI:	10.24224
Subscription Code	29255, Union Catalog “Pressa Rossii” (Russian Press)
Coverage	Russian Federation, foreign countries
Publication Frequency	10 issues per year
Publicher	Centr naučnyh i obrazovatel′nyh proektov, 620135, Yekaterinburg, Kosmonavtov Ave., 43, fl. 57
Presence in Citation Bases, indexation	• WoS (Emerging Sources Citation Index) • Scopus • DOAJ • ERIH PLUS • Science Index (Rus) • CyberLeninka
Text Presentation Form	• Science Index (Rus) — All published articles are public-ly available for reading and citing on the journal’s web-site and in the National E-Library • CyberLeninka
Printing house	• LLC Publishing House Azhur. 620075, Yekaterinburg, st. Vostochnaya, 54. Tel. (343) 350-78-28, 350-78-49.
Circulation	• 500 copies
Reviewing	All manuscripts submitted to the editorial office are to be reviewed

© LLC Center for Scientific and Educational Projects, 2026

Тематика журнала «Научный диалог»: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакоммуникации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Главный редактор: Татьяна Валерьевна Леонтьева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)

Ответственный секретарь: Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)

Английский перевод метаданных: Ирина Владимировна Волгина, Doctor of Philosophy (in Pedagogic), доцент, Уральский государственный медицинский университет (Россия, Екатеринбург)

Редакционная коллегия

Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)
Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Лариса Николаевна Ребрина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Волгоград)
Татьяна Владимировна Гусейнова, доктор педагогических наук, профессор (Таджикистан, Душанбе)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Языкознание. Медиакоммуникации. Журналистика

Александр Константинович Киклевич, доктор филологических наук, профессор (Польша, Ольштын)
Андреана Борисова Ефтимова, доктор наук, профессор (Болгария, София)
Арто Мустайоки, доктор философии (русский язык), профессор (Финляндия, Хельсинки)
Биляна Марич, доктор филологических наук, доцент (Сербия, Белград)
Евгения Викторовна Терехова, доктор филологических наук, профессор (Россия, Владивосток)
Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)
Нина Марковна Разинкина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Москва)
Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Ренате Ратмайр, доктор филологических наук, профессор (Австрия, Вена)
Татьяна Геннадьевна Никитина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Псков)
Тимур Беньюминович Радбиль, доктор филологических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

Литературоведение. Фольклористика

Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Александр Самуилович Кацев, доктор филологических наук, профессор (Кыргызская Республика, Бишкек)
Алексей Валериевич Юдин, кандидат филологических наук, профессор (Бельгия, Гент)
Иво Поспишил, доктор наук (Чешская Республика, Брно)
Ирина Леонардовна Савкина, доктор философии (Финляндия, Тампере)
Ольга Юрьевна Осьмухина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Саранск)
Татьяна Алексеевна Савоськина, кандидат филологических наук, доцент (Украина, Измаил)
Татьяна Васильевна Володина, доктор наук, доцент (Беларусь, Минск)

Исторические науки

Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)
Альбина Советовна Жанбосинова, доктор исторических наук, профессор (Казахстан, Астана)
Иван Иванович Думиика, доктор исторических наук (Молдова, Кишинев)
Ирина Ромуальдовна Чикалова, доктор исторических наук, профессор (Беларусь, Минск)
Юрий Дмитриевич Анчабадзе, доктор исторических наук, профессор (Россия, Москва)

Editor-in-Chief: Tatyana V. Leontyeva, Doctor of Philology, Head of the Department of Mass Communication Languages, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg)

Responsible secretary: Anna V. Shchetinina, PhD in Philology, associate professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg)

English translation: Irina V. Volgina, Doctor of Philosophy (in Pedagogic), associate professor, Urals State Medical University (Russia, Yekaterinburg)

EDITORIAL BOARD

Alexandr G. Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)
Anna V. Shchetinina, PhD in Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)
Larisa N. Rebrina, Doctor of Philology, professor (Russia, Volgograd)
Sergey N. Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)
Tatyana V. Guseynova, Doctor of Education, professor (Tajikistan, Dushanbe)

EDITORIAL COUNCIL

LINGUISTICS. MEDIA COMMUNICATIONS. JOURNALISM

Aleksander Kiklewicz, Doctor of Philology, associate professor (Poland, Olsztyn)
Andreana B. Eftimova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)
Arto Mustajoki, Doctor of Philosophy (Russian), associate professor (Finland, Helsinki)
Biljana Marič, Doctor of Philology, associate professor (Serbia, Belgrad)
Evgeniya V. Terekhova, Doctor of Philology, professor (Russia, Vladivostok)
Marija K. Kitanova-Markova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)
Nina M. Razinkina, Doctor of Philology, professor (Russia, Moscow)
Rafael G. Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)
Renate Rathmayr, Doctor of Philology, professor (Austria, Vienna)
Tatyana G. Nikitina, Doctor of Philology, professor (Russia, Pskov)
Timur B. Radbil, Doctor of Philology, professor (Russia, Nizhny Novgorod)

LITERARY STUDIES. FOLKLORE

Sergey N. Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)
Aleksandr S. Katsev, Doctor of Philology, professor (Kyrgyz Republic, Bishkek)
Aleksey V. Yudin, Ph.D. in Philology, professor (Belgium, Ghent)
Irina L. Savkina, Doctor of Philosophy, professor (Finland, Tampere)
Ivo Pospíšil, Doctor of Philology, professor (Чешская Республика, Брно (Czech Republic, Brno)
Olga Yu. Osmukhina, Doctor of Philology, professor (Russia, Saransk)
Tatyana A. Savoskina, PhD in Philology, associate professor (Ukraine, Izmail)
Tatsiana V. Valodzina, Doctor of Philology, associate professor (Belarus, Minsk)

HISTORY

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)
Alexandr G. Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)
Albina S. Zhanbosinova, Doctor of History, professor (Kazakhstan, Astana)
Ivan I. Duminica, Doctor of History (Moldova, Kishinev)
Irina R. Chikalova Doctor of History, professor (Belarus, Minsk)
Yuri D. Anchabadze, Doctor of History, professor (Russia, Moscow)

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Содержание

Языкознание

Викулова Л. Г., Ткаченко Ю. Г., Короленко О. И. Дискурсивный анализ академической вступительной речи как элитарного текста 9

Голев Н. Д. Функтив: расширение понятия (на материале переходных лексем, словоформ и их квалификаций в теоретической морфологии русского языка) 28

Инь Сюй. «Средний курс этимологии русского языка» Чжан Симона как важнейший учебник раннего этапа становления традиции преподавания русского языка в Китае 49

Каюмова А. Р., Сафина Р. А., Коноплева Н. В. Метафорическая репрезентация воздушной стихии во фразеологии русского, английского, немецкого, испанского и татарского языков 73

Самородин Г. В. Артиклевая детерминация топонимов и антропонимов в немецком языке 91

Сигал К. Я. Русский сентиментализм сквозь призму пунктуационной стилистики .. 109

Токарев Г. В. Значение лингвокультурного знака : сценарий интерпретации при освоении чужого языка в контексте апелляции к культурным пластам 132

Щетинина А. В. Лексикографирование русскоязычных неологизмов социальной тематики : проблемы описания и перспективы исследования 151

Коммуникация. Медиатехнологии. Журналистика

Борщевский И. С., Алимурадов О. А. Опыт описания аудиодескрипции с лингвистических позиций (на примере тифлокомментария к фильму «Москва слезам не верит») 168

Дякина А. А., Есин И. Р. Структура медиарынка Липецкой области в контексте специфики экономического развития региона 194

Ильин А. А., Шатилова Л. М., Попова Л. Г. Семантический анализ кинолексики немецкого языка (на примере лексико-тематической группы «Киножанры») 214

Литературоведение. Фольклористика

Кольчикова Н. Л., Грибков А. Г. Мифо-фольклорные истоки литератур Саяно-Алтая (на материале произведений тувинской и хакасской литератур) 238

Лесова Х. Ж., Сафронова Л. В., Баймурзаева К. Б. Инициационный нарратив и травма депортации в романе Г. Бельгера «Дом скитальца» 257

Локтевич Е. В. Современная песенная поэзия как игровой стрим : субъектная идентификация рок-героя 275

Сай На, Чжу Сяоминь. Цюй Цюбо и культурно-идеологическое взаимодействие Китая и России в начале XX века 300

Шарапенкова Н. Г. «Симфония (2-я, драматическая)» Андрея Белого : генезис и поэтика 315

Исторические науки

Амбарцумян К. Р., Булыгина Т. А. Рекреационная политика советской власти и курортная повседневность городов Кавказских Минеральных Вод в 1920—1930-е годы 341

Воробьев С. В. Идеологическая консолидация социалистического блока в контексте кризиса международных отношений 1960-х годов 359

Исмаилзаде С. Д. Этнополитическая структура и региональное влияние Первого Болгарского царства 375

Кокорина Ю. Г., Вагабов М. М. Проблема нейтралитета Норвегии в Зимней войне СССР и Финляндии (по материалам газеты «Arbeiderbladet») 401

Копырина С. Н., Уланов К. А. Горнозаводская медицина Урала первой половины XVIII века : организация, практика и социальный контроль 421

Мартыненко А. В., Надькин Т. Д., Грачева Е. З. Бахаи в Российской империи в контексте русско-иранских отношений 440

Меркулов П. А., Букалова С. В. Влияние публичного дискурса на формирование института социальной помощи в годы Первой мировой войны 459

Столетова А. С. Отражение социально-экономической реальности жизни Русского Севера на страницах печати 1950—1980-х годов 478

Татаров А. А. Кавказ как элемент антисоветской стратегии Японии накануне Второй мировой войны 500

Токтамысов С. Ж. Строительство российской казной телеграфных и почтовых линий в Закаспийской области и в сопредельных районах Персии на рубеже XIX—XX веков 516

Чернышева Н. В., Ажигулова А. И. Меры демографической политики СССР в отношении многодетных матерей в первое послевоенное десятилетие (1945—1955) 534

АВТОРАМ 553

CONTENTS 559

ЯЗЫКОЗНАНИЕ
LINGUISTICS

Альбина Рамилевна Каюмова, канд. филол. наук (Казань)
Анна Викторовна Щетинина, канд. филол. наук (Екатеринбург)
Георгий Владиславович Самородин, канд. филол. наук (Москва)
Григорий Валериевич Токарев, д-р филол. наук (Тула)
Инь Сюй, канд. филол. наук (Пекин, Китай)
Кирилл Яковлевич Сигал, д-р филол. наук (Москва)
Лариса Георгиевна Викулова, д-р филол. наук (Москва)
Наталья Вячеславовна Коноплева, канд. филол. наук (Казань)
Николай Данилович Голев, д-р филол. наук (Кемерово)
Ольга Игоревна Короленко, канд. филол. наук (Москва)
Римма Абельхаеровна Сафина, канд. филол. наук (Казань)
Юлия Геннадьевна Ткаченко, канд. филол. наук (Москва)

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]
Check for updates

Информация для цитирования:

Викулова Л. Г. Дискурсивный анализ академической вступительной речи как элитарного текста / Л. Г. Викулова, Ю. Г. Ткаченко, О. И. Короленко // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 2. — С. 9—27. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-9-27.

Vikulova, L. G., Tkachenko, Yu. G., Korolenko, O. I. (2026). Discourse Analysis of an Academic Inaugural Address as an Elite Text. *Nauchnyi dialog, 15* (2): 9-27. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-9-27. (In Russ.).

Clarivate Web of Science Scopus Q1 DOAJ ERIHPLUS eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Дискурсивный анализ академической вступительной речи как элитарного текста

Викулова Лариса Георгиевна
orcid.org/0000-0003-1176-1668
доктор филологических наук,
профессор,
профессор кафедры романских языков
и лингводидактики
VikulovaLG@mgpu.ru

Ткаченко Юлия Геннадьевна
orcid.org/0000-0002-5369-9594
кандидат филологических наук,
доцент кафедры романских языков
и лингводидактики
Tkachenko-816@mgpu.ru

Короленко Ольга Игоревна
orcid.org/0000-0001-7388-8133
кандидат филологических наук,
доцент кафедры романских языков
и лингводидактики,
корреспондирующий автор
KorolenkoOI@mgpu.ru

Московский городской
педагогический университет
(Москва, Россия)

Discourse Analysis of an Academic Inaugural Address as an Elite Text

Larisa G. Vikulova
orcid.org/0000-0003-1176-1668
Doctor of Philology, Professor,
Professor of the Department of Romance
Languages and Linguodidactics
VikulovaLG@mgpu.ru

Yulia G. Tkachenko
orcid.org/0000-0002-5369-9594
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Romance Languages
and Linguodidactics
Tkachenko-816@mgpu.ru

Olga I. Korolenko
orcid.org/0000-0001-7388-8133
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Romance Languages
and Linguodidactics,
corresponding author
KorolenkoOI@mgpu.ru

Moscow City University
(Moscow, Russia)

© Викулова Л. Г., Ткаченко Ю. Г., Короленко О. И., 2026

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуется элитарный текст вступительной приветственной речи (discours de réception) филолога, учёного-антиковеда Жаклин де Ромийи (Jacqueline de Romilly) при её избрании во Французскую академию. Сообщается, что текст речи в жанре элогиума воссоздает перед академической элитой ценность литературного текста и научного знания в целом. Оформляемый Ж. де Ромийи рефлексивный дискурс в отношении творческой биографии Андре Руссена (André Roussin) и личной легитимации в предстоящей академической деятельности рассмотрен предметно в семантическом и прагматическом аспектах. Языковая рефлексия Ж. де Ромийи направлена на комментирование, уточнение, оценку собственных слов или фактов речи третьих лиц при учете фактора адресата. Установлено, что метаязыковые высказывания Ж. де Ромийи соотносятся с принципиально важными для неё концептами (langue française, littérature française, langue grecque, études littéraires, culture littéraire, texte littéraire), вызывающими когнитивное напряжение по причине диссонанса её внутреннего мира эллинистической культуры и текстов с внешними обстоятельствами кризиса классического образования. Выявленная индивидуальная семантизация рефлексивов отображает прагматическую составляющую авторской интенции, выражающуюся в продвижении идеологических кодов Французской академии (culture littéraire, qualité de la langue française).

Ключевые слова:
академическая вступительная речь; элитарный текст; элогиум; Jacqueline de Romilly; самопрезентация; рефлексивный дискурс; риторическая ретроспектива.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study investigates the elite text of a welcoming inaugural address (“discours de reception”) delivered by philologist and Hellenist scholar Jacqueline de Romilly upon her election to the French Academy. The analysis reveals how this genre of elogium reaffirms before the academic elite the value of literary texts and scholarly knowledge in general. The reflexive discourse constructed by J. de Romilly regarding both André Roussin's creative biography and her own personal legitimation for future academic activities is examined from semantic and pragmatic perspectives. De Romilly's linguistic reflection involves commenting on, clarifying, or evaluating her own words or third-party statements while taking into account the audience factor. It has been established that de Romilly’s metalinguistic utterances correspond with key concepts crucial to her identity (French language, French literature, Greek language, literary studies, literary culture, literary text), which evoke cognitive tension due to the dissonance between her internalized Hellenistic cultural values and external circumstances surrounding the crisis in classical education. The identified individual semanticization of reflective expressions reflects the pragmatic component of the author's intention, expressed through promoting ideological codes associated with the French Academy (literary culture, quality of the French language).

Key words:
academic inaugural speech; elite text; elogium; Jacqueline de Romilly; self-presentation; reflexive discourse; rhetorical retrospective

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 811.133.1’42+82-531.1
DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-9-27

Научная специальность ВАК
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Дискурсивный анализ академической вступительной речи как элитарного текста

© Викулова Л. Г., Ткаченко Ю. Г., Короленко О. И., 2026

1. Введение = Introduction

Развитие гуманитарного знания показывает, что в центре внимания академической среды оказывается ученый, выступающий в качестве центральной фигуры научной коммуникации [Чернявская, 2011; Identity as an element …, 2016]. В силу маргинальности женщины в интеллектуальной культуре Франции объективация феминной идентичности долгое время не представлялась актуальной для Французской академии как государственного научного института в области национального языка, занимавшей с момента своего основания в 1635 году и до 1980 года непримиримую позицию в гендерном вопросе при избрании новых членов в академическое сообщество [Викулова и др., 2020, с. 160]. Отметим, что даже кандидатура лауреата Нобелевской премии М. Склодовской-Кюри была отклонена Французской академией в 1910 году с целью «сохранения традиций». Гендерный поворот произошел в 1980 году, когда первой женщиной-академиком стала эссеист и романист Маргерит Юрсенар (Marguerite Yourcenar, 1903—1987).

26 октября 1989 года Французская академия приняла в свои ряды вторую женщину — Жаклин де Ромийи (Jacqueline de Romilly, 1913—2010), писателя, филолога, исследователя древнегреческой литературы, почетного профессора исследовательской организации Коллеж де Франс и Университета Сорбонны. Её избрание в академики в статусе крупнейшего антиковеда, автора многочисленных книг о Древней Греции (La Tragédie grecque, Ce que je crois, Hector), о греческих философах (La Grandeur de l'homme au siècle de Périclès), о создателе Илиады и Одиссеи (Homère) было закономерным. Жаклин де Ромийи показала свою максимальную вписанность в существующие социокультурные координаты академического пространства, заслужив авторитет настоящего ценителя и мастера Слова, что нашло свое отражение в сборнике «Прогулки по саду слов» (Dans le jardin des mots).

CC BY

Следуя многолетнему ритуалу, Ж. де Ромийи обращается к жанру академической речевой практики, выступая со вступительной приветственной речью (discours de réception) с целью самопрезентации и привлечения внимания научного сообщества к творческим заслугам своего предшественника А. Руссена (André Roussin, 1911—1987), актера, драматурга и режиссера. В данном случае текст речи может рассматриваться как элитарный, поскольку «соотносится с понятием научная элита, ценность научного знания, жанровая / типологическая норма» [Чернявская, 2011, с. 146—147]. Выступление перед научной элитой при избрании во Французскую академию предполагает следование жанровой норме в формате discours de réception, когда важно обозначить ценность научного знания, в том числе значимость заслуг своих предшественников.

Оратор актуализирует рефлексивный дискурс, конструируемый по модели: рефлексивное Я (субъект) > рефлексия (смыслопоисковая автокоммуникация) > актуализация рефлексии (текст) [Райскина, 2023, с. 99]. В таком случае текст речи наделяется рефлексивным, оценочным и самооценочным потенциалом [Канафьева, 2020, с. 138—139].

Текст вступительной приветственной речи создается по канонам литературного жанра éloge (элогиум), начало которому в академической среде Франции положил энциклопедист Ж. Л. Д'Аламбер [Герасимова, 2022; Викулова и др., 2024]. Оратор транслирует аксиологическую ретроспективу, подтверждая и воссоздавая ценностные ориентиры социального института в целом [Régent-Susini, 2018, p. 3], а также академиков-предшественников. Элогиум является одним из компонентов институционального дискурса Французской академии, где пространство конкретных смыслов, вербализуемых соответствующими языковыми средствами, обусловлено типизированными ситуациями, участниками социального взаимодействия, их статусно-ролевыми отношениями и регулируется нормами, убеждениями [Карасик, 2022; Григорьева, 2007]. В то же самое время текст вступительной приветственной речи представляет собой продукт дискурса, его порожденную открытую составляющую [Maingueneau, 2021, p. 33], в которой между словами определяются оригинальные семантические отношения, актуализирующие важные для субъекта речи социокультурные смыслы. Данные смыслы соотносятся с кодами дискурса и формирующих его текстов, редуплицирующими коллективные коды, поскольку «code est toujours un ensemble de normes et de contraintes par rapport auxquelles le discours textuel se pose et se définit» / код — это всегда совокупность норм и ограничений, относительно которых формируется и определяется текстовый дискурс (перевод наш. — *Л. В., Ю. Т., О. К.*) [Dubois, 1973, 12, p. 5].

CC BY

В рамках основного текста речи через обращение к творческой биографии А. Руссена оформляется «слой» метатекста, или метатекстовая интерпретация, повторяющая и уточняющая сказанное, что Ж. Дюбуа называет «l'action d'un vouloir-dire» [Dubois, 1973, p. 9]. Рефлексивно-комментирующая составляющая текста выступает объектом настоящего исследования при предметном рассмотрении семантических и прагматических особенностей использования метаязыковых высказываний, аргументативная часть которых выводит адресата на уровень валоризации литературного текста, являющегося ценностной установкой Французской академии, статусную принадлежность к которой Ж. де Ромийи призвана демонстрировать.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Методами научной работы при выборке и обработке эмпирического материала послужили дискурсивный, лингвистический, контекстуальный, семантический, аксиологический и прагматический анализ текста с применением элементов количественного анализа. При этом важной составляющей при исследовании материала стала категория метатекстовости.

Внутренняя референция языка открывает исследователям путь к осмыслению когнитивных и коммуникативных способностей homo loquen, поэтому феномен метаязыка продолжает привлекать внимание отечественных и зарубежных ученых различных областей знания, в особенности лингвистики. В 50-е годы XX века Р. О. Якобсон писал о метаязыке как о языковой деятельности, сопровождающей говорящего субъекта с момента овладения им языком с целью описания и толкования этого языка [Якобсон, 1985].

Позднее, в 70-е годы, при исследовании текста А. Вежбицка обнаруживает в нем метакомпоненты, указывающие на то, *что* субъект речи говорит о своем высказывании, как бы декодируя его для адресата, открывая возможности для последующей интерпретации [Вежбицка, 1978]. В свою очередь, французский исследователь интертекстуальности Ж. Женетт выделял метатекстуальность как одну из текстовых категорий, составляющую текстовую трансценденцию (transcendance textuelle) и передающую отношения между текстами посредством комментариев [Genette, 1982, p. 11].

Через развернутые метаэлементы — метаязыковые высказывания или рефлексивы (в терминологии И. Т. Вепревой) — субъект речи может производить языковую рефлексию над своими собственными словами, что позволяет ему проследить дискурсивные установки адресанта, соотносящиеся с тем социокультурным контекстом, в котором реализуется текст. Рефлексивы, имеющие семантику говорения, интеллектуальной деятель-

ности, представляют собой содержащиеся непосредственно в тексте комментарии к языковым единицам, выражающие отношение к ним [Вепрева, 2002, с. 76].

Языковая рефлексия как сознательный контроль над создаваемым речевым произведением обусловлена присутствием адресата и ориентирована на него с целью осуществления эффективной коммуникации в пределах согласованной языковой нормы. Метаязыковые комментарии адресанта, действенность которых является следствием его индивидуального накопленного коммуникативного опыта, появляются в ситуациях коммуникативного напряжения при отступлении говорящего от ожидаемого адресатом нормативного использования языковой единицы.

Метаязыковые высказывания заполняют предполагаемые концептуальные лакуны адресата, при этом выражают суждение адресанта о слове, способствуя, как следствие, лучшему пониманию всего текста участниками коммуникации [Котцова, 2019, с. 83, 86]. Соответственно, рефлексивы могут обладать дескриптивной и обще- / частнооценочной семантикой, где последние подразделяются на сенсорно-, психолого- и прагмаоценочные [Кравченко, 2023, с. 106].

Объектом языковой рефлексии, как отмечает М. А. Кравченко, выступают форма или содержание, семантика знака. При дальнейшем исследовании семантический характер разделяется на поверхностный (буквальное восприятие объекта) и глубинный (содержащий оценку, учитывающий внеязыковой контекст) [Кравченко, 2025]. В этом отношении метаязык выполняет интерпретативную функцию, эксплицируя языковую единицу адресату. Метавысказывания могут соотноситься не только с языком, но и с экстралингвистическим контекстом коммуникации, выполняя, таким образом, свою дискурсивную функцию [Кравченко, 2024, с. 92].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Создание текста, как отмечает французский дискурсолог П. Шародо, обусловлено конкретной социальной практикой, а именно её реализацией через иерархию отношений. На первый план выходит не то, *что* говорят, а *кто* именно говорит, каков статус говорящего в социальном пространстве. Внешние источники предмета коммуникации конструируют текст того или иного дискурса, определяя текст как «résultat d’un acte de langage produit par un sujet donné dans une situation d’échange sociale donnée» [Charaudeau, 1999, p. 15]. Текст вступительной приветственной речи Жаклин де Ромийи становится дискурсивным жанром, представляя собой определенный способ использования языка в условиях конкретного социального события, а именно — её избрания во Французскую академию.

CC BY

3.1. Речевая актуализация социокультурного контекста избрания

В институциональной благодарности оратор выражает академическому сообществу признательность за оказанную ей честь, что расценивается как «коммуникативный поступок, состоящий в выражении чувства удовлетворения по поводу полученного блага» [Карасик, 2011, с. 252]: *J'ai donc plus de raisons que personne de vous être reconnaissante; et je le suis, du fond du cœur.* Вместе с тем Ж. де Ромийи намеренно использует лаудативно-ироничную лексему *l'audace* (смелость) в отношении Академии, осмелившейся во второй раз в истории принять в свое время нового члена (А. Руссена), начинавшего карьеру в качестве комедийного актера. Оценочным рефреном *l'audace* Ж. де Ромийи метафоризирует свое приглашение на вакантное кресло № 7 как **второй** женщины-академика после М. Юрсенар (***pour la seconde fois*** *seulement depuis que l'Académie française existe)*.

Историческая ретроспектива в речи оратора направлена на личную легитимацию в предстоящей академической деятельности. Ж. Де Ромийи предполагает, что Французская академия стремилась показать через её творчество значимость литературы (*vous avez sans doute voulu, à travers moi, marquer solennellement votre attachement à cette culture littéraire*), а также обеспечить «чистоту» французского языка (*à la qualité de la langue française, sur laquelle vous veillez, et au rayonnement de la littérature française que vous illustrez*). Оратор эксплицирует то, что она представляет в профессиональном плане — эллиниста, преподавателя языка и литературы (*ce que je représente (non sans conviction, il est vrai),* ***un professeur, une helléniste***). Она убеждена в том, что её избрание академиком символично, поскольку именно филологическое образование или, как его ранее называли, *les humanités* (изучение греческого, латинского языков и литературы), неразрывно связано с ценностью французского языка и литературы, которые оберегает и прославляет именно Французская академия (*l'enseignement littéraire, lui, avec tout ce que l'on* ***appelait naguère****, non pas les langues mortes,* ***mais les humanités****).* Метатекстовая стратегия включения в текст «чужого» голоса из не такой отдаленной эпохи (*tout ce que* ***l'on appelait naguère****…*) и имплицитное толкование *les humanités* подразумевают валоризацию филологии, относящейся к гуманитарной области знаний, охватывающей культуру, изучение человеческих отношений, историю, философию, искусство, а также мертвые языки. Оратор отмечает неоспоримость связи французского языка с древними языками и литературой, что подтверждают авторские конструкции с количественным наречием *le lien est si évident que j'ose* ***à peine le rappeler*** и полным отрицанием *je* ***ne parle pas de*** *la merveille qu'est cette langue grecque.*

Одним из ключевых элементов рефлексивного дискурса Ж. де Ромийи является фактор паратопии, понимаемый как «прагматически и социо-

культурно значимое коммуникативное пространство» [Maingueneau, 1993, p. 28], в рамках которого формировалась её научная деятельность. Знаковым становится топос *Коллеж де Франс* (Collège de France) — учебное заведение с высочайшей репутацией, символ прогрессивных идей преподавательского состава, место академического роста, где Ж. де Ромийи преподавала в течение 14 лет. Стимулом для её научных поисков стал вдохновляющий образ (*un regain d'énergie spirituelle*) философа Анри Бергсона (Henri Bergson, 1859—1941, кресло № 7), чей барельеф был изображен рядом с кафедрой, с которой читались лекции (*Cette salle est décorée, sur le côté, près de la chaire, d'un grand médaillon à l'effigie d'Henri Bergson*). Оратор воздает должное (*ma reconnaissance*) своим наставникам (Этьен Вольф и Морис Шуман), внесшим бесценный вклад в её становление как ученого (*Bergson a donc protégé en un sens mon enseignement — en partie grâce à M. Étienne Wolff: entre lui et M. Maurice Schumann, je suis entourée ici de deux parrains envers qui ma reconnaissance est ancienne*). Фактор паратопии важен при упоминании в речи *Академии надписей и изящной словесности* (l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres), места научных исследований Ж. де Ромийи по древнегреческой литературе. Так лингвистическими средствами оратором вырисовывается система координат статусных отношений, когда успешная академическая карьера связана с научными учреждениями и именами ученых с высокой репутацией [Чернявская, 2019, с. 941].

Ж. де Ромийи выражает обеспокоенность судьбой литературы, французского и древних языков в силу недостаточного внимания и сокращения часов на программы по их преподаванию. Используя лексему *danger,* отсылающей к концепту ОПАСНОСТЬ, отражающему признак опасности, объект опасности, последствия опасности [Краснянская и др., 2021], оратор повышает экспрессивность речи, одновременно маркируя её риторическими вопросами и восклицательными предложениями (*L'attention lucide aux structures grammaticales ne s'acquiert-elle pas plus sûrement au contact des langues anciennes, où tout peut se raisonner? Mais la langue française n'est pas seule en cause, ni les études classiques seules en* ***danger****. Est-ce la griserie du progrès scientifique ? Est-ce l'urgence d'obtenir, dans un monde difficile, un gain immédiat?)*, являющимися эффективными средствами выражения непрямого диалога с адресатом [Викулова и др., 2023].

Как знаток древнегреческого языка, Ж. Де Ромийи обращается к слову *philanthrôpia*, которое переводит для современной академической аудитории, подбирая нужную лексическую единицу в ряду контекстуальных синонимов: *...**traduisons**: la bienveillance, l'amitié pour les êtres humains, la gentillesse* / человеколюбие, дружелюбие, доброжелательность. При этом

налицо стремление провести связующую нить между древнегреческим автором Менандром (др.-греч. Μένανδρος, 343—292 гг. до н. э.), ярким представителем нового комедийного жанра своей эпохи, мастером бытоописательной драмы, ориентированной на интересы частной жизни, наполненной любовью к человеку [Менандр, 1936, с. VII], и Андре Руссеном, в произведениях которого смешное становилось таковым по причине характера героя или его окружения, а не по злому умыслу.

Греческое слово *philanthrôpia*, по интенции оратора, композиционно открывает текстовое пространство об эллинизме через музыкальную метафору (***cet accord grec*** *en manière de* ***prélude***) и очерчивает перспективу размышлений (*pour* ***aborder mon propos****, dans cette perspective*) о вечных радостях комедии, её интересе к личности в реальной жизни. Отмечается, что именно Менандр и его «новая комедия» стали прелюдией к практике создания индивидуализированных образов и характеров персонажей.

3.2. Прагматический аспект реализации метаязыкового комментария

Текст речи начинается и заканчивается именем Андре Руссена (*André Roussin*), ограничивающим форму текста, но не его содержательное наполнение, ведущее адресата к темам, осмысляемым Ж. де Ромийи в связи с творчеством своего предшественника: *les études littéraires en danger, Ménandre et la philanthrôpia de ses comédies, la naissance d'une vocation chez André Roussin, André Roussin — acteur et auteur, un sentiment d'amour et de respect pour un texte littéraire.*

Оратор опасается возможного недоверия или усмешки со стороны слушателей (*ils ont même pu* ***s'amuser*** *à l'idée que tout mon grec, pour cette fois, ne me servirait de rien*) по причине, как это могло бы показаться, соединения несопоставимых явлений (*Certains ont pu penser,* ***peut-être,*** *qu'entre lui et l'helléniste, il n'y aurait aucun lien*): с одной стороны, греческой культуры, литературы, языка, с другой — актерской карьеры, комедийных текстов А. Руссена. Наличие обратной связи с аудиторией для успешной реализации авторского коммуникативного замысла видится принципиально важным для Ж. де Ромийи. Отсюда закономерны обращения *Messieurs*, побудительные конструкции в повелительном наклонении *croyez, croyez-moi, ne songez pas à,* встречающиеся на протяжении всего текста.

В языковом оформлении текста речи наблюдается жанровая гибридизация, пересечение разножанровых текстов [Чернявская и др., 2025, с. 80], что объясняется не столько их схожими характеристиками, сколько отличиями [Соколова, 2020, с. 53]. Сближение различных по жанру текстов оказывается возможным при репрезентации ими схожих смыслов [Колмогорова и др., 2023, с. 81]. Так, в тексте речи проявляются признаки жанра личного

CC BY

дневника с его автоадресатностью, когда А. Руссен от первого лица пишет о своей актерской и писательской карьере, а Ж. де Ромийии прибегает к его прямому цитированию. Одновременно оратор вводит элементы рецензии на созданные А. Руссеном театральные пьесы, анализируя и оценивания их содержание. Обращение к его жизненному пути характеризует жанр биографии, однако в пространстве институционального дискурса Французской академии биографическое описание трансформируется в восхваление и, как следствие, идеализацию предшественника, занимавшего до неё кресло № 7.

Соединяя разноплановые жанры, Ж. де Ромийи выстраивает аксиологическую траекторию рассуждения о литературном тексте как о ценности, о том, что значимо для человека или целого сообщества, для которого ценность нагружена культурными смыслами [Лингвистика и аксиология ..., 2011, с. 28]. Авторский замысел разворачивается через рефлексию, размышление о собственном творческом пути и достижениях, что можно рассматривать как своеобразный затекст [Феномен затекста ..., 2022, с. 13, 38]. В то же время автор фиксирует свое внимание на самом создаваемом тексте, прибегая к комментариям употребляемых слов и выражений, разъясняя их значение, вводя дополнительную информацию, заполняя возможные концептуальные лакуны адресата.

Активная авторская рефлексия оформляется через частотное употребление личного местоимения, притяжательного прилагательного, предглагольного местоимения-дополнения 1-го лица единственного числа, а также ментальных глаголов (*je pense, il m'est si précieux de penser, je ne le nie pas, et je voulais aussi, je me réjouis, J'aime donc, à mes yeux, j'ai tenté de définir).*

Для Ж. де Ромийи ключевым словом при описании А. Руссена как личности становится именно «доброжелательность» (***ce mot de gentillesse***), по поводу которой последний, однако, высказывал беспокойство, находя в нем нечто «опекающее, снисходительное» (*ce que **le mot «gentil»** pouvait avoir de protecteur et de légèrement méprisant*). Оратор выражает противоположное отношение к употребленному слову *gentillesse*, оформляя в данном случае аксиологическое высказывание, интерпретируя сказанное А. Руссеном как неправильное, неистинное, с чем она не может согласиться (*Pour moi, il **exprime au contraire un éloge sans réserve***).

Ожидая поддержки со стороны академической аудитории, Ж. де Ромийи делает акцент на лаудативной семантике слова ***gentillesse***, одновременно ассоциируя его с внимательностью, пониманием, выделяя сему *complaisance attentive, aimable, bonté* [Dictionnaire électronique Larousse]. Это слово очаровывает и удивляет, означает безусловную похвалу (***il exprime au contraire** un éloge sans réserve. C'est un mot qui rayonne. Associée à l'intelligence, la gentillesse étonne et charme*). По словам коллег и друзей,

CC BY

с которыми Ж. де Ромийи солидарна, другое слово, которое смогло бы описать и, если это возможно (поскольку такое слово обнаружить непросто), определить личность А. Руссена (***définir*** *l'indéfinissable*) наилучшим образом, — это слово *merveilleux* (замечательный).

С помощью метаязыкового комментария Ж. де Ромийи разграничивает значения многозначного слова в случае актуализации контекстом близких значений, осложняющих понимание целого, как, например, в отношении употребления лексемы *les lettres*, которую предлагается трактовать в широком смысле слова (*au sens large du terme*), а именно 'писательская деятельность А. Руссена, связанная с его активной работой над разножанровыми текстами, публичными речами после 1970 года' (*les livres, les articles, les conférences prenaient le pas sur les comédies*). Оратор решает не перечислять все типы изданий, жанры (среди которых есть даже басни), поскольку их количество действительно впечатляет. К тому же многие тексты не были опубликованы (*Je* ***n'énumérerai pas*** *tous ces traits: livres sur le théâtre, recueils de conférences, souvenirs personnels, <…> une masse de textes inédits. Et l'on a de petites surprises, comme de voir émerger des fables*).

Интенсивность оценки используемого Ж. де Ромийи слова может возрастать при очевидной разнице в восприятии явлений. Оратор называет детские порывы Андре изобразить в комичном свете своих близких, придумать о них шутку рождением театрального **призвания** (*la naissance* ***d'une vocation***). Вместе с тем поясняется, что слово *vocation* могло бы сильно смутить, поразить (*Le mot, peut-être,* ***l'eût choqué***) А. Руссена, поскольку, как он сам говорит, в его семье не было циркачей-комедиантов, а в 3—4 года предрасположенности к театру он не демонстрировал.

Необходимо отметить, что в тексте речи Ж. де Ромийи оформляет некоторые слова в кавычки, которые несут, как графический знак, дополнительную смысловую нагрузку, являясь маркером языковой рефлексии адресанта [Вепрева, 2025, с. 110]. При этом в самом тексте оратор не комментирует использование кавычек, поскольку уверен, что адресат понимает семантическую деривацию, воспринимает транслируемую иронию. В частности, Ж. де Ромийи проявляет языковую креативность, когда оформляет в мужском роде, в кавычках и в неожиданном контексте выражение *les précieux ridicules*, проводя таким способом аналогии с героинями комедии «Смешные жеманницы» (*Les précieuses ridicules*) Ж.-Б. Мольера, увлекавшимися модой на заумность, вычурность речи и поведения в ущерб здравому смыслу. Оратор называет *les précieux ridicules* (смешные жеманники, кривляки) авторов, а также актеров современных театральных пьес, которых А. Руссен подвергал прямой критике за их чрезмерную интеллектуальность и политизированность, за неудачный модернизм. Так,

CC BY

элогиум неотделим от порицания, как модель от антимодели, становясь более убедительным через воплощение новой модели *d'une exemplarité repensée* [Régent-Susini, 2018, p. 11].

Ж. де Ромийи прибегает к метаконструкциям для облегчения понимания явления непреходящего успеха руссеновских комедий, его истоков, например, *que* ***j'évoquais tout à l'heure*** (о котором я **только что говорила**), *il nous* ***faut remonter plus haut*** (слушателю необходимо **вернуться** к **началу (детству)** А. Руссена, когда его любимым занятием было наблюдать за окружающими людьми и отмечать для себя детали их поведения). Оратор дважды пытается (***j'ai tenté de définir***) объяснить выражение *le comique double*, когда при чтении пьес А. Руссена смешно вдвойне благодаря искусному выстраиванию сюжетной линии и откровенной демонстрации человеческой натуры.

Внутри смысловых частей текста речи оратор комментирует написанные А. Руссеном книги, первая из которых (*Le premier*), опубликованная в 1953 году, вторая (*le second*) и, наконец (*enfin*), третья от 1983 года повествуют о пути к успеху до момента его избрания во Французскую академию. Ж. де Ромийи считает важным пояснить названия первых двух книг: *Patience et impatiences* — с употреблением *patience в* единственном числе в значении абстрактного понятия 'долготерпение' и *impatiences* — во множественном числе, указывая на перипетии творческого пути. Третий заголовок *Un contentement raisonnable* заимствован А. Руссеном у Жана Шаплена (Jean Chapelain, 1595—1674), поэта и литературного критика, первого академика, изначально занимавшего кресло № 7.

В одной из последних комедий А. Руссена «La petite chatte est morte» Ж. де Ромийи открывает для себя блестящий, с точки зрения филолога, анализ текста, где уточняются значения слов, сравнивается, комментируется проявляющийся по контексту смысл. Любовь и уважение к тексту, транслируемые в пьесе, воплощают собой незыблемую институциональную ценность (текст — *un trésor pour toujours*), разделяемую всеми членами академического сообщества.

Литературный текст как объект и предмет профессиональных исследований Ж. де Ромийи является для неё личностно значимым концептом, обнаруживающим многочисленные смысловые приращения из концептуальных областей-источников *l'enseignement littéraire* (филологическое образование), *la langue française* (французский язык), *la littérature* (литература), *les humanités* (греческий и латинский языки и литература). Оратор формулирует индивидуальные концептуальные признаки феномена текста, содержащие ценностные компоненты: формирование способности к размышлению, проникновение в мечтания человека со времен начала за-

падной цивилизации, источник силы для будущего (*la formation de l'esprit, aptitude au raisonnement, des rêves des hommes de tous les temps, de ceux de l'origine de la civilisation occidentale, source des forces pour l'avenir*). Совсем неслучайно Ж. де Ромийи прилагает усилия (*je* ***tente de****…*) к тому, чтобы охватить по возможности все литературное творчество А. Руссена, упоминая его книги о театре (*Patience et impatiences, Un contentement raisonnable, Lettre sur le théâtre d'aujourd'hui* и др.), комедийные пьесы (*Am-Stram-Gram, La Mamma, Bobosse, L'Étranger au théâtre, Nina* и др.), статьи, сборники конференций, басни, монологи *Faut pas rater Van Gogh*, составляющие около 26 текстов с уточнением факта их перевода на все европейские языки, включая эсперанто.

4. Заключение = Conclusions

Вступительная приветственная речь (discours de réception) Ж. де Ромийи традиционно маркирует принадлежность исследуемого текста институциональному дискурсу Французской академии в соответствии со статусом автора, а также сплачивает научное сообщество для стабилизации и укрепления академического аксиологического пространства. Согласно принятому для такой ситуации канону, автор создает мелиоративный образ предшественника, анализируя факторы становления его академической репутации. Оратор выстраивает дискурсивную проекцию формирования идентичности А. Руссена, обозначая знаменательные вехи его биографии и литературного творчества, подчеркивая неразрывную связь современности с античными текстами.

В ходе исследования были выявлены метатекстовые конструкции, метаязыковые высказывания Ж. де Ромийи, комментирующие употребляемые выражения о литературе, языке, жизненном и творческом пути А. Руссена. Текст и дискурс естественным образом проявляют метаязыковую рефлексию говорящего субъекта, отталкивающегося от прошлого и устремляющегося в будущее в пространстве смыслов.

Высказываясь о символизме своего избрания во Французскую академию (*Votre vote me touche même d'autant plus qu'il prend ainsi* ***à mes yeux une valeur symbolique***), Ж. де Ромийи видит свою миссию в продвижении знания, хранилищем которого являются тексты, уходящие своей историей в далекое прошлое. Оратор позиционирует себя в роли связующего звена между древнегреческими и современными текстами, а историческая ретроспектива символически высвечивает ценности академического учреждения [Чернявская, 2019], ключевой из которых полагается текст.

Литературный текст составляет, согласно Ж. де Ромийи, основу познания, обязательный элемент академической деятельности, интегриро-

CC BY

ванный в саму нарративную сущность Французской академии, стоящей веками на фундаменте текстов. Ассоциируя *текст* с богатством, с тем, что представляет собой неизменную, непреходящую ценность (*un trésor pour toujours*), оратор оказывает дополнительное оценочное и эмоциональное воздействие на слушателя, являющегося с ней солидарным в отношении актуализируемого идеологического кода.

Ж. де Ромийи подчеркивает важность преподавания литературы и языка, которые являются смыслопорождающими, как все гуманитарные науки, проявляющие человеческий духовный опыт. Мир — это пространство текстов со своими семантическими составляющими, которые задаются смыслами [Тульчинский, 2019, с. 232].

Языковая рефлексия демонстрирует мотивацию Ж. де Ромийи в выборе лексических единиц при учете экстралингвистического контекста, её попытки (частотное употребление *je tente de…*) осмыслить новый опыт, выводя новое знание. Отметим, что метаязыковые высказывания Ж. де Ромийи соотносятся с теми языковыми единицами, которые являются для неё концептуально важными, вызывающими когнитивное напряжение: *la langue française, la littérature française, langue grecque, les études littéraires, la culture littéraire, un texte littéraire*.

Рефлексивы непременно учитывают фактор адресата, для которого автор адаптирует слово или выражение с целью их гарантированного адекватного понимания. Так, в случае употребления слова *philanthrôpia*, требующего перевода и поиска подходящего эквивалента на французском языке, Ж. де Ромийи оценивает свои усилия в попытке не только точно охарактеризовать произведения Менандра, но и связать подобранный эквивалент перевода с творчеством А. Руссена. Однако для сравнения современных драматургов с героинями комедии Ж.-Б. Мольера «Les précieuses ridicules» Ж. де Ромийи выбирает оценочное *les précieux ridicules* без дополнительного комментирования, уточнив только, что приводит данное выражение в форме мужского рода, будучи уверенной в его последующей правильной интерпретации в современных условиях благодаря общности фоновых знаний с адресатом.

Посредством языковой рефлексии Ж. де Ромийи наблюдает за своей мыслительной деятельностью, сопоставляя личные положительные и негативные оценки, уточнения с суждениями других субъектов коммуникации. Индивидуальная семантизация рефлексивов отображает прагматическую составляющую авторской интенции, выражающуюся в продвижении идеологических кодов Французской академии. Исследуемая вступительная приветственная речь отражает максимальную вписанность Ж. де Ромийи в существующие социокультурные координаты академической среды и исторический институционализм.

CC BY

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Литература

1. *Вежбицка А.* Метатекст в тексте / А. Вежбицка // Новое в зарубежной лингвистике. — Москва : Прогресс, 1978. — Выпуск 8. — С. 402—421.

2. *Вепрева И. Т.* Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху / И. Т. Вепрева. — Екатеринбург : Урал. ун-та, 2002. — 380 с. — ISBN 5-7584-0094-7.

3. *Вепрева И. Т.* «Я поставил эти огромные ядовитые кавычки потому, что...» : новое в метаязыковом сопровождении пунктуационного знака / И. Т. Вепрева // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. — 2025. — № 1. — С. 109—118. — DOI: 10.31912/pvrli-2025.1.9.

4. *Викулова Л. Г.* Дама со шпагой во Французской Академии / Л. Г. Викулова, О. И. Короленко // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. — 2020. — Т. 17. — № 1. — С. 159—164. — DOI: 10.31079/1992-2868-2020-17-1-159-164.

5. *Викулова Л. Г.* Дискурс самопрезентации в академическом коммуникативном пространстве / Л. Г. Викулова, О. И. Короленко, Ю. Г. Ткаченко // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 10. — С. 9—27. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-9-27.

6. *Герасимова С. А.* Становление научной идентичности Ж. Л. Д'Аламбера и его вклад в развитие литературных жанров XVIII века / С. А. Герасимова // Филология: научные исследования. — 2022. — № 8. — С. 19—32. — DOI: 10.7256/2454-0749.2022.8.38171.

7. *Григорьева В. С.* Дискурс как элемент коммуникативного процесса : прагмалингвистический и когнитивный аспекты : монография / В. С. Григорьева. — Тамбов : Тамб. гос. техн. ун-т, 2007. — 288 с. — ISBN 5-8265-0609-1.

8. *Канафьева А. В.* Структурно-семантическая организация риторических высказываний в речевом акте субъективного размышления / А. В. Канафьева // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации : сборник научных трудов по итогам Международной научной конференции, посвящённой памяти доктора филологических наук, профессора К. А. Войловой, Москва, 27 февраля 2020 года. — Москва : Диона, 2020. — С. 137—143.

9. *Карасик В. И.* Благодарность : концепт и жанр / В. И. Карасик // Жанры речи. — 2011. — № 7. — С. 235—253.

10. *Карасик В. И.* Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград : Перемена, 2002. — 477 с. — ISBN 5-88234-552-2.

11. *Колмогорова А. В.* Жанр речи в динамике дискурса / А. В. Колмогорова, А. В. Козачина // Terra Linguistica. — 2023. — Т. 14. — № 4. — С. 79—94. — DOI: 10.18721/JHSS.14406.

12. *Котцова Е. Е.* Агнонимы как объект языковой рефлексии в текстах современной периодики / Е. Е. Котцова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия : Гуманитарные и социальные науки. — 2019. — № 4. — С. 82—90. — DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.4.82.

13. *Кравченко М. А.* Рефлексивы с семантикой оценки в пространстве художественного текста / М. А. Кравченко // Верхневолжский филологический вестник. — 2023. — № 1 (32). — С. 103—111. — DOI: 10.20323/2499_9679_2023_1_32_103.

14. *Кравченко М. А.* Метаязыковая рефлексия в художественном тексте : от объекта рефлексии к типологии рефлексивов / М. А. Кравченко // СибСкрипт. — 2025. — Т. 27. — № 1. — С. 85—96. — DOI: 10.7256/2454-0749.2025.8.75007.

15. *Кравченко М. А.* Свойства естественного неспециализированного метаязыка / М. А. Кравченко // Вестник Тверского государственного университета. Серия : Филология. — 2024. — № 3 (82). — С. 88—98.

16. *Краснянская Т. М.* Психолингвистические особенности функционирования концептов «угроза» и «опасность» в русском и французском языковом сознании / Т. М. Краснянская, В. Г. Тылец // Вопросы психолингвистики. — 2021. — № 4 (50). — С. 56—77. — DOI: 10.30982/2077-5911-2021-50-4-56-77.

17. *Лингвистика* и аксиология : этносемиометрия ценностных смыслов : коллективная монография / Е. Ф. Серебренникова, Н. П. Антипьев, Ю. А. Ладыгин. — Москва : ТЕЗАУРУС, 2011. — 352 с. — ISBN 978-5-98421-117-8.

18. *Менандр.* Комедии / Менандр. — Москва — Ленинград : Academia, 1936. — 197 с.

19. *Райскина В. А.* Семиотические элементы как фактор паратопии рефлексивного дискурса / В. А. Райскина // Вестник МГПУ. Серия : «Филология. Теория языка. Языковое образование». — 2023. — № 1 (49). — С. 96—110. — DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.08.

20. *Соколова О. В.* Гибридные тексты как форма взаимодействия авангардного художественного и политического дискурсов / О. В. Соколова // Слово.ру : балтийский акцент. — 2020. — Т. 11. — № 1. — С. 50—86.

21. *Тульчинский Г. Л.* Тело свободы : ответственность и воплощение смысла. Философско-семиотический анализ / Г. Л. Тульчинский. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2019. — 470 с. — ISBN 978-5-907189-50-8.

22. *Феномен* затекста = The Phenomenon of Aftertext : монография / Т. А. Снигирева, А. В. Подчиненов, О. А. Михайлова [и др.]. — Екатеринбург : Урал. ун-т, 2022. — 528 с. — ISBN 978-5-7996-3277-9.

23. *Чернявская В. Е.* Гибридизация жанра в персуазивной коммуникации / В. Е. Чернявская, Н. Э. Горшкова // Слово.ру : балтийский акцент. — 2025. — Т. 16. — № 1. — С. 74—89. — DOI: 10.5922/2225-5346-2025-1-5.

24. *Чернявская В. Е.* Дискурсивный анализ репутации университета : выдвижение прошлого в актуальной практике / В. Е. Чернявская // Коммуникативные исследования. — 2019. — Т. 6. — № 4. — С. 940—958. — DOI: 10.24147/2413-6182.2019.6(4).940-958.

25. *Чернявская В. Е.* Коммуникация в науке : нормативное и девиантное. Лингвистический и социокультурный анализ / В. Е. Чернявская. — Москва : Либроком, 2011. — 240 с. — ISBN 978-5-397-02035-0.

26. *Якобсон Р.* Избранные работы / Р. Якобсон ; сост. и общ. ред. В. А. Звегинцева, предисл. Вяч. Вс. Иванова. — Москва : Прогресс, 1985. — 460 с.

27. *Charaudeau P.* Une problématique des genres. De la situation à la construction textuelle / P. Charaudeau. — Paris : Vuibert, 1999. — 25 p.

28. *Dictionnaire* électronique Larousse [Electronic resource]. — Access mode : https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/gentillesse/36621 (accessed 31.07.2025).

29. *Dubois J.* Code, texte, métatexte / J. Dubois // Littérature. — 1973. — № 12. — Pp. 3—11.

30. *Genette G.* Palimpsestes. La littérature au second degré / G. Genette. — Paris : Éditions du Seuil, 1982. — 652 p.

31. *Maingueneau D.* Le contexte de l'oeuvre litteraire. Enonciation, ecrivain, societe / D. Maingueneau. — Paris : Dunod, 1993. — 196 p.

32. *Maingueneau D.* Discours et analyse du discours / D. Maingueneau. — 2e éd. — Paris : Armand Colin, 2021. — 224 p.

33. *Régent-Susini A.* L'éloge : quoi de neuf ? [Electronic resource] // Exercices de rhétorique. — 2018. — Vol. 11. — Access mode : https://journals.openedition.org/rhetorique/613#quotation (accessed 31.07.2025).

34. *Zheltukhina. M. R.* Identity as an element of human and language universes : axiological aspect / M. R. Zheltukhina, L. G. Vikulova, E. F. Serebrennikova // International Journal of Environmental and Science Education. — 2016. — Vol. 11. — № 17. — Pp. 10413—10422.

Статья поступила в редакцию 26.09.2025,
одобрена после рецензирования 05.11.2025,
подготовлена к публикации 31.01.2026.

References

Charaudeau, P. (1999). *Une problématique des genres. De la situation à la construction textuelle.* Paris: Vuibert. 25 p. (In French).

Chernyavskaya, V. E. (2011). *Communication in science: normative and deviant. Linguistic and sociocultural analysis.* Moscow: Librocom. 240 p. ISBN 978-5-397-02035-0. (In Russ.).

Chernyavskaya, V. E. (2019). Discursive analysis of the university's reputation: putting forward the past in current practice. *Communicative research, 6 (4):* 940—958. DOI: 10.24147/2413-6182.2019.6(4). (In Russ.).

Chernyavskaya, V. E., Gorshkova, N. V. (2025). Hybridization of genre in invasive communication. *Word.<url>: Baltic accent, 16 (1):* 74—89. DOI: 10.5922/2225-5346-2025-1-5. (In Russ.).

Dictionnaire électronique Larousse. Available at: https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/gentillesse/36621 (accessed 31.07.2025). (In French).

Dubois, J. (1973). Code, texte, métatexte. *Littérature, 12:* 3—11. (In French).

Genette, G. (1982). *Palimpsestes. La littérature au second degré.* Paris: Éditions du Seuil. 652 p. (In French).

Gerasimova, S. A. (2022). The formation of the scientific identity of J. L. D'Alembert and his contribution to the development of literary genres of the XVIII century. *Philology: scientific research, 8:* 19—32. DOI: 10.7256/2454-0749.2022.8.38171. (In Russ.).

Grigoryeva, V. S. (2007). *Discourse as an element of the communicative process: pragmalinguistic and cognitive aspects: monograph.* Tambov: Tambov State Technical University. Univ. 288 p. ISBN 5-8265-0609-1. (In Russ.).

Kanafyeva, A. V. (2020). Structural and semantic organization of rhetorical statements in the speech act of subjective reflection. In: *Russian language in Slavic intercultural communication: a collection of scientific papers following the results of the International Scientific Conference dedicated to the memory of Doctor of Philology, Professor K. A. Voilova, Moscow, February 27, 2020.* Moscow: Diona. 137—143. (In Russ.).

Karasik, V. I. (2002). *Language circle: personality, concepts, discourse.* Volgograd: Peremena Publ. 477 p. ISBN 5-88234-552-2. (In Russ.).

Karasik, V. I. (2011). Gratitude: concept and genre. *Genres of speech, 7:* 235—253. (In Russ.).

Kolmogorova, A. V., Kozachina, A. V. (2023). The genre of speech in the dynamics of discourse. *Terra Linguistica, 14 (4):* 79—94. DOI: 10.18721/JHSS.14406. (In Russ.).

Kottsova, E. E. (2019). Agnonyms as an object of linguistic reflection in modern texts periodicals. *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences, 4:* 82—90. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.4.82. (In Russ.).

Krasnyanskaya, T. M., Tylets, V. G. (2021). Psycholinguistic features of the functioning of the concepts "threat" and "danger" in the Russian and French linguistic consciousness. *Questions of psycholinguistics, 4 (50):* 56—77. DOI: 10.30982/2077-5911-2021-50-4-56-77. (In Russ.).

Kravchenko, M. A. (2023). Reflexives with semantics of evaluation in the space of a literary text. *Upper Volga Philological Bulletin, 1 (32):* 103—111. DOI: 10.20323/2499_9679_2023_1_32_103. (In Russ.).

Kravchenko, M. A. (2024). Properties of a natural non-specialized metalanguage. *Bulletin of Tver State University. Series: Philology, 3 (82):* 88—98. (In Russ.).

Kravchenko, M. A. (2025). Metalanguage reflection in a literary text: from the object of reflection to the typology of reflexives. *SibScript, 27 (1):* 85—96. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.8.75007. (In Russ.).

Maingueneau, D. (1993). *Le contexte de l'oeuvre litteraire. Enonciation, ecrivain, societe.* Paris: Dunod. 196 p. (In French).

Maingueneau, D. (2021). *Discours et analyse du discours. 2e éd.* Paris: Armand Colin. 224 p. (In French).

Menander. (1936). *Comedies.* Moscow — Leningrad: Academia. 197 p. (In Russ.).

Rayskina, V. A. (2023). Semiotic elements as a factor of paratopy of reflexive discourse. *Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series: "Philology. Theory of language. Language education", 1 (49):* 96—110. DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.08. (In Russ.).

Régent-Susini, A. (2018). L'éloge: quoi de neuf? *Exercices de rhétorique, 11.* Available at: https://journals.openedition.org/rhetorique/613#quotation (accessed 31.07.2025). (In French).

Serebrennikova, E. F., Antipyev, N. P., Ladygin, Yu. A. (2011). *Linguistics and axiology: ethnosemiometry of value meanings: a collective monograph.* Moscow: THESAURUS. 352 p. ISBN 978-5-98421-117-8. (In Russ.).

Sokolova, O. V. (2020). Hybrid texts as a form of interaction between avant-garde artistic and political discourses. *Slovo.ru: Baltic accent, 11 (1):* 50—86. (In Russ.).

The phenomenon of Aftertext = The Phenomenon of Aftertext: a monograph. (2022). Yekaterinburg: Ural. Univ. 528 p. ISBN 978-5-7996-3277-9. (In Russ.).

Tulchinsky, G. L. (2019). *The body of freedom: responsibility and the embodiment of meaning. Philosophical and semiotic analysis.* St. Petersburg: Alethea. 470 p. ISBN 978-5-907189-50-8. (In Russ.).

Vepreva, I. T. (2002). *Linguistic reflection in the post-Soviet era.* Yekaterinburg: Ural. University. 380 p. ISBN 5-7584-0094-7. (In Russ.).

Vepreva, I. T. (2025). "I put these huge poisonous quotation marks because...": new in metalanguage punctuation. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Institute of the Russian Language, 1:* 109—118. DOI: 10.31912/pvrli-2025.1.9. (In Russ.).

Vezhbitska, A. (1978). Metatext in the text. In: *New in foreign linguistics, 8.* Moscow: Progress Publ. 402—421. (In Russ.).

Vikulova, L. G., Korolenko, O. I. (2020). The lady with the sword at the French Academy. *Social sciences and Humanities in the Far East, 7 (1):* 159—164. DOI: 10.31079/1992-2868-2020-17-1-159-164. (In Russ.).

Vikulova, L. G., Korolenko, O. I., Tkachenko, Yu. G. (2024). Discourse of Self-Presentation in Academic Communicative Space. *Nauchnyi dialog, 13 (10):* 9—27. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-10-9-27. (In Russ.).

Yakobson, R. (1985). *Selected works.* Moscow: Progress Publ. 460 p. (In Russ.).

Zheltukhina, M. R., Vikulova, K. G., Serebrennikova, E. F. (2016). Identity as an element of human and language universes: axiological aspect. *International Journal of Environmental and Science Education, 11 (17):* 10413—10422. (In French).

The article was submitted 26.09.2025;
approved after reviewing 05.11.2025;
accepted for publication 31.01.2026.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]
Check for updates

Информация для цитирования:

Голев Н. Д. Функтив: расширение понятия (на материале переходных лексем, словоформ и их квалификаций в теоретической морфологии русского языка) / Н. Д. Голев // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 2. — С. 28—48. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-28-48.

Golev, N. D. (2026). Functive: Expanding Concept (On Basis of Transitional Lexemes, Word Forms, and Their Classifications in Russian Theoretical Morphology). *Nauchnyi dialog, 15* (2): 28-48. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-28-48. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU · РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Функтив: расширение понятия (на материале переходных лексем, словоформ и их квалификаций в теоретической морфологии русского языка)

Голев Николай Данилович
orcid.org/0000-0002-0559-3007
доктор филологических наук,
профессор
кафедры русского языка и литературы
ngolevd@mail.ru

Кемеровский
государственный университет
(Кемерово, Россия)

Functive: Expanding Concept (On Basis of Transitional Lexemes, Word Forms, and Their Classifications in Russian Theoretical Morphology)

Nikolay D. Golev
orcid.org/0000-0002-0559-3007
Doctor of Philology, Professor,
Department of Russian Language
and Literature
ngolevd@mail.ru

Kemerovo State University
(Kemerovo, Russia)

© Голев Н. Д., 2026

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье анализируется содержание термина *функтив*, который употребляется в морфологической науке по отношению к отдельным единицам морфологической системы — лексемам и словоформам. Указано, что такие единицы выполняют функции, свойственные определенным частям речи, но не обладают в полной мере планом выражения, характерным для таких частей речи. Делается попытка укрупнить понятие «функтив», которое переносится автором с уровня отдельных единиц на уровень классов единиц. В этом аспекте рассматриваются «функтивные» части речи, анализируются слова категории состояния, связки, модальные слова, глагольные междометия. Анализируются проявления «функтивности» при квалификации таких крупных феноменов, как «нулевые знаки», фразеологизмы, составные лексемы, предложно-падежные формы, морфемная и словообразовательная структура слова, асемантические морфемы. Материалом исследования выступают переходные лексемы и словоформы современного русского языка и их частеречные квалификации в научной, учебной и справочной литературе. Основной метод исследования таких лексем, словоформ и их интерпретаций — логико-лингвистический анализ. Основной акцент ставится на анализе взаимоотношений функциоцентрического и системоцентрического подходов к единицам языка и их речевым реализациям. Делается вывод о высоком объяснительном потенциале понятия «функтив» не только в морфологии, но и в других разделах языкознания.

Ключевые слова:
функтив; функциоцентрический подход; составные лексемы; словоформы; морфемы; нулевые лексемы; словоформы; морфемы.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the content of the term "*functive*," which is used within morphological science to refer to specific units of the morphological system — lexemes and word forms. It highlights that these units perform functions characteristic of certain parts of speech but do not fully possess the expressional plan typical for such parts of speech. An attempt is made to broaden the concept of "functive" by transferring it from individual linguistic units to classes of units. In this regard, so-called "functive" parts of speech are analyzed, including words belonging to categories of state, copulas, modal words, and verbal interjections. Manifestations of "functicity" are explored when qualifying larger phenomena like zero signs, phraseologisms, compound lexemes, prepositional-case forms, morphemic structure, and asyntactic morphemes. The material studied consists of transitional lexemes and word forms of contemporary Russian language along with their part-of-speech classifications found in scientific, educational, and reference literature. The primary research method applied here is logical-linguistic analysis. Emphasis is placed on analyzing the relationship between function-centered and system-centered approaches towards linguistic units and their realizations in speech. The conclusion underscores the high explanatory potential of the notion of "functive" beyond morphology into other areas of linguistics.

Key words:
functive; functional-centric approach; composite lexemes; word forms; morphemes; zero lexemes; morphological structure.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 81:572+811.161.1-021.3+ 81-119+81’282.8
DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-28-48

Научная специальность ВАК
5.9.5. Русский язык. Языки народов России
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Функтив: расширение понятия (на материале переходных лексем, словоформ и их квалификаций в теоретической морфологии русского языка)

© Голев Н. Д., 2026

1. Введение = Introduction

Настоящая статья является развитием идеи функтива как единицы, выполняющей номинативные и / или синтаксические функции, свойственные той или иной речи, но не обретшие статуса лексемы как единицы лексической системы (=словарной единицы) и как единицы морфологической системы. Здесь считаем важным уточнить значение термина *лексема*. В лексикологии лексема — совокупность (инвариант?) лексико-семантическом вариантов, в морфологии — совокупность (инвариант?) словоформ [Современный русский язык ..., 1989, с. 381)] Нередко термину придается над-уровневый смысл, включающий его в парадигму «язык-речь» (см., например, [Ахманова, 1969, с. 214]: лексема названа там *лексической морфемой*). Высказывались предложения противопоставить «лексикологическую лексему» лексеме грамматической и — у́же — синтаксической (например, [Черемисина, 1972]). В статье реализуется морфологический смысл термина *лексема*.

Говоря о морфологическом статусе лексемы, мы имеем в виду то, что лексемы-функтивы не достигли статуса единицы определенной части речи как системного класса слов, формируемого общностью системных — парадигматических и синтагматических — отношений, или утратили такой статус. Говоря иными словами, в генетико-диахроническом плане функтивы не морфологизировались или не деморфологизировались в полной мере.

В предыдущих статьях автора по данной проблематике процессы и результаты морфологизации и деморфологизации в функтивах рассматривались в рамках отдельных единиц или их употреблений в определенных контекстах, в настоящей статье делается попытка укрупнения понятия «функтив», оно проецируется в область всей частереч-

CC BY

ной системы русского языка и далее — в область языковой системы в целом.

Здесь мы продолжаем заявленную в статье [Голев, 2025] логику обоснования понятия «функтив». В дополнение к приведенным в ней примерам и доводам добавим следующие.

1. Фраза с*оветское значит отличное* в обратном (через английский язык) машинном переводе на русский язык предстает как *советский значит отличный*. В словнике переводящей «машины» (Google-translate) нет существительных *советское* и *отличное*, есть только прилагательные *советский, отличный*, контекстуальное употребление этих прилагательных не субстантивирует их в морфологическом смысле, о чем говорит, в частности, изменение по роду.

Так же в мужском роде Google-translate по цепочке русск. — англ. — русск. переводит лексемы известного стихотворения З. Гиппиус «Все кругом». Авторы работ, посвященых анализу этого стихотворения, тоже воспринимают слова в поэтических строках З. Гиппиус как прилагательные, интерпретируют их как эпитеты: «Наглядным подтверждением нашей мысли может служить стихотворение “Все кругом”, где вся бездна антипатии Гиппиус передается с помощью градации выразительных эпитетов с предельной негативной оценочностью: *Страшное, грубое, липкое, грязное…*» [Панова, 2008, с. 100]. В обсуждаемом контексте значимо, что есенинское: «*Вот опять петухи кукарекнули в обсененную тишину. Предрассветное. Синее. Раннее. И летающих звезд благодать*» — Google-translate переводит, преобразуя *Предрассветное. Синее. Раннее* в набор форм женского рода: *Предрассветная. Синяя. Ранняя*. Полагаем, что такой перевод — результат влияния сущ. *тишина*. Согласование по роду показывает, что программа цифрового переводчика прочитывает выделенные лексемы как прилагательные, а не как существительные.

В семасиологическом смысле призначное значение в них находится в сложном симбиозе с предметным (субстанциональным) значением.

2. Местоимение *он* (*она*) в родительном падеже со значением принадлежности часто трактуется как несклоняемое притяжательное прилагательное (***его*** *книга*). Ср. к примеру, диалог:

— *Эта книга Маши или Пети*? ***Её*** или ***его***?

— ***Его***!

Здесь, на наш взгляд, нет оснований говорить об изменении частеречной принадлежности лексемы *он*, она остается местоимением-существительным (дейктическим субститутом существительного), выполняющим разные синтаксические функции.

CC BY

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Настоящая статья является продолжением предыдущих исследований автора по морфологической проблематике. Так, в статье [Голев, 2025] функтивы в металингвистическом аспекте анализировались как проявления функциоцентризма в отечественной морфологии — подхода, при котором квалификация частей речи основывалась в первую очередь и преимущественно на основе функциональных — номинативных и синтаксических — признаков. Таковы, например, квалификации прилагательных как существительных (субстантиватов) на основе выполнения ими синтаксической функции подлежащего, дополнения (или — в коммуникативном аспекте — темы).

В роли материала исследования в статье использовались различные единицы, такие как лексемы, словоформы, словосочетания, морфемы и сочетания морфем, которые иллюстрировали рассматриваемые явления в учебной и справочной литературе по современному русскому языку, и их интерпретации в названной литературе.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Далее в подразделе 3.1 представим результаты анализа в заданном аспекте отдельных блоков проблемы — системно не оформившихся («функтивных») частей речи: модальных слов, связок, слов категории состояния. В подразделе 3.2 изложим результаты анализа таких групп языковых единиц, как нулевые знаки, предложно-падежные формы, составные лексемы (наречия, союзы, предлоги, междометия), фразеологизмы.

3.1. «Функтивные» части речи

В истории отечественной морфологии имеется немало примеров, когда лишь на основании функциональных признаков не только квалифицировались отдельные лексемы переходного типа или группы лексем в пределах той или иной части речи, но и выделялись самостоятельные части речи или особые разряды внутри них, например, слова категории состояния, модальные слова, слова-связки, глагольные междометия; в этом ряду находятся разделение частиц и междометий, модальных слов, частиц и междометий, «слияние» и разведение междометий и звукоподражательных слов,

3.1.1. Модальные слова. Квалификация вводных слов (функциональный класс лексем) как особой части речи, восходящая к учению о частях речи В. В. Виноградова, — яркий пример акцентированного функционализма. Наличие особой функции — в традиционной теории частей речи недостаточный признак для вывода о завершившейся морфологизации того или иного класса слов, поэтому трактовка модальных слов как особой части речи не стала общепризнанной. Неопределенность морфологическо-

CC BY

го статуса модальных слов заставляет исследователей использовать при их идентификации описательные обороты: формирующийся семантико-синтаксический разряд слов; межчастеречный семантико-синтаксический разряд вводно-модальных слов и даже просто синтаксическая функция, которую могут выполнять разные части речи [Гусева, 2017, с. 110]. Так, обозревая научную литературу по даному вопросу, Л. Л. Буланин пишет: «Вводные слова рассматриваются как стоящие вне частей речи в монографии Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова <...>. В Грамматике-1970 <...> модальные слова также не выделяются как особая часть речи; они рассматриваются как существительные, прилагательные и глаголы с синтаксически обособившимся значением» [Буланин, 1975, с. 189]. В Грамматике-80 большинство из них относится к модальным частицам (в силу этого класс модальных частиц в ГР-80 заметно расширяется по количеству, семантическому и структурному разнообразию: *именно, так-таки, всего-навсего, давайте, и без того, знай себе, нет, да* (согласие), *вот еще, да и то, что за* и под [Русская грамматика, т. 1, с. 728—730]). В предлагаемой нами терминологии модальные слова в позиции вводных слов представляют собой вторичные частные функтивы перечисленных частей речи. *Это* ***может*** *пригодиться*: ***может*** — глагол; *Это,* ***может****, пригодится*: ***может*** — функтив глагола, то есть употребление глагола в нехарактерной для него синтаксической позиции вводного слова. Разумеется, в диахронической парадигме и отражающей ее синхронно-типологической парадигме лингвисты могут и должны фиксировать наличие элементов морфологизации и ее степень для разных случаев лексем, лексико-семантических вариантов и контекстуальных словоупотреблений. Так, словоформа *может* в функции вводного слова отдалилась от глагола в достаточно сильной степени (вышла из парадигм по времени, виду, лицу) и устойчиво употребляется как служебное слово. Ср. со словом *кажется*, которое в этой функции деморфологизировалось в значительно меньшей мере, ср.: *кажется*, его не было / *казалось*, его не было.

3.1.2. Связки. Идея выделения связок как самостоятельной части речи радикально функциоцентрична. Согласно определению, данному в энциклопедии «Русский язык», связка — это «служебное слово, **функцией** (выделено нами. — *Н. Г.*) которого является дополнительное указание на синтаксические отношения между главными членами двусоставного предложения» [Русский язык …, 1997, с. 450]; приводятся примеры *это, есть, суть*, застывшие и спрягаемые формы глаголов *являться, значить, означать, называться*, служебный глагол *быть*, а также союзные слова типа *будто.* Например, *квадрат* ***есть*** *прямоугольник*, *квадрат —* ***это*** *прямоугольник, каждая встреча* ***будто*** *праздник, платье* ***точно*** *новое*. В плане

CC BY

функционализма состав связок легко расширяется за счет «связочных образований» типа *это и есть, то же самое, что, не что иное как, это все равно, что* и т. п. Логично в этом плане включение в состав данной «части речи» нулевых связок: *Москва — столица нашей страны.*

Морфологизация связок как части речи не поддерживается системными признаками морфологической лексемы, которые можно было бы квалифицировать как обязательные, регулярные, стандартные или хотя бы приближающиеся к ним.

3.1.3. Слова категории состояния. Слова категории состояния (КС) как часть речи также выделяются на основе общности синтаксической функции (сказуемое безличного предложения) и номинативной функции (семантика состояния) (*надо*, *нельзя, можно, больно, весело. Его высочество сегодня было* ***весело —*** прилагательное (определение / признак к *высочество*), *Его высочеству сегодня стало вдруг* ***весело*** — слово категории состояния. Морфологические признаки слов КС отчетливо не сформировались; наличие категории времени, которое у ряда авторов квалицируется как морфологический признак, не отделяет слова категории состояния от других частей речи: *был веселым, был учителем* — свободные словосочетания в современном русском языке. Характеристике проблемной ситуации, связанной с квалификацией слов категории, в русистике посвящено немало работ [Щерба, 1974, с. 89—91; Виноградов, 1972, с. 319—335; Русский язык ..., 1997, с. 368—369 и др.]. На этом фоне делать еще один обзор нет необходимости.

Однако в сюжете, связанном с оценкой функциоцентрического подхода к частям речи, важно отметить фиксацию некоторых металингвистическх тенденций. Так, в словарной статье «Предикативы» для энциклопедии «Русский язык» (1997), посвященной словам категории состояния (безлично-предикативным словам, предикативным наречиям), В. А. Плотникова (Робинсон) отмечает некоторое ослабление функциоцентрической квалификации слов типа *надо, недосуг, жаль* и т. п. как отдельной части речи и сужение их состава в учебниках последнего времени; ср: «Термин “категория состояния” в 60—70-х годах 20-го века в грамматических трудах все чаще заменятся термином “предикативы”. В “Русской грамматике” (1980) и “Краткой русской грамматике” (1989) предикативы (слова категории состояния) в качестве самостоятельной части речи не рассматриваются» [Русский язык ..., 1997, с. 369]. Возможно, такие концептуальные изменения — свидетельство некоторого ослабления позиций функциоцентризма в морфологии и перехода на более морфологически сбалансированные квалификации слов-функтивов вообще и слов категории состояния в частности.

CC BY

В числе учебников с позитивными тенденциями В. А. Плотникова называет учебник под ред. В. А. Белошапковой (автор раздела «Морфология» — И. Г. Милославский). Вслед за В. Плотниковой оцениваем данный учебник как последовательно системоцентричный. Ср. мнение И. Г. Милославского: «Итак, задачи морфологии состоят в следующем. Во-первых, морфология должна определить принципы объединения словоформ в лексему. Во-вторых, она должна установить, какая часть значения словоформы является грамматической. В-третьих, морфология должна составить перечень и установить характер грамматических категорий, соотнести их с характеристиками отражаемой в языке действительности, определить набор формальных средств, участвующих в формировании грамматических категорий» [Современный русский язык ..., 2011, с. 453]. В данной морфологической концепции на первый план поставлено парадигматическое устройство морфологической системы, соответственно, актуализированы значимости, определяемые им, которые важнее отражательных (номинативных) значений.

В связи с таким подходом, в учебнике оставлен открытым вопрос о такой задаче, как «соотнесение грамматических категорий с отражаемой в языке действительностью». Тезис о том, что функция отражения не является непосредственной для морфологии, мы стремились обосновать ранее (см.: [Голев, 2024]). Заметим отсутствие среди задач морфологии, перечисленных И. Г. Милославским, классификации лексем по частям речи. Полагаем, что, по логике автора, частеречная квалификация лексем и словоформ должна строиться на основании названных признаков. Все сказанное нами выше согласуется с этим «морфологоцентрическим» тезисом.

В завершение раздела о словах категории состояния как части речи выскажем несколько соображений о перспективах морфологизации данной группы слов. По нашим наблюдениям, тенденция к морфологизации слов КС проявляется в русском языке не столько в плане частей речи, сколько в плане грамматических категорий. Считаем полезным рассмотреть вопрос о формировании в русском языке функционально-семантической категории (ФСК) состояния (статальности) в рамках концепции функциональной грамматики А. В. Бондарко (см., например, [Бондарко, 1967; Бондарко, 1984]). Мы видим реализацию этой тенденции в формировании в русском языке парадигматических и синтагматических оппозиций, отделяющих ФСК статальности от смежных ФСК. Они обнаруживаются на уровне внешней и внутренней валентности [Степанова, 1967; Степанова и др., 1978] слов КС. По М. Д. Степановой [1967], внешняя валентность слова как такового проявляется в речевом контексте, внутренняя валентность предполагает соединение составляющих слово элементов.

CC BY

В нашем случае внешняя валентность имеет морфологический смысл, связанный с падежными формами: ФСК статальности объединяется с ФСК безличности по «способности» управления словами КС дательным падежом слова-актанта субъектности (***мне*** *жаль,* ***ему*** *не спится,* ***тебе*** *улыбнулось,* ***ему*** *слышно,* ***ему*** *слышится*). В этом смысле ФСК «страдательности» (семантики страдательного залога) маркируется творительным падежом слова-актанта субъектности (*чины* ***людьми*** *даются*, *как утверждается* ***Петром***). В синтаксическом плане данная оппозиция проявляется в оппозиции личных и безличных предложений: «страдательные конструкции» представлены формально двусоставными личными предложениями; безличные и статальные конструкции — односоставными (безличными) предложениями. Границы между данными типами подвижны, скажем, конструкции типа *мне снится сон* (личное) и *мне снится, что…*(безличное) являются разными по синтаксической структуре, но малоразличимыми по семантике.

Внутренняя валентность обнаруживает себя в разном (двояком) «поведении» потсфикса *-ся*. Как носитель страдательного значения, он присоединяется к переходным глаголам, детранзитивируя их, как носитель безличного значения он присоединяется к непереходным глаголам. В первом случае постфикс *-ся* приближается к формообразующим аффиксам; И. Г. Милославский считает возможным квалифицировать их в этом случае как окончания [Современный русский язык ..., 1989, с. 481]. Говоря о внутренней валентности в плане формообразования, обратим внимание на то, что в безличных глаголах личные окончания утрачивают и номинативный, и синтагматический характер (в них «аннулируется» значение числа и лица). Окончание *-ет / -ит* в *смеркается*, *не спится* не маркирует семантику 3-лица, единственного числа и по сути является омонимом собственно личных окончаний.

Разумеется, отмеченные проявления морфологизации слов КС являются пока еще слабыми, во многом имплицитными. Сама идея ФСК статальности нуждается в системной теоретической и конкретно-исследовательской разработке.

3.2. Проявления функциоцентризма за пределами теории частей речи

Особенность подхода в настоящей статье мы связываем с более широким представлением феномена функтивности. Обратимся к примерам неоднозначности на других (неморфологических) уровнях языка.

3.2.1. Нулевые знаки как функтивы. Решение проблемы нулевого знака в морфологии и лингвистических дисциплинах, посвященных другим уровням и планам языка, — яркий пример реализации функциоцен-

CC BY

трического подхода в лингвистике. Признание реальности нулевого знака в значительной мере строится на принципе достаточности наличия у той или иной единицы определенной функции для квалификации ее как реально существующей единицы. Ср. традиционное определение нулевого знака как значимого отсутствия материальной формы его выражения: «В самом общем виде нулевой показатель грамматического значения рассматривается как особый способ его репрезентации, характеризующийся отсутствием звукового выражения» [Шарандин, 2023, с. 141]. Признание нулевых единиц как важных элементов лингвистического описании языковых систем создает немало проблем для лингвистов. В основном эти проблемы сводятся, во-первых, к доказательству наличия у нулевого знака определенного содержания и, во-вторых, к квалификации плана выражения, при которой нематериальность, отсутствие звуковой и / или графической компоненты в плане выражения нулевого знака не является доказательством его отсутствия. Начиная с классической работы Р. О. Якобсона [Якобсон, 1985] обоснование нулевого знака строится на включенности его в языковую систему, прежде всего — в ее парадигматический план. Иными словами, содержание нулевых знаков трактуется прежде всего как значимость (в духе Ф. де Соссюра). В содержательном аспекте нулевые знаки являются полноправными членами различных оппозиций, образующих системный план языка, и, как следствие этого, — нематериальность их выражения рассматривается как несущественный момент (ср.: [Попова, 2012]). Особо значимой мы считаем оппозицию «отсутствие значения и невыраженность значения». Например, лексема *мадам* имеет все падежные формы, представленные в системе русского языка (нулевая парадигма, нулевое склонение), а лексема *напополам* не имеет падежных форм, склонения и парадигмы.

Вопрос о материальности / реальности нулевого знака в плане выражения выходит на более высокий уровень лингвистической методологии, включаясь в философскую парадигму. Так, Л. А. Шарандин [Шарандин, 2023] опирается в этом вопросе на высказывания А. А. Кретова, который «сформулировал ответ на данный вопрос в виде «нулевого (пропедевтического) постулата»: не воспринимаемое не значит несуществующее» <…> мы привыкли верить своим органам чувств — настолько, что существующим считаем воспринимаемое» [Кретов, 2020, с. 10].

Системоцентрическая модель морфологии предполагает, что квалификация степеней морфологизированности функтивов, в том числе — определение места функтива в системе частей речи, должна определяться **парадигматическим** устройством морфологической системы, о чем было сказано выше, в разделе настоящей статьи «Слова категории состоянии».

CC BY

Мы считаем, что при акценте на системной природе морфологической классификации главной оппозицией становится «наличие — отсутствие определённого, характерного для данной части речи набора парадигмы». С этой точки зрения во фразе *Твое* ***ах*** *меня не трогает* лексема *ах* — функтив, междометие в субстантивной позиции, а во фразе *Твои* ахи, охи *меня не трогают* — существительные *ахи, охи* обладают высокой степенью субстантивированности, так как включены в парадигмы по числу и падежу и ослабленно — по роду. Во втором случае — нулевой способ словообразования, то есть *охи ахи* — производные лексемы. При этом важно отметить, что наличие / отсутствие парадигм непосредственно не связаны с материальностью выражения.

3.2.2. Предложно-падежные формы. Вопрос о предложно-падежных формах — один из наиболее принципиальных для функциональной грамматики. По сути, это вопрос о том, представляют ли сочетания предлога с существительным (числительным, местоимением) словоформы исходного знаменательного слова или это словосочетания — сочетание служебного и знаменательного слова? В РГ-80 используется термин *предложно-падежная форма имени*; подобные слова в п. 1156, 1157 трактуются как эквивалентные словоформы, ср.: «Как те, так и другие могут по-разному определять субъект, объект» [Русская грамматика, т. 1, с. 476]. В п. 166 говорится о «падеже с предлогом», который представляет собой целостную единицу значения: предлог вместе с падежной формой «образует такое единство, которое своим синтаксическим поведением в предложении и характером своего значения не отличается от беспредложного падежа» [Там же, с. 480]. Иными словами, *дом, дому, домам, домами, к дому, при доме, около дома, для дома* предлагается трактовать как разные словоформы лексемы дом. Ср.: «В таких сочетаниях, как, например, *без отца, за ограду, на дороге, перед домом, с друзьями* для современного языкового состояния значение падежной формы невозможно рассматривать вне ее сочетания с предлогом: на уровне синтаксической семантики предложно-падежная форма нечленима» [Там же, с. 712]. Продолжая логически этот ряд разного рода производными (по РГ — непервообразными) предлогами, мы получим весьма экстравагантные словоформы существительного: ***впереди*** *дома*, ***рядом с*** *домом*, ***за исключением*** *дома*, ***начиная с*** *дома* и т. п. Мы полагаем, что если значение падежной формы рассматривать не на уровне номинативной семантики, а на уровне синтагматического содержания, которое является ядерным для морфологических систем синтетического типа (см. обоснование этого тезиса в [Голев, 2024]), то трактовка предложно-падежных форм будет осуществляться как трактовка словосочетаний. Например, в высказываниях *Она прошла мимо* и *Она прошла мимо*

CC BY

него с точки зрения синтагматики глагол *идти (шла)* и лексема *мимо* (независимо от ее части речи) связаны примыканием, а связь *мимо него* — сильным управлением: предлог *мимо* содержит внутренний родительный падеж, детерминирующий соответствующую падежную форму зависящего от него существительного (местоимения, числительного). Однако факт управления и позиционно-синтаксический симбиоз (объединение наречия и существительного в функции обстоятельства места) создают факт сдвига в сторону предлога, не делают *мимо* «уже-предлогом». На наш взгляд, синтагматический сдвиг более существен для квалификации частеречной принадлежности лексемы.

Предлоги, выполняя своё грамматическое предназначение, легко объединяются с именами существительными, местоимениями и числительными, образуя широкоупотребительную единицу именования — предложно-падежную форму имени: *к другу, из-за дождя, через парк*. В них предлоги выполняют роль своеобразной препозитивной морфемы [Шахова, 2014].

Особую проблему составляют фразеологизированные предложно-падежные комплексы. О дискуссионной природе их лексического и грамматического статусов пишет Е. В. Генералова. Ср.: «С одной стороны, эти единицы функционируют как единое семантическое и фонетическое целое, то есть обнаруживают признаки слова. С другой стороны, эти единицы могут быть интерпретированы и как сочетания слов, но они обнаруживают в своем составе только одно полнозначное слово, т. е. не являются словосочетаниями в классическом смысле» [Генералова, 2021, с. 33].

3.2.3. Фразеологизмы. Отнесение фразеологизмов к лексике, а фразеологии к лексикологии — давняя традиция отечественной лингвистики, нашедшая устойчивое отражение в учебной и справочной литературе. Такое отнесение — яркое проявление функциоцентрической концепции языка. Фразеологизмы по функциональным признакам близки к лексическим единицам. Обычно называют такие признаки лексикализации: фразеологизмы типа *водить за нос, сломя голову, бить баклуши* воспринимаются как единое целое, они обладают собственным значением, отличным от значений составляющих их слов; отдельные элементы устойчивого оборота теряют свою самостоятельность и перестают употребляться самостоятельно вне контекста всего выражения. Традиционно утверждается, что фразеологические единицы представляют собой особый слой языковых знаков, функционирующих аналогично отдельным словам.

В ряде случаев фразеологические единицы «морфологизируются» лингвистами и трактуются как морфологические лексемы. Так, в учебниках по русской морфологии находим в составе наречий такие единицы, квалифицируемые в статусе лексемы, как *тихой сапой, средь бела дня, на*

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

всем скаку, ни при чем, ни за что, куда ни попадя, во что бы то ни стало. Прикладной выход проблемы квалификации статуса таких единиц обнаруживается в машинной обработке текста. Так, счетчик слов Word «находит», что оборот: *где наша не пропадала* содержит 4 слова, а оборот *во что бы то ни стало* — 6 слов и т. п.

То, что такие составные единицы функционально являются единым членом предложения (подлежащим, обстоятельством, определением), не вызывает сомнений. Однако большую трудность представляет синтаксическая квалификация ряда «предикативных» фразеологизмов типа *где наша не пропадала, денег куры не клюют,* которые семантически целостны, но легко и естественно структурируются и входят в состав предложений. У *него денег куры не клюют* — подлежащее *куры*, сказуемое *клюют*, дополнение *денег*. *Наша* — подлежащее (не существительное, функтив), *пропадала* — сказуемое. Налицо диалектическое противоречие структуры и функционально-семантического плана предложения.

Тему семантического функционализма в грамматике по отношению к фразеологии продолжают синтаксические квалификации членов предложения-фразеологизмов. Так, в [Современный русский язык ..., 1971, с. 330] к **простым** глагольным сказуемым (лексемам?) авторы относят *задел за живое, положил зубы на полку, приказал долго жить, без ножа зарезал* и под. Структурная членимость в них, таким образом, ставится в полную зависимость от смысловой (по сути, по этому же принципу в трактовке структуры слова, по Г. О. Винокуру, в слове брусника отсутствует корень *брус*-, объявляемый нефункциональным). Подобным образом, следуя данной квалификации, предложение *У него денег куры не клюют* предлагается трактовать как односоставное (безличное), в котором отсутствует подлежащее *куры*, а оборот *куры не клюют* — как обстоятельство или количественное определение, семантически эквивалентное числительным.

Особого внимания в силу широкой распространенности в проблематике функтивов заслуживают номинативно связанные словосочетания и предложения, выполняющие функцию названий учреждений, городских микрообъектов, сортов товара, художественных произведений; например, название восточного ресторана «*Аджики не жаль*», турагентства «*Лечу куда хочу*», столовой «*Я дома*!» (примеры из статьи [Стексова, 2025], в которой эргонимы такого типа рассматриваются в психолингвитсическорм аспекте), романы *«Что делать*?», «*Кто виноват*?», «*Как закалялась сталь»*, песня «*Мы поедем, мы промчимся»*, картина «*Не ждали*», конфеты «*Ну-ка, отними!*» и т. п. Такие названия являются номинативными функтивами словосочетаний и предложений. Вслед за трансфункцией ослабляется морфологический статус составляющих их словоформ.

CC BY

Ослабление, однако, не ведет к их полной деморфологизации, к «переходу» словосочетаний в лексему и к образованию существительного. Например, в предложении: *В английском переводе «Как закалялась сталь» стала носить название «The making of a hero» — «Становление героя»* (https://kulturologia.ru/blogs/270123/55352/) — мы имеем дело с номинализациией словосочетания «наречие + глагол + существительное в им. п.», а само это словосочетание выполняет синтаксическую функцию подлежащего. Что касается женского рода словормы *стала*, то, с нашей точки зрения, обоснованной в статье [Голев, 2024], оно не является прямым следствием согласования с существительным (в данном случае — с именем собственным «*Как закалялась сталь*»), а является продуктом примыкания. Ср. обратный машинный перевод приведенной фразы через английский язык: *В английском переводе «Как закалялась сталь»* ***стало*** *известно как «Создание героя»*. Несомненно, что косвенное влияние компонента названия *сталь* в исходном примере имеет место, так же как в других случаях проявлется воздействие слова *роман* (даже случаях, когда нет его непосредственного присутствия), ср.: «*Как закалялась сталь» стал бестселлером.*

3.2.4. Словообразование и морфемика. Сама оппозиция данных дисциплин антиномична. Морфемный и словообразовательный анализ — рассмотрение структуры слова с разных сторон: функциональный (словообразование, дериватология) и семантический (морфемика). Такова концепция Г. А. Пастушенкова, предложившего различать два плана членения слова: структурно-семантический и структурно-функциональный [Пастушенков, 1982]. В частности, антиномии основ и корней, аффиксальных морфем и формантов иллюстрируют названные планы.

Морфема в структурно-семантическом аспекте — предмет изучения морфемики — представляет собой дискретную, относительно самостоятельную языковую единицу, имеющую свое определенное место в системе морфем. Дериватологи рассматривают морфему в ее функциональном плане, где она предстает как средство образования нового слова или словоформы, а в готовых словах в синхронном словообразовании она трактуется как элемент словообразовательной структуры, отражающей уже не процесс образования данного слова от другого слова или словосочетания, а определенный тип отношений, обозначаемый термином *словообразовательная мотивация*. Для словообразования актуальны в каждом слове фактически только две морфемы, действительно функциональные по отношению к его словообразовательной мотивированности и вытекающей из нее словообразовательной структуры.

Во-первых, мотивирующая база, извлекаемая из мотивирующей единицы (это прежде всего основа), и непосредственное словообразователь-

ное средство (прежде всего формант, который образует данное слово как таковое). Оппозиции «корень — основа» и «аффикс — формант» являются аспектуальными, они, по Г. А. Пастушенкову, иллюстрируют два видения морфемы: структуроцентрическое и функциоцентрическое [Пастушенков, 1977]. Корень выделяется в структурно-семантическом аспекте, традиционное его определение — «минимальная предельная база слова, несущая его основное лексическое значение» [Ахманова, 1969], в функциональном аспекте в его словообразовательной структуре актуализируется основа, ее функция — быть элементом (базой), к которому присоединяются словообразовательные или формообразоваельные форманты. Далеко не все и не всегда корни являются основой, а не все аффиксы играют роль формантов (*бужен-**ин-** а, мал-**ин-** а*). Не функциональными, а сугубо структурными являются аффиксальные морфемы, выделяемые в структуре слов на формально-структурных основаниях, например, *пре-* и *по-* в *преподаватель* или *спозаранку*, *ко* в *закоулок* и т. п. В некоторых случаях они образую актуальную оппозицию функциональным аффиксам, например, суффикс несовершенного вида в глаголах совершенного вида: *доостанавл**ива**лся, понавыдерг**ива**л*; данные слова образуют префиксы перфективации и постфиксы, а имперфективный суффикс *–ива-* деактуализируется. И. Г. Милославский [1979; 1980] говорит в подобных случаях о «зачеркивании» (аннулировании) значения аффиксальной морфемы. Ср.: «Например, в словоформе *льдина* значение единичности выражается дважды — суффиксом и флексией, в лексеме *ягненок* значение невзрослости выражается дважды, корнем и суффиксом. В словоформе *льдинами* значение единичности, выражаемое суффиксом, аннулируется значением множественности, выражаемым флексией» [Милославский, 1979, с. 76]. В сущности, каждая новая ступень словообразования предполагает большую или меньшую степень деактуализации словообразовательных средств предшествующих ступеней, ср.: *толкать — толкнуть*, где образование глагола совершенного вида осуществляется с помощью полной замены аффикса, и *толкать — вытолкать* — суффикс несовершенного вида сохраняется формально в глаголе совершенного вида, но его значение нейтрализуется, а в *выталкивать* то же самое происходит с перфектным значением префикса *вы*; при этом его локальное значение сохраняется.

Продолжая линию различий двух подходов в морфемике и слоовобразовании, отметим, что мотивирующие базы и словообразовательные средства (форманты) представляются в словообразовательной структуре как одна целостная единица (функтив!), независимо от того, сколько морфов как формально-семантических единиц она в себя включает. Такими фун-

ктивами являются, например, *до—--ся (доостанавливался), пере—--ок (перелесок), недо- (недоделать), -овск- (отцовский), -ственн- (царственный)*; многочисленны составные мотивирующие основы, например: *с-варщик* (ср. *рез-чик, варка*, где основы простые). *на-гре-ва-тельн/ый/, бес+просвет+н/ый/* и т. п. Кроме того, в качестве словообразовательного средства могут выступать не только морфемы (аффиксы, форманты), но и средства другого порядка, например, комбинаторика морфем — *плащ-палат-ка*, апокопа (или усечение) — *фото-* из *фотография*, аббревация — *МГУ*, мена парадигмы — *золотой* от *золото*, нематериальные с точки зрения морфо-деривационного уровня средства (например, *морж* (человек) от *морж* (животное). Радиксоиды и аффиксоиды *фил, фоб, дел* являются функтивами в сфере аффиксальных морфем — корнями и основами, выполняющими функцию аффиксов. Они разнообразны на шкале функциональное / афункциональное, семантическое / асемантическое. Аналогию морфологизации составных лексем в области морфемики и слоообразования образуют составные (комплексные, протяженные) аффиксы (*-ительн-, -ическ-, -атин-, -инств-*), которые функционально (в системе словообразовательных формантов) эквивалентны простым формантам. Такую концепцию развивают И. А. Ширшов и О. А. Пацюкова (см., например, [Пацюкова, 2014]).

Таким образом, понятие «словообразование» в функциоцентрическом измерении выходит за рамки его определения «от морфемы», что вполне соответствует особенностям функционального подхода, преодолевающего определенность (инвариантность) структуры единицы и определенность ее системного статуса.

4. Заключение = Conclusions

В традиционной морфологии выделение многих частей речи и разрядов внутри них как самостоятельных классов единиц морфологической системы русского языка в значительной мере вытекает из выдвижения на первый план функциоцентристского подхода и морфологизации на его основе единиц, не являющихся в полной мере морфологическими. В статье они трактуются как функтивы. Так, к «функтивным» частям речи относят слова категории состояния, связки, модальные слова, глагольные междометия, местоимения. Анализ этих частей речи в данном аспекте показал, что выдвижение на первый план синтаксических и номинативных составляющих лексем и словоформ часто сопровождается некоторой деактуализацией собственно морфологического аспекта.

Специфическим образом функциоцентрический подход проявляется в интерпретации феномена «нулевого знака»: фонемы, морфемы, слова,

CC BY

члена предложения. Нулевые единицы при таком подходе семантизируются, исходя из их места и значимостей в сложившихся в языке (его системах и подсистемах) парадигмах, вследствие чего квалифицируются как полноценные члены таких парадигм; это сопровождается гносеологической деактуализацией факта отсутствия у них материального носителя. В статье приводятся аргументы, в соответствии с которыми отсутствие материального носителя не означает отсутствия материальной выраженности и тем более функциональной наполненности (внешняя аналогия: согласно квантовой механике, даже абсолютный вакуум обладает энергией, известной как энергия нулевых колебаний).

Проведенный анализ позволяет утверждать, что понятие «функтив» в широком смысле имеет общетеоретическое и лингвометодологическое значение, оно обладает объяснительной силой по отношению не только к разным сторонам, планам и уровням морфологической системы, но и другим уровням и планам русского языка.

Понятие «функтив» логично включается в концепцию языка как бесконечно изменяющейся системы, элементы которой подвергаются разноплановому варьированию, осуществляемому в антиномическом единстве с тенденцией к устойчивости и инвариантости.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Литература

1. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. — Москва : Советская энциклопедия, 1969. — 608 с.

2. *Бондарко А. В.* К проблеме функционально-семантических категорий (глагольный вид и «аспектуальность» в русском языке) / А. В. Бондарко // Вопросы языкознания. — 1967. — № 2. — С. 25—29.

3. *Бондарко А. В.* О грамматике функционально-семантических полей / А. В. Бондарко // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. — 1984. — Т. 43. — № 6. — С. 492—503.

4. *Буланин Л. Л.* Трудные вопросы морфологии : пособие для учителей / Л. Л. Буланин. — Москва : Русский язык, 1976. — 208 с.

5. *Виноградов В. В.* Русский язык (грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. — Москва : Высшая школа, 1972. — 614 с.

6. *Генералова Е. В.* По барабану : лексико-грамматический статус и лексикографическое представление устойчивых двухкомпонентных предложно-падежных сочетаний / Е. В. Генералова // Вопросы лексикографии. — 2021. — № 19. — С. 32—51. — DOI: 10.17223/22274200/19/2.

7. *Голев Н. Д.* Антиномии русской морфологии : коммуникативное vs когнитивное ; синтагматическое vs номинативное / Н. Д. Голев // СибСкрипт. — 2024. — Т. 26. — № 1 (101). — С. 94—107. — DOI: 10.21603/sibscript-2024-26-1-94-107.

8. *Голев Н. Д.* Части речи и функтивы в морфологической системе русского языка : на материале переходных явлений и их лингвистических интерпретаций / Н. Д. Голев // Филологические науки. Вопросы теории и практики — 2025. — Т. 18. — № 9. — С. 4120—4130. — DOI: https://doi.org/10.30853/phil20250548.

9. *Гусева Л. А.* Модальные слова как часть речи / Л. А. Гусева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 1—2 (67). — С. 109—113.

10. *Копотев М. В.* Исключение как правило. Переходные единицы в грамматике и словаре / М. В. Копотев, Т. И. Стексова. — Москва : Языки славянской культуры, 2016. — 168 с. — ISBN 978-5-94457-253-0.

11. *Кретов А. А*. Системная русская фонемология : монография / А. А. Кретов. — Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2020. — 198 с.

12. *Милославский И. Г.* Вопросы словообразовательного синтеза / И. Г. Милославский. — Москва : Изд-во МГУ, 1980. — 296 с.

13. *Милославский И. Г.* Сложение семантических элементов разных типов в структуре русского слова / И. Г. Милославский // Вопросы языкознания. — 1979. — № 6. — С. 76—86.

14. *Панова Е. Ю*. Исповедально-аналитический характер поэтического словаря лирики З. Гиппиус / Е. Ю. Панова // Вестник Челябинского государственного университета. — 2008. — № 12. — С. 97—101.

15. *Пастушенков Г. А.* Два плана членения языка и проблемы структуры русского слова : диссертация … доктора филологических наук : 10.02.01 / Г. А. Пастушенков. — Калинин, 1982. — 592 с.

16. *Пастушенков Г. А.* Некоторые проблемы структуры слова (Единицы структурно-семантического плана) / Г. А. Пастушенков. — Калинин : [б. и.], 1977. — 19 см.

17. *Пацюкова О. А.* Протяженные суффиксы *-ничеств*(о) и *-ническ(*ий) как результат языкового развития / О. А. Пацюкова // Русский язык в школе. — 2014. — № 2. — С. 55—62.

18. *Попова В. Б.* Значимое отсутствие артикля : нулевой знак как член оппозиции артиклевых форм / В. Б. Попова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2 : Филология и искусствоведение. — 2012. — № 3 (105). — С. 162—167.

19. *Русская* грамматика : в 2 т. — Москва : Наука, 1980. — Т. 1. — 784 с.

20. *Русский* язык : энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов ; 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. — 704 с.

21. *Современный* русский язык / под ред. В. А. Белошапковой. — 4-е изд. — Москва : АльянС, 2011. — 925 с. — ISBN 5-89285-005-6.

22. *Современный* русский язык / Н. С. Валгина, Д. Э. Розенталь, М. И. Фомина, В. В. Цапукевич; 4-е изд., доп. и перераб. — Москва : Высшая школа, 1971. — 512 с.

23. *Современный* русский язык : учеб. для филол. спец. ун-тов / В. А. Белошапкова, Е. А. Брызгунова, Е. А. Земская [и др.] ; под ред. В. А. Белошапковой. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Азбуковник, 1989. — 925 с.

24. *Стексова Т. И.* Идентификация номинативной функции эргонимов в языковом сознании студентов-филологов / Т. И. Стексова // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. — 2025. — № 23. — С. 126—137.

25. *Степанова М. Д.* О «внешней» и «внутренней» валентности слова / М. Д. Степанова // Иностранные языки в школе. — 1967. — № 3. — С. 12—18.

26. *Степанова М. Д.* Части речи и проблема валентности в современном немецком языке / М. Д. Степанова, Г. Хельбиг. — Москва : Высшая школа, 1978. — 258 с.

27. *Черемисина М. И.* Союз как лексическая единица языка (лексема или функция?) / М. И. Черемисина // Актуальные проблемы лексикологии : доклады III Межвузовской конференции. — Новосибирск : [б. и.], 1972. — 285 с.

28. *Шарандин А. Л.* Функциональный нуль в фонологической системе русского языка / А. Л. Шарандин // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2023. — № 1. — С. 139—146. — DOI: https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2023/1/139-146.

29. *Шахова Е. М.* Предложно-падежные формы имени как средство выражения языковых смыслов в русском языке / Е. М. Шахова. — Симферополь : Форма, 2014. — 255 с. — ISBN 978-5-600-00598-3.

30. *Шульга М. В.* О векторе развития русской морфологической системы / М. В. Шульга // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2 : Языкознание. — 2017. — Т. 16. — № 4. — С. 232—242. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2017.4.23.

31. *Щерба Л. В.* Избранные работы / Л. В. Щерба. — Москва : Наука, 1971. — 188 с.

32. *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. — Москва : Государственное издательство, 1974. — 427 с.

33. *Якобсон Р. О.* Нулевой знак / Р. О. Якобсон // Избранные работы. — Москва : [б. и.], 1985. — С. 222—230.

Статья поступила в редакцию 14.10.2025,
одобрена после рецензирования 16.01.2026,
подготовлена к публикации 31.01.2026.

References

Akhmanova, O. S. (1969). *Dictionary of linguistic terms.* Moscow: Soviet Encyclopedia. 608 p. (In Russ.).

Beloshapkova, V. A. (ed.). (1989). *Modern Russian language: textbook. for philol. Special University.* Moscow: Azbukovnik Publ. 925 p. (In Russ.).

Beloshapkova, V. A. (ed.). (2011). *Modern Russian language.* Moscow: The Alliance. 925 p. ISBN 5-89285-005-6. (In Russ.).

Bondarko, A. V. (1967). On the problem of functional and semantic categories (verb form and "aspectuality" in the Russian language). *Questions of linguistics, 2:* 25—29. (In Russ.).

Bondarko, A. V. (1984). On the grammar of functional and semantic fields. *Proceedings of the USSR Academy of Sciences. A series of literature and language, 43 (6):* 492—503. (In Russ.).

Bulanin, L. L. (1976). *Difficult questions of morphology: a manual for teachers.* Moscow: Russian Language Publ. 208 p. (In Russ.).

Cheremisina, M. I. (1972). *Union as a lexical unit of language (lexeme or function?). In: Actual problems of lexicology: reports of the III Interuniversity Conference.* Novosibirsk: [b. i.]. 285 p. (In Russ.).

Generalova, E. V. (2021). On the drum: lexico-grammatical status and lexicographic representation of stable two-component prepositional-case combinations. *Voprosy Leksikografii, 19:* 32—51. DOI: 10.17223/22274200/19/2. (In Russ.).

Golev, N. D. (2024). Antinomies of Russian morphology: communicative vs cognitive; syntagmatic vs nominative. *SibScript, 26 / 1 (101):* 94—107. DOI: 10.21603/sibscript-2024-26-1-94-107. (In Russ.).

Golev, N. D. (2025). Parts of speech and functions in the morphological system of the Russian language: on the material of transitional phenomena and their linguistic interpretations. *Philology. Theory & Practice, 18 (9):* 4120—4130. DOI: https://doi.org/10.30853/phil20250548. (In Russ.).

Guseva, L. A. (2017). Modal words as a part of speech. *Philology. Theory & Practice, 1—2 (67):* 109—113. (In Russ.).

Karaulov, Yu. N. (ed.). (1997). *Russian language: encyclopedia*. Moscow: Bolshaya Rossiyskaya entsiklopediya, Drofa. (2nd ed.). 704 p. (In Russ.).

Kopotev, M. V., Steksova, T. I. (2016). *The exception as a rule. Transitional units in grammar and vocabulary.* Moscow: Languages of Slavic Culture. 168 p. ISBN 978-5-94457-253-0. (In Russ.).

Kretov, A. A. (2020). *Systematic Russian phonemology*. Voronezh: VSU Publishing House. 198 p. (In Russ.).

Miloslavsky, I. G. (1979). The addition of semantic elements of different types in the structure of the Russian word. *Questions of linguistics, 6:* 76—86. (In Russ.).

Miloslavsky, I. G. (1980). *Questions of word-formation synthesis.* Moscow: Moscow State University Publishing House. 296 p. (In Russ.).

Panova, E. Yu. (2008). The confessional-analytical nature of the poetic dictionary of Zinaida Hippius' lyrics. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, *12*: 97-101. (In Russ.).

Pastushenkov, G. A. (1977). *Some problems of word structure (Units of structural and semantic plan).* Kalinin: [b. i.]. 19 cm. (In Russ.).

Pastushenkov, G. A. (1982). *Two plans of language division and problems of the structure of the Russian word.* Doct. Diss. Kalinin. 592 p. (In Russ.).

Patsyukova, O. A. (2014). Extended suffixes of nouns (o) and nic(i) as a result of linguistic development. *Russian language at school, 2:* 55—62. (In Russ.).

Popova, V. B. (2012). Significant absence of the article: the zero sign as a member of the opposition of articular forms. *Bulletin of the Adygea State University. Series 2: Philology and Art Criticism, 3 (105):* 162—167. (In Russ.).

Russian grammar: in 2 volumes, 1. (1980). Moscow: Nauka. 784 p. (In Russ.).

Shakhova, E. M. (2014). *Prepositional forms of the name as a means of expressing linguistic meanings in the Russian language.* Simferopol: Forma. 255 p. ISBN 978-5-600-00598-3. (In Russ.).

Sharandin, A. L. (2023). Functional zero in the phonological system of the Russian language. *Bulletin of the Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural communication, 1:* 139—146. DOI: https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2023/1/139-146. (In Russ.).

Shcherba, L. V. (1971). *Selected works.* Moscow: Nauka Publ. 188 p. (In Russ.).

Shcherba, L. V. (1974). *Language system and speech activity.* Moscow: State Publishing House. 427 p. (In Russ.).

Shulga, M. V. (2017). On the vector of development of the Russian morphological system. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 2: Linguistics, 16 (4):* 232—242. DOI: 10.15688/jvolsu2.2017.4.23. (In Russ.).

Steksova, T. I. (2025). Identification of the nominative function of ergonyms in the linguistic consciousness of students of philology. *Psycholinguistic aspects of the study of speech activity, 23:* 126—137. (In Russ.).

Stepanova, M. D. (1967). On the “external” and “internal” valence of the word. *Foreign languages at school, 3:* 12—18. (In Russ.).

Stepanova, M. D., Helbig, G. (1978). *Parts of speech and the problem of valence in modern German.* Moscow: Vysshaya Shkola Publ. 258 p. (In Russ.).

Valgina, N. S., Rozental, D. E., Fomina, M. I., & Tsapukevich, V. V. (1971). *Modern Russian language*. Moscow: Vyssaja škola. 512 p. (In Russ.).

Vinogradov, V. V. (1972). *Russian language (grammatical teaching of the word).* Moscow: Vysshaya Shkola Publ. 614 p. (In Russ.).

Yakobson, R. O. (1985). The zero sign. In: *Selected works.* Moscow: [b. i.]. 222—230. (In Russ.).

The article was submitted 14.10.2025;
approved after reviewing 16.01.2026;
accepted for publication 31.01.2026.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]
Check for updates

Информация для цитирования:

Инь Сюй. «Средний курс этимологии русского языка» Чжан Симона как важнейший учебник раннего этапа становления традиции преподавания русского языка в Китае / Инь Сюй // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 2. — С. 49—72. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-49-72.

Yin Xu. (2026). Zhang Simon's "Intermediate Course in Russian Etymology" as a Pivotal Textbook for Early Development of Teaching Russian Language in China. *Nauchnyi dialog, 15* (2): 49-72. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-49-72. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

«Средний курс этимологии русского языка» Чжан Симона как важнейший учебник раннего этапа становления традиции преподавания русского языка в Китае

Инь Сюй
orcid.org/0000-0001-9760-1627
кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка факультета русского языка и литературы Института иностранных языков
yinxuxy@pku.edu.cn

Пекинский университет
(Пекин, Китай)

Благодарности:
Исследование выполнено в рамках научного проекта Государственного фонда социальных наук КНР (№ 21CYY048)

Zhang Simon's "Intermediate Course in Russian Etymology" as a Pivotal Textbook for Early Development of Teaching Russian Language in China

Yin Xu
orcid.org/0000-0001-9760-1627
PhD in Philology, Associate Professor, Head of the Russian Language Department
Faculty of Russian Language and Literature
Institute of Foreign Languages
yinxuxy@pku.edu.cn

Peking University
(Beijing, China)

Acknowledgments:
The research was carried out within the framework of the scientific project of the State Foundation for Social Sciences of the People's Republic of China (№ 21CYY048)

© Инь Сюй, 2026

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Выполнен анализ учебника Чжан Симона «Средний курс этимологии русского языка» (1923) — первого учебника по русской грамматике на китайском языке, созданного китайским ученым. Охарактеризованы особенности образовательного процесса в условиях международного культурно-языкового взаимодействия сквозь призму составления учебного пособия, что определяет актуальность исследования. В качестве материала исследования привлекается широкий круг учебников и грамматик того периода (1898—1923) на русском и китайском языках. Проведенный сопоставительный анализ позволил выявить, что учебник Чжан Симона не копирует какую-либо готовую работу, а органично сочетает подобранные из различных доступных пособий материалы и творческие идеи самого автора, приоритетом которого были потребности китайских учащихся и трудности, испытываемые ими чаще всего в процессе изучения русского языка. Особое внимание уделяется стратегии организации учебного материала и переводу терминологической системы. Сделан вывод, что анализируемое учебное пособие сыграло ключевую роль в истории развития преподавания русского языка в Китае и способствовало интеграции обучения русскому языку в общий процесс развития лингвистики и преподавания иностранных языков в Китае того периода.

Ключевые слова:
китайско-российский научный диалог; учебник русского языка как иностранного; адаптация европейской лингвистической традиции; перевод терминов.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study analyzes Zhang Simon's textbook "Intermediate Course in Russian Etymology" (1923), which was the first grammar book on Russian language written by a Chinese scholar specifically targeting Chinese learners. The analysis examines educational practices within the context of international cultural and linguistic interaction during that period, highlighting its significance to contemporary research. A wide range of textbooks and grammars (1898—1923) from both Russian and Chinese sources are utilized as materials for investigation. Comparative analysis reveals that Zhang Simon did not simply replicate any existing work but creatively combined selected content from various available resources with his own innovative ideas, prioritizing the needs and challenges faced by Chinese students learning Russian. Special attention is given to strategies employed in organizing instructional material and translating terminological systems into Chinese. It is concluded that this textbook played a crucial role in shaping the history of teaching Russian language in China and contributed significantly to integrating Russian-language instruction into broader trends in linguistics and foreign language pedagogy at that time.

Key words:
Sino-Russian academic dialogue; Russian-as-a-Foreign-Language textbook; adaptation of European linguistic tradition; translation of terminology.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 371.671:811.161.1’243(=581)+81’255.2:81
DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-49-72

Научная специальность ВАК
5.9.5. Русский язык. Языки народов России
5.9.6. Языки народов зарубежных стран
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

«Средний курс этимологии русского языка» Чжан Симона как важнейший учебник раннего этапа становления традиции преподавания русского языка в Китае

© Инь Сюй, 2026

1. Введение = Introduction

В начале XX века в Китае произошел важный поворот в истории развития лингвистики и преподавания иностранных языков. Прежде в центре внимания китайских языковедов была исключительно китайская филология. Однако после свержения династии Цин и создания Китайской Республики в значительной степени возрос интерес к культурам и языкам зарубежных стран. Грамматику китайского языка стали пересматривать сквозь призму описательной системы, предложенной в европейской лингвистической традиции, появились оригинальные и переводные учебники по иностранным языкам.

Интерес к русскому языку заметно усилился чуть позже, после Октябрьской революции, когда среди китайцев стал распространяться марксизм-ленинизм: в то время левоориентированные интеллектуалы видели в нём путь к спасению народа в полуколониальном и полуфеодальном обществе. Русский язык был нужен прогрессивистам для знакомства с советским опытом. Издание анализируемого нами «Среднего курса этимологии русского языка» сопровождалось именно таким культурно-социальным контекстом. Автор учебника — Чжан Симон, известный китайский ученый первой половины XX века, профессор, политический и общественный деятель, познакомился с русским языком, когда ему было всего 16 лет. Тогда он только поступил в Восточный институт во Владивостоке, где и проходил обучение в течение трёх лет. После окончания института Чжан Симон вернулся в Китай и в 1919 году начал работу в Пекинском университете: занимался переводом марксистко-ленинской литературы, преподаванием русского языка и подготовкой учебника по русскому языку. В 1923 году вышло первое издание «Среднего курса этимологии русского языка», ко-

торый в Китае принято считать первым учебным пособием по русскому языку на китайском языке [Ли Минбинь, 1996, с. 63].

Уникальность учебника Чжан Симона состоит в том, что он представляет собой не дословный перевод какого-либо готового учебника, а органично сочетает подобранные из разных грамматических руководств материалы. В пособии также впервые представлена терминологическая система описания русской грамматики на китайском языке, что особенно важно на фоне общего процесса адаптации европейской грамматической традиции в китайской лингвистике. К сожалению, это учебное пособие не получило достаточного внимания и долгое время не становилось объектом научного изучения. До того как в системе Национального центра микрофильмирования библиотечных документов при Китайской национальной библиотеке появилась официальная оцифрованная версия учебника, он был малодоступен: оригиналы и сейчас хранятся только в Российской государственной библиотеке и Национальной библиотеке Китая, а копия — в Пекинском университете.

Первостепенная важность изучения «Среднего курса этимологии русского языка» также состоит в том, что это информативное и грамотно структурированное учебное пособие. В то время существовали разговорники и словари, составленные на китайском (см. [Попова и др., 2017]), однако они создавались исключительно как прикладной инструмент для представителей сферы торговли, а потому содержали минимальную информацию об устройстве русского языка. Чжан Симон ставил перед собой иную цель. В его учебнике емко описывается вся морфологическая и синтаксическая система русского языка, даются элементарные фонетические сведения и орфографические правила, приводятся соответствующие примеры и упражнения. Подобные особенности сделали возможным использование этого учебника на теоретических и практических занятиях по русскому языку в реальном учебном процессе, что, безусловно, серьезным образом отразилось на дальнейшем развитии преподавания русского языка в Китае.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В настоящей статье предпринимается попытка оценить значение учебника Чжан Симона в контексте развития преподавания иностранных языков и адаптации европейской грамматической мысли в Китае начала XX века, что и определяет **материал** исследования: помимо самого «Среднего курса этимологии русского языка», нами рассматриваются разные учебники и грамматики того времени на русском и китайском языках, которые могли бы использоваться автором при создании собственного учеб-

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ного пособия. **Цель** настоящего исследования заключается в следующем: восстановить круг источников, которые были использованы автором при составлении учебника, а также выявить стратегии организации учебного материала и принципы отбора языковых средств, подходящих для передачи терминологической системы, свойственной грамматике русского языка, на китайский язык. Для достижения поставленной цели в работе проводится **сравнительный анализ** текстового материала, извлеченного из учебников схожей тематики на китайском и русском языках конца XIX — начала XX веков. Основным **методом** исследования является сопоставление отмеченных данных по ряду параметров и их последующая систематизация в виде наглядных таблиц.

Несмотря на то что учебник Чжан Симона не изучался в должной мере, имя профессора и название самого учебного пособия нередко встречаются в работах, описывающих историю изучения и преподавания русского языка в годы существования Китайской Республики, распространения марксизма-ленинизма и перевода советской художественной и политической литературы, с чем и была связана вся жизнь ученого [Чжан Сяомань, 2012, с. 51; Лю Чжэнъюй, 2013, с. 204; Е Байчуань и др., 2019, с. 727; Чжуан Юй, 2022, с. 148].

Первым официальным учреждением в Китае, где обучали русскому языку, является Элосы Вэньгуань (Школа русского языка). Она была основана правительством династии Цин в 1708 году[1] с целью подготовки переводчиков для удовлетворения потребностей дипломатии и торговли между Китаем и Россией. В 1689 году был подписан Нерчинский договор, взаимодействие между двумя странами стало более тесным, и правительство Цин остро нуждалось в специалистах, готовых работать с дипломатическими документами и регулировать вопросы, связанные с пересечением границы.

Сначала в Школе преподавали русский купец Василий и албазинцы Кузьма, Иван и Яков [Stary, 1999, с. 140—146; Дин Шу Цинь, 2008, с. 260], затем — русские миссионеры, которые владели письменным языком того времени на более высоком уровне. В качестве учебных материалов использовались послания Российской Империи к Цинской династии и другие официальные документы, но, как доказал П. А. Лапин [Лапин, 2009, с. 109] по записям современников, использование этих материалов отрицательно сказывалось на изучении русского языка. Только через 38 лет после создания Школы появилось первое рукописное грамматическое руковод-

1 Существуют разные мнения о времени создания Школы русского языка. В настоящей статье отдается предпочтение версии, предложенной Гао Вэньфэном на основании анализа архива «Докладов, поданных императору о создании Элосысюэ (Школы русского языка) в марте 47-ого года правления Канси» [Гао Вэньфэн, 1979, с. 105].

CC BY

ство, переведенное и составленное будущими синологами И. К. Россохиным и А. Л. Леонтьевым и преподавателями-маньчжурами Фулэхэ и Мача на основе грамматики Смотрицкого. Это учреждение положило начало систематическому обучению русскому языку в Китае, его учащиеся непосредственным образом участвовали в делах, связанных с Россией, играли ключевую роль в важных дипломатических переговорах.

Школа русского языка перестала существовать в 1862 году, когда ее функции взяло на себя новое учреждение — Цзинши Тунвэньгуань (Столичная школа иностранных языков). В то время дипломатические контакты с западными державами усилились, в связи с чем выросла потребность в квалифицированных специалистах. Новая школа занималась комплексной подготовкой переводчиков-универсалов, работа которых была необходима для межкультурной коммуникации и модернизации страны. Вместе с тем в других крупных городах Китая, таких как Шанхай (1863 год), Гуанчжоу (1864 год), Хубэй (1893 год), также открывались школы аналогичного профиля, где преподавали русский язык [Да Вэйдун и др., 2009, с. 194]. Цзинши Тунвэньгуань сыграла ключевую роль в развитии преподавания иностранных языков в Китае: из ее стен вышли многие будущие преподаватели местных школ иностранных языков [Ли Чуаньсун и др., 2006, с. 18]. После вторжения Альянса восьми держав в начале XX века Столичная школа иностранных языков была официально интегрирована в Цзинши Дасюэтан (Столичный университет), на основе которого затем возник современный Пекинский университет, где Чжан Симон и составил «Средний курс этимологии русского языка».

Указанные исторические данные показывают, что традиция преподавания русского языка в Пекине не прерывалась в течение двухсот лет с момента создания первой школы русского языка в годы правления династии Цин, однако, как отмечал Чжан Симон, до появления его пособия «почти не было удовлетворительных учебников» [Чжан Симон, 1923, с. III]. Данная ситуация обусловливалась комплексом факторов, включавшим в себя фрагментарность и непоследовательность учебных программ, высокую текучесть педагогических кадров, а также нестабильность политической обстановки в стране, оказывавшей влияние на образовательную сферу.

Тем не менее статус «первый» [Ли Минбинь, 1996, с. 63] требует отдельного обсуждения. Как было упомянуто выше, в 1746 году появился первый рукописный перевод на китайский и маньчжурский языки учебного пособия по грамматике — «Элосы Фаньи Цзеяо Цюаньшу» (Собрание важнейших извлечений, переведенных с русского языка). Его единственный экземпляр хранится в ИВР РАН под шифром С72MSS. По свидетельству русского синолога М. П. Волковой [1963, с. 155], в основу главной части данной рукопи-

CC BY

си положена грамматика Мелетия Смотрицкого, которая получила большую известность в XVII—XVIII веках. Она называет книгу первым учебником русского языка для китайских учащихся, но это противоречит тому факту, что грамматика Смотрицкого в действительности служила для описания литературного языка того времени — церковнославянского. В связи с тем, что доступ к рукописи «Элосы Фаньи Цзеяо Цюаньшу» ограничен, нам не удалось ознакомиться с его содержанием, в частности проверить, описывается в нем только церковнославянский язык или нет[1].

Следует отметить еще один учебник, написанный до рассматриваемого нами «Среднего курса этимологии», а именно совместную работу Чжан Симона и С. А. Полевого, который в то время также работал в Пекинском университете преподавателем русского языка. Об этом учебном пособии можно узнать только из трудов по общей истории преподавания иностранных языков в Китае (см., например, [Ли Минбинь, 2014, с. 81]), найти саму книгу уже не представляется возможным: издание или было утеряно в годы войны, или же материалы так и не были опубликованы и использовались только в стенах университета, а затем предпочтение отдавалось новому учебнику Чжан Симона.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Перейдем к анализу «Среднего курса этимологии русского языка». Данное грамматическое руководство, как указывает сам автор после предисловия, предназначено для «тех, кто учится в высших учебных заведе-

1 Система описания церковнославянского языка, предложенная в грамматике Мелетия Смотрицкого, настолько детализирована, что может служить основой для описания других, родственных славянских языков, в том числе и русского [Храпко-Магала, 2013, с. 76], что подтверждает, в частности, ее влияние на создание «Российской грамматики» М. В. Ломоносова [Кузовенкова, 2016, с. 126]. По этой причине вполне можно предполагать, что в связи с отсутствием более подходящих материалов грамматика Мелетия Смотрицкого использовалась для обучения русскому языку. Несмотря на сходство русского языка с церковнославянским, имеющим южнославянское происхождение, объект описания в грамматике устанавливается довольно чётко благодаря систематизации соответствующих грамматических особенностей: как известно, ряд параметров, указывающих на различия между церковнославянским языком русского извода и древнерусским языком, определяется ещё со времен первого южнославянского влияния [Успенский, 2002, с. 192—268]. До появления «Элосы Фаньи Цзеяо Цюаньшу» уже сложился опыт описания живого русского языка (или диалекта) во многих грамматиках на иностранном и русском языке [Менгель и др., 2021, с. 7—195; Успенский, 1975], а потому составитель «Элосы Фаньи Цзеяо Цюаньшу», опираясь на собственный опыт общения на русском, мог внести изменения в парадигмы, представленные в грамматике Мелетия Смотрицкого, чтобы отразить особенности именно русского языка. Таким образом, вопрос о том, какой именно язык описывается в учебнике «Элосы Фаньи Цзеяо Цюаньшу», имеет первостепенное значение для истории русского литературного языка и истории преподавания русского языка как иностранного и заслуживает дальнейшего исследования при совместной работе синологов и славистов.

ниях на 1-м и 2-м году обучения по специальности “Русский язык”, или тех, кто хочет обучаться самостоятельно» [Чжан Симон, 1923, с. IV].

Основная часть учебника состоит из 96 параграфов, которые представлены в двух разделах: первый из них содержит элементарные сведения из фонетики и включает 12 параграфов, второй — учение о частях речи, которому посвящены остальные 84 параграфа. Её дополняют 2 приложения: 1) основные синтаксические правила и 2) правила постановки знаков препинания.

3.1. Круг источников

Как отмечает Чжан Симон, при составлении учебника он в основном ориентировался на две книги: «Этимологию русского языка для нерусских» А. Н. Любимова и «Руководство к изучению синтаксиса русского языка» Д. Н. Овсянико-Куликовского [Чжан Симон, 1923, с. IV].

Сходство «Среднего курса» Чжан Симона с книгой А. Н. Любимова можно увидеть в описании основных частей речи: организация параграфов в пособии в большей степени соответствует порядку, которого А. Н. Любимов придерживался в своем учебнике. Ср., например, фрагменты оглавлений двух учебников, отсылающие к сведениям о первых двух частях речи (табл. 1).

Таблица 1

Сопоставление параграфов
в учебниках Чжан Симона и А. Н. Любимова

§	**Средний курс этимологии русского языка [Чжан Симон, 1923, с. 2—3]**	§	**Этимология русского языка для не-русских [Любимов, 1911, с. IX—XII]**
Имя существительное			
13	Имена существительные чувственные и отвлеченные[1]	18	Предметы: чувственныя и умственныя
14	Имена существительные собственные, нарицательные и собирательные	19	Имена существительныя: собственныя и нарицательныя
15	Род имен существительных	20	Родъ существительныхъ
16	Имена существительные: увеличительные, уменьшительные, ласкательные и уничижительные	21	Имена увеличительныя и уменьшительныя, ласкательныя и уничижительныя
	—	23	Отчество

1 В тексте грамматики приводится параллельный вариант «умственный» [Чжан Симон, 1923, с. 21].

CC BY OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Окончание табл. 1

§	**Средний курс этимологии русского языка [Чжан Симон, 1923, с. 2—3]**	§	**Этимология русского языка для не-русских [Любимов, 1911, с. IX—XII]**
17	Числа и падежи	24	Числа и падежи
18	Употребление косвенных падежей (I~V: род., дат., вин., твор., предл.)	—	Употребленіе косвенныхъ падежей (25~29: род., дат., вин., твор., предл.)
19	Склонение имен существительных	30	Склонение существительных
Имя прилагательное			
28	Имя прилагательное	66	Что такое имя прилагательное
29	Имена прилагательные качественные и относительные	67	Прилагательныя: качественныя и относительныя
30	Имена прилагательные притяжательные	68	Прилагательныя: притяжательныя
	(соответствующая часть зафиксирована в §28)	69—71	Родовыя окончанія — полныя и краткія; Употребленіе полныхъ и краткихъ окончаній; Образованіе краткихъ окончаній
31	Склонение имен прилагательных	72	Таблица склоненія прилагательныхъ
		73	Образцы склоненія съ основами на гортанную и шипящую
32	Уменьшительные и ласкательные имена прилагательные	74—75	Увеличительныя, уменьшительныя и ласкательныя имена прилагательныя
33	Степени сравнения имен прилагательных	76	Степени сравненія: простыя и сложныя
		77	Управленіе именъ прилагательных сравнительной степени
34	Описательные формы сравнительной и превосходной степени	78	Описательныя формы сравнительной и превосходной степени
35	Истый и астый	79	Окончанія истый, астый
36	Перечень имен прилагательных, образующих степени сравнения неправильно	80	Перечень именъ прилагательныхъ, образующихъ степени сравненія неправильно

CC BY

Проведенный сопоставительный анализ, несомненно, подтверждает структурное сходство между двумя учебниками. Однако сказать, что «Средний курс» полностью копирует содержание работы А. Н. Любимова, нельзя: в отдельных местах материал подается автором иначе — в соответствии с нуждами китайских учащихся. Так, в учебнике Чжан Симона приводится классификация имен существительных, где помимо собственных и нарицательных существительных выделяются собирательные существительные, обозначающие «собрание однородных предметов» — как правило, они упоминались в российских учебниках и грамматиках конца XIX — начала XX веков, см., например, [Цукерман, 1872, с. 15; Хворов, 1891, с. 42; Сосунов, 1905, с. 23; Богородицкий, 1918, с. 111]. Этот разряд оказывается важным для китайских учащихся: в качестве его типичных единиц лингвисты того времени часто приводили такие слова, как *стадо, толпа, стая* (что несвойственно для современного понимания этой группы слов), напоминающие «квантификатор» в китайском языке, который используется с исчисляемыми и неисчисляемыми существительными для обозначения количества. Вместе с тем составитель «Среднего курса» отказывается от ряда параграфов, присутствующих в пособии А. Н. Любимова (отчество, увеличительные имена прилагательные), которые в меньшей степени важны для образовательных целей того времени, а именно для подготовки специалистов в области перевода общественно-политической литературы. Для наглядности Чжан Симон также менял порядок подачи материала, предложенный А. Н. Любимовым: к примеру, понятия полного и краткого прилагательного включены автором пособия в параграф, посвященный общему определению этой части речи.

Морфологическое описание русского языка составляет бóльшую часть учебного пособия, тогда как раздел, посвященный синтаксису, занимает лишь 8,6 % от общего объема (20 страниц). С нашей точки зрения, указанный Чжан Симоном источник, «Руководство к изучению синтаксиса русского языка» Д. Н. Овсянико-Куликовского, оказал влияние на формирование его представлений о синтаксисе русского языка, но непосредственно в процессе составления синтаксического блока не использовался. Во-первых, на это указывает скромный объем раздела, в котором было бы крайне сложно уместить все достижения Д. Н. Овсянико-Куликовского, во-вторых, его содержание: некоторые классификации Чжан Симона не находят пересечений с руководством русского профессора, материал может распределяться иначе, и даже ключевой термин Д. Н. Овсянико-Куликовского «часть предложения» [Овсянико-Куликовский, 1902, с. 50; Овсянико-Куликовский, 1912, с. 39] заменяется вариантом «член предложения», принятым в современной лингвистике. Таким образом, вполне можно предпо-

CC BY

ложить, что при разработке учебного материала для Чжан Симона более актуальными оказались другие учебники, которые, вероятно, и послужили образцом краткого изложения синтаксических правил. Среди учебников того времени нам удалось найти грамматическое пособие, во втором разделе которого приводятся конспекты для повторения и систематизации пройденного синтаксического материала: порядок изложения имеет большое сходство с тем, что мы видим у Чжан Симона (табл. 2).

Таблица 2

Сопоставление параграфов
в учебниках Чжан Симона и Я. Х. Витте

§	**Средний курс этимологии русского языка [Чжан Симон, 1923, с. 2—3]**	№	**Практическая русская грамматика для инородческих школ [Витте, 1909, с. 137—145]**
1	Понятие о предложении	51	(Дефиниция)
2	Подлежащее	52	Подлежащее
3	Сказуемое	53	Сказуемое
4	Главные и второстепенные члены предложения	54	Главные и второстепенные члены предложенія
		55	Дополненіе
5	Определение	56	Опредѣленіе Приложеніе
6	Согласование и приложение		
7	Дополнение		
8	Обстоятельство	57-61	Обстоятельство
9	Обращение	62	Обращеніе
	…		…
20	Придаточные предложения	69	(Дефиниция)
		70	Придаточные-подлежащие
		71	Придаточные-сказуемые
21	Придаточные определительные	72	Придаточные определительные
22	Придаточные дополнительные	74	Придаточные дополнительные
23	Придаточные обстоятельственные	76	Придаточные обстоятельственные
24	Придаточные-подлежащие и сказуемые		
25	Предложения условные	77	Предложенія условныя и уступительныя
26	Предложения уступительные		
	…		…

CC BY

Результаты сопоставления показывают, что Чжан Симон внес минимальные изменения в описательную схему (перемещены вниз параграфы «Дополнение», «Придаточные-подлежащие» и «Придаточные-сказуемые»), возможно, бытовавшую в учебниках конца XIX — начала XX веков. В то же время в двух анализируемых учебниках зафиксированы отчасти схожие модели объяснения конкретных синтаксических понятий (табл. 3):

Таблица 3

Сопоставление описания синтаксических правил
в учебниках Чжан Симона и Я. Х. Витте

Источник	**Средний курс этимологии русского языка [Чжан Симон, 1923, с. 192—193]**	**Практическая русская грамматика для инородческих школ [Витте, 1909, с. 17, 137]**
Дефиниция	(пер. на рус.) Предмет, о котором говорится в предложении, называется подлежащее.	Предметъ, о которомъ говорится въ предложеніи, называется подлежащимъ.
На какой вопрос отвечает?	(пер. на рус.) Подлежащее отвечает на вопрос: кто? что?	Подлежащее отвѣчаетъ на вопросъ: кто? или что?
Примеры	Ребенок (кто?) сладко спит. На стене висит (что?) карта.	Столъ мебель. Столяръ сдѣлалъ столъ. Дубъ дерево. …
Дальнейшая интерпретация	Подлежащее чаще всего выражено именем существительным, но другие части речи также могут выполнять эту функцию…	отсутствует

3.2. Стратегия организации учебного материала

Как показано в предыдущем параграфе, при организации учебного материала Чжан Симон мог вносить изменения по сравнению с первоисточниками, которые помогли бы носителям китайского языка лучше понять русскую грамматическую систему.

Самым ярким примером подобных решений составителя может служить расположение информации о частях речи. В собранных нами грамматиках и учебниках XIX — начала XX веков приводятся следующие последовательности, разница между которыми во многом заключается в порядке предъявления читателю сведений об изменяемых частях речи (табл. 4).

В пособии А. Н. Любимова (колонка 1 таблицы 4), на которое ориентирована морфологическая часть «Среднего курса», в работах Ф. И. Буслаева (колонка 2 таблицы 4) [1858] и Д. Н. Овсянико-Куликовского (колонка 3 таблицы 4) [1902] глагол приводится в начале списка. Однако в учебниках и грамматиках начала XX века чаще встречается иная последовательность

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Таблица 4

Порядок, в котором приводятся части речи
в работах XIX — начала XX века: основные варианты

1	2	3	4	5
Существительное Прилагательное Глагол Местоимение Числительное Наречие Предлог Союз Междометие	Глагол Местоимение Существительное Прилагательное Числительное Наречие Предлог Союз Междометие	Существительное Прилагательное Глагол Причастие Деепричастие Наречие Местоимение Предлог Союз Числительное Междометие	Существительное Прилагательное Числительное Местоимение Глагол Наречие Предлог Союз Междометие	Существительное Прилагательное Местоимение Числительное Глагол Наречие Предлог Союз Междометие

описания, где все именные части речи размещены перед глаголом (колонка 4 таблицы 4) [Сосунов, 1905; Ватштейн, 1904; Витте, 1909; Богородицкий, 1918]. Подобная стратегия подачи материала, посвященного русской морфологии, когда сначала рассматриваются именные части речи и только потом вводится глагол, получила продолжение в учебнике Чжан Симона (колонка 5 таблицы 4), однако местоимение в его пособии даётся раньше числительного. На наш взгляд, подобное решение составителя «Среднего курса» объясняется следующим образом. С одной стороны, на Чжан Симона мог оказать влияние какой-либо учебник. По словам автора, в работе использовался материал, извлеченный из «учебника русского языка Я. Бранта (sic!)», при этом точное название не указывается [Чжан Симон, 1923, с. IV]. Вероятнее всего, имелась в виду серия книг синолога Я. Я. Брандта под названием «Почин: Опыт учебной хрестоматии для преподавания русского языка в начальных китайских школах», где зафиксирована та же последовательность описания частей речи [Брандт, 1911, с. III]. С другой стороны, как Чжан Симон, так и Я. Я. Брандт, хорошо знавший китайский язык, могли прийти к одному и тому же решению, учитывая трудности, с которыми сталкиваются китайские учащиеся: морфолого-синтаксические особенности числительных русского языка настолько сложны, что лучше начать его изучение после того, как усвоены основные именные склонения.

Книга Чжан Симона также характеризуется взвешенным распределением материала. Так, основное внимание автор уделяет именно морфоло-

CC BY

гии, тогда как синтаксис в пособии затрагивается минимально. Неслучайно в названии учебника используется термин *этимология*, под которым ранее понималась «грамматика без синтаксиса» [ТСРЯ, т. 4, стлб. 1437]. Однако вместе с тем он не игнорирует другие важные сведения, что делает учебник максимально эффективным. При этом стоит отметить, что весь учебный материал у Чжан Симона строго соответствовал новой орфографической системе (согласно реформе 1918 года). Перед оглавлением автор разместил перевод приложения «Новые правила правописания, разработанные Народным Комиссариатом Просвещения» к «Декрету Совета Народных Комиссаров о введении новой орфографии» (1918. № 74, ст. 804) со ссылками на конкретные параграфы пособия, содержащие детальное объяснение правил. Применение новых правил сразу после орфографической реформы в зарубежных изданиях не является обязательным: в том же году, когда вышел в свет учебник Чжан Симона, в Пекине еще продолжали издаваться книги, в которых соблюдалась дореволюционная орфография (см., например, [Колесов и др., 1923]). В таком подходе к оформлению пособия, несомненно, прослеживается авторская расположенность к новой советской власти.

Чтобы продемонстрировать особенности грамматики русского языка, необходимо значительное количество примеров. Чжан Симон наполняет учебное пособие иллюстративными материалами следующим образом. Вначале для лучшего понимания специфики словообразования и словоизменительной системы русских слов в качестве примеров приводятся отдельные слова, словосочетания и простые предложения, включающие небольшое количество слов, например: «изба», «песня», «вкусное какао», «Это моя грамматика» [Чжан Симон, 1923, с. 24, 25, 29]. По мере того как материал становится труднее, автор начинает использовать синтаксически более сложные предложения, в том числе фрагменты из русской литературы. Так, когда говорится об уступительном предложении, в учебнике дается предложение из басни «Пустынник и медведь» И. А. Крылова: «Хотя услуга нам при нужде дорога, но за неё не всяк умеет взяться» [Там же, с. 208]. Описание пунктуационных правил сопровождается примерами из стихотворения А. С. Пушкина и «Повести временных лет»: «Страшно, страшно поневоле средь неведомых равнин»; «… и сказали: “Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами”» [Там же, с. 212—213, 217]. В примерах Чжан Симон также видит возможность реализовать воспитательную функцию преподавания и функцию пропаганды, а потому уже на этапе практики чтения слов приводит такие ключевые для культурной и политической жизни слова, как «эмансипация», «партия», «Китайская Республика», «Кун-фу-цзы», «Сун-ят-сен», «Ленин», «Толстой», «диктатура» и т. д. [Там же, с. 9, 19, 22, 24].

CC BY

3.3. Становление терминологической системы

Чжан Симон внёс огромный вклад в адаптацию терминологической системы русской грамматики для китайского языка. В учебном пособии он отказывается от сложных для понимания единиц, используемых ранее, и приводит почти те же самые термины, которые мы видим в современных китайских учебниках по русскому языку. Данные, представленные в таблице 5, позволяют в этом убедиться.

Таблица 5

Перевод грамматической терминологии русского языка на китайский язык в разные периоды

Термины на рус. яз.	**Совр. пер. на кит. яз.**	**Пер. Чжан Симона**	**Пер. на кит. яз. XVIII в. [цит. по Волковой с. 157]**
существительное	**Мин Ци**	**Мин Ци**	Ши Мин
прилагательное	**Син Жон Ци**	**Син Жон Ци**	Као Цзы
глагол	**Дун Ци**	**Дун Ци**	Янь Юй
причастие	**Син Дун Ци**	**Син Дун Ци**	Чжи Цзы Бань Као
деепричастие	**Фу Дун Ци**	**Фу Дун Ци**	Као Чжи Цзы Чжэн Мянь Бань
наречие	**Фу Ци**	**Фу Ци**	Чжэн Цзы
предлог	**Цянь Чжи Ци**	**Цянь Чжи Ци**	Фан Цзы
союз	Лянь Цзе Ци	Цзе Сюй Ци	Лянь Чжу Юй
род	Син	Лэй	Лэй
число — единственное число — множественное число	**Шу** — **Дань Шу** — Фу Шу	**Шу** — **Дань Шу** — Дуо Шу	**Шу** — **Дань Шу** — Шуан Шу
падеж	**Гэ**	**Гэ**	Гэ Ши

Высокая степень сходства перевода русских грамматических терминов на китайский язык, представленного в «Среднем курсе», и актуального сегодня варианта подтверждает важнейшее значение учебника Чжан Симона для становления современной терминологический системы. В дальнейшей истории ее развития отмечаются лишь минимальные изменения и уточнения в соответствии с общей тенденцией эволюции научного китайского языка. Основные приемы работы с терминами в учебнике Чжан Симона заключаются в следующем: во-первых, унифицируется иероглиф, обозначающий «слово» в названиях части речи [Цзы (в знач. «иероглиф») / Юй

CC BY

(в знач. «слово/речь») → Ци (в знач. «слово»)]; во-вторых, предпринимается попытка передать трудно переводимое понятие минимальным набором иероглифов [перевод «деепричастия»: Као Чжи Цзы Чжэн Мянь Бань (6 иероглифов) → Фу Дун Ци (3 иероглифа, Фу — наличие признака наречия, Дун Ци — глагол)]; в-третьих, используется один иероглиф для обозначения названия грамматической категории, которая входит в состав перевода соответствующей граммемы [Гэ Ши → Гэ (падеж), Чжу (именительный) Гэ (падеж)].

Вместе с тем надо отметить, что перевод Чжан Симона — это не его собственное достижение, а результат общего процесса восприятия европейских лингвистических учений в Китае, в который были вовлечены большое количество китайских интеллектуалов начала XX века. Рассмотрим терминологическую систему частей речи, формировавшуюся в китайском языке, представленную в различных учебниках и грамматиках китайского и иностранных языков того времени (табл. 6).

Проведенный сопоставительный анализ позволяет увидеть, что к началу 20-х годов XX века в научном кругу уже удалось достичь согласия в том, как переводить названия знаменательных частей речи, которые выделяются как в китайском языке, так и в популярных в Китае иностранных языках. Хотя в отношении служебных частей речи подобного согласия на тот момент не наблюдалось, подобранный Чжан Симоном вариант перевода все-таки сумел отразить семантическую и функциональную особенность русского термина и перекликался с вариантами, которые приводились в других учебниках. Самый интересный случай представляет собой перевод терминов «причастие» и «деепричастие»: не ориентируясь на предшественников, Чжан Симон предложил свои варианты, в которых сочетаются элементы из переведенных понятий «прилагательное», «наречие» и «глагол», и таким образом успешно показал то, как в этих классах слов актуализируются и совмещаются признаки соответствующих частей речи, непосредственно с помощью их названий. Его перевод сохранился и продолжает использоваться в современной китайской лингвистике.

Наконец, стоит остановиться на выборе иероглифа для обозначения понятия «слово», который сегодня кажется довольно необычным. В большинстве случаев автор «Среднего курса» отдает предпочтение иероглифу «Цзы», называющему в китайском языке минимальную значимую единицу, обладающую позиционной самостоятельностью, а именно иероглиф. Однако при переводе названий частей речи — классов слов — он использует уже другой вариант — «Ци», который означает сочетание иероглифов. Такое колебание становится вполне понятным, если принимать во внимание опыт его предшественников (см. первые две строки таблицы 6): тог-

Таблица 6

Терминологическая система частей речи на китайском языке в учебниках и грамматиках конца XIX — начала XX веков

Термины на русском языке	**Грамматика Ма Цзяньчжуна (1898) [Цит. по: Люй Шусян и др., 2019, с. 1—5]**	**Первые принципы французской грамматики (1921) [Chü, 1921, с. 2—6]**	**Грамматика немецкого языка с китайским переводом (1921) [Tsin Wen Chung, 1921, с. I—IV]**	**Средний курс китайского языка (1922) [Чжан Шичжао, 1922, с. 1]**	**Новая грамматика китайского языка (1924) [Ли Цзиньси, 1924, с. 1—2]**	**Средний курс этимологии русского языка (1923) [Чжан Симон, 1923, с. 1—6]**
Слово	Цзы	Цзы	Ци (Цзы)	—	Ци (Цзы)	Цзы
(Обозначение «слова» в названиях части речи)	Цзы	Цзы	**Ци**	—	**Ци**	**Ци**
существительное	**Мин** Цзы	**Мин** Цзы	**Мин Ци**	**Мин Ци**	**Мин Ци**	**Мин Ци**
прилагательное	—	**Фань** Цзы	**Син Жон Ци**	**Син Жон Ци**	**Син Жон Ци**	**Син Жон Ци**
местоимение	**Дай** Цзы	**Дай** Цзы	**Дай Мин Ци**	**Дай Мин Ци**	**Дай Мин Ци**	**Дай Мин Ци**
числительное	—	-	**Шу Ци**	—	—	**Шу Ци**
глагол	Дун Цзы	**Дун** Цзы	**Дун Ци**	**Дун Ци**	**Дун Ци**	**Дун Ци**
причастие	—	Цзянь Цзы	Фэнь Ци	—	—	Син Дун Ци
деепричастие	—			—	—	Фу Дун Ци
наречие	Чжуан Цзы	Чжуан Цзы	**Фу Ци**	**Фу Ци**	**Фу Ци**	**Фу Ци**
предлог	Цзе Цзы	**Цянь** Цзы	**Цянь Чжи Ци**	Цзе **Ци**	Цзе **Ци**	**Цянь Чжи Ци**
союз	Лянь Цзы	Чжэн **Цзе** Цзы	**Цзе Сюй Ци**	**Цзе Сюй Ци**	Лянь **Ци**	**Цзе Сюй Ци**
междометие	**Тань** Цзы	**Тань** Цзы	**Гань** Цзюэ **Ци**	**Тань Ци**	**Тань Ци**	**Гань Тань Ци**

[Научный диалог = Nauchnyi dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

да наметилась тенденция перехода от «Цзы» к «Ци» при обозначении понятия «слово» в лингвистических описаниях европейских языков, так как в китайском языке к тому времени появилось большое количество новых «слов», состоящих из двух или трех иероглифов, а разница между «Цзы» (иероглиф) и «Ци» (сочетание иероглифов) стала более ощутимой. Таким образом, после урегулирования принципа перевода иероглиф «Ци» стал единственным вариантом для обозначения понятия «слово» с европейской точки зрения.

4. Заключение = Conclusions

Итак, подведем итоги. Учебник Чжан Симона «Средний курс этимологии русского языка» — первый учебник по русской грамматике на китайском языке, составленный непосредственно китайским ученым. Это учебное пособие — одно из многих пособий начала XX века, предназначенных для изучения иностранных языков и культур.

При составлении учебника самым важным источником послужила «Этимология русского языка для нерусских» А. Н. Любимова, ставшая для автора «Среднего курса» моделью описания морфологической системы. Другой источник, указанный Чжан Симоном, — «Руководство к изучению синтаксиса русского языка» Д. Н. Овсянико-Куликовского, — как было показано, скорее оказал влияние на формирование представлений о синтаксической системе русского языка у автора «Среднего курса», но едва ли действительно использовался при составлении учебного пособия. Выявленное сходство «Среднего курса» с учебником Я. Х. Витте подтверждает вероятность того, что при работе над синтаксическим блоком пособия Чжан Симон ориентировался на один из подобных учебников конца XIX — начала XX веков. Также было доказано, что в ходе работы Чжан Симон использовал материал из учебника Я. Я. Брандта «Почин: Опыт учебной хрестоматии для преподавания русского языка в начальных китайских школах».

Вместе с тем данный учебник не является копией зарубежных пособий, а отражает авторскую идею составителя. Все зафиксированные сокращения, дополнения и изменение порядка изложения в собранном материале были осуществлены Чжан Симоном в целях адаптации к потребностям китайских учащихся.

Установлено, что разработанная на китайском языке терминологическая система лингвистической науки, предложенная в учебнике, является результатом совместных усилий лингвистов того периода, что стало возможным благодаря процессу адаптации европейской лингвистической мысли в Китае и творческому подходу исследователей к переводу терми-

нов. Анализ терминологической системы учебника позволяет увидеть, что это учебное пособие, несомненно, оказало значительное влияние на дальнейшее развитие изучения русского языка в Китае. Системность и обдуманность перевода терминов, предложенного Чжан Симоном, сделали его учебник важнейшим образцом для составления подобных руководств в последующие десятилетия.

Название и содержание учебника «Средний курс этимологии русского языка», как и в случае с его ориентиром — грамматическим руководством А. Н. Любимова, показывают, что он не предназначен для обучения студентов начального уровня. Поэтому через два года Чжан Симон подготовил другое учебное пособие — «Новая Россия», в котором содержатся тексты для чтения. При объяснении грамматических трудностей в этом пособии автор даёт ссылки на «Средний курс», что делает последний ценнейшим грамматическим справочником.

Все это позволяет сделать вывод, что создание «Среднего курса этимологии русского языка» является важным звеном в истории развития преподавания русского языка в Китае. После появления этого учебного пособия учебник русского языка в Китае перестал быть индивидуальным трудом, рассчитанным на ограниченное количество учащихся, а начал использоваться в широкой учебной практике и стал неотъемлемой частью общего процесса развития лингвистических учений и преподавания иностранных языков в стране.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Богородицкий В. А.* Русская грамматика : пособие для педагогических классов и при самообразовании / В. А. Богородицкий. — Казань : Типо-литогр. ун-та, 1918. — 329 с.

2. *Брандт Я. Я.* Почин : опыт учебной хрестоматии для преподавания русского языка в начальных китайских школах / Я. Я. Брандт. — Пекин : Тип. Уст. Монастыря при Русской Духовной Миссии, 1911. — Ч. 2. — 170 с.

3. *Буслаев Ф. И.* Опыт исторической грамматики русского языка : учебное пособие для преподавателей / Ф. И. Буслаев. — Москва : Унив. тип., 1858. — Ч. 1. — 244 с.

4. *Ватштейн Я. М.* Практическая русская грамматика для инородческих школ / Я. М. Ватштейн. — Лодзь : Л. Фишер, 1904. — 124 с.

5. *Витте Я. Х.* Практическая русская грамматика для инородческих школ / Я. Х. Витте. — Рига : Ионк и Полиевский, 1909. — 148 с.

6. *Колесов Н. Ф.* Китайско-русскій словарь юридическихъ и политическихъ терминовъ / Н. Ф. Колесов, И. С. Бруннерт. — Пекин : Правление о-ва Китайской Восточной железной дор., 1923. — 462 с.

7. *Ли Цзиньси*. Новая грамматика китайского языка / Ли Цзиньси. — Пекин : Коммерческое издательство, 1924. — 396 с. (黎锦熙. 新著国文语法. 北京: 商务印书馆，1924: 396)

8. *Любимов А. Н.* Этимология русского языка для нерусских / А. Н. Любимов. — Москва : Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1911. — 171 с.

9. *Люй Шусян.* Хрестоматия к труду "Грамматика Ма Цзяньчжуна" / Люй Шусян, Ван Хайфэнь. — Шанхай : Шанхайское издательство образования, 2019. — 711 с. — ISBN 978-7-5444-8619-4. (吕叔湘，王海棻编《马氏文通》读本. 上海: 上海教育出版社, 2019: 711. — ISBN 978-7-5444-8619-4).

10. *Овсянико-Куликовский Д. Н.* Руководство к изучению синтаксиса русского языка / Д. Н. Овсянико-Куликовский. — Москва : Т-во И. Д. Сытина, 1912. — 236 с.

11. *Овсянико-Куликовский Д. Н.* Синтаксис русского языка / Д. Н. Овсянико-Куликовский. — Санкт-Петербург : Издание Д.Е. Жуковского, 1902. — 312 с.

12. *Сосунов И. И.* Учебник русской грамматики: этимология и синтаксис / И. И. Сосунов. — Москва : Тип. Вильде, 1905 (обл. 1906). — 104 с.

13. ТСРЯ — *Толковый* словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. — Москва : Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935—1940. — Т. 1—4.

14. *Хворов С. Ф.* Элементарный курс практической русской грамматики с задачами, упражнениями и образцами различных разборов и работ / С. Ф. Хворов. — Санкт-Петербург : Тип. Е. Е. Евдокимова, 1891. — 127 с.

15. *Цукерман Б.* Опыт первоначального, практического обучения русской грамматике / Б. Цукерман. — Москва : Современные известия, 1872. — 56 с.

16. *Чжан Симон*. Средний курс этимологии русского языка / Чжан Симон. — Пекин : Новая Республика, 1923. — 221 с. (张西曼. 中等俄文典. 北京: 新共和印刷局, 1923: 221).

17. *Чжан Шичжао*. Средний курс китайской грамматики / Чжан Шичжао. — Пекин : Коммерческое издательство, 1922. — 302 с. (章士钊. 中等国文典. 北京: 商务印书馆, 1922: 302).

18. *Chü James E.* Grammaire Française A L'usage des Élèves Chinois / E. Chü James. — Shanghai : Commercial Press, 1921 — 155 p.

19. *Tsin Wen Chung.* Deutsche Grammatik mit Chinesischen Übersetzungen / Tsin Wen Chung. — Peking : Commercial Press Work, 1921 — 143 p.

Литература

1. *Волкова М. П.* Первый учебник русского языка для китайских учащихся. / М. П. Волкова // Краткие сообщения Института народов Азии. — 1963 — Т. 61. — С. 154—157.

2. *Гао Вэньфэн*. Первое учреждение для преподавания русского языка в Китае — Школа русского языка / Гао Вэньфэн // Вестник Хэйлунцзянского университета (Серия иностранных языков). — 1979. — № 2. — С. 104—107. — DOI: 10.16263/j.cnki.23-1071/h.1979.02.016. (高文风.我国的第一所俄语学校——俄罗斯文馆[J].黑龙江大学学报(外语版), 1979(02):104—107. — DOI: 10.16263/j.cnki.23-1071/h.1979.02.016.).

3. *Да Вэйдун.* Исследование развития преподавания иностранных языков в Китае : 1949—2009/ Да Вэйдун, Ху Вэньчжун. — Шанхай : Шанхайское издательство образования по иностранным языкам, 2009. — 985 с. — ISBN 978-7-5446-1536-5. (戴炜栋, 胡文仲主编.中国外语教育发展研究:1949—2009[M]. 上海: 上海外语教育出版社. 2009: 985. — ISBN 978-7-5446-1536-5.).

4. *Дин Шу Цинь*. Преподавание русского языка в Китае в начале XVIII в / Дин Шу Цинь // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. — 2008. — № 4—2. — С. 258—261.

5. *Е Байчуань*. Октябрьская революция и распространение русского языка в Китае (1920—1930-е годы) / Е Байчуань, Чжан Боно, Луань Цюжуй // Новейшая история России. — 2019. — № 3. — С. 725—742. — DOI: 10.21638/11701/spbu24.2019.312.

6. *Кузовенкова А. И.* К истории грамматической традиции : «Грамматика» Мелетия Смотрицкого 1619 года / А. И. Кузовенкова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 2—1 (56). — С. 124—127.

7. *Лапин П. А.* Школа русского языка при дворцовой канцелярии в цинском Китае (начало XVIII — вторая половина XIX в.) / П. А. Лапин // Вестник Московского университета. Серия 13 : Востоковедение. — 2009. — № 3. — С. 103—126.

8. *Ли Минбинь*. В честь профессора Чжан Симона — предшественника в области преподавания русского языка в Китае / Ли Минбинь // Русский язык в Китае. — 1996. — № 1. — С. 62—64. (李明滨.纪念俄语教学前辈张西曼教授[J].中国俄语教学, 1996(01):62—64).

9. *Ли Минбинь*. Россиеведение : ретроспектива и перспективы образования / Ли Минбинь // Русский язык в Китае. — 2014. — № 4. — С. 80—82. (李明滨.俄罗斯学教育的回顾与展望[J].中国俄语教学, 2014(04):80—82).

10. *Ли Чуаньсун*. Современная и новейшая история преподавания иностранных языков в Китае / Ли Чуаньсун, Сюй Баофа. — Шанхай : Шанхайское издательство образования по иностранным языкам, 2006. — 517 с. — ISBN 7-5446-0219-2. (李传松, 许宝发. 中国近现代外语教育史. 上海: 上海外语教育出版社, 2006: 517. — ISBN 7-5446-0219-2).

11. *Лю Чжэньюй*. Историческое исследование обучения китайских студентов в России (СССР) в конце эпохи Цин и начале периода Китайской Республики / Лю Чжэньюй // Российские исследования. — 2013. — № 1. — С. 184—208. (刘振宇.清末民初中国人留学俄(苏)活动的历史考察[J].俄罗斯研究, 2013(01):184—208).

12. *Менгель С.* Альтернативные пути формирования русского литературного языка в конце XVII — первой трети XVIII века : вклад иностранных ученых и переводчиков / С. Менгель, С. Аршембо, М. К. Брагоне. — Москва : ЯСК, 2021. — 324 с. — ISBN 978-5-907290-78-5.

13. *Попова И. Ф.* Словари кяхтинского пиджина / И. Ф. Поповой, Таката Токио. Москва : Наука — Восточная литература, 2017. — 603 с. — ISBN 978-5-02-036552-0.

14. *Успенский Б. А.* История русского литературного языка (XI—XVII вв.) / Б. А. Успенский. — Москва : Аспект Пресс, 2002. — 559 с. — ISBN 5-7567-0146-X.

15. *Успенский Б. А.* Первая русская грамматика на родном языке : доломоносовский период отечественной русистики / Б. А. Успенский. — Москва : Наука, 1975. — 231 с.

16. *Храпко-Магала М. В.* Мелетий Смотрицкий и его «Грамматики Славенскыя правилное Синтагма» / М. В. Храпко-Магала // Русский язык в школе. — 2013. — № 12. — С. 75—80.

17. *Чжан Сяомань*. Чжан Симон и распространение марксизма-ленинизма в Китае / Чжан Сяомань // Партийная история Пекина. — 2012. — № 4. — С. 50—52. (张小曼.张西曼与中国马列主义传播[J].北京党史, 2012(04):50—52).

18. *Чжуан Юй*. Китайские студенты в России в начале XX века и распространение социализма в Китае / Чжуан Юй // Вестник Шанхайского педагогического университета (Серия философских и социальных наук). — 2022. — № 6. — С. 143—152. — DOI:

10.13852/j.cnki.jshnu.2022.06.015. (庄宇.20世纪初留俄学生与社会主义在中国的传播[J].上海师范大学学报(哲学社会科学版), 2022(06):143—152. — DOI: 10.13852/j.cnki.jshnu.2022.06.015.).

19. *Stary G.* "A Manchu Document Concerning Russian Teachers of the Manchu Banners' "Russian Company" / G. Stary // Central Asiatic Journal. — 1999. — Vol. 43/1. — Pp. 140—146.

Статья поступила в редакцию 10.09.2025,
одобрена после рецензирования 26.01.2026,
подготовлена к публикации 09.02.2026.

Material resources

Bogoroditsky, V. A. (1918). *Russian grammar: a manual for pedagogical classes and self-education.* Kazan: Tipo-lithogr. university. 329 p. (In Russ.).

Brandt, Ya. Ya. (1911). *Pochin: the experience of an educational textbook for teaching Russian in elementary Chinese schools, 2.* Beijing: Type. Ust. Monastery at the Russian Ecclesiastical Mission. 170 p. (In Russ.).

Buslaev, F. I. (1858). *The experience of historical grammar of the Russian language: a textbook for teachers, 1.* Moscow: Univ. tip. 244 p. (In Russ.).

Chü James, E. (1921). *Grammaire Française A L'usage des Élèves Chinois.* Shanghai: Commercial Press. 155 p. (In Frenc.).

Khvorov, S. F. (1891). *Elementary course of practical Russian grammar with tasks, exercises and samples of various analyses and works.* Saint Petersburg: E. E. Evdokimova Publishing House. 127 p. (In Russ.).

Kolesov, N. F., Brunnert, I. S. (1923). *Chinese-Russian dictionary of legal and political terms.* Beijing: Board of the Chinese Eastern Railway. 462 p. (In Russ.).

Li Jinxi. (1924). *New Grammar of the Chinese language.* Beijing: Commercial Publishing House. 396 p. (In Chin.).

Lu Shuxiang., Wang Haifen. (2019). *Anthology to the work "Grammar of Ma Jianzhong".* Shanghai: Shanghai Publishing House of Education. 711 p. ISBN 978-7-5444-8619-4. (In Chin.).

Lyubimov, A. N. (1911). *Etymology of the Russian language for non-Russians.* Moscow: I. D. Sytina Printing House. 171 p. (In Russ.).

Ovsyaniko-Kulikovsky, D. N. (1902). *Syntax of the Russian language.* St. Petersburg: Edition of D. E. Zhukovsky. 312 p. (In Russ.).

Ovsyaniko-Kulikovsky, D. N. (1912). *A guide to the study of the syntax of the Russian language.* Moscow: I. D. Sytina Publishing House. 236 p. (In Russ.).

Sosunov, I. I. (1905). *Textbook of Russian grammar: etymology and syntax.* Moscow: Type. Wilde. 104 p. (In Russ.).

Tsin Wen Chung. (1921). *Deutsche Grammatik mit Chinesischen Übersetzungen.* Peking: Commercial Press Work. 143 p.

TSRYA — Ushakov, D. N. (ed.). (1935—1940). *Explanatory dictionary of the Russian language: in 4 volumes, 1—4.* Moscow: Soviet Encyclopedia: OGIZ. (In Russ.).

Tsuckerman, B. (1872). The experience of initial, practical teaching of Russian grammar. Moscow: Sovremennye izvestia. 56 p. (In Russ.).

Watstein, Ya. M. (1904). *Practical Russian grammar for foreign schools*. Lodz: L. Fischer. 124 p. (In Russ.).

Witte, J. H. (1909). *Practical Russian grammar for foreign schools.* Riga: Ionk and Polievsky. 148 p. (In Russ.).

Zhang Shizhao. (1922). *The average course of Chinese grammar.* Beijing: Commercial Publishing House. 302 p. (In Chin.).

Zhang Simon. (1923). *Intermediate course in the etymology of the Russian language.* Beijing: Printing House "New Republic". 221 p. (In Chin.).

References

Chuang Yu. (2022). Chinese students in Russia at the Beginning of the 20th Century and the Spread of Socialism in China. *Bulletin of Shanghai Pedagogical University (Series of Philosophical and Social Sciences), 6:* 143—152. DOI: 10.13852/j.cnki.jshnu.2022.06.015. (In Chin.).

Da Weidong., Hu Wenzhong. (2009). *Research on the development of foreign language teaching in China: 1949—2009.* Shanghai: Shanghai Publishing House of Education in Foreign Languages. 985 p. ISBN 978-7-5446-1536-5. (In Chin).

Ding Shu Qin. (2008). Teaching of the Russian language in China at the beginning of the XVIII century. *Bulletin of St. Petersburg University. Series 9. Philology. Oriental studies. Journalism, 4—2:* 258—261. (In Russ.).

Gao Wenfeng. (1979). Russian Russian Language School is the first institution for teaching Russian in China. *Bulletin of Heilongjiang University (Foreign Languages Series), 2:* 104—107. DOI: 10.16263/j.cnki.23-1071/h.1979.02.016. (In Chin.).

Khrapko-Magala, M. V. (2013). Meletiy Smotritsky and his "Grammars of Slavonic correct Syntagma". *Russian language at school, 12:* 75—80. (In Russ.).

Kuzovenkova, A. I. (2016). On the history of grammatical tradition: "Grammar" by Meletiy Smotritsky in 1619. *Philological Sciences. Questions of theory and practice, 2—1 (56):* 124—127. (In Russ.).

Lapin, P. A. (2009). The school of the Russian language at the palace chancellery in Qing China (the beginning of the XVIII — second half of the XIX century). *Bulletin of the Moscow University. Episode 13: Oriental Studies, 3:* 103—126. (In Russ.).

Li Changsun., Xu Baofa. (2006). *The modern and recent history of teaching foreign languages in China.* Shanghai: Shanghai Publishing House of Education in Foreign Languages. 517 p. ISBN 7-5446-0219-2. (In Chin.).

Li Mingbin. (1996). Russian in China / In honor of Professor Zhang Simon, the predecessor in the field of teaching Russian in China. *Russian language in China, 1:* 62—64. (In Chin.).

Li Mingbin. (2014). Russian Studies: a retrospective and educational Prospects. *Russian language in China, 4:* 80—82. (In Chin.).

Liu Zhenyu. (2013). A historical study of the education of Chinese students in Russia (USSR) at the end of the Qing Era and the beginning of the Republic of China period. *Russian Studies, 1:* 184—208. (In Chin.).

Mengel, S., S. Archambo, S., M. K. Begone. (2021). *Alternative ways of formation of the Russian literary language at the end of XVII — the first third of the XVIII century: the contribution of foreign scholars and translators.* Moscow: YASK. 324 p. ISBN 978-5-907290-78-5. (In Russ.).

Popova, I. F., Takata Tokyo. (2017). *Dictionaries of the Kyakhtin pidgin.* Moscow: Nauka — Vostochnaya literatura. 603 p. ISBN 978-5-02-036552-0. (In Russ.).

Stary, G. (1999). 'A Manchu Document Concerning Russian Teachers of the Manchu Banners' "Russian Company". *Central Asiatic Journal, 43/1:* 140—146.

Uspensky, B. A. (1975). *The first Russian grammar in his native language: the Dolomonosov period of Russian Studies.* Moscow: Nauka Publ. 231 p. (In Russ.).

Uspensky, B. A. (2002). *History of the Russian literary language (XI—XVII centuries).* Moscow: Aspect Press. 559 p. ISBN 5-7567-0146—X. (In Russ.).

Volkova, M. P. (1963). The first textbook of the Russian language for Chinese students. *Brief reports of the Institute of Asian Peoples, 61:* 154—157. (In Russ.).

Ye Baichuan., Zhang Bono., Luan Qiuzhui. (2019). The October Revolution and the Spread of the Russian Language in China (1920—1930s). *The modern history of Russia, 3:* 725—742. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2019.312. (In Russ.).

Zhang Xiaoman. (2012). Zhang Simon and the spread of Marxism-Leninism in China. *Party History of Beijing, 4:* 50—52. (In Chin.).

The article was submitted 10.09.2025;
approved after reviewing 26.01.2026;
accepted for publication 09.02.2026.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]
Check for updates

Информация для цитирования:

Каюмова А. Р. Метафорическая репрезентация воздушной стихии во фразеологии русского, английского, немецкого, испанского и татарского языков / А. Р. Каюмова, Р. А. Сафина, Н. В. Коноплева // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 2. — С. 73—90. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-73-90.

Kayumova, A. R., Safina, R. A., Konopleva, N. V. (2026). Metaphorical Representation of Air Elements in Phraseology of Russian, English, German, Spanish, and Tatar Languages. *Nauchnyi dialog, 15* (2): 73-90. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-73-90. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Метафорическая репрезентация воздушной стихии во фразеологии русского, английского, немецкого, испанского и татарского языков

Каюмова Альбина Рамилевна
orcid.org/0000-0001-6231-3983
кандидат филологических наук, доцент, кафедра романо-германской филологии,
корреспондирующий автор
alb1980@yandex.ru

Сафина Римма Абельхаеровна
orcid.org/0000-0002-5787-1427
кандидат филологических наук, доцент, кафедра романо-германской филологии
Rimma.Safina@ksu.ru

Коноплева Наталья Вячеславовна
orcid.org/0000-0002-1213-8803
кандидат филологических наук, доцент, кафедра теории и практики преподавания иностранных языков
natali.konopleva@mail.ru

Казанский федеральный университет
(Казань, Россия)

Metaphorical Representation of Air Elements in Phraseology of Russian, English, German, Spanish, and Tatar Languages

Albina R. Kayumova
orcid.org/0000-0001-6231-3983
PhD in Philology, Associate Professor, Department of Romano-Germanic Philology,
corresponding author
alb1980@yandex.ru

Rimma A. Safina
orcid.org/0000-0002-5787-1427
PhD in Philology, Associate Professor, Department of Romano-Germanic Philology
Rimma.Safina@ksu.ru

Natalia V. Konopleva
orcid.org/0000-0002-1213-8803
PhD in Philology, Associate Professor, Department of Theory and Practice of Teaching Foreign Languages
natali.konopleva@mail.ru

Kazan Federal University
(Kazan, Russia)

© Каюмова А. Р., Сафина Р. А., Коноплева Н. В., 2026

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье представлена сопоставительная характеристика фразеологических единиц, в структуре которых есть обозначения воздуха, в лингвокультурологическом аспекте на примере пяти разноструктурных языков: русского, английского, немецкого, испанского и татарского. Основное внимание в исследовании уделяется выявлению универсальных и уникальных моделей репрезентации символического значения воздушной стихии во фразеологическом фонде сопоставляемых языков. Общее количество исследуемого материала составляет 188 единиц. Сопоставительный анализ исследуемого материала показал, что универсальная символика воздуха представлена лишь в пяти фразесемантических группах, тогда как более 50 % фразеосемантических подгрупп следует отнести к разряду реализующих уникальные способы символического осмысления стихии воздуха. Наибольшее сходство обнаруживают русский и татарский языки, в то же время испанский и английский языки лидируют по количеству уникальных тематических групп, не представленных в других сопоставляемых языках. Установлено, что в количественном отношении преобладают единицы с нейтральной коннотацией. Полученные результаты демонстрируют, что фразеологизмы, в составе которых присутствуют обозначения воздуха, обнаруживают в сопоставляемых языках значительное разнообразие с точки зрения семантики выражения в целом и с позиций культурной символики воздушной стихии.

Ключевые слова:
лингвокультурология; семантика воздуха; концепт ВОЗДУХ; фразеология; метафора; символика воздушной стихии.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study provides a comparative analysis of phraseological units that incorporate air-related terms from five typologically diverse languages — Russian, English, German, Spanish, and Tatar — in a linguocultural perspective. The main focus is on identifying universal as well as unique patterns for representing symbolic meanings associated with air elements within these linguistic systems' phraseological inventories. A total of 188 units were analyzed. Comparative analysis revealed that only five phrasemantic groups exhibit universally shared symbolic representation of air, while over 50% of subcategories reflect language-specific symbolic interpretations. Among the studied languages, Russian and Tatar show the highest degree of similarity, whereas Spanish and English lead in the number of uniquely thematic groups not found elsewhere among the compared languages. Furthermore, it was established that neutral connotative phrases dominate quantitatively across all languages under investigation. These findings highlight significant diversity both semantically and culturally regarding how air symbols are expressed through idiomatic expressions in each language group.

Key words:
Linguoculturology; semantics of air; AIR concept; phraseology; metaphor; symbolism of air elements

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 81’373.612.2+81’276.11
DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-73-90

Научная специальность ВАК
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Метафорическая репрезентация воздушной стихии во фразеологии русского, английского, немецкого, испанского и татарского языков

© Каюмова А. Р., Сафина Р. А., Коноплева Н. В., 2026

1. Введение = Introduction

Целью настоящего исследования является определение общих и национально-специфических групп фразеологизмов в русском, английском, немецком, испанском и татарском языках, в структуре которых есть обозначения воздуха (*воздух, air, Luft, aire, һава*). Одной из главных задач исследования является поиск универсальных моделей и этнокультурной специфики в репрезентации символического значения воздушной стихии во фразеологическом фонде сопоставляемых языков. Актуальность исследования обусловлена тем, что сопоставительное изучение внутренней формы, образного компонента фразеологических единиц (ФЕ) способствует выявлению межъязыковых универсалий, а также более эффективному и точному поиску межъязыковых соответствий в сопоставляемых языках.

Воздушное пространство является одной из фундаментальных стихий мироздания, которое играет центральную роль в мифах о сотворении мира, когда земля и небо отделяются друг от друга как два первичных элемента. Воздух является изначальной стихией, необходимым условием человеческого бытия.

В мифологических картинах мира различных народов зафиксированы весьма разнообразные ассоциативные представления, связанные со стихией воздуха. Воздушное пространство — это небо, которое является символическим местом обитания богов, ангелов и духов [Tushych, 2014, с. 175]. Зачастую воздух описывается в виде дуновения ветра. Во многих мифологиях, в частности в кельтской, дуновение наделяется магической функцией: дуновение друида разрушает вражеские укрепления, обращает врагов в камни и т. п. С ветром как легкой, духовной субстанцией прилетают крылатые божественные вестники — ангелы. Однако тот же ветер может служить местопребыванием демонизированных крылатых существ, в том числе и душ умерших людей. Связь воздуха с душой также очевидна:

CC BY

данные субстанции включают измерения, которые очень значимы, но в то же время трудно постижимы.

В славянской мифологии стихия воздуха характеризуется следующими признаками: «ВОЗДУХ — стихия, сфера пребывания души и различных невидимых демонологических персонажей. Этимологически *воздух*, так же как и *душа, дыхание*, — из праслав. **дихъ*» [Славянские древности ..., 1995, т. 1, с. 401]. «В народных верованиях сближаются представления о воздухе и дыхании, дуновении, ветре <...> В. служит проводником, средой, через которую насылается порча, распространяется *болезнь* <...> В виде пара, воздуха или дыма *душа* покидает умирающего. У восточных славян об агонии человека говорят: “дух вон”, “дух вышел” или “пар вышел” <...> Воззрение на В. как среду обитания бесов присуще книжной христианской традиции» [Славянская мифология ..., 1995, с. 99—100].

В немецкой языковой картине мира воздушная стихия также характеризуется амбивалентным оценочным значением: с одной стороны, человек с древности осознавал значение воздуха и относился к данной стихии с уважением и благоговением. Олицетворением воздушной стихии в немецкоязычном фольклоре является орел как солнечный символ всех богов, духовного начала, вознесения и вдохновения. В обращениях, адресованных к воздушной стихии, представлены также ее персонифицированный женский образ Windsbraut («невеста ветра») и образ ветра — крёстного отца. В то же время человек осознавал опасности, которые таятся в любой стихии: по велению высших сил воздушная стихия может исполнить приговор Бога и расправиться с непослушными людьми за их грехи, таким образом, воздух является проявлением Божьего замысла [Грачева, 2010, 2012].

В Испании мифология каждой исторической области «поражает исследователя не только своим самобытным характером, но и сложным сплавом мифологических и тотемических систем, верований, и суеверий» [Оболенская, 2004, с. 92]. Тем не менее прослеживается, что в региональных поверьях воздух часто может быть местом обитания духов, ведьм и других мистических существ. Например, вентолины, мифические существа из кантабрийской мифологии, — это духи воздуха, которые помогают мореплавателям и рыбакам: загружают рыбу в лодку, вытирают пот и укрывают своими зелёными крыльями в холодную погоду [Sánchez, 2002]. На севере Испании имеется предание, что, если человек, проходя ночью по открытому полю, услышит свист с затянутого облаками неба, ему следует опустить глаза и ускорить шаг: говорят, что над ним пролетает стая нимф, способных подхватить и унести его [Оболенская, 2021].

Тюрки с особым почитанием обращались к богу неба — Тенгре. Небо воспринималось как духовное, а не материальное и было связано с куль-

CC BY

том, который сохранился и в более поздние времена, когда возникла форма обращения к единому богу (Аллаху). Обряды и ритуалы, связанные с воздухом, включали заклинания для вызова дождя и обеспечения хорошего урожая [Хусаинов, 2014]. Помимо этого, в татарском фольклоре стихия воздуха (һава) связана со сверхъестественными силами и существами. Например, воздух воспринимается как пространство, где обитают пэри — «достаточно сложный и противоречивый персонаж, воплощающий не только злые начала, но и добрые», так как они могут как помогать людям, так и быть капризными и требовать жертв [Татарика].

Таким образом, концепт воздушной стихии представляет собой сложное образование. Содержательные компоненты в его структуре отражают мироощущение, ценностные установки, мифологические и религиозные представления человека об окружающей его действительности. Воздух, с одной стороны, дает существам силу и жизнь, с другой стороны, с такой же легкостью способен разрушить все окружающее.

В научной литературе широко представлены работы, выявляющие специфику репрезентации концепта ВОЗДУХ в разных языках, в частности, на материале художественных произведений, однако фразеологический аспект остается недостаточно освещенным в современных исследованиях.

Образный компонент «воздух» в составе фразеологических единиц подвергается анализу в ряде диссертационных работ. Так, в работе С. А. Литвиновой исследуются ФЕ английского языка, содержащие обозначения основных природных стихий (вода, воздух, огонь, земля). Ученый подробно рассматривает структурно-семантические особенности обозначенной группы фразеологизмов, а также посвящает одну из глав изучению узуальных стилистических свойств, окказиональных выразительных средств и особенностей функционирования устойчивых выражений обозначенной группы [Литвинова, 2006].

В диссертации О. В. Балонкиной объектом исследования также являются устойчивые выражения с наименованиями природных стихий, в том числе обозначениями воздуха. Автор исследует на примере русской лингвокультуры средства репрезентации образности в обозначенной группе фразеологизмов, а также затрагивает дискурсивный аспект использования ФЕ [Балонкина, 2020].

В одной из статей О. В. Балонкина останавливается на специфике функционирования ФЕ с компонентом «воздух» в различных типах дискурса: художественном, публицистическом, учебно-научном. Материалом для исследования послужили контексты, собранные в Национальном корпусе русского языка ruscorpora.ru. Автор изучает количественные показатели употребления фразеологических единиц в разных типах дискурса, а

CC BY

также формальные изменения ФЕ и их семантические модификации. Анализу подвергается то, как понятие «стихия воздуха» закрепилось в русской фразеологии, каким образом оно реализуется в семантическом плане в составе фразеологизмов и с какими аспектами существования и жизнедеятельности человека связывается в разных типах дискурса [Балонкина, 2019].

Л. В. Чернышова рассматривает на примере русских устойчивых сочетаний с компонентами *воздух* и *ветер* проблему экспликации культурной информации фразеологизмов [Чернышова, 2006].

Сопоставительные работы, изучающие фразеологизмы с номинациями стихии воздуха, также немногочисленны. В работе С. Н. Черниковой на материале устойчивых выражений английского и русского языков исследуются фразеологизмы, содержащие наименования компонентов природного ландшафта, включающие, в частности, наименование воздушной оболочки. Автор разрабатывает новые формализованные параметры, с помощью которых может быть количественно охарактеризована степень проявления национальной специфики фразеологического развития слова, главным из которых является средний индекс продуктивности семантического признака. Автор считает, что с помощью индекса продуктивности семантического признака развития лексем в группе представляется возможным определить наиболее продуктивные признаки, мотивирующие семантическое развитие лексем на фразеологическом уровне. Исследователь также приходит к выводу, что степень выраженности национальной специфики фразеологизмов с наименованиями компонентов природного ландшафта в русском и английском языках является умеренно выраженной [Черникова, 2016].

В работе Е. А. Линевой, Е. Г. Котовой, М. В. Овчинниковой, Е. Б. Савельевой и Т. Г. Юсуповой компаративному синтаксическому и грамматическому анализу подвергаются ФЕ с компонентом *воздух / air / l'air* в русском, английском и французском языках. Авторы выявляют сходные символические значения, характерные для трех языков, а также единицы с уникальными образными основами и приходят к выводу, что изучаемые фразеологизмы составляют значимый в лингвокультурологическом отношении этноспецифический пласт лексики [Компаративный анализ ..., 2020].

Краткий обзор работ, посвященных исследованию ФЕ с обозначениями воздушной стихии, выявил спектр наиболее изученных в контексте этой темы языков (русский, английский, немецкий и французский), в то же время позволил обнаружить языки, фразеологический состав которых еще не подвергался изучению в выбранном нами аспекте, а именно испанский и татарский языки.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В ходе сопоставительного исследования был использован следующий алгоритм действий:

1. Методом сплошной выборки из толковых [RAE; CD, CDO, FD], одноязычных [Бирих, 1998; Исанбет, 1989; Телия, 2009; Тихонов, 2012; Jiménez, 2009; RRIA; WI; WR] и двуязычных [Сафиуллина, 2001] фразеологических словарей было отобрано 26 русских, 46 английских, 53 немецких, 43 испанских и 20 татарских ФЕ с компонентами *воздух, air, Luft, aire, һава*. Общее количество исследуемого материала составляет 188 ФЕ. Пословицы не вошли в базу исследования ввиду узкого понимания фразеологии.

2. ФЕ были распределены на фразеосемантические подгруппы на основе их значений. Названия подгрупп носят в известной мере условный характер. Далее все ФЕ были распределены на группы с отрицательной, положительной и нейтральной коннотацией.

3. На следующем этапе посредством сопоставительного анализа были выявлены общие и уникальные фразеосемантические группы для пяти изучаемых языков.

4. Итоговым этапом исследования стало определение универсальных символических значений образа воздушной стихии в составе фразеологического фонда сопоставляемых языков, а также этнокультурной специфики изучаемых устойчивых выражений.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Общие фразеосемантические группы

В результате проведенного анализа ФЕ с обозначениями воздуха в сопоставляемых языках было выявлено достаточно большое количество национально-специфических фразеосемантических групп, в то время как общие для исследованных языков семантические группы образуют всего около 23 процентов от общего количества исследованных единиц. В количественном отношении во всех языках преобладают единицы с нейтральной коннотацией. Затем следуют отрицательные ФЕ, и на последнем месте находятся ФЕ с положительной окраской. Исключение составляет только немецкий язык, где количество ФЕ с отрицательной коннотацией преобладает. В русском языке количество нейтральных и отрицательных ФЕ равнозначно.

В целом нам удалось выделить пять общих фразеосемантических групп (далее ФСГ), в которых представлены межъязыковые соответствия во всех пяти исследуемых языках. Данные тематические группы представлены в сопоставляемых языках синонимичными фразеологическими единицами как со сходными, так и с различными образными основами.

CC BY

В качестве примера далее приводятся фразеологические единицы с наиболее близкими образными основами.

Воздух — необходимая среда для дыхания всех живых организмов на Земле. В следующей фразеосемантической группе воздух характеризуется как «свежий» или «открытый (подразумевается доступ к свежему воздуху), что обусловливает положительную оценочность данных фразеологизмов.

ФСГ «пребывание на свежем воздухе (за пределами помещения)»: рус. *на (свежем) воздухе*, англ. *in the open air, a fresh-air friend,* нем. *an der frischen Luft*, *(frische) Luft schöpfen,* исп. *al aire libre, tomar el aire*, тат. *һава алу, ачык һавада*.

Для следующей группы фразеологизмов, в которых образ воздушной стихии символизирует нечто неосязаемое, то есть пустоту, отсутствие материи (в частности, пищи), характерна скорее отрицательная оценочность:

ФСГ «отсутствие пищи»: рус. *воздухом питаться*, англ. *live on air*, нем. *von Luft und Liebe leben*, исп. *alimentarse / sustentarse del aire*, тат. *һава белән туену / туенып тору*. К этой же группе можно отнести английскую ФЕ *wind pudding and air dip* (букв. «пудинг из ветра и воздушный соус», то есть ничего). Данная шутливая ФЕ обычно используется в качестве ответа на вопрос «Что у нас на ужин?».

В трех фразеосемантических группах, общих для всех пяти анализируемых языков, образ воздушной стихии наделяется символическим значением ненадежности, что также определяет пейоративную коннотацию данных фразеологизмов:

ФСГ «зыбкое положение»: рус. *висеть в воздухе (повиснуть в воздухе),* англ. *hang in the air*, нем. *in der Luft schweben*, исп. *estar en el aire*, тат. *һавада асылынып / эленеп калу / тору*. Межъязыковые эквиваленты с идентичной образностью представлены во всех языках.

ФСГ «несбыточные мечты»: рус. *(башни) на воздухе строить*, исп. *fabricar / fundar (castillos) en el aire*, нем. *Luftschlösser bauen // sich in Luftschlösser hoffen*, тат. *һавадагы торна*, англ. *castles in the air.* В данной группе во всех языках обнаруживается одинаковая образная основа, за исключением татарского, где несбыточная мечта сравнивается с журавлем в небе (буквально: «журавль в воздухе»). Помимо этого, в русском языке имеется единица *витать в воздухе / облаках*, что также значит ‘предаваться бесплодным фантазиям’.

ФСГ «пустые слова»: нем. *heiße Luft* (букв. «горячий воздух») */ in die Luft reden*, тат. *һавадан алу* (букв. «брать с воздуха»), исп. *al aire* (букв. «с воздуха»), англ. *hot air* (букв. «горячий воздух») */ pluck smth from the air* (букв. «выхватывать что-то из воздуха»), рус. *колебать воздух*. Интересно парное эквивалентное межъязыковое соответствие в немецком и в англий-

ском языках, в котором лживые слова ассоциируются с разгоряченным воздухом (*heiße Luft — hot air).*

В четырех языках воздух, будучи постоянно меняющейся стихией, наделяется символикой изменчивости, в большинстве случаев с положительной коннотацией:

ФСГ «приятные перемены»: англ. *a breath of fresh air*, рус. *как глоток свежего воздуха*, нем. *Eine andere/bessere/frischere Luft in etw. (hinein) bringen*, исп. *cambiar/mudar de aires.* Лакуну образует татарский язык.

Помимо этого, в четырех языках были обнаружены две общие группы с нейтральной оценочностью. Компонентный анализ обозначенной группы показал, что образная основа фразеологизмов сопоставляемых языков также частично совпадает:

ФСГ «общие настроения, идеи»: рус. *в воздухе носится*, англ. *be in the air*, нем. *es liegt etwas in der Luft*, исп. *en el aire*. В данной группе лакуну образует татарский язык.

ФСГ «взрываться»: рус. *взлетать на воздух*, нем. *etw in die Luft fliegen/ jagen*, исп. *saltar por los aires*, тат. *навага очу*. В английском языке фразеологизм с подобным значением отсутствует.

В трех языках было выявлено девять общих групп: четыре группы с отрицательной оценочностью, две с положительной и три группы с нейтральной коннотацией.

Отрицательная оценочность характерна для следующих групп:

ФСГ «транжирить»: рус. *выбросить на воздух что-либо*, нем. *wie ein Luftballon zerplatzen*, исп. *dar aire al dinero, al caudal*. В немецком языке образная основа отличается от русских и испанских единиц (букв. «лопнуть, как воздушный шар»), лакуны образуют татарский и английский языки.

ФСГ «важничать»: англ. *assume airs*, *with your nose in the air*, *[put on] airs and graces,* исп. *darse aires de grandeza*, тат. *навасы сугу*. Образные основы фразеологизмов в данном ряду не совпадают, лакуны образуют русский и немецкий языки.

ФСГ «громко кричать, звучать»: рус. *рвать / резать воздух*, англ. *rend the air*, исп. *herir el aire con voces / lamentos / quejas, etc*. В русском и английском языках обнаруживаются сходные образные основы, лакуны образуют татарский и немецкий языки.

ФСГ «задыхаться»: рус. *не достает, не хватает воздуха,* англ. *gulp / gasp / pant for air*, нем. *jemandem geht die Luft aus / um Luft ringen / nach Luft schnappen / keine Luft haben.* Лакуны обнаруживаются в татарском и испанском языках.

Две фразеосемантические группы имеют положительную окраску.

ФСГ «оздоровить обстановку»: англ. *clear the air*, нем. *Luft reinigen*, тат. *һава алмаштыру / алыштыру*. Образные основы частично совпадают в английском, немецком («очищать воздух») и татарском («менять воздух») языках. Группа не представлена в русском языке и в испанском языках.

ФСГ «прийти в восторг»: рус. *кинуть шляпу на воздух,* нем. *vor Freude in die Luft springen*, англ. *tread / walk on air*. Образные основы не совпадают, лакуны вновь представляют татарский и испанский языки.

Три группы включают номинации с нейтральными коннотациями:

ФСГ, соотносительные с авиационной сферой: наименование воздушного судна (тат. *һава корабле / көймәсе* — букв. «воздушный корабль», то есть самолет); особенности передвижения в воздушном пространстве (рус. *утюжить воздух*, то есть летать по кругу в ожидании посадки, англ. *A bear in the air* — букв. «медведь в воздухе», то есть полицейский вертолёт на дежурстве); прочая терминология: тат. *һава чокыры / упкыны* (воздушная яма), *һава пиратлары* (воздушные пираты), англ. *air rage* (букв. «воздушная ярость», то есть грубое поведение пассажира на борту самолета). Лакуны образуют немецкий и испанский языки.

ФСГ «поднять(ся) в воздух»: рус. *поднять в воздух*; англ. *take the air*, тат. *һаваға күтәрү / очыру* (букв. «поднять в воздух»).

ФСГ «выстреливать»: рус. *в (на) воздух*, нем. *die Luft aus etw. herauslassen* (букв. «выпустить воздух из чего-либо»), исп. *disparar al aire* (букв. «стрелять в воздух»). В английском и татарском языках не были обнаружены ФЕ с подобным значением.

3.2. Парные межъязыковые соответствия

Парные межъязыковые соответствия в количественном отношении распределены следующим образом: по три группы выявлено в парах русский и испанский, английский и испанский, английский и немецкий языки; по две парные группы в русском и немецком языках, в немецком и испанском языках.

Межъязыковые соответствия русского и испанского языков:

ФСГ «производить впечатление, напускать вид»: англ. *air of mistery* и *with an air of finality*; исп. *darse aires de valiente.* Все единицы имеют одинаковую образную основу.

ФСГ «быстро двигаться»: рус. *как по воздуху*, исп. *en el aire; beber los aires (поэт.).* В данной подгруппе мы наблюдаем осмысление образа воздушной стихии через свойство ее высокой подвижности.

ФСГ «бить»: рус. *устар. бить / сечь / пороть на воздусях* (бить человека в воздухе, в подвешенном состоянии), исп. *dar con aire / o de buen aire* (букв. «дать (ударить) с [хорошим] воздухом», то есть сильно ударить).

Межъязыковые соответствия английского и испанского языков:

CC BY

ФСГ «тратить время / силу впустую»: англ. *fish / plough in the air* (букв. «рыбачить / пахать в воздухе»), исп. *azotar el aire* (букв. «хлестать воздух»).

ФСГ «прямой эфир»: быть в прямом эфире — исп. *en el aires*, англ. *be on the air*, *put on the air*; выйти из прямого эфира — англ. *be (go) off the air*, радиомолчание — англ. *dead air.*

ФСГ «свобода»: англ. *to be as free as the air*, исп. *ser libro como el aire*.

Межъязыковые соответствия немецкого и испанского языков:

ФСГ «второе дыхание»: нем. *(wieder) Luft haben* (букв. «(снова) иметь воздух»), исп. *coger alguien un segundo aire* (букв. «схватить второй воздух»). Образные основы фразеологизмов, где воздух символизирует свободу, совпадают частично.

ФСГ «дать кому-либо свободу действия»: нем. *jemandem Luft lassen / schaffen*, исп. *a mi, tu, su, etc., aire*. Образные основы совпадают.

Межъязыковые соответствия русского и немецкого языков:

ФСГ «быть очень нужным»: рус. *как воздух*, нем. *so wichtig sein wie die Luft zum Atmen.* В данной группе нашли отражение объективные представления о дыхании и о жизненной необходимости для человека содержащихся в атмосфере веществ:

ФСГ «вдохнуть»: рус. *набрать в грудь / в легкие воздуха*, нем. *Luft holen.*

Межъязыковые соответствия немецкого и английского языков:

ФСГ «исчезнуть»: нем. *sich in Luft auflösen разг.*, англ. *disappear/melt/vanish into thin air*. Образные основы фразеологизмов, где исчезающие объекты буквально растворяются в воздухе, совпадают.

ФСГ «действовать невпопад / наугад»: нем. *einen Schlag (или Stretch) in die Luft führen,* англ. *finger in the air.*

ФСГ «злиться на кого-либо»: нем. *in der Luft zerreisen*, англ. *be / get / go up in the air*. Образные основы в представленных ФЕ разные: в немецком языке ФЕ имеет буквальное значение «разорвать в воздухе», в английском — «быть / пойти / подняться в воздух».

3.3. Уникальные фразеосемантические группы

К периферии исследуемой группы фразеологизмов относятся фразеосемантические группы, представленные лишь в одном из описываемых языков. Как правило, данные группы представлены в каждом из языков единичными, реже несколькими фразеологизмами, в которых находит отражение национальная специфика осмысления образа воздушной стихии.

В русском языке было выявлено три уникальные фразеосемантические подгруппы, такие как «нечестный заработок», «жить общими / чьими-то интересами» и «воздух под давлением». Группу «нечестный заработок» со-

ставляют ФЕ *продавать воздух* и *делать деньги из воздуха.* Вторая группа, где актуализирована семантика объединения, представлена ФЕ *дышать одним воздухом*, *дышать воздухом чего-либо.* В своем прямом значении слово *воздух* употребляется во фразеологизме *сжатый воздух.*

В английском языке было найдено 14 фразеосемантических периферийных подгрупп.

Особого внимания заслуживают три уникальные фразеологические единицы, которые в основном используются в спортивном контексте: *air one out* (длинный пасс), *air shot* (удар по воздуху), *catch big air* (взлететь выше облаков (на каком-либо спортивном снаряжении). Образ воздуха как невесомого, легкого вещества очевиден в ФЕ *as light as the air* (букв. «легкий как воздух»).

Интересная образная основа у следующих ФЕ: *saw the air* (букв. «пилить воздух»), то есть сильно жестикулировать; *suck the air out of the room* (букв. «высасывать воздух»), то есть заполнять собой все физическое и эмоциональное пространство; *juggle balls in the air* (букв. «жонглировать мячами в воздухе») со значением ‘делать одновременно слишком много дел’; *fire (one's) pistol in the air* (букв. «стрелять в воздух») в переносном значении ‘избегать критиковать кого-либо или причинять боль в дебатах, спорах’.

В немецком языке можно выделить 10 уникальных фразеосемантических рядов, где фразеологизмы обнаруживают оригинальные образные основы, которые, тем не менее, характеризуются прозрачной внутренней формой. Можно отметить, что в данных уникальных ФЕ компонент «воздух» характеризует либо окружающую атмосферу, когда все спокойно (*die Luft ist rein* (букв. «воздух чист»), либо ситуацию, когда, напротив, атмосфера крайне опасная и напряженная, например: *dicke Luft* (букв. «плотный воздух»), *eine Luft zum Schneiden* (букв. «воздух, который можно разрезать») (последняя ФЕ может обозначать в том числе ‘затхлый воздух’).

Интересная образная основа была обнаружена в ФЕ *gesiebte Luft atmen* шутл. (букв. «дышать просеянным (через решетку) воздухом», ср. рус. ФЕ *небо в клеточку*), которая имеет значение ‘находиться в заключении’. Еще одно символическое значение, которое встречается в немецких ФЕ, — воздух как нечто прозрачное, невидимое, например, *Luft für jdn sein* (букв. «быть для кого-либо как воздух» — не замечать кого-либо), *jn wie Luft behandeln* (обращаться как с воздухом). Противоположная символика компонента «воздух» как некоего ресурса, субстанции, без которой дальнейшее существование невозможно, заложена в следующих ФЕ со значением ‘уничтожить кого-либо в финансовом плане, разорить’: *jdm. Die Luft abdrehen/ abdrücken/abschnüren* (букв. «перекрыть кому-либо доступ воздуха»).

CC BY

В испанском языке было обнаружено 12 периферийных групп. Так, только в испанском фразеологическом фонде найдены ФЕ, где отражено такое физическое качество воздуха, как отсутствие формы, способность заполнить любое пространство, что ассоциируется с гибкостью, приспособленчеством; например: *coger el aire a alguien* (привыкнуть к чьему-либо характеру); *guardarle / llevarle el aire a uno* (подлаживаться под кого-либо, приспосабливаться к кому-л.), *mudarse a cualquier aire* (держать нос по ветру).

Кроме того, только в испанских ФЕ компонент *aire* (воздух) передает не только быстроту движения тела, но и мысли; например: *coger alguien en el aire algo* (букв. «поймать в воздухе»; быстро понимать/улавливать) и *matarlas/cortarlas en el aire* (букв. «убивать / резать в воздухе»; 1) не лезть за словом в карман, 2) понимать с полуслова).

Интерес представляет поэтическая ФЕ *beber los aires por alguien* (букв. «пить воздух ради кого-либо») со значением ‘сильно любить / жаждать кого-либо’. Согласно «Истории кастильского языка и литературы» (авт. Хулио Сехадор-и-Фраука, 1915 год), происхождение единицы связано с охотничьими собаками-ищейками, которые, в жажде найти добычу, «казалось, пьют воздух».

В татарском языке представлены следующие две периферийные группы: «похвала» (*һаваға күтәреп мактау)* и «тепловой удар» (*һава сугу).* Группа «похвала» представлена одной единицей — *һаваға күтәреп мактау* (букв. «возносить до воздуха», то есть очень хвалить). Тем не менее стоит отметить, что как в русском, так и в английском языках имеются частичные эквиваленты этой ФЕ — *возносить до небес* и *praise (someone or something) to the heavens*, которые также означают восхвалять кого-либо или что-либо, однако ключевые компоненты этих единиц различны (воздух — небеса / heavens).

4. Заключение = Conclusions

Анализ символических значений образа воздушной стихии, актуализированного соответствующими номинациями в составе ФЕ исследуемых языков, позволил выявить следующие универсальные образные составляющие, которые характерны для всех сопоставляемых языков:

1) воздух как среда обитания;
2) воздух как ненадежная субстанция;
3) воздух как изменчивая структура;
4) воздух как пустота;
5) воздух как олицетворение свободы.

Также в нескольких из сопоставляемых языков были выявлены такие дополнительные символические значения воздуха, как «крайняя необходи-

мость», «источник силы и энергии», «источник напряжения», «обстановка / настроение», «иллюзорность», «быстрота» и «легкость».

Положительная символика образа воздушной стихии представлена во всех сопоставляемых языках. Однако в количественном соотношении преобладают единицы с нейтральной коннотацией, что, безусловно, является особенностью данной группы фразеологизмов. Исключение составляет только немецкий язык, где количество ФЕ с отрицательной коннотацией преобладает. Также в русском языке количество нейтральных и отрицательных ФЕ равнозначно.

В целом количественный анализ ФЕ с обозначениями воздуха позволил выявить 75 фразеосемантических групп, из них только 5 групп представлены во всех сопоставляемых языках, в которых находит отражение универсальная символика образа воздушной стихии». Наряду с этим более 50 % фразеосемантических подгрупп относятся к разряду уникальных, которые встречаются только в одном из сопоставляемых языков. Среди таких было выделено 2 периферийные группы в татарском языке, 3 группы в русском языке, 10 групп в немецком. Английский и испанский языки, в которых было обнаружено 14 и 12 периферийных групп, лидируют по количеству уникальных фразеосемантических групп, не представленных в других сопоставляемых языках.

Приведенная статистика свидетельствует о том, что в сопоставляемых лингвокультурах имеются как общие, так и специфичные представления о воздушной стихии.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Бирих А. К.* Русская фразеология. Историко-этимологический словарь : около 6000 фразеологизмов / А. К. Бирих. — Москва : Астрель : АСТ : Хранитель, 2007. — 926 с. — ISBN 5-17-029253-8.

2. *Большой* фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. — 2-е изд., стер. — Москва : АСТ-ПРЕСС.КНИГА, 2006. — 784 с. — ISBN 978-5-89355-575-2.

3. *Исанбет Н. С.* Фразеологический словарь татарского языка : в 2 т. / Н. С. Исанбет. — Казань : Татар. кн. изд-во, 1989. — 495 с.

4. *Сафиуллина Ф. С.* Татарско-русский фразеологический словарь / Ф. С. Сафиуллина. — Казан : Мәгариф, 2001. — 338 с.

5. *Фразеологический* словарь современного русского литературного языка / Под ред. проф. А. Н. Тихонова ; Сост. : А. Н. Тихонов, А. Г. Ломов, А. В. Королькова. Спра-

вочное издание : в 2 т. — Москва : Флинта : Наука, 2004. — Т. 1. — 832 с. — ISBN 5-89349-476-8.

6. CD — *Collins* Dictionaries [Electronic resource]. — Access mode : http://www.collinsdictionary.com/ (accessed 09.07.2025).

7. CDO — *Cambridge* Dictionaries Online [Electronic resource]. — Access mode : https://dictionary.cambridge.org/ (accessed 09.07.2025).

8. FD — *The Free* Dictionary [Electronic resource]. — Access mode : https://www.thefreedictionary.com/ (accessed 09.07.2025).

9. *Jiménez B. A.* Diccionario de dichos y frases hechas / B. A. Jiménez. — Barcelona : Espasa, 2012. — 996 p. — ISBN 9788423992270.

10. RAE — *Real* Academia Española [Electronic resource]. — Access mode : https://www.rae.es (accessed 09.07.2025).

11. RRIA — *Redewendungen,* Redensarten und idiomatische Ausdrücke. Redensarten-Index [Electronic resource]. — Access mode : https://www.redensarten-index.de/ (accessed 09.07.2025).

12. WI — *Das Wörterbuch* der Idiome [Electronic resource]. — Access mode : https://idiome.de-academic.com (accessed 09.07.2025).

13. WR — *Wörterbuch* der Redewendungen [Electronic resource]. — Access mode : http://www.phrasen.com/tag/wasser (accessed 09.07.2025).

Литература

1. *Балонкина О. В.* Фразеологическое представление имен природных стихий в русской лингвокультуре : семантический, семиотический, дискурсивный аспекты : диссертация … кандидата филологических наук : 10.02.01 / О. В. Балонкина. — Томск, 2020. — 261 с.

2. *Балонкина О. В.* Функционирование фразеологизмов с компонентом воздух в разных типах дискурса / О. В. Балонкина // Вестник Томского государственного университета. — 2019. — № 440. — С. 5—17. — DOI: 10.17223/15617793/440/1.

3. *Грачёва А. В.* Воздушная стихия как элемент современной немецкой картины мира в лигвокультурологической парадигме / А. В. Грачева // Русская германистика. Ежегодник Российского союза германистов. — Нальчик : Каб.-Балк. ун-т, 2010. — С. 26—30.

4. *Грачева А. В.* Структура концепта воздушной стихии “Naturelement Luft” в немецкой языковой картине мира / А. В. Грачева // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Филология и искусствоведение. — 2012. — № 9 (113). — С. 268—274.

5. *Компаративный* анализ фразеологических единиц с компонентом воздух/air/l'air в русском, английском и французском языках / Е. А. Линева, Е. Г. Котова, М. В. Овчинникова, Е. Б. Савельева, Т. Г. Юсупова // Казанская наука. — 2020. — № 10. — С. 134—136.

6. *Литвинова С. А.* Фразеологические единицы, содержащие компоненты, обозначающие названия стихий (вода, воздух, огонь, земля) в современном английском языке : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / С. А. Литвинова. — Москва, 2006. — 19 с.

7. *Оболенская Ю. Л.* Легенды и предания Испании = Mitos y leyendas de España : с обширными лингвокультурологическими, историческими, грамматическими комментариями : учебное пособие / Ю. Л. Оболенская. — Москва : Ленанд, 2021. — 240 с. — ISBN 978-5-9710-1772-1.

8. *Оболенская Ю. Л.* Иберийские мифонимы как объект лингвокультурологического исследования / Ю. Л. Оболенская // Вестник РУДН. Серия : Лингвистика. — 2004. — № 6. — С. 92—98.

9. *Славянская* мифология : энцикл. слов / ред. В. Я. Петрухин [и др.]. — Москва : Элис Лак, 1995. — 416 с.

10. *Славянские древности :* Этнолингвистический словарь : в 5 т. ; под общ. ред. Н. И. Толстого. — Москва : Международные отношения, 1999—2009. — Т. 1. — С. 401.

11. *Татарика*. Мифологические персонажи : Пэри [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://tatarica.org/ru/razdely/narody/tatary/verovaniya-i-mifologiya/mifologicheskie-personazhi/pehri (дата обращения 09.07.2025).

12. *Хусаинов З. А.* История развития экологической культуры татарского народа [Электронный ресурс] / З. А. Хусаинов // Современные проблемы науки и образования. — 2014. — № 2. — Режим доступа : https://science-education.ru/ru/article/view?id=12678 (дата обращения 09.07.2025).

13. *Черникова С. Н.* Национальная специфика фразеологической картины мира : на материале наименований компонентов природного ландшафта в русском и английском языках : диссертация … кандидата филологических наук : 10.02.19 / С. Н. Черникова. — Воронеж, 2016. — 223 с.

14. *Чернышова Л. В.* Эксплицирование культурной информации фразеологизмов : на примере русских устойчивых сочетаний с компонентами *воздух*, *ветер* / Л. В. Чернышова // Семантико-дискурсивные исследования языка : эксплицитность / имплицитность выражения смыслов : материалы Международной научной конференции. — Калининград : Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2006. — С. 181—189.

15. *Sánchez M. M.* Seres míticos y personajes fantásticos españoles / M. M. Sánchez. — Madrid : EDAF, 2002. — 599 p. — ISBN 9788441410534.

16. *Tushych Y.* Ethnokulturelle Elemente in der Phraseologie (Untersuchung anhand folgender Sprachen : Ukrainisch, Tschechisch, Deutsch und Russisch) : Inauguraldissertation zur Erlangung des akademischen Grades eines Doktors der Philosophie / Y. Tushych. — Greifswald, 2014. — 268 c.

Статья поступила в редакцию 17.07.2025,
одобрена после рецензирования 29.01.2026,
подготовлена к публикации 11.02.2026.

Material resources

Birikh, A. K. (2007). *Russian phraseology. Historical and etymological dictionary: about 6000 phraseological units/ St. Petersburg State University.* Moscow: Astrel: AST: Guardian. 926 p. ISBN 5-17-029253-8. (In Russ.).

CD — *Collins Dictionaries.* Available at: http://www.collinsdictionary.com/ (accessed 09.07.2025).

CDO — *Cambridge Dictionaries Online.* Available at: https://dictionary.cambridge.org/ (accessed 09.07.2025).

FD — *The Free Dictionary.* Available at: https://www.thefreedictionary.com/ (accessed 09.07.2025).

Isanbet, N. S. (1989). *Phraseological dictionary of the Tatar language: in 2 volumes.* Kazan: Tatar Publishing House. 495 p. (In Russ.).

Jiménez, B. A. (2012). *Diccionario de dichos y frases hechas.* Barcelona: Espasa. 996 p. ISBN 9788423992270.

Teliya, V. N. (ed.). (2006). *Large phraseological dictionary of the Russian language. Meaning. Usage. Cultural commentary.* Moscow: AST-PRESS.KNIGA. 784 p. ISBN 978-5-89355-575-2. (In Russ.).

Tikhonov, A. N. (ed.). (2004). *Phraseological dictionary of modern Russian literary language. Reference edition: in 2 volumes, 1.* Moscow: Flint: Nauka. 832 p. ISBN 5-89349-476-8. (In Russ.).

RAE — *Real Academia Española.* Available at: https://www.rae.es (accessed 09.07.2025).

RRIA — *Redewendungen, Redensarten und idiomatische Ausdrücke. Redensarten-Index.* Available at: https://www.redensarten-index.de/ (accessed 09.07.2025).

Safiullina, F. S. (2001*). Tatar-Russian phraseological dictionary.* Kazan: Magarif. 338 p. (In Russ.).

WI — *Das Wörterbuch der Idiome.* Available at: https://idiome.de-academic.com (accessed 09.07.2025).

WR — *Wörterbuch der Redewendungen.* Available at: http://www.phrasen.com/tag/wasser (accessed 09.07.2025).

References

Balonkina, O. V. (2019). The functioning of phraseological units with the air component in different types of discourse. *Bulletin of Tomsk State University, 440:* 5—17. DOI: 10.17223/15617793/440/1. (In Russ.).

Balonkina, O. V. (2020). *Phraseological representation of the names of natural elements in Russian linguoculture: semantic, semiotic, discursive aspects.* PhD Diss. Tomsk. 261 p. (In Russ.).

Chernikova, S. N. (2016). *National specifics of the phraseological picture of the world: based on the names of the components of the natural landscape in Russian and English.* PhD Diss. Voronezh. 223 p. (In Russ.).

Chernyshova, L. V. (2006). Explication of cultural information of phraseological units: on the example of Russian stable combinations with the components air, wind. In: *Semantic and discursive studies of language: explicitness / implicitness of the expression of meanings: proceedings of the International Scientific Conference.* Kaliningrad: Immanuel Kant Baltic Federal University. 181—189. (In Russ.).

Gracheva, A. V. (2010). The air element as an element of the modern German worldview in the linguistic and cultural paradigm. In: *Russian Germanistics. Yearbook of the Russian Union of Germanists.* Nalchik: Kab.-Bulk. Univ. 26—30. (In Russ.).

Gracheva, A. V. (2012). The structure of the concept of the air element "Naturelemente Luft" in the German linguistic picture of the world. *Bulletin of Tambov University. The Humanities series. Philology and art criticism, 9 (113):* 268—274. (In Russ.).

Khusainov, Z. A. (2014). The history of the development of ecological culture of the Tatar people. *Modern problems of science and education, 2.* Available at: https://science-education.ru/ru/article/view?id=12678 (accessed 09.07.2025). (In Russ.).

Lineva, E. A., Kotova, E. G., Ovchinnikova, M. V., Savelyeva, E. B., Yusupova, T. G. (2020). Comparative analysis of phraseological units with the component air/air/l'air in Russian, English and French. *Kazan Science, 10:* 134—136. (In Russ.).

Litvinova, S. A. (2006). *Phraseological units containing components denoting the names of the elements (water, air, fire, earth) in modern English.* Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 19 p. (In Russ.).

Obolenskaya, Yu. L. (2004). Iberian mythonyms as an object of linguistic and cultural research. *Bulletin of the RUDN University. Series: Linguistics, 6:* 92—98. (In Russ.).

Obolenskaya, Yu. L. (2021). *Legends and traditions of Spain = Mitos y leyendas de España: with extensive linguistic, cultural, historical, grammatical comments: a textbook.* Moscow: Lenand. 240 p. ISBN 978-5-9710-1772-1. (In Russ.).

Sánchez, M. M. (2002). *Seres míticos y personajes fantásticos españoles.* Madrid: EDAF. 599 p. ISBN 9788441410534. (In Span.).

Slavic antiquities: An ethnolinguistic dictionary: in 5 volumes; under the general editorship of N. I. Tolstoy, 1. (1999—2009). Moscow: International Relations. P. 401. (In Russ.).

Slavic mythology: an encyclopedia. (1995). Moscow: Alice Luck. 416 p. (In Russ.).

Tatarica. *Mythological characters: Paris.* Available at: https://tatarica.org/ru/razdely/narody/tatary/verovaniya-i-mifologiya/mifologicheskie-personazhi/pehri (accessed 09.07.2025). (In Russ.).

Tushych, Y. (2014). *Ethnokulturelle Elemente in der Phraseologie (Untersuchung anhand folgender Sprachen: Ukrainisch, Tschechisch, Deutsch und Russisch): Inauguraldissertation zur Erlangung des akademischen Grades eines Doktors der Philosophie.* Greifswald. 268 s. (In Germ.).

The article was submitted 17.07.2025;
approved after reviewing 29.01.2026;
accepted for publication 11.02.2026.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Самородин Г. В. Артиклевая детерминация топонимов и антропонимов в немецком языке / Г. В. Самородин // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 2. — С. 91—108. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-91-108.

Samorodin, G. V. (2026). Article-based Determination of Toponymic and Anthroponymic Units in German. *Nauchnyi dialog, 15* (2): 91-108. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-91-108. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Артиклевая детерминация топонимов и антропонимов в немецком языке

Самородин Георгий Владиславович
orcid.org/0000-0002-4179-0358
кандидат филологических наук,
доцент кафедры германистики
и лингводидактики
SamorodinGW@yandex.ru

Московский городской
педагогический университет
(Москва, Россия)

Article-based Determination of Toponymic and Anthroponymic Units in German

Georgii V. Samorodin
orcid.org/0000-0002-4179-0358
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of German
Studies and Linguistic Didactics
SamorodinGW@yandex.ru

Moscow City University
(Moscow, Russia)

© Самородин Г. В., 2026

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассматривается категория артикля в немецком языке как системное средство индивидуализации и категоризации, а также выявляются когнитивно-обусловленные механизмы, лежащие в основе этих процессов. Методология исследования базируется на положениях теории классов, позволяющих уточнить критериальную систему классификации объектов действительности с учетом отдельных аспектов теории референции, описывающих отношение именной группы к упоминаемым объектам, что позволяет отойти от рассмотрения артикля в качестве исключительно грамматического показателя. Показано, что определенный артикль указывает на наличие индивидуализирующей характеристики, по которой объект можно выделить из числа подобных. Неопределенный артикль категоризирует объект на уровне члена класса и не приписывает ему индивидуализирующих качеств. Предлагается точка зрения, согласно которой статус нулевого артикля как «нулевой лексы» является дискуссионным ввиду того, что восстановление артикля возможно не во всех проанализированных случаях. Разрабатываемая классификация артиклевых значений представляется масштабируемой и позволяет сделать вывод о возможности выделения классов объектов, заданных топонимами, ойконимами, астронимами, именами собственными и т. п.

Ключевые слова:
категория артикля; неопределенный артикль; синтаксический нуль; ономастика.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The paper is devoted to the consideration of the category of Article in the German Language as a system means of individualization and categorising. The research thrives to reveal cognitively determined mechanisms governing classification of realia. The Research Methodology bases on the Class Theory implicating particular provisions of the Theory of Reference in order to provide a new linguistical consideration, which would not only prescribe the German Article a role of a solely grammatical indicator. This inflicts Key Statements, revealing Definite Article as a means of Individualization upon some unique feature of an object, whereas Indefinite Article is commonly used to categorise it as a class member by any common feature. The paper also offers a point of view, the status of “null article” as a type of syntactic null has wide discussion potential and hence considers revising. The offered Classification of Article Meanings is deemed scalable and allows for the conclusion, toponyms, oikonyms, astronyms, proper names, etc. can be used in order to create and provide content for object classes.

Key words:
german article, indefinite article; definiteness, indefiniteness, syntactic null, onomastics.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 811.112.2’367.632+811.112.2’373.21/.23
DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-91-108

Научная специальность ВАК
5.9.6. Языки народов зарубежных стран
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Артиклевая детерминация топонимов и антропонимов в немецком языке

© Самородин Г. В., 2026

1. Введение = Introduction

Направление развития лингвистики как науки антропоцентрического спектра в последнее время все более отчётливо приобретает спиралевидный характер. На научном горизонте вновь появляются классические проблемы языкознания [Кубрякова, 2004], представляющие собой, на первый взгляд, наиболее общие, если не общеизвестные положения. Возрождение научного интереса к ним вызвано приближением эры постгуманитарного знания, предлагающей учёному широкий инструментарий средств компьютерного контент-анализа, и вследствие этого переосмыслением роли и места человека в мире.

Одним из переживающих научный «ренессанс» топосов можно назвать категорию детерминации (КД), в широком смысле маркирующую объекты действительности с точки зрения определённости / неопределённости. КД связана с существующей в лингвокогнитивных системах необходимостью категоризации и классификации объектов действительности и является следствием экзистенциальной необходимости потребности человека в познании мира и выстраивании системы отношений и ценностей таким образом, чтобы обеспечить максимально возможный уровень безопасности окружающей среды. Термин *объект* здесь следует понимать нестрого: в их множество допускается включение физических и нефизических объектов, а также — действий и некоторых других сущностей.

Классификация объектов реальности может, с одной стороны, рассматриваться как процесс их анализа и систематизации на основе категориальных признаков — в таком случае можно говорить о классификации как инструменте познания, — с другой стороны, пониматься как результат познания — существующая (но не законченная, открытая) типология классов. Когнитивные механизмы категоризации объектов действительности, лежащие в основе такого рода типологий, изучены не до конца. С од-

CC BY

ной стороны, в основе индивидуализации можно усмотреть неслучайную связь между объектами во фрейме [Сулейманова, 2023, с. 343]. С другой стороны, социальная значимость объектов действительности в подавляющем большинстве случаев неравноценна. Данное обстоятельство приводит к тому, что некоторые объекты сами по себе выделяются на фоне остальных находящихся в поле зрения сущностей (салиентность) либо говорящий намеренно акцентуирует их присутствие во фрейме, подчеркивая наличие неслучайной связи между ними (инференция) [Самородин, 2024б, с. 442]. Верно и обратное: говорящий может намеренно категоризовать объекты на уровне члена класса, либо, если совокупность характеристик объекта не позволяет говорить о какой-либо его значимости для участников коммуникативной ситуации, он будет автоматически маркирован как один из множества ему подобных. Наконец, существует возможность апелляции к объекту вообще, в отрыве от каких бы то ни было его свойств и качеств, упоминания его в наиболее общем виде.

Особый интерес в связи с этим представляют закономерности, обусловливающие употребление артикля с именами собственными в германских языках. В английском языке можно наблюдать спорадическое появление артикля в связке с ономастическими единицами, где это мотивировано, например, сохранившейся реликтовой внутренней формой (для сравнения: *the Netherlands*). В немецком языке, по предварительной оценке, ситуация представляется более сложной, требующей комплексного описания, что предопределяет необходимость рассмотрения закономерностей употребления имён собственных, а именно — личных имен, названий стран и городов, поскольку имена собственные занимают в высказывании место именной группы при лишь факультативном наличии актуализаторов: артиклей и подобных им слов, специфику использования которых мы хотели бы конкретизировать.

Категория детерминации в немецком языке реализуется артиклевым способом, что в традиционном рассмотрении предполагает существование парадигмы, в которую входят определённый (*der*), неопределённый (*ein*) и нулевой (Ø) артикли, а также слова, способные выполнять функцию артикля (прежде всего — различные виды местоимений и числительных).

Сущность артиклевого языка заключается в непреложной необходимости актуализации значения лексической единицы с помощью особой, не тождественной полнозначным словам служебной части речи — артикля. Грамматическая категория, в которую входят определённый артикль, генетически восходящий к указательным местоимениям (ср. англ. *the — that,* нем. *der — dieser* и др.), неопределённый артикль, связанный с числительным «один» (ср. англ. *a/an — one,* нем. *ein—ein* и пр.), и

CC BY

нулевой *(Ø)* артикль [Смирницкий, 1959, с. 380-387], носит название ***категории предметной соотнесенности*** (КПС), или ***категории детерминации*** (КД).

О роли, сущности и составе КД / КПС ведется научная дискуссия. Так, к составу этой категории некоторые исследователи причисляют детерминативы, то есть слова, способные выполнять функцию артикля, прежде всего — различные виды местоимений и числительных. Следует отметить, что детерминативы, в отличие от артикля, обладают собственной семантикой и вследствие этого не тождественны ему. К тому же дискуссионным является положение об отнесении артикля к классу морфем, а также о его использовании в роли служебного слова для обозначения рода, числа и падежа существительного [Нефедов, 2018, с. 158]. Кроме того, возникает вопрос о когнитивных и грамматических механизмах функционирования выделенности и значащего отсутствия артикля, которым в контексте данной работы уделяется особое внимание. Основными значениями артикля в немецком языке остаются указание на соотнесенность существительного, с которым артикль образует устойчивую аналитическую форму, с денотатом и аспектуализация его статуса в парадигме «определенность — неопределенность — обобщённость».

Вне зависимости от рассмотрения артикля в составе КД либо КПС, не вызывает особенных возражений связанность [Souleimanova, 2015, p. 203—209] определённого артикля с выделением объекта действительности на основании наличия у него уникальных, индивидуализирующих характеристик, а неопределённого — с его категоризацией на уровне члена класса, тогда как статус «нулевого» артикля остается дискуссионным ввиду многоаспектности его значения, в частности — в случаях, когда отсутствие артикля не предписывается генерализацией или на месте «нулевого» артикля невозможно «восстановить» определенный либо неопределенный артикль, как это было бы возможно для синтаксического нуля.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования послужили тексты, содержащиеся в открытых источниках в сети Интернет, в том числе в корпусе *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache (DWDS)*, прежде всего — в подкорпусе *DWDS-Kernkorpus 21,* включающем материалы с 2000 по 2010 годы, а также в базах поисковых систем Google и Yandex. Материалы находятся в свободном доступе, что гарантирует аутентичность языкового материала и практических примеров, обеспечивается синхроничность исследования. Для отбора практических примеров было выявлено пять групп моделей построения высказываний, включающих ономастические единицы, в том числе личные име-

CC BY

на, к которым Д. С. Милль в общем смысле относил произвольные знаки, не обозначающие свойств («…there are many persons who bear that name, it is not conferred upon them to indicate any qualities, or anything which belongs to them in common…» // «...существует множество людей, носящих это имя, данное им не для того, чтобы указывать на какие-либо качества или что-либо общее между ними» (перевод наш. — *Г. С.*) [Mill, 1881, pp. 32—33]), с каждым из трех видов артикля, общим числом 12 единиц (табл. 1):

Выбор синтаксических моделей обусловлен несколькими факторами. Во-первых, в ряде классических трудов по грамматике немецкого языка и проблематике артикля [Helbig et al., 1996, S. 357] рассматриваются примеры, в которых различные виды артикля и артиклевых слов употребляются с наименованиями профессий, веществ и материалов, с топонимами. Во-вторых, исследовательский интерес представляет возможность употребления артикля в устойчивых сочетаниях типа описанных выше моделей 4—6 и др., которые заслуживают рассмотрения с целью установления влияния артиклевого значения на внутреннюю семантику устойчивых сочетаний.

С помощью этих моделей на языке DWDS / Dialing Concordance (DDC) конструировались поисковые запросы. Так, для поиска топонима, представленного существительным с неопределённым артиклем, использовался следующий запрос: "$p=ART WITH !{der,die,das,d.} Land|ot-sub2 WITH $p=NE", выполняющий поиск фразы, в которой существительное — имя собственное, являющееся по версии базы данных OpenThesaurus дескриптором низшего уровня по отношению к *Land* (страна), употребляется с неопределённым артиклем. Ответом на запрос является в числе прочих следующее предложение:

(1) ***Ein*** *Deutschland ohne Deutschland!* (H. Krausser, Eros, 2006, S. 48) // «Германия без Германии!» (здесь и далее перевод наш. — *Г. С.*).

В ходе исследования обнаружились ограничения, на которые следует обратить внимание:

1. Ограниченная возможность использования логического НЕ (управляющий символ «!») в запросах. Так, для поиска существительного без артикля следует выполнять поиск выражения, содержащего **<модель 1>** И НЕ <**модель 2>.**

2. Наличие ограничений по количеству условий в запросе (не более 5) и по размеру поисковой выдачи при поиске с использованием регулярных выражений (REGEXP).

3. Ошибки в поисковой выдаче, вызванные, по-видимому, некорректной токенизацией и частеречной разметкой (PoS-Tagging) текстов:

(2) *»Typisch polnisch«, sagte Dahlmann, »das schlechte Gewissen eines Deutschen funktioniert besser als der Alltag* ***eines Polen****.«* (J. Kuckart, Lenas

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Таблица 1

Общая характеристика моделей
с определенным / неопределенным / нулевым артиклем

№	Модель	Пример	Характеристика модели
Артикль с наименованиями профессий			
1	Ø $NN_{Eigenname}$ sein	*N. ist Brecht*	Модель типа «Н. <есть> Брехт».
2	der $NN_{Eigenname}$ sein	*N. ist der Brecht*	Модель типа «Н. <есть> Брехт» (с определённым артиклем).
3	ein(e) $NN_{Eigenname}$ sein	*N. ist ein Brecht*	Модель типа Н. <есть> Брехт (с неопределённым артиклем).
Артикль в устойчивых двучленных сочетаниях (биномах)			
4	Ø NN oder\und Ø NN	*Hinz und Kunz*	Модель биномов типа «всяк и каждый».
5	Der NN oder\ und der NN	*Der Hans und die Grete*	Модель биномов типа «Ганс и Грета» (с определённым артиклем).
6	ein NN oder\und ein NN	*Ein Romeo und eine Julia* [Yandex]	Модель биномов типа «Ромео и Джульетта» (с неопределённым артиклем).
Артикль в конструкциях с именем собственным и флектируемым модальным глаголом			
7	Ø NN VMFIN	*Freud mußte skeptisch sein, denn er sah sich selbst als „weltfremden Theoretiker“.*	Модель с флектируемым модальным глаголом
8	Der NN VMFIN	*Die UNESCO sollte man hier einschalten.*	Модель с флектируемым модальным глаголом (с определённым артиклем).
9	Ein NN VMFIN	*Eine Kleopatra konnte uns nicht feige verlassen, weil wir keine bei uns hatten.*	Модель с флектируемым модальным глаголом (с неопределённым артиклем).
Артикль с топонимами			
10	Ø $NN_{Toponym}$	*Hamburg sei ein attraktiver Standort*	Модель, содержащая топоним с нулевым артиклем
11	Ein $NN_{Toponym}$	*Ein Spanien ohne Katalonien wäre aber nicht mehr Spanien*	Модель, содержащая топоним с неопределённым артиклем.
12	Das $NN_{Toponym}$	*Maja wurde in Berlin-Karlshorst geboren, in der DDR*	Модель, содержащая топоним с определённым артиклем.

Liebe, 2002, S. 37) // «Очень по-польски, — сказал Дальманн, — нечистая совесть немца устроена лучше, чем будни **поляка**».

Данный пример иллюстрирует ошибку в частеречной разметке, вызванную совпадением в немецком языке форм топонима *Polen* (Польша) и флективированного названия национальности *<eines> Polen, G.Sg.* (поляка, род. п.).

Наличие указанных, а равно и некоторых иных недостатков поискового синтаксиса ведёт к существенному снижению точности отбора языкового материала, что порождает необходимость тщательной ручной проверки и верификации каждого элемента поисковой выдачи. Всего было получено 527 примеров, удовлетворявших критериям проводимого исследования и послуживших его эмпирической базой.

Методология исследования представлена:

— положениями когнитивной лингвистики и теории классов [Самородин, 2024а; Сулейманова и др., 2018, Кубрякова, 2004], рассматривающей возможности классификации и категоризации объектов действительности на основе системы критериев;

— концепциями, разрабатывающими категории детерминации, предметной соотнесённости, артикля и синтаксического нуля [Аверина, 2023; Weber, 2021; Zifonun, 2021; Нефедов, 2018; Souleimanova, 2015; Мельчук, 1974; Смирницкий, 1959]. В указанных работах анализируются возможности выделения объектов по уникальным характеристикам, категоризации объектов на уровне класса или же называния их вне классов и характеристик — в общем виде;

— положениями ономастики и теории референции [Чупрына и др., 2025; Hawkins, 2015; Nübling et al., 2012; Вежбицкая, 1996; Новое ..., 1982], отражающей отношение наименования, а также актуализованной именной группы к объектам действительности.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Артикли при употреблении топонимов

В данной статье рассматриваются два класса топонимов: хоронимы (названия территорий и стран) и ойконимы (названия населённых пунктов). В немецком языке большинство хоронимов имеют средний род и употребляются (без атрибутов) с **нулевым артиклем**, при этом отмечается, что мотивация и внутренняя форма таких названий ясна:

(3) *Die Geschicke* (а) *Deutschlands,* (б) *Frankreichs,* (в) *Europas lagen in der Hand des alten Kardinals Fleury; nur er hielt noch den Ausbruch des allgemeinen Krieges auf* (J. Klepper, Der Vater, 1962, S. 757) // Судьбы Германии, Франции и Европы находились в руках старого кардинала Флёри: только он останавливал начало общей войны.

CC BY

Слово (а) *Deutschland* (Германия) образовано с помощью словосложения: *thiudisc* (народный) > *deutsch* (немецкий) + *lant* > Land (земля) → «земля немцев». Слово (б) *Frankreich* использует ту же словообразовательную модель и является исторически сохранившейся формой. Название (в) *Europa* восходит к космогоническому сюжету о похищении Зевсом девушки по имени Европа. Отметим, что большинство ойконимов в немецком языке имеют средний род и следуют тем же правилам употребления.

Употребление **неопределённого артикля** приводит к категоризации топонима на уровне члена класса:

(4) *Tag und Nacht in diesen drei Tagen tanzte er durch ein Köln, das auf dem Kopf stand vor Freude und vor Festen und vor Karneval* (Berliner Tageblatt, 1927) // Днём и ночью эти трое суток он кружил в танце по Кёльну, перевёрнутому с ног на голову карнавалом, радостью и празднованием.

В данном примере описывается город Кёльн во время карнавала как член класса «Кёльн», «версий» города в различные временные промежутки. Указанные различия вербализуются при помощи уточнения, вводимого дейктическим *das* (который).

Рассмотрим другой пример, иллюстрирующий возможность выделения класса городов «Берлин», из которых только один либо вообще ни один не будет находиться в Германии:

(5) *Nicht mal eine öde Vorstadt von* ***einem der Berlins*** *in den USA. Berlinghetto ist eine winzige, wahrscheinlich ganz friedliche Siedlung* (Berliner Zeitung, 2005) // Даже не унылый пригород одного из Берлинов в США. Берлинское гетто — маленькое, вероятно, совершенно мирное поселение.

В данном примере функциональное значение неопределённого артикля в конструкции *einer der* + *G.Pl.* (один из + род. п. мн. ч.), состоящей в немецком языке из неопределённого и определённого артиклей, состоит в осуществлении единичной референции и приближается к значению неопределенного артикля в англоязычной конструкции *one of the...*

В некоторых случаях качества имени собственного могут влиять на выбор артикля у родового понятия:

(6) *Schon der Name, »Alten«, und dann noch »Burg«. Alt klinge nicht gerade einladend,* ***eine Stadt*** *mit diesem Präfix habe es a priori schwer* (I. Schulze, Neue Leben, 2005, S. 177) // Уже само название, «Alten», а потом еще и «Burg». «Alt» и так звучит не особо привлекательно, городу с такой приставкой приходится априори нелегко.

Слово *Stadt* (город) употребляется с неопределённым артиклем, поскольку название «Альтенбург» даёт читателю представление о поселении как об одном из класса городов, обладающем характеристиками объектов такого типа при нерелевантности иных, индивидуализирующих качеств.

Определённый артикль может быть употреблён при наличии атрибутов [Zifonun, 2021, S. 160], указывающих на важные индивидуализирующие характеристики референта, то есть носителя имени собственного (лица) или объекта географической номинации (топонима):

(7) ***Das Genf*** *des Jahres 1993 erinnert mit seinen Prinzipien, besser gesagt mit seinem Fehlen von Prinzipien, an* ***das München*** *des Jahres 1938* (Archiv der Gegenwart, 1993) // Женева 1993-го напоминает своими принципами, точнее сказать, своим отсутствием принципов, Мюнхен 1933-го.

От примеров, где город категорировался на уровне члена класса, данный контекст отличается наличием индивидуализирующей характеристики города, что предопределяет употребление определённого артикля.

В немецком языке существуют ойконимы не среднего рода, употребляющиеся преимущественно с определенным артиклем. Такое употребление является следствием того, что ойконимы могут перениматься заимствующим языком в неизменном виде, то есть в той форме, в которой топоним употребляется в исходном языке. Ряд названий ближневосточных стран, по-видимому [Шабхаз, 2009, с. 47–48], перешёл в немецкий язык, не претерпев изменений. В арабском языке название страны *Ирак* употребляется с **префиксным определённым артиклем** [Jaber et al., 2022, p. 103173] ***al-****ʿIrāq* и перенимается в немецкий язык также с определённым артиклем — *der Irak*:

(8) *Und jetzt nach Tripolis meinetwegen, oder nach Tunis, oder nach* ***dem*** *Irak, oder per Fallschirm in die USA, zu allem bin ich bereit, wenn es einen Sinn hat* (T. Plievier, Stalingrad, 1973, S. 115) // И теперь, как по мне, в Триполи, или в Тунис, или в Ирак, или на парашюте в США, я ко всему готов, если в том есть смысл.

Подобное употребление характерно также для ойконимов «Судан» — *al-sudan / der Sudan* и «Йемен» — *al-jaman / der Jemen:*

(9) *Er ist selber* ***im Sudan*** *gewesen* (B. Suttner, Autobiographie, 2001) // Он лично был в Судане.

Употребление ойконимов с определенным артиклем является следствием наличия у них отличительных, индивидуализирующих характеристик, выраженных атрибутивно; они могут быть выражены также имплицитно в случае с заимствованием ойконима из другого (артиклевого) языка, в котором наличие при наименовании страны, территории либо населенного пункта определенного артикля является показателем уникальности номинируемого объекта, неповторимости, существования в единственном экземпляре (индивидуализирующая характеристика).

3.2. Артикль с личными именами

Личные имена несут важные прагматические знания, в которых отражён характер человеческих взаимоотношений, в частности, им приписывается

CC BY

постоянное прагматическое значение: формальность / неформальность + мужские / женские / детские коннотации (терминология по А. Вежбицкой) [Вежбицкая, 1996, с. 102]. А. Вежбицкая отмечает отсутствие у личных имен постоянного «особого» значения при возможном наличии эмотивного и аксиологического компонентов. Подобно тому, как можно охарактеризовать употребление нулевого артикля с топонимами, обобщённое упоминание имён собственных часто также не требует средств актуализации:

(10) *Wir gebrauchen so oft unnötig große Worte, aber* (a) *Brecht ist nun wirklich ein großer deutscher Dichter* (A. Seghers, Ohne Erschütterungen, abstrakt?, 1958, S. 5) // Мы так часто без необходимости употребляем громкие слова, но вот Брехт — действительно великий немецкий поэт.

Бертольт Брехт — широко известный литератор, его фамилия (как и прочие личные имена) прочно ассоциируется с ним и его творческим наследием без необходимости дополнительного уточнения, поскольку содержит индивидуализирующий признак, осуществляя идентифицирующую референцию [Новое ..., 1982, с. 110]. Употребление определённого артикля в случае (а) воспринимается двояко: либо как подчёркнутое выделение персоналии (профиля) на фоне базы, либо как показатель демонстративно-уничижительных смыслов:

(11) *Haben Sie sich gut verstanden?* ***Der*** *Brecht war nicht sehr angenehm. Er hat immer geschimpft, er hat Amerika nicht gern gehabt* (Der Tagesspiegel, 1999) // Вы хорошо общались? **Этот** Брехт был не особенно приятен. Он всегда ругался, он не любил Америку.

Неопределённый артикль в той же позиции служит для идентификации объекта на уровне класса:

(12) *Die Bäuerin auf dem Feld fand Worte, um die* ***ein*** *Brecht sie beneidet hätte* (Die Zeit, 1977) // Простая крестьянка нашла слова, которым позавидовал бы какой-нибудь Брехт.

Случай иллюстрирует, как мы писали ранее, наделение неопределённой персоналии творческими качествами, присущими известной персоналии [Самородин, 2024а, с. 119], в данном случае — Бертольту Брехту. З. Вендлер называл [Новое ..., 1982, с. 210] такие имена собственные «счётными» (ср. *Joe is not a Shakespeare*).

В случае если личному имени предшествует учёная степень, должность или титул, личное имя употребляется с нулевым артиклем:

(13) *In jenem Jahr, 1966, starb* ***Dr. Fröhlich****, nach einem Schlaganfall, es ging mir äußerst nahe* (H. Krausser, Eros, 2006, S. 158) // В том же 1966 году доктор Фрёлих умер после инсульта, это глубоко меня задело.

Пример основывается на пресуппозиции: если сообщается о смерти доктора Фрёлиха, следовательно, адресату сообщения, равно как и его

CC BY

адресанту, известны подробности об этой личности, что подтверждается последующей фразой: *и меня это глубоко задело*. Такая же пресуппозиция возможна и при употреблении личного имени в составе обращения:

(14) *Sehr geehrter* ***Herr Pischke****, mit großem Bedauern müssen wir Ihnen mitteilen, daß Sie für unsere freie Stelle als Elektriker nicht in Frage kommen* (J. Franck, Lagerfeuer, 2003, S. 266) // Глубокоуважаемый **господин Пишке**, с большим сожалением вынуждены сообщить Вам, что Ваша кандидатура на вакантную должность электрика не рассматривается.

Имена собственные в названиях театральных произведений употребляются, как правило, с нулевым артиклем:

(15) *Man verändert Titel, und so wird aus* ***»Tosca«*** *ein Stück über die Pariser Kommune und aus den »Meistersingern von Nürnberg« der Kampf der Handwerker gegen die feudale Hierarchie* (K. Schlögel, Petersburg, 2002, S. 495) // Меняют название, и «Тоска» становится произведением о Парижской Коммуне, а «Нюрнбергские мейстерзингеры» — о борьбе ремесленников с феодальной иерархией.

Употребление нулевого артикля в названиях театральных и иных произведений восходит к «незначащему нулю» и ближе к эллипсису, чем к «действительному» нулевому знаку.

Имена собственные в названиях произведений изобразительного искусства употребляются с определённым артиклем:

(16) *Vielleicht lächelte* ***aber die Gioconda****, bekannt geworden unter dem Namen Mona Lisa, auch ironisch über ein Geheimnis des Malers* (D. Schwanitz, Bildung, 1999, S. 97) // Быть может, Джоконда, ставшая известной под именем Мона Лиза, иронически улыбалась тайне художника…

Обиходное (полуофициальное) название *Джоконда*, переданное в анализируемом контексте на немецком языке при помощи языковой кальки (итал. *La Gioconda*), отсылает читателя к портрету госпожи Лизы дель Джокондо (итал. *Lisa del Giocondo*) кисти Леонардо да Винчи и является частью личного имени изображенной на портрете персоны (индивидуализирующая характеристика). Лексема активирует когнитивный механизм актуализации, «подгружая» в кратковременную память информацию, представленную фоновыми знаниями, и сопровождается в большинстве случаев безошибочным узнаванием подразумеваемого.

3.3. Когнитивные предпосылки употребления определенного артикля с личными именами

Вопрос о роли и функциях артикля, строго говоря, не является новым для языковедческой науки. В разное время артикль рассматривался как показатель референции [Новое ..., 1982, с. 70–84], служебная часть речи, а также приписывался к местоимениям, числительным, прилагательным,

CC BY

функциональным словам (*Funktionswörter*) [Konopka, 2020, S. 36] и, наконец, к особому виду артиклевых слов — детерминативов [Нефедов, 2018, с. 159]. С другой стороны, рассмотрение артикля в качестве исключительно грамматического показателя представляется требующим уточнения, поскольку в этом случае не принимаются во внимание его когнитивно-обусловленные характеристики. Перечислим их далее.

Определенность, показателем которой является в большинстве случаев определенный артикль, детерминируется наличием у денотата, референция к которому осуществляется при помощи онима, индивидуализирующих характеристик, по которым его можно выделить среди других объектов действительности. В основе функционирования данной характеристики лежит сложный когнитивный процесс, не сводимый только к наличию или отсутствию объекта в «поле зрения» протагониста, отношениям «часть — целое» [Hawkins, 2015, p. 123—125] либо приравниванию известности денотата к его определенности [Сулейманова, 2023, с. 336], что, в свою очередь, формирует основание для вопроса о когнитивных предпосылках употребления определенного артикля с личными именами, равно как и об основаниях (не-) употребления определенного артикля в составе обращения.

Неопределенность задается категоризацией денотата на уровне члена класса, иными словами, вопрос состоит в том, к какой группе (классу) существ / предметов, явлений он принадлежит и на основании каких характеристик этот объект можно включить в данную категорию [Сулейманова и др., 2018, с. 52]. С другой стороны, представляется требующим уточнения вопрос о количественных и качественных характеристиках классов, а также об основаниях их выделения. Так, по итогам данного исследования возникает гипотеза о возможности выделения наряду с традиционно выделяемыми классами таких классов, которые представлены различными видами онимов (астронимы, топонимы, личные имена и пр.), характеризующихся референцией к единственным в своём роде объектам. Таким образом, следует допустить возможность создания и наполнения классов уникальных объектов.

Наконец, **обобщенность** предписывается упоминанием объекта в отрыве от его классовых и индивидуализирующих характеристик, что может быть сделано намеренно, для достижения заранее поставленной коммуникативной задачи, а также ввиду отсутствия или слабой выраженности таких характеристик. Показателем неопределенности принято считать «нулевой» артикль, который лишь частично соответствует устоявшемуся пониманию синтаксического нуля [Мельчук, 1974, с. 347–354]: анализ практических примеров показал, что чётко определить подразумеваемое

CC BY

на уровнях N' (помета при узле) и N-1 (семантическом) возможно далеко не всегда. С одной стороны, существует достаточное количество случаев, когда употребление артикля и специфичность (*Spezifität*) — идентифицируемость упомянутого при помощи онима объекта, референции [Weber, 2021, S. 15] — не требуются либо невозможны в принципе, с другой стороны, во многих речевых ситуациях упоминание объекта в общем смысле является когнитивно-обусловленным.

Более того, здесь, по-видимому, не идет речь и об эллипсисе (элиминации артикля), при котором, несмотря на размытость понимания этого термина в лингвистике, подразумеваемое также должно быть легко восстанавливаемым из контекста. Как видится, требуется верификация тезиса о принадлежности нулевого артикля к классу синтаксических нулей, с одной стороны, и уточнение критериев, по которым следует различать «значащее» и «незначащее» отсутствие артикля.

4. Заключение = Conclusions

Тезисно обобщая сказанное, сформулируем основные выводы по результатам исследования:

1. Категория детерминации в немецком языке не сводима к наличию либо отсутствию объекта в поле зрения протагониста и базируется на парадигме определенности / неопределенности/обобщенности и сопутствующих когнитивных процессах.

2. Требует уточнения состав и сущность артиклевой системы и категории детерминации / категории предметной соотнесенности в немецком языке:

— Определенный артикль при употреблении с онимами служит для подчеркнутого выделения персоналии или объекта на фоне «базы» на основе индивидуализирующего признака (профилирование) либо с целью его демонстративно-уничижительного упоминания, чему способствует дейктическая функция определенного артикля. В биномиальных сочетаниях определенный артикль используется окказионально.

— Неопределенный артикль выполняет классифицирующую функцию и категорирует объект / персоналию, референция к которым производится при помощи онима, на уровне члена класса ему подобных. Данное обстоятельство вызывает исследовательский интерес благодаря возможности создания и наполнения таким образом классов объектов, которым изначально классовые признаки не приписывались или применительно к которым выделять таковые не принято.

— Нулевой артикль, по-видимому, не является нулевой лексой в классическом понимании этого термина, а выполняет собственную, гораздо более сложно устроенную функцию — упоминания объекта / персоналии,

выраженных онимами, в отрыве от их классовых или индивидуализирующих свойств, вероятно, требует дополнительного рассмотрения в свете референциалистских теорий и идей монореферентности имен собственных.

3. Требуют уточнения количественно-качественные характеристики классов, основания для их выделения.

4. Система моделей, использовавшаяся для извлечения примеров из корпуса DWDS, требует уточнения и расширения за счёт добавления моделей, относящихся к иным семантическим категориям (названия рек, абстрактные понятия и проч.).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Шабхаз А. С.* Русско-арабский и арабско-русский словарь географических названий / А. С. Шабхаз. — Москва : Библиос консалтинг, 2009. — 480 с. — ISBN 978-5-91501-004-7.

2. DWDS — *Digitales* Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс]. Режим доступа : https://www.dwds.de/ (дата обращения 20.07.2025).

3. *Google* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://google.com/ (дата обращения 20.07.2025).

4. *Yandex* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://yandex.ru (дата обращения 20.07.2025).

Литература

1. *Аверина А. В.* Артикль в тетичных предложениях немецкого языка / А. В. Аверина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2023. — Т. 16, № 8. — С. 2467—2472. — DOI 10.30853/phil20230387.

2. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. — Москва : Русские словари, 1996. — 416 с. — ISBN 5-89216-002-5.

3. *Кубрякова Е. С.* Язык и знание. На пути получения знаний о языке : части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 276 с. — ISBN 5-94457-174-8.

4. *Мельчук И. А.* О синтаксическом нуле / И. А. Мельчук // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залоги. — Ленинград : Наука, 1974. — С. 343—361.

5. *Нефедов С. Т.* Теоретическая грамматика немецкого языка. Морфология / С. Т. Нефедов. — Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2018. — 248 с. — ISBN 978-5-288-05824-0.

6. *Новое* в зарубежной лингвистике. Логика и лингвистика (Проблемы референции) / сост. В. В. Петров. — Москва : Радуга, 1982. — Выпуск 13. — 428 с.

7. *Смирницкий А. И.* Морфология английского языка / А. И. Смирницкий. — Москва : Издательство литературы на иностранных языках, 1959. — 440 с.

8. *Самородин Г. В.* Категория артикля как средство выражения идентичности в немецком языке / Г. В. Самородин // Terra Linguistica. — 2024а. — Т. 15. — № 2. — С. 111—122. — DOI: doi/org/10.18721/JHSS.15211.

9. *Самородин Г. В.* Определённый артикль в немецком языке как референциальный показатель неслучайной связи / Г. В. Самородин // Язык и культура в глобальном мире. — Санкт-Петербург : ЛЕМА, 2024б. — С. 440—446. — ISBN 978-5-00105-897-7.

10. *Сулейманова О. А.* Когнитивный сценарий реализации категории определенности в практике использования английского артикля / О. А. Сулейманова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. — 2023. — № 2. — С. 334—347. — DOI: 10.21638/spbu09.2020.209.

11. *Сулейманова О. А.* Экспланаторный потенциал теории классов для лингвистического исследования : порядок следования определений / О. А. Сулейманова, И. М. Петрова // Филология : научные исследования. — 2018. — № 3. — С. 52—64.

12. *Чупрына О. Г.* Что в имени Тебе моем? Имена собственные как лингвокультурная универсалия / О. Г. Чупрына, В. И. Яременко // Три «л» в парадигме современного гуманитарного знания: лингвистика, литературоведение, лингводидактика : сборник научных статей. — Москва : Языки народов мира, 2025. — С. 88—94.

13. *Hawkins J. A.* Definiteness and indefiniteness : A study in reference and grammaticality prediction / J. Hawkins. — London, New York : Routledge, 2015. — 316 p. ISBN: 978-1-138-91930-3

14. *Helbig G.* Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht / G. Helbig, J. Buscha. — Leipzig : Langenscheidt, 1996. — 432 s.

15. *Jaber A.* Form-function mismatches : The semantics of the definite article in Jordanian Arabic / A. Jaber, R. Al-Momani, O. Omari // Lingua. — 2022. — № 266. — Pp. 103169—103183. — DOI: 10.1016/j.lingua.2021.103169.

16. *Konopka M.* Grundlegende Aspekte der Wortbildung / M. Konopka // Bausteine einer Korpusgrammatik des Deutschen. — 2020. — № 1. — Pp. 29—63.

17. *Mill J. S.* A System of Logic. 8th Edition / J. S. Mill. — New York : Harper & Brothers, 1881. — 622 p.

18. *Nübling D.* Namen. Eine Einführung in die Onomastik / D. Nübling, F. Fahlbusch, R. Heuser. — Tübingen : Narr Francke Attempto Verlag, 2012. — 367 s.

19. *Souleimanova O.* Category of definiteness / indefiniteness in didactic perspective / O. Souleimanova // Педагогический журнал Башкортостана. — 2015. — № 1. — Pp. 203—209.

20. *Weber T.* Determination in der Nominalphrase — ein Überblick / T. Weber // Determination, syntaktische L;Funktionen der Nominalphrase und Attribution. — 2021. — № 2. — Pp. 13—62.

21. *Zifonun G.* Der nominale Bereich : die vielerlei Arten, Gegenstände zu konstruieren / G. Zifonun // Das Deutsche als europäische Sprache : Ein Porträt. — Berlin, Boston : De Gruyter Publ., 2021. — Pp. 121—178.

Статья поступила в редакцию 29.09.2025,
одобрена после рецензирования 06.01.2026,

подготовлена к публикации 10.02.2026.

Material resources

DWDS — *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache*. Available at: https://www.dwds.de/ (accessed 20.07.2025).

Google. Available at: https://google.com/ (accessed 20.07.2025). (In Russ.).

Shabkhaz, A. S. (2009). *Russian-Arabic and Arabic-Russian dictionary of geographical names.* Moscow: Biblios Consulting. 480 p. ISBN 978-5-91501-004-7. (In Russ.).
Yandex. Available at: https://yandex.ru (accessed 20.07.2025). (In Russ.).

References

Averina, A.V. (2023). Article in thetic German sentences. *Philological Sciences: Questions of Theory and Praxis*, 8: 2467-2472. DOI: 10.30853/phil20230387 (In Russ.)
Chupryna, O. G., Yaremenko V. I. (2025). What's in a Name? Proper Names as Linguistic Cultural Universals. In: *Three L's in the Paradigm of Modern Hymanitarian Knowledge: Lingusitics, Literary Theory, Linguistic Didactics.* Moscow: Yazyki narodov mira. 88—94. ISBN: 978-5-605-30337-4 (In Russ.)
Hawkins, J. A. (2015). *Definiteness and indefiniteness: A study in reference and grammaticality prediction.* London, New York: Routledge. 316 p. ISBN: 978-1-138-91930-3
Helbig, G., Buscha, J. (1996). *Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht.* Leipzig: Langenscheidt. 432 s. (In Germ.).
Jaber, A., Al Momani, R., Omari, O. (2022). Form function mismatches: The semantics of the definite article in Jordanian Arabic. *Lingua, 266:* 103—169. DOI: 10.1016/j.lingua.2021.103169.
Konopka, M. (2020). Grundlegende Aspekte der Wortbildung. *Bausteine einer Korpusgrammatik des Deutschen, 1:* 29—63. (In Germ.).
Kubryakova, E. S. (2004). *Language and knowledge. On the way to gaining knowledge about language: parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in cognition of the world.* Moscow: Languages of Slavic Culture. 276 p. ISBN 5-94457-174-8. (In Russ.).
Melchuk, I. A. (1974). On syntactic zero. In: *Typology of passive constructions. Diatheses and pledges.* Leningrad: Nauka Publ. 343—361. (In Russ.).
Mill, J. S. (1881). *A System of Logic. 8th Edition.* New York: Harper & Brothers. 622 p.
Nefedov, S. T. (2018). *Theoretical grammar of the German language. Morphology.* Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Press. 248 p. ISBN 978-5-288-05824-0. (In Russ.).
New in Foreign Linguistics. Logic and Linguistics (Problems of reference), 13. (1982). Moscow: Raduga Publ. 428 p. (In Russ.).
Nübling, D., Fahlbusch, F., Heuser, R. (2012). *Namen. Eine Einführung in die Onomastik.* Tübingen: Narr Francke Attempto Verlag. 367 s. (In Germ.).
Samorodin, G. V. (2024a). The article category as a means of expressing identity in the German language. *Terra Linguistica, 15* (2): 111—122. DOI: doi/org/10.18721/JHSS.15211. (In Russ.).
Samorodin, G. V. (2024b). Definite article in the German language as a referential indicator of a non-random relationship. In: *Language and culture in the global world.* St. Petersburg: LEMA. 440—446. ISBN 978-5-00105-897-7. (In Russ.).
Smirnitskiy, A. I. (1959). *Morphology of the English language.* Moscow: Publishing House of Literature in Foreign Languages. 440 p. (In Russ.).
Souleimanova, O. (2015). Category of definiteness / indefiniteness in didactic perspective. *Pedagogical Journal of Bashkortostan, 1:* 203—209.
Suleymanova, O. A., Petrova, I. M. (2018). Explanatory potential of class theory for linguistic research: the order of definitions. *Philology: scientific research, 3:* 52—64. (In Russ.).

Suleymanova, O. A. (2023). The cognitive scenario of the implementation of the category of certainty in the practice of using the English article. *Bulletin of St. Petersburg University. Language and literature, 2:* 334—347. DOI: 10.21638/spbu09.2020.209. (In Russ.).

Vezhbitskaya, A. (1996). *Language. Culture. Cognition.* Moscow: Russian Dictionaries. 416 p. ISBN 5-89216-002-5. (In Russ.).

Weber, T. (2021). Determination in der Nominalphrase — ein Überblick. *Determination, syntaktische L; Funktionen der Nominalphrase und Attribution, 2:* 13—62. (In Germ.).

Zifonun, G. (2021). Der nominale Bereich: die vielerlei Arten, Gegenstände zu konstruieren. In: *Das Deutsche als europäische Sprache: Ein Porträt.* Berlin, Boston: De Gruyter Publ. 121—178. (In Germ.).

The article was submitted 29.09.2025;
approved after reviewing 06.01.2026;
accepted for publication 10.02.2026.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Сигал К. Я. Русский сентиментализм сквозь призму пунктуационной стилистики / К. Я. Сигал // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 2. — С. 109—131. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-109-131.

Seagal, K. Ya. (2026). Russian Sentimentalism through the Lens of Punctuation Stylistics. *Nauchnyi dialog, 15* (2): 109-131. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-109-131. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Русский сентиментализм сквозь призму пунктуационной стилистики

Сигал Кирилл Яковлевич
orcid.org/0000-0001-9400-4587
доктор филологических наук,
главный научный сотрудник
отдел экспериментальных
исследований речи
kjseagal@yandex.ru

Институт языкознания
Российской академии наук
(Москва, Россия)

Russian Sentimentalism through the Lens of Punctuation Stylistics

Kirill Ya. Seagal
orcid.org/0000-0001-9400-4587
Doctor of Philology,
Chief Research Scientist,
Department of Experimental
Speech Research
kjseagal@yandex.ru

Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

© Сигал К. Я., 2026

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Предлагается описание пунктуационной стилистики русского сентиментализма, то есть стилистически целесообразного употребления знаков препинания в соответствии с эстетическими установками этого литературного направления. В качестве материала для исследования использована первая публикация повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза», состоявшаяся в 1792 году в «Московском журнале», который издавался самим писателем. Актуальность исследования обусловлена тем, что к пунктуационной стилистике применен конкретно-исторический подход, позволяющий учесть как особенности пунктуационного узуса и пунктуационной кодификации в русском языке конца XVIII века, так и общие пунктуационные предпочтения, свойственные европейскому сентиментализму. Установлено, что стилистическую доминанту русского сентиментализма образует речевая манифестация чувствительно-эмоционального сопровождения сюжетной динамики, способная побудить читателя к сопереживанию. При объективации этой стилистической доминанты происходит выдвижение на первый план особой пунктуационной микросистемы, состоящей из вопросительного и восклицательного знаков, тире и многоточия. Показано, что экспрессивные приемы употребления этих четырех знаков препинания позволяют графически точно передать эмоциональную речь рассказчика и персонажей. Сделан вывод о том, что пунктуационная стилистика зарождается именно в русском сентиментализме.

Ключевые слова:
пунктуация; пунктуационная стилистика; русский сентиментализм; стилистическая доминанта; стилистическое выдвижение знаков препинания; Н. М. Карамзин.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study offers an analysis of punctuation stylistics in Russian sentimentalist literature, focusing on the deliberate use of punctuation marks to align with the aesthetic principles of this literary movement. The research material is drawn from the first publication of Nikolai Mikhailovich Karamzin's novella "*Poor Liza*", which appeared in his own journal "*Moscow magazine*" in 1792. The relevance of this investigation lies in its application of a specific historical approach that takes into account both the particularities of late eighteenth-century Russian punctuation usage and codification practices as well as broader European sentimental trends. It has been established that the stylistic hallmark of Russian sentimentalism involves the linguistic expression of emotional sensitivity accompanying narrative dynamics, capable of evoking empathy in readers. In objectifying this stylistic focus, special prominence is given to a microsystem consisting of question marks, exclamation points, dashes, and ellipses. The expressive deployment of these four punctuation marks allows for precise graphic representation of emotionally charged speech by narrators and characters alike. Ultimately, it is concluded that the emergence of punctuation stylistics finds its roots specifically within Russian sentimentalism.

Key words:
punctuation; punctuation stylistics; Russian sentimentalism; stylistic dominant; stylistic foregrounding of punctuation marks; N. M. Karamzin.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 811.161.1’367+003.086
DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-109-131

Научная специальность ВАК
5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика
5.9.5. Русский язык. Языки народов России
5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

Русский сентиментализм сквозь призму пунктуационной стилистики

© Сигал К. Я., 2026

К 260-летию со дня рождения Н. М. Карамзина

О торжество чувствительности даже и въ самой Грамматикѣ!....

Н. М. Карамзинъ

Wie aber <…> lassen sich die interessanten von den uninteressanten Satzzeichen scheiden? — Genau dafür bedarf es einer Stilistik der Interpunktion.

A. Nebrig, C. Spoerhase

1. Введение = Introduction

Как известно, пунктуация, будучи по своему происхождению вспомогательной системой внеалфавитных графических знаков, в процессе использования в речевой деятельности пишущих получает «привязку» к синтаксическим структурам, к иллокутивным целям и смысловым отношениям, а также к интонационным конструкциям. Подобная метаязыковая обусловленность пунктуационного маркирования способствует тяготению всех без исключения знаков препинания к стилистически осмысленному употреблению. Тот факт, что знаки препинания (безусловно, при взаимодействии с общим контекстом высказывания) приобретают способность к созданию и передаче определенных изобразительных и / или выразительных эффектов, причем особенно в художественных текстах, стал основанием для появления такого нового аспекта в рамках исследования пунктуационного узуса, как пунктуационная стилистика.

Несмотря на то, что к объяснению стилистической функции знаков препинания лингвисты обращались еще более полувека назад (ср., например,

CC BY

[Макарова, 1967]), сам термин *пунктуационная стилистика* был предложен Б. С. Шварцкопфом лишь в 1990 году [Шварцкопф, 1990]. Затем этот термин, равно как и обозначаемый им аспект в исследовании употребления знаков препинания, оказался в поле зрения не только русистов, но также литуанистов (ср. *skyrybos stilistika* у Ю. Абаравичюса [Abaravičius, 2001]) и германистов (ср. *Stilistik der Interpunktion* у А. Небрига и К. Шперхазе [Nebrig et al., 2012]).

Существенно, что пунктуационная стилистика обобщает приемы стилистически релевантного использования знаков препинания преимущественно в синхронии. Однако те явления, которые изучаются в пунктуационной стилистике, имеют свою диахроническую судьбу и характеризуются исторической подвижностью. Более того, сама пунктуационная система складывается довольно долго: так, например, знаки «тире» и «многоточие», ставшие важнейшими ресурсами пунктуационной стилистики, закрепились в русском пунктуационном узусе только к концу XVIII века. Вообще говоря, конец XVIII века является тем периодом, когда не только в основных своих чертах сложилась пунктуационная система русского языка, но и возник прецедент пунктуационного обеспечения стилистических потребностей отдельного литературного направления, а именно русского сентиментализма (в иной терминологии — преромантизма [Кочеткова, 1994, с. 3]).

Важно отметить, что для сентиментализма, ставящего во главу угла чувствительность как этический концепт и вследствие этого вырабатывающего особый чувствительно-эмоциональный способ повествования, знаки препинания оказались крайне востребованы именно как средства стилистической сигнификации и стилистического дейксиса. В специальной литературе встречается термин *сентиментальная пунктуация*, обозначающий «нагромождение знаков препинания, призванных графически передать эмоциональный спектр» [Богданов, 2022, с. 243], и вместе с тем фиксирующий негативную оценку этого явления. Однако при анализе художественных текстов, созданных русскими сентименталистами (прежде всего Н. М. Карамзиным), лингвисты, литературоведы и даже психологи неизменно обращают внимание на стилистическую ценность отдельных знаков препинания: многоточия [Поспелов, 1970, с. 207], многоточия и восклицательного знака [Собкин, 2020, с. 123, 128], многоточия и тире [Богданов, 2022], тире [Чупашева, 1994].

При этом русский сентиментализм еще не был подвергнут целостному пунктуационно-стилистическому исследованию. Во многом из-за этого допускаются неточные суждения, касающиеся стилистической диахронии некоторых знаков препинания. Так, Б. С. Шварцкопфу принадлежит мысль

CC BY

о том, что употребление тире и многоточия, дополнивших корпус знаков препинания в конце XVIII века, изначально «оказалось весьма существенным в русле русского романтизма» [Шварцкопф, 1988, с. 134]. Как представляется, этот тезис может быть исторически достоверным только при том условии, что сентиментализм рассматривается внутри романтизма.

Целями настоящей статьи являются, с одной стороны, обоснование стилистической потребности русского сентиментализма в пунктуационном способе выражения, а с другой стороны, анализ употребления знаков препинания, формирующего пунктуационно-стилистическую специфику русского сентиментализма.

Актуальность исследования обусловлена тем, что к пунктуационной стилистике применен конкретно-исторический подход, выражающийся в учете как особенностей русского пунктуационного узуса конца XVIII века и кодификации пунктуационных норм русского языка в этот период, так и общих пунктуационных предпочтений, свойственных европейскому сентиментализму (в частности, английскому и французскому).

Научная новизна статьи заключается в том, что в ней применительно к русскому сентиментализму разработана методология исследования отдельного литературного направления в аспекте пунктуационной стилистики.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Для пунктуационно-стилистического исследования русского сентиментализма, несомненно, должен быть взят наиболее показательный, образцовый (если угодно, прототипический) художественный текст, в котором отображены ведущие эстетические установки этого литературного направления. Считается, что «лучшее время нашей сентиментальной литературы — с 1789 до 1796 года» [Орлов, 1977, с. 269]. Очевидно, что именно тогда были созданы художественные тексты, по которым можно судить о русском сентиментализме в целом и о его пунктуационной стилистике в частности. Одним из таких художественных текстов является повесть Н. М. Карамзина «Бедная Лиза», опубликованная в 1792 году. Поскольку автограф этой повести был утерян, ее пунктуационные особенности исследуются по первой публикации в «Московском журнале» [Кар-1], который издавался самим Н. М. Карамзиным. Это решение вызвано тем, что при переизданиях повести «Бедная Лиза» ее пунктуационный «рисунок» подвергался изменениям.

На материале повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза» описывается употребление вопросительного и восклицательного знаков, тире и многоточия, так как в особенностях пунктуационного маркирования посред-

CC BY

ством этих четырех знаков препинания писатель-сентименталист реализует стилистическое целеполагание своего литературного направления. Вообще говоря, в карамзинском пунктуационном инвентаре данные знаки препинания являются своеобразными стилистическими маркерами сентиментализма. Поэтому вовсе не случайно то, что в пародиях на русский сентиментализм нередко обыгрывается употребление названных четырех знаков препинания, присущее главным образом самому Н. М. Карамзину [Иванова, 1979, с. 243; Сигал, 2025, с. 130—132].

Стилистические коннотации, в основном субъективно-модальные по своей природе, которые были выработаны благодаря русскому сентиментализму у вопросительного и восклицательного знаков, тире и многоточия как у единой микросистемы знаков препинания, фиксировались лингвистами вплоть до середины XIX века. Например, Ф. И. Буслаев полагал, что у них имеется общее назначение: они «выражают ощущения лица говорящего и его отношение к слушающему» [Бус, с. 337]. Почти сто лет спустя А. Б. Шапиро настаивал на том, что «нужно признать неправильным отнесение» к этой микросистеме «знака “тире”» [Шапиро, 1955, с. 39]. Безусловно, в середине XX века употребление тире было в значительной мере формализовано, а сам этот знак препинания — освобожден от сентименталистской ауры. Тем не менее в экспрессивной «заряженности» тире, равно как и в его вовлеченности в авторскую пунктуацию, обнаруживается способность данного знака препинания к указанию на эмоциональный настрой пишущего.

В культурной памяти образованных носителей русского языка сохраняется представление о том, что благодаря сентиментализму знаки препинания стали использоваться для передачи эмоциональных состояний и душевных переживаний. Об этом свидетельствует, в частности, выставка «Русский сентиментализм: знаки препинания», проходившая в 2019—2020 годах в Государственном музее истории российской литературы имени В. И. Даля (Доме И. С. Остроухова) [Выс]. Показательно, что четыре зала выставки были посвящены как раз вопросительному знаку, восклицательному знаку, тире и многоточию, благодаря употреблению которых русский сентиментализм сумел графически запечатлеть чувствительно-эмоциональную разнородность речи и приобрести свой самобытный пунктуационный облик.

С целью демонстрации общих для европейского сентиментализма приемов стилистически обусловленного пунктуационного маркирования привлечены романы Л. Стерна «The life and opinions of Tristram Shandy, gentleman» («Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена») [St] и Ж.-Ж. Руссо «Julie, ou La nouvelle Heloïse» («Юлия, или Новая Элоиза»)

CC BY

[Rous], которые были завершены в 1767 и в 1760 годах соответственно. Оба эти романа входили в круг чтения Н. М. Карамзина. Перевод иллюстративных примеров на русский язык дается по изданиям [Ст] и [Рус] (переводчики — А. А. Франковский и А. А. Худадова соответственно), однако с сохранением аутентичной пунктуации писателей XVIII века.

Пунктуационно-стилистическое исследование русского сентиментализма опирается на методологию функциональной лингвистики: сначала определяется стилистическая доминанта сентиментализма и обосновывается нацеленность этого литературного направления на ее пунктуационное воплощение, а затем осуществляется анализ употребления стилистически выдвинутых знаков препинания, то есть тех, в которых опосредуется стилистическая доминанта. Кроме того, данные знаки препинания получают характеристику на основе сведений об узусе и кодифицированных нормах русской пунктуации конца XVIII века, а также о пунктуационной практике английского и французского сентиментализма. В ходе исследования применяются такие методы, как стилистическая интерпретация литературного направления и установление приемов стилистически специализированного употребления знаков препинания в художественном тексте, относящемся к определенному литературному направлению.

Несмотря на то, что пунктуационная стилистика является одним из новых аспектов в исследовании пунктуационного узуса, ей посвящен ряд трудов общетеоретического характера как в отечественной [Дзякович, 1994; Макарова, 1967; Шварцкопф, 1990], так и в зарубежной [Abaravičius, 2001; Nebrig et al., 2012] лингвистике. В этих трудах определяется предметная область пунктуационной стилистики, а также приводятся наблюдения над конкретными употреблениями знаков препинания, показывающие, как выполняется то или иное стилистическое задание посредством пунктуационного маркирования. Чаще всего пунктуационная стилистика имеет дело с художественными текстами, что дает основание для ее трактовки как «составляющей стилистики художественной речи» [Дзякович, 1994, с. 3].

Пунктуационная стилистика русского сентиментализма, в том числе применительно к повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза», исследуется в монографии В. Н. Топорова, где знаки препинания отнесены к «“диакритическому” уровню» художественного текста [Топоров, 1995, с. 45], и в статье В. С. Собкина, в которой раскрывается психологический механизм воздействия сентиментализма на читателя [Собкин, 2020]. Вместе с тем необходимо отметить, что употребление стилистически наиболее важных для русского сентиментализма четырех знаков препинания до сих пор не было рассмотрено как особый пунктуационно-стилистический феномен, возникший в конкретных исторических условиях.

CC BY

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Русский сентиментализм: стилистическая доминанта и нацеленность на ее пунктуационное воплощение

Русскому сентиментализму свойственны такие ведущие эстетические установки, как подчеркивание «эмоциональной рефлексии» [Поспелов, 1970, с. 211], стремление «изображать личные отношения в частной, бытовой жизни» [Там же, с. 212], демонстрируя душевные переживания персонажей и вызывая сострадание к ним, ориентация на «интонационно-синтаксическую выразительность, усиливающую эмоциональность семантики» [Там же, с. 206]. В качестве ключевого концепта русского сентиментализма выступает имя признака *чувствительный*, обладающее этическим смыслом «‘способный к состраданию’, ‘отзывчивый’, ‘гуманный’, ‘добрый’, ‘человечный’» [Кочеткова, 1994, с. 18]. Этот ключевой концепт должен был найти отклик в душе писателя-сентименталиста. Так, о Н. М. Карамзине говорили, что он «был человек чрезвычайно чувствительный» [С, с. 113]. В его стилистической манере чувствительность оказывается коннотативным «ингредиентом» почти любого элемента речевой структуры. В статье «Что нужно автору?» (1793 год) Н. М. Карамзин писал: «Слог, фигуры, метафоры, образы, выражения — все сие трогает и пленяет тогда, когда одушевляется чувством <…>» [Мур, с. 228]. Несомненно, это относится и к знакам препинания, в особенности связанным со стилистической доминантой русского сентиментализма.

А. А. Ухтомский, создатель физиологического учения о доминанте, понимал под ней «более или менее устойчивый очаг повышенной возбудимости центров», выражающийся в «стационарно поддерживаемой работе» [Ухтомский, 2002, с. 39]. При этом доминанта объясняет и высшие формы деятельности человека. Согласно А. А. Ухтомскому, «пока доминанта в душе ярка и жива, она держит в своей власти все поле душевной жизни» [Там же, с. 49]. Перенеся доминанту в сферу искусства, Р. Якобсон осмыслил ее как «фокусирующий компонент произведения <…>: доминанта управляет остальными компонентами, определяет и трансформирует их» [Якобсон, 1996, с. 119]. Р. Якобсон показал, что своя доминанта имеется и «в искусстве данной эпохи» [Там же, с. 120]. В развитие идей А. А. Ухтомского и Р. Якобсона предлагается понятие стилистической доминанты.

В общем плане стилистическая доминанта представляет собой приоритетный принцип речевой организации художественного текста, сформированный ведущими эстетическими установками литературного направления или конкретного писателя. Стилистическая доминанта действует благодаря механизму «выдвижения на первый план (foregrounding)», регулирующему «динамическое взаимодействие между автором, (литературным) текстом и

CC BY

читателем» [Van Peer, 1986, p. 20]. Важно учитывать, что стилистически выдвинутым является именно такой элемент, при участии которого происходит объективация стилистической доминанты. Стилистическое выдвижение совсем не обязательно связано с преобладанием в статистическом плане, но оно непременно оценивается в таких терминах, как «поразительность (strikingness)», «важность (importance)» [Там же, p. 176] и т. п.

Стилистическую доминанту русского сентиментализма образует речевая манифестация чувствительно-эмоционального сопровождения сюжетной динамики, способная побудить читателя к сопереживанию. Эта стилистическая доминанта способствует выдвижению прежде всего таких элементов речевой структуры, которые создают образную «картинку» того или иного эмоционального состояния и / или указывают на это эмоциональное состояние, привлекают к нему внимание. Стилистическое выдвижение подобных элементов речевой структуры организует «партитуру сентиментального переживания читателя», содействуя «процессу сочувственной идентификации» [Собкин, 2020, с. 128—129]. Объективация стилистической доминанты русского сентиментализма затрагивает в первую очередь сферу синтаксиса: действительно, у Н. М. Карамзина «фраза стремилась следовать движениям чувств автора или героя, воспроизводя их в самой своей структуре, в ее мелодическом контуре» [Топоров, 1995, с. 36]. По этой причине «новый слог» Н. М. Карамзина предполагает сближение со структурами разговорного синтаксиса [Виноградов, 2002, с. 222].

Под влиянием стилистической доминанты русского сентиментализма преобразуется отношение к пунктуации. Во-первых, знаки препинания начинают сознательно применяться для достижения определенных экспрессивно-смысловых обертонов. Например, употребление тире основывается «на принципе субъективного <…> или рассчитанного на эмоциональный эффект присоединения» [Виноградов, 1999, с. 329]. Ср.: *Онъ* (Эрастъ. — *К. С.*) *желалъ больше, больше, и наконецъ ничего желать не могъ — а кто знаетъ сердце свое* <...> [Кар-1, с. 265]. Во-вторых, вопросительный и восклицательный знаки, тире и многоточие осмысляются как единая пунктуационная микросистема, участвующая в указании на эмоциональные состояния и душевные переживания рассказчика и персонажей. Ср. конвергенцию этих знаков препинания, использованную для передачи смены эмоций в эпизоде падения Лизы: <...> *Эрастъ чувствуетъ въ себѣ трепетъ — Лиза также, не зная, отъ чего — не зная, что съ нею дѣлается… Ахъ Лиза, Лиза! гдѣ мать твоя? Гдѣ Ангелъ хранитель твой? Гдѣ — твоя невинность?* [Там же, с. 263—264].

Нацеленность русского сентиментализма на пунктуационное воплощение его стилистической доминанты определяется тем, что пунктуационная

CC BY

«инкрустация» высказываний посредством стилистически выдвинутых знаков препинания (вопросительного и восклицательного знаков, тире и многоточия) дает возможность графически точно передать эмоционально-акцентированную речь homo sentiens, которая культивировалась Н. М. Карамзиным. По сути дела, пунктуационная стилистика и зарождается именно в недрах русского сентиментализма, где средство и способ пунктуационного маркирования могут быть детерминированы стилистическим заданием.

3.2. Пунктуационная стилистика: от общей характеристики к конкретно-историческому подходу

Общие представления о стилистической функции знаков препинания и о пунктуационном маркировании в художественном тексте были выработаны задолго до того, как был предложен термин *пунктуационная стилистика*, придавший научный статус данному аспекту в исследовании пунктуационного узуса. Эти общие представления, систематизированные в конце 1960-х годов Р. В. Макаровой, состоят в следующем. Во-первых, стилистическая функция знаков препинания проявляется в том, что они «вносят в текст <…> стилистическую окраску или семантические оттенки» [Макарова, 1967, с. 52]. Во-вторых, «не все знаки несут семантическую и стилистическую нагрузку в равной степени» [Там же, с. 56]: допустим, тире и многоточие выполняют стилистическую функцию чаще, чем другие знаки препинания [Там же, с. 53, 55]. В-третьих, в художественных текстах (в сравнении с научными и деловыми текстами) «ассортимент знаков препинания значительно богаче», а их употребление отличается бóльшим разнообразием и большей индивидуальностью [Там же, с. 57].

Б. С. Шварцкопф впервые определил предметную область пунктуационной стилистики. По мысли ученого, «понимание стилистики в сфере пунктуации неоднозначно: как индивидуального пристрастия писателя к знаку препинания; как возможности эстетически мотивированного расширения нормативных границ употребления знака в художественном контексте; как неравномерности и зависимости употребления некоторых знаков от оппозиции типов текста “информационный — экспрессивный”» [Шварцкопф, 1990, с. 189]. Примечательно, что сам Б. С. Шварцкопф был склонен относить к пунктуационной стилистике прежде всего пунктуационные маркеры экспрессивных синтаксических конструкций, в частности сегментацию высказывания посредством сочетания «многоточие + тире» с последующим строчным написанием [Там же, с. 190].

В русле идей Б. С. Шварцкопфа пунктуационная стилистика трактуется у Ю. Абаравичюса, который исследует употребление знаков препинания с точки зрения «стилистической целесообразности (stilistinio tikslingumo)» [Abaravičius, 2001, p. 205]. Е. В. Дзякович относит к предметной области

CC BY

пунктуационной стилистики сугубо экспрессивные пунктуационные приемы, «в основе механизма которых лежит употребление знака препинания в не свойственной ему позиции» [Там же, с. 8] (ср., например, вставку восклицательного знака в середину высказывания [Там же, с. 10—11]). Однако при таком понимании неизбежно редуцирование сферы пунктуационной стилистики (ср. в связи с этим [Будниченко, 2003]).

А. Небриг и К. Шперхазе полагают, что пунктуационная стилистика необходима как для определения индивидуальной «физиогномики стиля (Stilphysiognomie)», так и для «понимания литературной “речи” и реконструкции риторического воздействия» [Nebrig et al., 2012, S. 13]. Согласно А. Небригу и К. Шперхазе, в рамках пунктуационной стилистики разграничиваются следующие направления (die Hinsichten): «грамматостилистическое (grammatostilistische), фоностилистическое (phonostilistische), иконостилистическое (ikonostilistische) и этостилистическое (ethostilistische)» [Там же, S. 16]. В первом исследуется роль знаков препинания в организации повествования и фигуральной речи, во втором — пунктуационный «рисунок» текста как условие его прочтения в соответствии с авторским замыслом, в третьем — участие знаков препинания в визуализации текста, в четвертом — отображение в знаках препинания невербальных действий (ср. в связи с этим особенно вопросительный и восклицательный знаки) [Там же, S. 17—28].

Пунктуационная стилистика должна заниматься выявлением и описанием всех тех приемов экспрессивного употребления знаков препинания, которые были выработаны в разные эпохи и стали достоянием пунктуационного узуса. Конечно, судьба этих приемов различна: одни прочно удерживают свой экспрессивно-смысловой потенциал, другие утрачивают его, либо пополняя ряды пунктуационных альтернаций, либо переходя в разряд пунктуационных архаизмов. В конце XVIII века, на который пришелся расцвет русского сентиментализма, приемы стилистически обусловленного пунктуационного маркирования только начинают складываться. Поэтому-то в языковом сознании современников Н. М. Карамзина могли запечатлеваться не столько эти приемы как таковые, сколько участвующие в их создании знаки препинания, которые еще не утвердились в кодифицированном пунктуационном инвентаре или употребление которых «снимало» то или иное кодифицированное ограничение. В этих случаях стилистические презумпции конкретных пунктуационных действий писателя-сентименталиста становятся неочевидными. Ср. весьма показательное свидетельство А. В. Старчевского: «Противники Карамзина <…> нападали на одни только слова, <…> иногда даже на знаки препинания, упустив из виду <…> распространение эстетического направления» [С, с. 31—32].

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

При этом стоит отметить, что четыре знака препинания, преимущественно используемые в русском сентиментализме для организации чувствительно-эмоционального повествования, оказались стилистически выдвинутыми отнюдь не по произволу писателей, прежде всего Н. М. Карамзина. К концу XVIII века в кодифицированной пунктуационной норме (применительно к вопросительному и восклицательному знакам) и в пунктуационном узусе (применительно к тире и многоточию) сложились предпосылки для такого экспрессивного «сдвига» в употреблении этих знаков препинания, который в полной мере соответствовал стилистической доминанте русского сентиментализма.

3.3. Пунктуационная стилистика русского сентиментализма: анализ употребления стилистически выдвинутых знаков препинания

3.3.1. Вопросительный и восклицательный знаки

В «Начальных основаниях российской грамматики» (1788 год) из стилистически важных для русского сентиментализма знаков препинания названы и кратко описаны только вопросительный и восклицательный знаки («вопросительная» и «удивительная» [НОРГ, с. 21, 22]). В этом издании указывается, что вопросительный знак является однофункциональным: он «послѣ вопросительнаго предложенія полагается» [Там же, с. 21], а восклицательный — выполняет несколько функций: он «поставляется по удивленіи <…>, по призываніи <…>, по восклицаніи, каковое бываетъ послѣ чудныхъ и многотрудныхъ повѣствованій» [Там же, с. 22]. Отсюда следует, что их экспрессивной «заряженности» будут способствовать определенные функциональные изменения: у вопросительного знака — использование в качестве маркера несобственно вопросительных высказываний; у восклицательного знака — оформление не только финально-резюмирующих, но и любых других восклицательных высказываний.

В повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза» (без учета комбинаций с многоточием) вопросительный знак используется 36 раз, тогда как восклицательный знак — 119 раз, то есть более чем в 3 раза чаще. Это объясняется тем, что для речи и рассказчика, и персонажей (особенно Лизы) характерны «сверхэмоциональность, <…> чувствительность и преувеличенная восторженность» [Топоров, 1995, с. 66—67].

Вопросительными знаками у Н. М. Карамзина большей частью обозначается конец несобственно вопросительных высказываний. Ср.: *«Я должна сказать тебѣ все. За меня сватается женихъ, сынъ богатаго крестьянина изъ сосѣдней деревни; матушка хочетъ, чтобы я за него вышла.» — И ты соглашаешься**?** — «Жестокой! можешь ли объ этомъ спрашивать**?** <…>»* [Кар-1, с. 262]. Здесь как в реплике Эраста, так и в реплике Лизы в форме вопроса выражается скрытый упрек. Вопросительный знак, лишаясь указания

CC BY

исключительно на вопросительную целеустановку высказывания, превращается в пунктуационный маркер экспрессивного приема.

Повышению экспрессивности способствует пунктуационное оформление посредством вопросительного знака двух и более высказываний, следующих одно за другим. Ср.: *Ахъ Лиза, Лиза! гдѣ мать твоя**?** Гдѣ Ангелъ хранитель твой**?** Гдѣ — твоя невинность**?*** [Там же, с. 263—264]; *Лиза очутилась на улицѣ, и въ такомъ положеніи, котораго никакое перо описать не можетъ. Онъ* (Эрастъ. — *К. С.*)*, онъ выгналъ меня**?** Онъ любитъ другую**?*** [Там же, с. 274]. В первом случае от начального вопросительного высказывания к конечному происходит дрейф от «чистой» вопросительности к риторическому вопросу. Во втором случае оба вопроса принадлежат внутренней речи Лизы, которой заведомо известны нежелательные для нее ответы на каждый из них. Эта цепочка вопросов нужна для того, чтобы показать душевное смятение Лизы.

Восклицательные знаки у Н. М. Карамзина чаще всего используются неоднократно, причем при пунктуационном маркировании как одного высказывания (срединный и конечный), так и разных высказываний, идущих друг за другом (конечные). «Нагнетание» восклицательных знаков — особый экспрессивный прием, указывающий на эмоциональное напряжение. Ср.: *А Лиза думала: ахъ**!** я скорѣе забуду душу свою, нежели милаго моего друга**!*** [Там же, с. 258]; *«Ахъ, Лиза**!** какъ онъ* (Эрастъ. — *К. С.*) *хорошъ и добръ**!** Естьли бы женихъ твой былъ таковъ**!»*** [Там же, с. 251]. Характерно, что восклицательный знак, стоящий в середине высказывания (например, после междометия или обращения), не приводит к написанию следующего за ним слова с прописной буквы.

Общей чертой экспрессивного употребления вопросительного и восклицательного знаков у Н. М. Карамзина является участие высказываний, оформленных посредством этих пунктуационных маркеров, в композиционно-текстовой связи. Первое и последнее употребление вопросительного знака создает внутреннюю эмоциональную рамку текста. Она формируется репликами матушки и Лизы, в которых представлены несобственно вопросительные высказывания. Ср.: *«<…> Только теперь не хочу умереть — что съ тобою безъ меня будетъ**?** <…>»* [Там же, с. 245] и *«<…> я таила отъ нее* (отъ матушки. — *К. С.*) *любовь свою къ одному жестокому человѣку, — къ Э… Но на что знать его имя**?»*** [Там же, с. 275]. Первое и последнее употребление восклицательного знака создает внешнюю эмоциональную рамку текста, которая складывается только из восклицательных высказываний рассказчика. Ср.: *Стоя на сей горѣ, видишь на правой сторонѣ почти всю Москву <…> когда вечерніе лучи его* (солнца. — *К. С.*) *пылаютъ на безчисленныхъ златыхъ куполахъ, на безчисленныхъ кре-*

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

стахъ, къ небу возносящихся! [Там же, с. 239] и *Теперь, можетъ быть, они* (Лиза и Эрастъ. — *К. С.*) *уже примирились!* [Там же, с. 277]. Если внутренняя эмоциональная рамка, созданная с участием вопросительных знаков, конденсированно отображает сюжет повести «Бедная Лиза» в земной перспективе, то внешняя эмоциональная рамка, созданная с участием восклицательных знаков, — в перспективе небесной.

3.3.2. Тире

На рубеже XVIII—XIX веков знак «тире» стойко ассоциировался с именем Н. М. Карамзина. Например, Н. И. Греч вспоминает о своем учителе Д. М. Кудлае так: «Он читал с восторгом “Бедную Лизу” и любил везде ставить тире, в подражание модному тогда Карамзину» [Виноградов, 1999, с. 328]. Долгое время считалось, что тире в русский пунктуационный узус ввел именно Н. М. Карамзин [Шапиро, 1955, с. 17, 139]. Однако, как установила В. Ф. Иванова, тире употребляется в русской печати с 1760-х годов, а первое печатное произведение Н. М. Карамзина (перевод идиллии С. Геснера «Деревянная нога») относится к 1783 году [Иванова, 1979, с. 253]. Показательно, что в этом издании еще нет ни одного тире и, кстати говоря, ни одного многоточия [Кар-2].

Тире могло получить кодификацию в конце XVIII века, если бы рукописная «Российская грамматика» (1788 год) А. А. Барсова была опубликована тогда же. А. А. Барсов, который был учителем и другом Н. М. Карамзина, дает этому знаку препинания наименование «молчанка» и указывает, что он нужен «для выраженія жестокой страсти, либо для приготовленія читателя къ <…> чрезвычайному и неожидаемому слову или дѣйствію въ послѣдствіи» [РГ, с. 76]. Примечательно, что описание функций тире сделано как бы в расчете на стилистическую доминанту сентиментализма.

В конце XVIII века тире воспринималось как относительно недавно появившийся графический маркер эмоциональной окрашенности речи, не закрепленный еще за конкретными пунктуационными позициями. В этом знаке препинания объединились короткие черточки, из которых возникло эмоциональное тире на русской почве, и пришедшее преимущественно из переводов Ж. Ф. Мармонтеля тире в функции отделения реплик в диалоге или самостоятельных предложений в повествовании [Иванова, 1979, с. 244, 255]. Кроме того, в пунктуационном узусе было осознано, что тире несет на себе отпечаток употребления в европейском сентиментализме, прежде всего у Л. Стерна.

«Стерн несравненный!» — восклицал Н. М. Карамзин, передавая свое впечатление от чтения отрывка из романа «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» [Кар-3, с. 117]. Например, в названном романе Л. Стерна, отличающемся «ненормативным (abnormal)» употреблением

CC BY

тире [Moss, 1981—1982, p. 195], данный знак препинания заменяет запятую в ряду однородных сказуемых. Ср.: *Mrs. Wadman blushed — looked towards the door — turned pale — blushed slightly again — recovered her natural colour — blushed worse than ever* <…> [St, p. 571] ‘Миссис Водмен покраснела — посмотрела в сторону двери — побледнела — снова слегка покраснела — пришла в себя — покраснела пуще прежнего <…>’ [Ст, с. 520]. Бесспорно, это не что иное, как экспрессивный пунктуационный прием, передающий динамику эмоционального состояния персонажа и вместе с тем создающий «“зрительный” образ текста» [Богданов, 2022, с. 245]. Подобный прием есть и у Н. М. Карамзина, хотя русский писатель предпочитает разделять посредством тире в одном и том же высказывании не только однородные сказуемые, но и предикативные конструкции, синтагматически уравнивая их. Ср.: *Я забываю человѣка въ Эрастѣ — готовъ проклинать его — но языкъ мой не движется — смотрю на небо, и слеза катится по лицу моему* [Кар-1, с. 273].

В повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза» употреблены 189 тире, среди которых — 103 внутренних тире, размещающихся в границах высказывания, и 86 внешних тире, отделяющих одно высказывание от другого. Тире в этой карамзинской повести может быть одиночным, двойным (точнее сказать, сдвоенным [Садченко, 2009, с. 78]) и даже тройным, имеются также парное тире и повторяющееся тире. В ракурсе пунктуационной стилистики особой отмеченностью у Н. М. Карамзина обладает разделительное по своей функции одиночное внутреннее тире, которое стоит либо на месте другого знака препинания, либо там, где знак препинания вовсе не предусмотрен нормой.

Тире употребляется Н. М. Карамзиным для отделения сказуемого от подлежащего (вместе с их составами), а также сказуемого — от его распространителей. Ср.: *Но всего чаще* ***привлекаетъ*** *меня къ стѣнамъ Си*нова монастыря —* ***воспоминаніе*** *о плачевной судьбѣ Лизы, бѣдной Лизы* [Там же, с. 242]; *Ты бы увѣдомлялъ меня обо всемъ, что съ тобою случится; а я* ***писала*** *бы къ тебѣ —* ***о слезахъ*** *своих!* [Там же, с. 268]. Экспрессивность данного пунктуационного приема определяется эмоционально пристрастным указанием на то, что кажется существенным чувствительному рассказчику или персонажу. Отделенный посредством тире член предложения в обоих случаях имеет рематическую природу, только в первом высказывании он представляет основную рему, выраженную инверсированным подлежащим, а во втором — дополнительную рему, обозначающую делиберативный объект.

Н. М. Карамзин применяет тире для отделения однородных сказуемых или предикативных частей сложносочиненных высказываний. В част-

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ности, тире ставится как перед соединительным союзом *и*, так и после него, обозначая эмоциональную паузу. Ср.: *Она* (Лиза. — *К. С.*) *показала ему* (Эрасту. — *К. С.*) *букетъ цвѣтовъ* — ***и*** *закраснѣлась* [Там же, с. 245]; *Эрастъ выскочилъ на берегъ, подошелъ къ Лизѣ* ***и*** — *мечта ея отчасти исполнилась* [Там же, с. 254]. В обоих высказываниях тире в тандеме с союзом участвует в экспрессивной подаче смысловой информации. В первом из них подчеркивается застенчивость, робость Лизы и одновременно передается семантика следствия, во втором — наряду с присоединительными отношениями выражается смысловой оттенок противительности (ср. идеал возвышенно-сентиментальной любви, нарисованный воображением Лизы еще до появления Эраста, и повторяющееся восклицание рассказчика: *Мечта! мечта!* [Там же], которым обозначается сомнение в достижимости этого идеала).

Причинные и следственные отношения, выражаемые в бессоюзных сложных высказываниях, побуждают Н. М. Карамзина к экспрессивному пунктуационному маркированию посредством тире. Это происходит потому, что эмоциональное прочувствование как причины, так и следствия, представленных в форме прямого либо косвенного утверждения, вызывает желание, отделяя содержащую их предикативную конструкцию, сделать на ней особый акцент. Ср.: — <…> *Только теперь не хочу умереть — что съ тобою безъ меня будетъ?* [Там же, с. 245] (причина, косвенное утверждение); *Скажу только, что въ сію минуту восторга исчезла Лизина робость — Эрастъ узналъ, что онъ любимъ, любимъ страстно новымъ, чистымъ, открытымъ сердцемъ* [Там же, с. 255] (следствие, прямое утверждение). Непривычность тире в этой пунктуационной позиции приводит к тому, что Н. М. Карамзин, правда единожды, поставил в одном пробеле двоеточие («двуточіе»), допущенное пунктуационной нормой [НОРГ, с. 20—21], и тире, призванное к осуществлению экспрессивной субституции. Ср.: <…> *но на сей разъ желаніе ея* (матери. — *К. С.*) *не исполнилось:* — *Лиза спала очень худо* [Там же, с. 252] (причина, прямое утверждение).

3.3.3. Многоточие

Многоточие становится принадлежностью русского пунктуационного узуса с 1780-х годов, однако «встречается редко» [Орехова, 2000, с. 54]. Этот факт подтверждается в повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза»: в ней использовано всего 10 многоточий (без учета комбинаций с вопросительным и восклицательным знаками), состоящих из трех или четырех точек. Гораздо чаще многоточие будет употребляться в XIX веке, поэтому и кодификация его произойдет в 1831 году, причем под двумя наименованиями: «знакъ пресѣкательный» и «многоточіе» (именно в таком порядке!) [Вос, с. 153]. Интересно отметить, что многоточию была приписана только

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

одна функция: этот знак препинания «ставится, когда рѣчь бывает прервана» [Там же, с. 159].

Однако еще в конце XVIII века данная собственно графическая по своей сути функция многоточия получила стилистическое переосмысление: в русском сентиментализме, прежде всего у Н. М. Карамзина, многоточие передает не только эмоционально обусловленную «пунктуационную эмфазу» [Богданов, 2022, с. 245], но и эмоциональный подтекст. Эти разные экспрессивные употребления многоточия у Н. М. Карамзина обычно находят метаязыковую поддержку в лексико-грамматическом составе идущего следом высказывания. Ср., с одной стороны: *<…> милая Лиза! сказал Эраст: милая Лиза! я люблю тебя! и сіи слова отозвались во глубинѣ души ея, какъ небесная, восхитительная музыка; она едва смѣла вѣрить ушамъ своимъ и…* *Но я* ***бросаю кисть*** [Кар-1, с. 255], а с другой стороны: *Мнѣ казалось, что я умираю; что душа моя…* *Нѣтъ,* ***я не умѣю сказать этова****!..* [Там же, с. 264].

Экспрессивный потенциал многоточия был раскрыт благодаря европейскому сентиментализму, прежде всего Ж.-Ж. Руссо. Например, в его романе «Юлия, или Новая Элоиза» многоточие, состоящее из четырех, пяти и более точек, употребляется как для обозначения эмоциональной остановки речи, так и для указания на импликацию в эмоционально-окрашенных контекстах. Ср.: *Quelquefois nos yeux fe rencontrent; quelques foupirs nous échapent en même tems; quelques larmes furtives…… ô Julie! fi cet accord venoit de plus loin….. fi le Ciel nous avoit deftinés…. toute la force humaine…… ah, pardon!* [Rous, p. 5] ‘Подчас наши взоры встречаются; подчас мы одновременно вздыхаем или украдкой утираем слезы…… о Юлия! Что, если такое сродство ниспослано свыше….. предназначено самим небом…. Никакие силы человеческие…… О, простите меня!’ [Рус, с. 15].

В этом же романе Ж.-Ж. Руссо многоточие сочетается с вопросительным и восклицательным знаками для придания смыслового оттенка медитативности семантике вопросительных и восклицательных высказываний. Ср.: *A peine fai-je ce qui m’est arrivé depuis ce fatal moment. L’impression profonde que j’ai reçue ne peut plus s’effacer. Une faveur****?.....*** [Rous, p. 87] ‘Не пойму, что происходит со мной с того рокового дня. Впечатление глубоко врезалось в мою память и никогда не изгладится. Так это милость?.....’ [Рус, с. 42]; *J’ai craint, tu le fais, le malheur dont tu gémis. Combien de fois je te l’ai prédit fans être écouteé****!....*** [Rous, p. 170] ‘Ты ведь знаешь, я давно страшилась несчастья, о котором ты сейчас сокрушаешься. Множество раз предрекала его, но ведь ты не слушала!....’ [Рус, с. 70]. Н. М. Карамзин прибегает к такого рода комплексным пунктуационным маркерам довольно редко: в повести «Бедная Лиза» комбинация «вопросительный знак +

многоточие» используется 3 раза, а комбинация «восклицательный знак + многоточие» — 4 раза. Многоточие реализовано в них двумя или тремя точками. Ср.: *Но что же чувствовала она* (Лиза. — *К. С.*) *тогда, когда Эрастъ, обнявъ ее в послѣдний разъ, въ послѣдний разъ прижавъ ее къ своему сердцу, сказал: прости, Лиза***?..** [Кар-1, с. 269—270]; *«Мнѣ не льзя жить, (думала Лиза) не льзя***!..** *О естьли бы упало на меня небо! Естьли бы земля поглотила нещастную***!..** <…>» [Там же, с. 274].

Представляется, что Н. М. Карамзин воспринял многоточие как одно из пунктуационных средств передачи чувствительности во многом благодаря роману Ж.-Ж. Руссо: вовсе не случайно в своих «Письмах русского путешественника» (1791—1792 годы) Н. М. Карамзин воодушевленно сообщает о том, «как <…> любит Руссо» и «с каким удовольствием читал <…> его Элоизу» [Кар-4, с. 150].

При этом наряду с многоточием тем же экспрессивным предназначением у Н. М. Карамзина может обладать тире в сдвоенном виде при оформлении прерванных высказываний, в которых отсутствует другой конечный знак препинания. Ср.: *У него* (у молодаго человѣка. — *К. С.*) *такое доброе лице, такой голосъ — —* [Кар-1, с. 246—247]; *Онъ* (Эрастъ. — *К. С.*) *баринъ; а между крестьянами — — Лиза не договорила рѣчи своей* [Там же, с. 251].

4. Заключение = Conclusions

В заключение необходимо отметить, что пунктуационная стилистика, строящаяся на сознательном отношении к отбору и употреблению знаков препинания, зарождается во многом благодаря русскому сентиментализму. Поэтому вовсе не удивительно, что целый ряд стилистически значимых пунктуационных явлений возник еще в конце XVIII века и был связан с воплощением стилистических заданий русского сентиментализма.

Пунктуационная стилистика русского сентиментализма, нацеленная на то, чтобы подчеркнуть чувствительно-эмоциональную основу речи рассказчика и персонажей, выдвинула на первый план пунктуационную микросистему, состоящую из вопросительного и восклицательного знаков, тире и многоточия. Употребление этих знаков препинания, обеспечивающее изобразительное и / или выразительное по своей функции графическое представление эмоциональных состояний и душевных переживаний, привело к выработке экспрессивных пунктуационных приемов, которые воспринимались как принадлежность русского сентиментализма.

Стилистическое выдвижение четырех знаков препинания в русском сентиментализме, прежде всего у Н. М. Карамзина, было обусловлено их экспрессивно-эмоциональным потенциалом, вызревшим как в кодифици-

рованной (вопросительный и восклицательный знаки), так и в некодифицированной (тире и многоточие) сферах существования русской пунктуации к концу XVIII века. Вместе с тем в стилистически целесообразном употреблении тире и многоточия определенную роль сыграло влияние английского (Л. Стерн) и французского (Ж.-Ж. Руссо) сентиментализма соответственно.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. Бус — *Буслаев Ф. И.* Историческая грамматика русского языка / Ф. И. Буслаев. — Москва : Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1959. — 623 с.

2. Вос — *Востоковъ А.* Сокращенная русская грамматика / А. Востоковъ. — Санктъ-Петербургъ : Типографія Департамента народнаго просвѣщенія, 1831. — 207 с.

3. Выс — *Выставка* «Русский сентиментализм : знаки препинания» (01.11.2019—23.02.2020) в Государственном музее истории российской литературы им. В. И. Даля (Дом И. С. Остроухова) [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://historyrussia.org/sobytiya/russkij-sentimentalizm-znaki-prepinaniya.html (дата обращения 16.05.2025).

4. Кар-1 — *Карамзинъ Н. М.* Бѣдная Лиза / Н. М. Карамзинъ // Московской журналъ. — 1792. — Ч. VI. — С. 238—277.

5. Кар-2 — *Карамзинъ Н. М.* Деревянная нога, Швейцарская Идилія / Н. М. Карамзинъ. — Санктъ-Петербургъ : Вольная типографія Брейткопфа, 1783. — 18 с.

6. Кар-3 — *Карамзин Н. М.* Избранные сочинения в 2-х т. / Н. М. Карамзин. — Москва ; Ленинград : Художественная литература, 1964. — Т. 2. — 591 с.

7. Кар-4 — *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника / Н. М. Карамзин. — Ленинград : Наука, 1984. — 717 с.

8. Мур — *Муравьев В. Б.* Карамзин / В. Б. Муравьев. — Москва : Молодая гвардия, 2014. — 479 с. — ISBN 978-5-235-03684-0.

9. НОРГ — *Начальныя* основания россійской грамматики. — Санктъ-Петербургъ : Императорская Академія наукъ, 1788. — 147 с.

10. РГ — «*Россійская* грамматика» А. А. Барсова / Под ред. Б. А. Успенского. — Москва : МГУ, 1981. — 776 с.

11. Рус — *Руссо Ж.-Ж.* Избранные сочинения в 3-х т. / Ж.-Ж. Руссо. — Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1961. — Т. 2. — 768 с.

12. С — *Старчевский А. В.* Николай Михайлович Карамзин / А. В. Старчевский. — Москва : Кучково поле, 2016. — 320 с. — ISBN 978-5-9950-0737-1.

13. Ст — *Стерн Л.* Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена. Сентиментальное путешествие по Франции и Италии / Л. Стерн. — Москва : Художественная литература, 1968. — 687 с.

14. Rous — *Rousseau J. J.* Julie, ou La nouvelle Heloïse / J. J. Rousseau. — Amsterdam : Marc Michelret, 1761. — 407 p.

15. St — *Stern L.* The life and opinions of Tristram Shandy, gentleman / L. Stern. — London : Grant Richards, 1903. — 593 p.

CC BY

Литература

1. *Богданов К. А.* Пунктуация как мотив : многоточие и тире / К. А. Богданов // Новое литературное обозрение. — 2022. — № 2 (174). — С. 241—253. — DOI: 10.53953/08696365.2022.174.2.241.

2. *Будниченко Л. А.* Экспрессивная пунктуация в публицистическом тексте (на материале языка газет) / Л. А. Будниченко. — Санкт-Петербург : СПбГУ, 2003. — 264 с. — ISBN 5-8465-0187-7.

3. *Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX веков. 4-е изд. / В. В. Виноградов. — Москва : Русский язык, 2002. — 528 с. — ISBN 5-200-03184-2.

4. *Виноградов В. В.* Стиль Пушкина / В. В. Виноградов. — Москва : Наука, 1999. — 704 с. — ISBN 5-02-011622-X.

5. *Дзякович Е. В.* Стилистический аспект современной пунктуации. Экспрессивные пунктуационные приемы : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.02.01 / Е. В. Дзякович. — Москва, 1994. — 20 с.

6. *Иванова В. Ф.* О первоначальном употреблении тире в русской печати / В. Ф. Иванова // Современная русская пунктуация / Отв. ред. Л. И. Скворцов. — Москва : Наука, 1979. — С. 236—253.

7. *Кочеткова Н. Д.* Литература русского сентиментализма. (Эстетические и художественные искания) / Н. Д. Кочеткова. — Санкт-Петербург : Наука, 1994. — 281 с. — ISBN 5-02-028096-8.

8. *Макарова Р. В.* Стилистика и знаки препинания / Р. В. Макарова // Русская речь. — 1967. — № 3. — С. 51—57.

9. *Орехова Н. Н.* Пунктуация и письмо (на материале русского и английского языков) / Н. Н. Орехова. — Ижевск : Издательский дом «Удмуртский университет», 2000. — 216 с. — ISBN 5-93008-027-5.

10. *Орлов П. А.* Русский сентиментализм / П. А. Орлов. — Москва : МГУ, 1977. — 270 с.

11. *Поспелов Г. Н.* Проблемы литературного стиля / Г. Н. Поспелов. — Москва : МГУ, 1970. — 330 с.

12. *Садченко В. Т.* Вторичный семиозис в художественном тексте / В. Т. Садченко. — Хабаровск : ДГГУ, 2009. — 243 с.

13. *Сигал К. Я.* Вербальное сообщение и пунктуационное маркирование в их функциональных взаимоотношениях / К. Я. Сигал // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 1. — С. 115—136. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-115-136.

14. *Собкин В. С.* «Ах, “Бедная Лиза”, Ах!» — опыт психологического анализа повести Н. М. Карамзина / В. С. Собкин // Национальный психологический журнал. — 2020. — № 2 (38). — С. 109—147. — DOI: 10.11621/npj.2020.0210.

15. *Топоров В. Н.* «Бедная Лиза» Карамзина. Опыт прочтения : к двухсотлетию со дня выхода в свет / В. Н. Топоров. — Москва : РГГУ, 1995. — 512 с. — ISBN 5-7281-0020-1.

16. *Ухтомский А. А.* Доминанта / А. А. Ухтомский. — Санкт-Петербург : Питер, 2002. — 448 с. — ISBN 5-318-00067-3.

17. *Чупашева О. М.* О некоторых пунктуационных особенностях художественной прозы Н. М. Карамзина / О. М. Чупашева // Формирование норм русского литературного языка XVIII века : Сборник статей / Отв. ред. В. М. Макаров. — Ижевск : УдмГУ, 1994. — С. 115—121. — ISBN 5-7029-0062-6.

18. *Шапиро А. Б.* Основы русской пунктуации / А. Б. Шапиро. — Москва : Издательство Академии наук СССР, 1955. — 398 с.

19. *Шварцкопф Б. С.* Пунктуационная стилистика и ее приемы / Б. С. Шварцкопф // Статус стилистики в современном языкознании. Тезисы докладов координационного совещания / Отв. ред. М. Н. Кожина. — Пермь : ПГУ, 1990. — С. 189—190.

20. *Шварцкопф Б. С.* Современная русская пунктуация : система и ее функционирование / Б. С. Шварцкопф. — Москва : Наука, 1988. — 192 с. — ISBN 5-02-010873-1.

21. *Якобсон Р.* Язык и бессознательное / Р. Якобсон. — Москва : Гнозис, 1996. — 248 с. — ISBN 5-7333-0492-8.

22. *Abaravičius J.* Skyrybos stilistikos paradigma / J. Abaravičius // Žmogus kalbos erdvėje. — 2001. — № 1. — Pp. 205—208.

23. *Moss R. B.* Sterne's punctuation / R. B. Moss // Eighteenth-century studies. — 1981—1982. — Vol. 15. — № 2. — Pp. 179—200.

24. *Nebrig A.* Für eine Stilistik der Interpunktion / A. Nebrig, C. Spoerhase // Die Poesie der Zeichensetzung. Studien zur Stilistik der Interpunktion. — Bern : Peter Lang, 2012. — S. 11—31. — ISBN 978-3-0343-1000-0.

25. *Van Peer W.* Stylistics and psychology. Investigations of foregrounding / W. Van Peer. — London : Croom Helm Ltd., 1986. — 220 p. — ISBN 0-7099-2604-9.

Статья поступила в редакцию 04.09.2025,
одобрена после рецензирования 26.01.2026,
подготовлена к публикации 25.02.2026.

Material resources

Bus — Buslaev, F. I. (1959). *Historical grammar of the Russian language.* Moscow: State Educational and Pedagogical Publishing House of the Ministry of Education of the RSFSR. 623 p. (In Russ.).

Ex — *Exhibition "Russian sentimentalism: punctuation marks" (01.11.2019—23.02.2020) at the State Museum of the History of Russian Literature named after V. I. Dahl (House of I. S. Ostroukhov).* Available at: https://historyrussia.org/sobytiya/russkij-sentimentalizm-znaki-prepinaniya.html (accessed 16.05.2025). (In Russ.).

Kar-1 — Karamzin, N. M. (1792). Poor Liza. *Moscow magazine, VI:* 238—277. (In Russ.).

Kar-2 — Karamzin, N. M. (1983). *Wooden leg, Swiss Idyl.* St. Petersburg: Breitkopf's Free Printing House. 18 p. (In Russ.).

Kar-3 — Karamzin, N. M. (1964). *Selected works in 2 volumes, 2.* Moscow; Leningrad: Fiction. 591 p. (In Russ.).

Kar-4 — Karamzin, N. M. (1984). *Letters of a Russian traveler.* Leningrad: Nauka Publ. 717 p. (In Russ.).

Mur — Muravyov, V. B. (2014). *Karamzin.* Moscow: Molodaya Gvardiya Publ. 479 p. ISBN 978-5-235-03684-0. (In Russ.).

NORG — *The Initial Foundations of Russian Grammar.* (1788). St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. 147 p. (In Russ.).

RG — Uspensky, B. A. (ed.). (1981). *"Russian Grammar" by A. A. Barsov.* Moscow: Moscow State University. 776 p. (In Russ.).

Rous — Rousseau, J. J. (1761). *Julie, ou La nouvelle Heloïse.* Amsterdam: Marc Michelret. 407 p. (In Fr.).

Rous — Rousseau, J.-J. (1961). *Selected works in 3 volumes, 2.* Moscow: State Publishing House of Fiction. 768 p. (In Russ.).

S — Starchevsky, A. V. (2016). *Nikolay Mikhailovich Karamzin.* Moscow: Kuchkovo Pole. 320 p. ISBN 978-5-9950-0737-1. (In Russ.).

St — Stern, L. (1903). *The life and opinions of Tristram Shandy, gentleman.* London: Grant Richards. 593 p.

St — Stern, L. (1968). *The life and opinions of Tristram Shandy, gentleman. A sentimental journey through France and Italy.* Moscow: Khudozhestvennaya literatura. 687 p. (In Russ.).

Vos — Vostokov, A. (1831). *Abbreviated Russian grammar.* St. Petersburg: Printing House of the Department of National Education. 207 p. (In Russ.).

References

Abaravičius, J. (2001). Skyrybos stilistikos paradigma. *Žmogus kalbos erdvėje, 1:* 205—208. (In Lith.).

Bogdanov, K. A. (2022). Punctuation as a motive: ellipsis and dashes. *New literary Review, 2 (174):* 241—253. DOI: 10.53953/08696365.2022.174.2.241. (In Russ.).

Budnichenko, L. A. (2003). *Expressive punctuation in a journalistic text (based on the material of the language of newspapers).* Saint Petersburg: St. Petersburg State University. 264 p. ISBN 5-8465-0187-7. (In Russ.).

Chupasheva, O. M. (1994). On some punctuation features of N. M. Karamzin's fiction. In: *Formation of norms of the Russian literary language of the XVIII century: A collection of articles.* Izhevsk: UdmGU. 115—121. ISBN 5-7029-0062-6. (In Russ.).

Dzyakovich, E. V. (1994). *Stylistic aspect of modern punctuation. Expressive punctuation techniques.* Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 20 p. (In Russ.).

Ivanova, V. F. (1979). On the initial use of dashes in the Russian press. In: *Modern Russian punctuation.* Moscow: Nauka Publ. 236—253. (In Russ.).

Kochetkova, N. D. (1994). *Literature of Russian sentimentalism. (Aesthetic and artistic pursuits).* Saint Petersburg: Nauka Publ. 281 p. ISBN 5-02-028096-8. (In Russ.).

Makarova, R. V. (1967). Stylistics and punctuation marks. *Russian speech, 3:* 51—57. (In Russ.).

Moss, R. B. (1981—1982). Sterne's punctuation. *Eighteenth-century studies, 15 (20):* 179—200.

Nebrig, A., Spoerhase, C. (2012). Für eine Stilistik der Interpunktion. In: *Die Poesie der Zeichensetzung. Studien zur Stilistik der Interpunktion.* Bern: Peter Lang. 11—31. ISBN 978-3-0343-1000-0. (In Germ.).

Orekhova, N. N. (2000). *Punctuation and writing (based on the material of Russian and English languages).* Izhevsk: Udmurt University Publishing House. 216 p. ISBN 5-93008-027-5. (In Russ.).

Orlov, P. A. (1977). *Russian sentimentalism.* Moscow: Moscow State University. 270 p. (In Russ.).

Pospelov, G. N. (1970). *Problems of literary style.* Moscow: Moscow State University. 330 p. (In Russ.).

Sadchenko, V. T. (2009). *Secondary semiosis in a literary text.* Khabarovsk: DGGU. 243 p. (In Russ.).

Schwarzkopf, B. S. (1988). *Modern Russian punctuation: the system and its functioning.* Moscow: Nauka. 192 p. ISBN 5-02-010873-1. (In Russ.).

Schwarzkopf, B. S. (1990). Punctuation stylistics and its techniques. In: *The status of stylistics in modern linguistics. Abstracts of the reports of the coordination meeting.* Perm: PSU. 189—190. (In Russ.).

Seagal, K. Ya. (2025). Verbal Message and Punctuation Marking in Their Functional Interrelationships. *Nauchnyi dialog, 14* (1): 115—136. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2025-14-1-115-136. (In Russ.).

Shapiro, A. B. (1955). *Fundamentals of Russian punctuation.* Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 398 p. (In Russ.).

Sobkin, V. S. (2020). "Ah, Poor Liza, Ah! "— the experience of psychological analysis of N. M. Karamzin's novella. *National Psychological Journal, 2 (38):* 109—147. DOI: 10.11621/npj.2020.0210. (In Russ.).

Toporov, V. N. (1995). *"Poor Liza" by Karamzin. The experience of reading: on the bicentenary of its publication.* Moscow: RGGU. 512 p. ISBN 5-7281-0020-1. (In Russ.).

Ukhtomsky, A. A. (2002). *Dominant.* St. Petersburg: Peter. 448 p. ISBN 5-318-00067-3. (In Russ.).

Van Peer, W. (1986). *Stylistics and psychology. Investigations of foregrounding*. London: Croom Helm Ltd. 220 p. ISBN 0-7099-2604-9.

Vinogradov, V. V. (1999). *Pushkin's style.* Moscow: Nauka Publ. 704 p. ISBN 5-02-011622—X. (In Russ.).

Vinogradov, V. V. (2002). *Essays on the history of the Russian literary language of the XVII—XIX centuries. 4th ed.* Moscow: Russian Language. 528 p. ISBN 5-200-03184-2. (In Russ.).

Yakobson, R. (1996). *Language and the unconscious.* Moscow: Gnosis. 248 p. ISBN 5-7333-0492-8. (In Russ.).

The article was submitted 04.09.2025;
approved after reviewing 26.01.2026;
accepted for publication 25.02.2026.

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Токарев Г. В. Значение лингвокультурного знака : сценарий интерпретации при освоении чужого языка в контексте апелляции к культурным пластам / Г. В. Токарев // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 2. — С. 132—150. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-132-150.

Tokarev, G. V. (2026). Interpretation of Linguistic-Cultural Signs: A Scenario for Acquiring a Foreign Language within Context of Cultural Appeal. *Nauchnyi dialog, 15* (2): 132-150. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-132-150. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Значение лингвокультурного знака: сценарий интерпретации при освоении чужого языка в контексте апелляции к культурным пластам

Токарев Григорий Валериевич
orcid.org/0000-0002-2362-0902
доктор филологических наук,
профессор
grig72@mail.ru

Тульский государственный
педагогический университет
им. Л. Н. Толстого
(Тула, Россия)

Благодарности:
Работа выполнена за счет средств соглашения на финансовое обеспечение выполнения государственного задания на оказание государственных услуг (выполнение работ) № 073-00065-25-01 от 18.03.2025 года, заключенного с Минпросвещения России, на тему: «Формирование и развитие мотивации к изучению русского языка средствами современного образовательного контента (в помощь преподавателю РКИ в Республике Сербской (Босния и Герцеговина))»

Interpretation of Linguistic-Cultural Signs: A Scenario for Acquiring a Foreign Language within Context of Cultural Appeal

Grigory V. Tokarev
orcid.org/0000-0002-2362-0902
Doctor of Philology, Professor
grig72@mail.ru

Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University
(Tula, Russia)

Acknowledgments:
The work was completed at the expense of the agreement for financial support of the state assignment for the provision of public services (execution of works) № 073-00065-25-01 dated 18.03.2025, concluded with the Ministry of Education of Russia, on the topic: “Formation and development of motivation to learn Russian by means of modern educational content (to help the RCT teacher in Republika Srpska (Bosnia and Herzegovina))”

© Токарев Г. В., 2026

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена проблемам интерпретации лингвокультурных единиц и демонстрации эвристического потенциала культурных пластов как представляющих собой результат ментального постижения действительности, тип культурного знания. Разработана методика анализа языковых единиц, выступающих культурными символами. В ходе исследования реконструирован сценарий интерпретации вербального знака культуры, включающий шесть этапов, для каждого из которых указаны когнитивные операторы. Алгоритм применения сценария интерпретации языковых единиц продемонстрирован на русских и сербских примерах. Выявлено, что данный процесс имеет своим результатом интерпретанту, выражающуюся в правильном понимании и использовании культурного знака. Рассмотрен когнитивный потенциал лингвокультурных знаков: символов, эталонов, наивных мер, оберегов, названий несуществующих явлений. Намечена типология культурных пластов, подчеркивающая связь между содержанием лингвокультурных знаков и когнитивным опытом носителя языка. Отмечается, что освоение языка тесно связано с формированием культурно-языковой компетенции, обеспечивающей правильное восприятие и воспроизведение культурных символов. Установлено, что интерпретация символов требует учета широкого контекста и оперирования большим объемом фоновых знаний. Выявлены ключевые характеристики лингвокультурных знаков, отражающих базовые черты национального мировоззрения и ценностные ориентиры. Доказано, что владение этими знаками способствует развитию межкультурной коммуникации и углубленному изучению национальной идентичности. Обосновывается важность систематического подхода к исследованию культурных пластов и внедрения разработанной методики в обучение языку (русскому, сербскому и др.) как иностранному.

Ключевые слова:
лингвокультурология; концептуализация; категоризация; культурные слои; сценарии понимания; культурно-языковая компетенция.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article addresses challenges in interpreting linguistic-cultural units by highlighting the heuristic potential of cultural layers as representations of mental comprehension of reality and typical forms of cultural knowledge. It introduces an analytical methodology for studying language elements that function as cultural symbols. Through empirical research, we reconstruct a scenario for interpreting verbal signs of culture consisting of six stages, each associated with specific cognitive operators. We demonstrate how this interpretive algorithm can be applied to Russian and Serbian examples. Our findings indicate that such interpretation results in an interpretant, which is expressed through accurate understanding and appropriate use of cultural signs. Additionally, we explore the cognitive capacity of linguistic-cultural signs — including symbols, prototypes, naive measures, amulets, and names of nonexistent phenomena — and propose a typology of cultural layers emphasizing their link to speakers' cognitive experience. We argue that language acquisition is closely tied to developing cultural-linguistic competence, enabling proper perception and reproduction of cultural symbols. Furthermore, it is shown that interpreting these symbols requires consideration of broader contexts and extensive background knowledge. Key characteristics of linguistic-cultural signs reflecting fundamental aspects of national worldview and value orientations are identified. Finally, it is demonstrated that mastery of these signs enhances intercultural communication and deepens understanding of national identity. Importantly, systematic investigation into cultural layers and integration of our proposed method into foreign-language instruction (such as Russian or Serbian) are advocated.

Key words:
linguoculturology; conceptualization; categorization; cultural strata; scenarios of understanding; cultural-linguistic competence

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 81’373.612.2
DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-132-150

Научная специальность ВАК
5.9.5. Русский язык. Языки народов России
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Значение лингвокультурного знака: сценарий интерпретации при освоении чужого языка в контексте апелляции к культурным пластам

© Токарев Г. В., 2026

1. Введение = Introduction

В современном языкознании активно развивается лингвокультурологическое направление, изучающее интеракцию вербальной системы и культуры. Данное взаимодействие существует не само по себе, а в сознании человека, являющегося носителем языка и субъектом той или иной культуры. Коллективное сознание членов одной лингвокультуры формирует когнитивную базу, «совокупность знаний и представлений, которыми обладают все или подавляющее большинство социализированных представителей лингвокультурного сообщества» [Гудков и др., 2007, с. 27]. В неё входит множество разнообразных знаний, среди которых можно выделить стереотипы, стандарты, сценарии, необходимые для жизни и включённые в культурную память народа [Ассман, 2004]. Носителем данных знаний становятся знаки культуры. Для их адекватного прочтения субъекту лингвокультурной общности необходимы навыки когнитивно-интерпретационных операций. Освоение языка связано с формированием ряда компетенций языковой личности, среди которых выделяют языковую (готовность пользоваться лексиконом и грамматиконом), коммуникативную (готовность к общению в различных ситуациях) [Караулов, 2010]. В. Н. Телия заявляет о ещё одном виде компетенции — культурно-языковой, заключающейся в готовности интерпретировать факты языка и речи в категориях культуры. Данная компетенция предполагает хорошо сформированные языковую и коммуникативную, поскольку языковая личность должна не просто знать, но и уместно употреблять языковые единицы.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В. Н. Телия отмечает: «Культурная компетенция не совпадает с языковой: переключение языковой компетенции в культурную основано на

CC BY

интерпретации языковых знаков в категориях культурного кода. Владение такого рода интерпретацией и есть культурно-языковая компетенция» [Телия, 1996, с. 227]. Важно отметить, что исследователь характеризует данную готовность как интерпретационную, а следовательно, когнитивную по своей природе. В. В. Красных заявляет об «обязательном наличии культурно-языковой компетенции у человека говорящего» как постулате психолингвокультурологии [Красных, 2016, с. 139]. Вряд ли можно полностью разделить мнение автора на фоне поступательных процессов глобализации и связанных с ними унификации, стандартизации и упрощения мышления, результатом которых становится культурная глухота [Черняк, 2017]. М. Л. Ковшова и Д. Б. Гудков характеризуют культурно-языковую компетенцию как «способность человека к соотнесению знаков естественного языка со знаками культуры в эмпирической, социальной, интеллектуальной и духовной сферах жизнедеятельности на основе владения культурной информацией» [Ковшова и др., 2017, с. 81]. В данном определении важным является указание на использование субъектом культурной информации. Отсюда следует, что индивид владеет данной способностью в случае, если он располагает культурно маркированными знаниями. И. Ю. Токарева определяет культурно-языковую компетенцию как «…готовность к культурной референции, умение интерпретировать разноуровневые явления языка и речи, особенности их употребления в категориях культуры» [Токарева, 2016, с. 24]. Приведённая дефиниция носит операционный характер, поскольку компетенция понимается как процедура соотнесения знака с культурно маркированным знанием.

Данная компетенция заключается не только в простом соотнесении знаков двух систем, но и в интерпретации единиц особого, лингвокультурного уровня [Токарев, 2023]. Вербальные знаки, репрезентирующие культурно маркированные знания, составляют культурный код лингвокультурного сообщества. Н. А. Симбирцева определяет культурный код как «совокупность знаков и их комбинаций внутри историко-культурного периода, получившую вербальное и (или) невербальное выражение в текстах культуры, обладающую интерпретативной устойчивостью в пространственно-временном континууме и сохраняющую коммуникативный потенциал на уровне личностного восприятия и социально-культурных практик» [Симбирцева, 2016, с. 161]. Изучение совокупности знаков повышает интерес к изучаемому языку, мотивирует данный познавательный процесс, поскольку раскрывает самобытность народа, способствует осмысленной самоидентификации членов лингвокультурного сообщества. Функции разнообразных культурных знаков могут выполнять слова и фразеологические единицы. В этом случае их первичное, номинативное предназначение замещается культурными роля-

CC BY

ми. Устойчивость, идиоматичность, воспроизводимость, образность данных единиц подтверждают многократное обращение языкового сознания к подобным знакам, а также их актуальность и ценностную маркированность. В. В. Красных замечает: «…одним из важнейших механизмов лингвокультуры … является воспроизводимость, которая в данном случае понимается как (потенциально) частотная возобновляемость того или иного феномена в процессе общения…» [Красных, 2016, с. 122]. Умение «прочитать» закодированные в семантике смыслы свидетельствует о понимании культурных норм и указывает на высокий уровень владения языком. В. Н. Телия отмечает: «…система языковых значений соотносится в интерпретативном режиме с культурной компетенцией носителей языка» [Телия, 1996, с. 230]. В данный символарий входят символы, эталоны, наивные меры, обереги, номинации несуществующих реалий (безденотатные единицы). Их объединяет свойство прецедентности, проявляющееся в узнаваемости и понятности данных единиц. Они характеризуются образностью, оценочностью, эмотивностью и суггестивностью. Их миссия заключается в культурной регуляции, координации действий в соответствии с ценностями, нормами и запретами. Лингвокультурные знаки определяют идентичность группы людей, пользующихся языком как родным.

Цель данной статьи — продемонстрировать эвристический потенциал лингвокультурных единиц и представить сценарий их интерпретации.

Актуальность предпринятого исследования объясняется возрастающей ролью лингвокультурологии в преподавании и изучении русского языка как иностранного, см.: [Авдеева и др., 2020; Литовкина и др., 2021; Лёвушкина, 2021; Савченко и др., 2025]. Тренды лингвометодических работ последнего десятилетия связаны с интересом к культурно маркированным единицам. Так, Н. А. Белова, Е. А. Кашкарева предприняли попытку разработки методики лингвокультурологического комментирования [Белова и др., 2025]. Т. М. Танашева рассматривает данный приём как способ семантизации фразеологической единицы [Танашева, 2021]. Работа с преподавателями русского языка Республики Сербской подтвердила необходимость интеграции лингвокультурологического компонента в процесс обучения и потребность в разработке методического инструментария — сценария интерпретации лингвокультурных единиц.

Предметом исследования является типология и специфика культурных пластов, объективированных компонентами значений языковых единиц. Предлагается сценарий пошагового декодирования семантики слов, выступающих знаками культурных символов. Разработка методики анализа лингвокультурной единицы проиллюстрирована примерами из русского и сербского языков. Для достижения поставленной цели используются мето-

CC BY

ды компонентного, концептуального анализа, а также лингвокультурологической интерпретации.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Понятие культурного пласта (слоя)

Семантика лингвокультурных единиц отражает культурный контекст, то есть своего рода культурные пласты. Впервые о них заявляет В. Н. Телия в «Большом фразеологическом словаре русского языка» при описании макроструктуры словаря. О культурных пластах упоминается в первой подзоне культурологического комментария. Под *культурным пластом* исследователь предлагает понимать «…архетипические формы культурного осознания мира…» [Большой фразеологический словарь ..., 2006, с. 12]. По Телия, культурные пласты отражают сложный процесс преобразования «мира-хаоса» в порядок, «основанный на типизированных противопоставлениях — пространственных…, качественных …, социальных» [Там же]. К ним учёный относит анимизм, ритуальные действия. М. Л. Ковшова и Д. Б. Гудков дают более широкое определение *культурным слоям*, определяя их как «…составляющие концептуального наполнения культуры, модель культурного пространства…» [Ковшова и др., 2017, с. 107]. Как следует из определения, исследователи трактуют культурные пласты как типы знаний. Вряд ли можно согласиться с авторами данной точки зрения, что культурные слои являются моделью описания культуры. На наш взгляд, они выступают результатами данного процесса. В нашем исследовании под *культурным пластом (слоем)* предлагается понимать результат культурно-семиотической категоризации знаний, объективированной значением культурно маркированных единиц, тип культурно маркированного знания, вербализованного языковым знаком, соотносительным со знаками культуры, на что указывают компоненты значения языковой единицы. Их постижение имеет своим результатом интерпретанту, выражающуюся в правильном понимании и использовании культурного знака. Выделение пластов связано с определением кода культуры, осознанием денотативных границ использования знака, адекватным восприятием его содержания, реализацией сценариев поведения как следствий интерпретации знака.

Определение культурного кода предполагает понимание тропеичности семантики культурного знака, вычленения внутренней формы и её соотнесения с базовым образом, который выступает средством категоризации знания. Денотативные границы, закреплённые за знаком, детерминированы аксиологическими критериями: они указывают на то, что важно для лингвокультурного сообщества, а потому обозначено. Сценарии поведения выражаются в следовании культурным нормам, императивам, запретам.

CC BY

3.2. Интерпретационный потенциал лингвокультурных единиц

Вербальные символы представляют собой лингвокультурный знак, выражающий какие-либо идеи и направляющий поведение человека. А. Ф. Лосев писал о том, что символ есть «заряженная множеством структура, призванная творчески переделывать действительность, а не мертвенно её отражать» [Лосев, 1995, с. 17]. Для интерпретатора понимать символ означает осознавать его императивный потенциал. Так, символ *счастливый билет* связан с ожиданием удачи. Из предложенного понимания знака культуры следует, что символы выступают в качестве репрезентантов концептов культуры, а значит, принципов. Например, символ *хомут* связан с концептом ТРУД и принципом, который он реализует: *будь готов трудиться.* Вербальный знак *телега* сжато выражает целый комплекс знаний, связанных с летними работами, а *сани* — с зимним времяпрепровождением, что воплощено в пословице: *Телега дом собирает, а сани разоряют* (то есть лето и зима). *Телега хлеб в дом возит, сани на базар*. *Готовь летом сани, а зимою телегу*. Таким образом, интерпретация символа опирается на широкий концептуальный фон, представляющий собой иерархию ментальных категорий. Человек, владеющий языком, подсознательно понимает, что вербальный знак может выражать символическое значение. В этом случае знак, выступая репрезентантом идеи и регулятором поведения в культурном пространстве, замещает номинативную функцию на культурную. Ср.: *бич* как репрезентант идеи возмездия, злого рока и *бич* как номинация кнута.

Денотативное пространство символа указывает на культурные сферы, которые оказываются наиболее значимыми и разработанными. Символы в них играют роль светофоров, информирующих и предупреждающих знаков.

Декодирование символа предполагает экспликацию скрытых культурно-когнитивных пластов. Один из них — **регулятивный**. Интерпретантой символа является модель поведения в той или иной ситуации. Образцы данных моделей человек наблюдает в многократных речевых практиках и постепенно их присваивает. Из этого следует, что для лингвокультурной общности становится значимой, во-первых, обозначенная символом ситуация, во-вторых, модель поведения, которая фиксируется как социально осознанная. Соприкасаясь с чужой лингвокультурой, человек сопоставляет культурно маркированные модели поведения своего и чужого пространства, выделяя сходства, отличия, лакуны. Императивная семантика символа определяет его проектирующий потенциал. Знание вербальных символов означает понимание культурных норм. Так, лингвокультурный знак *азбука* символизирует начало чего-либо. Азбука является первой кни-

CC BY

гой, которую читает человек. Для правильного декодирования значения интерпретатору потребуется актуализировать знания об обучении чтению, которое начинается с ознакомления с буквами. В сознании актуализируются культурные таксоны: краткое / полное, достаточное / недостаточное, существенное / несущественное, основное / второстепенное, простое / сложное. Данные смыслы находят воплощение в коннотациях слова *азбука*, которые впоследствии оформляют сигнификативное содержание семем символа. Становятся значимыми сценарии постижения знаний: для учеников это может быть трудно и неинтересно, к обучению могут принуждать, за плохие результаты могут наказывать.

Интерпретация символических значений подразумевает осмысление коннотаций вербального знака, ставшего для символа производящей базой. Так, у слова *барабан* прочитываются коннотации ‘опасность’, ‘строгость’, ‘дисциплина’, ‘военная служба’, ‘наказание’, которые объективируются в многообразных контекстах. Например, в предложении … *И где-то за елями кругло ударил барабан. Отряд пионеров в галстучках бодро промаршировал к воротам, и оттуда прозвучала труба* (Ю. О. Домбровский «Факультет ненужных вещей») [НКРЯ] проявлена коннотация ‘дисциплина’.

Таким образом, для интерпретации символа языковой личности требуется актуализация большого массива фоновых знаний. Это ещё один культурный пласт, объективированный семантикой символа. У носителей языка как родного они включены в их когнитивную базу. Изучающие язык как неродной данными знаниями могут не обладать. Их они могут получить в репродуктивной форме из разнообразных источников.

Коннотации, на основе которых сформировалась семема символа, могут быть верифицированы на материале фразеологических единиц, производных слов. Так, коннотации слова *крест* объективированы рядом пословиц и поговорок: *вот те крест, целовать крест, не берёт его ни крест, ни пест, ходит с крестом, креста на нём нет, тяжёл крест, да надо несть, поставить крест.*

В некоторых случаях формированию символического значения вещи способствует включенность ее в качестве сакрального объекта в структуру ритуала. Например, лапоть использовался в обряде сватовства. Его вешали как знак отказа. Данная практика способствовала формированию символа.

Ещё один культурный пласт отражается во внутренней форме культурно маркированных единиц. Образное основание символа в сжатом виде может скрывать сценарий культурно обусловленной практики. Так, внутренняя форма символа *баклуши* (*бить баклуши*) отражает практику изготовления деревянных заготовок для ложек. Выведение данных практик на вербальный экран образного основания составляет сущность культурного

CC BY

кодирования знаний. Способность интерпретировать оязыковлённые картинки лежит в основе культурно-языковой компетенции.

Апелляция к символу предполагает унифицированную реакцию, которая является результатом культурной рефлексии лингвокультурной группы. Например, символ *барахло* предполагает эмотивно-оценочную интерпретанту, выражающуюся в негативном оценивании и неодобрении чего-либо.

Рассматриваемые единицы можно представить как стабильные, то есть свойственные лингвокультуре на протяжении всех этапов её развития (*венец, грош, каша* и др.), и идеологически детерминированные, выражающие ценности отдельной эпохи (*маяк, знамя, смычка* и др.) [Мокиенко и др., 1998].

Эталоны — лингвокультурные единицы, отражающие стандарты качеств и свойств человека. Постижение смысла данных знаков означает усвоение физических, моральных, поведенческих прототипов человека. Примечательно то, что эталоны отражают не только норму, но и отступление от неё. Так, эталоны фиксируют стереотипные представления о человеке с плохим зрением: *бельма поганая, камбала косая, слепая курица, лихо одноглазое* (хотя нормой считается хорошее). Это отражено в оценочном компоненте значения. При декодировании значения эталона языковое сознание осуществляет операцию соотнесения его содержания с нормой и определение оценочности семемы. К примеру, прочтение семантики эталона *церковная мышь* эксплицирует норму: «имей достаточные материальные средства». Несоответствие ей выражается в отрицательной оценочности. Из этого следует, что процедура распаковки семантики эталона непосредственно связана со знанием **императивной** системы культуры, особого культурного пласта. Изучение эталонов лингвокультуры помогает осмыслить систему её норм. Правильное декодирование семантики эталонов означает понимание стереотипов, функционирующих в данной культурной среде. Так, можно говорить о стереотипе: русская женщина, как матрёшка, здоровая, румяная, круглолицая. Эталоны имеют живую образность, что позволяет увидеть своеобразие интерпретации явлений действительности. Например, свежо выглядящий мужчина интерпретируется как *огурчик*, человек, привлекающий внимание яркой одеждой как *попугай*, неряшливый человек как *россомаха.* Образное основание помогает увидеть привлечение культурного опыта лингвокультурной общности, что выражается в выделении вспомогательного объекта для эталонизации какого-либо свойства или качества. Например, для объективации представлений о старом, немощном человеке избираются образы галоши, гриба, динозавра, кочерги, кочерыжки (ср. соответствующие номинации: *галоша*

CC BY

и др). Тематические группы эталонов позволяют увидеть онтологические сферы, наиболее важные для лингвокультурного сознания.

Эталоны могут актуализировать культурно-исторические пласты. В этом также заключается эвристический потенциал изучения их семантики. Так, эталон *бурлак* ‘человек, выполняющий тяжёлую работу’ актуализирует знания о труде наёмных работников дореволюционной России, эталон *веретено* ‘вертлявый, юркий, подвижный человек’– о повседневных женских занятиях. Эталон *волк* ‘угрюмый, нелюдимый человек’ связан с архетипическими представлениями о волке как опасном животном. А. Н. Афанасьев отмечал, что волк символизировал мрак, тьму. Хищный характер волка «возбуждал представления о грабеже, насилии, резне» [Афанасьев, 2002, с. 705], *ворон* ‘о человеке, предвещающем беду’ — представления о том, что эта птица чувствует мёртвое тело. В корове подмечена медлительность, тучность, в индюке — надменность, заносчивость — в петухе.

Эталоны в большей степени, чем другие лингвокультурные единицы, отражают системность. Это даёт возможность увидеть противоположные точки при стандартизации признаков человека: *дубина, оглобля* ‘высокорослый человек’ vs. *заусенец, огарок* ‘человек невысокого роста’. Эталоны могут быть использованы в этикетных выражениях, в частности в роли обращений. Так, обращение к женщине *вербушка, лебедь моя* и др. отражают речевой канон, опирающийся на гендерные роли, архетипические представления.

Имена волшебных объектов, которые называют безденотатными в силу того, что они имеют нулевой экстенсионал, с одной стороны, отражают архетипические представления о базовых культурных таксонах, таких как свой / чужой, жизнь / смерть, доля / недоля и др., с другой — воплощают креативный потенциал нации. Характерно, что симболарии подобных единиц не совпадают в различных лингвокультурах, что затрудняет трансфер репрезентированных данными единицами знаний из одной культуры в другую. Если в своей культуре способ выражения данных единиц характеризуется холистичностью, то, попадая в чужую культуру, единица получает описательную репрезентацию, подробно раскрывающую её образность, сигнификативное наполнение. Так, при переводе волшебной сказки объём текста увеличивается за счёт подробного разъяснения подобной единицы. Тем самым подтверждается, что понимание данной единицы связано с получением новых знаний. Рассматриваемые лингвокультурные знаки имеют разный деривационный потенциал и могут использоваться не только в волшебных сказках, но и за их пределами, например, проникать в повседневную речь. В этом случае они обретают новые культурные функции, в частности, они способны быть эталоном, символом, мерой. На-

CC BY

пример, баба Яга выступает эталоном злой или старой женщины, избушка на курьих ножках — старого, ветхого жилья. В сознании языковой личности актуализируются кросс-культурные операции, интегрирующие разные хронологические парадигмы культуры. Номинации волшебных предметов могут отражать различные культурные пласты. Например, **сакральные**: волшебное зеркало воплощает представления о своём и чужом, реальном и потустороннем, зеркало выступает в роли магического входа в иное пространство; **концептуальные**: представления о жизни и смерти — Кощей Бессмертный как персонифицированная объективация представлений о смерти; **аксиологические**: Жар-Птица, скатерть-самобранка как образная репрезентация о диковинном, хорошем, изобильном.

Наивные меры репрезентируют ненаучные единицы измерения. При интерпретации их значений важны следующие аспекты. Во-первых, денотативная соотнесённость. Наивные меры могут охватывать те же сферы, что и универсальные единицы измерения, например, время: *без году неделя, в два огляда, день в день, когда рак на горе свистнет, чуть свет*, — либо параметризировать специфические сферы: сходство, знания и опыт, эмоциональные реакции и т. п. Во-вторых, сигнификат наивных мер, по сути, составляют признаки, зафиксированные образным основанием единицы: *до последней капли* ‘без остатка’, вагон и маленькая тележка ‘очень много’, *капля в море* ‘очень мало’ и др. Измерительным эталоном становится культурно детерминированная внутренняя форма знака: *на пальцах можно пересчитать.* Образные основания могут носить культурно специфичный характер: *сорок сороков* ‘очень много, бесчисленное количество чего-л’, *на авось* ‘без достаточной основательности, на удачу’*, до Москвы не перевешать* ‘очень много’*, за семь вёрст киселя хлебать* ‘на значительном расстоянии’*, во всю Ивановскую* ‘очень громко’ и др. В отличие от научных единиц измерения наивные выражают оценочность и эмотивность. Так, мера *быстрый на ногу* объективирует положительную оценку и эмотивность одобрения. Из этого следует, что меры отражают нормы и стандарты культуры: «быстро передвигаться хорошо».

Наивные меры могут объективировать культурно обусловленные сценарии. Так, единица *до морковкиного заговенья* отражает сценарий пищевого поведения, связанный с началом поста, *как блины печь* — сценарий выпекания блинов. Лингвокультурный знак *как на собаке* связан с представлениями об этом животном как сакральном существе. Собачья шерсть использовалась и как оберег, и как лечебное средство в народной медицине. Из сказанного следует, что декодирование значений наивных мер также связано с обращением к разнообразным пластам культуры: **нормативным**, **архетипическим** и др.

CC BY

Обереги как лингвокультурный знак отражают принципы общежития лингвокультурной общности. Денотативные сферы применения оберегов объективируют ценностные плоскости их применения. В русской лингвокультуре это касается пространства, времени, обращения, текущего положения дел. Так, одной из них является имя человека, которое, согласно народным верованиям, имеет сакральный смысл, является уязвимой частью человека. В связи с этим коммуникативное поведение, связанное с употреблением имени, имело ритуальный характер: человеку помимо имени, которое он получал при крещении, давали мирское имя, негативные прозвища, чтобы обмануть нечистую силу, делающую всё наоборот, уходили от прямых ответов на вопрос *как зовут* путём использования устойчивых фраз, которым приписывался защитный характер: *зовут зовуткой, а величают серой уткой, как назвали, так и зовут* и др. Косвенно обереги, выступая культурными регуляторами, отражают культурные нормы и запреты. Например, не следует говорить чужим о своих планах, о том, как обстоят дела, не следует спрашивать об этом посторонних людей и т. п. Таким образом, декодирование оберегов связано с обращением к нормативному пласту культуры. Кроме того, они являются своего рода маркерами прототипических коммуникативных сценариев. Употребление данных единиц регламентируется прагматическими правилами.

Осмысление символария лингвокультуры сопровождается установлением связей между единицами, а следовательно, их представлением как системы. Так, включение в активный запас символов со значением материальных ценностей: *золото, длинный рубль, деньги, кошелёк, копейка, каравай, калач, кусок* — позволяет интерпретатору осознавать интегральную семантическую основу и различия семантики данных единиц.

Лингвокультурные единицы характеризуются высоким текстовым потенциалом. Они могут быть использованы в процессах фигуративизации, например, в качестве имён главных персонажей, употребляться в сильных позициях текста, выступать в роли его ключевых слов. В связи с этим операции кодирования семантики вербальных знаков культуры включаются в процессы текстовой деятельности.

3.3. Реконструкция сценария интерпретации лингвокультурных знаков

Описание лингвокультурных единиц через призму воспринимающего сознания интерпретатора позволяет реконструировать сценарий интерпретации вербального знака культуры. Опишем его основные этапы и когнитивные операторы, которыми пользуется интеллект.

Первый этап. Допущение, что языковая единица выполняет культурные функции. Данный процесс опирается на чувство интуиции, культурно-

CC BY

языковой опыт, анализ коммуникативной ситуации, учитывание текстовой позиции. Когнитивный оператор этапа: допусти, что этот вербальный элемент является знаком культуры.

Второй этап. Соотнесение знака с денотативным пространством, сферой жизни культурного сообщества. Определение эталонной категории. Когнитивные операторы данного этапа: соотнеси данный знак с окружающим миром, обозначенное им явление с классом однородных явлений.

Третий этап. Определение характера семантики знака с точки зрения способа отражения действительности. Распаковка образного основания и приведение его к базовому образу. Определение кода культуры. Когнитивные операторы этапа: буквально прочти вербальный знак, соотнеси его с тем, что он выражает, определи способ обозначения (прямой / переносный), обобщи образ.

Четвёртый этап. Осмысление сигнификата вербального знака культуры. Опора на фоновые знания, апелляция к информации, имеющей архетипический характер, экспликация коннотаций и их верификация с опорой на широкий языковой материал. Когнитивные операторы: выясни, чем данное явление отличается от смежных; учти, что люди знают об этом.

Пятый этап. Осмысление иллокутивного потенциала знака. Актуализация перечня культурных императивов: норм и запретов. На их основе генерирование оценки и эмоциональной реакции. Когнитивный оператор: соотнеси значение с координатами: можно / нужно / нельзя; хорошо / плохо, одобряю / не одобряю.

Шестой этап. Понимание условий употребления знака: уместности, соответствия коммуникативным задачам. Когнитивный оператор: учти, когда и как использовать знак.

Работа с предложенной моделью сначала может осуществляться на материале родного языка. Так, на первом этапе интерпретации устойчивой сербской единицы *први мачићи се у воду бацају* (буквально: «первых котят бросают в воду»; русский эквивалент — *первый блин комом*) допускаем, что выражение содержит культурный знак, используемый для выражения какой-либо идеи. Второй этап связан с соотнесением семантики знака со сферой «Деятельность». На третьем этапе устанавливаем, что при образовании лингвокультурного знака использовалась опосредованная номинация. Мысленно актуализируем сценарий уничтожения первого потомства котят. Культурный код связан с осуществлением ритуального действия. На четвёртом этапе осознаём, что данный ритуал был связан с представлениями сербов о том, принесение в жертву первого поколения в будущем обеспечивает хорошие репродуктивные результаты. На пятом этапе эксплицируем контекст употребления культурного знака. Он используется как импе-

CC BY

ратив: чтобы последующее было крепким и хорошим, нужно уничтожить первое слабое. На заключительном этапе осознаём, что знак используется при прогнозировании ожидаемых результатов или констатации факта ожидаемой неуспешности уже сделанных действий в целях поощрения осуществления дальнейших действий, их положительного оценивания.

Проиллюстрируем работу данной модели на примере вербального оберега *на кудыкину гору.* На первом этапе допускаем, что перед нами не обычная языковая единица, а знак культуры: она используется как готовый ответ, регулярна. На втором этапе соотносим данный знак со сферой действительности «Пространство». На третьем этапе определяем, что в процессе образования знака был использован опосредованный способ отражения действительности. Буквально прочитывая образное основание, представляем, что речь идёт о некой горе. Гора — элемент природы. Код культуры связан с базовым образом «Природное явление». На четвёртом этапе понимаем, что речь идёт о несуществующем объекте. Определение *кудыкина* связано с просторечным, искажённым вариантом слова *куда.* На пятом этапе соотносим контекст употребления данного знака со сложившимися в культуре нормами: не будь любопытным, не делись своими планами. Вопрос *куда направляется человек?* может быть воспринят негативно. Прямой ответ может стать причиной неудачного действия. Следовательно, нужно защитить себя от этого. Ответ *на кудыкину гору* выражает неодобрение коммуникативных действий собеседника. На шестом этапе актуализируем условия коммуникативного поведения: данный знак является реакцией на стимул *куда,* употребляется в неформальной речевой ситуации, грубый, фамильярный.

Приведём ещё одним пример интерпретации лингвокультурной единицы *шкура*. На первом этапе допускаем, что в выражении *поживи в моей шкуре* номинация *шкура* выполняет культурную функцию — выражает некую идею и моделирует определённый сценарий поведения. Использование данной единицы регулярно. На втором этапе соотносим данный знак с представлениями о судьбе, образе жизни. На третьем этапе буквально прочитываем образ, лежащий в основе знака: кожа зверя; осознаём, что идея выражена с опорой на базовый образ «Животное». Понимаем, что для её объективации используется перенос. На четвёртом этапе допускаем, что по шкуре мы можем отличить одно живое существо от другого, каждое из них характеризуется своим образом жизни, каждое по-своему борется за выживание. На пятом этапе устанавливаем, что употребление данного знака культуры связано с констатацией определённого образа жизни. Отождествление судьбы человека с существованием животного выражает смыслы «трудно, сложно», что генерирует отрицательную оценочность и

CC BY

неодобрение. В то же время употребление лингвокультуного знака рассчитано на приятие иного образа жизни, на понимание, толерантное отношение, сопереживание. На шестом этапе принимаем во внимание, что данный культурный знак употребляется в неформальной коммуникативной ситуации.

Практически каждый из выделенных этапов актуализирует культурный пласт, к которому апеллирует сознание. На третьем этапе происходит обращение к культурному коду. На четвёртом — к массиву обыденных знаний, в том числе носящих архетипический характер. На пятом — к культурным нормам. На шестом — к канонам употребления.

Ситуации использования языка как родного и неродного могут совпадать в плане когнитивного наполнения операций. Это определяется уровнем сформированности культурно-языковой компетенции. В случае её слабой развитости наблюдается сходство в интерпретации знаков культуры людьми, которые используют язык как родной и иностранный. Однако для представителей чужой культуры допустимы операции сопоставления иной сферой с родной на каждом этапе декодирования единицы.

Человек может испытывать недостаток требуемой для интерпретации информации. Возникает ситуация мотивации её получения, которая сопровождается активным настроем в процессе изучения языка. Совершенно очевидно, что требуемую информацию интерпретатор должен восполнить из внешних источников. Полученные знания будут характеризоваться большей прочностью и долговременностью, поскольку были актуализированы внутренними когнитивными потребностями личности. На наш взгляд, в этом состоит один из механизмов развития культурно-языковой компетенции, цель формирования которой — обогатить символарий личности и наделить её умениями осуществлять процедуры интерпретации. Ю. М. Лотман, говоря об особенностях освоения языка, отмечал: «…ребёнок получает не отдельные слова, а язык как таковой. Это проводит к тому, что огромная масса слов, уже вошедших в его сознание, для него не сцеплена с какой-либо реальностью» [Лотман, 2000, с. 600]. Предложенный сценарий интерпретации вскрывает механизмы сцепления лингвокультурного знака с системой значений, имеющейся в голове индивида.

4. Заключение = Conclusions

Итак, декодирование семантики лингвокультурных единиц: символов, эталонов, мер, оберегов, названий волшебных явлений — связано с раскрытием разнообразных культурных пластов. Денотативный компонент значения указывает на границы культурного пространства, степень актуальности для лингвокультурной общности репрезентированных вербаль-

CC BY

ными знаками культуры знаний. Образ отражает особенности воплощения и интерпретации знаний, культурный опыт сообщества. Сигнификативный компонент соотносится с фоновыми знаниями, культурными практиками, коннотациями, на основе которых было сформировано значение лингвокультурной единицы. Оценочный и эмотивный компоненты отражают нормы, запреты, императивы, которыми пользуется лингвокультурное сообщество, коллективную рефлексию при восприятии действительности. Все перечисленные типы знаний составляют когнитивную базу лингвокультурной общности. Экспликация данных знаний актуализирует активное использование языка, понимание его глубинных структур. Следует заметить, что перечисленные ментальные слои могут оставаться неактивными в сознании личности, владеющей языком как родным. Для представителя чужой лингвокультуры данные пласты неизвестны. В любом случае раскрытие их содержания, актуализация формируют мотивацию изучения языка, способствуют глубокому осмыслению культурной идентичности и толерантности. Извлечение знаний из каждого культурного пласта связано с формированием интерпретанты, заключающейся в правильном декодировании знака.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Афанасьев А. Н.* Мифы, поверья и суеверия славян : в 3 томах / А. Н. Афанасьев. — Москва : Эксмо, Санкт-Петербург : TERRA FANTASTIKA, 2002. — 2336 с. — ISBN 5-699-00849-7.

2. *Большой* фразеологический словарь русского языка : Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. — Москва : АСТ-ПРЕСС, 2006. — 784 с. — ISBN 978-5-462-00735-4.

3. *Ковшова М. Л.* Словарь лингвокультурологических терминов / М. Л. Ковшова, Д. Б. Гудков. — Москва : Гнозис, 2012. — 192 с.

4. *Мокиенко В. М.* Толковый словарь языка Совдепии / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. — Санкт-Петербург : Фолио-Пресс, 1998. — 704 с.

5. НКРЯ — *Национальный* корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.ruscorpora.ru (дата обращения: 21.09.2025).

Литература

1. *Авдеева А. Е.* Особенности преподавания этических концептоврусских сказок иностранцам / А. Е. Авдеева, Н. М. Дмитриева // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2020. — № 2 (225). — С. 53—60. — DOI: 10.25198/1814-6457-225-53.

2. *Ассман Я.* Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман ; пер. с нем. М. М. Сокольской. — Москва : Языки славянской культуры, 2004 — 368 с. — ISBN 5-94457-176-4.

3. *Белова Н. А.* Комментарий культурно-исторических фактов как способ формирования межкультурной компетенции обучаемых на занятиях по русскому языку как иностранному / Н. А. Белова, Е. А. Кашкарева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2025. — Т. 18. — Выпуск 7. — С. 2723—2731.

4. *Гудков Д.* Телесный код культуры : материалы к словарю / Д. Гудков, М. Ковшова. — Москва : Гнозис, 2007. — 288 с. — ISBN 978-5-94244-013-8.

5. *Каланчина И. Н.* Лингвокультурные концепты в обучении русскому языку иностранных студентов / И. Н. Каланчина // Grand Altai Research & Education. — 2025. — Выпуск 0s (23). — С. 72—77. — DOI: 10.25712/ASTU.2410-485X.2025.00).

6. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — Москва : Издательство ЛКИ, 2010. — 264 с. — ISBN 978-5-382-01071-7.

7. *Красных В. В.* Словарь и грамматика лингвокультуры / В. В. Красных. — Москва : Гнозис, 2016. — 496 с. — ISBN 978-5-94244-051-0.

8. *Лёвушкина О. Н.* Лингвокультурологическая характеристика текста как основа моделирования процесса обучения русскому языку / О. Н. Лёвушкина. — Москва : МПГУ, 2021 — 367 с. — ISBN 978-5-4263-0995-1.

9. *Литовкина А. М.* Формирование лингвокультурной компетенции в процессе обучения РКИ / А. М. Литовкина, О. С. Шарманова // Вестник педагогических наук. — 2021. — № 4. — С. 227—231.

10. *Лосев А. Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство / А. Ф. Лосев. — 2-е изд., испр. — Москва : Искусство, 1995. — 320 с.

11. *Лотман Ю. М.* Семиосфера / Ю. М. Лотман. — Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2000. — 704 с. — ISBN 5-210-01562-9.

12. *Савченко И. Н.* Локализованный компонент русской лингвокультуры как ресурс аккультурации иностранных обучающихся / И. Н. Савченко // Научная мысль Кавказа. — 2023. — № 4. — С. 98—104. — DOI: 10.18522/2072-0181-2023-116-98-105.

13. *Савчук С. О.* Национальный корпус русского языка 2.0 : новые возможности и перспективы развития / С. О. Савчук, Т. А. Архангельский, А. А. Бонч-Осмоловская, О. В. Донина, Ю. Н. Кузнецова, О. Н. Ляшевская, Б. В. Орехов, М. В. Подрядчикова // Вопросы языкознания. — 2024. — № 2. — С. 7—34. — DOI: 10.31857/0373-658X.2024.2.7-34.

14. *Симбирцева Н. А.* «Код культуры» как культурологическая категория / Н. А. Симбирцева // Знание. Понимание. Умение. — 2016. — № 1. — С. 157—167.

15. *Танашева Т. М.* Методы и приёмы работы над фразеологическими единицами в процессе обучения РКИ / Т. М. Танашева // Успехи гуманитарных наук. — 2021. — № 7. — С. 166—170.

16. *Телия В. Н.* Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / В. Н. Телия // Фразеология в контексте культуры. — Москва : Языки русской культуры, 1999. — С. 13—24.

17. *Телия В. Н.* Русская фразеология / В. Н. Телия. — Москва : Языки русской культуры, 1996. — 288 с.

18. *Токарев Г. В.* Проблемы изучения символария региональной идентичности. Лингвокультурологический аспект / Г. В. Токарев. — Тула : ТППО, 2023. — 167 с. — ISBN 978-5-907689-16-9.

19. *Токарева И. Ю.* Инновационные подходы к преподаванию русского языка в средней школе : культурно ориентированное образование / И. Ю. Токарева. — Тула : С-Принт, 2016. — 144 с. — ISBN 9785906513052.

20. *Черняк В. Д.* Интертекстуальный тезаурус и агнонимия / В. Д. Черняк // Когнитивные исследования языка. — 2017. — № 30. — С. 318—321.

Статья поступила в редакцию 03.10.2025,
одобрена после рецензирования 02.12.2025,
подготовлена к публикации 24.02.2026.

Material resources

Afanasyev, A. N. (20020. *Myths, beliefs and superstitions of the Slavs: in 3 volumes.* Moscow: Eksmo, St. Petersburg: TERRA FANTASTIKA. 2336 p. ISBN 5-699-00849-7. (In Russ.).

Kovshova, M. L., Kudkov, D. B. (2012). *Dictionary of linguistic and cultural terms.* Moscow: Gnosis. 192 p. (In Russ.).

Mokienko, V. M., Nikitina, T. G. (1998). *Explanatory dictionary of the Soviet language.* Saint Petersburg: Folio Press. 704 p. (In Russ.).

NKRYa — (= *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka*) *Russian National Corpus*. Available at: http://ruscorpora.ru (accessed 21.09.2025). (In Russ.).

Teliya, V. N. (ed.). (2006). *Large Russian Idiomatic Dictionary*: Meaning, Usage, Cultural Commentary. Moscow: AST-Press. 784 p. ISBN 978-5-462-00735-4.

References

Assman, Ya. (2004). *Cultural memory: writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity.* Moscow: Languages of Slavic Culture. 368 p. ISBN 5-94457-176-4. (In Russ.).

Avdeeva, A. E., Dmitrieva, N. M. (2020). Features of teaching ethical concepts of Russian fairy tales to foreigners. *Bulletin of Orenburg State University, 2 (225):* 53—60. DOI: 10.25198/1814-6457-225-53. (In Russ.).

Belova, N. A., Kashkareva, E. A. (2025). Commentary on cultural and historical facts as a way of forming the intercultural competence of students in classes on Russian as a foreign language. *Philological Sciences. Questions of theory and practice, 18 (7):* 2723—2731. (In Russ.).

Chernyak, V. D. (2017). Intertextual thesaurus and agnonymy. *Cognitive studies of language, 30:* 318—321. (In Russ.).

Gudkov, D., Kovshova, M. (2007). *The body code of culture: materials for the dictionary.* Moscow: Gnosis. 288 p. ISBN 978-5-94244-013-8. (In Russ.).

Kalanchina, I. N. (2025). Linguocultural concepts in teaching Russian to foreign students. *Grand Altai Research & Education, 0s (23):* 72—77. DOI: 10.25712/ASTU.2410-485X.2025.00). (In Russ.).

Karaulov, Yu. N. (2010). *Russian language and linguistic personality.* Moscow: LKI Publishing House. 264 p. ISBN 978-5-382-01071-7. (In Russ.).

Krasnykh, V. V. (2016). *Dictionary and grammar of linguoculture.* Moscow: Gnosis. 496 p. ISBN 978-5-94244-051-0. (In Russ.).

Levushkina, O. N. (2021). *Linguistic and cultural characteristics of the text as the basis for modeling the process of teaching the Russian language.* Moscow: Moscow State University. 367 p. ISBN 978-5-4263-0995-1. (In Russ.).

Litovkina, A. M., Sharmanova, O. S. (2021). Formation of linguistic and cultural competence in the learning process of Russian language. *Bulletin of Pedagogical Sciences, 4:* 227—231. (In Russ.).

Losev, A. F. (1995). *The problem of symbol and realistic art. 2nd ed., ispr.* Moscow: Iskusstvo Publ. 320 p. (In Russ.).

Lotman, Yu. M. (2000). *Semiosphere.* Saint Petersburg: Iskusstvo-SPb. 704 p. ISBN 5-210-01562-9. (In Russ.).

Savchenko, I. N. (2023). Localized component of Russian linguoculture as a resource for acculturation of foreign students. *Scientific thought of the Caucasus, 4:* 98—104. DOI: 10.18522/2072-0181-2023-116-98-105. (In Russ.).

Savchuk, S. O., Arkhangelsky, T. A., Bonch-Osmolovskaya, A. A., Donina, O. V., Kuznetsova, Yu. N., Lyashevskaya, O. N., Orekhov, B. V., Kontrakachikova, M. V. (2024). National corpus of the Russian language 2.0: new opportunities and prospects for development. *Questions of linguistics, 2:* 7—34. DOI: 10.31857/0373-658X.2024.2.7-34. (In Russ.).

Simbirtseva, N. A. (2016). "Code of culture" as a cultural category. *Knowledge. Understanding. Ability, 1:* 157—167. (In Russ.).

Tanasheva, T. M. (2021). Methods and techniques of working on phraseological units in the learning process of RCT. *Successes of the Humanities, 7:* 166—170. (In Russ.).

Teliya, V. N. (1996). *Russian Phraseology.* Moscow: Languages of Russian Culture. 288 p. (In Russ.).

Teliya, V. N. (1999). The primary tasks and methodological problems of studying the phraseological composition of language in the context of culture. In: *Phraseology in the context of culture.* Moscow: Russian Culture Languages. 13—24. (In Russ.).

Tokarev, G. V. (2023). *Problems of studying the symbology of regional identity. The linguistic and cultural aspect.* Tula: TPP. 167 p. ISBN 978-5-907689-16-9. (In Russ.).

Tokareva, I. Y. (2016). *Innovative approaches to teaching Russian in secondary schools: culturally oriented education.* Tula: S-Print. 144 p. ISBN 9785906513052. (In Russ.).

The article was submitted 03.10.2025;
approved after reviewing 02.12.2025;
accepted for publication 24.02.2026.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Щетинина А. В. Лексикографирование русскоязычных неологизмов социальной тематики : проблемы описания и перспективы исследования / А. В. Щетинина // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 2. — С. 151—166. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-151-166.

Shchetinina, A. V. (2026). Lexicography of Russian-Language Neologisms on Social Topics: Description Issues and Research Prospects. *Nauchnyi dialog, 15* (2): 151-166. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-151-166. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus Q1 · DOAJ · ERIH PLUS · eLIBRARY.RU · РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Лексикографирование русскоязычных неологизмов социальной тематики: проблемы описания и перспективы исследования

Щетинина Анна Викторовна
orcid.org/0000-0002-9085-8697
ResearcherID: GPS-9294-2022
Scopus Author ID: 57191403652
кандидат филологических наук,
доцент, кафедра языков
массовых коммуникаций
anna-73.schetinina@yandex.ru

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
№ 24-28-01530,
https://rscf.ru/project/24-28-01530/
«Типология новых слов социальной
тематики, образованных
от русскоязычных основ:
семантико-мотивационный
анализ неологизмов»

Lexicography of Russian-Language Neologisms on Social Topics: Description Issues and Research Prospects

Anna V. Shchetinina
orcid.org/0000-0002-9085-8697
ResearcherID: GPS-9294-2022
Scopus Author ID: 57191403652
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Mass
Communication Languages
anna-73.schetinina@yandex.ru

Ural Federal University
named after the first President of Russia
B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project № 24-28-01530,
https://rscf.ru/ project/24-28-01530/
“Typology of new words
of social theme
formed from Russian-language roots:
semantic-motivational analysis
of neologisms”

© Щетинина А. В., 2026

CC BY

ОБЗОРНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлены результаты и перспективы продолжения исследования русскоязычных неологизмов тематической группы «Социум» в лексикографическом аспекте. Актуальность исследования обусловлена общественным обсуждением вопроса о защите русского языка от чрезмерных иностранных заимствований, что обусловливает важность оценки активных номинативных практик, в которых задействованы собственные внутренние ресурсы русского языка. Отмечается, что результаты исследования представлены в двухтомном «Толковом словаре русских неологизмов», в котором собрано более 3000 языковых единиц. Лексика распределена по разным томам в зависимости от институциональной или неинституциональной социальной семантики, то есть дифференцируется по тематическому (с соответствующей системой помет), а не стилистическому критерию. Утверждается, что включение в словарь новых слов и фразеологизмов — как русского происхождения, так и калькированных и гибридных, но имеющих в своем «облике» русские морфемы — позволяет увидеть тенденции в образовании русских неологизмов. Автором предлагается рассматривать новые языковые единицы, не зафиксированные в нормативных словарях, как номинации с «пограничным статусом». В качестве перспектив исследования русской социальной лексики видится ее идеографическое описание, а также составление словарей-ежегодников, организованных не по хронологическому принципу, а по другим критериям: теме, происхождению и др.

Ключевые слова:
социальная лексика; неологизмы; лексикографирование; стилистические пометы; идеографирование.

REVIEW ARTICLES

Abstract:

This study reports on the results and potential for further research concerning Russian-language neologisms pertaining to the thematic group ‘Society,’ with a focus on their lexicographical characteristics. The relevance of the study is determined by public discussions on the issue of protecting the Russian language from excessive foreign borrowings, which underscores the importance of evaluating active nominative practices that utilize the inherent internal resources of the Russian language. It is noted that the results of the study are presented in a two-volume “Explanatory Dictionary of Russian Neologisms”, which contains over 3,000 linguistic units. The vocabulary is distributed across different volumes based on institutional or non-institutional social semantics, meaning it is differentiated by thematic criteria (with an appropriate system of labels) rather than stylistic ones. It is asserted that the inclusion of new words and phrases in the dictionary, whether of Russian origin or calqued and hybrid forms that contain Russian morphemes, allows for the observation of trends in the formation of Russian neologisms. The author suggests considering new linguistic units not recorded in normative dictionaries as nominations with a “borderline status”. As a prospect for research on Russian social vocabulary, an ideographic description is proposed, as well as the compilation of annual dictionaries organized not by chronological principles but by other criteria such as theme, origin, and so on.

Key words:
social vocabulary; neologisms; lexicography; stylistic markings; idelography.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 811.161.1’374.3
DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-151-166

Научная специальность ВАК
5.9.5. Русский язык. Языки народов России
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Лексикографирование русскоязычных неологизмов социальной тематики: проблемы описания и перспективы исследования

© Щетинина А. В., 2026

1. Введение = Introduction

Научная проблема, на решение которой направлено представленное в статье исследование, связана с выявлением и типологизацией неологизмов с социальной семантикой, образованных на основе русскоязычных ресурсов, в том числе давно заимствованных и воспринимающихся носителями языка в качестве «своих». Лексикографический ракурс исследования обусловил разработку методики и принципов описания новых слов и фразеологизмов с социальной семантикой в толковых и идеографических словарях. В последние 25 лет появился ряд толковых словарей новой лексики, извлеченной из разных типов дискурса [Григоренко, 2009; Захаренко и др., 2008; Катлинская, 2008; Леонтьева и др., 2021; НРЛ; НСиЗ, 2009; СЯИ.ru, 2016; СлКЭ, 2020; Шагалова, 2011, Щетинина, 2022 и др.]. Они описывают в одном ряду неологизмы разных тематических групп, происхождения и типов языковых единиц (слов и словосочетаний), не сосредоточивая фокус исследования на отдельных тематических объединениях слов, в частности, с социальной семантикой. Исключение составляют несколько словарей, в основе формирования словника которых лежит тематический принцип: «Новые наименования лиц в современном русском языке» [Григоренко, 2009]; «Словарь языка интернета.ru» под редакцией М. А. Кронгауза [СЯИ.ru, 2016]; «Словарь русского языка коронавирусной эпохи» под редакцией М. Н. Приемышевой [СРЯКЭ, 2021]; «Словарь актуальной лексики единения и вражды в русском языке начала XXI века» [Леонтьева и др., 2021]. Кроме того, на базе последнего ресурса разработан идеографический словарь новой лексики «1000 слов единения и вражды начала XXI века» [Щетинина, 2022]. Большая часть источников, как правило, фиксирует слова и идиомы с социальной семантикой в общем списке языковых единиц, относящихся к другим тематическим группам,

CC BY

например, названиям технических устройств, блюд, одежды и др., и вне зависимости от их происхождения. Задачи данной статьи состоят в представлении тенденций, которые обусловливают появление русскоязычных социальных номинаций в последние 25 лет, проблем лексикографирования таких неологизмов и перспектив их изучения и описания.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В фокусе нашего исследования находились новые слова и фразеологизмы с социальной семантикой, называющие реалии институциональной и неинституциональной социальной действительности. Материал включал в себя языковые единицы (1) незаимствованного характера, (2) состоящие из русских и / или давно вошедших в русский язык иностранных морфем, а также (3) калькированные и гибридные слова и словосочетания в аспекте их сопоставления с незаимствованными номинациями.

На первом этапе исследования был составлен «Толковый словарь русских неологизмов. Часть 1. Институциональная лексика» [Щетинина и др., 2024], который включает в себя более двух тысяч лексических единиц из политической (*белоленточник, духовные скрепы, запрещенка, коллективный Запад* и др.), военной (*вежливые люди, военный диалог, зеленые человечки, чевэкашник* и др.), деловой (*активности, деловые русичи, дочка, игропрактик* и др.) и других сфер, называющих реалии, связанные с работой государственных и социальных институтов и взаимодействием с ними граждан государства (подробно об этом мы рассказывали в статье о результатах первого этапа исследования [Щетинина, 2024]).

На втором этапе разработан и издан «Толковый словарь русских неологизмов. Часть 2. Неинституциональная лексика» [Щетинина и др., 2025]. Методом фронтального просмотра текстов электронных качественных СМИ, блог-платформы «Живой Журнал» (ЖЖ), социальной сети «ВКонтакте» (ВК) было выявлено более 400 языковых единиц с неинституциональной социальной семантикой, которые можно идентифицировать как незаимствованные слова и идиомы (при этом в структуре номинаций могут присутствовать иностранные по происхождению морфемы, если слово, предоставившее основу для дальнейшей деривации, давно вошло в русский язык) или уже известные с новым значением (случаи семантической деривации), например: *антиподглядыватель, базовый, белопальтовость, бесправник, себяшечка, друзья, всепропальщик* и др. Далее собирались контексты и формулировалась рабочая дефиниция, определялись время появления, актуальность и частота употребления того или иного языкового факта. Для верификации данных использовались поисковая система «Яндекс», сервис «Яндекс. Подбор слов» и Google Ngram Viewer. На основе

CC BY

полученных данных выдвигалась и подтверждалась (или не подтверждалась) гипотеза о происхождении (незаимствованная или заимствованная номинация) и неологическом характере языковой единицы. В случае положительного решения языковой факт отбирался для описания в словаре, фиксировались пометы, указывающие на тип ресурсов, в которых слово или фразеологизм часто встречается. После определялся источник появления номинации (например, существительное *прожарка* является названием телевизионной программы, что и отмечается в справочной части словарной статьи: Ср.: юмористическое телевизионное шоу «Прожарка» на канале ТНТ (ТНТ4), в котором ведущие шутят над гостем).

В ряде случаев обнаруживалось, что языковой факт имеет иностранный эквивалент, при этом вопрос о том, является ли он первичным в русском языке или заимствованным, требует глубокого анализа (семантического портретирования), поэтому мы использовали обозначение «Ср.» (сравним), указывающее на возможный источник появления номинации, а не «От», которое точно идентифицирует происхождение. Приблизительно 7 % наших материалов представляют собой калькированные выражения. Источники некоторых калек зафиксированы в англоязычных словарях, к которым мы обращались [Cambridge Dictionary; Merriam-Webster]. Происхождение других устанавливалось на основе анализа разных источников. Так, один из соавторов словаря Е. В. Леонтьева в своем исследовании описала историю появления и проникновения в российский дискурс фразеологического неологизма *моя римская империя* [Леонтьева, 2024, с. 37], фрагмент из которой использовался в справочной части словаря. На заключительном этапе типологизации и словарного описания материала авторы путем анализа контекстов выявляли типовую лексическую сочетаемость неологизмов.

В результате во второй том издания вошли слова и фразеологизмы, называющие реалии, относящиеся преимущественно к неофициальным контекстам жизнедеятельности человека: факты дружеского и конфликтного общения людей (*выгул белого пальто, друзья, подписчики* и др.), отношений мужчины и женщины (*антимужчина, масик, тарелочница, уютчица* и др.), особенностей проведения досуга (*батониться, тюленить* и др.), криминальных или полукриминальных ситуаций (*антикражка, блудняк* и др.), моды и красоты (*база, громкая бедность* и др.), цифрового взаимодействия (*бродилка, заблочить* и др.), характеристики человека или его поведения по психологическому, физическому или социальному критериям (*на серьезных щах, быть в потоке* и др.), поколенческих особенностей (*ванильная барышня, снежинка* и др.).

Посвященные неологии и неографии публикации отечественных исследователей [Баско, 2016; Вепрева, 2022; Генералова, 2024; Григоренко,

2018; Громенко и др., 2023; Давыдова, 2018; Егоров, 2023; Козловская, 2023; Леонтьева Е. В., 2024; Леонтьева Т. В. и др., 2024; Мельник, 2019; Мокиенко, 2021; Плотникова, 2024; Приемышева, 2024; Ребрина, 2021; Семенова и др., 2025; Щитова, 2024 и др.] убедительно доказывают, что неологизмы появляются во всех сферах жизни человека, особенно там, где человек как носитель социальной роли вступает во взаимодействие с государством, обществом или другими людьми.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Анализ более 3000 языковых единиц социальной русскоязычной лексики и фразеологии (с учетом сопоставления незаимствованных и заимствованных языковых единиц, состоящих из русских и частично иностранных морфем), извлеченных прежде всего из публичного дискурса, и опыт их лексикографического описания выявили ряд проблем, которые мы решали при составлении словника двухтомного словаря и разработке структуры словарной статьи. Обозначим основные из них.

3.1. Определение статуса неологизма

Одним из дискуссионных является вопрос о том, все ли новые слова и словосочетания должны быть зафиксированы и описаны в словарях с учетом короткого времени их «жизни» в языке. Мы согласны с лингвистами, которые полагают, что задача лексикографа по описанию неологизмов «состоит не в погоне за модой, а в описании тенденций и механизмов, формирующих лексикон» [СЯИ.ru, 2016, с. 4]. Указанная задача обусловливает, на наш взгляд, фиксирование в словарях всей новой лексики, в том числе окказиональной, как «свидетельства» времени, которое покажет, какие слова и идиомы сохранятся, а какие исчезнут. В этом отношении значительную поддержку может оказать развитие электронной лексикографии, позволяющей быстро фиксировать все новое, что появляется в языке.

Мы рассматриваем новые номинации, не зафиксированные нормативными словарями, как слова и словосочетания с *пограничным статусом*. Это языковые единицы, находящиеся на этапе перехода от неологизма с неустойчивыми лексическо-грамматическими характеристиками к состоянию, в котором его можно внести в академический словарь в значении, закрепившемся в результате практики употребления, указать грамматические и стилистические особенности. В качестве таких единиц мы предлагаем рассматривать все неологизмы, ранее не зафиксированные нормативными словарями, а также новые словосочетания, которые претендуют на статус идиоматических выражений. Образование последних является устойчивой тенденцией в современном массмедийном пространстве, поскольку языковая игра свойственна участникам современной коммуникации, как неформальной, напри-

CC BY

мер, интернет-коммуникации (посредством мемов, демотиваторов, блогов и других жанров), так и вполне официальной. Например, новое выражение *красная линия* ‘граница, предел давления политических оппонентов, на которое должен последовать ответ’, растиражированное СМИ, получило распространение в текстах преимущественно политической (реже неполитической) тематики в разных вариантах, которые мы фиксируем в словаре: ***Красная линия / красная черта,*** часто во мн. ч. ***красные линии***: *Западные государства услышали сигнал со стороны России о* ***красных линиях*** *для Москвы в международной политике, иначе бы на Западе «так не злились»* (Захарова заявила, что страны Запада четко знают обозначенные Россией красные линии // ТАСС, 2021); *«Ведь тактика очень простая: доводят нас до* ***красной черты****, через которую мы отступать уже не можем, начинаем отвечать — тут же пугают свое население тогда еще в давние времена советской, сейчас российской угрозой», — рассказал Владимир Путин* (Путин: Запад доводит Россию до красной черты: znat_kak // Живой Журнал, 2024) и др. Мы фиксируем все встречающиеся новые слова и словосочетания с социальной семантикой, выявляя маркеры, соотносительные с институциональной и неинституциональной сферой, в ядре значения языковой единицы или на его ближней и дальней периферии.

3.2. Разграничение слов с институциональной и неинституциональной семантикой

Появление проблемы разграничения новой лексики с институциональной и неинституциональной социальной семантикой с целью ее лексикографирования обусловлено спецификой интернет-коммуникации, в тексты которой проникают неологизмы разной тематики, стилистики и сферы использования. В отношении единиц литературного языка традиционно существует представление о том, что институциональные смыслы в значении слова обусловливают его принадлежность к официально-деловому стилю: в текстах документов используется номенклатурная лексика, дипломатическая, правовая и иная терминология. Но, как отмечает Леонид Петрович Крысин, такие случаи тривиальны и «в лингвистическом отношении эти случаи малоинтересны» [Крысин, 2004, с. 446]. Более интересны те языковые единицы, в значениях которых социальные компоненты находятся «в пресуппозиционной части значения, содержащей различные подразумеваемые смысловые компоненты и условия правильного употребления слова» [Там же, с. 445]. При этом обнаруживается проблема неоднозначности критерия принадлежности нового слова или идиомы к той или другой группе социальной лексики.

В процессе исследования мы обнаружили, что институциональная семантика сложнее выявляется в неологизмах, поскольку активное общение

CC BY

пользователей интернета на любые темы и на разных ресурсах, в том числе с представителями государства и по поводу государства, обусловило семантическое смешение лексики, характерной для институционального и неинституционального дискурсов. Примером может служить «ковидная» лексика, появившаяся в официальной речи (*вакцинный национализм, самоизоляция, красная зона* и др.) и неофициальной (*барановирус, замасочник, антиперчаточник, диванстрация* и др.). Слова и идиомы данной тематической группы в ядре и на периферии значений имеют семы ‘социальная мера’, ‘учащиеся’, ‘работники’, ‘запрет на выход из дома’, ‘режим самоизоляции’, поскольку все маркируют ограничительные меры, установленные государством. Даже те слова, семантика которых связана с досугом людей (*алкоизоляция, балконные концерты, карантинки* и др.), имеют в значении семы ‘самоизоляция’, ‘период пандемии COVID-19’, без которых значение слова утрачивает смысл из-за его узкой тематики, связанной с соответствующим периодом. В результате с учетом речевой практики в дефиницию описываемых номинаций мы включали компоненты институционального характера (‘режим самоизоляции’, ‘период самоизоляции’, ‘период строгого карантина’, ‘вакцинация’, ‘пандемия COVID-19’ и др.).

Собранный материал показывает, что границы институционального и неинституционального в семантике неологизмов размываются в связи с расширением и упрощением интернет-коммуникации государства и граждан, активностью выражения мнений пользователей интернета по поводу действий государства и свободой языкового самовыражения официальных представителей государства, в том числе верховной власти.

3.3. Стилистическая и эмоционально-оценочная идентификации неологизмов для описания в словарной статье

Лексикографическое описание неологизмов с социальной семантикой выявило проблему стилистического и эмоционально-оценочного маркирования, которое традиционно используется в толковых словарях. Стилистическая дифференциация неологизмов в соответствии с функциональным стилем во многих случаях затруднительна. Наблюдается смешение стилей в результате активного интернет-взаимодействия участников общения на самые разнообразные темы с использованием соответствующей лексики, частично данная тенденция проникает и в публицистику. Н. С. Валгина говорит о процессах стилистической нейтрализации и стилистического перераспределения: «Внелитературная лексика привлекает к себе ощущением простоты, живости, некоторой вольности и раскованности речи. Попадая на страницы печати, она вносит разнообразные оттенки экспрессии. Именно поэтому современные журналисты, пренебрегая правилами стилистики, включают подобную лексику в свои тексты. При постоянном и длительном

CC BY

использовании она укрепляется в печати, расширяет свои контексты и в конце концов пополняет литературный язык» [Валгина, 2003, с. 94].

Анализ материала показывает, что единицы терминологического и жаргонного характера свободно используются в несвойственных для них текстах. Так, актуальное выражение *деловой климат* встречается в научных статьях академических журналов, в частности в заголовках как ключевой термин статьи. В НЭБ РИНЦ обнаружено 369 научных статей с использованием идиомы в названии, например, *Никишин А. Ф., Алексина С. Б.* ***Деловой климат*** *в современной торговле // Инновационная наука. — 2016. — № 2—2 (14). — С. 66—69* и др. [Деловой климат (1)]; в публицистических текстах, например, только в газете «Коммерсантъ» нашлось более 1000 примеров [Деловой климат (2)]; в социальных сетях при обсуждении серьезных тем «несерьезным» языком, например, несколько тысяч примеров в Живом Журнале [Деловой климат (3)]. Таким образом, мы видим, что *деловой климат* — актуальное словосочетание для научного, публицистического дискурсов и сетевого общения, не ограниченного рамками функциональных стилей. Составление первого тома словаря новой лексики с институциональной семантикой показало, что около 50 % одних и тех же неологизмов употребляется в статьях из академических журналов, СМИ, а также в блогах социальных сетей и на форумах. В последних часто употребляется инвективная лексика наряду с языковыми единицами, которые называют понятия институциональной сферы, что, казалось бы, нарушает правило уместности стилистического сочетания, но для соцсетей типично.

В то же время наблюдается обратная ситуация, когда в научных публикациях встречаются слова очевидно жаргонного характера, например, *методичка* (в значении инструкции по идеологической борьбе и методическим рекомендациям как жанру научно-учебного текста), *безвиз, вашингтонский обком* и другие неологизмы используются в качестве самостоятельных единиц в кавычках и без них: *Миф о* ***вашингтонском обкоме*** *реально управляет социальным поведением значительной части россиян* (Звоновский В. Б. Любят ли россияне «Иностранных» агентов? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, 2013) и др. Иначе обстоит дело с неинституциональной социальной лексикой: только 7 % зафиксированных во второй части неологизмов используются в нетипичном для них языковом окружении, например, идиомы научно-популярного психояза (*личное пространство, личные границы, лучшая версия себя* и др.) встречаются в текстах, написанных в собственно научном стиле: *Предпосылками возникновения стремления к прогрессивному саморазвитию являются осознание и стремление к образу-идеалу*

как к ***лучшей версии себя****; дифференцированная самооценка; внутренняя готовность к трансформации* (Земш М. Б. Саморазвитие личности младшего школьника: психологические задачи // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института, 2021) и др.

Для лексикографирования слов и словосочетаний с пограничным статусом мы выбрали систему помет, указывающих на сферу употребления единицы («политическая сфера», «военная сфера», «здравоохранение», «сфера гражданского участия» и др.) и источник, из которого она извлекалась («в языке СМИ», «в языке социальных сетей», «в языке науки и технологий»), как объективные маркеры, которые актуализируются в иллюстративном материале.

3.3. Перспективы исследования

Двухтомный «Толковый словарь русских неологизмов», объединяющий слова и фразеологизмы с институциональной и неинституциональной семантикой, вносит вклад в описание социальной лексики в целом и новой лексики в частности, которое с 2008 года является предметом планомерной работы научного коллектива под руководством Т. В. Леонтьевой и А. В Щетининой. Работа по лексикографированию новых языковых единиц, несомненно, требует продолжения.

Другим направлением, актуальным для современной неологической лексикографии, представляется идеографическая реконструкция фонда социальной лексики. Алфавитный способ подачи материала облегчает поиск слова для носителя языка, но ограничивает его описание только словарной статьей, не предлагая информации о встроенности слова или фразеологизма в лексическую систему языка, в то время как типология лексики по тематическому (семантическому) принципу создает определенную языковыу картину фрагмента реальности. Для инофона, изучающего русский язык, также может быть полезно увидеть слова группами, чтобы представить целый фрагмент действительности, репрезентированный в лексике. При этом толковый словарь представляет собой базу уже описанных языковых единиц, которая традиционно рассматривается как ресурс для идеографирования (см. опыт описания лексики единения и вражды [Леонтьева и др., 2021; Щетинина, 2022]).

Помимо прочего, идеографическая реконструкция фонда новой социальной лексики имеет значение в аспекте выявления особенностей определенного периода развития языка: ковидной лексики, цифровой, психологической, политической, идеологической и другой. Можно проанализировать особенности появления новых иностранных слов в сопоставлении с новыми русскими словами. Например, если сделать тематическую типологию

неологизмов начала XX века на материале словаря под редакцией Дмитрия Николаевича Ушакова, и начала XXI из представленного словаря, то станет очевидным, что для начала обоих периодов в равной степени характерно появление неологизмов с политической, социальной, военной, культурной и другой семантикой, но в XXI веке не обновляется сельско-хозяйственная лексика, а в XX веке язык почти не пополнялся новыми номинациями из сфер моды и красоты, пандемии, психологии, отсутствовала по понятным причинам и лексика информационно-компьютерных технологий.

Идеографической реконструкции фонда социальной лексики предшествует идеографирование отдельных групп лексики. Например, большую популярность приобрела «новая искренность» как коммуникативная практика и маркетинговая технология, поэтому можно сформировать целое лексико-семантическое поле с репрезентантами, отражающими эту особенность современной социальной действительности, см.: [Го Лицзюнь и др., 2024].

Таким образом, идеографическая реконструкция разных групп новой социальной лексики позволит подготовить основу для создания типологии многочисленного фонда всей социальной лексики. Лексикографирование последней позволит реконструировать общие и различные фрагменты действительности, репрезентированные в языке в разные исторические периоды.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, выявление в текстах социальных сетей и СМИ новых слов и фразеологизмов, называющих процессы, явления, события жизни людей, связанные с официальной и неофициальной коммуникацией, показало, что носители языка активно используют его ресурсы, создавая совершенно новые языковые единицы и переосмысливая значения уже существующих русских слов.

Толковый словарь, в котором зафиксирована и описана новая русская лексика (более 3000 слов), тематически связанная с институциональной и неинституциональной социальной сферами жизнедеятельности человека, в целом демонстрирует общую тенденцию образования новых слов с социальной семантикой: семантическая деривация (*архитектура, душный, пассажир* и др.), аффиксация (*актуалочка, надушнить* и др.), сложение (*мудроженщина, зооняня* и др.); образуются ряды однокоренных слов (*душный, душнила, душнить, подушнить* и др.); конструируются новые фразеологизмы (*белое пальто, закидать тапками, васильковая революция* и др.). Кроме того, основной тенденцией является стремление к гибридизации: созданию путём присоединения к иностранному корню русских или

CC BY

давно освоенных русской лингвокультурой морфем по следующим моделям: «иностранный корень + русский аффикс + русская флексия» (*моббить, моббинговый, мобберский*), «иностранный корень + русский корень / прочно закрепившийся в русском языке иностранный (факультативно: + русский аффикс / русская флексия)» (*онлайн-страхование, онлайн-студия, онлайн-титул, онлайн-торговля, онлайн-трансляция; фейкомет, фейкометить* и др.), «иностранный (давно известный) префиксоид + иностранный корень + русский или давно освоенный русским языком аффикс / русская флексия)» (*антикуарщик, антимоббинговый* и др.).

Лексикографическая работа по сбору и описанию неологизмов представляется важной и перспективной, поскольку язык запечатлевает историю: реалии, которые по прошествии непродолжительного времени могут исчезнуть, интересы людей, модные тенденции, изменяющиеся в разные периоды жизни общества, политические, культурные, экономические потрясения, влияющие на жизнь людей.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Григоренко О. В.* Новые наименования лиц в современном русском языке. Словарные материалы : 1200 слов и словосочетаний / О. В. Григоренко. — Воронеж : Научная книга, 2009. — 509 с.

2. *Захаренко Е. Н.* Новый словарь иностранных слов: свыше 25 000 слов и словосочетаний / Е. Н. Захаренко, Л. Н. Комарова, И. В**.** Нечаева. — Москва : Азбуковник, 2008. — 1040 с.

3. *Живой Журнал* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.livejournal.com (дата обращения: 01.12.2025).

4. *Катлинская Л. П.* Толковый словарь новых слов и значений русского языка : около 2000 слов /Л. П. Катлинская. — Москва : АСТ : Астрель, 2008. — 380 с.

5. *КиберЛенинка* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://cyberleninka.ru (дата обращения 12.10.2025).

6. *Коммерсантъ* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.kommersant.ru (дата обращения: 01.12.2025).

7. НЭБ — *Научная* электронная библиотека [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://elibrary.ru (дата обращения: 01.12.2025).

8. *Леонтьева Т. В.* Словарь актуальной лексики единения и вражды в русском языке начала XXI века / Т. В. Леонтьева, А. В. Щетинина. — Екатеринбург : Ажур, 2021. — 424 с. — ISBN 978-5-91256-535-9.

9. НРЛ — *Новое* в русской лексике. Словарные материалы : Информационно-поисковый лексикографический ресурс [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://neolex.iling.spb.ru/about (дата обращения 11.10.2024).

10. НСиЗ — Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: В 2 т. / Сост. Т. Н. Буцева, Е. А. Левашов, Ю. Ф.

Денисенко, Н. Г. Стулова, Н. А. Козулина, С. Л. Гонобоблева; Отв. ред. Т. Н. Буцева. Ин-т лингвистических исследований РАН. — Санкт-Петербург: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2009.

11. СРЯКЭ — *Словарь* русского языка коронавирусной эпохи / сост. Е. С. Громенко [и др.], отв. ред. М. Н. Приемышева. — Санкт-Петербург : Институт лингвистических исследований РАН, 2021. — 550 с. — ISBN 978-5-6044839-0-9.

12. СЯИ.ru — *Словарь* языка интернета.ru / под ред. М. А. Кронгауза. — Москва : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016. — 288 с. — ISBN 978-5-462-01853-4.

13. *Шагалова Е. Н.* Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века / Е. Н. Шагалова. — Москва : Астрель, 2011. — 413 с. — ISBN 978-5-17-074754-2.

14. *Щетинина А. В.* 1000 слов единения и вражды начала XXI века : Идеографический словарь / А. В. Щетинина. — Екатеринбург : Ажур, 2022. — 586 с. — ISBN 978-5-91256-572-4.

15. *Щетинина А. В.* Толковый словарь русских неологизмов. Институциональная лексика / А. В. Щетинина, Е. В. Леонтьева, С. А. Касатова ; под ред. А. В. Щетининой. — Екатеринбург : Ажур, 2024. — Ч. 1. — 518 с. — ISBN 978-5-91256-686-8.

16. *Щетинина А. В. Толковый* словарь русских неологизмов. Неинституциональная социальная лексика / А. В. Щетинина, Е. В. Леонтьева, С. А. Касатова ; под ред. А. В. Щетининой. — Екатеринбург : Ажур, 2025. — Ч. 2. — 320 с. — ISBN 978-5-91256-765-0.

Литература

1. *Баско Н. В.* Фразеологизмы в языке современных российских СМИ : Лексикографическое описание / Н. В. Баско. — Москва : КДУ, 2016. — 192 с. — ISBN 978-5-91304-692-5.

2. *Вепрева И. Т.* Злободневное слово фейк в публичном пространстве текущего времени / И. Т. Вепрева, Н. А. Купина // Мир русского слова. — 2022. — № 3. — С. 13—19. — DOI: 10.24412/1811-1629-2022-3-13-20.

3. *Генералова Е. В.* К вопросу о структурной устойчивости новейших фразеологических единиц русского языка / Е. В. Генералова // XV Конгресс МАПРЯЛ : Избранные доклады, Санкт-Петербург, 12—16 сентября 2023 года. — Санкт-Петербург : МАПРЯЛ, 2024. — С. 248—252.

4. *Григоренко О. В.* Неофраземы в современном политическом медиадискурсе / О. В. Григоренко // Известия Воронежского государственного педагогического института. — 2018. — № 2 (279). — С. 151—155.

5. *Громенко Е. С.* О явлении «терминологического шума» в языке современных массмедиа / Е. С. Громенко // Русская речь. — 2023. — № 6. — С. 24—37. — DOI: 10.31857/S013161170029351-5.

6. *Давыдова О. А.* Новые фразеологизмы русского языка / О. А. Давыдова // Вестник Российского нового университета. Серия «Человек в современном мире». — 2019. — Выпуск 2. — С. 52—60. — DOI: 10.25586/RNU.V925X.19.02.P.052.

7. *Егоров И. М.* Лексикографический ресурс «Новое в русской лексике» как цифровой этап в развитии отечественной академической неографии / И. М. Егоров, М. Н. Приемышева, Ю. С. Ридецкая // Terra Linguistica. — 2023. — Т. 14. — № 3. — С. 28—40. — DOI: 10.18721/JHSS.14303.

8. *Козловская Н. В.* GPT и CHATGPT : как это по-русски? (об электронных словарных статьях в неологическом ресурсе neolex.iling.spb.ru) / Н. В. Козловская // Terra Linguistica. — 2023. — Т. 14. — № 4. — С. 67—78. — DOI: 10.18721/JHSS.14405.

9. *Крысин Л. П.* Русское слово, свое и чужое : исследования по современному русскому языку и социолингвистике / Л. П. Крысин. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 888 с.

10. *Леонтьева Е. В.* Моя Римская империя : от флешмоба до фразеологизма / Е. В. Леонтьева // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 3. — С. 31—53. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-31-53.

11. *Леонтьева Т. В.* Технологичность «новой искренности» / Т. В. Леонтьева, С. Атлагич // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2 : Языкознание. — 2024. — Т. 23. — № 2. — С. 98—112. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2024.2.8.

12. *Мельник Ю. А.* Актуальные неологические процессы в русском языке новейшего времени (по материалам социолингвистических интернет-проектов) / Ю. А. Мельник // Неофилология. — 2019. — Т. 5. — № 17. — С. 62—71. — DOI: 10.20310/2587-6953-2019-5-17-62-71.

13. *Мокиенко В. М.* Старое новое и новое новейшее (к проекту «Большого словаря русских фразеологических неологизмов») / В. М. Мокиенко // Неология. Неография. 2021 : Сборник научных статей Международной научной конференции, СанктПетербург, 01—02 декабря 2021 года. — Санкт-Петербург : Институт лингвистических исследований РАН, 2022. — С. 132—142.

14. *Плотникова А. М.* «цифровая усталость» в концептуальной и языковой картинах мира / А. М. Плотникова // Когнитивные исследования языка. — 2024. — № 2—2 (58). — С. 604—607.

15. Приемышева М. Н. Русская академическая неография в начале XXI в. : к проблеме новых объектов описания / М. Н. Приемышева // Коммуникативные исследования. — 2024. — Т. 11, № 4. — С. 667—682. DOI:10.24147/2413-6182.2024.11(4).667-682.

16. *Ребрина Л. Н.* Издевательство и провокация в эпоху лулзов : лексико-семантическая репрезентация коллокациями с ключевыми словами глум, стеб, пранк, троллинг / Л. Н. Ребрина // Современные исследования социальных проблем. — 2021. — Т. 13. — № 3. — С. 212—235. — DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-3-212-235.

17. *Семенова Н. В.* Является ли «инфохомяк» неологизмом? к истории слова / Н. В. Семенова, Ж. Ю. Полежаева // Русская речь. — 2025. — № 4. — С. 75—88. — DOI: 10.31857/S0131611725040061.

18. *Щитова О. Г.* Лексикографические источники изучения функциональной эквивалентности иноязычных новаций в русском языке начала XXI в. / О. Г. Щитова // Вестник Томского государственного университета. — 2012. — № 355. — С. 27—29.

Статья поступила в редакцию 15.11.2025,
одобрена после рецензирования 02.12.2025,
подготовлена к публикации 21.02.2026.

Material resources

CyberLeninka. Available at: https://cyberleninka.ru (accessed 12.10.2025) (In Russ.).

DLI —*Dictionary of Language Internet.ru* (2016). Moscow: AST-PRESS BOOK. 288 p. ISBN 978-5-462-01853-4. (In Russ.).

Grigorenko, O. V. (2009). *New Names for Persons in the Modern Russian Language. Dictionary Materials: 1200 Words and Phrases.* Voronezh: Nauchnaya Kniga. 509 p. (In Russ.).

Katlinskaya, L. P. (2008). *Explanatory Dictionary of New Words and Meanings in the Russian Language: About 2,000 Words.* Moscow: AST: Astrel. 380 p. (In Russ.).

Kommersant. Available at: https://www.kommersant.ru (accessed 01.12. 2025) (In Russ.).

LiveJournal. Available at: https://www.livejournal.com (accessed 01.12.2025). (In Russ.).

Leontieva, T. V., Shchetinina, A. V. (2021). *Dictionary of the current vocabulary of unity and enmity in the Russian language of the beginning of the XXI century.* Yekaterinburg: Azhur. 424 p. ISBN 978-5-91256-535-9. (In Russ.).

NEB — *Scientific Electronic Library*. Available at: https://elibrary.ru (accessed 01.12. 2025) (In Russ.).

NRL — *New in Russian Lexicon. Dictionary Materials: Information and Search Lexicographic Resource.* Available at: https://neolex.iling.spb.ru/about (accessed 11.10.2024) (In Russ.).

NSiZ — *New Words and Meanings. Dictionary-Reference Book based on the materials of the press and literature of the 1990s: In 2 volumes.* (2009). St. Petersburg: DMITRY BULANIN (In Russ.).

SRYAKE — *Dictionary of the Russian language of the coronavirus era* (2021). Saint Petersburg: Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences. 550 p. ISBN 978-5-6044839-0-9. (In Russ.).

Shagalova, E. N. (2011). *The newest explanatory dictionary of the Russian language of the XXI century.* Moscow: Astrel. 413 p. ISBN 978-5-17-074754-2. (In Russ.).

Shchetinina, A. V. (2022). *1000 words of unity and enmity of the beginning of the XXI century: An ideographic dictionary.* Yekaterinburg: Azhur. 586 p. ISBN 978-5-91256-572-4. (In Russ.).

Shchetinina, A. V., Leontieva, E. V., Kasatova, S. A. (2024). *Explanatory Dictionary of Russian Neologisms. Institutional vocabulary, 1.* Yekaterinburg: Azhur. 518 p. ISBN 978-5-91256-686-8. (In Russ.).

Shchetinina, A. V., Leontieva, E. V., Kasatova, S. A. (2025). *Explanatory dictionary of Russian neologisms. Non-institutional social vocabulary, 2.* Yekaterinburg: Azhur. 320 p. ISBN 978-5-91256-765-0. (In Russ.).

Zakharenko, E. N., Komarova, L. N., Nechaeva, I. V. (2008). *New Dictionary of Foreign Words: Over 25,000 Words and Phrases*. Moscow: Azbukovnik. 1040 p. (In Russ.).

References

Basko, N. V. (2016). *Phraseological units in the language of modern Russian mass media: A lexicographic description.* Moscow: KDU. 192 p. ISBN 978-5-91304-692-5. (In Russ.).

Davydova, O. A. (2019). New phraseological units of the Russian language. *Bulletin of the Russian New University. The series "Man in the modern world", 2:* 52—60. DOI: 10.25586/RNU.V925X.19.02.P.052. (In Russ.).

Egorov, I. M., Priemysheva, M. N., Ridetskaya, Yu. S. (2023). Lexicographic resource "New in Russian vocabulary" as a digital stage in the development of Russian academic neography. *Terra Linguistica, 14 (3):* 28—40. DOI: 10.18721/JHSS.14303. (In Russ.).

Generalova, E. V. (2024). On the issue of structural stability of the latest phraseological units of the Russian language. In: *XV Congress of MAPRYAL: Selected Reports, St. Petersburg, September 12—16, 2023.* Saint Petersburg: MAPRYAL. 248—252. (In Russ.).

Grigorenko, O. V. (2018). Neophrasemes in modern political media discourse. *Proceedings of the Voronezh State Pedagogical Institute, 2 (279):* 151—155. (In Russ.).

Gromenko, E. S. (2023). On the phenomenon of "terminological noise" in the language of modern mass media. *Russian speech, 6:* 24—37. DOI: 10.31857/S013161170029351-5. (In Russ.).

Kozlovskaya, N. V. (2023). GPT and CHATGPT: how is it in Russian? (about electronic dictionary entries in the neological resource neolex.iling.spb.ru). *Terra Linguistica, 14 (4):* 67—78. DOI: 10.18721/JHSS.14405. (In Russ.).

Krysin, L. P. (2004). *Russian Word, Own and Foreign: Studies on the Modern Russian Language and Sociolinguistics.* Moscow: Languages of Slavic Culture. 888 p. (In Russ.).

Leontyeva, E. V. (2024). 'My Roman Empire': From Flashmob to Idiomatic Expression. *Nauchnyi dialog, 13 (3):* 31—53. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-3-31-53. (In Russ.).

Leontyeva, T. V., Atlagich, S. (2024). The technological effectiveness of the "new sincerity". *Bulletin of the Volgograd State University. Series 2: Linguistics, 23 (2):* 98—112. DOI: 10.15688/jvolsu2.2024.2.8. (In Russ.).

Melnik, Yu. A. (2019). Actual neological processes in the Russian language of modern times (based on sociolinguistic Internet projects). *Neophilology, 15 (7): 62*—71. DOI: 10.20310/2587-6953-2019-5-17-62-71. (In Russ.).

Mokienko, V. M. (2022). Old new and new modern (for the project "Big dictionary of Russian phraseological neologisms"). In: *Neology. Not really. 2021: Collection of scientific articles of the International Scientific Conference, St. Petersburg, December 01—02, 2021.* Saint Petersburg: Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences. 132—142. (In Russ.).

Plotnikova, A. M. (2024). "Digital fatigue" in conceptual and linguistic worldviews. *Cognitive Language Research, 2—2 (58):* 604—607. (In Russ.).

Priemysheva, M. N. (2024). Russian Academic Neography at the Beginning of the 21st Century: Towards the Problem of New Objects of Description. *Communicative Research, 11(4):* 667—682. DOI:10.24147/2413-6182.2024.11(4).667-682. (In Russ.).

Rebrina, L. N. (2021). Bullying and provocation in the age of lulz: lexico-semantic representation by collocations with keywords glumness, banter, prank, trolling. *Modern research on social problems, 13 (3):* 212—235. DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-3-212-235. (In Russ.).

Semenova, N. V., Polezhaeva, J. Y. (2025). Is "infohomyak" a neologism? towards the history of the word. *Russian speech, 4:* 75—88. DOI: 10.31857/S0131611725040061. (In Russ.).

Shchitova, O. G. (2012). "Lexicographic sources of the study of functional equivalence of foreign language innovations in the Russian language of the beginning of the XXI century". *Bulletin of Tomsk State University, 355:* 27—29. (In Russ.).

Vepreva, I. T., Kupina, N. A. (2022). The topical word fake in the public space of the current time. *The world of the Russian word, 3:* 13—19. DOI: 10.24412/1811-1629-2022-3-13-20. (In Russ.).

The article was submitted 15.11.2025;
approved after reviewing 02.12.2025;
accepted for publication 21.02.2026.

CC BY
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

КОММУНИКАЦИЯ. МЕДИАТЕХНОЛОГИИ. ЖУРНАЛИСТИКА
COMMUNCATIONS. MEDIA TECHNOLOGES. JOURNALISM

Александр Александрович Ильин, аспирант (Москва)
Анжелика Александровна Дякина, д-р филол. наук (Елец)
Иван Русланович Есин, аспирант (Елец)
Иван Сергеевич Борщевский, старший преподаватель (Пятигорск)
Лариса Георгиевна Попова, д-р филол. наук (Москва)
Любовь Михайловна Шатилова, д-р филол. наук (Москва)
Олег Алимурадович Алимурадов, д-р филол. наук (Пятигорск)

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]
Check for updates

Информация для цитирования:

Борщевский И. С. Опыт описания аудиодескрипции с лингвистических позиций (на примере тифлокомментария к фильму «Москва слезам не верит») / И. С. Борщевский, О. А. Алимурадов // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 2. — С. 168—193. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-168-193.

Borshchevsky, I. S., Alimuradov, O. A. (2026). Exploring Audiodescription from a Linguistic Perspective: A Case Study of Film "Moskva slezam ne verit". *Nauchnyi dialog, 15* (2): 168-193. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-168-193. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Опыт описания аудиодескрипции с лингвистических позиций (на примере тифлокомментария к фильму «Москва слезам не верит»)

Борщевский Иван Сергеевич
orcid.org/ 0000-0001-9656-4633
старший преподаватель, кафедра теории и практики перевода,
корреспондирующий автор
ivan.borsh@gmail.com

Алимурадов Олег Алимурадович
orcid.org/ 0000-0002-8686-8374
доктор филологических наук, доцент, профессор, кафедра западно-европейских языков и культур
alimuole@mail.ru

Пятигорский государственный университет
(Пятигорск, Россия)

Благодарности:
Публикация выполнена в рамках научного проекта «Разработка лингвистических принципов и проектирование технических решений для создания прототипа нейросети для сопровождения аудиодескрипции» по Государственному заданию Министерства науки и высшего образования РФ (Пятигорский государственный университет, проект № 1022100500014-8-6.2.1, науч. рук. — канд. филол. наук, проф. А. В. Раздуев)

Exploring Audiodescription from a Linguistic Perspective: A Case Study of Film "Moskva slezam ne verit"

Ivan S. Borshchevsky
orcid.org/0000-0001-9656-4633
Senior lecturer, Department of Theory and Practice of Translation,
corresponding author
ivan.borsh@gmail.com

Oleg A. Alimuradov
orcid.org/ 0000-0002-8686-8374
Doctor of Philology, Associate Professor, Professor, Department of Western European Languages and Cultures
alimuole@mail.ru

Pyatigorsk State University
(Pyatigorsk, Russia)

Acknowledgments:
The publication was carried out within the framework of the scientific project "Development linguistic principles and design of technical solutions for prototyping a neural network for maintenance audio descriptions" on a Government assignment Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Pyatigorsk State University, project № 1022100500014-8-6.2.1, scientific hand. — PhD in Philology, Professor A. V. Razduev).

© Борщевский И. С., Алимурадов О. А., 2026

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Предпринимается комплексный анализ аудиодескрипции (тифлокомментирования) как особой формы межсемиотического перевода через призму историко-лингвистических и когнитивно-прагматических теорий. Цель исследования — выявить и описать лингвистические закономерности, лежащие в основе создания качественной аудиодескрипции (тифлокомментария), с акцентом на принципы построения вербального описания в условиях его зависимости от аудиовизуального ряда. Вводится понятие «аудиовизуального предложения», в рамках которого звукозрительный ряд и текст аудиодескрипции рассматриваются как взаимосвязанные компоненты — психологическое подлежащее и психологическое сказуемое. Данная концепция позволяет интерпретировать аудиодескрипцию не как пассивное дублирование изображения, а как активный процесс смыслового конструирования, направленный на обеспечение целостного восприятия фильма слабовидящими и полностью незрячими зрителями. Проанализирован официальный тифлокомментарий к фильму «Москва слезам не верит» (1979). Выявлены типичные ошибки: фрагментация текста, употребление односоставных предложений без доступного контекста, неоправданное использование прошедшего времени, а также попытки описания характера героя вместо внешних проявлений. На основе принципов психологического синтаксиса предложены конкретные рекомендации по корректировке подобных фрагментов.

Ключевые слова:
аудиодескрипция; психологическое подлежащее; тифлокомментарий; психологическое сказуемое; аудиовизуальное предложение.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study undertakes a comprehensive analysis of audiodescription (audio commentary for visually impaired audiences) as an intersemiotic translation form through the lens of historical linguistics and cognitive-pragmatic theories. The aim is to identify and describe linguistic patterns underlying high-quality audiodescriptions, focusing on principles governing verbal description construction within its dependence on audio-visual content. We introduce the concept of "audiovisual proposition," where sound-image sequences and accompanying textual components are viewed as interconnected elements — psychological subject and psychological predicate respectively. This framework enables us to interpret audiodescriptions not merely as passive replication but rather as active processes constructing meaning that facilitate holistic film perception by blind or partially sighted viewers. An official tiflocommentary for the Russian film "Moskva slezam ne verit" (1979) has been analyzed in this context. Typical errors identified include text fragmentation, use of single-clause sentences without accessible contextual cues, inappropriate past tense usage, and attempts at describing character traits instead of observable behaviors. Based on principles of psychological syntax, specific recommendations for correcting these segments have been proposed.

Key words:
Audiodescription; Psychological Subject; Audio Commentary; Psychological Predicate; Audiovisual Proposition

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 791.44.024+004.032.6
DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-168-193

Научная специальность ВАК
5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика
5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Опыт описания аудиодескрипции с лингвистических позиций (на примере тифлокомментария к фильму «Москва слезам не верит»)

© Борщевский И. С., Алимурадов О. А., 2026

1. Введение = Introduction

Аудиодескрипция (которую в Российской Федерации и ряде других стран называют тифлокомментированием) — сложная форма повествования, основанная на принципах межсемиотического перевода [Моцаж, 2014, с. 197; Борщевский, 2018, с. 50]. (Хотя между терминами *тифлокомментирование* и *аудиодескрипция* есть некоторые отличия (см. [ГОСТ Р 57891-2022]), в данной статье они используются в качестве синонимов.) Ее уникальность заключается в определенной несамостоятельности, что отмечалось рядом исследователей: ее структура и содержательное наполнение зависят от видеоряда и звуковой дорожки описываемого фильма или от значимых особенностей иных описываемых объектов / процессов и тесно взаимодействует с ними [Fryer, 2016, p. 63]. Говоря об аудиодескрипции кинопроизведения, отметим, что его дополнительное словесное описание должно естественным образом подстраиваться под ритм фильма, не разрывая повествование.

Таким образом, созданный в процессе аудиодескрипции текст является, по одному из определений, «неавтономным» (nonautonomous [Braun, 2007, с. 359]): он должен сочетаться со звучанием оригинального аудиовизуального произведения, и лишь в таком случае он имеет определенный смысл.

При просмотре фильма незрячая аудитория складывает общую картину из нескольких элементов: диалоги, звукошумовые эффекты, музыка и, безусловно, текст аудиодескрипции (тифлокомментария). Но для этого аудиодескриптор должен провести такую же работу: ему нужно проанализировать отдельные части фильма (видео- и звукоряд) в их взаимодействии и дополнить их своим описанием, добавив ту информацию, которая будет необходима слепому зрителю для воссоздания целостной картины.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Как видно из таблицы (см. таблицу 1), выделение главной информации, подлежащей описанию, — один из базовых принципов аудиодескрипции, сформулированный одним из пионеров данного направления Джоэлом Снайдером, заимствованный затем российской практикой тифлокомментирования.

Таблица 1

Базовые принципы аудиодескрипции (Дж. Снайдер) и тифлокомментирования (С. Н. Ваньшин)

Базовые принципы аудиодескрипции (Дж. Снайдер) [Снайдер, 2016, с. 81—82]	Базовые принципы тифлокомментирования («профессиональные качества тифлокомментатора») (С. Н. Ваньшин) [Ваньшин и др., 2011, с. 26]
1. Наблюдательность	1. Наблюдательность
2. Редактирование (умение редактировать и фильтровать поток визуальной информации, выбирая главное, так и собственно описание)	2. Умение выбрать самое важное в зрительном образе и редактировать речь
3. Язык (грамотный язык, использование точных, ярких, образных слов)	3. Правильный русский язык, лаконичность выражений
4. Голос (хорошо поставленный голос)	4. Правильное использование интонации голоса, избегание фальши в мелодике русской речи
—	5. Умение видеть и интерпретировать увиденное

Текст тифлокомментария должен укладываться в паузы между репликами героев и значимыми звуками. Притом нет необходимости дублировать информацию, которая будет понятна зрителю из диалогов и звукошумовых эффектов фильма. Описанию подлежат лишь те значимые звуки и те элементы видеоряда, которые невозможно идентифицировать без дополнительного пояснения [Обиух и др., 2017, с. 45].

Тифлокомментарий можно поместить как после описываемого звука, так и до него [Remael et al., 2015, p. 37]. Повествование ведется от третьего лица, глаголы обычно стоят в настоящем времени [Remael et al., 2015, p. 47]. Это обусловлено тем, что формы настоящего времени несовершенного вида обозначают одновременность действия с моментом речи и выражают актуальную действительность говорящего [Прокопович, 1969, с. 110; Петрухина, 2023, с. 173], посредством чего реализуется фатическая функция аудиодескрипции [Асташина и др., 2021, с. 9], приобретающая форму «прямого репортажа». Аудиодескрипцию можно сравнить с авторскими ремарками в драматических произведениях,

в которых используется так называемое «настоящее сценическое» время [Прокопович, 1969, с. 113].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Целью данной работы является раскрытие опыта описания аудиодескрипции с лингвистических позиций на примере тифлокомментария к фильму «Москва слезам не верит» (1979), взятого с официального канала киноконцерна «Мосфильм» [Москва ...].

Для достижения заявленной цели использовались следующие методы исследования: метод сплошной выборки, описательный метод, метод научного анализа, метод научного синтеза и обобщения, метод моделирования на основе полученных данных и авторского видения поставленных вопросов, метод компонентного анализа, метод концептуального анализа.

В последние годы в отечественной и зарубежной лингвистике наблюдается рост интереса к аудиодескрипции как специфическому виду медиаперевода, ориентированному на обеспечение доступности аудиовизуального контента для слабовидящих и полностью незрячих зрителей. Особое внимание исследователей привлекают механизмы передачи эмоциональных и комических компонентов, которые традиционно опираются на визуальные коды.

Так, О. В. Курских и И. М. Шубенок анализируют стратегии вербализации эмоционального состояния персонажей в англо- и русскоязычной аудиодескрипции комедийного сериала «Тед Лассо». Авторы показывают, что при описании эмоций используются как прямые лексические маркеры (например, «улыбается», «выглядит подавленным»), так и косвенные дескрипции, опосредованно характеризующие мимику, жесты или контекст ситуации, причем выявляются языковые и культурные различия в степени экспликации эмотивной информации [Курских и др., 2025, с. 101—107].

Проблема интерсемиотической трансляции юмора также рассматривается M. Mocarz-Kleindienst на материале советских кинокомедий. Исследовательница подчеркивает трудности передачи визуального комического, основанного на гротеске, мимике или ситуативном абсурде, и предлагает адаптационные стратегии, включающие пояснение контекста и усиление экспрессивности вербального описания [Mocarz-Kleindienst, 2022, p. 173—185].

Вопросы медиадоступности и методологии создания аудиодескрипции обобщены В. В. Корягиной, которая формулирует «лучшие практики» в зависимости от жанра и целевой аудитории. Особый акцент делается на необходимости соблюдения баланса между информативностью, нейтральностью и эмоциональной насыщенностью описания, особенно в детском и художественном контенте [Корягина, 2024, с. 125—127].

Эмотивный аспект аудиодескрипции детских анимационных фильмов становится центральным в работах А. В. Анищенко и М. В. Меликян, где анализируются немецкоязычные мультфильмы. Авторы выделяют типичные модели передачи эмоций — от номинации чувств до описания поведенческих реакций — и отмечают важность возрастной адаптации языка аудиодескрипции [Анищенко и др., 2024, с. 1516—1521]. Ранее А. В. Анищенко уже обращалась к проблеме моделирования эмотивных смыслов в немецкоязычном кино, подчеркивая роль прагматических и культурных факторов в выборе стратегий вербализации данных смыслов [Анищенко, 2020, с. 11—22].

Отдельное направление исследований связано с описанием нестандартных визуальных реалий, таких как фантастические существа. На примере англоязычных мультфильмов Е. В. Александрова демонстрирует, как в рамах аудиодескрипции решается задача конструирования образа, недоступного зрительному восприятию, за счет использования метафор, сравнений и структурированных описаний [Александрова, 2019, с. 495—497]. В совместной работе с Н. В. Овчаренко она проводит сопоставительный анализ англоязычной аудиодескрипции и русскоязычного тифлокомментирования на материале фильма «Гарри Поттер и философский камень», выявляя различия в функциональных установках: аудиодескрипция стремится к объективности и синхронности, тогда как тифлокомментирование допускает большую субъективность и развернутость описания [Александрова и др., 2024, с. 532—535].

Таким образом, современные исследования аудиодескрипции все чаще выходят за рамки чисто технического описания и сосредоточиваются на ее семиотической, эмоциональной и культурной функциях, подчеркивая необходимость междисциплинарного подхода, сочетающего лингвистические, переводоведческие, медиа и инклюзивные практики.

Далее будут изложены концепции отечественных и зарубежных лингвистов и психологов для систематизации взглядов на психологический синтаксис и смежные явления.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Поскольку аудиодескрипция подразумевает взаимодействие визуальной и вербальной информации, для целей настоящей работы важно понятие о психологическом подлежащем (или психологическом субъекте) и сказуемом (или психологическом предикате) [Борщевский и др., 2024, с. 49], которые определяют как «представление, являющееся первым по порядку возникновения в сознании и психологической значимости, независимо от грамматического его выражения», и представление, возникаю-

CC BY

щее в сознании вторым, соответственно [Розенталь и др., 1976, с. 308]. Эта концепция нашла отражение в трудах многих отечественных и зарубежных лингвистов и психологов, рассмотрим их далее подробно.

3.1.1. Младограмматики. Лингвистические взгляды Германа Пауля

Взгляды младограмматиков (Junggrammatiker) нашли отражение в направлениях, которые сложились в европейском языкознании в 1870-х годов, и были систематизированы в труде Г. Пауля «Принципы истории языка», один из разделов которого посвящен проблеме частей речи и членов предложения. Пауль оперирует термином *представление* для обозначения частей предложения, каждое из которых обязательно состоит из двух представлений: одно из которых является психологическим подлежащим, а другое — психологическим сказуемым. Обсуждая проблему одночленных предложений (например, безличных), Г. Пауль указывает, что в данном случае недостающим членом предложения выступает представление об окружающей ситуации: «В некоторых случаях психологическим подлежащим является сама ситуация, то непосредственное наглядное представление, которое присутствует в данный момент в сознании как говорящего, так и слушающего» [Пауль, 1960, с. 152]. Он приводит примеры «зрительных ощущений» — психологических субъектов, а также описывающих их высказываний — психологических предикатов. Упомянув возгласы удивления, страха, испуга, призывы о помощи («пожар», «грабят», «караул»), которые выполняют функцию психологических сказуемых, в то время как психологическими подлежащими выступают ощущения говорящего или ситуация, в которой тот находится, Пауль приводит более сложный пример. Анализируя пьесу Готхольда Эфраима Лессинга «Эмилия Галотти», он отмечает, что действия актера на сцене (принц просматривает взятые со стола письма) представляют собой психологическое подлежащее, выраженное неязыковым способом, а реплика «*Жалобы и прошения, все одни только жалобы и прошения*» — психологическое сказуемое.

Далее он обращает внимание на то, что говорящий и слушатель воспринимают подобные предложения по-разному: одно и то же высказывание оказывается психологическим сказуемым для говорящего и в то же время психологическим подлежащим для слушателя. Он поясняет: «Для того, кто при виде горящего здания кричит «пожар», подлежащим является сама ситуация, а сказуемым — общее понятие «пожара»; наоборот, для того, кто слышит крик «пожар», но сам еще не успел увидеть огонь, понятие «пожар» является подлежащим, а ситуация образует сказуемое» [Пауль, 1960, с. 153].

Можно согласиться с выводом С. Кацнельсона из предисловия к труду Г. Пауля: «Непростительной ошибкой было бы окончательно сбросить

CC BY

младограмматизм со счетов как отжившее свой век учение» [Канцельсон, 1969, с. 5].

3.1.2. Московская лингвистическая школа. Лингвистические взгляды Ф. Ф. Фортунатова

Филипп Федорович Фортунатов, основатель Московской (формальной) лингвистической школы, родственной германскому младограмматизму, также рассматривал вопросы психологического синтаксиса. Опираясь на труды младограмматиков, Фортунатов тем не менее выходил за их рамки: отходя от психологизма, он стоял на позициях формализма.

Так же, как и Пауль, Фортунатов рассуждает о полных и неполных предложениях. Под последними он понимает такое психологическое суждение, где одна часть выражена вербально, а другая представлена «внеязыковым выражением действительности» [Цит. по: Березин, 1984, с. 119]. Как и Г. Пауль, в качестве примера он приводит предложение «Пожар!». Восприятие говорящим вида языков пламени и дыма представляет собой психологическое подлежащее, которое в данном случае выражено невербальными средствами, а само восклицание — психологическое сказуемое [Березин, 1984, с. 119].

3.1.3. Внутренний механизм языка: точка зрения А. И. Томсона

Александр Иванович Томсон, последователь Ф. Ф. Фортунатова, представитель Московской формальной школы, развивает идеи психологического синтаксиса в своих трудах и называет психологическое сказуемое самой существенной частью предложения [Томсон, 1910, с. 81]. По мнению Томсона, его можно определить, проанализировав высказывание с точки зрения того, что больше всего интересует говорящего или слушателя в данный момент. Например, некий человек услышал звон разбившегося стекла. В зависимости от того, какой вопрос он задает (что разбилось или кто это сделал), психологическим сказуемым будут слова «стакан» (то есть «Стакан разбился») или «Петр» (то есть «Петр разбил стакан»), а глагол «разбил(ся)» — психологическое подлежащее, поскольку эта информация уже известна слушателю (он слышал звук разбитого стекла). В естественной речи, комментируя соответствующий вопрос, говорящий, как правило, отвечает одним словом — существительным в именительном падеже, как в указанных выше примерах. В то же время, «если слушателю интересно знать, что произвело шум, то слова «стакан разбился», взятые вместе, будут психологическим (вернее, логическим) сказуемым» [Там же, с. 81].

Подробно обсудив формирование и восприятие речевого высказывания, а также психологические аспекты данного процесса, А. И. Томсон приводит цепь из десяти звеньев, необходимых для того, чтобы говорящий мог «вызвать в другом человеке сходные мысли» [Там же, с. 83]. Полу-

CC BY

чив посредством речи некое сообщение и поняв его содержание, слушатель в попытке представить его более отчетливо как бы «дорисовывает» картину. Чем лучше он знаком с понятиями и предметами, о которых ему говорят, тем полнее будет картина и тем точнее будет взаимопонимание.

3.1.4. Взгляды Л. С. Выготского на взаимоотношение мышления и речи

К началу XX века обсуждение грамматического строя языка выходит за рамки собственно лингвистики; темой интересуются теперь и исследователи других специальностей. Психолог и дефектолог Лев Семенович Выготский рассматривает вопросы психологического синтаксиса с позиций дефектологии в труде «Мышление и речь». Л. С. Выготский иллюстрирует его особенности на примере фразы «Часы упали». Увидев остановившиеся часы, человек интересуется, что с ними случилось, и получает ответ: «Часы упали». В таком случае психологические и грамматические члены предложения совпадают: «В моем сознании раньше было представление о часах, часы есть в этом случае психологическое подлежащее, то, о чем говорится. Вторым возникло представление о том, что они упали. “Упали” есть в данном случае психологическое сказуемое, то, что говорится о подлежащем» [Выготский, 1982, p. 308].

Тот же человек слышит грохот упавшего предмета и спрашивает, что происходит. В ответ он слышит ту же самую фразу. Однако психологические и грамматические подлежащее и сказуемое тут не совпадают: «В этом случае в сознании раньше было представление об упавшем. “Упали” есть то, о чем говорится в этой фразе, то есть психологическое подлежащее. То, что говорится об этом подлежащем, что вторым возникает в сознании, есть представление — часы, которое и будет в данном случае психологическим сказуемым» [Выготский, 1982, с. 308—309].

3.1.5. Московский лингвистический кружок и Общество изучения поэтического языка (ОПОЯЗ)

Начало XX века отмечено бурным ростом в области как науки, так и искусства. С возникновением новых форм, жанров, течений появились и научные труды, рассматривающие их с разных точек зрения.

Исследования в области поэтики, несмотря на теоретические разногласия, вели два объединения российских филологов и литературоведов — Московский лингвистический кружок и ОПОЯЗ (Общество изучения теории поэтического языка). Они опирались не на интерпретацию содержания произведения, а на форму и обсуждали широкий спектр вопросов, в том числе связанных с новым для того времени видом искусства — кинематографом. Некоторые ученые входили в оба объединения в разные периоды жизни, поэтому их взгляды будут изложены в этом общем разделе.

CC BY

3.1.6. Лингвистические взгляды Е. Д. Поливанова

Евгений Дмитриевич Поливанов в «Толковом терминологическом словаре по лингвистике» дает определение логическому (психологическому) подлежащему: «Так называются идеи (и выражающие их слова), играющие роль подлежащего (то есть того, по поводу чего высказывается сказуемое) в том логическом суждении, которое облечено в языковую форму данного предложения» [Поливанов, 1991, с. 378].

Рассмотрев несколько примеров из русского языка (которые аналогичны приведенным выше), он отмечает, что в японском и корейском языках разница между логическими и грамматическими членами предложения выражается с помощью суффиксов, то есть морфологически. Например, для обозначения психологического подлежащего используется «падеж *-ва*» («Отосан-ва кита» — «Отец пришел» в ответе на вопрос «Что сделал отец?»), а для психологического сказуемого — «падеж *-га*» («Отосан-га кита» — в ответе на вопрос «Кто пришел?») [Поливанов, 1991, с. 378]. В русском языке эта разница выражается интонационно.

3.1.7. Точка зрения Б. М. Эйхенбаума и дискуссия об интертитрах

Немой кинематограф недолго оставался таковым, чему в немалой степени способствовало изобретение жанра кинолекции (Ж. Мельес, 1902) и интертитров (Э. Портер, 1903). Их можно рассматривать в качестве предшественников тифлокомментирования, поскольку в них давалось пояснение того, что происходит на экране [Матасов, 2009, с. 6; Цивьян, 1988, с. 143; Борщевский, 2018, с. 48—49]. Они, по сути, заменяли конферансье на балаганных представлениях средневековья [Шкловский, 1985, с. 326]. Интетритры читались вслух как кинолекторами и кинодекламаторами, так и зрителями [Цивьян, 1991, с. 47]. Представляя собой разновидность интерсемиотического перевода, они служили первым звуковым сопровождением фильма, и принципы, которые относятся к созданию интертитров, также применимы к современной аудиодескрипции [Борщевский и др., 2024, с. 38—39].

В течение первых десятилетий после изобретения кинематографа интертитры (которые также назывались «надписями» и «титрами») нередко становились предметом дискуссий. Режиссеры, драматурги, литературоведы и лингвисты пытались определить место напечатанного слова на экране, оперируя при этом терминами, заимствованными из языкознания.

Николай Николаевич Никитин, советский писатель и сценарист, утверждал, что «титр, это — связка отдельных кадров, необходимое дополнение к подлежащему — то есть к сюжету» [Никитин, 1926]. Это напоминает приведенные выше слова Г. Пауля о том, что действие на сцене (или в данном случае на экране) представляет собой психологическое подлежащее.

CC BY

Борис Михайлович Эйхенбаум, участник ОПОЯЗа, в ряде статей, например, «Слово и кино», отмечает, что «у кино есть свой синтаксис, своя грамматика» [Эйхенбаум, 1926, с. 3]. По его мнению, зритель выстраивает в голове «кинофразы» из отдельных кадров, которые постепенно раскрывают сюжет. Притом просмотр фильма сопровождается непрерывной внутренней речью. Поэтому надписи должны органично вписываться в этот внутренний монолог, дополняя «кинофразы» [Там же, с. 3].

Эйхенбаум проводил различие между пояснительными, повествовательными надписями, надписями-диалогами и надписями-заглавиями. Если первых режиссеры и сценаристы старались избегать, то остальные виды интертитров следовало использовать с осторожностью, не разрушая структуру кинофразы.

3.1.8. Точка зрения В. Б. Шкловского

Участник ОПОЯЗа Виктор Борисович Шкловский в статье «Появление слова» пишет, как постепенно складывался язык немого кинематографа: «Сперва отсутствие слова заменили гипертрофией жеста. Постепенно… слово заменили действием… Брались такие положения, при которых слово как бы договаривалось зрителем. Надписи не заменяли слова, они были короткими, афористичными и представляли собой как бы реплики, данные совместно режиссером и действующими лицами» [Шкловский, 1985, с. 155]. Интертитры соединяли разрозненные кадры в стройное повествование и формировали реакцию зрителя.

Шкловский (как и Эйхенбаум и др.) выделял надписи описательные (заменявшие слова автора) и разговорные (диалоги актеров) и призывал (опять же вслед за Эйхенбаумом и другими) использовать их осторожно. Титры, по его мнению, должны были дополнять сюжет, а не дублировать его: «Плохи те надписи, которые соответствуют кадру, повторяют его. Плохи кадры, иллюстрирующие надписи, и надписи, рассказывающие про кадр. Хороши надписи, заново дающие иное сознание кадра. Надписи, поворачивающие кадр» [Шкловский, 1965, с. 63]. На примере одного из фильмов Дзиги Вертова он поясняет эту мысль: «Когда дают надпись: “Ребенок, сосущий грудь”, — а потом показывают ребенка, сосущего грудь, я понимаю, что меня повернули назад к диапозитивам» [Шкловский, 1985, с. 360].

3.2. Словесно-графический синтаксис кинопроизведения

Советский киновед и сценарист Ипполит Васильевич Соколов, как и Эйхенбаум, отмечает, что надписи и видеоряд («планы») должны монтироваться таким образом, чтобы составить единую «кинофразу». Он подчеркивает, что «слово на экране должно подчиняться законам нового словесно-графического синтаксиса». Интертитры не должны быть много-

CC BY

словными. «Главные члены предложения в надписях совершенно недопустимы: они на планах», а в титрах допускается ставить лишь «дополнения к глаголу (к действию) и обстоятельства места, времени, причины и цели» [Соколов, 1926]. Таким образом, он рассматривал видеоряд и поясняющий интертитр в качестве единого словесно-графического (аудиовизуального) предложения, одну часть которого составляли мизансцена, декорации и действия актеров, а вторую — поясняющий текст.

В качестве примера можно привести титр к фильму «Шахматная горячка» (1925, реж. В. Пудовкин, Н. Шпиковский). Он представляет собой обстоятельство места («На турнире»), в то время как «подлежащее и сказуемое», то есть действия, обусловленные сюжетом, выражаются игрой актеров.

3.3. Приложение идей психологического синтаксиса к аудиодескрипции

Обзор литературы позволяет выделить ряд лингвистических аспектов аудиодескрипции.

1. Аудиодескрипцию можно рассматривать с позиций психологического синтаксиса.

2. Для целей настоящей работы целесообразно ввести понятие «аудиовизуального предложения», под которым мы понимаем сочетание единого аудиовизуального (звукозрительного) ряда фильма (видеоряд и оригинальная звуковая дорожка фильма, состоящая из диалогов, звукошумовых эффектов, музыки и т. п.), с одной стороны, и текста аудиодескрипции (тифлокомментария) — с другой.

3. Аудиовизуальное предложение обязательно должно состоять из двух частей, одна из которых служит психологическим (логическим) подлежащим, а вторая — психологическим (логическим) сказуемым. Только такое построение позволит целевой аудитории («потребителю тифлокомментария») выстроить целостную картину аудиовизуального произведения.

4. Для аудиодескриптора (тифлокомментатора) звукозрительный ряд всегда является психологическим подлежащим (поскольку он первичен в его сознании), а сам тифлокомментарий — психологическим сказуемым.

5. Для зрителя тифлокомментарий может быть психологическим подлежащим, если он предшествует описываемому звукозрительному ряду, или психологическим сказуемым, если следует после него.

Рассмотрим эти положения на нескольких примерах (в данной статье цитируются фрагменты тифлокомментария к фильму «Аритмия» (2017, реж. Б. Хлебников), выполненного студентами курса «Основы цифровой доступности» в Школе аудиовизуального перевода (г. Москва) под руководством одного из авторов статьи — И. С. Борщевского (табл. 2, табл. 3).

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Таблица 2

Фрагмент из тифлокомментария к фильму «Аритмия»
(2017, реж. Б. Хлебников)

Звукозрительный ряд		**Тифлокомментарий**
Видеоряд	**Звук**	
Катя сидит за рулем автомобиля	Шум проезжающих автомобилей. Звонок телефона.	У Кати звонит телефон.
Психологическое подлежащее		Психологическое сказуемое

Зритель слышит звук телефона и может идентифицировать его, однако неясно, чей телефон звонит, так как рядом с героиней (Катей) находился ее муж (Олег), у которого также был телефон. Психологическое сказуемое отвечает на вопрос: «Чей телефон звонит?». Оно дополняет звукозрительный ряд, поясняя уже знакомую зрителю информацию, позволяя сложить общую картину сцены.

Таблица 3

Фрагмент из тифлокомментария к фильму «Аритмия»
(2017, реж. Б. Хлебников)

Тифлокомментарий	**Звукозрительный ряд**	
	Видеоряд	**Звук**
Куском картона Олег раздувает огонь.	Олег и его друг стоят у мангала. Олег размахивает куском картона, раздувая огонь.	Шум воздуха от размахивания картоном.
Психологическое подлежащее	Психологическое сказуемое	

Тифлокомментарий в данном примере выступает как психологическое подлежащее, поскольку предваряет диегетический звук, а звукозрительный ряд служит психологическим сказуемым. Размещение тифлокомментария перед описываемым звуком позволяет зрителю быстрее идентифицировать последний, облегчая тем самым мыслительную работу по построению «кинофразы».

Применение концепции психологического синтаксиса к аудиодескрипции позволяет определить и исправить ошибки в ее сценарии (табл. 4).

В приведенном случае психологическое сказуемое отвечает на вопрос «Что делает Олег?». Однако слепой зритель не видит, кто именно берет

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Таблица 4

Фрагмент из тифлокомментария к фильму «Аритмия»
(2017, реж. Б. Хлебников)

Звукозрительный ряд		**Тифлокомментарий**
Видеоряд	**Звук**	
Катя разливает красное вино по бокалам гостей. Олег берет бутылку водки. Гости едят.	Звон посуды, гости жуют.	Берет бутылку водки.
Психологическое подлежащее		Психологическое сказуемое

бутылку водки, поэтому для него тифлокомментарий не является психологическим сказуемым, так как не поясняет звукозрительный ряд, а порождает дополнительные вопросы, в результате чего выстроить аудиовизуальное предложение и, как следствие, целостную картину фильма невозможно.

3.4. Анализ лингвистических аспектов аудиодескрипции на примере тифлокомментария к фильму «Москва слезам не верит» (1979, реж. В. Меньшов)

С опорой на сформулированные ранее лингвистические аспекты аудиодескрипции нами был проведен анализ тифлокомментария к фильму «Москва слезам не верит». Он был взят с официального канала киноконцерна «Мосфильм» [Москва ...]. Как следует из звуковой дорожки, он был подготовлен специалистами проекта «ВОС-Фильм» (таймкод 02:21:23).

Все словесные комментарии фильма были распределены нами на несколько групп (табл. 5) по аналогии с приведенной выше классификацией интертитров Б. М. Эйхенбаума. Мы также опирались на опубликованную типологию авторских ремарок [Пеньковский и др., 1986, с. 153] и существенно переработали ее для наших целей.

Тифлокомментарий в целом соответствует базовым принципам аудиодескрипции (табл. 1), однако нами был выявлен ряд лексических ошибок. Например, одна из героинь описана как «вахтерша сердобольного вида». Прилагательное *сердобольный* не сочетается с существительным *вид* (сердобольным может быть только сам человек, но не его облик). Поиск по Национальному корпусу русского языка не выявил ни одного случая употребления упомянутого словосочетания. Кроме того, тифлокомментирование — это описание предмета, пространства или действия [ГОСТ Р 57891-2022], но не характера человека. Вместо фразы «сердобольный вид» следовало описать визуальные проявления этого вида: поза, выражение лица, жесты.

CC BY OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Таблица 5

Типологизация тифлокомментариев к фильму
«Москва слезам не верит» (1979, реж. В. Меньшов)

Типы тифлокомментариев		**Примеры**
Обстоятельственный тифлокомментарий	*Место*	Перед проходной; у памятника Маяковскому; Заводской цех.
	Время	Вечер.
Описание действующих лиц	*Внешность*	(Катя) у нее каштановые волосы до плеч, зеленые глаза, светлая кожа, овальное приятное лицо; Коля высокий, широкоплечий; у Люды небольшое миловидное лицо, живые глаза, аккуратные губы, темно-русые волосы.
	Одежда	(Катя) у нее… белая блузка с коротким рукавом, украшенная вышивкой и темно-синий сарафан; На маме песочного цвета пальто, коричневый берет и перчатки, на шее — горжетка; Катя одета в черное пальто, на руках красные перчатки, сумочка под цвет перчаток.
	Характер	Вахтерша сердобольного вида.
Описание действий персонажей		У входа в здание девушка замедляет шаг; Мимо проходят девушки в домашних пестрых халатах; Катя и блондинка идут по коридору; Катя читает книгу
Описание образа действий персонажа		Катя робко потирает руки; Один из мужчин… с внимательным прищуром наблюдает за действиями Кати; Тося задумчиво опускает взгляд; Люда устало встает; Хозяйской походкой Люда входит в квартиру
Описание диегетических элементов	*Локация*	(Ночная Москва) Различимы только прямоугольники светящихся окон и фары движущихся автомобилей
	Декорации	Будильник стоит на ореховом столике рядом с разложенным диваном-кроватью, над столиком фотография худенькой Кати, которая держит на коленях годовалого ребенка.
	Реквизит	(Около здания припаркован) презентабельного вида легковой черный автомобиль; (Перед лестницей останавливается) белый автомобиль-купе спортивного вида.
	Чтение диегетических надписей	Справа от двери табличка «Рабочее общежитие номер пятнадцать»; Входят в комнату № 35; На часах восемь двадцать; Фестиваль французских фильмов; Состав останавливается на станции «Охотный ряд»

Окончание табл. 5

Типы тифлокомментариев		Примеры
Описание недиегетических элементов	*Описание логотипов*	Заставка. Стеклянные буквы слова «Мосфильм». За ними памятник — «Рабочий и колхозница». За памятником — Спасская башня Кремля.
	Чтение титров	Титр: «Второе творческое объединение»; Вера Алентова, Алексей Баталов и т. д.; Москва, 1958 год
Указания начала / конца фильма / сцены		Фильм «Москва слезам не верит» начинается; Конец фильма

Еще одним отклонением от стандартов аудиодескрипции было использование прошедшего времени глаголов: «Люда *передала* ему ведерко с шампанским», «Катя *повернула* голову», «Рудольф стыдливо *отвел* глаза», «Катя *прижала* к губам платок, Рудольф прохаживается за ее спиной», «Женщина *достала* анкеты из сейфа» и т. д. Формы прошедшего времени на *-л* имеют в русском языке перфектное и аористическое значение [Прокопович, 1969, с. 13]. Использование первых хоть и не рекомендуется современными стандартами, но может быть оправдано в аудиодескрипции, так как перфектная форма указывает на факт, свершившийся в прошлом «и пребывающий доныне» [Потебня, 2018, с. 254], например: «Люда в золотистого цвета атласном халате *развалилась* в кресле», то есть развалилась в кресле в какой-то определенный момент времени в прошлом и находится в том же положении до момента речи. Это значение формы прошедшего времени на *-л* приобретает особую выразительность при сочетании с глаголами в настоящем времени [Прокопович, 1969, с. 14]: «Катя *прижала* к губам платок, Рудольф прохаживается за ее спиной», «Полная дама *взяла* генерала под локоть, он поворачивает виноватое лицо к окнам химчистки, Люда легонько машет ему и отдает честь», «Катя грустно *прислонила* голову к стенке кабины, к ней оборачивается седовласый пожилой мужчина в золотых очках». Аористическое значение указывает на отдельный факт прошлого, и использование таких форм прошедшего времени в аудиодескрипции недопустимо, так как они лишают ее формы «настоящего репортажа». Предложения с глаголами в форме прошедшего времени с аористическим значением необходимо перефразировать, чтобы они отражали актуальную реальность говорящего.

Тифлокомментарий к кинофильму «Москва слезам не верит» достаточно подробно описывает локации и декорации фильма, позволяя целевой аудитории получить точное представление о месте действия.

CC BY

Однако в рассматриваемом тифлокомментарии выявлена следующая особенность: текст дробится на небольшие фразы и вставляется в очень короткие паузы между репликами героев в фильмах с высокой плотностью диалогов. Например:

(1) Люда приспускает…
- Куда вы?
… одеяло.
(2) Вахтерша встает, бежит…
- Ах, вам Людмилочку? Сейчас, сейчас!
… по лестнице.

Стоит отметить, что такой подход не оправдан физиологически, поскольку объем внимания и памяти человека ограничен и зритель к концу тифлокомментария нередко забывает его начало.

Рассмотрим эту особенность тифлокомментария с точки зрения психологического синтаксиса (табл. 6).

Таблица 6

Фрагмент из тифлокомментария
к фильму «Москва слезам не верит» (1979, реж. В. Меньшов)

Таймкод	Видеоряд	Звук	Тифлокомментарий
06.39	Людмила кладет трубку телефона и поднимается по лестнице	(Людмила) Вы можете говорить просто «хэллоу»?	
06.41			У памятника…
06.42	Женщина-вахтер пишет в тетради	(Вахтер) Как? Сейчас запишу…	
06.43			…Маяковскому
06.43	Вечер. Толпа на площади у памятника Маяковскому в Москве.	Поэт Андрей Вознесенский читает стихотворение.	
07.14	Людмила и Екатерина отделяются от толпы и идут по многолюдной улице мимо витрин. Вслед за ними идут двое молодых мужчин.	(Людмила) Ничего не поняла.	
07:18			Катя и Люда, держались под руки, идут по широкой улице в сторону центра. За ними увязываются два молодых человека.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Окончание табл. 6

07:23	Людмила и Екатерина проходят мимо витрины с надписью «Телевизоры». Рядом с ними идут молодой человек в коричневом костюме и девушка в белом платье. Молодой человек положил руку на плечо девушки.	(Людмила) А толку-то? Пять лет над учебниками горбатиться, чтобы потом за тысячу рублей в месяц на заводе вкалывать? Нет, это не жизнь! (Екатерина) Ну вот, у Тони не жизнь, и у меня не жизнь.	
07.33			Дружинники…
07.34	Дружинники останавливают обнимающуюся парочку.	(Екатерина) Ну, а что тогда жизнь-то? (Дружинник) Прекратите обниматься! Вы что, забыли, что находитесь в общественном месте?	
07.38			…обращаются к парню…
07.40	Людмила и Екатерина проходят дальше. Двое молодых людей (один — в серой клетчатой рубашке, а другой — в белой) по-прежнему идут за ними.	(Людмила) И наука какая-то скучная — химия!	
07.42			… который положил руку…
07.43	Людмила и Екатерина идут мимо витрины с банками черной икры.	(Людмила) Одни только формулы.	
07.44			…девушке на плечо

Приведенный тифлокомментарий (табл. 6) формально соответствует требованиям качества (табл. 1): специалист правильно понял сцену (наблюдательность); выбрал для описания значимую информацию (редактирование), которая будет непонятна без дополнительного пояснения (дружинник обращается к обнимающейся парочке, а не к Людмиле с Екатериной); были подобраны точные слова (язык); текст был озвучен орфоэпически

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

правильно (голос). (За одним исключением — в аудиодескрипции использован глагол в прошедшем времени «положил руку девушке на плечо».) Тем не менее такой тифлокомментарий не позволяет зрителю выстроить правильную «кинофразу». Его фрагменты произвольно вставлены в паузы между репликами героев и противоречат звукозрительному ряду.

Если применить к этой сцене концепцию психологического синтаксиса, то очевидно, что одним из членов аудиовизуального предложения обязательно будет обращение дружинников к влюбленным. С учетом сюжета и плотности диалогов целесообразно сделать звукозрительный ряд психологическим сказуемым, а тифлокомментарий — психологическим подлежащим, поместив его до описываемого фрагмента и слегка перефразировав (табл. 7).

Таблица 7

Исправленный тифлокомментарий к фильму
«Москва слезам не верит» (1979, реж. В. Меньшов)

Тифлокомментарий	**Звукозрительный ряд**	
	Видеоряд	**Звук**
Катя и Люда идут по улице. Они проходят мимо обнимающейся парочки, к которой направляются дружинники.	Людмила и Екатерина проходят мимо витрины с надписью «Телевизоры». Рядом с ними идут молодой человек в коричневом костюме и девушка в белом платье. Молодой человек положил руку на плечо девушки. Дружинники останавливают обнимающуюся парочку.	(Людмила) А толку-то? Пять лет над учебниками горбатиться, чтобы потом за тысячу рублей в месяц на заводе вкалывать? Нет, это не жизнь! (Екатерина) Ну вот, у Тони не жизнь, и у меня не жизнь. Ну, а что тогда жизнь-то? (Дружинник) Прекратите обниматься! Вы что, забыли, что находитесь в общественном месте?
Психологическое подлежащее	Психологическое сказуемое	

В таком случае тифлокомментарий и звукозрительный ряд образуют единое аудиовизуальное предложение, взаимно дополняя друг друга.

Применение концепции психологического синтаксиса позволило бы автору тифлокомментария избежать фраз, которые вводят зрителя в заблуждение. Например, на четвертой минуте фильма в аудиодескрипции сказано: «Справа от двери табличка “Рабочее общежитие номер пятнадцать”. Идет по коридору. Мимо проходят девушки в домашних пестрых халатах. Замирает перед кухней» [Москва ...]. Использование односоставных предложений

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

(о чем писали Г. Пауль и Ф. Ф. Фортунатов) подразумевает наличие психологического сказуемого (видеоряда, который показывает, кто именно идет по коридору и замирает перед кухней), которое очевидно для тифлокомментатора («говорящего»), но недоступно для восприятия целевой аудитории (незрячим зрителям). А значит, отсутствие (или, как в данном случае, недоступность вследствие нарушения работы зрительного анализатора) **психологического** подлежащего должно компенсироваться использованием подлежащего **грамматического**. Предложение должно стать двусоставным, чем устраняется двусмысленность фразы, то есть тифлокомментарий должен выглядеть так: «Катя идет по коридору. Мимо проходят девушки в домашних пестрых халатах. Катя замирает перед кухней». Подобная ошибка встречается в анализируемом тифлокомментарии достаточно часто. Еще один примечательный пример встречается на 90-й минуте фильма: «Под яблоней Коля, Гена и Марина. Сорвав, дает яблоко». Наличие в кадре трех персонажей дает шесть возможных комбинаций их взаимодействия:

— Коля срывает яблоко и дает его Гене.
— Коля срывает яблоко и дает его Марине.
— Гена срывает яблоко и дает его Коле.
— Гена срывает яблоко и дает его Марине.
— Марина срывает яблоко и дает его Коле.
— Марина срывает яблоко и дает его Гене.

Прозвучавшая далее фраза «Спасибо», сказанная женским голосом, позволяет зрителю предположить (но уже после услышанного комментария), что яблоко получила Марина, однако действующее лицо определить без визуальной информации (психологического подлежащего) невозможно. Этот тифлокомментарий можно перефразировать с учетом теории психологического синтаксиса (табл. 8).

Таблица 8

Исправленный тифлокомментарий к фильму
«Москва слезам не верит» (1979, реж. В. Меньшов)

Звукозрительный ряд		**Тифлокомментарий**
Видеоряд	**Звук**	
Коля, Гена и Марина подходят к яблоне. Коля тянется к ветке и срывает яблоко. Он протягивает его Марине.	(Коля) А вот это штрифель.	Коля дает Марине сорванное им яблоко.
Психологическое подлежащее		Психологическое сказуемое

CC BY

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Хотя аудиодескрипция в ее современном виде существует с 1970-х годов [Обиух и др., 2017, с. 16], к ней можно применить положения нескольких лингвистических направлений прошлого, в частности, младограмматизма, Московской формальной школы, а также концепций Л. С. Выготского и представителей ОПОЯЗа. Данные теоретические подходы, разработанные задолго до появления аудиодескрипции как практики медиадоступности, оказались удивительно релевантными для анализа ее структуры и функционирования. Особенно продуктивной оказалась концепция психологического (логического) синтаксиса, позволяющая рассматривать взаимодействие вербального и аудиовизуального компонентов не как простое наложение текста на изображение, а как сложный процесс построения единого смыслового целого — аудиовизуального предложения.

Сценарий аудиодескрипции и звукозрительный ряд фильма образуют единое аудиовизуальное предложение, в котором они выступают в роли психологического (логического) подлежащего и сказуемого, дополняя друг друга. Подобный подход к созданию аудиодескрипции (тифлокомментария) позволяет создать более качественное словесное описание, которое даст возможность незрячей аудитории полнее представить происходящее и сложить разрозненные элементы фильма в единую картину. При этом важно учитывать не только содержание описания, но и его позиционирование во времени: тифлокомментарий может выступать как психологическим подлежащим (если предшествует событию), так и сказуемым (если следует за ним), что напрямую влияет на когнитивную нагрузку и точность восприятия аудиодескрипции слабовидящими или полностью незрячими реципиентами.

Анализ тифлокомментария к фильму «Москва слезам не верит» показал, что даже при соблюдении формальных требований (выбор значимой информации, лексическая точность, орфоэпическая корректность и др.) могут возникать системные ошибки, нарушающие принципы психологического синтаксиса: фрагментация описания, использование односоставных конструкций без доступного контекста, неоправданное употребление прошедшего времени. Все эти недочеты затрудняют или делают невозможным построение целостной «кинофразы» у слушателя.

Поскольку лингвистические аспекты аудиодескрипции ранее не изучались в систематическом ключе — особенно в русле историко-лингвистических и прагматико-когнитивных теорий, — данная тема требует дальнейшего анализа и исследования. Перспективными направлениями могут стать:

— разработка методики создания аудиодескрипции на основе принципов психологического синтаксиса;

— сопоставительный анализ стратегий вербализации в зависимости от жанра фильма (драма, комедия, триллер, фантастика и др.);

— экспериментальные исследования восприятия аудиодескрипции слабовидящими и полностью незрячими зрителями с учетом когнитивных моделей понимания речи;

— интеграция лингвистических рекомендаций в профессиональные стандарты и ГОСТы по тифлокомментированию.

Таким образом, аудиодескрипция — это не просто техническое сопровождение, а сложный акт межсемиотического перевода, требующий глубокого понимания как лингвистических закономерностей, так и когнитивных механизмов восприятия. Обращение к классическому наследию лингвистической мысли открывает новые горизонты для повышения качества медиадоступности и обеспечения равного культурного участия всех зрителей.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Москва* слезам не верит (с тифлокомментариями) [Электронный ресурс] // ДРАМА. 1979. 150 мин. СССР. Культура. РФ. — Режим доступа : https://www.culture.ru/live/movies/3814/moskva-slezam-ne-verit-s-tiflokommentariyami (дата обращения 15.12.2024).

Литература

1. *Александрова Е. В.* Фантастические существа в аудиодескрипции : опыт описания англоязычных мультфильмов / Е. В. Александрова // Мир науки, культуры, образования. — 2019. — № 2 (75). — С. 495—497. — DOI: https://doi.org/10.29025/2079-6021-2025-1-151-164.

2. *Александрова Е. В.* Аудиодескрипция на английском и тифлокомментирование на русском языке в сопоставительном аспекте (на примере фильма «Гарри Поттер и философский камень») / Е. В. Александрова, Н. В. Овчаренко // Мир науки, культуры, образования. — 2024. — № 1 (104). — С. 532—535. — DOI: 10.24412/1991-5497-2024-1104-532-535.

3. *Анищенко А. В.* Моделирование эмотивных смыслов в немецкоязычных фильмах с аудиодескрипцией / А. В. Анищенко // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2020. — № 9 (838). — С. 11—22.

4. *Анищенко А. В.* Трансляция эмоций в аудиодескрипции к немецкоязычным детским анимационным фильмам / А. В. Анищенко, М. В. Меликян // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2024. — Т. 17. — № 5. — С. 1516—1521. — DOI: 10.30853/phil20240219.

5. *Специалист* в области перевода и медиадоступности : рамка компетенций / Д. А. Асташина, И. С. Борщевский, Н. В. Гайдаш [и др.]. — Казань : Бук, 2021. — 46 с. — ISBN 978-5-00118-752-3.

6. *Березин Ф. М.* История лингвистических учений : учебник для филологических специальностей вузов / Ф. М. Березин. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Высшая школа, 1984. — 319 с.

7. *Борщевский И. С.* Аудиодескрипция (тифлокомментирование) как вид перевода / И. С. Борщевский // Филология и лингвистика. — 2018. — № 3 (9). — С. 48—52.

8. *Борщевский И. С.* Принципы психологического синтаксиса в интерсемиотическом переводе / И. С. Борщевский, О. А. Алимурадов // Интеракция семиотических систем в языке и речи. — Казань : Бук, 2024. — 160 с. — ISBN 978-5-907839-59-5.

9. *Ваньшин С. Н.* Тифлокомментирование, или словесное описание для слепых : инструктивно-методическое пособие / С. Н. Ваньшин, О. П. Ваньшина. — Москва : Департамент социальной защиты населения г. Москвы, ИПТК «Логосвос», 2011. — 62 с. — ISBN 978-5-904267-04-9.

10. *Выготский Л. С.* Собрание сочинений : в 6 т. / Л. С. Выготский ; под ред. В. В. Давыдова. — Москва : Педагогика, 1982. — Т. 2. — 504 с.

11. ГОСТ Р 57891-2022. Тифлокомментирование и тифлокомментарий. Термины и определения [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://docs.cntd.ru/document/1200182888 (дата обращения 15.12.2024).

12. *Кацнельсон С. Д.* Вступление / С. Д. Кацнельсон // Пауль Г. Принципы истории языка. — Москва : [б. и.], 1969. — С. 5—21.

13. *Корягина В. В.* Лучшие практики медиадоступности на примере создания различных видов аудиодескрипции / В. В. Корягина // Современная наука : актуальные проблемы теории и практики. Серия : Гуманитарные науки. — 2024. — № 1—1. — С. 125—127. — DOI: https://doi.org/10.29025/2079-6021-2025-1-151-164.

14. *Курских О. В.* Механизмы вербализации эмоционального состояния персонажа в англо- и русскоязычной аудиодескрипции к комедийному телесериалу «Тед Лассо» / О. В. Курских, И. М. Шубенок // Вестник филологических наук. — 2025. — Т. 5. — № 9. — С. 101—107. — DOI: 10.62257/2782-5329-2025-9.

15. *Матасов Р. А.* Перевод кино/видео материалов : лингвокультурологические и дидактические аспекты : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.02.20 / Р. А. Матасов. — Москва, 2009. — 23 с.

16. *Моцаж М.* Аудиодескрипция, или тифлокомментирование, как жанр киноперевода / М. Моцаж // Textus. — 2014. — № 14. — С. 197—201.

17. *Никитин Н.* О надписях / Н. Никитин // Советский экран. — 1926. — № 6. — С. 7—13.

18. *Обиух П.* Пособие по тифлокомментированию / П. Обиух, М. Корнеев. — Москва : ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет», 2017. — 80 с.

19. *Пауль Г.* Принципы истории языка / Г. Пауль ; пер. с нем. ; под ред. А. А. Холодовича ; вст. ст. С. Д. Кацнельсона. — Москва : Изд-во иностранной литературы, 1960. — 499 с.

20. *Пеньковский А. Б.* Типы и терминология ремарок / А. Б. Пеньковский, Б. С. Шварцкопф // Культура речи на сцене и на экране. — Москва : Наука, 1986. — С. 150—169.

CC BY

21. *Петрухина Е. В.* Русский глагол: категории вида и времени (в контексте современных лингвистических исследований) : учебное пособие / Е. В. Петрухина. — 2-е изд. — Москва : Флинта, 2023. — 288 с. — ISBN 978-5-9765-5283-8.

22. *Поливанов Е. Д.* Избранные труды по восточному и общему языкознанию / Е. Д. Поливанов. — Москва : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. — 622 с.

23. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Составные члены предложения и их замены в 2 ч. / А. А. Потебня. — Москва : Юрайт, 2025. — Ч. 2. — 292 с. — ISBN 978-5-534-05939-7.

24. *Прокопович Е. Н.* Стилистика частей речи (глагольные словоформы) / Е. Н. Прокопович. — Москва : Просвещение, 1969. — 143 с.

25. *Розенталь Д. Э.* Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. — 2-е изд. — Москва : Просвещение, 1976. — 543 с.

26. *Снайдер Дж.* Из визуального в вербальное = The Visual Made Verbal : комплексное учебное пособие и руководство по применению аудио дескрипции / Дж. Снайдер ; пер. с англ. ООО «Турински&Вольфссон» ; Свердл. обл. спец. б-ка для слепых. — Екатеринбург : [б. и.], 2016. — 149 с.

27. *Соколов И.* Как правильно написать интертитры [Электронный ресурс] / И. Соколов // Кино-сценарий. Теория и техника. — Москва : Кинопечать, 1926. — Режим доступа : http://intertitre.togdazine.ru/docs/kak-pravilno-napisat-intertitry (дата обращения 15.12.2024).

28. *Томсон А. И.* Общее языковедение / А. И. Томсон. — Одесса : [б. и.], 1910. — 448 с.

29. *Цивьян Ю. Г.* Историческая рецепция кино : Кинематограф в России, 1896—1930 / Ю. Г. Цивьян. — Рига : Зинатне, 1991. — 492 с.

30. *Цивьян Ю. Г.* К семиотике надписей в немом кино : (Надпись и устная речь) / Ю. Г. Цивьян // Труды по знаковым системам. — Тарту : ТГУ, 1988. — Выпуск 22. — 166 с.

31. *Шкловский В. Б.* За 40 лет. Статьи о кино / В. Б. Шкловский. — Москва : Искусство, 1965. — 455 с.

32. *Шкловский В. Б.* За 60 лет. Работы о кино / В. Б. Шкловский. — Москва : Искусство, 1985. — 573 с.

33. *Эйхенбаум Б.* Слово и кино / Б. Эйхенбаум // Кино. — 1926. — № 10. — С. 61—72.

34. *Braun S.* Audio Description from a discourse perspective : a socially relevant framework for research and training / S. Braun // Linguistica Antverpiensia. — 2007. — № 6. — Pp. 357—369.

35. *Fryer L.* An Introduction to Audio Description. A Practical Guide / L. Fryer. — London — New York : Routledge, 2016. — 193 p.

36. *Mocarz-Kleindienst M.* О интерсемиотической передаче комического в аудиодескрипции к советским кинокомедиям / M. Mocarz-Kleindienst // Studia Rossica Posnaniensia. — 2022. — Т. 47. — № 1. — С. 173—185.

37. *Pictures* painted in words : ADLAB Audio Description guidelines / ed. by A. Remael, N. Reviers, G. Vercauteren. — Trieste : Edizioni Università di Trieste, 2015. — 99 p.

Статья поступила в редакцию 22.01.2025,
одобрена после рецензирования 10.01.2026,
подготовлена к публикации 28.01.2026.

CC BY

Material resources

Moscow does not believe in tears (with typhoid comments). (1979). *DRAMA. 150 min. the USSR. Culture. RF.* Available at: https://www.culture.ru/live/movies/3814/moskva-slezam-ne-verit-s-tiflokommentariyami (accessed 15.12.2024). (In Russ.).

References

Alexandrova, E. V. (2019). Fantastic creatures in audio description: the experience of describing English-language cartoons. *The world of science, culture, and education, 2 (75):* 495—497. DOI: https://doi.org/10.29025/2079-6021-2025-1-151-164. (In Russ.).

Alexandrova, E. V., Ovcharenko, N. V. (2024). Audio transcription in English and typhocommentation in Russian in a comparative aspect (on the example of the film "Harry Potter and the Philosopher's Stone"). *The world of science, culture, and education, 1 (104):* 532—535. DOI: 10.24412/1991-5497-2024-1104-532-535. (In Russ.).

Anishchenko, A. V. (2020). Modeling emotive meanings in German-language films with audio transcription. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities, 9 (838):* 11—22. (In Russ.).

Anishchenko, A. V., Melikyan, M. V. (2024). Translation of emotions in audio transcription to German-language children's animated films. *Philological Sciences. Questions of theory and practice, 17 (5):* 1516—1521. DOI: 10.30853/phil20240219. (In Russ.).

Berezin, F. M. (1984). *History of linguistic studies: textbook for philological specialties of universities.* Moscow: Vysshaya Shkola Publ. 319 p. (In Russ.).

Borshchevsky, I. S. (2018). Audio transcription (typhlocommentation) as a type of translation. *Philology and Linguistics, 3 (9):* 48—52. (In Russ.).

Borshchevsky, I. S., Alimuradov, O. A. Principles of psychological syntax in intersemiotic translation. In: *The interaction of semiotic systems in language and speech.* Kazan: Buk. 160 p. ISBN 978-5-907839-59-5. (In Russ.).

Braun, S. (2007). Audio Description from a discourse perspective: a socially relevant framework for research and training. *Linguistica Antverpiensia, 6:* 357—369.

Eikhenbaum, B. (1926). The Word and Cinema. *Cinema, 10:* 61—72. (In Russ.).

Fryer, L. (2016). *An Introduction to Audio Description. A Practical Guide.* London — New York: Routledge. 193 p.

GOST R 57891-2022. Typhlocommentation and typhlocommentation. Terms and definitions. Available at: https://docs.cntd.ru/document/1200182888 (accessed 15.12.2024). (In Russ.).

Katsnelson, S. D. (1969). Introduction. In: *Paul G. Principles of the history of language.* Moscow: [b. i.]. 5—21. (In Russ.).

Koryagina, V. V. (2024). Best practices of media accessibility on the example of creating various types of audio transcription. *Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities, 1—1:* 125—127. DOI: https://doi.org/10.29025/2079-6021-2025-1-151-164. (In Russ.).

Kurskikh, O. V., Shubenok, I. M. (2025). Mechanisms of verbalization of the emotional state of a character in English- and Russian-language audio descriptions for the comedy television series Ted Lasso. *Bulletin of Philological Sciences, 5 (9):* 101—107. DOI: 10.62257/2782-5329-2025-9. (In Russ.).

Matasov, R. A. (2009). *Translation of film/video materials: linguocultural and didactic aspects.* Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 23 p. (In Russ.).

Mocarz-Kleindienst, M. (2022). On the intersemiotic transmission of the comic in audio descriptions of Soviet comedies. *Studia Rossica Posnaniensia, 47 (1):* 173—185.

Motsazh, M. (2014). Audio transcription, or typhlocommentation, as a genre of film translation. *Textus, 14:* 197—201. (In Russ.).
Nikitin, N. (1926). On inscriptions. *The Soviet screen, 6:* 7—13. (In Russ.).
Obiukh, P., Korneev, M. (2017). *Manual on typhlocommentation.* Moscow: Russian State Social University. 80 p. (In Russ.).
Paul, G. (1960). *Principles of the history of language.* Moscow: Publishing House of Foreign Literature. 499 p. (In Russ.).
Penkovsky, A. B., Schwarzkopf, B. S. (1986). Types and terminology of remarks. In: *Culture of speech on stage and on the screen.* Moscow: Nauka Publ. 150—169. (In Russ.).
Petrukhina, E. V. (2023). *Russian verb: categories of type and tense (in the context of modern linguistic research): a textbook.* Moscow: Flint. 288 p. ISBN 978-5-9765-5283-8. (In Russ.).
Polivanov, E. D. (1991). *Selected works on Oriental and general linguistics.* Moscow: Nauka Publ. The main editorial office of Oriental Literature. 622 p. (In Russ.).
Potebnya, A. A. (2025). *From notes on Russian grammar. The constituent members of the sentence and their replacements in 2 hours, 2.* Moscow: Yurait. 292 p. ISBN 978-5-534-05939-7. (In Russ.).
Prokopovich, E. N. (1969). *Stylistics of parts of speech (verbal word forms).* Moscow: Prosveshchenie Publ. 143 p. (In Russ.).
Remael, A., Reviers, N., Vercauteren, G. (eds.). (2015). *Pictures painted in words: ADLAB Audio Description guidelines.* Trieste: Edizioni Università di Trieste. 99 p.
Rosenthal, D. E., Telenkova, M. A. (1976). *Dictionary of linguistic terms.* Moscow: Prosveshchenie. 543 p. (In Russ.).
Shklovsky, V. B. (1935). *For 60 years. Works about cinema.* Moscow: Iskusstvo Publ. 573 p. (In Russ.).
Shklovsky, V. B. (1965). *For 40 years. Articles about cinema.* Moscow: Iskusstvo Publ. 455 p. (In Russ.).
Snyder, J. (2016). *From Visual to Verbal = The Visual Made Verbal: a comprehensive tutorial and guide to the application of audio description.* Yekaterinburg: [b. i.]. 149 p. (In Russ.).
Sokolov, I. (1926). How to write intertitles correctly. In: *Movie script. Theory and technique.* Moscow: Kinopechat. Available at: http://intertitre.togdazine.ru/docs/kak-pravilno-napisat-intertitry (accessed 15.12.2024). (In Russ.).
Specialist in translation and media accessibility: a framework of competencies. (2021). Kazan: Buk. 46 p. ISBN 978-5-00118-752-3. (In Russ.).
Thomson, A. I. (1910). *General Linguistics.* Odessa: [b. i.]. 448 p. (In Russ.).
Tsivyan, Yu. G. (1988). Towards the semiotics of inscriptions in silent films: (Inscription and oral speech). In: *Proceedings on sign systems, 22.* Tartu: TSU. 166 p. (In Russ.).
Tsivyan, Yu. G. (1991). *Historical reception of cinema: Cinematography in Russia, 1896—1930.* Riga: Zinatne Publ. 492 p. (In Russ.).
Vanshin, S. N., Vanshina, O. P. (2011). *Typhlocommentation, or a verbal description for the blind: an instructional and methodological manual.* Moscow: Department of Social Protection of the Population of Moscow, IPTC "Logosvos". 62 p. ISBN 978-5-904267-04-9. (In Russ.).
Vygotsky, L. S. (1982). *Collected works: in 6 volumes, 2.* Moscow: Pedagogika Publ. 504 p. (In Russ.).

The article was submitted 22.01.2025;
approved after reviewing 10.01.2026;
accepted for publication 28.01.2026.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]
Check for updates

Информация для цитирования:

Дякина А. А. Структура медиарынка Липецкой области в контексте специфики экономического развития региона / А. А. Дякина, И. Р. Есин // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 2. — С. 194—213. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-194-213.

Dyakina, A. A., Esin, I. R. (2026). Structure of Media Market in Lipetsk Region within Regional Economic Development Context. *Nauchnyi dialog, 15* (2): 194-213. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-194-213. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Структура медиарынка Липецкой области в контексте специфики экономического развития региона

Дякина Анжелика Александровна
orcid.org/0000-0002-6319-6966
доктор филологических наук,
профессор,
кафедра русской филологии
и журналистики
корреспондирующий автор
anjeloprof@mail.ru

Есин Иван Русланович
orcid.org/0009-0007-2551-6352
аспирант, кафедра русской
филологии и журналистики
ivanesin20@gmail.com

Елецкий государственный университет
им. И. А. Бунина
(Елец, Россия)

Structure of Media Market in Lipetsk Region within Regional Economic Development Context

Anzhelika A. Dyakina
orcid.org/0000-0002-6319-6966
Doctor of Philology, Professor,
Department of Russian Philology
and Journalism
corresponding author
anjeloprof@mail.ru

Ivan R. Esin
orcid.org/0009-0007-2551-6352
Post-graduate student, Department
of Russian Philology and Journalism
ivanesin20@gmail.com

Bunin Yelets State University
(Yelets, Russia)

© Дякина А. А., Есин И. Р., 2026

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается структура региональных СМИ в зависимости от государственных и корпоративных источников финансирования. Проведено многоаспектное исследование медиарынка Липецкой области. Подчеркиваются взаимосвязи превалирующего формата, структуры и специфики местных СМИ с медиаэкономикой. Особое внимание уделено анализу данных медиаакторов, региональной экономики и их взаимодействий. В качестве эмпирического материала выступили официальные статистические сведения, отчеты, региональные интернет-издания и сайты СМИ. Актуальность исследования определяется степенью значимости и влияния на редакционную автономию региональных изданий существующих моделей их финансирования. Новизна исследования видится в комплексном рассмотрении институциональных и экономических факторов формирования медиарынка региона. Подчеркиваются такие проблемы, как низкая конкурентоспособность независимых СМИ, их недостаточная интеграция в цифровое пространство. Доказывается, что устойчивость информационного рынка обеспечивается стабильной экономикой региона и поддержкой крупных игроков. Вместе с тем установлено, что его перспективное развитие связано с переходом к модели диверсифицированного и инновационного роста, а формирование прозрачных механизмов финансирования и развитие цифровых компетенций содействует повышению конкурентоспособности медиа. Авторы приходят к выводу о важности институциональной поддержки для создания сбалансированной региональной медиасреды.

Ключевые слова:
региональный медиарынок; медиаэкономика; экономика региона; медиафинансирование.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This paper examines the structure of regional media outlets in relation to state and corporate funding sources. A multifaceted analysis of the media market in Lipetsk region was conducted. Emphasis is placed on the interplay between predominant formats, structural features, and local media characteristics vis-à-vis media economics. Special attention is devoted to analyzing data from media actors, regional economy, and their interactions. Official statistical information, reports, regional online publications, and websites served as empirical materials. The significance of existing funding models' impact on editorial autonomy underscores the importance of this study. Its novelty resides in comprehensively addressing institutional and economic factors shaping the regional media landscape. Challenges such as low competitiveness of independent media and insufficient digital integration are highlighted. Evidence demonstrates that a stable regional economy and support from major players underpin the resilience of the information market. However, future growth prospects hinge upon transitioning towards diversified and innovative development patterns. Establishment of transparent financing mechanisms and enhancement of digital competencies are shown to enhance media competitiveness. Authors conclude that institutional backing plays a critical role in fostering a balanced regional media environment.

Key words:
regional media market; media economics; regional economy; media funding.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 366.636+004.032.6
DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-194-213

Научная специальность ВАК
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика
5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Структура медиарынка Липецкой области в контексте специфики экономического развития региона

© Дякина А. А., Есин И. Р., 2026

1. Введение = Introduction

Современная медиасфера представляет собой сложную и многослойную систему, функционирование которой обусловлено не только внутренними процессами производства и распространения информации, но и широкой совокупностью внешних факторов — политических, социокультурных и, прежде всего, экономических. В этой связи особую значимость приобретает направление исследований, связанное с медиаэкономикой, рассматривающей СМИ как элемент социально-экономической системы, включённый в региональные и глобальные рыночные процессы.

Как и прежде, одной из наименее разработанных научных проблем в этой области является влияние социально-экономических факторов и особенностей конкретного региона на структуру, динамику и устойчивость локального медиарынка. Существующие научные подходы часто рассматривают общую картину медиапространства, ориентируясь на мегаполисы и федеральные медиацентры, в то время как региональные медиарынки, особенно в условиях российских реалий, формируются и развиваются по закономерностям, отличным друг от друга. Эти рынки гораздо более восприимчивы к локальным экономическим колебаниям, имеют ограниченный ресурсный потенциал и часто зависят от внешних (в том числе политических и корпоративных) участников.

Актуальность настоящего исследования обусловлена сразу несколькими обстоятельствами. Во-первых, в последние годы наблюдается тенденция к усилению социально-экономической дифференциации между регионами России, что отражается и на медиаполе: в одних субъектах формируются устойчивые и относительно независимые медиасистемы, в других — сокращается число медиаплощадок, усиливается их зависимость от внешнего финансирования и поддержки государства на федеральном или региональном уровне. Во-вторых, в условиях цифровизации и трансфор-

CC BY

мации моделей потребления информации резко возрастает конкуренция между локальными, региональными и федеральными медиа, что требует от региональных игроков способности к адаптации и устойчивому экономическому функционированию. В этом контексте крайне важны вопросы о том, какие именно экономические аспекты и показатели определяют устойчивость регионального медиарынка и как локальные издания и отдельные СМИ выдерживают конкуренцию?

Медиаэкономика как междисциплинарная область исследования фокусируется на анализе экономических процессов и закономерностей, влияющих на функционирование медиаиндустрии. Согласно современным теоретическим подходам, медиаэкономика — это дисциплина, занимающаяся изучением средств массовой информации как отдельной отрасли рыночного хозяйства, а также условий и элементов медиапроизводства [Вартанова, 2003, с. 332]. В основе этой дисциплины лежит концепция двойного продукта (dual product market), где медиа одновременно обслуживают две группы потребителей — аудиторию и рекламодателей, что формирует сложную экономическую структуру отрасли [WOAPDEESAGE, 2025]. Такая модель позволяет понять специфику формирования доходов медийных организаций и особенности конкуренции в условиях ограниченных ресурсов.

Степень научной разработанности проблемы позволяет говорить о наличии устойчивого интереса к теме в рамках дисциплин «медиаменеджмент», «экономика СМИ», «социология коммуникаций». Значительный вклад в формирование методологической базы исследований медиаэкономики внесли работы российских исследователей. К примеру, Е. Л. Вартанова делает акцент на взаимосвязи медиатеории и медиаэкономики в контексте цифровой трансформации, а также подчеркивает необходимость интегративного подхода к анализу медийных процессов в условиях изменяющегося информационного ландшафта [Вартанова, 2020]. А. Г. Качкаева демонстрирует, как жанр и формат входят в новую динамику творческого и бизнес-процессов, как изменяются их соотношения, критерии и функции под влиянием меняющихся практик производства, распределения и восприятия телеконтента [Качкаева, 2010]. С. С. Смирновым подчёркивается влияние концентрации медиаактивов и нормативно-правового статуса на развитие крупных межрегиональных медиахолдингов в условиях медиарынка, трансформирующегося под давлением технологических, законодательных и рыночных факторов [Смирнов, 2016]. В работах российских ученых также исследуются вопросы специфики медиаэкономической среды России, систематизиции отличительных черт медиарынка, особенностей потребительского и рекламного рынков как основных источников доходов медиапредприятий [Колобова, 2018]. Помимо этого, проводится

комплексный анализ современного состояния медиасферы, выявляются ключевые глобальные тренды, технологические инновации и структурные изменения, которые определяют векторы развития индустрии в условиях цифровой трансформации [Пинчук, 2021].

Однако при всей ценности существующих исследований фокус внимания чаще всего сосредоточен на федеральном уровне, на анализе общенациональных тенденций медиаразвития и структуры собственности в медиаотрасли. Намного чаще проблема взаимовлияния региональных медиаэкономики и медиарынка рассматриваются зарубежными авторами. Их внимание сосредоточено на анализе потребления экономических СМИ на региональном уровне, выявлении особенностей целевой аудитории, оценке влияния социально-экономических факторов и роли медиаконтента на формирование экономической грамотности населения страны [Nistor et al., 2022]. Кроме того, исследуются взаимосвязи между социальными настроениями, демонстрируемыми в медиа, и традиционными экономическими показателями, такими как индекс деловой активности (PMI), индекс доверия потребителей (CCI) и уровень занятости, в период пандемии COVID-19; подчеркивается значимость интеграции качественных и количественных данных для более точного анализа экономической динамики в условиях кризиса [Kaczmarek et al., 2025]. В других работах комплексно анализируется адаптация региональной печатной и онлайн-прессы к вызовам, обусловленным финансовыми спадами и переходом к цифровым технологиям, рассматриваются стратегические изменения, произошедшие вследствие экономических трудностей и технологической трансформации, а также их влияние на распространение информации и устойчивость региональных СМИ, существующих на современном медиа-рынке [Mitka et al., 2023]. Помимо этого, исследуются экономические модели функционирования региональных общественных медиа, их финансовая устойчивость, влияние цифровой трансформации на структуру доходов и затрат, роль государственных инвестиций и рыночных механизмов в обеспечении эффективного развития и сохранения медиаплюрализма на региональном уровне [Izquierido-Castillo et al., 2021].

При этом особенности медиаландшафта зарубежных стран, экономические реалии, государственное устройство могут существенно сказываться на изучаемом объекте, вследствие чего полученные в этих работах выводы не всегда можно назвать репрезентативными для российских регионов. Таким образом, существует очевидный дефицит комплексных исследований, в которых системно рассматривались бы взаимосвязи между структурой, динамикой и устойчивостью медиарынка региона с его экономическим состоянием.

Новизна предлагаемого исследования заключается в том, что оно направлено на выявление и анализ закономерностей функционирования регионального медиарынка в контексте экономических показателей конкретного субъекта Российской Федерации — Липецкой области, региона, обладающего устойчивой промышленной основой, развитыми институтами местного самоуправления, но вместе с тем сталкивающегося с рядом структурных ограничений, типичных для большинства российских регионов средней величины. В отличие от предыдущих работ в данном направлении, где исследовались общенациональные тренды в медиаэкономике и влияние цифровизации на медиапотребление, в данном случае акцент смещается на локальный уровень анализа, предполагающий эмпирическое сопоставление структуры медиапредложений в регионе (численность и типология СМИ, устойчивость медиаплатформ, индекс цитирования и т. д.) с экономическими показателями (валовой региональный продукт, индекс промышленного производства, объем инвестиций в основной капитал и др.).

Тем самым исследование вносит свой вклад в развитие научного направления региональной медиаэкономики, предлагая методологическую основу для последующих сравнительных и прогностических исследований медиарынков в сходных социально-экономических условиях.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Целью настоящего исследования стало выявление влияния на состояние и динамику регионального медиарынка Липецкой области ключевых показателей ее экономики в контексте современных общеэкономических процессов. В рамках достижения поставленной цели определяются следующие задачи: провести анализ экономических характеристик Липецкой области, исследовать состояние медиарынка региона, выявить закономерности между локальным медиарынком и структурой региональной экономики, изменениями в ней, а также определить основные экономические составляющие крупнейших региональных СМИ.

Вопрос о взаимосвязи состояния медиарынка и экономических факторов в региональной перспективе занимает всё более значимое место в отечественной науке о коммуникации и медиаэкономике. В современных условиях, когда медиасфера претерпевает глубокую трансформацию под воздействием цифровизации, глобализации и динамично меняющихся экономических реалий, возрастают требования к комплексным исследованиям, способным выявить устойчивые закономерности между функционированием медиасистем на местах и экономическими показателями.

CC BY

Научные работы ряда российских исследователей подчеркивают зависимость медиаструктур от экономической среды. Так, в трудах Е. Л. Вартановой систематизированы принципы и институциональные особенности медиаэкономики в России, а также очерчены рамки существования СМИ как участников рыночных отношений [Вартанова, 2018]. М. И. Макеенко акцентирует внимание на концентрации собственности в медиаотрасли и последствиях вертикальной интеграции [Макеенко, 2005]. Другие работы исследуют зависимость развития медиаструктур от экономической среды региона, проявляющейся в различиях ресурсной базы, инвестиционной привлекательности, уровне региональной экономики и инфраструктур [Кирия и др., 2014], влиянии этих показателей на эффективность информационного обмена и устойчивого регионального развития [Натхо, 2016]. Также делается акцент на зависимости структуры медиарынка и степени его концентрации от уровня инвестиций, доходности и конкуренции, то есть тех показателей, которые формируют рыночную динамику и определяют возможности роста и развития медиа в регионах [Мухаметов, 2019].

Несмотря на нарастающее внимание к этим вопросам, в большинстве случаев исследования сосредоточены на федеральных медиаплатформах или на сравнительном анализе крупных центров с развитыми внутренними медиарынками, таких как Москва и Санкт-Петербург, в то время как особенности иных региональных медиарынков, включая Липецкий, по-прежнему изучены фрагментарно и преимущественно описательно.

В связи с этим представляется необходимым провести изучение данной взаимосвязи на примере конкретного региона, где влияние экономических факторов на медиаструктуру проявляется особенно остро. В таких регионах медиаэкономика чаще всего представляет собой систему, зависящую от внешнего финансирования, колебаний рекламного рынка, бюджетной политики субъекта федерации, а в меньшей степени — от уровня доходов и медиапотребительской активности населения.

Цель настоящего исследования — выявить характер и степень влияния на структуру, функционирование регионального медиарынка экономических показателей, используя в качестве эмпирического материала данные по Липецкой области — региону с развитой промышленной базой, умеренными демографическими показателями и устойчивыми к изменениям, но ограниченными по численности медиаресурсами.

В качестве основного материала исследования выступают:

— статистические данные о социально-экономическом положении Липецкой области за 2022—2024 годы (включая ВРП, инвестиционную активность, уровень безработицы);

CC BY

— данные региональных органов власти о зарегистрированных СМИ и медиаплатформах в Липецкой области;

— данные об учредителях и основных спонсорах крупных региональных СМИ;

— результаты контент-анализа.

В отличие от большинства предшествующих исследований, в которых региональный медиарынок рассматривался преимущественно как часть общероссийского контекста, данная работа предлагает индивидуальный подход, сочетающий экономическую аналитику, медиастатистику и анализ медиаландшафта региона. Такой подход позволяет получить не только оценку влияния экономических условий на медиарынок, но и качественное представление о специфике его адаптации к внутренним и внешним вызовам.

Исследование направлено на формирование эмпирически обоснованной модели, объясняющей, как именно экономические параметры региона влияют на устойчивость, разнообразие и независимость его медиасистемы, а также на выявление типовых угроз и точек роста для региональных медиаструктур в условиях цифровой экономики.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Экономические характеристики региона

В условиях трансформации медиапространства, когда локальные СМИ стремятся адаптироваться к актуальной повестке, цифровизации и изменению рекламного ландшафта, региональные экономические процессы становятся ключевым фактором устойчивости и роста медиаотрасли. Медиарынок тесно связан с экономикой региона: уровень занятости, инвестиционный климат, структура ВРП и активность бизнеса напрямую влияют на рекламные бюджеты, объёмы заказов, платёжеспособность аудитории и темпы роста локальных медиаплатформ.

Показательна в этом контексте Липецкая область — регион Центрального федерального округа, демонстрирующий устойчивые темпы восстановления после санкционного спада 2022 года. Наличие сильной индустриальной базы, развитого аграрного сектора и особой экономической зоны федерального уровня формирует не только экономический, но и информационный потенциал территории.

Настоящий анализ направлен на выявление взаимосвязей между развитием медиарынка Липецкой области и ее социально-экономическими показателями. Для этого рассмотрены ключевые статистические данные, динамика валового регионального продукта, инвестиционная активность, а также специфика локальных рекламодателей и структурная роль СМИ в экономике региона.

CC BY

Для исследования взаимосвязи между мадиарынком и экономикой области необходимо сформировать понимание об основных профилях экономической деятельности региона.

Липецкая область представляет собой один из интенсивно развивающихся регионов Центральной России: её экономический фундамент формируется крупным промышленным комплексом, активной агропромышленной отраслью, внутренними и зарубежными инвестициями, в том числе со стороны резидентов особенной экономической зоны «Липецк». В основе её экономики — обрабатывающие производства, металлургическое в частности.

Согласно отчетам, опубликованным на официальном сайте правительства Липецкой области, по итогам 2024 года отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг на 1 344,4 млрд рублей [Промышленность …, 2025], из которых металлургическое производство произвело 55 % от общей суммы, а пищевая промышленность — 23,5 %. В сельскохозяйственной сфере обороты несколько меньше — 207 млрд рублей. При этом удельный вес, к примеру, обрабатывающего производства в общероссийском производстве демонстрирует высокие показатели для региона небольших масштабов — 1,9 %.

Экономика Липецкой области демонстрирует рост после существенного падения на 9 % в 2022 году до 780,1 млрд рублей после введения экономических санкций. В 2024 году ВРП региона достиг 969,9 млрд рублей — это рост более чем на 20 % по сравнению с санкционным 2022 годом [Валовой …, 2025]. Инвестиционная активность также на подъёме: в 2024 году объём вложений в основной капитал составил 261,6 млрд рублей — прирост на 28,1 % по отношению к уровню 2023 [Липецкая область вошла …, 2025]. При этом Липецкая область входит в тройку лидеров ЦФО по инвестициям на душу населения, а особая экономическая зона «Липецк» остаётся одной из самых успешных в стране — с десятками резидентов, инвестициями в десятки миллиардов рублей и созданием тысяч рабочих мест [Там же].

Подобные экономические реалии Липецкой области оказывают прямое и структурообразующее влияние на формирование и развитие регионального медиарынка. Так как регион характеризуется высоким уровнем промышленного производства, в первую очередь — металлургии, а также активным агропромышленным комплексом и устойчивой инвестиционной динамикой, крупнейшие предприятия, такие как НЛМК, ОАО «Энергия» и другие промышленные игроки, не только формируют значительную часть валового регионального продукта, но и выступают важными рекламодателями и партнёрами региональных СМИ.

CC BY

3.2. Основные СМИ региона и их финансирование

Для изучения медиарынка Липецкой области в условиях динамично меняющихся экономических реалий были выбраны наиболее крупные и цитируемые СМИ региона различных форматов. Следует отметить, что медиарынок Липецкой области в последние годы демонстрирует устойчивый рост, непосредственно связанный с активностью промышленных, аграрных и инвестиционных секторов. По данным Росстата, после падения показателей сектора «информация и связь» в 2021 году на 1,8 % в 2022 году данный показатель демонстрировал устойчивый рост от 4,4 % до 7,7 % в 2023 году [ВРП, 2025]. В регионе зарегистрировано более 125 средств массовой информации [Коротко …], включая телевизионные каналы, радиостанции, печатные издания и интернет-СМИ. Наиболее заметные и влиятельные игроки медиаполя — это информационно-справочный портал Lipetskmedia.ru (входящий в состав ИД «Липецкая газета»), «ГТРК Липецк», телеканал «Липецкое время» и наиболее цитируемое СМИ Gorod48, охватывающее значительную часть областной аудитории.

Есть основания полагать, что портал Gorod48, несмотря на формальную независимость, аффилирован с медиахолдингом, учреждённым владельцем Новолипецкого металлургического комбината (НЛМК) — ключевого промышленного предприятия региона и одного из крупнейших металлургических активов в стране. В открытых источниках есть информация о регистрации торговой марки Gorod48 на юридическое лицо ООО «РУМЕДИА» через полгода после начала работы одноименного портала [РБК]. Это создаёт особую форму зависимости и устойчивости: редакционная политика и экономическая стабильность портала в значительной степени опираются на ресурсный потенциал промышленного капитала, обеспечивая платформе высокий уровень финансовой безопасности, устойчивый кадровый состав и доступ к эксклюзивной информации и корпоративным каналам коммуникации.

С другой стороны, государственные медиаресурсы, такие как «ГТРК Липецк», «Липецкое время» и Lipetskmedia.ru, получают стабильное бюджетное финансирование, в том числе в рамках реализации государственных информационных заказов и освещения приоритетных направлений внутренней политики. Такая поддержка позволяет этим СМИ обеспечивать постоянное присутствие на медиаполе, устойчивую производственную базу и техническое развитие. Более того, статус официальных рупоров власти увеличивает их цитируемость в федеральных источниках, способствует усилению институционального доверия и расширяет охват в периоды общественно значимых событий, таких как выборы, форумы и др.

CC BY

Выявляется устойчивая взаимосвязь между экономическим базисом в форме государственного (областного, муниципального) или корпоративного финансирования и информационным доминированием СМИ в регионе. На практике это означает, что высокая цитируемость и популярность региональных СМИ в Липецкой области базируются не только на редакционных стандартах, но и на ресурсной устойчивости, обеспеченной либо государственными бюджетами, либо корпоративным капиталом системообразующих предприятий.

При этом, несмотря на большее количество государственных СМИ в региональном топе (60 % от общего числа), бизнес-финансируемые медиа занимают первенство по цитируемости с большим отрывом: 67,19 у Gorod48 в сравнении с показателем 9,01 у ТРК Липецкое Время, 6,16 у Lipetskmedia.ru, 2,30 — у «Липецкой газеты». Примечательно, что медиа с внерегиональным финансированием занимают 6 и 7 место (Mk-lipetsk.ru и Newslipetsk.ru с показателями 3,80 и 2,32 соответственно) [Липецкая область: рейтинг …, 2025]. Причиной этому может служить совокупность факторов, таких как наличие прямого доступа к корпоративному сегменту рекламодателей и B2B-коммуникациям, редакционная независимость от государственной информационной политики и экономическое положение, которое позволяет обходиться без избыточных затрат на традиционную инфраструктуру (например, телевизионные студии, радиокомплексы), что свойственно государственным СМИ. В совокупности указанные факторы формируют уникальное структурное положение Gorod48 в медиасреде Липецкой области: издание сочетает в себе финансовую устойчивость, обеспеченную индустриальным капиталом, с рыночной редакционной стратегией и цифровой технологической адаптивностью. Таким образом, экономические предпосылки, институциональная поддержка и формат функционирования позволяют Gorod48 занимать лидирующие позиции в региональной медиасистеме не вопреки, а благодаря своей связке с системообразующим бизнесом и относительной независимости от государственной информационной инфраструктуры.

Из этого следует, что медиасреда Липецкой области — это не автономная информационная экосистема, а производное от социально-экономической структуры региона. Присутствие системного индустриального капитала (НЛМК) и доминирующая роль государственной информационной политики формируют ландшафт, где редакционная повестка, техническая база и доступ к аудитории напрямую зависят от финансово-экономических источников. В этих условиях успех СМИ определяется не только качеством контента, но и возможностью устойчиво существовать в связке с крупными институциональными игроками региона.

CC BY

3.3. Сильные и слабые стороны Липецкого регионального медиарынка

Экономический фон и институциональный финансовый базис имеют прямое влияние на медиарынок региона. Так, рост ВРП при снижении безработицы до 2—3 % увеличивает объём рекламных бюджетов и платёжеспособность аудитории. Правительство области, государство в лице крупных государственных компаний, крупные локальные производители и промышленные предприятия, такие как НЛМК, «Липецкхладокомбинат» и другие, выступают не только сильными рекламодателями медиа, заказывая материалы, спецпроекты, продвигая бренд и корпоративные коммуникации, но и основными источниками финансирования ключевых игроков регионального медиаландшафта.

Помимо этого, особые экономические зоны — драйвер локального медиасектора. ОЭЗ «Липецк» с её резидентами и ростом бизнеса породила спрос на деловые медиа, HR-объявления, специализированные публикации и промосегменты. Яркий пример — медиаресурсы, посвящённые инвестициям, бизнес-среде и региональным инновациям (например, Инвестиционный портал Липецкой области), а также рекламные агентства, такие как липецкое «Прайд Медиа», активно работающие с ведущими компаниями региона.

Несмотря на все плюсы, региональный медиарынок сталкивается с конкретными ограничениями. Во-первых, доля сектора «информация и связь» составляла на 2022 год всего около 4,4 % от ВРП, что свидетельствует о том, что медийный сектор в регионе ещё недостаточно развит и получает ограниченные инвестиции. Во-вторых, высокая концентрация экономики вокруг нескольких крупных предприятий создаёт риски: спад в одной отрасли (например, металлургии или пищевой промышленности) мгновенно отразится на рекламных доходах и бюджете медиа. И действительно, в своей статье от 08.12.2022 доктор экономических наук, директор центра региональной политики РАНХиГС, директор института реформирования общественных финансов В. Климанов фиксирует провал в доходах ряда регионов, где есть черная металлургия, в том числе Белгородской, Липецкой и Курской областей [Климанов, 2022]. Причиной снижения доходов стало санкционное давление на Российскую Федерацию.

Аффилированность ключевых наиболее сильных и популярных медиа с госструктурами и крупными корпорациями отражает доминирование двух типов экономических акторов — государства и системообразующего бизнеса — в информационной сфере, что оказывает как позитивное, так и негативное влияние на медиарынок региона, модель которого может быть представлена следующим образом (рис. 1).

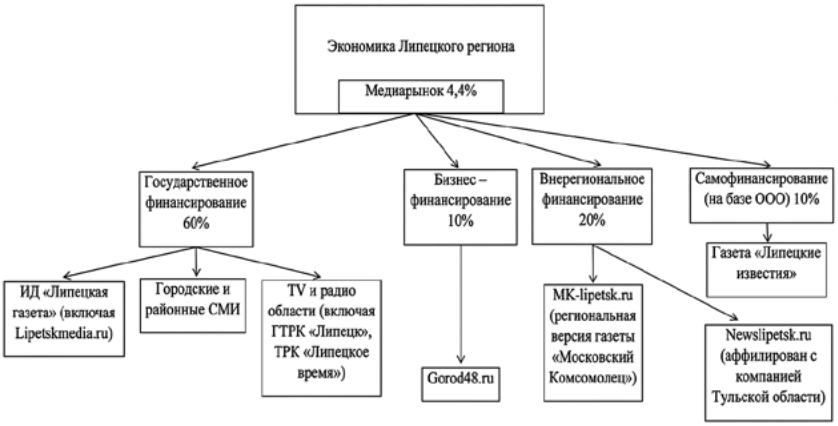

Рис. 1. Модель медиарынка Липецкой области, 2025 год

Среди позитивных аспектов данной модели следует выделить прежде всего высокую стабильность и устойчивость информационной системы. Финансирование со стороны государства и крупного корпоративного сектора обеспечивает ключевым медиаресурсам стабильную материально-техническую базу, сохранение профессиональных кадров и возможность долгосрочного планирования деятельности. В результате создаются условия для регулярного, системного и технологически оснащённого производства контента. Кроме того, наличие поддержки со стороны крупнейшего работодателя и налогоплательщика региона (НЛМК) позволяет частным СМИ, таким как Gorod48, функционировать без прямой зависимости от государственного информационного заказа, сохраняя гибкость редакционной политики и способность оперативно реагировать на общественно значимые события.

Также плюсом является информационное покрытие ключевых направлений регионального развития. Государственные СМИ эффективно выполняют функцию официального рупора власти, способствуя донесению до населения информации о деятельности органов управления, реализации национальных проектов и социально значимых инициатив. В свою очередь корпоративные медиаресурсы активно включаются в продвижение инвестиционной привлекательности региона и развитие локального делового климата.

Вместе с тем такая структура медиаполя обладает и рядом ограничений. Наиболее значимым из них является недостаток медийного плюрализма. Концентрация ключевых медиаресурсов в руках государства и одного промышленного игрока ограничивает спектр мнений, снижает уровень общественной дискуссии и может формировать эффект информационно-

CC BY

го монополизма. В условиях, когда независимые редакции практически не представлены в медиаструктуре региона, возникает риск репрезентации исключительно официальной или лояльной к системообразующим акторам повестки, что ослабляет функцию СМИ как института общественного контроля и критического анализа.

Кроме того, высокая институциональная зависимость СМИ от своих учредителей может сужать редакционную автономию, особенно в контексте освещения чувствительных тем — экологических, социальных, трудовых конфликтов и пр. Частные СМИ, поддерживаемые корпоративным капиталом, нередко вынуждены избегать острых тем, связанных с деятельностью аффилированных структур, тогда как государственные — ограничены рамками официальной риторики. Это снижает доверие части аудитории и сужает информационное разнообразие.

Помимо этого, структура медиарынка региона менее диверсифицирована: он медленнее адаптируется к digital-трендам, не обладает масштабом и финансами крупных столичных рынков. В Липецкой области пока ограничены возможности монетизации через мероприятия, подписки или онлайн-сервис, так как наблюдается острая нехватка конкуренции и игроков, способных функционировать без существенной поддержки государства и крупных промышленных предприятий. Существующие СМИ выполняют свои основные задачи без внедрения уникальных форматов взаимодействия с аудиторией, перенимая с определенным временным лагом опыт более крупных медиа. Наконец, цифровая инфраструктура, хотя и развита, может уступать мегаполисам в скорости интернета и поддержке новых digital-проектов — особенно в сельских районах.

Таким образом, Липецкая область демонстрирует яркий пример того, как экономическая устойчивость, инвестактивность и мощный промышленный сектор создают базу для устойчивого и стабильного развития регионального медиарынка. Одновременно ограниченность сектора «информация и связь», зависимость от ключевых отраслей и региональной власти, а также отсутствие стабильных, не зависящих от учредителей в лице власти и крупных местных корпораций доходов медиа подчеркивают необходимость поддержки инновационных медийных инициатив, развития digital-инфраструктуры и формирования устойчивых бизнес-моделей. Для будущего роста медиарынка важно не просто использовать экономический подъём, но и постепенно строить самостоятельные медийные платформы, адаптированные к цифровой эпохе.

4. Заключение = Conclusions

Анализ структуры медиарынка Липецкой области в контексте её экономического развития позволяет сделать ряд выводов и выработать меры,

CC BY

направленные на формирование устойчивой и самостоятельной региональной информационной среды. Представленная модель регионального медиапространства демонстрирует высокую степень сопряжённости с экономическим базисом, что определяет его устойчивость, но одновременно порождает структурные ограничения. Институциональная зависимость ключевых медиаресурсов от государства и системообразующих предприятий формирует устойчивую, но малоподвижную систему с ограниченным потенциалом к инновациям и критическому транслированию жизни региона. Такая структура обеспечивает стабильность, ресурсную насыщенность и технологическое воспроизводство, однако ограничивает медийный плюрализм, снижает уровень редакционной автономии и сужает спектр обсуждаемых тем.

В условиях высокой зависимости от промышленного капитала и административного финансирования критически важно стимулировать формирование альтернативных каналов информации и развитие медиасистемы за счёт внутренних рыночных механизмов, диверсификации источников финансирования и внедрения новых цифровых форматов взаимодействия с аудиторией. В частности, необходимы институциональная поддержка малых независимых медиа, стартапов и гражданских инициатив в сфере коммуникаций, а также развитие программ поддержки цифровой журналистики и образовательных инициатив, способствующих появлению квалифицированных участников медирынка.

Эти меры способны активизировать взаимодействие между региональной властью, бизнесом и медиасообществом в направлении формирования прозрачных механизмов финансирования и распределения государственного информационного заказа, исключающих конфликт интересов и обеспечивающих равный доступ к ресурсам для медиаструктур разных форм собственности. Подобная система позволит получать необходимую поддержку независимым медиа, которые на данный момент являются абсолютно неконкурентноспособными по сравнению с крупными игроками, финансируемыми государством и крупными промышленниками.

Кроме того, важным направлением является развитие компетенций в области цифровой трансформации — внедрение мультимедийных форматов, работа с аналитикой пользовательского поведения, развитие систем дистрибуции через цифровые платформы. Это позволит региональным СМИ повысить свою конкурентоспособность, в том числе за пределами области, а также выйти за рамки традиционной зависимости от ограниченного пула инвесторов и рекламодателей.

Таким образом, устойчивость медиарынка Липецкой области в значительной степени опирается на экономическую стабильность региона

и тесную связь с промышленным и государственным секторами. Однако для обеспечения его долгосрочного и сбалансированного развития необходим переход от модели структурной зависимости к модели устойчивого роста через инновации, диверсификацию и цифровизацию. Формирование полноценной региональной медиасреды возможно только при условии институционального стимулирования рыночной конкуренции, редакционной самостоятельности и расширения каналов общественного участия в производстве и потреблении информации.

Заявленный вклад авторов: Есин И. Р. – концепция исследования; сбор, обработка и анализ эмпирического материала, написание текста, итоговые выводы. Дякина А. А. – методология исследования; доработка текста; заключение. **Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.**	**Contribution of the authors:** Ivan. R. Esin — research concept; collection, processing, and analysis of empirical material, writing the text, and final conclusions. Anzhelika A. Dyakina — research methodology; text revision; conclusion. **The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Валовой* региональный продукт Липецкой области 1998—2023 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Липецкой области. — Режим доступа : https://48.rosstat.gov.ru/accounts (дата обращения 24.08.2025).

2. *ВРП* ОКВЭД 2 (с 2016 г.) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. — Режим доступа : https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VRP_OKVED2_s_2016.xlsx (дата обращения 24.08.2025).

3. *Климанов В.* Регионы с развитой металлургией стали терять налоговые доходы из-за санкций [Электронный ресурс] / В. Климанов // Региональные комментарии. — Режим доступа : https://regcomment.ru/analytics/regiony-s-razvitoj-metallurgiej-stali-teryat-nalogovye-dohody-iz-za-sanktsij/ (дата обращения 24.08.2025).

4. *Коротко о* СМИ : краткая характеристика средств массовой информации Липецкой области [Электронный ресурс] // Официальный сайт правительства Липецкой области. — Режим доступа : https://xn--80aacoonefzg3am8b1fsb.xn--p1ai/oregione%2Fsmi%2Fkorotko-o-smi (дата обращения 24.08.2025).

5. *Липецкая область вошла* в топ-3 регионов ЦФО по привлечению инвестиций [Электронный ресурс] // Официальный сайт правительства Липецкой области. — Режим доступа : https://xn--80aacoonefzg3am8b1fsb.xn--p1ai/news/15977 (дата обращения 24.08.2025).

6. *Липецкая область: рейтинг* СМИ за I полугодие 2025 [Электронный ресурс] // Медиалогия: Мониторинг соцсетей и СМИ. — Режим доступа : https://www.mlg.ru/ratings/media/regional/14068/ (дата обращения 26.08.2025).

7. *Официальный* сайт инвестиционного портала Липецкой области [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://investinlipetsk.ru/ (дата обращения 29.08.2025).

8. *Официальный* сайт интернет-портала Lipetskmedia.ru [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://lipetskmedia.ru/ (дата обращения 22.08.2025).

9. *Официальный* сайт информационно-справочного портала Gorod48 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://gorod48.ru/ (дата обращения 23.08.2025).

10. *Официальный* сайт новостного портала ГТРК «Липецк» [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://vesti-lipetsk.ru/ (дата обращения 27.08.2025).

11. *Официальный* сайт телеканала «Липецкое время» [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://lipetsktime.ru/ (дата обращения 27.08.2025).

12. *Промышленность:* Основные итоги и показатели за 2024 год [Электронный ресурс] // Официальный сайт правительства Липецкой области. — Режим доступа : https://xn--80aacoonefzg3am8b1fsb.xn--p1ai/ekonomika/otrasli/promyshlennost%D1%8C (дата обращения 24.08.2025).

13. *РБК* Компании [Электронный ресурс] // Официальный сайт РБК Компании. — Режим доступа : https://companies.rbc.ru/trademark/354268/gorod-gorod48/ (дата обращения 18.08.2025).

14. *Pennings A. J.* PhD WRITINGS ON AI POLICY, DIGITAL ECONOMICS, ENERGY STRATEGIES, AND GLOBAL E-COMMERCE [Electronic resource] / A. J. Pennings. — Access mode : https://apennings.com/dystopian-economies/equilibrium-and-the-turn-from-political-economy-to-economics/#respond (accessed 24.08.2025).

Литература

1. *Вартанова Е. Л.* Медиаэкономика зарубежных стран / Е. Л. Вартанова. — Москва : Аспект Пресс, 2003. — 334 с. — ISBN 5-7567-0298-9.

2. *Вартанова Е. Л.* Меняющаяся российская медиаиндустрия : теоретические подходы / Е. Л. Вартанова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. — 2018. — Т. 15. — Выпуск 2. — С. 186—196. — DOI: 10.21638/spbu09.2018.203

3. *Вартанова Е. Л.* Теория и экономика медиа как актуальные направления медиаисследований / Е. Л. Вартанова // Меди@льманах. — 2020. — № 2—3. — С. 8—16. — DOI: 10.30547/mediaalmanah.2.2020.816.

4. *Качкаева А. Г.* Жанры и форматы современного телевидения. Последствия трансформации / А. Г. Качкаева // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. — 2010. — № 6. — С. 42—51.

5. *Кирия И. В.* Региональные диспропорции в развитии медиасистем в России / И. В. Кирия, О. С. Довбыш // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. — 2014. — № 3. — С. 4—14.

6. *Колобова Е. Ю.* Особенности функционирования российского медиарынка в условиях глобализации информационного пространства / Е. Ю. Колобова // Петербургский экономический журнал. — 2018. — № 4. — С. 95—105. — DOI: 10.25631/PEJ.2018.4.8.

7. *Макеенко М. И.* Транснациональные медиакорпорации в начале XXI века : кризис управления масштабом? / М. И. Макеенко // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. — 2005. — № 4. — С. 39—48.

8. *Мухаметов О. Р.* Альтернативный подход к измерению концентрации медиарынка : анализ региональных рынков радиовещания в Москве и Санкт-Петербурге / О. Р. Мухаметов // Меди@льманах. — 2019. — № 1. — С. 96—120. — DOI: 10.30547/mediaalmanah.1.2019.96120.

9. *Натхо З. А.* Роль средств массовой информации в социально-экономическом развитии регионов / З. А. Натхо // Научный журнал КубГАУ. — 2016. — № 121. — С. 74—81. — DOI: 10.21515/1990-4665-121-117.

10. *Смирнов С. С.* Особенности развития крупнейших межрегиональных медиахолдингов России / С. С. Смирнов // Меди@льманах. — 2020. — № 5. — С. 93—99. — DOI: 10.30547/mediaalmanah.5.2020.9399.

11. *Пинчук Е. С.* Мировые тенденции и динамика развития медиа- отрасли / Е. С. Пинчук // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Экономика. — 2021. — № 2. — С. 324—337. — DOI: 10.22363/2313-2329-2021-29-2-324-337.

12. *Izquierdo-Castillo J.* Challenges and Opportunities for Regional Public Service Media : A Singular Case Study in Europe / J. Izquierdo-Castillo, J. C. Miguel-de-Bustos // International Journal of Communication. — 2021. — Vol. 15. — Pp. 625—646.

13. *Kaczmarek I.* Integrating media sentiment with traditional economic indicators : a study on PMI, CCI, and employment during COVID-19 period in Poland / I. Kaczmarek, A. Iwaniak, A. Chrobak // Journal of Computational Social Science. — 2025. — Vol. 8. — № 2. — Pp. 18—23. — DOI: 10.1007/s42001-025-00375-x.

14. *Mitka D.* Print and Online Regional Press : Navigatingthe Impact of Financial Crisis and DigitalTransition / D. Mitka, G. Gioltzidou // European Journal of Communication and Media Studies. — 2023. — Vol. 2. — № 5. — Pp. 13—20. — DOI: 10.24018lejmedia.2023.2.5.24.

15. *Nistor A.* The Consumption Analysis of Economic Media at the Regional Level in a Developing Country / A. Nistor, E. Zadobrischi // Sustainability — 2022 — Vol. 14. — № 2. — Pp. 241—256. — DOI: 10.3390/su142316140.

Статья поступила в редакцию 01.10.2025,
одобрена после рецензирования 12.02.2026,
подготовлена к публикации 27.02.2026.

Material resources

Briefly about the media: a brief description of the mass media of the Lipetsk region. *Official website of the Government of the Lipetsk region.* Available at: https://xn--80aacoonefzg3am8b1fsb.xn--p1ai/o-regione%2Fsmi%2Fkorotko-o-smi (accessed 24.08.2025). (In Russ.).

Gross regional product of the Lipetsk region 1998—2023. Official website of the Territorial *Body of the Federal State Statistics Service for the Lipetsk Region.* Available at: https://48.rosstat.gov.ru/accounts (accessed 24.08.2025). (In Russ.).

GRP OKVED 2 (since 2016). *Official website of the Federal State Statistics Service.* Available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VRP_OKVED2_s_2016.xlsx (accessed 24.08.2025). (In Russ.).

Industry: Key results and indicators for 2024. *Official website of the Government of the Lipetsk region.* Available at: https://xn--80aacoonefzg3am8b1fsb.xn--p1ai/ekonomika/otrasli/promyshlennost%D1%8C (accessed 24.08.2025). (In Russ.).

Klimanov, V. Regions with developed metallurgy began to lose tax revenues due to sanctions. *Regional comments.* Available at: https://regcomment.ru/analytics/regiony-s-razvitoj-metallurgiej-stali-teryat-nalogovye-dohody-iz-za-sanktsij/ (accessed 24.08.2025). (In Russ.).

Lipetsk region entered the top 3 regions of the Central Federal District in attracting investments. *Official website of the Government of the Lipetsk region.* Available at: https://xn--80aacoonefzg3am8b1fsb.xn--p1ai/news/15977 (accessed 24.08.2025). (In Russ.).

Lipetsk region: media rating for the first half of 2025. *Medialogy: Monitoring of social networks and mass media.* Available at: https://www.mlg.ru/ratings/media/regional/14068/ (accessed 26.08.2025). (In Russ.).

Pennings, A. J. *PhD WRITINGS ON AI POLICY, DIGITAL ECONOMICS, ENERGY STRATEGIES, AND GLOBAL E-COMMERCE.* Available at: https://apennings.com/dystopian-economies/equilibrium-and-the-turn-from-political-economy-to-economics/#respond (accessed 24.08.2025).

RBC of the Company. *The official website of RBC of the Company.* Available at: https://companies.rbc.ru/trademark/354268/gorod-gorod48/ (accessed 18.08.2025). (In Russ.).

The official website of the GTRK Lipetsk news portal. Available at: https://vesti-lipetsk.ru/ (accessed 27.08.2025). (In Russ.).

The official website of the information and reference portal Gorod48. Available at: https://gorod48.ru / (accessed 08/23/2025). (In Russ.).

The official website of the Internet portal Lipetskmedia.ru. Available at: https://lipetskmedia.ru / (accessed 08/22/2025). (In Russ.).

The official website of the investment portal of the Lipetsk region. Available at: https://investinlipetsk.ru / (accessed 29.08.2025). (In Russ.).

The official website of the Lipetsk Time TV channel. Available at: https://lipetsktime.ru/ (accessed 27.08.2025). (In Russ.).

References

Izquierdo-Castillo, J., Miguel-de-Bustos, J. C. (2021). Challenges and Opportunities for Regional Public Service Media: A Singular Case Study in Europe. *International Journal of Communication, 15:* 625—646.

Kachkaeva, A. G. (2010). Genres and formats of modern television. The consequences of transformation. *Bulletin of the Moscow University. Episode 10. Journalism, 6:* 42—51. (In Russ.).

Kaczmarek, I., Iwaniak, A., Chrobak, A. (2025). Integrating media sentiment with traditional economic indicators: a study on PMI, CCI, and employment during COVID-19 period in Poland. *Journal of Computational Social Science, 8 (2):* 18—23. DOI: 10.1007/s42001-025-00375-x.

Kiria, I. V., Dovbysh, O. S. (2014). Regional imbalances in the development of media systems in Russia. *Bulletin of the Moscow University. Episode 10. Journalism, 3:* 4—14. (In Russ.).

Kolobova, E. Y. (2018). Features of the functioning of the Russian media market in the context of the globalization of the information space. *St. Petersburg Economic Journal, 4:* 95—105. DOI: 10.25631/PEJ.2018.4.8. (In Russ.).

Makeenko, M. I. (2005). Transnational media corporations at the beginning of the 21st century: a crisis of scale management? *Bulletin of the Moscow University. Episode 10. Journalism, 4:* 39—48. (In Russ.).

Mitka, D., Gioltzidou, G. (2023). Print and Online Regional Press: Navigatingthe Impact of Financial Crisis and DigitalTransition. *European Journal of Communication and Media Studies, 2 (5):* 13—20. DOI: 10.24018lejmedia.2023.2.5.24.

Mukhametov, O. R. (2019). An alternative approach to measuring media market concentration: analysis of regional radio broadcasting markets in Moscow and St. Petersburg. *Media@lmanakh, 1:* 96—120. DOI: 10.30547/mediaalmanah.1.2019.96120. (In Russ.).

Natkho, Z. A. (2016). The role of mass media in the socio-economic development of regions. *Scientific Journal of KubGAU, 121:* 74—81. DOI: 10.21515/1990-4665-121-117. (In Russ.).

Nistor, A., Zadobrischi, E. (2022). The Consumption Analysis of Economic Media at the Regional Level in a Developing Country. *Sustainability, 14 (2):* 241—256. DOI: 10.3390/su142316140.

Pinchuk, E. S. (2021). Global trends and dynamics of media industry development. *Bulletin of the People's Friendship University of Russia. Series: Economics, 2:* 324—337. DOI: 10.22363/2313-2329-2021-29-2-324-337. (In Russ.).

Smirnov, S. S. (2020). Features of the development of the largest interregional media holdings in Russia. *Media Management, 5:* 93—99. DOI: 10.30547/mediaalmanah.5.2020.9399. (In Russ.).

Vartanova, E. L. (2003). *Media economics of foreign countries.* Moscow: Aspect Press. 334 p. ISBN 5-7567-0298-9. (In Russ.).

Vartanova, E. L. (2018). The changing Russian media industry: theoretical approaches. *Bulletin of St. Petersburg University. Language and literature, 15 (2):* 186—196. DOI: 10.21638/spbu09.2018.203. (In Russ.).

Vartanova, E. L. (2020). Theory and economics of media as relevant areas of media research. *Copper@llmanakh, 2—3:* 8—16. DOI: 10.30547/mediaalmanah.2.2020.816. (In Russ.).

The article was submitted 01.10.2025;
approved after reviewing 12.02.2026;
accepted for publication 27.02.2026.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]
Check for updates

Информация для цитирования:

Ильин А. А. Семантический анализ кинолексики немецкого языка (на примере лексико-тематической группы «Киножанры») / А. А. Ильин, Л. М. Шатилова, Л. Г. Попова // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 2. — С. 214—236. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-214-236.

Ilyin, A. A., Shatilova, L. M., Popova, L. G. (2026). A Semantic Analysis of Cinematic Terminology in German: A Focus on Lexico-Thematic Group "Film Genres". *Nauchnyi dialog, 15* (2): 214-236. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-214-236. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU · РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Семантический анализ кинолексики немецкого языка (на примере лексико-тематической группы «Киножанры»)

Ильин Александр Александрович
orcid.org/0000-0001-7084-8718
аспирант кафедры германистики
и лингводидактики
sashailiin98@yandex.ru

Шатилова Любовь Михайловна
orcid.org/0000-0001-6250-0957
доктор филологических наук,
профессор кафедры германистики
и лингводидактики,
корреспондирующий автор
xiongh@sjtu.edu.cn

Попова Лариса Георгиевна
orcid.org/0000-0001-5721-9378
доктор филологических наук,
профессор кафедры германистики
и лингводидактики
larageorg5@gmail.com

Московский городской
педагогический университет
(Москва, Россия)

A Semantic Analysis of Cinematic Terminology in German: A Focus on Lexico-Thematic Group "Film Genres"

Alexander A. Ilyin
orcid.org/0000-0001-7084-8718
Postgraduate student, Department
of German Studies and Linguodidactics
sashailiin98@yandex.ru

Lyubov M. Shatilova
orcid.org/0000-0001-6250-0957
Doctor of Philology, Professor,
Department of German Studies
and Linguodidactics,
corresponding author
xiongh@sjtu.edu.cn

Larisa G. Popova
orcid.org/0000-0001-5721-9378
Doctor of Philology, Professor,
Department of German Studies
and Linguodidactics
larageorg5@gmail.com

Moscow City University
(Moscow, Russia)

© Ильин А. А., Шатилова Л. М., Попова Л. Г., 2026

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучается лексико-тематическая группа «Киножанры», сформированная на основе анализа немецкого кинодискурса. Жанровые наименования исследуются с точки зрения внутренней структурированности данной группы лексики и смысловых связей между номинациями, что позволяет осмыслить значимый лексический сегмент киноязыка. Выявлено, что киножанры делятся на две основные группы: «der Film» и «der Trickfilm». Установлено, что в немецком языке отсутствует строгая жанровая классификация, то есть жанры динамичны и открыты для смешения. Отмечается, что такие комбинации формируют гибриды из клише и стереотипов, которые трансформируются и переплетаются в различных контекстах, что затрудняет их систематизацию. Выяснено, что режиссёры, сценаристы и продюсеры активно используют новые способы сочетания жанровых элементов, поэтому жанровая принадлежность кинопроизведений скорее условна. Результаты исследования номинаций жанров (*Sci-Fi-Horror-Klassiker, Martial-Arts-Kinos* и др.) позволили установить высокую степень гибкости и изменчивости жанровой системы в немецком кинематографе. Доказывается, что каждый киножанр подразделяется на поджанры, что отражает гибкость типологии. Сделан вывод о том, что такая иерархия поджанров подчёркивает сложность и многоуровневость современной кинематографической системы.

Ключевые слова:
немецкий язык; кинодискурс; кино; киножанры; киноискусство; лексико-семантическая группа.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study investigates the lexico-thematic group of “Film Genres” as constructed through an analysis of German film discourse. Genre designations are examined with regard to the internal structure of this lexical group and the semantic relationships between nominations, thereby illuminating a significant lexical segment of the cinematic language. The analysis reveals a primary division within German film genres into two main categories: “der Film” and “der Trickfilm.” It is demonstrated that German lacks a rigid genre classification system, indicating that genres are dynamic and open to blending. Such combinations generate hybrids comprised of clichés and stereotypes, which undergo transformation and interweaving across diverse contexts, complicating systematic categorization. The research further indicates that filmmakers, screenwriters, and producers actively employ novel combinations of genre elements, rendering genre affiliation largely conventional. Analysis of genre nominations (e.g., Sci-Fi-Horror-Klassiker, Martial-Arts-Kinos, etc.) establishes a high degree of flexibility and mutability within the German cinematic genre system. The study argues that each film genre is further subdivided into subgenres, reflecting the inherent flexibility of its typology. It is concluded that this hierarchical structure of subgenres underscores the complexity and multi-layered nature of the contemporary cinematic landscape.

Key words:
German language; film discourse; cinema; film genres; cinematic art; lexico-semantic group.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 811.112.2'37+7.038.53:791.43
DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-214-236

Научная специальность ВАК
5.9.6. Языки народов зарубежных стран
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика
5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Семантический анализ кинолексики немецкого языка (на примере лексико-тематической группы «Киножанры»)

© Ильин А. А., Шатилова Л. М., Попова Л. Г., 2026

1. Введение = Introduction

В разных языках мира сформировались собственные термины и устойчивые выражения, связанные с процессами кинопроизводства, жанровыми особенностями, техникой съёмки и другими аспектами киноискусства. Изучение такой лексики представляет собой важное направление исследований в сфере кино и культурологии, поскольку оно позволяет выявить специфику профессионального языка киноиндустрии. Особое значение кинематографическая лексика приобретает и в практике перевода или дубляжа фильмов: здесь требуется максимально точное соответствие оригинальных слов их переводным эквивалентам, что напрямую влияет на адекватность восприятия кинопроизведения зрителем.

Учёные, занимающиеся данной проблематикой, стремятся анализировать особый язык кино, прослеживать его развитие и фиксировать изменения, а также оценивать его воздействие на общественное сознание и культуру в целом. При этом степень изученности кинематографической лексики в лингвистике неодинакова: она во многом определяется тематической направленностью конкретного исследования и доступностью источников. В ряде случаев отдельные языки и их терминологические системы описаны гораздо более подробно и глубоко, чем другие, что создаёт определённый дисбаланс в общей картине исследований.

Ограниченность литературы и эмпирических данных может сдерживать полноценное исследование отдельных областей кинематографической лексики.

Обращаясь к работам отечественных лингвистов, можно отметить, что кинематографическая лексика и кинодискурс уже служили предметом научных исследований в области лингвистического знания, так, например, исследовалась русская кинематографическая лексика [Лебедева, 1984], где было определено, что в кинематографии, помимо мотивированных терминов, ко-

CC BY

торых большинство, существует некоторое количество немотивированных слов, то есть заимствованных из других языков. Термин кинематографии может быть производным, сложным или сложносокращенным, а новые термины могут быть созданы путем использования слов обыденного языка или терминов из других специальных областей, которые получают специфический смысл в кинематографии. При этом они могут использоваться с прилагательным-определителем *кинематографический* или без него.

В это же время была описана новая кинематографическая лексика в современном русском литературном языке: в работе [Алаторцева, 1984] тоже было уделено внимание лексико-синтаксическому анализу кинолексики. Так, одним из активных и продуктивных способов создания наименований в кинематографии является использование основосложения и словосложения. Подобные номинации составляют более 57 % всех сложных образований. Эта тенденция имеет преимущество среди прочих способов. Особенно продуктивны в новых кинословах префиксоиды различных типов, такие как *кино-, видео-, стерео-, мульт (и)-, фильмо-* и другие. Второе место в кинолексике занимают новые устойчивые словосочетания. Аффиксальное словообразование и универбация также актуальны для кинолексики, по таким моделям образуется около 15 % номинаций в кинематографическом словаре.

Отечественные лингвисты обратили внимание, помимо лексики, на кинодискурс и кинотекст. Так, А. Н. Зарецкая дает следующее определение: «Кинодискурс представляет собой связный текст (вербальный компонент фильма) в совокупности с аудиовизуальным рядом и другими значимыми экстралингвистическими факторами. Кинодискурс как креолизованный текст обладает свойствами целостности, связности, информативности, коммуникативно-прагматической направленности, медийности» [Зарецкая, 2010, с. 5]. К. Ю. Игнатов определил кинотекст как монтажную запись поступившего в прокат фильма, отображающую вербальную составляющую кино как вторичного текста [Игнатов, 2007, с. 4]. Ю. М. Лотман в своё время подчеркивал, что кинотекст может быть рассмотрен, с одной стороны, как дискретный — состоящий из отдельных знаков, с другой — как недискретный объект, в этм случае значение придается непосредственно тексту [Лотман, 1973, с. 61].

М. А. Самкова, проанализировав работы отечественных лингвистов по кинодискурсу и кинотексту, стремится разграничить данные понятия и приходит к выводу, что кинодискурс может быть определен через понятие кинотекста, а кинотекст может рассматриваться как фрагмент кинодискурса, в то время как кинодискурс может быть целым текстом или совокупностью текстов, связанных по какому-то признаку [Самкова, 2011, с. 137]. С ее точки зрения, в структуру кинотекста возможно включение только узких экстралингвистических факторов, в то время как в кинодискурс включаются

CC BY

и широкие экстралингвистические факторы. Изучение кинодискурса представляется более продуктивным для современной лингвистики, так как это лингвистическое образование с расширенной структурой, обладающее такими признаками, как связность, целостность, креолизованность, интертекстуальность, модальность и т. д. Оно предоставляет более широкие возможности для исследователей, чем изучение кинотекста.

Ю. А. Нелюбина отметила, что кинодискурс является многоаспектным объектом исследования и что для его системного описания требуется привлечение данных из различных научных областей. Она подчеркивает перспективность его изучения с точки зрения отражаемых в нем концептуальных систем, которые являются составляющими индивидуальных и корпоративно-групповых картин мира [Нелюбина, 2013, с. 73].

В свою очередь Т. В. Духовная, основываясь на работах отечественных лингвистов, выделяет следующие структурные компоненты кинодискурса: кинотекст, дискурс кинофильма, кинодиалог, киноречь и субтитры [Духовная, 2015, с. 66].

Помимо анализа специфики отечественной кинематографической терминологии и эволюции российского кинодискурса, отечественные филологи активно исследуют особенности кинолексикона иных лингвистических пространств, уделяя особое внимание англоязычной кинопрактике. Так, С. А. Панкратова в ходе анализа англоязычной лингвокультуры приходит к выводу, что большое количество примеров детерминологизации кинематографической терминологии является подтверждением высокого интереса к сфере кино и непрерывному процессу инноваций, происходящих в терминологии кинематографии [Панкратова, 2020, с. 865—866]. Т. А. Романова, исследуя процесс формирования англоязычного словаря кинематографической анимации, заключает, что специальная лексика, используемая в анимации, связана с графическими образами. Она формируется благодаря лингвокреативности и богатому словообразовательному потенциалу английского языка, который проявляется не только в официальной сфере производства, но и в неформальных коммуникативных ситуациях между участниками творческого процесса [Романова, 2020, с. 194—195]. И. Б. Гусарова изучает механизмы вторичной номинации, реализованные в английских кинофильмах XX столетия, выявляя особенности метафорических и метонимических преобразований лексических единиц, приводящих к возникновению явлений полисемии и омонимии, обусловленных структурно-композиционными особенностями кинотекстов [Гусарова, 2003, с. 18]. Н. А. Шамова выделила отличительные признаки английской лексики кинематографа и провела работу по её классификации, основанную на анализе профессиональной прессы и корпусе тематических тек-

CC BY

стов, предложив оригинальную концепцию построения электронного словаря «Cinematography». [Шамова, 2022, с. 19].

Научный интерес к немецкому кинодискурсу в современной германистике заметно уступает вниманию, проявляемому к аналогичным явлениям в английском языке, но среди работ отечественных лингвистов, анализирующих кинематографическую лексику немецкого языка в различных аспектах, можно назвать такие, которые посвящены изобразительному потенциалу киноязыка [Глухова, 2013], анализу структуры документального кинодискурса [Литвинова, 2020], созданию типологии реакции адресата на намек в современном немецком кинодискурсе [Штукатурова, 2022], описанию ценностей немецкоязычной лингвокультуры, находящих своё выражение в заголовках немецких кинолент [Ломова, 2022], интертекстуальности в современном немецкоязычном сериале [Годяева, 2023].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Следует отметить, что анализ сложных, многомерных, разноплановых лексических единиц языка постоянно находится в поле зрения лингвистики. Кинематографическая лексика и киноязык уже служили предметом научных исследований. Так, например, исследовалось влияние эстетики видео и специфики телеискусства на эволюцию киноязыка [Потемкин, 2007], изучалась трансформация киноязыка под влиянием цифровых технологий [Темлякова, 2018], изучалась прагматика кинематографического текста на примере диалогов персонажей в лингвопереводческом аспекте [Уланович, 2015], поднимались вопросы перевода и адаптации текста в рамках концепции киноязыка как диалога культур [Тырышкин, 2021], выявлены ведущие процессы формирования специальной лексики анимации, и определены структурные, когнитивные особенности данных лексических единиц [Романова, 2021]. Однако кинематографическая лексика и киноязык исследовались преимущественно в диахроническом аспекте, структурно-семантический потенциал данных лексических единиц (в частности, немецкого языка) не получил на настоящий момент исчерпывающего описания.

Актуальность исследования обусловлена значимостью кино как массового культурного феномена и динамичным развитием кинематографической лексики в немецком языке. Кинолексика немецкого языка отражает не только художественные, но и социальные, культурные особенности, что требует системного изучения и анализа ее семантических характеристик.

Объектом настоящего исследования является специальная лексика немецкого кинодискурса. В качестве предмета исследования рассматриваются семантические особенности кинематографической лексики в немецком кинодискурсе на примере лексико-тематической группы «Киножанры».

Научная новизна настоящего исследования заключается в комплексном анализе лексико-тематической группы «Киножанры» в немецком кинодискурсе, что позволяет выявить специфические особенности формирования и функционирования данной категории терминов в профессиональной коммуникации. Впервые проводится углубленный анализ лексико-тематической группы «Киножанры», охватывающей жанровые наименования во всем их разнообразии, с акцентом на выявление их внутренней структурированности и смысловых связей в рамках киноязыка.

Материалом исследования послужили специализированные и новостные статьи, интервью режиссеров, специализированные словари и печатные периодические издания на тему киноискусства. В качестве источников были использованы статьи кинокритиков с информационных порталов, посвященных кино [Film-rezensionen.de; Filmstarts]. Общее количество проанализированных лексических единиц составляет около 5000 единиц, статей — 250.

В работе используются метод анализа словарных дефиниций, сплошной выборки, классификационный метод, метод семантического анализа и описательный метод. На первом этапе создавалась эмпирическая база исследования — отбирались примеры выбранных языковых единиц с помощью цифровой методики на основе современных сетевых ресурсов из специализированных онлайн-словарей, печатных периодических изданий на тему киноискусства корпуса газет DWDS и баз данных (Bid Data) Google и Яндекс.

При подборе необходимой базы слов был применен метод сплошной выборки, лексика была собрана из статей периодических изданий, интервью режиссеров и далее сверялась со специализированными словарями, чтобы подтвердить их фактическую принадлежность к кинолексике. Полученная эмпирическая база данных послужила основой для выявления лексико-тематических группы кинолексики и их семантического анализа.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Обзор лексико-тематических групп кинематографической лексики

Согласно словарю лингвистических терминов Т. В. Жеребило, тематическая группа слов представляет собой набор слов различных частей речи, связанных общей темой на основе внелингвистических параметров. Иными словами, тематическую группу слов можно рассматривать с двух точек зрения: во-первых, как совокупность однородных по части речи лексических единиц, объединённых общей тематикой; во-вторых, как комплекс слов различных частей речи, необходимых для полного и разностороннего описания конкретной темы [Жеребило, 2010, с. 400]. Примером могут

CC BY

служить тематические группы, охватывающие такие сферы, как фрукты, овощи, домашние животные и прочие.

Лексико-тематическая группа (ЛТГ) представляет собой организованное множество слов, связанных единой тематикой, и выступает ключевым инструментом в анализе лексического состава языка. Она позволяет не только выявлять семантические связи между лексемами, но и определять как общие, так и отличительные признаки, а также структурировать лексико-семантические поля. Важной составляющей при изучении ЛТГ является анализ контекстуальных условий употребления слов, поскольку именно контекст оказывает существенное влияние на их смысловое наполнение и восприятие.

Структура ЛТГ характеризуется высокой степенью сложности и неоднородности, так как в её состав могут входить лексические единицы различных частей речи, при этом сама группа может подразделяться на более мелкие подгруппы, что позволяет уточнять семантический анализ.

В противоположность ЛТГ лексико-семантическая группа (ЛСГ) отражает более узкую семантическую область, объединяя слова, имеющие общий или частично совпадающий набор смысловых элементов. Состав ЛСГ отличается вариативностью, обусловленной многообразием контекстов употребления. В структуре ЛСГ выделяется ядро — слово с наиболее общим значением и минимальной семантической нагрузкой, а также периферия, включающая термины с расширенным значением. Особое разноообразие ЛСГ проявляется также в стилистическом отношении, однако в рамках данного исследования акцент будет сделан именно на ЛТГ.

Как уже упоминалось, кинематографическая лексика охватывает широкий спектр терминов, отражающих различные аспекты искусства кино — начиная от жанровых категорий и технических приёмов съёмки и заканчивая ролями персонажей, сюжетными элементами, кинематографическими эффектами и многим другим.

Таким образом, лексика кинематографии представляет собой разнообразный и богатый набор терминов и выражений, которые описывают все стороны кинематографической индустрии и её культурных проявлений.

Такой систематизированный подход к изучению лексико-тематических групп способствует более глубокому и чёткому пониманию структуры и функционирования профессионального киноязыка.

Рассмотрение кинолексики требует учета терминологии разнообразных сфер: техники, науки, производства, культуры и других областей. Кинематография отражает взаимодействие и слияние различных научно-технических достижений и видов искусства. Кинематограф представляет собой синтез различных технических средств, включая механику, цифровые технологии, оптику, фотографию, электротехнику, химию, радиоэлектронику, звуковое

CC BY

и световое оборудование, а также другие смежные области. В то же время кино — это синтетическое искусство, которое постоянно впитывает и интегрирует в себя различные жанры, формы, методы, стили и приемы из всех других видов искусства, поэтому и кинематографическую лексику невозможно рассматривать в отрыве от лексики смежных областей.

Она включает как широко употребляемую, так и специализированную лексику. Состав данной лексики не однотипен, но можно выделить три основных слоя: общеупотребительная лексика, общенаучная лексика, узкоспециальная лексика.

Общеупотребительная лексика в кинематографии включает в себя обиходные слова и выражения, которые используются в повседневной жизни и в других областях культуры, например: *das Video / видео*; *die Musik / музыка*; *die Kamera / камера*; *der Titel / название*; *das Projekt / проект* и др.

Общенаучная лексика связана с техническими и научными аспектами кинематографии. Сюда относятся термины, описывающие камеры, свет, звук, монтаж и другие технические аспекты производства фильмов. Этот слой лексики включает в себя такие слова, как *der Frame / кадр*; *die Montage / монтаж*; *das Requisit / реквизит*; *das Merchandising / мерчандайзинг*; *die Distribution / дистрибуция* и др.

Узкоспециальная лексика киноиндустрии включает в себя специализированные термины, которые применяются в производстве, распространении и показе фильмов. Сюда относятся термины, описывающие различные должности на съемочной площадке, типы фильмов, форматы экранов, кинопремии и другие аспекты киноиндустрии. Примеры таких терминов: *der Pitch / питчинг; die Oscarnominierung / номинация на премию Оскар; das Prequel / приквел; die Berlinale / Берлинале (Берлинский международный кинофестиваль); der Filmstreifen / киноплёнка* и др.

Изучив и проанализировав ряд специализированных словарей и печатные периодические издания на тему киноискусства, мы выявили 10 ЛТГ кинолексики:

— киножанры;
— киностудии;
— киномузыка;
— кинооборудование;
— кинопроизводство;
— кинопрокат;
— кинопрофессии;
— киносценарий;
— кинофестивали и кинопремии;
— киношколы.

CC BY

Стоит отметить, что данные группы могут быть, как расширены, так и сокращены в зависимости от трактовки самой лексики и выбора определенной классификации.

3.2. Семантические особенности лексико-тематической группы «Киножанры» в немецком кинодискурсе

Жанр, по мнению К. В. Киуру, представляет род произведений в пределах какого-нибудь искусства, отличающийся особыми, только ему свойственными сюжетными признаками [Киуру, 2023, с. 36]. Тем временем Т. В. Жеребило отмечает, что жанр — это исторически сложившийся тип художественного произведения в единстве специфических свойств его формы и содержания [Жеребило, 2010, с. 104]. Е. А. Никонова утверждает, что на данный момент невозможно выявить универсальную дефиницию данного понятия, поскольку жанр понимается как разноплановая категория, что значительно осложняет решение вопросов фундаментального жанроведения [Никонова, 2020, с. 129].

Немецкий лингвист Ганс Ю. Вульф отмечает, что, несмотря на впечатление высокой степени схематизма киножанров, которое складывается под влиянием классических голливудских жанровых фильмов, а также сериалов, жанры тем не менее демонстрируют высокую степень гибкости, подвержены постоянным изменениям, а найденные закономерности продолжают варьироваться. Даже за относительно ограниченный период часто не удается выявить связующий жанровый паттерн [Genre...].

Жанры имеют свойство смешиваться, жанровое кино в этом плане — это игра с клише, шаблонами и стереотипами, которые видоизменяются, сливаются с другими, используются не в том месте или не в том жанре и т. д.

Таким образом, жанр — понятие открытое, особенно когда речь идет о кино. Жанры сегодня трактуются в основном как диффузные (нечеткие) категории или даже как конвенциональные и регулирующие элементы отношений между кино и зрителем. Как типы, они являются прагматическим фактом, подспорьем в доступе к кино и разговоре о нем.

Киножанровая несистематичность и неопределенность прослеживается и на немецкоязычных интернет-порталах. Так, электронный киножурнал Filmstarts выделяет 35 жанров [Filmstarts ...], а новостной интернет-портал Film-rezensionen.de — Popcornkino und Independent распределяет кино по 40 жанрам [Film-rezensionen.de ...]. Несмотря на несовпадение количественного состава списков, эти платформы солидарны в выделении таких жанров, как *das Abenteuer / приключенческий фильм; die Action / боевик; die Animation / анимационный фильм; die Fantasy / фэнтези; die Historie / исторический фильм; der Horror / ужасы; die Komödie / комедия; der Krieg / военный фильм; das Musical / мюзикл; der Thriller / триллер*, одна-

CC BY

ко есть и существенные расхождения. Интернет-портал Film-rezensionen.de — Popcornkino und Independent выделяет следующие фильмы в отдельные жанровые категории: *der Anime / аниме; die Comic-Adaption / экранизация комикса; der Kurzfilm / короткометражный фильм; die Satire / сатира; das Noir / нуар; das Splattermovie / сплэттер; das Roadmovie / роуд-муви* и т. д., в то время как электронный киножурнал Filmstarts в свою очередь распределяет фильмы на такие жанры, как *der Arzt / медицинская драма; das Bollywood / болливуд; das Gericht / юридическая драма; der Klassiker / классическое кино; Korean Drama / корейская драма (дорама); die Spionage / шпионский фильм; die Tragikomödie / трагикомедия*. Также данный журнал выделяет фильмы, которые не попали по тем или иным причинам под стереотипные представления жанров, объединяя их в группу «Неопределённый жанр», или «Undefiniert». Помимо этого, интернет-портал Film-rezensionen.de — Popcornkino und Independent объединяет жанры *Animation / анимация* и *Trickfilm / мультфильм*, представляя их равнозначными друг другу, а редакторы журнала Filmstarts их разграничивают. Также стоит отметить, что наименование жанров *die Biographie / биографический фильм* от Film-rezensionen.de и *das Biopic / баопик* от Filmstarts выступают абсолютными синонимами и могут использоваться как эквиваленты.

Современная киноиндустрия славится смешением жанров, в данный момент сложно представить кинокартину, которая отвечала бы стереотипам и клише только одного определенного жанра, как правило, фильм одновременно может представлять собой фэнтези, комедию, боевик, аниме или ужасы, комедию и сплэттер и т. д.

Все кинокартины можно разделить на 2 больших типа: der Film / фильм (в том числе фильмы с элементами анимации) и der Trickfilm / мультфильм. К каждому из этих типов могут быть отнесены практически все жанры. Данную классификацию можно представить в виде таблицы (табл. 1), составленной на основе сведений, опубликованных в электронном киножурнале Filmstarts.

Таблица 1

Классификация киножанров

Film	Abenteuer, Action, Arzt, Biopic, Bollywood, Drama, Experimental, Familie, Fantasy, Gericht, Historie, Horror, Klassiker, Komödie, Korean Drama, Krieg, Krimi, Monumentalfilm, Musical, Oper, Romanze, Sci-Fi, Spionage, Thriller, Undefiniert, Western.
Trickfilm	Abenteuer, Action, Anime, Biopic, Drama, Experimental, Familie, Fantasy, Historie, Horror, Komödie, Krieg, Krimi, Musical, Romanze, Sci-Fi, Spionage, Sport-Event, Thriller, Undefiniert, Western.

CC BY

Для отдельных жанров можно выделить поджанры. Например, *die Komödie / комедия* может включать в себя такие подвиды, как *die Schwarze Komödie / черная комедия; die Actionkomödie / боевик-комедия; die Horrorkomödie / комедия-ужасы; die Kriminalkomödie / криминальная комедия; die Liebeskomödie / любовная комедия; die Slapstick-Komödie / комедия фарса; die Verwechslungskomödie / комедия-путаница; die Tragikomödie / трагикомедия; die Fantasykomödie / комедия-фэнтези; die Science-Fiction-Komödie / научно-фантастическая комедия*. К поджанрам *der Horror / ужасы* можно отнести следующие виды: *der Body-Horror / боди-хоррор;* das Gothic / готические ужасы; *die Horrorkomödie / комедия-ужасы; der Tierhorror / анималистические (зоологические) ужасы; der Slasherfilm / слэшер; der Splatterfilm / сплэттер.* Жанры мультфильмов могут быть тоже разделены на субжанры, например, в жанр *der Anime / аниме* входят *das Manga / манга; das Isekai / исэкай; Sentai / сэнтай; der Mech / мех* и др.

Возникновение новых жанров обусловливается следующими причинами:

— потребностью в исследовании оригинальных направлений в индустрии кино с целью привлечения новой аудитории или поддержания интереса старых зрителей;

— адаптацией киножанров кинематографии других стран;

— внедрением системы проката фильмов, которая обращает внимание на индивидуальные предпочтения каждого зрителя;

— структурой киноиндустрии, где производство фильмов организовано как бизнес с целью увеличения прибыли [Ильин, 2024, с. 339].

Киножанры открывают широкие возможности для творческих экспериментов и поиска новых художественных форм. Режиссёры, сценаристы и продюсеры постоянно исследуют способы комбинирования различных жанровых элементов, создавая оригинальные и захватывающие произведения. В условиях современного кинематографа становится все труднее установить четкие границы между жанрами, поскольку творческий подход позволяет гармонично объединять элементы комедии, драмы, триллера, фэнтези и других направлений. Безграничность жанровой классификации кино подтверждают следующие вырезки из статей электронного кинематографического журнала Filmstarts:

(1) *Wer hätte gedacht, dass der Erfolg von „Barbie“ an den Kinokassen dazu führen würde, dass wir demnächst einen neuen* ***Autorenn-Actioner*** *à la „Fast & Furious“ in den Kinos erleben dürfen? / Кто бы мог подумать, что успех „Барби“ в прокате приведет к тому, что мы скоро увидим в кинотеатрах новый гоночный боевик в стиле „Форсаж“?* [“The Walking Dead”…].

CC BY

Лексема *Autorenn-Actioner* (от *Autorennen-Actioner*) в приведенном примере обозначает жанр кинофильмов, который объединяет элементы описаний автогонок и экшена. Данные произведения кинематографа, как правило, предлагают зрителю интенсивный эмоциональный опыт, который может быть дополнен элементами драматического конфликта и приключенческого сюжета. Лексема несет в себе представление о жанре, сочетающем тематику автомобильных гонок и экшен, что может привлечь аудиторию, ищущую зрелищность и динамику.

(2) *Das ist bedauerlich, denn die* ***Coming-Of-Age-Erzählung*** *verbindet so wunderbar* ***Horror-Story*** *und* ***Jugenddrama****, dass sie in beiden Redaktionen sehr viele Leute richtig umhaute / Это прискорбно, потому что история взросления так чудесно сочетает в себе историю ужасов и молодежную драму, что поразило многих людей в обеих редакциях* [Die besten Filme 2024 ...].

В данном примере даны отсылки к трем жанрам, которые объединены единым повествованием. Несмотря на различия, они взаимодополняют друг друга. Можно даже заключить, что основным жанром является *Coming-Of-Age-Erzählung*, а *Horror-Story* и *Jugenddrama* выступают в роли его поджанров. Жанр *Coming-of-Age-Erzählung* рассказывает о процессе взросления и поиске собственного «я», тогда как *Horror-Story* сосредотачивается на возбуждении чувства страха, создании напряжения и тревожной атмосферы для зрителей. Жанр *Jugenddrama* отражает комплекс проблем и переживаний молодого поколения, включая конфликты с родителями, поиск собственной идентичности, первые романтические чувства, социальные противоречия и другие важные этапы взросления. Интеграция элементов этого жанра с мотивами ужаса создаёт сложные и многослойные повествования, где внутренние страхи и эмоциональные переживания подростков органично переплетаются с событийными элементами напряжения и тревоги. Такая синергия формирует глубокие метафорические образы и открывает пространство для самоанализа. Подобный художественный приём не только усиливает драматическую силу истории, но и способствует более глубокому погружению зрителей в психологию взросления, помогая им лучше понять внутренние конфликты и эмоциональные вызовы, с которыми сталкивается молодёжь.

(3) *Das bei den Filmfestspielen in Cannes ausgezeichnete* ***Romantikdrama*** *über die Geschichte eines Callgirls (herausragend: Mikey Madison) und einem Oligarchen-Sohn ist eine unglaublich dynamische Angelegenheit, die einen mitreißenden Sog entfaltet / Романтическая драма о девушке по вызову (выдающийся: Майки Мэдисон) и сыне олигарха, получившая приз Каннского кинофестиваля, — невероятно динамичный роман, вызывающий волнующий отклик* [Там же].

CC BY

Лексема *Romantikdrama* актуализирует отнесенность к жанру драмы и сочетание элементов романтики и драмы с ориентацией на глубокие эмоциональные переживания и сложные межличностные конфликты. Такой жанр способен привлечь внимание зрителей благодаря своей многослойности и возможности отразить важные социальные и личные проблемы через призму романтических историй.

(4) *Das mit surrealistischen Horrorelementen angereicherte* ***Nunsploitation-Drama*** *scheint wie gemacht dafür, die Vertreter der katholischen Kirche auf die Palme zu bringen — und hatte damit auch Erfolg / Нансплотейшн-драма, обогащенная элементами сюрреалистического ужаса, кажется, была создана для того, чтобы привлечь внимание представителей католической церкви — и, таким образом, имела успех* [Diesen kontroversen Kultfilm ...].

Лексема *Nunsploitation-Drama*, определяющая принадлежность киноленты к киножанру драма, объективирует контроверсивную природу жанра, нацеленность на провокацию реакций, особенно со стороны консервативных религиозных организаций, таких как католическая церковь. Фильм, по всей видимости, создан с целью вызвать неоднозначные реакции и обсуждения. Упоминание о том, что драма обогащена *surrealistischen Horrorelementen* (сюрреалистическими элементами ужаса), предполагает, что фильм использует нестандартные, даже абсурдные визуальные и сюжетные приемы, чтобы вызвать у зрителя чувство тревоги или страха. Сюрреализм может добавлять атмосферу неясности и абстракции, в то время как элементы ужаса придают напряженность, что может шокировать аудиторию.

(5) *Das klingt nach einem spannenden Projekt beim Streaming-Riesen: „Apex" ist eine Mischung aus* ***Thriller*** *und* ***Survival-Drama*** */ Это звучит как захватывающий проект для потокового гиганта: «Апекс» — это смесь триллера и драмы на выживание* ["Das Schweigen der Lämmer" …].

Жанр *Thriller* сосредотачивается на создании динамического и напряжённого сюжета, погружающего зрителя в атмосферу постоянного ожидания и эмоционального накала. В свою очередь, *Survival-Drama* акцентирует внимание на переживаниях героев, оказавшихся в экстремальных условиях, где каждый их шаг — борьба за жизнь и сохранение внутренней силы. Слияние этих жанров формирует уникальное киновпечатление, где накаленная атмосфера и напряжение тесно переплетаются с глубокой эмоциональностью, создавая насыщенное повествование. Такой союз жанров обеспечивает зрителю не только захватывающее приключение, но и глубокую эмоциональную связь с персонажами, погружая в их внутренний мир и сложные жизненные испытания. В свою очередь, *Survival-Drama* фокусируется на переживаниях персонажей, оказавшихся в критических

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

жизненных ситуациях, где борьба за выживание становится центральной темой. Объединение элементов обоих жанров позволяет создавать многослойные, драматичные истории, в которых динамическое напряжение сочетается с глубокой эмоциональной проработкой героев. Такой подход формирует увлекательный и содержательный нарратив, способный полностью вовлечь аудиторию в происходящее на экране.

(6) *Der 1978 in den Kinos gestartete „Grease“ zählt für uns von FILMSTARTS zu den besten* ***Musicals*** *aller Zeiten und für den Autor dieser Zeilen auch zu den schönsten* ***RomComs*** *sowie zu den Top-Werken in John Travoltas Filmografie / «Бриолин», стартовавший в кинотеатрах в 1978 году, считается одним из лучших мюзиклов всех времен для нас, а также одним из самых красивых ромкомов и лучших произведений в фильмографии Джона Траволты для автора этих строк* [TV-Tipp ...].

Musicals — кинопроизведения, в которых основное внимание уделяется музыкальным элементам. *RomCom* представляет собой поджанр комедии, который сосредоточен на любовных отношениях между персонажами. По контексту можно определить, что ведущим жанром является *Musical*, так как он определяет структуру и формат произведения — привлекаются музыка, пение и танцы, а *RomCom* выступает в качестве поджанра, который привносит стилистическую и содержательную трансформацию, сосредотачиваясь на романтической линии и комедийных элементах. Романтическая комедия в формате мюзикла предоставляет возможность создать яркое и музыкально насыщенное произведение, которое привлекает зрителей как задорными мелодиями, так и трогательными сценами, отражающими любовные отношения и эмоциональные переживания персонажей.

(7) *Spätestens seit seinem Durchbruch mit „Ong-Bak“ und „Revenge Of The Warrior“ gilt Tony Jaa als einer der größten Stars des modernen* ***Martial-Arts-Kinos*** *— und als der Mann, der Muay Thai in der Filmwelt salonfähig machte / Тони Джаа считается одной из величайших звезд современного кино о боевых искусствах, по крайней мере, с момента своего прорыва в фильмах «Онг-Бак» и «Честь дракона», а также человеком, который сделал тайский бокс популярным в мире кино* [Diese knüppelharten Fights ...].

Лексема *Martial-Arts-Kino* объединяет понятия боевых искусств и кино, обозначая фильмы, в которых центральное место занимают сцены с различными видами единоборств, часто акцентирующиеся на физических навыках, технике боя и философии боевых искусств. *Martial-Arts-Kino* имеет яркую семантику, связующую физическую активность и культурные контексты боевых искусств и относится к жанру экшн, однако, как поджанр, выделяется своей уникальной тематикой и стилем, сосредоточенным на различных формах единоборств.

CC BY

(8) *Unter der Regie des niederländischen Filmemachers Anton Corbijn, der nun an seinem ersten Spielfilm seit neun Jahren arbeitet, soll Mirren nun im* ***Alpenthriller*** *„Switzerland" die amerikanische Krimi-Ikone Patricia Highsmith spielen / Под руководством нидерландского режиссера Антона Корбейна, который сейчас работает над своим первым за девять лет полнометражным фильмом, Миррен теперь сыграет американскую икону криминального жанра Патрицию Хайсмит в альпийском триллере «Швейцария»* [Ein Muss ...].

Лексема *Alpenthriller* обозначает поджанр триллера, действие которого разворачивается на фоне величественных Альпийских гор. Этот поджанр отличается уникальной атмосферой, формируемой благодаря живописным горным ландшафтам, непредсказуемости погодных условий и изоляции удалённых локаций. Такая обстановка усиливает чувство одиночества и тревожного напряжения, что служит характерным стилистическим признаком жанра. Альпийский триллер представляет собой поджанр детективного триллера, характеризующийся сочетанием криминального сюжета, элементов расследования и атмосферы таинственности. Как правило, повествование строится вокруг мрачных загадок, разгадываемых на фоне живописных, но потенциально опасных альпийских пейзажей. Важной особенностью жанра является интеграция в сюжет культурного и исторического контекста региона, что обогащает повествование и придает ему уникальную идентичность. Данное сочетание элементов позволяет альпийскому триллеру сохранять верность классическим канонам жанра, одновременно предлагая зрителю углубленное погружение в специфическую атмосферу и историю альпийского региона. В результате формируется своеобразный кинематографический стиль, привлекающий зрителей яркой эмоциональной насыщенностью и неповторимым географическим колоритом.

(9) *Die Serie ist 30 Jahre vor den Ereignissen von Ridley Scotts „Alien — Das unheimliche Wesen aus einer fremden Welt" angesiedelt und versteht sich damit als Prequel zum* ***Sci-Fi-Horror-Klassiker*** */ Действие сериала происходит за 30 лет до событий фильма Ридли Скотта «Чужой», который считается приквелом к классическому научно-фантастическому фильму ужасов* [Nach "Alien: Romulus" kommt …].

Лексема *Sci-Fi-Horror-Klassiker* обозначает классический жанр сай фай хоррора. К ключевым тематическим элементам относятся: футуристические технологии, контакты с внеземными цивилизациями, освоение космического пространства и конструирование альтернативных реальностей. Данные элементы служат основой для рассмотрения философских, социальных и этических вопросов, связанных с потенциальным будущим

CC BY

человечества и его местом во Вселенной. Этот жанр служит основой для сюжетов, исследующих концепции, выходящие за пределы современной науки. *Horror* обозначает направление, сосредоточенное на создании атмосферы страха, напряжения. Жанр Sci-Fi-Horror сочетает в себе элементы научной фантастики и ужасов, создавая уникальные и запоминающиеся повествования, наполненные технологическими фантазиями и пугающей атмосферой. Лексема *Klassiker* в структуре термина (или терминоида) *Sci-Fi-Horror-Klassiker* обозначает произведение, которое стало знаковым для жанра, получило признание как критиков, так и зрителей и сохраняет своё влияние и актуальность на протяжении длительного времени, становясь эталоном и образцом для последующих произведений. Такой статус свидетельствует о значительном вкладе фильма или книги в формирование жанровых стандартов и культурного наследия *Sci-Fi-Horror*.

(10) *Nach zuletzt „The Last Duel“ und „Air“ finden die ziemlich besten Freunde Hollywoods nun in neuem* ***Netflix-Crime-Thriller*** *„RIP“ zusammen / После недавних «Последняя дуэль» и «Air: Большой прыжок» лучшие друзья Голливуда собираются вместе в новом криминальном Netflix-триллере «Покойся с миром»* [Eine Mischung …].

Лексема *Netflix-Crime-Thriller* подчеркивает интеграцию ключевых характеристик платформы Netflix и жанровых характеристик криминального триллера, создавая ожидания относительно содержания, стилистики и тематики произведения. Упоминание *Netflix* в данном контексте сигнализирует о формате распространения. Платформа Netflix как стриминговый сервис играет ключевую роль в современном кинематографе, трансформируя традиционные способы потребления и распространения фильмов и сериалов. Она ассоциируется с определёнными ожиданиями по качеству контента, инновационным подходом и доступностью. Поджанр *Crime-Thriller* сосредоточен на событиях, связанных с преступлениями, и нередко предполагает элементы расследования, конфликты между персонажами, а также динамику их взаимодействия в условиях опасности и напряжённой ситуации. Формат *Netflix-Crime-Thriller* ориентирован на аудиторию платформы, которая ценит захватывающие сюжетные повороты и напряжённые истории, основанные как на реальных, так и на вымышленных преступлениях.

Каждый из этих примеров демонстрирует, что киножанры в силу их экспериментально усложненной структуры сложно типологизировать, сгруппировать в одну классификацию. Анализ названий жанров подтверждает, что режиссеры, сценаристы и продюсеры неустанно ищут новые способы сочетания различных жанровых компонентов, поэтому жанровая принадлежность — это скорее условность, чем строгая рамка.

CC BY

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, наименования жанров со всей очевидностью показывают, что наблюдается тенденция к смешению киножанров, приводящая к формированию гибридных форм. Данный процесс характеризуется взаимодействием и трансформацией жанровых клише, шаблонов и стереотипов, которые подвергаются переосмыслению и интеграции в новые контексты. В результате имеет место их взаимное влияние, приводящее к возникновению оригинальных и непредсказуемых кинематографических решений. В немецком языке не существует четкого разграничения жанров или определенной схематизации развертывания сюжета и составных элементов, так как жанры демонстрируют высокую степень гибкости, подвержены постоянным изменениям, а выявленные закономерности продолжают варьироваться. В этом смысле киножанр остается открытым к трансформациям, опираясь на размытые или даже условные категории, организующие взаимодействие между фильмом и зрителем.

Было установлено, что лексико-тематическая группа «Киножанры» включает две подгруппы: der Film (фильм, включая фильмы с элементами анимации) и Trickfilm (мультфильм). Практически все жанры могут быть отнесены к одному из этих типов. Каждый киножанр подразделяется на поджанры, что отражает гибкость типологии. Такая иерархия поджанров подчёркивает сложность и многоуровневость современной кинематографической системы.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Жеребило Т. В.* Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. — Назрань : ООО «Пилигрим», 2010. — 486 с.

2. *„Das Schweigen* der Lämmer“ mit „Carry On“-Star Taron Egerton und Charlize Theron bekommt Zuwachs: Marvel-Größe stößt zum Netflix-Thriller [Electronic resource] // Filmstarts. — Access mode : https://www.filmstarts.de/nachrichten/1000126920.html (accessed 12.01.2025).

3. *Die besten Filme* 2024: Zwei 5-Sterne-Meisterwerke an der Spitze — und ein Fantasy-Juwel, das viel zu wenige kennen, in der Top-10 [Electronic resource] // Filmstarts. — Access mode : https://www.filmstarts.de/nachrichten/1000119529.html (accessed 12.01.2025).

4. *Diesen kontroversen Kultfilm* gab es über 40 (!) Jahre lang nur gekürzt zu sehen: Er wurde von der Kritik verrissen, aber heute gilt er als Klassiker [Electronic resource] // Filmstarts. — Access mode : https://www.filmstarts.de/nachrichten/1000126742.html (accessed 12.01.2025).

5. *Diese knüppelharten Fights* tun schon beim Zuschauen weh: Martial-Arts-Highlight mit Tony Jaa kommt endlich nach Deutschland [Electronic resource] // Filmstarts. — Access mode : https://www.filmstarts.de/nachrichten/1000126796.html (accessed 12.01.2025).

6. *Eine Mischung* aus "Heat", "Narc" und "Training Day": Erste Vorschau zum neuen Netflix-Thriller mit Matt Damon und Ben Affleck [Electronic resource] // Filmstarts. — Access mode : https://www.filmstarts.de/nachrichten/1000126782.html (accessed 12.01.2025).

7. *Ein Muss* für Thriller-Fans: "Star Wars"- und "House Of The Dragon"-Stars an der Seite von Helen Mirren als Krimi-Ikone [Electronic resource] // Filmstarts. — Access mode : https://www.filmstarts.de/nachrichten/1000126537.html (accessed 12.01.2025).

8. *Filmstarts* [Electronic resource]. — Access mode : https://www.filmstarts.de/ (accessed 12.01.2025).

9. *Film-rezensionen.de* — Popcornkino und Independent [Electronic resource]. — Access mode : https://www.film-rezensionen.de/ (accessed 12.01.2025).

10. *Genre* [Electronic resource] // Das Lexikon der Filmbegriffe. — Access mode : https://filmlexikon.uni-kiel.de/doku.php/g:genre-190 (accessed 12.01.2025).

11. *Nach „Alien:* Romulus“ kommt „Alien: Earth“: Neuer Trailer zur Sci-Fi-Horror-Serie — bald bei Disney+! [Electronic resource] // Filmstarts. — Access mode : https://www.filmstarts.de/nachrichten/1000099000.html (accessed 12.01.2025).

12. “*The Walking* Dead”-Fanliebling klemmt sich für “Fast & Furious”-Konkurrent “Matchbox” hinters Steuer [Electronic resource] // Filmstarts. — Access mode : https://www.filmstarts.de/nachrichten/1000126916.html (accessed 12.01.2025).

13. *TV-Tipp:* Mit diesem turbulenten Klassiker wurde John Travolta schon lange vor “Pulp Fiction“ zum Kultstar [Electronic resource] // Filmstarts. — Access mode : https://www.filmstarts.de/nachrichten/1000126188.html (accessed 12.01.2025).

Литература

1. *Алаторцева С. И.* Новая кинематографическая лексика в современном русском литературном языке: автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.02.01 / С. И. Алаторцева. — Ленинград, 1984. — 282 с.

2. *Глухова Е. А.* Специфика повествовательного и изобразительного киноязыка в современном кинематографе Германии / С. А. Панкратова // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. — 2013. — № 4 (12). — С. 7—12.

3. *Годяева Ю. И.* Интертекстуальность в немецкоязычном молодежном сериале «How to sell Drugs online (Fast)» / Ю. И. Годяева // Германистика-2022 : nove et nova : Материалы V Международной научной конференции (07—09 декабря 2022 г. ; г. Москва) / редколлегия : А. А. Клиновская [и др.]. — Москва : Московский государственный лингвистический университет, 2023. — С. 76—79.

4. *Гусарова И. Б.* Вторичная номинация в английских кинематографических текстах XX века : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.02.04 / И. Б. Гусарова. — Санкт-Петербург, 2003. — 24 с.

5. *Духовная Т. В.* Структурные составляющие кинодискурса / Т. В. Духовная // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 1 (43). — С. 64—66.

6. *Зарецкая А. Н.* Особенности реализации подтекста в кинодискурсе : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.02.19 / А. Н. Зарецкая. — Челябинск, 2010. — 22 с.

7. *Игнатов К. Ю.* От текста романа к кинотексту : языковые трансформации и авторский стиль : на англоязычном материале : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.02.04 / К. Ю. Игнатов. — Москва, 2007. — 27 с.

8. *Киуру К. В.* Кино : история, жанры, технологии : учебное пособие / К. В. Киуру, С. В. Линьков. — Челябинск : ЧИППКРО, 2023. — 80 с. — ISBN 978-5-503-00502-8.

9. *Лебедева О. Н.* Русская кинематографическая лексика (структурно-семантический анализ) : диссертация … кандидата филологических наук : 10.02.01 / О. Н. Лебедева. — Днепропетровск, 1984. — 205 с.

10. *Литвинова Е. А.* Специфика немецкоязычного документального кинодискурса (на примере фильма „Der zweite Weltkrieg : Stalingrad“) / Е. А. Литвинова, Е. Ю. Мамонова // Перевод, реклама и PR в современной коммуникации. — 2020. — Т. 1. — С. 239—246.

11. *Ломова О. Е.* Ценности немецкой лингвокультуры через призму кинодискурса / О. Е. Ломова // Балтийский гуманитарный журнал. — 2022. — Т. 11. — № 1 (38). — С. 33—37. — DOI: 10.57145/27129780_2022_11_01_08.

12. *Лотман Ю. М.* Семиотика кино и проблемы киноэстетики / Ю. М. Лотман. — Таллин : Ээсти Раамат, 1973. — 135 с.

13. *Нелюбина Ю. А.* Кинодискурс как объект лингвистического изучения / Ю. А. Нелюбина // Челябинский гуманитарий. — 2013. — № 3 (24). — С. 71—74.

14. *Никонова Е. А.* Определение понятия «Жанр» (основные подходы, проблемы и перспективы) : систематический обзор / Е. А. Никонова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2020. — № 9. — С. 125—131.

15. *Панкратова С. А.* Адаптация кинематографической терминологии в общеупотребительной сфере / С. А. Панкратова // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2020. — № 22 (3). — С. 859—868. — DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-3-859-868.

16. *Потемкин С. В.* Влияние эстетики видео и специфики телеискусства на эволюцию киноязыка : диссертация … кандидата исскуствоведения : 17.00.03 / С. В. Потемкин. — Москва, 2007. — 190 с.

17. *Романова Т. А.* Исследование процессов формирования словаря кинематографической анимации в английском языке : диссертация … кандидата филологических наук : 10.02.04 / Т. А. Романова. — Москва, 2021. — 236 с.

18. *Самкова М. А.* Кинотекст и кинодискурс : к проблеме разграничения понятий / М. А. Самкова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2011. — № 1 (8). — С. 135—137.

19. *Темлякова А. С.* Киноязык и его трансформации под влиянием цифровых технологий / А. С. Темлякова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. — 2018. — Т. 24. — № 4 (180). — С. 216—221.

20. *Тырышкин К. В.* Киноязык как диалог культур, особенности его перевода и локализации / К. В. Тырышкин // Актуальные проблемы лингвистики : взгляд молодых исследователей : Сборник научных статей. — Челябинск : Библиотека А. Миллера, 2021. — Выпуск 6. — С. 164—171.

21. *Шамова Н. А.* Вторичная номинация в английских кинематографических текстах XX века : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.02.04 / Н. А. Шамова. — Нижний Новгород, 2022. — 25 с.

22. *Штукатурова Е. П.* Намек в немецком кинодискурсе : реакция адресата / Е. П. Штукатурова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2022. — № 2 (8). — С. 532—536. — DOI: https://doi.org/10.30853/phil20220058.

CC BY

23. *Уланович О. И.* Формы реализации прагматики кинематографического произведения в диалогах персонажей (лингвопереводческий аспект) / О. И. Уланович // Германские, тюркские и славянские языки в поликультурном мире : Сб. материалов науч. конф с междунар. участием (24 нояб. 2015 г. ; г. Бишкек (Киргизия)) / под. ред. : Р. В. Вальвакова. — Бишкек : КРСУ, 2015. — С. 181—191.

Статья поступила в редакцию 12.10.2025,
одобрена после рецензирования 02.12.2026,
подготовлена к публикации 27.02.2026.

Material resources

"Das Schweigen der Lämmer" mit "Carry On"-Star Taron Egerton und Charlize Theron bekommt Zuwachs: Marvel-Größe stößt zum Netflix-Thriller. *Filmstarts.* Available at: https://www.filmstarts.de/nachrichten/1000126920.html (accessed 12.01.2025). (In Germ.).

Die besten Filme 2024: Zwei 5-Sterne-Meisterwerke an der Spitze — und ein Fantasy-Juwel, das viel zu wenige kennen, in der Top-10. *Filmstarts.* Available at: https://www.filmstarts.de/nachrichten/1000119529.html (accessed 12.01.2025). (In Germ.).

Diesen kontroversen Kultfilm gab es über 40 (!) Jahre lang nur gekürzt zu sehen: Er wurde von der Kritik verrissen, aber heute gilt er als Klassiker. *Filmstarts.* Available at: https://www.filmstarts.de/nachrichten/1000126742.html (accessed 12.01.2025). (In Germ.).

Diese knüppelharten Fights tun schon beim Zuschauen weh: Martial-Arts-Highlight mit Tony Jaa kommt endlich nach Deutschland. *Filmstarts.* Available at: https://www.filmstarts.de/nachrichten/1000126796.html (accessed 12.01.2025). (In Germ.).

Eine Mischung aus "Heat", "Narc" und "Training Day": Erste Vorschau zum neuen Netflix-Thriller mit Matt Damon und Ben Affleck. *Filmstarts.* Available at: https://www.filmstarts.de/nachrichten/1000126782.html (accessed 12.01.2025). (In Germ.).

Ein Muss für Thriller-Fans: "Star Wars"- und "House Of The Dragon"-Stars an der Seite von Helen Mirren als Krimi-Ikone. *Filmstarts.* Available at: https://www.filmstarts.de/nachrichten/1000126537.html (accessed 12.01.2025). (In Germ.).

Filmstarts. Available at: https://www.filmstarts.de/ (accessed 12.01.2025). (In Germ.).

Film-rezensionen.de — *Popcornkino und Independent.* Available at: https://www.film-rezensionen.de/ (accessed 12.01.2025). (In Germ.).

Genre. *Das Lexikon der Filmbegriffe.* Available at: https://filmlexikon.uni-kiel.de/doku.php/g:genre-190 (accessed 12.01.2025). (In Germ.).

Nach "Alien: Romulus" kommt "Alien: Earth": Neuer Trailer zur Sci-Fi-Horror-Serie — bald bei Disney+! *Filmstarts.* Available at: https://www.filmstarts.de/nachrichten/1000099000.html (accessed 12.01.2025). (In Germ.).

"The Walking Dead"-Fanliebling klemmt sich für "Fast & Furious"-Konkurrent "Matchbox" hinters Steuer. *Filmstarts.* Available at: https://www.filmstarts.de/nachrichten/1000126916.html (accessed 12.01.2025). (In Germ.).

TV-Tipp: Mit diesem turbulenten Klassiker wurde John Travolta schon lange vor "Pulp Fiction" zum Kultstar. *Filmstarts.* Available at: https://www.filmstarts.de/nachrichten/1000126188.html (accessed 12.01.2025). (In Germ.).

Zherebilo, T. V. (2010). *Dictionary of linguistic terms.* Nazran: LLC "Pilgrim". 486 p. (In Russ.).

References

Alatortseva, S. I. (1984). *New cinematic vocabulary in the modern Russian literary language.* Author's abstract of PhD Diss. Leningrad. 282 p. (In Russ.).

Dukhovnaya, T. V. (2015). Structural components of film discourse. *Philological sciences. Questions of theory and practice, 1 (43):* 64—66. (In Russ.).

Glukhova, E. A. (2013). The specifics of narrative and pictorial cinema language in modern German cinematography. *Bulletin of Tomsk State University. Cultural studies and art criticism, 4 (12):* 7—12. (In Russ.).

Godyaeva, Yu. I. (2023). Intertextuality in the German-language youth series "How to sell Drugs online (Fast)". In: *Germanistics-2022: nove et nova: Proceedings of the V International Scientific Conference (December 07—09, 2022; Moscow).* Moscow: Moscow State Linguistic University. 76—79. (In Russ.).

Gusarova, I. B. (2003). *Secondary nomination in English cinematographic texts of the XX century.* Author's abstract of PhD Diss. St. Petersburg. 24 p. (In Russ.).

Ignatov, K. Y. (2007). *From the text of the novel to the film text: linguistic transformations and author's style: based on English-language material*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 27 p. (In Russ.).

Kiuru, K. V., Linkov, S. V. (2023). *Cinema: history, genres, technologies: a textbook.* Chelyabinsk: CHIPPKRO. 80 p. ISBN 978-5-503-00502-8. (In Russ.).

Lebedeva, O. N. (1984). *Russian cinematic vocabulary (structural and semantic analysis).* PhD Diss. Dnepropetrovsk. 205 p. (In Russ.).

Litvinova, E. A., Mamonova, E. Y. (2020). The specifics of the German-language documentary film discourse (on the example of the film "Der zweite Weltkrieg: Stalingrad"). *Translation, advertising and PR in modern communication, 1:* 239—246. (In Russ.).

Lomova, O. E. (2022). The values of German linguistic culture through the prism of film discourse. *Baltic Humanitarian Journal, 11 / 1 (38):* 33—37. DOI: 10.57145/2712978 0_2022_11_01_08. (In Russ.).

Lotman, Yu. M. (1973). *Semiotics of cinema and problems of kinoesthetics.* Tallinn: Eesti Raamat. 135 p. (In Russ.).

Nelyubina, Yu. A. (2013). Film discourse as an object of linguistic study. *Chelyabinsk Humanities, 3 (24):* 71—74. (In Russ.).

Nikonova, E. A. (2020). Definition of the concept of "Genre" (main approaches, problems and prospects): a systematic review. *Philological Sciences. Questions of theory and practice, 9:* 125—131. (In Russ.).

Pankratova, S. A. (2020). Adaptation of cinematic terminology in the common sphere. *Bulletin of Kemerovo State University, 22 (3):* 859—868. DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-3-859-868. (In Russ.).

Potemkin, S. V. (2007). *The influence of aesthetics of video and the specifics of television art on the evolution of the film language.* PhD Diss. Moscow. 190 p. (In Russ.).

Romanova, T. A. (2021). *A study of the processes of forming a dictionary of cinematic animation in English.* PhD Diss. Moscow. 236 p. (In Russ.).

Samkova, M. A. (2011). Film text and film discourse: on the problem of differentiation of concepts. *Philological Sciences. Questions of theory and practice, 1 (8):* 135—137. (In Russ.).

Shamova, N. A. (2022). *Secondary nomination in English cinematographic texts of the XX century.* Author's abstract of PhD Diss. Nizhny Novgorod. 25 p. (In Russ.).

Shtukaturova, E. P. (2022). A hint in German film discourse: the addressee's reaction. *Philological Sciences. Questions of theory and practice, 2 (8):* 532—536. DOI: https://doi.org/10.30853/phil20220058. (In Russ.).

Temlyakova, A. S. (2018). Film language and its transformations under the influence of digital technologies. *Proceedings of the Ural Federal University. Series 1. Problems of education, science and culture, 24 / 4 (180):* 216—221. (In Russ.).

Tyryshkin, K. V. (2021). Film language as a dialogue of cultures, features of its translation and localization. In: *Actual problems of linguistics: the view of young researchers: Collection of scientific articles, 6.* Chelyabinsk: A. Miller Library. 164—171. (In Russ.).

Ulanovich, O. I. (2015). Forms of realization of the pragmatics of a cinematic work in character dialogues (linguistic and translational aspect). In: *Germanic, Turkic and Slavic languages in the multicultural world: Collection of materials of the scientific conference with the international with participation (November 24, 2015; Bishkek (Kyrgyzstan)).* Bishkek: KRSU. 181—191. (In Russ.).

Zaretskaya, A. N. (2010). *Features of the implementation of the subtext in film discourse.* Author's abstract of PhD Diss. Chelyabinsk. 22 p. (In Russ.).

The article was submitted 12.10.2025;
approved after reviewing 02.12.2026;
accepted for publication 27.02.2026.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА
LITERARY STUDIES. FOLKLORE

Александр Григорьевич Грибков, канд. филол. наук (Абакан)
Екатерина Вячеславовна Локтевич, канд. филол. наук (Минск, Беларусь)
Карлыгаш Бексеитовна Баймурзаева, ст. преподаватель (Шымкент, Казахстан)
Людмила Васильевна Сафронова, д-р филол. наук (Алматы, Казахстан)
Наталья Геннадьевна Шарапенкова, д-р филол. наук (Петрозаводск)
Наталья Лаврентьевна Кольчикова, д-р пед. наук (Абакан)
Сай На, канд. филол. наук (Чжэньцзян, КНР)
Ханзада Жамбыловна Лесова, докторант, преподаватель (Алматы, Казахстан)
Чжу Сяоминь, бакалавр (Чжэньцзян, КНР)

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Кольчикова Н. Л. Мифо-фольклорные истоки литератур Саяно-Алтая (на материале произведений тувинской и хакасской литератур) / Н. Л. Кольчикова, А. Г. Грибков // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 2. — С. 238—256. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-238-256.

Kolchikova, N. L., Gribkov, A. G. (2026). Mytho-Folkloric Origins of Literature in Sayan-Altai Region: A Study Based on Tuvan and Khakas Literary Works. *Nauchnyi dialog, 15* (2): 238-256. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-238-256. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Мифо-фольклорные истоки литератур Саяно-Алтая (на материале произведений тувинской и хакасской литератур)

Кольчикова Наталья Лаврентьевна
orcid.org/0000-0002-0547-0592
доктор педагогических наук,
профессор кафедры
русской филологии и журналистики,
корреспондирующий автор
pollik21@mail.ru

Грибков Александр Григорьевич
orcid.org/0009-0003-0447-9653
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русской
филологии и журналистики
agrib66@mail.ru

Хакасский государственный
университет им. Н. Ф. Катанова
(Абакан, Россия)

Mytho-Folkloric Origins of Literature in Sayan-Altai Region: A Study Based on Tuvan and Khakas Literary Works

Natalia L. Kolchikova
orcid.org/0000-0002-0547-0592
Doctor of Pedagogy,
Professor of the Department
of Russian Philology and Journalism,
corresponding author
pollik21@mail.ru

Alexander G. Gribkov
orcid.org/0009-0003-0447-9653
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Russian
Philology and Journal ism
agrib66@mail.ru

Katanov Khakass State University
(Abakan, Russia)

© Кольчикова Н. Л., Грибков А. Г., 2026

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуется влияние мифо-фольклорного наследия на современную литературу народов России. Анализ проводится на материале произведений «Повесть о светлом мальчике» (1966) С. Сарыг-оола и «Вой Сизого Волка» (2022) А. Котожекова. Цель статьи — ввести в современное исследовательское поле повесть А. Котожекова «Вой Сизого Волка» в контексте ее сопоставления с дилогией С. Сарыг-оола на фоне общности фольклорно-мифологической основы текстов. Выявляется общее и специфичное в мифопоэтическом поле данных произведенний. Установлено, что в текстах представлены мифологемы Земли, Коня, Горы, Юрты, Волка и др. Показано, что мифологемы в повестях выполняют сюжетообразующую и смыслообразующую функции, а авторы в художественно трансформированном виде моделируют национальную картину мира своего народа. Проведенное исследование подтверждает генетическое родство тувинской и хакасской литератур, основанное на родственности древних культур, то есть единство культурного пространства народов Южной Сибири. Утверждается, что произведения С. Сарыг-оола и А. Котожекова различаются степенью инкорпорированности мифа и фольклора в ткань художественного произведения. Установлено, что мифопоэтические мотивы в авторском художественном произведении играют ключевую роль в актуализации этнокультурных ценностей, что способствует их сохранению и передаче, обеспечивая духовную преемственность поколений.

Ключевые слова:
тувинская литература; хакасская литература; миф; фольклорные мотивы; мифологема.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study investigates the influence of mythofolkloric heritage on contemporary Russian literature through an analysis of selected works from Tuvan and Khakas literatures. The primary texts under examination are “The Story of a Bright Boy” by S. Sarığ-Ool (1966) and “Howl of the Gray Wolf” by A. Kotojekov (2022). The article aims to introduce Kotojekov’s novel into current academic discourse within the context of its comparison with Sarığ-Ool's earlier work, highlighting their shared folklore and mythological foundations. It identifies commonalities and unique features in the mythopoetic fields of these two literary works. Specific mythologems such as Earth, Horse, Mountain, Yurt, and Wolf are analyzed, revealing that they serve both narrative structuring and meaning-formulating roles in the narratives. Both authors artistically transform traditional elements to model the national worldview of their respective ethnic groups. The research confirms the genetic kinship between Tuvan and Khakas literatures, rooted in the relatedness of ancient cultures and unified cultural spaces of Southern Siberia. It further asserts that while Sarığ-Ool and Kotojekov differ in terms of how deeply mythology and folklore are integrated into their artistic creations, mythopoeic motifs play crucial roles in reinforcing ethno-cultural values, ensuring their preservation and transmission across generations.

Key words:
Tuvan literature; Khakas literature; myth; folklore motifs; mythologem.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 821.512.153+821.512.156+398
DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-238-256

Научная специальность ВАК
5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации
5.9.3. Теория литературы
5.9.4. Фольклористика

Мифо-фольклорные истоки литератур Саяно-Алтая (на материале произведений тувинской и хакасской литератур)

© Кольчикова Н. Л., Грибков А. Г., 2026

1. Введение = Introduction

Одним из актуальных направлений современного литературоведения является исследование национально-художественных традиций народов России в их этнокультурном контексте. Большинство авторов современной национальной литературы опираются на мифо-фольклорное наследие, что придает их творчеству национально-специфическую образность народного мышления и отражает своеобразие формы национального самосознания, о чем свидетельствуют многочисленные исследования литературоведов, культурологов, философов. Глубокий научный подход к изучению мифологических и фольклорных образов, сюжетов и мотивов в индивидуально-авторском творчестве представлен работами В. В. Иванова, У. Б. Далгат, Ю. М. Лотмана, В. Н. Топорова, Е. М. Мелетинского и др. В современном региональном литературоведении о мифопоэтической основе тувинской литературы писали У. Донгак [Донгак, 2013], Д. Куулар [Куулар, 2002], Л. Мижит [Мижит, 2006], З. Б. Самдан [Самдан, 2013], Т. Х. Очур [Очур, 2008], о мифопоэтике хакасской литературы — А. Л. Кошелева [Кошелева, 2019], Н. С. Майнагашева [Майнагашева, 2008], Ю. И. Чаптыкова [Чаптыкова, 2007] и др.; особенности мифопоэтического сознания, менталитета, национального характера, религии исследовали философы и культурологи: Г. Котожеков [Котожеков, 1995], Ч. Ламажаа [Ламажаа, 2020, 201—216] и др.

Как писал Ч. Г. Гусейнов, литературы народов Алтая и Сибири составляют одну «зону» — Саяно-Алтайскую (алтайская, тувинская, хакасская и шорская литературы) [Гусейнов, 1978, с. 50]. Художественной основой современной литературы Юга Сибири в её национальной специфике стали мифо-фольклорные мотивы и сюжеты, которые способствуют сохранению исторической памяти этноса. Они выполняют функцию культурного ядра

CC BY

в творчестве М. Кенин-Лопсана, С. Сарыг-оола, М. Баинова, А. Даржая, И. Костякова, В. Майнашева, А. Котожекова и др. В современном литературоведении общепринятой считается точка зрения, согласно которой то или иное произведение «становится национальным только на уровне культуры. Пароль здесь — не голос крови и не состав генов, а культурный код» [Султанов, 2006, с. 170].

В XX — начале XXI веков в национальных литературах возродился интерес к мифу как медиатору между рациональным и бессознательным, иррациональным. Миф выступает основой любой национальной литературы, проявляется в творческом художественном наследии каждого народа. На сегодняшний день нет окончательного суждения о мифе, его по-разному интерпретируют исследователи, понимая под ним систему мышления, созданную на основе мифо-фольклорного наследия, с помощью которого человек осваивает мир. А. Н. Веселовский считал, что архаическая мифологическая структура присутствует в каждом тексте как свидетельство культурно-исторической памяти человечества [Веселовский, 1940, с. 51]. В современном литературоведении мифопоэтическими принято считать художественные феномены нового времени, сориентированные на мифологический тип сознания, на мифологические структурные особенности [Чернышова, 2001, с. 6].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

О важности обращения к мифо-фольклорным мотивам в современных национальных литературах России писали А. Бочаров, В. Якименко, С. Хитарова, А. Тимофеев, К. Султанов и др. [Панченко, 1983, с. 83]. Изучение мифо-фольклорных мотивов предполагает анализ их сюжетно-композиционного состава, идейно-художественного смысла и т. д. [Аникин, 2007, с. 46—47]. У. Б. Далгат фольклоризм в литературе оценивает как использование и творческую переработку тех или иных элементов фольклора, «факты материальной и духовной культуры народа, его нравов, обычаев, мировоззрения и образа жизни [Далгат, 2004, с. 3].

Для творчества писателей Саяно-Алтая характерно единое мифологическое пространство, в котором соединяются и культурно-историческое, и общечеловеческое, и индивидуально-авторское видение. Мифопоэтическая близость творчества писателей Саяно-Алтайского региона порождена погружением в единое пространство древней культуры, истории, где мифологемы становятся сущностными ориентирами, формирующими целостное сознание. Так, исследователи тувинской литературы М. А. Кужугет и Т. Х. Очур отмечают, что для тувинской литературы «характерны самые различные виды бытования, включения мифа в художественные произведения» [Кужугет и др., 2013, с. 196].

CC BY

Цель исследования — выявить общность и специфику использования мифо-фольклорных мотивов и сюжетов в творчестве тувинского и хакасского писателей. Задачи исследования заключаются в том, чтобы проследить, какие мифологические и фольклорные мотивы используют писатели Саяно-Алтая, выявить концептуальную роль мифологических и фольклорных мотивов в анализируемых текстах; особенности национального мировосприятия в произведениях С. Сарыг-оола и А. Котожекова; возможные различия авторского использования мифо-фольклрных мотивов. Методы исследования: мифопоэтический, структурно-семантический, сравнительно-типологический, методологическим инструментарием исследования являются такие понятия, как фольклорные и мифологические мотивы, мифологемы архетипы, прием бинарных оппозиций.

Поскольку нами рассматриваются региональные тексты, уместно вспомнить понятие регионального (локального) текста. В. Н. Топоров рассматривает такой текст в качестве «комплекса образов, мотивов, сюжетов, который воплощает авторскую модель бытия» [Топоров, 1995, с. 274]. Исследователь Е. Ш. Галимова оценивает его со стороны «системы лейтмотивов (мотивы пути, поиска и испытания, преображения и др.); сквозных образов, прежде всего мифопоэтических и фольклорных (река, берег, дорога, дом, камень и др.), лежащих в основе художественных построений» [Галимова, 2015, с. 379].

Каким образом фольклорные элементы инкорпорируются в ткань художественного текста? О сюжетообразующей функции мифов в художественных текстах писал Ю. М. Лотман [Лотман, 2000, с. 670], они проявляются как первичные в сюжетах художественного текста, а затем подлежат дальнейшей трансформации в результате перевода в системы более сложных позднейших культурных кодов. В мифе воплощена тайна первоначал бытия, в которой содержится код жизни человечества, в современных литературных текстах он подсвечивается с помощью архетипов и мифологем.

Судьба героя мифа, эпического сказания всегда не только связана с судьбой его племени, рода, но и направлена на обновление мира. Мотив как элемент структуры сюжета изучали А. Н. Веселовский, А. А. Потебня, В. Я. Пропп, Б. А. Путилов и др. В современном литературоведении, как пишет Б. М. Гаспаров, «в роли мотива может выступать любой феномен, любое смысловое “пятно” <…> он формируется непосредственно в развертывании структуры…» [Гаспаров, 1995, с. 3].

Мифологема — термин, обозначающий заимствование у мифа темы или её части и воспроизведение в более поздних фольклорных и литературных произведениях [Ильин и др., 1996, с. 236]. Именно мифологемы становятся средством следования традициям, универсальным способом

CC BY

отражения культурной идентичности, трансляции духовного опыта, которые составляют духовные истоки, что обусловлено принадлежностью авторов единому духовному космосу Саяно-Алтая.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Мифо-фольклорные основы художественного мира «Повести о светлом мальчике» С. Сарыг-оола

Каждый писатель сознательно или бессознательно использует в своем произведении элементы общекультурного и общечеловеческого мифа, некие универсальные архетипы. Как известно, в основе многих мифологических сюжетов лежит вечная борьба двух противоположных начал: космоса и хаоса, добра и зла, Бога и дьявола, света и тьмы, героя и антигероя. Эти сюжеты присутствуют и в новой тувинской литературе со времен её появления в XX веке. Степан Абганович Сарыг-оол (1908—1983) — поэт, прозаик, заслуженный деятель культуры и искусства, народный писатель Тувы, его творчество не раз становилось предметом скрупулезных исследований со стороны таких авторов, как Т. Х. Очур [Очур, 2008]; Л. С. Мижит [Мижит, 2020]; З. Б. Самдан [Самдан, 2013] и др.

Автобиографическая дилогия С. Сарыг-оола **«Повесть о светлом мальчике» (1966)** — это трогательная история взросления сироты Ангар-оола, рассказанная автором как личная исповедь. В то же время повествование глубоко укоренено в тувинской национальной культуре, бережно воссоздается её уникальный колорит. Произведение сочетает в себе черты романа-воспитания и одновременно служит своеобразной энциклопедией жизни тувинского народа, раскрывая богатство его традиций и обычаев. Т. Х. Очур пишет о влиянии мифа на авторское сознание: «Авторская позиция С. Сарыг-оола сродни позиции сказителя, передающего сокровенное, сакральное слово предков, поэтому писатель существенно не подвергает переработке содержание мифоритуального комплекса» [Очур, 2018, с. 11].

Герой повести — ребенок, став взрослым, пытается воскресить прошлое в своих воспоминаниях детства и юности. С. Сарыг-оол соединяет личное восприятие, опоэтизировав свою жизнь в семье, пока была жива его мать, с общей историей своего поколения, рожденного и выросшего в эпоху революций и войн в XX веке, в том виде, в котором она отображается в человеческой памяти, когда человек становится всё более беззащитным под ударами судьбы.

Образ главного героя связан с мифологемой *дитя*, миф о котором формировался во всех древних культурах наравне с архетипами Матери, Отца, Мирового древа и т. д., о чем свидетельствуют и предания Древнего Египта, Вавилона, Китая. Одним из распространенных мотивов таких мифов

CC BY

является мотив *сиротства*, который встречается и в хакасских, и в тувинских сказках и преданиях. Образ главного героя — Ангар-оола раскрыт писателем особенно подробно, психологически детализированно, в его характере и поступках отразились черты тувинской ментальности. Первые жизненные уроки Ангар-оол получил в семье, в благодатной атмосфере любви и счастья. Герой Сарыг-оола вспоминает то, что видит перед собой в самые первые мгновения осознания своей жизни за порогом юрты: «желтую плоскую степь, горы, тайгу, маму, которая доила корову» [Сарыг-оол, 2018, с. 21]. Обобщенный поэтический образ Тувы в повести Сарыг-оола создается из описания национально-обрядовых традиций, связанных со значимыми этапами в жизни каждого тувинца: празднование достижения мальчиком трех лет и первая стрижка волос, похороны, свадьба, Шага, летний праздник и посещение хуре и т. д. В повести подробно и торжественно описывается ритуал празднования трехлетней годовщины — богатый стол, накрытый родителями, где каждый из родственников, понюхав по обычаю голову ребенка, отрезает прядь его волос и одаривает его парой баранов либо козлов. Характер ребенка по восточной традиции определяется и годом рождения по восточному календарю — курицы, мыши, дракона и т. д. Семейное воспитание в семье с восемью детьми мал-мала меньше было довольно аскетичным и трудовым, но Ангар-оола окружала материнская и бабушкина любовь («старшей мамы»), любовь отца, братьев и сестер. Именно любовь матери и бабушки стала для Ангар-оола организующим началом в формировании характера будущего мужчины, внутренним стержнем его духовного мира. В развитии сюжета повести ключевыми являются образы-символы *Юрты* и *Родины* как *Дома*. С образом родины связаны и вкусовые ощущения своей еды — тара со сметаной (каша из пшена), сарана, суп с мясом и т. д.

Ангар-оол с детства отличался особенным мировосприятием, познавал окружающий мир во всех его подробностях, изучал повадки муравьев, пытался понять законы окружающего мира, поэтому из него вырос правдоискатель, ищущий справедливости и понимания того, что разделяет людей, в чем причина их неравенства. История человеческих судеб его современников под пером писателя стала обьективной биографией человека, разделившего со своей страной, пережившей гражданскую войну, её участь. Герой Сарыг-оола постоянно размышляет о неразрывной связи поколений, о сопричастности всему миру каждого существа. После смерти матери его взросление вмиг стало отрезвляющим и во многом трагическим. Жизнь в батраках у более богатых родственников научила ценить труд как единственную возможность выживания в условиях постоянного недоедания, унижения рабским трудом. Автор осуществил попытку художественно-

CC BY

го отражения своей жизни не только в социальном контексте, но и через призму извечных дуалистических (бинарных) основ бытия — мифологем Земли и Неба, Воды и Огня, Добра и Зла, Любви и Смерти. Герою удается сохранить самое дорогое — свою жизнь и доброе сердце.

Духовно-образный мир повести С. Сарыг-оола — это мир, прежде всего, традиционных национальных ценностей, подлинных представлений о жизни, в которой труд, бережное отношение к природе, уважение к простому человеку являются духовной основой. Он воссоздан автором с большой любовью, как художником, наделенным обостренным чувством красоты окружающего мира, острым зрением и слухом, переосмысляющим не только собственный опыт, но и богатый опыт своего народа.

В авторском дискурсе национальный образ Тувы моделируется в аспекте мифологического представления о трехуровневом буддийском мироустройстве (Верхний, Средний и Нижний мир), а также с помощью других мифов, сказок, легенд, через бабушкины истории о значении года мыши, о том, как ведьма луну проглотила, о том, почему человек травы не ест и почему у муравья тонкая талия. Здесь же — пословицы, поговорки и афоризмы как средоточие народной мудрости: «торопливая мышь попадает в молоко», «чего не видел отец, сын увидит», «где сыт — девять дней живи, где голоден — совсем не оставайся», «своя палка больнее бьет» и др. Вспоминает он и о герое тувинских волшебных сказок — Оксус-ооле, сравнивая с ним одного из увиденных им богатырей.

Рассмотрим, к примеру, миф о мыши, рассказанный бабушкой Ангыр-оола, которая в беседе о годе мыши объясняет сестренке мальчика, почему мышь характеризуется как умное, со смекалкой существо, ведь у тувинцев родовые черты того или иного животного переносились на человека и существовали пищевые табу (Ангар-оолу, например, родившемуся в год курицы было запрещено есть её). Другие мифы, используемые в романе, — о Верхнем, Среднем и Нижнем мире — имеют национально-окрашенный характер и связаны с распространением буддизма. В романе подробно описаны ритуальные практики поклонения всемогущему живому богу, обрядовые танцы в буддийском храме (Глава «Летний праздник и посещение хуре) [Сарыг-оол, 2018, с. 259].

Мифы «Почему человек травы не ест» и «Почему у муравья тонкая талия», рассказанные бабушкой, являются общетюркскими, они есть и в хакасской мифологии [Мифы и легенды хакасов ..., 1995, с. 182]. Солярные и лунные мифы, приведенные в повести, имеют национальный колорит, так как бабушка, например, рассказывает о том, как освободить луну, проглоченную ведьмой (лунное затмение): этому могут помочь «голос мужчины, единственного, рожденного матерью сына, лай собаки с ярко-рыжими под-

CC BY

палинами под глазами, крик рыжей козы, звук китайских чашек и медных тарелок» [Сарыг-оол, 2018, с. 77].

Итак, упоминаемые в произведении мифы содержат элементы как общетюркских традиций, так и буддийских верований, обрядовых практик.

Как уже было отмечено, в повести довольно подробно описаны обычаи и ритуалы, связанные со значимыми событиями. Обязательными были обряды кормления духов. Так, в главе «На Тандинском перевале» описан обряд жертвоприношения у священного Ова (жертвенное место), проведенный двумя охотниками, спасшими жизнь герою. Для Ангар-оола этот обряд стал одним из самых значимых, так как старик-охотник Чарык-Чак (архетип старца) благословил его на новый жизненный путь: «Ну, Ангыр, ты теперь не пропадешь, ты миновал одну из больших трудностей, не сбейся с этого пути. У тебя есть счастье, мальчик…» [Сарыг-оол, 2018, с. 91].

Не менее важными для сироты Ангара были встречи со старцем сказителем Одучу, который обратился к нему, процитировав приветствие из сказки о бедном сироте Оскуз-ооле — мудром юноше среди чванливых богачей. Одучу всегда поддерживал мальчика-сироту, от него Ангыр узнал о многих обычаях и легендах — о том, как проводят обряд очищения во время эпидемий домашнего скота, о том, как народ выживал в «жестокие годины» голода [Сарыг-оол, 2018, с. 100].

Автор утверждает национально-традиционалистский взгляд на жизнь с соответствующей системой ценностей, где незыблемо присутствуют любовь к Родине, вера в народ, следование этнокультурным традициям, в основе которых фольклорные мотивы — легенды, предания, сказки как восходящие к глубокой древности духовно-нравственные ориентиры. Именно это помогает герою преодолеть все трудности, выучиться и стать уважаемым человеком.

Творчество С. Сарыг-оола обнаруживает неразрывную связь со своими национальными корнями, с культурой своего народа. Будучи писателем яркой индивидуальности, он в то же время являет собой достойный пример этнокультурной идентичности в её лучших нравственных качествах: доброте, совестливости, трудолюбии, твердости и любви к родине. Опираясь на древние мифологические смыслы родной культуры и собственный опыт постижения жизни, он дает потомкам важнейший посыл о необходимости сохранения национальных традиций как залоге сохранения человеческого в человеке.

3.2. Фольклорно-мифологические истоки повести «Вой Сизого Волка» А. И. Котожекова

Повесть **«Вой Сизого волка»** [Котожеков, 2022] — одно из последних, лучших произведений автора, которое, на наш взгляд, следует считать

CC BY

своеобразным духовным завещанием. В ней нашли воплощение самые сокровенные авторские интенции: преданность родной культуре, наиболее полное выражение национальных традиций, национального менталитета хакасов, смыслы и ценности традиционалистского мировоззрения. Фольклорной основой повести стало отмеченное чертами чрезвычайной древности хакасское сказание о Тасха Матыре, а также отдельные мотивы сказания «Оджен-пиг» и др. Об этом свидетельствует мифологическая интерпретация событий и нечувствительность к историческим событиям, верность канонам родо-племенного фольклора, мифологическая интерпретация образа врага, тесная связь с мифом основных сюжетных коллизий и образов — Чильбиген, духи-хозяева стихий — Дух Воды, Сизый Волк и т. д.

В основе сюжета повести биография героя. Его судьба и жизнь семьи оказались напрямую связанными с появлением мифического Сизого Волка, этот миф претерпевает у Котожекова глубокую трансформацию. Встреча с Волком была знаком для отца Тасха Матыра: он был вынужден пожертвовать собой ради семьи, так как, будучи охотником, нарушил законы гармоничного существования человека с природой, нарушил древнее табу, об этом его предупредил Сизый Волк.

Сюжет повести охватывает наиболее значительные этапы жизни богатыря: его детство, подвиги, женитьбу и еще целый ряд событий, не всегда имеющих вид воинских приключений. Автор переосмыслил события сказания, включил такие мотивы, которых нет в фольклорном памятнике — прежде всего, это история обучения героя в монастыре, чему посвящены несколько главок (археологи насчитывают на территории Хакасии около трехсот монастырей). Авторитетный ученый И. Л. Кызласов на основе археологических изысканий пришел к выводу, что в средневековой Хакасии существовал высокопрофессиональный институт жрецов [Кызласов, 2020, с. 171]. Одним из таких жрецов и был первый учитель Тасха Матыра.

Хакасский эпосовед П. А. Трояков придерживался мнения, что в деятельности эпических героев нашло художественно-концентрированное отражение формирующееся историческое самосознание народа, а историческая действительность во многом предопределила характер их поведения и подвигов [Трояков, 1991, с. 157]. В повести Котожекова, созвучно хакасскому эпосу, изображен эстетически преобразованный этногосударственный мир, располагавшийся в исторически ограниченном времени и пространстве. Социальный и служебный статус богатырей, их отношения между собой и с ханом, действия, направленные против врагов родной земли и в защиту справедливости — всё это формирует систему представлений о бытии эпического мира.

CC BY

Автор-повествователь объединяет предания и мифы как их знаток, находясь в современном мире на местах исторических происшествий. В соответствии традицией поставив в центре внимания богатыря Тасха Матыра, автор противопоставляет его всем другим персонажами произведения. Однако образ Тасха Матыра в повести сложнее, разностороннее, по-человечески противоречивее фольклорного образа. Даже внешний вид богатыря непривычен для воина: его рост не отличается от роста ребенка-подростка, что часто вызывает насмешки сородичей и врагов.

В «Вое Сизого Волка» представлена сложная система отношений между персонажами, дающая в своем движении сюжет, динамика которого только на первый взгляд подчинена исключительно эпическим законам. Система персонажей повести сформирована, в первую очередь, в зависимости от их отношения к своей земле (чир-суг — в тюрском миропонимании «земля-вода»), а затем пониманием личного долга по отношению к этой земле. А. Котожеков изображает богатырей свободными в своих поступках, и эта свобода позволяет им жестко «программировать» свою биографию: служить своему хану-пигу, стоять на страже родной земли и социальной справедливости.

В повести мифы структурируют повествование и порождают её основные смыслы: каждая главка заканчивается наставлением тотемического мифического первопредка всех хакасских родов Сизого Волка, в котором легко просматривается авторская интенция. Образ Сизого Волка обнаруживает тесную связь с мифологической белой волчицей — прародительницей тюрков — и с названным автором легендарным Хубай-хусом — щенком турпана, ставшим непобедимым волком, который, в свою очередь, этимологически связан с архетипом матери всех тюркских родов — Богиней Ымай. Таким образом, не будет преувеличением сказать, что Сизый Волк олицетворяет собой дух народа, ведь в хакасских преданиях 33 рода связаны с ним по происхождению. В повести присутствует мифологический мотив убийства тотемного первопредка, за которое наказан природой Ала Мынгыс, он погибает самым таинственным образом на глазах своих родителей, свято веря, что наказан за убийство Сизого Волка.

Мифопоэтический характер повествования определяется по К. Леви-Строссу [Мелетинский, 2000, с. 83] структурными оппозициями: недостаток / недостаток ликвидирован; запрет / нарушение; обман / хитрость и т. д. [Jason, 2000, с. 273]. Поэтому для понимания смысла повести А. Котожекова может быть применен приём выявления бинарных оппозиций, который характерен для мифологического сознания и включает операции выделения необходимых узлов отношений [Мелетинский,2000; Лотман, 1996; Гаспаров, 2001]. Такой анализ осуществляется при помощи выяв-

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ления конфликта между: истинным / ложным, обычным / необычным, естественным / искусственным, духовным / материальным. Этот конфликт создает смысловое ядро текста, ценностное напряжение, устанавливает связи внутри изображенного предметного мира. В повести А. Котожекова бинарные оппозиции — антонимичные смыслообразующие понятия, которые способствуют обнаружению авторских смысловых ориентиров:

— жестокость, недальновидность — гармония познания;

— забывчивость, суетность — память (зачем ты живешь, для чего);

— азарт, алчность наживы охотника — гармония природы, её умиротворяющая красота;

— страх потерять доверие людей, жалость к себе — отклонение от своего небесного предназначения, «ржавчина» души;

— душа человека, имя его — власть и золото;

— малодушие, гордыня, тщета славы — мужество;

— зависть (по-хакасски буквально — «болезнь красных глаз») — покой и гармония, цельность души;

— мифы и предания связывают людей воедино — незнание их разделяет людей.

Таким образом, в повести А. Котожекова используются приемы, воссоздающие способы мифопоэтического восприятия реальности: мифологемы (*Сизый волк, Степь, Тайга, Горы* и т. д.), мифопоэтические и фольклорные мотивы (*инициации, пути, сватовства, борьбы с мифическими врагами, поединка с вражеским богатырем, убийство тотемного первопредка и др.*), приемы бинарных оппозиций (свой / чужой, добро / зло, верх / низ и т. д.), с помощью которых раскрывается основной конфликт повести.

3.3. Сходства и различия произведений С. Сарыг-оола и А. Котожекова

Специфика мифопоэтики прозы С. Сарыг-оола и А. Котожекова заключается в обращении к сфере национального миропонимания: их проза воссоздает параметры национально-патриархального мифа, который раскрывает «космо-психо-логос» (Г. Гачев) родной культуры, нравственно-поведенческий кодекс нации. Во многом похожи и приемы их воссоздания: использование мифопоэтических мотивов и образов, восходящих к народно-поэтическому и традиционному верованию у А. Котожекова и у С. Сарыг-оола. В творчестве современных тувинских и хакасских авторов, по нашим наблюдениям, общими маркерами национального менталитета, миропонимания являются общетюркские мифологемы: *Солнце, Небо, Степь, Горы, Конь, Волк* и др., свидетельствующие об общности их происхождения, родственности культур. Но произведения С. Сарыг-оола и

CC BY

А. Котожекова отличаются спецификой авторской индивидуальности, степенью инкорпорированности мифа и фольклора в ткань художественного произведения. В авторском дискурсе С. Сарыг-оола национальный образ бытия и тувинского национального характера обобщенно воссоздаются на примере конкретной человеческой истории с помощью мифологических и фольклорных мотивов (мотивы пути, поиска и испытания, поиски невесты и преображения героя, и т. д.), мифологем — *Дитя, Небо, Земля, Гора, Степь* и т. д. Изображая мир с этнических позиций, автор ратует за сохранение традиционных национальных ценностей, подлинных представлений о жизни, в которой труд, бережное отношение к природе, любовь к простому народу являются духовной основой. В свою очередь, А. Котожеков напрямую обращается к хакасскому эпическому сказанию и эпическому герою, а также использует мифологические образы, делая их частью современного литературного дискурса, пропуская сквозь призму своего индивидуально-авторского сознания и в то же время бережно сохраняя его традиционные черты. Поэтикам обоих произведений свойственна цикличность повествования — «цикл» (годовой и жизненный) становится своего рода мифопоэтическим кодом произведения, позволяет авторам перевести рассказ о событиях в повествование о судьбе своего героя и народа.

Здесь кратко следует упомянуть и сходное положение этих героев в системе образов и мощный аллюзивный мифопоэтический пласт, связывающий их с народной фольклорной культурой. С. Сарыг-оол воссоздал в образе Ангар-оола не только конкретную человеческую историю, но творчески обобщил в его истории историю нации, что в художественном мышлении XX века становится одним из проявлений неомифологизма.

В повести А. И. Котожекова способы изображения персонажей определяются влиянием стиля героического сказания, автор использует приемы мифопоэтического повествования: мифологемы (*Сизый Волк, Степь, Тайга, Горы* и т. д.), мифо-фольклорные мотивы (*инициации, пути, странствия, сватовства, борьбы с мифическими врагами* (*Чильбиген, Дух реки и другие обитатели потустороннего мира*), *поединка с вражеским богатырем*), а также прием бинарных оппозиций (свой / чужой, добро / зло, верх / низ и т. д.).

На наш взгляд, главное отличие повести А. Котожекова заключается в авторской цели: реконструировать отличительные особенности традиционного мировоззрения, религиозно-философских взглядов хакасского народа (тенгрианство), принципы существования в обществе, которые во многом утрачены, то есть то, что называется мировоззренческим мифологизмом [Трыкова, 1978, с. 17]. Он обращается к сегодняшнему читателю, чтобы напомнить те нравственные смыслы и ценности, которые помогли

CC BY

хакасскому народу выжить, пройдя сквозь века, сохранить свою культурную идентичность. В романе С. Сарыг-оола — это скорее «природный» фольклоризм, присущий произведениям, в которых автор разрабатывает мифо-фольклорные сюжеты, включая в литературный текст мифологическую символику, признаки мифологического мышления, но его роман все-таки описывает реалии XX века и также обращен к современникам. С. Сарыг-оол и А. Котожеков стремятся описать такой национальный космос, который утверждал бы идею достижения гармонии между личностью и обществом, между личностью и окружающим миром, между прошлым и будущим. При всей разности жанров авторов объединяет главное: надежда на нравственное возрождение и духовное возмужание своего народа.

4. Заключение = Conclusions

Проведенное исследование обнаруживает генетическое родство тувинской и хакасской литератур, основанное на родственности древних культур. Это проявляется в особой роли мифо-фольклорных мотивов, в частности, в творчестве С. Сарыг-оола и А. Котожекова, придающих особый смысл их произведениям, способствующих сохранению и развитию традиционной национальной культуры, обеспечивающих духовную преемственность поколений. Очевидно, что в романе С. Сарыг-оола «Повесть о светлом мальчике» (1966) национальная специфика изображения мифо-фольклорных начал связана с влиянием не только общетюркских, но и буддийских традиций. Его творчество характеризует «природный» фольклоризм, автор обращается к мифологическим сюжетам, в которых отражены древние нравственные принципы, запреты и ритуалы, подчеркивающие важность бережного отношения к природе. При всем том роман С. Сарыг-оола описывает реалии XX века и обращен к современникам, весь пропитан духом жизнестроительства и светлой веры в будущее своего народа.

Главной задачей А. Котожекова, написавшего свою повесть «Вой Сизого Волка» в 2022 году, была реконструкция отличительных особенностей традиционного мировоззрения, религиозно-философских взглядов хакасского народа, обусловленных тенгрианством; принципов существования в обществе, которые во многом утрачены, всё это характеризует его мифологизм как мировоззренческий. Он обращается к сегодняшнему читателю, чтобы напомнить те нравственные смыслы и ценности, которые помогли бы и теперь выжить хакасскому народу, сохранить свою культурную идентичность. А. Котожеков, взяв за основу своего произведения героический эпос, творит художественный мир повести целиком из мифов и преданий, трансформируя их в соответствии со своими литературными взглядами и вкусами, со своим замыслом, вводя действие вымышленных персонажей.

CC BY

Мифы и предания представляют собой бесценные материалы из предысторической эпохи народа, в старых сказаниях обнаруживается основа этнокультурного кода. А. Котожеков, безусловно, изображает эпического героя, сохраняя его основные типологические черты, но заставляет его мыслить и действовать так, как это видится художнику-творцу XXI века. Мифопоэтическое начало является той призмой, которая помогает осознать связь прошлого, настоящего и будущего, архетипические черты национального характера в лице Тасхы-Матыра, героя-богатыря, являющегося лучшим воплощением национального менталитета и национальных идеалов.

С. Сарыг-оол и А. И. Котожеков через мифологические и фольклорные мотивы в своих произведениях актуализируют идею стремления к неразрывной связи времен и поколений как непреходящей ценности, обеспечивающей жизнеспособность нации. Каждый по-своему, актуализируя мифологические и фольклорные сюжеты и образы, становится хранителем вневременных гуманистических традиций, наследует и обогащает бесценный духовный опыт своего народа, в то же время делая его достоянием человечества.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Литература

1. *Аникин В. П.* Теория фольклора / В. П. Аникин. — Москва : КДУ, 2007. — 432 с. — ISBN 978-5-98227-326-0.

2. *Веселовский А. Н.* Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. — Ленинград : Художественная литература, 1940. — 649 с.

3. *Галимова Е. Ш.* К вопросу о методологии исследования локальных (городских и региональных) литературных текстов (на примере Северного текста русской литературы) / Е. Ш. Галимова // Сибирская идентичность в зеркале литературного текста : тропы, топосы, жанровые формы XIX—XX вв. : коллективная монография / отв. ред. Н. В. Ковтун. — Москва : Флинта : Наука, 2015. — 456 с. — ISBN 978-5-9765-2541-2.

4. *Гаспаров Б. М.* Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века / Б. М. Гаспаров. — Москва : Наука : Восточная литература, 1993. — 304 с.

5. *Гусейнов Ч. Г.* Формы общности советской многонациональной литературы / Ч. Г. Гусейнов. — Москва : Мысль, 1978. — 181 с.

6. *Далгат У. Б.* Этнопоэтика в русской прозе 20—90-х гг. XX века (экскурсы) / У. Б. Далгат. — Москва : ИМЛИ РАН, 2004. — 212 с. — ISBN 5-9208-0204-9.

7. *Донгак У. А.* Предпосылки зарождения тувинской литературы / У. А. Донгак // История тувинской литературы : в 2 т. / отв. ред. К. А. Бичелдей. — Новосибирск : Издательство СО РАН, 2013. — Т. 1. — С. 103—108. — ISBN 978-5-7692-1332-8.

8. *Котожеков А. И.* Вой Сизого Волка / А. И. Котожеков. — Абакан : Бригантина, 2022. — 184 с.

9. *Котожеков Г. Г.* Культура народов Саяно-Алтая / Г. Г. Котожеков. — Абакан : Хакасское книжное издательство, 1995. — 208 с.

10. *Кошелева А. Л.* Концептуальные проблемы и их авторское художественное решение в современных тюркских литературах Саяно-Алтая : монография / А. Л. Кошелева. — Абакан : Бригантина, 2019. — 100 с.

11. *Кужугет М. А.* Проза и публицистика в период Тувинской народной Республики / М. А. Кужугет, Т. Х. Очур // История тувинской литературы : в 2 т. / отв. ред. К. А. Бичелдей. — Новосибирск : Издательство СО РАН, 2013. — Т. 1. — 266 с.

12. *Кызласов И. Л.* Древняя история Хакасии / И. Л. Кызласов. — Абакан : Хакасское книжное издательство, 2020. — 304 с. — ISBN 978-5-7091-0871-4.

13. *Ламажаа Ч. К.* Единство и своеобразие современных этнических культур народов Центральной Азии: три исследовательских проблемных поля / Ч. К. Ламажаа // Новые исследования Тувы. — 2020. — № 4. — С. 201—216. — DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.14.

14. *Лосев А. Ф.* Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию / А. Ф. Лосев. — Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1982. — 480 с.

15. *Лотман Ю. М.* О мифологическом коде сюжетных текстов / Ю. М. Лотман // Семиосфера. — Санкт-Петербург : Искусство–СПб, 2000. — С. 673.

16. *Маслова В. А.* Поэтический текст : новые подходы и решения : учебное пособие / В. А. Маслова. — Москва : Флинта : Наука, 2016. — 320 с.

17. *Мижит Л. С.* Тувинская национальная поэзия 30—40-х годов XX века / Л. С. Мижит // Новые исследования Тувы. — 2020. — № 3. — С. 166—177. — DOI: 10.25178/nit.2020.2.12.

18. *Миндибекова В. В.* Мифологическая основа обрядовых благопожеланий хакасов / В. В. Миндибекова // Эпосоведение. — 2023. — № 2. — С. 67—72. — DOI: 10.25587/SVFU.2023.16.84.006.

19. *Мелетинский Е. М.* Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. — Москва : Восточ. лит. : РАН, 2000. — 407 с. — ISBN 5-02-017878-0.

20. *Панченко И.* Вопрошая прошлое — заглянуть в будущее / И. Панченко // Вопросы литературы. — 1983. — № 6. — С. 83—108.

21. *Самдан З. Б.* Предпосылки к изучению фольклоризма тувинской литературы в постсоветское время / З. Б. Самдан // Устное народное творчество тувинцев — художественная основа тувинской литературы. История тувинской литературы : в 2 т. / отв. ред. К. А. Бичелдей. — Новосибирск : Издательство СО РАН, 2013. — Т. 1. — С. 11—51.

22. *Самдан З. Б.* О принципах классификации тувинских мифологических сюжетов / З. Б. Самдан // Сборник научных статей «Всероссийский конгресс фольклористов». — Москва : Государственный Российский Дом народного творчества имени В. Д. Поленова, 2020. — С. 199. — ISBN 978-5-4465-2591-1.

23. *Сарыг-оол С. А.* Повесть о светлом мальчике / С. А. Сарыг-оол. — Москва : Современник, 1974. — 320 с.

24. *Сагояков Н. Н.* Хакасские мифы / Н. Н. Сагояков. — Абакан : Хакасское книжное издательство, 2010. — 133 с. — ISBN 978-5-7091-0460-0.

25. *Современное* зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США) : концепции, школы, термины : энциклопедический справочник / сост. И. П. Ильин, Е. А. Цурганова. — Москва : Интрада–ИНИОН РАН, 1996. — 320 с.

26. *Султанов К. К.* Идентичность и контекст. Этническое и художественное в литературах Северного Кавказа / К. К. Султанов // Слово и мудрость Востока. Литература.

Фольклор. Культура : сборник / отв. ред. Н. И. Никулин. — Москва : Наука, 2006. — С. 233—242.

27. *Топоров В. Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического : избранное / В. Н. Топоров. — Москва : Прогресс–Культура, 1995. — 624 с.

28. *Трояков П. А.* Героический эпос хакасов и проблемы изучения / П. А. Трояков. — Абакан : Книжное издательство, 1991. — 320 с.

29. *Трояков П. А.* Истоки и формы чудесного вымысла / П. А. Трояков. — Абакан : Книжное издательство, 1991. — 384 с.

30. *Трыкова О. Ю.* О классификации способов взаимодействия русской литературы XX века с фольклором / О. Ю. Трыкова. — Москва : Советский писатель, 1978. — 448 с.

31. *Унгвицкая М. А.* Хакасское народное поэтическое творчество / М. А. Унгвицкая, В. Е. Майногашева. — Абакан : Краснояр. книжное издательство : Хакасское отделение, 1972. — 311 с.

32. *Хертек Л. К.* Символика мифологических образов в обрядах перехода / Л. К. Хертек // Мир науки, культуры, образования. — 2007. — № 4 (7). — С. 68—72.

33. *Челтыгмашева Л. В.* Хакасская проза и проза народов Саяно-Алтая в культурно-этническом аспекте : научное издание / Л. В. Челтыгмашева. — Абакан : Бригантина, 2014. — 104 с.

34. *Чаптыкова Ю. И.* Этнопоэтическое своеобразие прозы И. Костякова / Ю. И. Чаптыкова. — Абакан : Хакасское книжное издательство, 2007. — 282 с.

35. *Jason H.* Motif, type and genre : a manual for compilation of indices & a bibliography of indices and indexing / H. Jason. — Helsinki : Suomalainen Tiedeakatemia, 2000. — 279 p.

Статья поступила в редакцию 15.09.2025,
одобрена после рецензирования 24.01.2026,
подготовлена к публикации 22.02.2026.

References

Anikin, V. P. (2007). *Theory of folklore.* Moscow: KDU. 432 p. ISBN 978-5-98227-326-0. (In Russ.).

Chaptykova, Yu. I. (2007). *The ethnopoetic originality of I. Kostyakov's prose.* Abakan: Khakass Book Publishing House. 282 p. (In Russ.).

Cheltygmasheva, L. V. (2014). *Khakass prose and the prose of the peoples of Sayano-Altai in the cultural and ethnic aspect: a scientific publication.* Abakan: Brigantina Book Publishing House. 104 p. (In Russ.).

Dalgat, U. B. (2004). *Ethnopoetics in Russian prose of the 20—90s of the XX century (excursuses).* Moscow: IMLI RAS. 212 p. ISBN 5-9208-0204-9. (In Russ.).

Dongak, U. A. (2013). *Prerequisites for the origin of Tuvan literature. In: History of Tuvan literature: in 2 volumes, 1.* Novosibirsk: Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 103—108. ISBN 978-5-7692-1332-8. (In Russ.).

Galimova, E. S. (2015). On the issue of the methodology of research of local (urban and regional) literary texts (on the example of the Northern text of Russian literature). In: *Siberian identity in the mirror of the literary text: tropes, toposes, genre forms of the XIX—XX centuries: a collective monograph.* Moscow: Flinta: Nauka. 456 p. ISBN 978-5-9765-2541-2. (In Russ.).

Gasparov, B. M. (1993). *Literary leitmotivy. Essays on Russian literature of the XX century.* Moscow: Nauka: Publishing company "Oriental Literature". 304 p. (In Russ.).

Hertek, L. K. (2007). Symbolism of mythological images in rites of passage. *The world of science, culture, and education, 4 (7):* 68—72. (In Russ.).

Huseynov, Ch. G. (1978). *Forms of community of Soviet multinational literature*. Moscow: Mysl Publ. 181 p. (In Russ.).

Jason, H. (2000). *Motif, type and genre: a manual for compilation of indices & a bibliography of indices and indexing.* Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia. 279 p.

Kosheleva, A. L. (2019). *Conceptual problems and their author's artistic solution in modern Turkic literatures of Sayano-Altai: a monograph.* Abakan: Brigantina Book Publishing House. 100 p. (In Russ.).

Kotozhekov, A. I. (2022). *The Howl of the Gray Wolf.* Abakan: Brigantine Book Publishing House, LLC. 184 p. (In Russ.).

Kotozhekov, G. G. (1995). *Culture of the peoples of Sayano-Altai.* Abakan: Khakass Book Publishing House. 208 p. (In Russ.).

Kuzhuget, M. A., Ochur, T. H. (2013). Prose and journalism in the period of the Tuvan People's Republic. In: *History of Tuvan literature: in 2 volumes, 1.* Novosibirsk: Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 266 p. (In Russ.).

Kyzlasov, I. L. (2020). *Ancient history of Khakassia.* Abakan: Khakass Book Publishing House. 304 p. ISBN 978-5-7091-0871-4. (In Russ.).

Lamazhaa, C. K. (2020). The unity and uniqueness of modern ethnic cultures of the peoples of Central Asia: three research problem fields. *New studies of Tuva, 4:* 201—216. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.14. (In Russ.).

Losev, A. F. (1982). *The sign. Symbol. Myth. Works on linguistics.* Moscow: Publishing House of Moscow. University. 480 p. (In Russ.).

Lotman, Yu. M. (2000). On the mythological code of plot texts. In: *Semiosphere.* Saint Petersburg: Iskusstvo–SPb. P. 673. (In Russ.).

Maslova, V. A. (2016). *Poetic text: new approaches and solutions: a textbook.* Moscow: Flinta: Nauka Publ. 320 p. (In Russ.).

Meletinsky, E. M. (2000). *The poetics of myth.* Moscow: Vostochny lit.: RAS. 407 p. ISBN 5-02-017878-0. (In Russ.).

Mindibekova, V. V. (2023). The mythological basis of the ritual benevolence of the Khakas. *Epic studies, 2:* 67—72. DOI: 10.25587/SVFU.2023.16.84.006. (In Russ.).

Mizhit, L. S. (2020). Tuvan national poetry of the 30—40s of the XX century. *New studies of Tuva, 3:* 166—177. DOI: 10.25178/nit.2020.2.12. (In Russ.).

Modern foreign literary criticism (Western Europe and the USA): concepts, schools, terms: an encyclopedic reference. (1996). Moscow: Intra—INION RAS. 320 p. (In Russ.).

Panchenko, I. (1983). Questioning the past — looking into the future. *Questions of literature, 6:* 83—108. (In Russ.).

Sagoyakov, N. N. (2010). *Khakass myths.* Abakan: Khakass Book Publishing House. 133 p. ISBN 978-5-7091-0460-0. (In Russ.).

Samdan, Z. B. (2013). Prerequisites for the study of folklore of Tuvan literature in the post—Soviet period. In: *Oral folk art of Tuvans — the artistic basis of Tuvan literature. The history of Tuvan literature: in 2 volumes, 1.* Novosibirsk: Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 11—51. (In Russ.).

Samdan, Z. B. (2020). On the principles of classification of Tuvan mythological plots. In: *Collection of scientific articles "All-Russian Congress of Folklorists".* Moscow: V. D. Polenov State Russian House of Folk Art. P. 199. ISBN 978-5-4465-2591-1. (In Russ.).

Saryg-ool, S. A. (1974). *The Tale of a Bright Boy.* Moscow: Sovremennik Publ. 320 p. (In Russ.).

Sultanov, K. K. (2006). Identity and context. Ethnic and artistic in the literatures of the North Caucasus. In: *The Word and Wisdom of the East. Literature. Folklore. Culture: a collection.* Moscow: Nauka Publ. 233—242. (In Russ.).

Toporov, V. N. (1995). *The Myth. The ritual. Symbol. Image. Research in the field of the mythopoeic: selected works.* Moscow: Progress–Kultura Publ. 624 p. (In Russ.).

Troyakov, P. A. (1991). *The heroic epic of the Khakas and the problems of studying.* Abakan: Book Publishing House. 320 p. (In Russ.).

Troyakov, P. A. (1991). *The origins and forms of miraculous fiction.* Abakan: Book Publishing House. 384 p. (In Russ.).

Trykova, O. Y. (1978). *On the classification of ways of interaction of Russian literature of the XX century with folklore.* Moscow: Soviet Writer. 448 p. (In Russ.).

Ungvitskaya, M. A., Mainogasheva, V. E. (1972). *Khakass folk poetic creativity.* Abakan: Krasnoyar. Book publishing house: Khakass branch. 311 p. (In Russ.).

Veselovsky, A. N. (1940). *Historical poetics.* Leningrad: Khudozhestvennaya literatura. 649 p. (In Russ.).

The article was submitted 15.09.2025;
approved after reviewing 24.01.2026;
accepted for publication 22.02.2026.

CC BY

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Лесова Х. Ж. Инициационный нарратив и травма депортации в романе Г. Бельгера «Дом скитальца» / Х. Ж. Лесова, Л. В. Сафронова, К. Б. Баймурзаева // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 2. — С. 257—274. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-257-274.

Lessova, Kh. Zh., Safronova, L. V., Baimurzaeva, K. B. (2026). Initiatory Narrative and Trauma of Deportation in Gerold Belger's Novel "The House of Wandering". *Nauchnyi dialog, 15* (2): 257-274. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-257-274. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Инициационный нарратив и травма депортации в романе Г. Бельгера «Дом скитальца»

Лесова Ханзада Жамбыловна [1]
orcid.org/0009-0000-6294-2341
докторант, преподаватель,
кафедра русского языка и литературы,
корреспондирующий автор
Zada_xan@mail.ru

Сафронова Людмила Васильевна [1]
orcid.org/0000-0003-0337-9418
доктор филологических наук, профессор,
кафедра русского языка и литературы
dinass2002@mail.ru

Баймурзаева Карлыгаш Бексеитовна [2]
orcid.org/0009-0001-3837-5137
магистр педагогических наук,
старший преподаватель,
кафедра русского языка и литературы
chimgan_61@mail.ru

[1] Казахский национальный педагогический университет имени Абая (Алматы, Казахстан)

[2] Южно-Казахстанский исследовательский университет имени М. Ауэзова (Шымкент, Казахстан)

Initiatory Narrative and Trauma of Deportation in Gerold Belger's Novel "The House of Wandering"

Khanzada Zh. Lessova [1]
orcid.org/0009-0000-6294-2341
Doctoral degree seeker, lecturer,
Department of Russian Language
and Literature,
corresponding author
Zada_xan@mail.ru

Lyudmila V. Safronova [1]
orcid.org/0000-0003-0337-9418
Doctor of Philology, Professor,
Department of Russian Language
and Literature
dinass2002@mail.ru

Karlygash B. Baimurzaeva [2]
orcid.org/0009-0001-3837-5137
Master of Pedagogical Sciences,
Senior Lecturer, Department
of Russian Language
and Literature
chimgan_61@mail.ru

[1] Abai Kazakh National Pedagogical University (Almaty, Kazakhstan)

[2] M. Auezov South Kazakhstan Research University (Shymkent, Kazakhstan)

© Лесова Х. Ж., Сафронова Л. В., Баймурзаева К. Б., 2026

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследование посвящено анализу романа Г. Бельгера «Дом скитальца», а именно – содержащимся в нем сюжету инициации и нарративу депортации. Целью исследования является реконструкция фазовой организации текста и описание механизмов формирования гибридной идентичности. В качестве исследуемого материала используется роман с автобиографической основой, применяются структурный и герменевтический анализ. Рассматривается воплощение в художественном тексте мотивов изменения ритуала перехода под воздействием травматического опыта. Проводится сопоставление композиции произведения с классической триадой «отделение — лиминальность — инкорпорация», известной философии культуры. Отмечается, что в финале романа происходит включение героя в новый правовой и культурно-языковой порядок, а лиминальность претерпевает трансформацию, становясь продолжительной. Показано, что композиционная триада «Давид — Христьян — Гарри» моделирует макроуровневый переход. Внутри частей реконструированы мини-триады. Хронотоп пороговых пространств (дорога, комиссии, спецкомендатура) и ономастико-правовые маркеры статуса (переименования, паспорт) интерпретируются как способы текстовой актуализации социальных ритуалов исключения и признания. Показано, что «дом» функционирует как семиотический центр интеграции, а «возвращение через слово» переводит опыт из коммуникативной в культурную память.

Ключевые слова:
Герольд Бельгер; сюжет инициации; депортация; травма; инкорпорация; идентичность.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study focuses on an analysis of Gerold Belger's novel "*The House of Wandering*", specifically examining its initiatory narrative and deportation discourse. The primary objective is to reconstruct the phase structure of the text and describe mechanisms for forming hybrid identity. Using a work with autobiographical underpinnings as research material, structural and hermeneutic analyses are applied. The transformation of rites of passage motifs due to traumatic experience within the fictional context is explored. A comparison between the compositional structure of the novel and the classical cultural philosophy triad — "separation," "liminality," and "incorporation" — is conducted. It is noted that by the conclusion of the novel, the protagonist integrates into a new legal and linguistic-cultural order, while liminality undergoes transformation, becoming prolonged. The macro-level transition is modeled through the compositional triad "David-Hristian-Harry." Within these parts, mini-triades are reconstructed. Threshold chronotopes such as roads, commissions, and special commandants' offices, along with onomastic and legal markers of status like renamings and passports, are interpreted as textual representations of social rituals of exclusion and recognition. The functioning of the "house" as a semiotic center of integration is demonstrated, and the concept of "return through language" translates lived experiences from communicative memory into cultural memory.

Key words:
Gerold Belger; initiation plot; deportation; trauma; incorporation; identity.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 821.512.122Бельгер.07
DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-257-274

Научная специальность ВАК
5.9.2. Литературы народов мира
5.9.3. Теория литературы

Инициационный нарратив и травма депортации в романе Г. Бельгера «Дом скитальца»

© Лесова Х. Ж., Сафронова Л. В., Баймурзаева К. Б., 2026

1. Введение = Introduction

Сюжет инициации — одна из основных универсалий мировой словесности, восходящая к мифологическим, эпическим и фольклорным моделям перехода. Он формирует нарратив о предельных состояниях и трансформациях личности. В классической триаде «отделение — лиминальность — инкорпорация» инициация описывает не только смену социального статуса, но и режимы бытия и самоидентификации субъекта. В прозе о катастрофах XX века (войны, насильственные миграции, депортации) финальная фаза «возвращения» систематически проблематизируется и заменяется включением героя в новый правовой и культурно-языковой порядок (инкорпорацией).

Научная проблема данного исследования заключается в описании того, как травматический опыт депортации модифицирует механику ритуала перехода в романе. Рассматривается трансформация триады «отделение — лиминальность — инкорпорация» в «отделение — длительная лиминальность — инкорпорация», а также текстовые маркеры (сюжетные, хронотопические, лексико-семантические), фиксирующие эти фазовые сдвиги.

Проверяются следующие положения:

1) модификация классической триады стабилизирует схему «отделение — длительная лиминальность — инкорпорация», где «возвращение» заменяется включением в новый правовой и культурно-языковой порядок.

2) завершение перехода обеспечивается юридическими ритуалами признания (снятие с учёта, паспорт) и институциональными посредниками (зачисление в вуз).

3) символические комплексы ДОМ, ДОРОГА / ГРАНИЦА, ИМЯ / ДОКУМЕНТ функционируют как маркеры фаз и механизмы перевода индивидуальной памяти в культурную.

Схожий подход к инициационному чтению прозы Г. Бельгера был применен к рассказу «Дедушка Сергали» [Лесова и др., 2025, с. 183—193];

CC BY

роман «Дом скитальца» ранее не анализировался целостно в контексте инициации и травмы.

Теоретические основания исследования опираются на труды А. ван Геннепа, В. Тэрнера и М. Элиаде [ван Геннеп, 1999; Тэрнер, 1983; Элиаде, 1999]; инструментарием формально-структурного анализа сюжета и ролей служат разработки русской филологической школы (Е. М. Мелетинский; В. Я. Пропп) и семиотико-нарратологическая традиция (М. М. Бахтин; Ю. М. Лотман) [Мелетинский, 1983; Пропп, 1928; Бахтин, 1975; Лотман, 1970]. Исследования культурной памяти / постпамяти и гибридной идентичности задают продуктивную оптику для анализа травматических нарративов [Ассман, 2004; Bhabha, 1994; Hirsch, 2012]. Корпус работ о романе фокусируется на памяти, автобиографизме и межкультурном диалоге (включая архетип дома) [Ананьева, 2014; Зейферт, 2020; Поликультурная личность …, 2015]; однако фазовая организация инициации не была специально реконструирована — данный пробел восполняется настоящей статьей.

Цель исследования заключается в выявлении специфики инициационного сюжета в романе и описании механизмов формирования гибридной идентичности героя в условиях депортации.

Методологическая основа включает два взаимодополняющих подхода: (а) структурный анализ (реконструкция фаз, функций, актантных распределений и их сопоставление с универсальными матрицами) [ван Геннеп, 1999; Кэмпбелл, 2016; Пропп, 1928]; (б) герменевтическую интерпретацию символических комплексов (дом, дорога / граница, имя / документ, память) с опорой на антропологию ритуала и исследования культурной памяти [Ассман, 2004].

Научная новизна заключается в первом системном прочтении «Дома скитальца» через призму инициации и травмы; в реконструкции триады с верификацией ее текстовых маркеров и обоснованием замещения функции «возвращения» инкорпорацией; в описании архетипических и символических инвариантов (ДОМ, ИМЯ / ДОКУМЕНТ, ДОРОГА / ГРАНИЦА), структурирующих депортационный нарратив; а также в демонстрации механизма «возвращения через слово» как культурного способа завершения перехода.

Актуальность исследования определяется, с одной стороны, уточнением модели инициации применительно к нарративам насильственных миграций и длительной лиминальности; с другой — анализом символических комплексов, переводящих частную биографию в регистр культурной / коллективной памяти [Ассман, 2004; Hirsch, 2012], включая концепцию гибридной идентичности [Bhabha, 1994]. Практическая значимость заклю-

CC BY

чается в применимости результатов в университетских курсах по теории литературы и нарратологии, а также в потенциале сопоставительных исследований депортационных нарративов.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования служит роман Герольда Бельгера «Дом скитальца», автобиографически мотивированное повествование о депортации поволжских немцев и их жизни в Казахстане, представленное в форме триединой композиции «Давид — Христьян — Гарри» [Бельгер, 2007]. Выбор данного текста обоснован его двойной репрезентативностью: с одной стороны, он является художественным свидетельством коллективной травмы и «долгой лиминальности», а с другой — прозой, в которой последовательно реализуется механизм инициации, изменяющий классическую триаду отделение — лиминальность — возвращение [ван Геннеп, 1999; Кэмпбелл, 2016; Тэрнер, 1983; Элиаде, 1999]. Цель работы — реконструировать инициационный каркас романа, определить текстовые маркеры фаз (сюжетные узлы, хронотопические и лексико-семантические индикаторы) и показать, как «возвращение» системно заменяется инкорпорацией, а также какие символические комплексы (дом, граница / дорога, имя / документ, память / слово) обеспечивают переход от индивидуального опыта к культурной памяти.

В качестве методологической основы выбраны два взаимодополняющих подхода, что обеспечивает концептуальную цельность исследования и строгую операционную аналитику. Во-первых, применяется структурный анализ в русской формально-структурной традиции: на уровне фабулы и композиции выявляются устойчивые «узлы» и актантные распределения, сопоставимые с морфологическим каркасом сюжета (инициирующие испытания, блок пороговых ситуаций, модифицированная завершающая фаза) [Греймас, 2004; Пропп, 1928]. Подчеркивается, что перенос на прозаический текст «31 функции» действующих лиц, выделенных В. Я. Проппом в книге «Морфология волшебной сказки» (инвариантные звенья сюжетного развертывания волшебной сказки, от «отлучки» и «запрета / нарушения» до финальных функций «наказания» и «свадьбы / воцарения», задающие морфологический каркас повествования), не является механическим; задача заключается в описании инвариантных ролей и их смещений в депортационном нарративе, а также в соотнесении локальных решений с хронотопами порога и пути. Во-вторых, используется герменевтическая интерпретация символических комплексов — дома, дороги / границы, имени / документа, памяти / слова — с опорой на антропологию ритуала, исследования культурной памяти и постпамяти [Ассман, 2004; Камалова, 2025; Hirsch, 2012]. Так же герменевтически рассматривается

CC BY

постколониальная оптика репрезентации «другого» [Said, 1978] и концепт третьего пространства гибридной идентичности [Bhabha, 1994]. Эти подходы позволяют трактовать «границу» и «документ» как дискурсивные инструменты маркирования и иерархизации субъекта депортации, а также как зону переговоров, мимикрии и амбивалентности. Такая двойная оптика обеспечивает баланс формы и смысла: композиционно-морфологические наблюдения проверяются интерпретацией символики, а интерпретации основаны на воспроизводимых структурных опорах.

Рабочая процедура включает: (а) выделение эпизодов, коррелирующих со стадиями перехода; (б) сопоставление реконструкции с универсальными моделями (А. ван Геннеп; Дж. Кэмпбелл) в качестве проверочных матриц; (в) учет так называемых «негативных случаев» (прерванная инициация в линии Христьяна) для стресс-теста инварианта; (г) точечный лексико-семантический контроль узловых единиц («дом», «граница», «имя», «паспорт», «память»), выделенных из цитат романа; (д) выявление индикаторов третьего пространства в пограничных эпизодах — признаков гибридизации, мимикрии и амбивалентности — с сопоставлением этих признаков с актантными смещениями и дискурсивным маркированием субъекта (граница / документ) на уровне оппозиций «свой / чужой», «дом / не-дом», «включение / исключение», «гражданин / негражданин» [Bhabha, 1994; Said, 1978].

Операциональными индикаторами выступают для «границы / дороги» — граница, порог, путь, дорога, эшелон, этап, комендантский час; для «имени / документа» — имя, паспорт, справка, удостоверение, учет, спецпоселенец; для «дома» — дом, кров, очаг, крыша, родной; для «памяти / слова» — память, вспоминать, молчание, рассказ, слово, язык.

Анализ универсальных моделей перехода и лиминальности основывается на классических работах А. ван Геннепа, В. Тэрнера и М. Элиаде [ван Геннеп, 1999; Тэрнер, 1983; Элиаде, 1999], тогда как инструментарий описания сюжетно-ролевой организации прозаического текста разработан в русской формально-структурной и структуралистской традиции [Греймас, 2004; Мелетинский, 1983; Пропп, 1928]. Исследования культурной памяти и постпамяти предоставляют продуктивную оптику для анализа травматических нарративов как «перевода» индивидуального опыта в коллективный регистр [Ассман, 2004; Hirsch, 2012]. Постколониальная теория дополняет этот ракурс категориями репрезентации «другого» и гибридной идентичности (третьего пространства) [Bhabha, 1994; Said, 1978], что актуально для хронотопа границы и депортационного опыта. В близком тематическом поле для русскоязычной прозы отмечены работы об архетипе дома и репрезентациях депортационного опыта [Афанасьева, 2017; Демченко, 2018], формирующие контекст символической интерпретации.

CC BY

В отличие от указанных ракурсов данное исследование предлагает целостную реконструкцию структуры романа Бельгера, базирующейся на сюжете инициации героев, с верификацией фаз и их текстовых маркеров; этот аспект ранее не был систематически описан.

Методика структурно-герменевтического анализа художественного текста, в котором актуализирована связь «инициации» и «травмы», ранее применялась к малой форме Бельгера [Лесова и др., 2025]; рассказу И. Одегова и сказкам Л. Калаус [Safronova et al., 2023; 2025], а в настоящей статье она масштабирована на роман и уточнена через хронотоп порога и ритуалы признания.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Историко-концептуальная и биографическая рамка создания романа

Исторической рамкой романа Г. Бельгера «Дом скитальца» является депортация поволжских немцев 1941 года, которая создала длительное состояние пограничности и запустила описанные в тексте механизмы перехода. Правовую основу этого процесса составляет Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28.08.1941 года «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» [ГАРФ, ф. Р-7523, оп. 4, д. 49, л. 151—152].

Ключевым понятием в аналитической оптике статьи является инициация — ритуально организованный переход, который приводит к онтологическому изменению статуса субъекта. Классическая структура инициации описывается триадой отделение — лиминальность — возвращение. Эта рамка позволяет показать, как насильственное переселение переводит утрату «дома» в структуру предельного жизненного перехода.

Биография автора тесно связана с указанной историей. Герольд Карлович Бельгер (1934—2015) — писатель, публицист и переводчик немецкого происхождения, чье детство прошло в условиях депортации: семья была переселена в Казахстан в 1941 году, а дальнейшее формирование личности происходило в многоязычной (немецко-казахско-русской) среде. Роман «Дом скитальца» (2007), посвященный отцу, выстроен как автобиографически мотивированное свидетельство с композиционной триадой «Давид — Христьян — Гарри», где универсальная схема перехода получает специфическую модификацию: финальная стадия «возвращения» последовательно реализуется как инкорпорация в новый правовой и культурно-языковой порядок. Третья глава («Гарри») носит автобиографический характер: герой является авторской проекцией и отражает личный опыт Бельгера, что существенно для трактовки финальной стадии как «возвращения через слово» [Бельгер, 2007; Поликультурная личность…, 2015].

CC BY

3.2. Композиционная модель инициации: макро- и микроуровень

Роман представляет двуслойную модель ритуала перехода. На макроуровне триада центральных героев романа, по имени которых названы его части, «Давид — Христьян — Гарри», соотнесена с фазами отделение — лиминальность — инкорпорация в контексте классической схемы [ван Геннеп, 1999; Кэмпбелл, 2016; Тэрнер, 1983; Элиаде, 1999]. Образ «Давида» структурирован по модели вынужденного отделения (депортация, утрата статуса) с первичной стабилизацией через служение общине; образ «Христьяна» фиксирует затянутую лиминальность (жизнь «на пороге», молчание как форма вытеснения травмы) без позитивной реинтеграции; образ «Гарри» представляет возвращение / инкорпорацию — это не «возврат домой», а вхождение в новый правовой и культурно-языковой порядок (образование, паспорт, публичный голос). Схематизация макроуровня представлена в табл. 1.

Таблица 1

Макромодель инициации в романе (классическая триада I—III)

Macro-Level Model of Initiation in the Novel (Classical Triad I—III)

Фаза (классическая модель)	**I. Отделение**	**II. Лиминальность**	**III. Инкорпорация**
Часть романа	«Давид»	«Христьян»	«Гарри»

Таблица 1 демонстрирует, что композиция романа соответствует инициационному типу нарратива: функции фаз распределены по трем частям, формируя непрерывную динамику становления героя. На микроуровне аналогичная логика проявляется в ключевых пороговых эпизодах (см. таблицу 2).

Данные таблицы демонстрируют повторяемость триады на микроуровне привариативного финала: срыв интеграции в «Христьян» и институциональная инкорпорация в «Гарри». Это приводит к модификации классической матрицы перехода (по ван Геннепу и Тэрнеру) в соответствии с логикой травматического нарратива: «возвращение» понимается как вхождение в новый правовой и культурно-языковой порядок, а не как репатриация прошлого.

3.2.1. «Давид»: отделение, лиминальность и инкорпорация

Глава «Давид» воспроизводит классическую триаду инициации в историко-травматическом контексте депортации, при этом «возвращение» реализуется как укоренение на новом месте.

ОТДЕЛЕНИЕ. Инициирующий разрыв отмечен сочетанием исторического и биографического планов: указ о выселении и «тотальная депорта-

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Таблица 2

Микроуровень внутренних триад романа
Micro-level Structure of the Novel's Internal Triads

Стадия / Глава	I. Отделение	II. Лиминальность	III. Инкорпорация
«Давид»	депортация; утрата дома / статуса; разрыв семейных связей	трудармия, бесправие (**«вторичное отделение»**); пороговые ситуации служения и выживания	коллективное прошение аула о возвращении фельдшера; совместная постройка дома; признание общиной (укоренение)
«Христьян»	ретроспективная высылка / лагерь; утрата здоровья	молчание; «жизнь на пороге»; социальная невключенность; отсутствие роли / статуса в общине	финальная фаза **редуцирована** (прерванная инициация); тихая смерть без интеграции
«Гарри»	экзистенциальное отделение (инаковость); отказы при поступлении и оформлении документов	«невидимый барьер» (неопределенный статус); поиск «своего» языка и пути; пороговые испытания взросления (границы, голос / молчание)	институциональное признание: зачисление; снятие с учёта; получение паспорта; «возвращение через слово» (публичное свидетельство: письмо, память)

ция <…> в черные сентябрьские дни» [Бельгер, 2007, с. 83], за которыми следует «последний эшелон <…> в Сибирь и Казахстан» [Там же, с. 93—94]. Личное измерение отделения усиливается актом переименования сына: «Арношку <…> переименовал вдруг в "Алешку"» [Там же, с. 118].

ЛИМИНАЛЬНОСТЬ. Пороговая фаза представляет собой череду испытаний и бесправия: «Он долго читал ее, <…> будто не веря своим глазам» (о повестке в трудовую армию) [Там же, с. 97]. Показателен «вторичный порог» — временное изъятие героя из привычной социальной среды и возвращение по коллективному прошению аулов («…в райком и райвоенкомат посыпались письма с просьбой вернуть им фельдшера Эрлиха»), где роль «помощника» приобретает коллективный характер [Там же, с. 112].

ИНКОРПОРАЦИЯ. Завершение главы оформляет не возврат, а признание и включение: совместная постройка дома становится материальным символом интеграции: «Домом был заполнен мир» [Там же, с. 329]. Таким образом, финальная функция классической схемы реализуется как устойчивое укоренение в новом социокультурном порядке.

CC BY

Схема «отделение — лиминальность — инкорпорация» выдержана, но финальная функция «возвращения» заменена устойчивой интеграцией; «вторичный порог» (призыв → прошение → возвращение) превращает служение в ресурс статуса: община выступает инициирующим посредником. Ключевой символ — дом как семиотический центр инкорпорации [Демченко, 2018, Афанасьева, 2017].

3.2.2. «Христьян»: прерванная инициация и семантика молчания

Глава «Христьян» намеренно редуцирует классическую трехфазную модель инициации: отделение (депортация, переселение) и испытание (лагерь, болезнь) остаются в предыстории героя, тогда как финальная фаза (возвращение / инкорпорация) не наступает. В терминах ритуала перехода это устойчивое пребывание в лиминальной фазе (пороговом состоянии) без закрепления нового социального статуса [Тэрнер, 1983].

Повествовательная манера подчеркнуто сдержанна; герой представлен краткими, «обезличенными» штрихами — «тихий, замкнутый, учился легко, увлеченно» — уже на исходе жизненного пути [Бельгер, 2007, с. 204], что усиливает эффект неизреченности пережитого опыта.

Знаковым маркером сопротивления растворению выступает сохраненное имя на фоне практики вынужденных переименований депортированных («Дитрих — Дмитрий», «Фриц — Федор», «Вильгельм — Василий» и др.) [Бельгер, 2007, с. 152]. Имя «Христьян» с его христианскими коннотациями терпения и смирения фиксирует минимальное, но принципиальное ядро самотождественности, не конвертированное в признанный статус.

Кульминация — тихая смерть — фиксирует срыв финальной фазы: ритуал остается незавершенным, а лиминальность превращается в длительный режим существования. Функция этой части в макрокомпозиции — задать поле молчания, на котором травма одного поколения артикулируется другим. В этих условиях происходит переход от «коммуникативной» к «культурной» памяти [Ассман, 2004]; одновременно активируется режим постпамяти, когда поколение потомков присваивает и транслирует опыт предков [Hirsch, 2012].

«Христьян» моделирует прерванную инициацию — отделение и испытания уже совершились, но инкорпорация не наступает; семантика молчания структурирует последующее «возвращение через слово» в части «Гарри».

3.2.3. «Гарри»: возвращение через слово и институциональное признание

Образ Гарри воспринимается как автобиографическая проекция автора: его школьная и вузовская траектории совпадают (казахская школа;

зачисление в КазПИ им. Абая при ректорстве Героя Советского Союза М. Габдуллина на специальность «русский язык и литература»). В его жизни также присутствуют эпизоды отказов «по происхождению» и финальное снятие с учета в спецкомендатуре с получением паспорта [Бельгер, 2007, с. 268, 347, 379]. Это создает режим свидетельства и служит еще одним средством, переводящим частную биографию в регистр культурной памяти [Ассман, 2004; Hirsch, 2012].

Для Гарри «исход» имеет статусный, а не географический характер: «…из года в год, из месяца в месяц подчеркивать, что ты не такой <…> будто должен до гроба <…> оправдываться за некую изначальную вину» [Бельгер, 2007, с. 247]. Стигма «чужого» формирует «начальную фазу отделения» — в терминах ритуала перехода [ван Геннеп, 1999].

Пороговая полоса проявляется как серия институциональных барьеров, несмотря на очевидную академическую успешность. В школе Гарри ожидал получения «золотой медали», которая «не состоялась» по внекритериальным причинам [Бельгер, 2007, с. 268, 276]. На вступительных экзаменах в Караганде экзаменатор «…в конце концов вывел ему в экзаменационном листе “отлично”», однако затем последовало исключение «представителей наций-изгоев» [Там же, с. 316, 318].

Характерен эпизод «символической смерти» и «возврата без статуса»: после неудачи в Караганде герой на время возвращается в аул и работает, оставаясь формально вне высшей школы и под надзором спецкомендатуры. Между выпуском и зачислением траектория Гарри специально скомпонована как серия «лиминальных зигзагов»: экзамены → исключение «по происхождению» → посредничество → зачисление — сознательная композиция порогов, углубляющая опыт «между» [Тэрнер, 1983].

Перелом обеспечивают фигуры этико-институционального посредничества. Несмотря на поддержку ректора КазПИ (1953–1963), Героя Советского Союза (1943), учёного-педагога, писателя, действительного члена АПН СССР (1959), доктора филологических наук, профессора (1959) Малика Габдуллина (казахский советский), решающим становится звонок второго секретаря ЦК комсомола Казахстана Анатолия Фёдоровича Шалова: «<…> Сдал все отлично, но не принимают <…> Помоги. Дай распоряжение <…> ссылайся на меня» [Бельгер, 2007, с. 347]. В терминах инициационного нарратива это функция «помощника / проводника», посредника, который переводит лиминала через порог к новому статусу [ван Геннеп, 1999; Кэмпбелл, 2016].

Завершение перехода оформляется юридически и символически. Во-первых, включение в образовательный институт (КазПИ им. Абая) фиксирует новое социальное место. Во-вторых, правовое признание завершается

CC BY

снятием с учета и выдачей документа: *Я счастлив. С учета комендатуры снят. И паспорт получил. Вот!* [Бельгер, 2007, с. 379]. Паспорт в поэтике романа — это не просто «бытовая деталь», а юридическое завершение инициации, переводящее героя из контролируемого «вне» в статус признанного «внутри» правового порядка.

В отличие от линии Давида (укоренение через труд) и фигуры Христьяна (срыв финала), «возвращение» Гарри осуществляется **через слово**: филологическое образование, письмо и публичное свидетельство конвертируют травматический опыт в культурную память. Принципиально, что имя героя не подвергается маскирующим трансформациям (на фоне практик «Дитрих — Дмитрий», «Фриц — Федор» и др.): сохраненное имя фиксирует ядро самотождественности и переносит центр признания из биографии в дискурс [Бельгер, 2007, с. 152].

Линия Гарри демонстрирует модифицированную триаду «отделение → длительная лиминальность → возвращение», где финал мыслится не как репатриация, а как институциональное и правовое оформление включения, дополненное символической «реабилитацией» через язык и авторский голос. Наличие «посредников порога» и статусных ритуалов (зачисление, паспорт) подтверждает, что в контексте депортационной травмы завершение инициации обеспечивается не архаическим обрядом, а процедурами модерной бюрократии, выполняющими ту же структурную функцию перехода.

3.3. Хронотоп скитания: пороговые пространства и длительная лиминальность

Роман структурирован вокруг хронотопа перехода: дорога, станция, барак, аул, райвоенкомат, приемные комиссии, спецкомендатура образуют сеть пороговых пространств, в которых герои лишены стабильного статуса и времени «пребывания». Время воспринимается как ожидание и неопределенность, «подвешенное состояние» [Тэрнер, 1983]. Инициирующий эпизод депортации задает начальный вектор хронотопа (*черные сентябрьские дни*) [Бельгер, 2007, с. 83]; далее пороговые точки обозначаются бюрократическими и дисциплинарными узлами: повестка в трудармию [Там же, с. 97], статус спецпоселенца и контроль спецкомендатуры, снятие с учета (как акт правового признания) [Там же, с. 379].

В пространстве степи аул становится амбивалентным топосом: изначально это чужое, транзитное место, которое затем преобразуется в матрицу укоренения через труд и солидарность (дом Давида как семиотический центр) [Бельгер, 2007, с. 329]. Пороговые локации советской действительности (экзаменационные комиссии, ведомственные кабинеты) пространственно и функционально воспроизводят «границу допуска / исключения»

(например, «отлично» в экзаменационном листе при последующем исключении по «происхождению») [Там же, с. 316—318]. Таким образом, хронотоп романа сочетает *линейную дорогу* (миграцию) и *узловые пороги* (институциональные точки доступа), что соотносится с бахтинским хронотопом дороги / порога [Бахтин, 1975].

На уровне временной организации длительная лиминальность проявляется как многолетний режим «между»: биографические фазы героев не формируют классическую дугу «возврат в прежний порядок», а завершаются инкорпорацией в иной правовой и культурный режим (паспорт, образование, публичное слово). Память (индивидуальная и семейная) структурирует это растянутое время, превращая «скитание» в нарратив памяти и задавая ритм реминисценций / свидетельств [Ассман, 2004].

3.4. Дом как семиотический центр идентичности

В анализируемом тексте дом одновременно выполняет функции бытового локуса и семиотического центра формирования идентичности после травматического разрыва. Утрата дома символизирует первичную десемантизацию мира (фаза *отделения*), а коллективное строительство нового дома у Давида — переход к *инкорпорации* через социальное признание [Бельгер, 2007, с. 329]. На уровне культурной модели это соответствует архетипической функции «центра»/«очага», который представляет «свой мир» и задает нормативную картографию пространства [Элиаде, 1999]. В русскоязычной литературе Казахстана архетип дома является устойчивым маркером самоидентификации и принадлежности, что согласуется с наблюдениями по корпусу региональной прозы [Афанасьева, 2017].

В романе образ дома организует многоуровневую символику**:** (1) материальный уровень (крыша / очаг как минимальная защита, восстановление повседневности); (2) социальный уровень (общинная солидарность, «совместное строение» как ритуал принятия в новый круг) [Бельгер, 2007, с. 329]; (3) ментальный уровень, соотносительный с мемориальными мотивами (интеграция семейной памяти в новое место, «перенос центра»). Вплетение дома в память переводит его в регистр культурной и коммуникативной памяти, где локус становится носителем коллективного опыта и «якорем» повествования [Ассман, 2004; Hirsch, 2012]. Таким образом, дом в «Доме скитальца» — это не символ «возврата» к прежнему, а материализованная инкорпорация: новая точка устойчивости внутри иного правового и культурно-языкового порядка.

3.5. Имя, документ и правовой статус: ритуалы признания

Ономастическое измерение романа (снятие / смена имени, переименование, документирование имени) является ключевым индикатором статуса в процессе перехода. Переименования трудармейцев («Дитрих — Дми-

CC BY

трий», «Фриц — Федор» и т. п.) демонстрируют негативную модификацию ритуала «второго рождения»: это не присвоение нового имени как знака зрелости, а маскирующее отречение от прежней идентичности под давлением внешней нормы [Бельгер, 2007, с. 152]. Случай переименования внука («Арнольд / Арношка» → «Алеша») символизирует исключение отца из родовой памяти — ритуал «анти-признания» внутри семейного круга [Там же, с. 118]. В координатах ритуалистики это не классическое инициирование, а инверсия: принудительное изменение знака идентичности без последующей позитивной инкорпорации [ван Геннеп, 1999; Элиаде, 1999].

Отдельный тип представляет линия Есильбая (урожденного Егора). Сначала фиксируется экзоэтноним *урус* (разг. казах. со значением «русский»), затем следует топонимическая номинация *Есильбай* (по месту находки у реки Есиль), а далее — религиозная инкультурация («его *омусульманили*…») [Бельгер, 2007, с. 81]. Эта последовательность — от внешнего именования к локальной топонимической маркировке и религиозно-правовому включению — моделирует «инкорпорацию ценой растворения»: субъект принимает новую идентичность, теряя предшествующее «я».

В противоположность этому документ (паспорт) в финале линии Гарри выполняет функцию юридической инкорпорации (включения) — формализованного признания личности и ее допуска в правовой порядок: «… с учета комендатуры снят <…> паспорт получил» [Бельгер, 2007, с. 379]. Между этими полюсами располагаются институциональные пороги: экзаменационные комиссии, ведомственные кабинеты, «решения к допуску / исключению», где имя / фамилия и «происхождение» выступают фильтрами статуса (успешные ответы при последующем отчислении «по происхождению») [Там же, с. 316, 318]. Эти сцены представляют собой пороговые бюрократические ритуалы, заменяющие традиционные обряды перехода и структурирующие движение субъекта от длительной лиминальности к инкорпорации (или к ее срыву).

ИМЯ и ДОКУМЕНТ в романе — не «детали быта», а ритуальные маркеры признания / исключения. Переименование (маскировка) усиливает режим «между» или ведет к растворению прежнего «я», тогда как паспорт фиксирует «возвращение через право», то есть завершение перехода в форме включения в новый социальный порядок.

4. Заключение = Conclusions

В данной статье показано, что роман «Дом скитальца» организован как вариативная инициация, в которой классическое «возвращение» систематически заменяется инкорпорацией в новый правовой и культурно-языковой порядок. Композиционная триада глав романа («Давид» — «Хри-

стьян» — «Гарри») структурирует фазы перехода между поколениями, а внутри каждой части воспроизводится собственная микроструктура ритуала. Лиминальность выступает не кратковременным мостом, а устойчивым режимом существования, поддерживаемым институциональными «порогами» бюрократии.

Выделяются два ключевых маркера признания: **дом** как семиотический центр укоренения (интеграция через труд и солидарность) и **имя / документ** как индикаторы статуса (инверсия инициационного «второго рождения» в практиках переименования и, напротив, юридическое признание в финале линии Гарри). Динамика «молчания / голоса» переводит частную биографию в регистр культурной памяти: «Христьян» фиксирует прерванную инициацию, тогда как «Гарри» осуществляет «возвращение через слово».

Новизна данного исследования заключается в структурной реконструкции модифицированной инициационной модели для депортационного нарратива и связывании формальных узлов (фазы, пороги, посредники) с символическими комплексами (дом, дорога / граница, имя / документ). Методологически продуктивным для анализа романа оказался тандем структурного и герменевтического анализа. В перспективе корпус изучаемых текстов планируется расширить для получения комплексных выводов.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Бельгер Г. К.* Дом скитальца / Г. К. Бельгер. — Алматы : Паритет, 2007. — 384 с. — ISBN 9965-770-49-2.

2. ГАРФ — *Государственный* архив Российской Федерации. Ф. Р-7523 (Президиум Верховного Совета СССР). Оп. 4. Д. 49. Л. 151—152.

3. *Указ Президиума Верховного Совета СССР* «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». 28.08.1941 [Электронный ресурс] // Электронная библиотека исторических документов (ЭБИД). — Режим доступа : https://docs.historyrussia.org/ru/indexes/values/1311237 (дата обращения 06.05.2025).

Литература

1. *Ананьева С. В.* Великий немец Великой степи : О Герольде Бельгере / С. В. Ананьева. — Алматы : Библиотека Олжаса, 2014. — 198 с. — ISBN 978-601-7315-60-3.

2. *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман ; пер. с нем. М. М. Сокольской. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 368 с. — ISBN 5-94457-176-4.

3. *Афанасьева А. С.* Архетип «дом» в русскоязычной литературе Казахстана / А. С. Афанасьева // Вестник РУДН. Серия : Вопросы образования : языки и специальность. — 2017. — № 3. — С. 483—492. — DOI: 10.22363/2312-8011-2017-14-3-483-492.

4. *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М. М. Бахтин. — Москва : Художественная литература, 1975. — 504 с.

5. *ван Геннеп А.* Обряды перехода / А. ван Геннеп ; пер. с фр. Ю. Е. Ивановой, Л. В. Покровской. — Москва : «Восточная литература» РАН, 1999. — 198 с. — ISBN 5-02-018038-6.

6. *Греймас А.-Ж.* Структурная семантика : поиск метода / А-Ж. Греймас ; пер. с фр. Л. Зиминой. — Москва : Академический проект, 2004. — 368 с. — ISBN 5-8291-0440-7.

7. *Демченко А.* Методические приемы анализа архетипа «дом» в романах Г. Бельгера / А. Демченко // Вестник. Серия «Педагогические науки». — 2018. — Т. 56. — № 3. — С. 86—93.

8. *Зейферт Е.* Депортация советских немцев глазами ребёнка в повести : опыт рефлексии и авторефлексии (на материале хрестоматии литературы российских немцев «В воздухе растет колокольня из звуков») / Е. Зейферт // Keruen. — 2020. — № 66 (1). — С 112—120. — DOI: 10.53871/2078-8134.2020.1-02.

9. *Зейферт Е.* «Дом скитальца» Герольда Бельгера : книга-музей / Е. Зейферт // Нива. — 2005. — № 6. — С. 127—131.

10. *Камалова С. Д.* Постколониальный ответ в художественной литературе : предпосылки возникновения и языковые особенности / С. Д. Камалова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2025. — Т. 18. — № 2. — С. 613—624. — DOI: 10.30853/phil20250088.

11. *Кэмпбелл Дж.* Тысячеликий герой / Дж. Кэмпбелл. — Санкт-Петербург : Питер, 2016. — 352 с. — ISBN 978-5-496-01865-4.

12. *Лесова Х. Ж.* Сюжет инициации в рассказе Г. Бельгера «Дедушка Сергали» : структура, символика и историко-культурный контекст / Х. Ж. Лесова, Л. В. Сафронова // Вестник университета Яссави. — 2025. — № 3 (137). — С. 183—193. — DOI: 10.47526/2025-3/2664-0686.243.

13. *Лотман Ю. М.* Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. — Москва : Искусство, 1970. — 387 с.

14. *Мелетинский Е. М.* Семантическая организация мифологического повествования и проблема создания семиотического указателя мотивов и сюжетов / Е. М. Мелетинский // Ученые записки Тартуского государственного университета. — 1983. — Вып. 635. — С. 115—125.

15. *Поликультурная* личность Герольда Бельгера в потоке национальных языков и литератур : материалы вузовской конференции, посвящённой творчеству современного казахстанского поликультурного писателя Герольда Бельгера (Костанай, 2 марта 2015 г.) / отв. ред. А. М. Кусаинова. — Костанай : Костанайский филиал ФГБОУ ВПО «ЧелГУ», 2015. — 182 с. — ISBN 978-601-7463-75-5.

16. *Пропп В. Я.* Морфология сказки / В. Я. Пропп. — Ленинград : Academia, 1928. —152 с.

17. *Тэрнер В.* Символ и ритуал / В. Тэрнер. — Москва : Наука, 1983. — 277 с.

18. *Элиаде М.* Тайные общества. Обряды инициации и посвящения / М. Элиаде ; пер. с фр. Г. А. Гельфанд. — Санкт-Петербург : Университетская книга, 1999. — 356 с. — ISBN 5-79140048-9.

19. *Bhabha H. K.* The Location of Culture / H. K. Bhabha. — London — New York : Routledge, 1994. — 285 p. — ISBN 0-415-01635-5.

20. *Hirsch M.* The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture after the Holocaust / M. Hirsch. — New York : Columbia University Press, 2012. — 320 p. — ISBN 9780231156530.

21. *Safronova L. V.* Mythopoetics of Transition in Women's Prose in Kazakhstan (Based on the Works of Lili Kalaus) / L. V. Safronova, E. T. Zanysbekova, Zh. M. Ryssaldiyev // J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci. — 2025. — № 18(1). — Pp. 56—69.

22. *Safronova L.* Narcistična motnja likov v prozi Ilje Odegova Characters' Narcissistic Disorder in the Works of Ilya Odegov / L. Safronova, B. Baizhigit // Slavistična revija. — 2023. — № 71 (1). — Pp. 29—42. — DOI: 10.57589/srl.v71i1.4032.

23. *Said E.* Orientalism / E. Said. — New York : Pantheon Books, 1978. — 369 p. — ISBN 0-394-74067-X.

Статья поступила в редакцию 10.10.2025,
одобрена после рецензирования 06.02.2026,
подготовлена к публикации 21.02.2026.

Material resources

Belger, G. K. (2007). *The House of the wanderer.* Almaty: Parity. 384 p. ISBN 9965-770-49-2. (In Russ.).

Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR "On the resettlement of Germans living in the Volga region". 28.08.1941. *The Electronic Library of Historical Documents (EBID).* Available at: https://docs.historyrussia.org/ru/indexes/values/1311237 (accessed 06.05.2025). (In Russ.).

GARF — *State Archive of the Russian Federation. F. R-7523 (Presidium of the Supreme Soviet of the USSR). Op. 4. 49. L. 151—152.* (In Russ.).

References

Afanasyeva, A. S. (2017). The archetype "house" in the Russian-language literature of Kazakhstan. *Bulletin of the RUDN University. Series: Educational issues: languages and specialty, 3:* 483—492. DOI: 10.22363/2312-8011-2017-14-3-483-492. (In Russ.).

Ananyeva, S. V. (2014). *The Great German of the Great Steppe: About Gerold Belger.* Almaty: Olzhasa Library. 198 p. ISBN 978-601-7315-60-3. (In Russ.).

Assman, Ya. (2004). *Cultural memory: Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity.* Moscow: Languages of Slavic Culture. 368 p. ISBN 5-94457-176-4. (In Russ.).

Bakhtin, M. M. (1975). *Questions of literature and aesthetics. Studies of different years.* Moscow: Khudozhestvennaya literatura. 504 p. (In Russ.).

Bhabha, H. K. (1994). *The Location of Culture.* London — New York: Routledge. 285 p. ISBN 0-415-01635-5.

Campbell, J. (2016). *The Thousand-faced Hero.* Saint Petersburg: Peter. 352 p. ISBN 978-5-496-01865-4. (In Russ.).

Demchenko, A. (2018). Methodological techniques for analyzing the archetype "house" in the novels of G. Belger. *The messenger. The series "Pedagogical sciences", 56 (3):* 86—93. (In Russ.).

Eliade, M. (1999). *Secret societies. Rites of initiation and initiation.* Saint Petersburg: University Book. 356 p. ISBN 5-79140048-9. (In Russ.).

Greimas, A. J. (2004). *Structural semantics: The search for a method.* Moscow: Academic Project. 368 p. ISBN 5-8291-0440-7. (In Russ.).

Hirsch, M. (2012). *The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture after the Holocaust.* New York: Columbia University Press. 320 p. ISBN 9780231156530.

Kamalova, S. D. (2025). Postcolonial response in fiction: prerequisites for the emergence and linguistic features. *Philological Sciences. Questions of theory and practice, 18 (2):* 613—624. DOI: 10.30853/phil20250088. (In Russ.).

Kusainov, A. M. (ed.). (2015). *The multicultural personality of Gerold Belger in the flow of national languages and literatures: materials of the university conference dedicated to the work of the modern Kazakhstani multicultural writer Gerold Belger (Kostanay, March 2, 2015).* Kostanay: Kostanay branch of FSBEI HPE ChelSU. 182 p. ISBN 978-601-7463-75-5. (In Russ.).

Lessova, Kh. Zh., Safronova, L. V. (2025). The initiation plot in G. Belger's short story "Sergali's Grandfather": structure, symbolism and historical and cultural context. *Bulletin of the University of Yassavi, 3* (137): 183—193. DOI: 10.47526/2025-3/2664-0686.243. (In Russ.).

Lotman, Yu. M. (1970). *The structure of a literary text.* Moscow: Iskusstvo Publ. 387 p. (In Russ.).

Meletinsky, E. M. (1983). Semantic organization of mythological narrative and the problem of creating a semiotic index of motives and plots. *Scientific Notes of Tartu State University,* 635: 115–125). (In Russ.).

Propp, V. Ya. (1928). *The morphology of the folktale*. Leningrad: Academia. 152 p. (In Russ.).

Safronova, L., Baizhigit, B. (2023). Narcistská motnja likov v prozi Ilje Odegova characters' narcissistic disorder in the works of Ilya Odegov. *Slavistična Revija*, *71*(1): 29–42. DOI: 10.57589/srl.v71i1.4032.

Safronova, L. V., Zanysbekova, E. T., Ryssaldiyev, Zh. M. (2025). Mythopoetics of transition in women's prose in Kazakhstan (based on the works of Lili Kalaus). *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci.*, *18*(1): 56–69.

Said, E. (1978). *Orientalism.* New York: Pantheon Books. 369 p. ISBN 0-394-74067-X.

Seifert, E. (2005). "The Wanderer's House" by Gerold Belger: a museum book. *Niva, 6:* 127—131. (In Russ.).

Seifert, E. (2020). The deportation of Soviet Germans through the eyes of a child in a story: the experience of reflection and self-reflection (based on the textbook of literature of Russian Germans "A bell tower of sounds grows in the air"). *Keruen, 66 (1):* 112—120. DOI: 10.53871/2078-8134.2020.1-02. (In Russ.).

Turner, V. (1983). *Symbol and ritual.* Mosco: Nauka Publ. 277 p. (In Russ.).

Van Gennep, A. (1999). *Rites of passage.* Moscow: Oriental Literature of the Russian Academy of Sciences. 198 p. ISBN 5-02-018038-6. (In Russ.).

The article was submitted 10.10.2025;
approved after reviewing 06.02.2026;
accepted for publication 21.02.2026.

CC BY

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Локтевич Е. В. Современная песенная поэзия как игровой стрим : субъектная идентификация рок-героя / Е. В. Локтевич // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 2. — С. 275—299. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-275-299.

Loktevich, E. V. (2026). Contemporary Song Poetry as a Gaming Stream: Subjective Identification of Rock Hero. *Nauchnyi dialog, 15* (2): 275-299. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-275-299. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Современная песенная поэзия как игровой стрим: субъектная идентификация рок-героя

Локтевич Екатерина Вячеславовна
orcid.org/0000-0001-8357-9019
кандидат филологических наук, доцент,
кафедра литературно-
художественной критики
lichorad.kat@mail.ru

Белорусский
государственный университет
(Минск, Республика Беларусь)

Contemporary Song Poetry as a Gaming Stream: Subjective Identification of Rock Hero

Ekaterina V. Loktevich
orcid.org/0000-0001-8357-9019
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Literary
and Artistic Criticism
lichorad.kat@mail.ru

Belarusian State University
(Minsk, Republic of Belarus)

© Локтевич Е. В., 2026

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассматривается специфика субъектной организации современной белорусской и российской рок-поэзии, опосредованной актуальными игровыми стратегиями. Особое внимание автор уделяет осмыслению проблемы (само)идентификации лирического субъекта в условиях фиджитализации, медиатизации и геймификации культуры. Представлены результаты компаративистского анализа вербальных субтекстов творчества музыкальных групп «Vihilija», «Няміга», «Bjarla» и «Хрен» за 2021—2025 годы. Поднимается вопрос о роли автокоммуникации и полифонических конструкций в оформлении имиджа игрового субъекта сознания и речи как преемника ролевого героя. Верификационный акцент делается на определении воздействия стратегий стриминговых коммуникаций и компьютерной игровой эстетики на рок-поэтику. Актуальность исследования обусловлена необходимостью научного осмысления связей трансформации субъектной организации рок-текста и кризиса традиционных форм субъектности. Вводятся понятия игрового рок-стрима, автокоммуникативного игрового кода, внесубъектного героя-игрока. Доказано, что рок-герой эволюционирует от монологического «Я-пророка» к модулируемой игровой проекции. Предлагается классификация игровых стратегий лирического субъекта: аватарная, нарративно-ролевая, автокоммуникативная, трансмедийная. Выполнен обзор репрезентации Своего / Другого / Чужого сознания в фокусе экзистенциально-виртуального художественного бытия.

Ключевые слова:
песенная поэзия; субъектная организация; субъектная идентификация; внесубъектность; рок-герой; игровой стрим.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the specifics of subjective organization in contemporary Belarusian and Russian rock poetry mediated by current gaming strategies. The author pays particular attention to understanding the problem of (self-)identification of the lyrical subject under conditions of fidgetalization, mediatization, and gamification of culture. Comparative analysis results are presented for verbal subtexts from musical groups such as “Vihilija,” “Niamiha,” “Bjarla,” and “Khren” over the period 2021–2025. The role of autocommunication and polyphonic constructs in shaping the image of the game-consciousness-and-speech subject as heir to the role-playing hero is discussed. Verification emphasis is placed on determining the impact of streaming communication strategies and computer-game aesthetics on rock poetics. The relevance of this study stems from the need for scientific comprehension of the relationship between transformations in the subjective organization of rock texts and crises in traditional forms of subjectivity. Concepts introduced include game rock stream, auto-communicative game code, nonsubjective player-hero. It has been demonstrated that the rock hero evolves from monologic “I-the Prophet” to modulated game projection. A classification of lyrical subject's game strategies is proposed: avatar-based, narrative-role-playing, auto-communicative, transmedia. An overview is provided regarding representation of one's own / other / alien consciousness within the focus of existential-virtual artistic being.

Key words:
song poetry; subjective organization; subjective identification; nonsubjectivity; rock hero; game stream

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 821.161.1+821.161.3+82-192
DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-275-299

Научная специальность ВАК
5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации
5.9.2. Литературы народов мира
5.9.3. Теория литературы

Современная песенная поэзия как игровой стрим: субъектная идентификация рок-героя

© Локтевич Е. В., 2026

1. Введение = Introduction

Современная поэзия, испытывающая интерес «к различным экспериментам с гипертекстовой организацией произведений, поискам новых форм и способов воплощения смыслов» [Абросимова, 2020, с. 10], переживает парадигмальный сдвиг, обусловленный цифровизацией культуры и закономерно ведущий к «интермедиальной референции» [Там же, с. 11]. Если классическая рок-поэзия 1980-х годов формировала героя как целостного «поэта-пророка» — носителя экзистенциальной истины и социального протеста [Карпов, 2023, с. 74], то в 2020-е годы субъектность песенной лирики фигурирует скорее в режиме *игрового стрима*, динамика которого опосредована внедрением медиатехнологий, приемами геймификации и нейрокоммуникацией, что в совокупности позволяет пересмотреть пути реализации художественного мира рок-поэзии, традиционно ориентированной на «разрушение шаблонов сознания, поведенческих стереотипов, эмоциональной косности и ограниченности мышления» [Харитонов, 2023, с. 164]. Однако, несмотря на то что сегодня поэзия «движется по миру с помощью Интернета», она не может с легкостью «прозвучать на множестве языков мира», так как именно «индивидуальный язык является частью ее сущности», «обусловливает значимость оригинального текста» [Шольц, 2023, с. 41]. Обозначенный трансформационный процесс актуализирует комплекс научных проблем, требующих переосмысления ряда устоявшихся в литературоведении категорий — лирический герой, лирическое переживание, собственно автор, биографический автор, эмоциональный тон, точка зрения, художественная целостность — в контексте креативной интерференции поэтического слова и игровых траекторий коммуникации.

Таким образом, научная проблема изучения современной рок-поэзии лежит в сущностном противоречии между устоявшимися теориями субъектности (лирический герой как «единство эмоционального тона» [Кор-

CC BY

ман, 1992, с. 18—19]; полифония как «множественность самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний» [Бахтин, 2002, с. 10]) и новыми формами геройной (само)идентификации, возникающими на экзистенциально-виртуальной границе лирики и фиджитал-искусства. Современный рок-герой более не выступает статичным «носителем концепции, выражением которой является все произведение» [Корман, 1992, с. 60], — он функционирует как *протеический аватар*, чья субъектность модулируется посредством алгоритмов интерактивности [Скоморох, 2014, с. 54], автокоммуникативных актов, трансформирующих личность [Лотман, 2000, с. 172], нарратологическими приемами компьютерных игр [Мошков, 2011, с. 297; Галкин, 2007, с. 67].

Для того, чтобы прояснить и описать стратегическую структуру игрового взаимодействия лирического рок-субъекта с другими субъектами и объектами сознания и речи в условиях геймификации художественного пространства произведения, «необходимо установить основные коммуникативные цели участников общения» [Иванова, 2009, с. 96], то есть обозначить специфику субъектно-объектных / субъектно-субъектных пересечений в прямооценочной и косвенно-оценочной точках зрения, определяющих *экзистенциально-виртуальный хронотоп* постпостмодернистской рок-поэтики.

Ю. М. Лотман утверждал, что моделирующая способность поэзии связана с «превращением ее из сообщения в код» [Лотман, 2000, с. 175]. В таком контексте интернет-платформу можно рассматривать как зону «преобразования» звучащего текста в перформативное пространство, в котором границы *авторского*, *геройного* и *реципиирующего* сознаний размываются, а субтексты становятся «маятником» между сообщением и встроенным в него «кодом». В. В. Коршунов справедливо указывает на то, что, в отличие от реального бытия, «в компьютерной игре можно переиграть уровень, вернуться к исходной точке, чтобы обнулить неудачи и все исправить», в социальных сетях также «можно выставить напоказ выдуманный образ и сделать это столько раз, сколько пожелаешь» [Коршунов, 2021, с. 22—23]. Феноменология *незавершенного* активизирует и стратегии имиджевого маркетинга, которые также участвуют в трансформации субъектной организации современной рок-поэзии. В совокупности обозначенные процессы — примета новых игровых приемов взаимодействия, заданного экзистенциальными правилами интернет-среды: для рок-поэта и его целевой аудитории «игра превращается в насущный и необходимый способ субъективной интерпретации реальности как преодоления информационного и ценностного хаоса бытия» [Беляева и др., 2018, с. 82].

Игра с точки зрения играющего, писал М. М. Бахтин, «не предполагает находящегося вне игры зрителя, для которого осуществлялось бы целое

CC BY

изображаемого игрою события жизни» [Бахтин, 2003, с. 148—149]. Драматургия же современной рок-поэзии как словесно-музыкально-сценического феномена, демонстрирующего смысловое взаимообогащение «песенного текста и драматургического контекста» [Доманский, 2023, с. 144], воплощается на (онлайн-)сцене и в медиапространстве. В связи с этим оформляется многократное невербальное отражение лирического переживания, представленного вербальным субтекстом, что тесно связано с игровыми традициями бытия *цифрового человека* (homo digital), определяется «относительно интерпретирующего диапазона, задаваемого автором текста» [Масленникова, 2022, с. 37] и формирует *игровую внесубъектную организацию проекционного типа* [Локтевич, 2024, с. 43], ведь в художественном мире «проекция трансформирует смысл изображенного» так, «что этот смысл становится персональным экзистенциальным смыслом» [Статкевич, 2010, с. 289].

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами. Теория песенной поэзии позволила установить траектории осмысления русской классической рок-песни 1970—1990-х годов, наметить пути возможного анализа вербальных и невербальных субтекстов рок-поэзии первой четверти XXI века. Вместе с тем в науке о литературе отсутствует комплексная разработка методики исследования рок-поэзии разных стилей и жанров, особенно представленных новым поколением авторов, а также приемов изучения современного белорусского рок-творчества, компаративистского анализа произведений российских и белорусских рок-поэтов, адаптации к задачам рок-поэтики цифровых технологий, маркетинговых коммуникативных моделей, формирующих экзистенциально-виртуальную художественную платформу постпостмодернизма. Другой фактор — это *медиатизация и геймификация искусства*: геймификация («медийно-игровые формы») [Образ …, 2017, с. 244] и «выход в мультимедийное измерение интернет-стриминга» [Горелов, 2022, с. 6] преобразуют творчество в «художественно-проектную деятельность» [Казакова, 2017, с. 4], в процессе которой вербальный текст интегрирует игровые субъектно-объектные стратегии, нелинейные сюжеты, виртуальные хронотопы и интерактивные сценарии. Третий значимый фактор — *кризис традиционной субъектности*, который открыл современного рок-субъекта как *внесубъектного игрового аватара*, чья целостность дробится под влиянием «эмергентного геймплея» [Там же, с. 245] и «симуляции творческой деятельности» [Новикова, 2017, с. 24]. Четвертым фактором выступает прагматический запрос культуры — *эпохальная интерпеллятивность* [Локтевич, 2024, с. 23]: в условиях доминирования «виртуальных нарративов» [Самойлова, 2016, с. 172] и «гетерохронности» [Кукулин, 2020, с. 49] необходим новый

CC BY

аналитический инструментарий, синтезирующий теоретическую поэтику, науку об играх (game studies), теорию игр, цифровую антропологию, методики маркетинга.

Очевидно, что возможности теоретико-методологического осмысления субъектной организации современной рок-поэзии ограничены ввиду скорости развития *дискурсивно-коммуникативной рамки* («совокупность элементов в конкретном тексте» [Селиванов, 1994, с. 1]) синтетического искусства в интернет-среде, а также по причине разнородных ценностных модификаций *рам культуры* как «множества смысловых пространств, которым соответствуют различные практики устроения жизни, ритуального и бытового поведения, традиций повседневной жизни» [Рымарь, 2016, с. 127]. Так, например, концепции *автокоммуникации* (Ю. М. Лотман) и *полифонии* (М. М. Бахтин), верификационные тактики *системно-субъектного метода* (Б. О. Корман) успешны в отношении лирического текста, но не адаптированы к структуре интерактивной полисубтекстуальной поэзии, оформленной в условиях «культуры соучастия» [Горелов, 2022, с. 6]. В научных трудах о классической рок-поэзии (В. А. Гавриков, Ю. В. Доманский, С. В. Свиридов, Д. И. Иванов) детально анализируется «Я-субъект» как голос поколения, но игнорируется влияние на субъектную организацию вербального субтекста песни гейм-технологий, хронотопической парадигмы онлайн-бытия. И. И. Югай и Н. Ю. Казакова раскрывают художественную природу («образность, антропоцентризм, диалогичность» [Югай, 2008, с. 13]) цифровых игр и особенности «художественного проектирования в рамках цифровой игровой среды» [Казакова, 2017, с. 4], но не соотносят выявленные маркеры с субъектной организацией *игрового стрима* — форматом, априори включенным в любую современную игровую и художественно осмысленную форму коммуникации.

Выявляется существенный методологический разрыв, требующий междисциплинарного подхода и поиска актуальных методик анализа рок-поэзии: попытки свести игровые механики к *формуле эмоций*, «противоречащей здравому смыслу и реально наблюдаемым фактам» [Ильин, 2001, с. 81] и потому не готовой «служить для измерения степени эмоционального напряжения» [Там же, с. 86], нивелируют художественную сложность *автокоммуникативного игрового кода* рок-поэзии, а традиционный литературоведческий подход игнорирует специфику *виртуально-вербальной компоненты* современного рок-произведения как поликодового образования.

Цель работы — выявить механизмы (само)идентификации лирического субъекта современной белорусской и российской рок-поэзии 2021—2025 годов сквозь призму игровых стратегий. Практическая значимость исследования заключается в создании и апробации междисциплинарной

CC BY

методологической модели, применимой для анализа кризиса «Я-сознания» в фиджитал-культуре, геймифицированных маркеров субъектной организации современной рок-поэзии. Данное исследование открывает возможные векторы диалога литературоведения с социально-гуманитарными и точными науками.

2. Материал, методы, обзор = Material, methods, review

Для анализа современных трансформаций в области субъектной организации песенной поэзии были выбраны вербальные субтексты 2021—2025 годов, репрезентирующие спектр игровых стратегий и тактик в современной белорусской и российской рок-поэзии: 1) альбомы «Ludalut» (2023) и «Adzinocz» (2024) белорусской пост-блэк-метал-группы «Vihilija»; 2) альбом «Запавет» (2025) белорусской фолк-рок-группы «Няміга»; 3) тексты песен 2021—2024 гг. российской паган(/пейган)-фолк-метал-группы «Bjarla»; 4) альбом «Сказка о потерянном времени» (2024) российской инди-фолк-метал-группы «Хрен».

Основополагающими критериями в выборе эмпирического материала были: 1) *наличие игровых элементов*: аватарно-ролевые маски («Я-людалют» [V]), вариативность (само)идентификации «Я-сознания» (песни «Русская дорога» [X], «Супербія» [V]); 2) *цифровые образы-«референсы»*: аллюзии на стриминг (имитация онлайн-трансляции в песнях «Убивай свое время» [X], «Зоркі» [V]), гейм-дизайн (отсылка к игровой механике в песнях «Битва» [B], «Трэцяя Варта» [V]); 3) *интерактивность содержательно-формальной организации*: онлайн-диалог с Чужим / Другим / Своим (песня «Дзверы» [H]), нелинейность инобытийного сюжета (песни «Казка» [V], «Хоронили бога» [X]).

Методологическая новизна настоящего исследования заключается в синхронизации подходов, отталкивающихся от системно-субъектного, структурно-семиотического и сравнительно-сопоставительного методов, необходимых для дешифровки процессов трансформации субъектной организации современной рок-поэзии, и их расширения посредством актуализации методологии социально-гуманитарных и точных наук.

Системно-субъектный метод делает возможным осмысление литературного произведения как целостной системы, в которой художественный смысл рождается из взаимодействия иерархически организованных точек зрения, как «сочетания субъектных сфер, за каждой из которых стоит некий субъект сознания» [Корман, 1992, с. 218]. Субъектно-речевая соотнесенность [Там же, 1992, с. 62] вербальных субтекстов поможет выявить носителей речевой сферы произведений (автор ↔ герой ↔ игровой аватар). Классификация субъектов и объектов сознания, предложенная Б. О. Кор-

CC BY

маном, была ориентирована, прежде всего, на анализ реалистической лирики и в этой связи не могла учесть медийно-цифровые трансформации / модификации субъектов сознания и речи, которые «приводят к своеобразной демократизации поэзии» [Папковская, 2018, с. 140], поэтому уточнение сущностных изменений в субъектной организации современных рок-текстов позволит переосмыслить основные положения ученого о структуре коммуникации в поэтическом тексте.

Теория полифонии и поэтического многоголосья позволяет проанализировать рок-героя с позиции «речевых перевоплощений говорящего в героя» [Корман, 2003, с. 73] и как «совокупность равноправных сознаний» [Бахтин, 2002, с. 10], взаимодействующих по законам игрового диалога. Инновационной видится трактовка взаимодействия художественного мира и реципиента как геймплейной механики, где «чужое слово» [Бахтин, 2002, с. 59] выступает игровым триггером сюжетной ветки (линии).

Семиотика автокоммуникации — путь к интерпретации поэтического текста как «кода» для трансформации «Я» [Лотман, 2000, с. 172], посредством которого рефрены, анафоры и эпифоры работают как ритмические эмотивные паттерны, генерирующие (само)идентификацию первичного субъекта сознания и речи. Актуальным представляется возможность уточнения методологических векторов теории автокоммуникации через введение категорий *автокоммуникативного игрового кода* и *стримерского ритуала*.

Рок-поэтика содействует осмыслению «художественности полисубтекстуальных произведений песенной поэзии» [Гавриков, 2012, с. 9] в фокусе их уникальной субъектной организации и посредством аналитической методики «внимательного чтения» [Доманский, 2023, с. 22]. Рок-текст организуется по принципу «многокомпонентной структуры, основной базовой единицей которой является субтекст» [Иванов, 2015, с. 95]. В свете развития песенного творчества происходит переакцентуация субъектных отношений: в 2000-е годы «я — ты» — центральная ось текста [Свиридов, 2019, с. 10—14], поддерживаемая постмодернистскими интенциями (мир как текст, симулякр, игра интертекстов и др.) [Там же, 2019, с. 14—23]. Авторское высказывание в рок-поэзии фокусируется «на чем-то в пределах текста, на какой-то “детали”…, а весь остальной текст становится ее разглядыванием» [Доманский, 2023, с. 37]. Данные научные наблюдения могут быть уточнены в свете ценностных ориентиров современной песенной поэзии, откликающейся на запросы цифровой культуры и нейросетевых моделей коммуникации.

Нарратология компьютерных игр учитывает аналитику перехода от линейности, основанной «на упорядоченном, последовательном изложе-

CC BY

нии событий» [Морквина, 2023, с. 117], к нелинейности игрового процесса и аватаризации, что дает возможность интерпретировать нарративно-ролевой дискурс рок-поэзии через жанрово-имиджевые структуры, представленные в таблице (табл. 1).

Таблица 1

Траектория нарратологической оценки игровых маркеров в жанровой структуре вербального песенного материала

→ *Сопоставление с нелинейными структурами:*	
квест	песня «Расток» [H] = поиск «папараць-кветкі»
эмерджентный геймплей (непредсказуемый сюжет игры)	песня «Русская дорога» [X] = симуляция нелинейной сферы открытого мира (open world)
аватар (юзерпик)	«Я-людалют» [V] = кастомный персонаж, демонстрирующий стремление к созданию уникального ролевого героя, имеющего тем не менее аллюзивно-реминисцентные связи с традициями классического периода эпохи художественной модальности
→ *Оценка иммерсивности:* уровень «погружения» через звукопись (например, ассонансы в песне «Ай, дачка» [B], аллитерации в песне «Дзікае Паляванне» [V])	

Также необходимым видится использование приемов и методик анализа из сферы *теории игр*, позволяющей увидеть литературоведческий потенциал чистых и смешанных стратегий субъектов сознания и речи, выбирающих точку зрения, «исходя из своих собственных интересов и целей» [Лебедев и др., 2024, с. 12]. *Маркетинговые стратегии* при оценке рок-поэтики позволят учитывать «имиджевую эффективность» [Попова и др., 2014, с. 97] вербальных субтекстов. Анализ *цифровых экспериментов* через изучение рок-перформанса как части игрового стрима выявит приметы функционирования текста в режиме «перманентной беты» — незавершенной версии, интерферирующей экзистенциальные ориентиры бытия разных субъектов и объектов сознания и речи.

Этапы анализа субъектной организации современной рок-поэзии и внесубъектного героя-игрока в онлайн-среде выстраивались следующим образом: 1) *первичная дифференциация*: выделение субъектов / объектов сознания и речи; 2) *конструирование полифонической схемы*: запечатление «голосов» и их игровых функций; 3) *дешифровка игровой автокоммуникации*: выявление ритмических / лексических повторов как self-made «кодов»; 4) *гейм-нарратологическое сопоставление*: верификация гипотезы о связи субъектной организации современной песенной поэзии со структу-

CC BY

рами ролевой компьютерной игры (RPG — role-playing game), «в которой игрок управляет одним или несколькими персонажами, стремясь достичь определенной цели» [Виноградов, 2018, с. 400]. Результативность синтеза обозначенных методологических траекторий видится в комплексном подходе, представленном в таблице (табл. 2).

Таблица 2

Пути обновления методологических принципов исследования субъектной организации современной песенной поэзии

Традиционный подход	**Настоящее исследование**	**Эвристический маркер**
лирический герой как единство (Б. О. Корман)	внесубъектный герой-игрок (аватар + игрок + стример)	учет многокомпонентности цифровой среды и современного искусства
полифония = диалог сознаний (М. М. Бахтин)	полифония = ветвление сюжета (RPG-выбор) → геймплей	связь с игровой механикой и теорией игр
автокоммуникация = «Я-Я» (Ю. М. Лотман)	автокоммуникация = игровой стрим-ритуал (чат + донаты) → рок-стрим	анализ медиаформатов и маркетинговых «кодов»
виртуальный нарратив = линейная структура → нелинейная структура	субъектная организация = эмерджентный геймплей	анализ нелинейных игровых уровней (точек зрения) субъектной организации

Анализ научных концепций, ориентированных на интерпретацию современной песенной поэзии, выявил необходимость введения и описания ряда понятий, значимых для дальнейшего исследования.

Игровой рок-стрим — форма существования современной песенной поэзии, посредством которой художественный текст функционирует как динамическая система, продуцирующая эстетику интерактивного события (стрима) и субъектно-объектные отношения через механизмы гейминга, сюжетного ветвления и стримерского ритуала.

Автокоммуникативный игровой код — ритмико-семантический паттерн (параллелизм, рефрен, анафора, эпифора, (полу)повтор) в структуре поэтического текста, благодаря игровой коммуникации выступающий инструментом самотрансформации «Я».

Внесубъектный герой-игрок — субъект сознания, рожденный на коммуникативной границе аватара (игровая проекция лирического субъекта), собственно автора, биографического автора и медийного автора (стримера) и потому лишенный эмоциональной целостности.

Классификация игровых стратегий лирического субъекта: 1) *аватарная стратегия* — моделирование (само)идентификации через создание

CC BY

игрового персонажа-маски, чьи характеристики подчиняются логике кастомизации и эмерджентного геймплея; 2) *нарративно-ролевая стратегия* — использование сюжетного ветвления (RPG-механика) для конструирования направлений «Я-сознания»; 3) *автокоммуникативная стратегия* — (само)идентификация рок-героя через словесно-знаковые повторы и «коды», преобразующие текст в стрим-перформанс; 4) *трансмедийная стратегия* — распределение «Я-маркеров» (вербальные и невербальные субтексты) для адаптации рок-героя к ценностным условиям разных хронотопических зон.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Игровая субъектность лирического героя как протеического аватара

В современной рок-поэзии лирический герой эволюционирует в модулируемый *протеический аватар* (= игровая проекция), так как его сознательно-речевая самоидентификация конструируется и утверждается в фокусе игровых тактик. Данный факт, безусловно, не отменяет эстетической оформленности рок-героя, но указывает на его виртуализацию даже в вербальном субтексте песни, который, попадая в интернет-пространство (например, социальные сети), обретает черты PR-текста. В рок-поэзии группы «Vihilija» аватарная стратегия особенно показательна и восходит к феноменологии *демонического эстетства* [Локтевич, 2024, с. 27]: субъект модифицируется до уровня игрового персонажа, лишенного психологической уникальности: «Я бачыў усё. / Я разумеў. / І ў нерухомасці / Глядзеў» [V]. Подобно инфернальному герою RPG, первичный субъект сознания и речи (ролевой герой) существует в апокалиптическом хронотопе — «геймплее» с четко обозначенной пространственно-временной точкой зрения («Пекла», «спякота», «вяршыны гор», «чорная дрыгва», «ноч», «цемра»), а его фразеологическая точка зрения типологически близка игровому скрипту: «Як рвуцца хмары ў нябёсах. / Пад грукат грому шматгалосы. / Нібыта хор анёлаў усім / Пяе сусветны рэквіем» [Там же]. Выявленная особенность соответствует параметрам аудиальной *иммерсивности* [Галкин, 2007, с. 67], в условиях которой лирический субъект — элемент условного мира, достигающего непосредственности, правдоподобия через визуализацию духовно-нравственной трагедии: «А попел ахінаў зямлю, / Ляцеў ад краю і да краю, / І будзе доўгай гэта ноч. / Баю-баю, баю-баю» [V]. Однако в отличие от классических коммуникативных RPG-стратегий, где аватар кастомизируется игроком, здесь субъект сознания пассивен — он лишь наблюдатель и не испытывает «интерактивного удовольствия» [Галкин, 2007, с. 68].

CC BY

Траектория автокоммуникации в вербальном субтексте песни «Атрута» [V] реализуется посредством игрового цикла (gameplay loop): рефрен «Атрута мая / Закінуць, забыць» работает как «код» трансформации саморефлексирующего «Я-сознания». Троекратный повтор стихов «Ды воля мая / Танней за няволю» с пунктуационно выраженными вариациями интонации (от утверждения к крику) имитирует так называемую «прокачку» персонажа (character advancement) — переход на новый уровень его развития в игре. Выявленный эффект усиливается контрастным многоголосьем: актуализируется интерференция лирического монологизма («Не хочу хлусіць»), агрессивного скрима («Воля мая — ааааа») и полисубъектного ответа («Не жыві»). Подобная дифференциация субъектов сознания и речи уточняет концепцию Б. О. Кормана о «единстве лирической системы» [Корман, 1992, с. 64], демонстрируя дробление «Я» на дискретные игровые состояния-«сохранения». Этот механизм утверждает присутствие внесубъектного героя-игрока и указывает на оформление автокоммуникативной игровой стратегии.

В творчестве российской группы «Хрен» перекодировка стрим-субъектности достигает крайних форм воплощения: в песне «Бесконечное лето» [X] герой-аватар лишен не только прямо-оценочной точки зрения, но и уникальной субъектности, его ценностный ориентир — «мы-сознание», выраженное фигурой автора-повествователя: «Мы живем не громко, / Мы живем не звонко». Пребывание рок-героя в «рутинном режиме», не требующем изобретения нового [Скоморох, 2014, с. 56], маскирует *геймификацию бытия повседневности*: «Каждой новой песней / Выпиваем Бога. / Выпиваем вечность / Вместе с пустотою» [X]. В данном случае игровой аватар становится симулякром — оболочкой, возникшей в момент «одержимости игрой» как пути к «самоаннигиляции» [Аванесов, 2012, с. 211].

Становятся очевидны приметы субъектности игрового сознания, попадающего благодаря опыту собственно автора в коммуникативную среду песенной поэзии. Так, Д. Л. Карпов трактовал «Я-субъект» как целостного носителя идеи, «центр образной композиции» [Карпов, 2023, с. 74], но в современной эпохе рок-герой становится «распыленным» субъектом сознания и речи, его черты постоянно видоизменяются, как у персонажа компьютерной игры, обретающего на разных уровнях игрового бытия новые «скиллы». Д. В. Галкин [Галкин, 2007, с. 67] связывал иммерсивность с визуализацией, но, например, творчество групп «Vihilija» и «Няміга» доказывает, что погружение в песенно-игровую сюжетику может достигаться и через синкретическую звуковую семиотику (вой ветра, грохот грома, эхо, шум сосен, плач матери): «Цік-так, тут-тук, там грук, там гук / Цік-так, тут-тук, там грук, там гук» [V]; «Ай, дачка, дачка! Аяяя

і яя, хоа… / Ай, дачка, дачка! Аяяя і яя, хоа… / Хоооо — хо! Хоооо — хо! Хоооооо-оооо-оооо-хо!» [Н]. Так аллюзивно-реминисцентные и ритмические формулы способствуют визуализации в вербальных субтекстах песен экзистенциального опыта высшего субъекта сознания (собственно автора), переосмысляющего традиции синкретической эпохи и параметры автокоммуникативного игрового кода, необходимого для диалога рок-героя с реципиентом.

3.2. Геймплейный характер субъектной организации рок-поэзии: ветвление сюжета и диалог с *Чужим*

Полифонические маркеры современной песенной поэзии семантически меняются под влиянием игровой механики нелинейного повествования [Мошков, 2011, с. 297], актуализируя *нарративно-ролевую стратегию* лирического субъекта. В творчестве группы «Няміга» этот процесс носит сложноорганизованный характер. Вербалика песни «Ай, дачка» [Н] демонстрирует диалог матери и дочери («Ай, дачка, дачка! Не выходзь ты ноччу з хаты») в фокусе коммуникативных интенций образа-отражения *Чужого*, который «абярнецца дзікім зверам». Взаимодействие двух субъектов сознания имитирует RPG-развилку: 1) выбор повиновения (остаться дома) → сохранение прежнего нравственного статуса; 2) выбор бунта («Бывай, родны дом і стары астрог») → вход в «квест»-хронотоп с риском погибнуть. Голос матери (ролевой субъект) здесь можно трактовать не как «другое сознание» [Бахтин, 2002, с. 59], а как *неигровой персонаж* (NPC — Non-Player Character), чьи функции ограничены сюжетным триггером и соответствуют игровой логике «основной / второстепенный квест» [Самойлова, 2016, с. 172].

В песне «Расток» [Н] семантика игрового стрима эксплицирована: поиск мифического объекта («Папараць-кветка») сближается с геймпонятием баффа (buff — временное усиление игрока), а также с прохождением квеста с ценностно размытыми целями («Ідзе завядзёнка такая ў народа») и квестовыми подсказками (quest markers / clues): «Мяне не шукай у зялёнай глушы, / А лепш пагукай у шалёнай душы». «Чужое слово» (голоса «шукальнікаў») выполняет тут функцию «генератора новых смыслов» [Лотман, 2000, с. 66], создавая вариативные интерпретации: цветок как символ недостижимого идеала / вирусный мем / цифровой артефакт.

Для рок-поэзии группы «Хрен» полифония становится инструментом самоиронии субъекта сознания и речи: в вербальном субтексте песни «Русская дорога» [Х] традиционные синкретические образы («Сказка без конца, / Темные леса») интерферируются с игровой семантикой нивелирования субъектности («Колобок-клубок / В бездну катится. / Что накликали, / То и станется. / То и станется!»), образуя чит-код (cheat code) — обходной путь

CC BY

в «игре» под названием жизнь: «Да не в рай, не в ад, / На авось, наугад». Диалогичность здесь подменяется геймплейной механикой троллинга, а «чужое слово» (народная мудрость) стилизуется посредством гиперболизации и переосмысления фольклорного образа Ивана-дурака: «Все бредет дурак, / Спотыкается, / Да смеется все, / Улыбается» [X]. М. М. Бахтин видел в полифоническом дискурсе антидогматический инструмент [Бахтин, 2002, с. 81], и в рок-поэзии группы «Хрен», как показывает анализ, многосубъектность становится средством симуляции некоторого эстетического бытия, философия которого прочитывается исключительно в контексте всего альбома-цикла.

3.3. Автокоммуникация современной песенной поэзии в фокусе стриминговой культуры

Современная рок-поэзия обретает новые форматы экзистенциально-виртуального воплощения, успешно соединяя в вербальном субтексте потенциал лирических субъектно-объектных построений и стриминговые приемы коммуникативного взаимодействия. Автокоммуникативный игровой код, таким образом, усиливается семантической парадигмой образной системы, включающей синкретические образные структуры, ориентиры символизации, усвоенные эпохой художественной модальности, а также знаково-словесные конструкции виртуального бытия, в котором формируется образ-имидж лирического субъекта.

В песне «Копаконан» [B] группы «Bjarla» одноименный рефрен функционирует как ритмический паттерн для трансформации «Я-сознания» и оформляет конструкцию синтаксических и лексических параллелизмов («Дух тюленя, … / Взгляд тюленя, // Дух девичий, … / Взгляд девичий») и анафор (Сквозь моря, / Сквозь ветра, / Сквозь бушующий причал»), усиливающих гипнотический, заклинательный характер произведения с нарастанием аудиальной интенсивности. Медитативный «код» поддерживают и аллитерации «с», «р», «п» и «б», создающие сакрализованный звукоряд: «Час в срок, / Бьет прибой, / Близится черед. / Холод в сердце, / Стынет пламя / Преданной души». Показательна в контексте игровой эстетики мифологическая «метаморфоза»-параллелизм «дух тюленя → дух девичий», которая типологически сходна со сменой скинов (skin — визуальный образ персонажа) в RPG и участвует в оформлении аватаризованного героя-игрока, удерживающего дистанцию между категориями *Свой — Чужой*: «Ты был родным, / А стал чужим».

Звукопись жанра заклинания просматривается также в песне «В путь» [B], что указывает на функционирование *взаимозаменяемого типа субъектной организации* («я ↔ мы») [Локтевич, 2023, с. 42] и связь композиции произведения с геймплеем компьютерной игры, в которой герой-да-

CC BY

ритель «старец-пророк» / «кто-то» (в гейминге — крафтер (crafter) и саппорт (support)) вдохновляет стримера на прохождение очередного уровня: «Снова в путь! / Ветер, / Встречным будь! / Силой обернись, / Вьюга! / Мы идем вдаль». Таким образом, автокоммуникативный игровой код способствует реализации нарративно-ролевого самопознания лирического «Я» через ценностные установки первичных и вторичных субъектов сознания и посредством позиции автора-повествователя.

Процесс автокоммуникации содержательно-формальной организации песни «Зоркі» [V] выходит за рамки модели «Я–Я» («Шмат ёсць чаго пажадать. / Мне і сабе і людзям») и содержит трансляционные элементы, указывающие на присутствие в вербальном субтексте не только читателя, но и невербального зрителя-соучастника, как в игровом стриме. В связи с этим коммуникативная структура этого произведения может быть прочитана в свете стриминговой культуры героя-игрока: 1) словесное моделирование онлайн-эфира: «Лёс — зоркі лічыць з нябес. Ціха» (взгляд в камеру); 2) интерактивные полуповторы («зоркі ляцяць») и кольцевая композиция катренов («Ляцяць / Зоркі / Над намі / Ляцяць» → аналог донатов и комментариев); 3) хештег-метафора «Хай абыдзе ліха» как игровое заклинание. Подчеркнем, что подобные тексты работают как ритуальные формулы [Горелов, 2022, с. 10] и могут трансформироваться в автометарефлексивный практический опыт [там же, с. 7], утрачивая связь с художественным бытием лирического субъекта. Воплощение вербального текста на сцене и в медиапространстве может усилить эффект со-участия зрителя-реципиента в игре стримера.

Очевидно, что автокоммуникация современной песенной поэзии эволюционирует в стримерский ритуал, (ре)презентация песни становится уникальным игровым стримом, реализующимся рок-героем и медийным автором на разных интернет-площадках, в коллаборациях с геймстримерами и онлайн-реципиентом, который организует фан-клубы не только в реальных локациях, но и в интернет-среде.

3.4. Геймификация лирического переживания и стратегии PvP-бытия

Образ *Чужого*, причиняющего страдание герою-игроку, как эмоциональная проекция возникает в компьютерной игре «из соединения культурных стратегий и игровых механик» [Образ …, 2017, с. 248], а в эмоциональном тоне рок-поэзии 2020-х годов подвергается «людификации» [Там же] и переосмысляется в качестве *игрового симулякра жизни-игры*, «так жизнь каждого индивида, предъявленная в сети, становится симулякром, существующим в игровом ирреальном виртуальном мире» [Новикова, 2017, с. 25]. Экзистенциальное переживание лирического субъекта содей-

CC BY

ствует внедрению трансмедийной стратегии и геймифицируется как RPG-карта игровых локаций (area map): 1) *квестовая география*: «Рассцялілі зорны плашч даліны. / На сто вёрстаў наўсцяж — руіны» [H]; 2) *сторителлинг страдания*: «Слезы небес пусть же очистят нас» [B] → аналог игрового туториала (tutorial); 3) *сквиквест* (squeak quest — незначительное раздражающее задание) *ценностного нивелирования*: «Бесконечною колонной. / Из-за каждого угла / Летели песни, / Опьяняя, / Обезличивая тех, кто всегда идет за кем-то» [X]. Рок-герой нередко «застревает» в боковом / побочном квесте-миссии (side quest) самоуничижения, реализованном через прямо-оценочную точку зрения: «В шумной давке рвали солнце, / Грызли сгнившими зубами. / Были хоть немного люди, / Тут же нелюдями стали. / Песни никуда не делись, / И звучали только громче. / А вдали смеялся кто-то, / Глядя на все это действо» [Там же].

В эмоциональном тоне песни «Скотный двор» [X] раскрывается этическая провокация субъекта сознания: стихи «Здесь животные равны, / Но одни — других ровней» не только реминисцентная отсылка к одноименной повести Дж. Оруэлла, но и содержательно-формальная конвергенция с PvP-механикой (player versus player) интерактивного конфликта, где «равенство» игроков рассматривается как иллюзорное состояние, за которым скрываются манипулятивные тактики алгоритмического агента. Выявленная поэтико-игровая особенность иллюстрирует коммуникативное конструирование «новых форм понятий чести, справедливости» [Образ …, 2017, с. 248] через игровое взаимодействие с *Другим* как «врагом».

В художественном пространстве вербального субтекста песни «Мета» [V] пространственно-временная точка зрения субъекта сознания, поглощенного виртуальной симуляцией, типологически сближается с хронотопической зоной игровой траектории «Dark Quest» с элементами хоррора и демонстрирует трагическую иронию героя-игрока. Так, очевидны, например, *геймплейные триггеры*, маркирующие повторяющийся цикл действий («Час зышоў, / Трэба зноў! / Трэба зноў! / Зноў...» = нажатие кнопки, рестарт миссии), *синопсис игры* («Грошы, хлусня, <…> / Гвалт, цішыня» = цели квеста), *геймификация косвенно-оценочной точки зрения* («Сэрца зноў падаўжае QT» = игровой таймер, клиническая смерть как проигрыш). Внесубъектный герой-игрок добровольно выбирает роль «нейтральной расходной единицы, “человека без лица”» [Образ …, 2017, с. 248], что говорит о трансформации этико-эстетической парадигмы современной песенной поэзии: если в 1980-е годы рок-герой бросал вызов социальной несправедливости, то теперь он — добровольный участник симулякра, искаженного инобытия, ведь в условиях постпостмодернистской культуры «все становится игрой» [Аванесов, 2012, с. 211].

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

3.5. Терминологический дисплей современной песенной поэзии и игрового стрима

Анализ ценностных ориентаций и субъектно-объектной структуры современной рок-поэзии и игрового стрима позволяет выделить типологические схождения и отличительные особенности в семантическом устройстве их категориального аппарата по двум направлениям: *содержательно-субъектная* (табл. 3) и *формально-субъектная* организация (табл. 4) [Корман, 2003, с. 29—30].

Таблица 3

Содержательно-субъектная организация
современной песенной поэзии и игрового стрима

Научная категория	Игровой стрим	Песенная поэзия	Типологические схождения	Отличительные особенности
Креатор / Творец	стример / внесубъектный герой-игрок (стример «играет» себя)	автор-исполнитель (воплощает лирического героя): биографический автор + медийный автор + собственно автор + лирический субъект	фигура Творца совмещает биографическое «Я» и сценический образ-имидж	у стримера импровизация спонтанна и ориентирована на чат-дискурс, игру, а в песенной поэзии импровизация чаще всего носит преднамеренный, концептуальный характер, но обыгрывается
Целевая аудитория (ЦА) / реципиент	зрители / сообщество; роумеры и луркеры; иерархия ЦА (накопители, киллеры, исследователи, социальщики).	подготовленный и неподготовленный реципиент; условно активные и условно пассивные реципиенты	формирование устойчивого сообщества вокруг Творца с общими ценностными ориентациями, языковыми нормами, сленгом	сообщество стрима инклюзивно и может влиять на контент в реальном времени, а сообщество песенной поэзии в момент рецепции контента более пассивное
Посредник / ролевой, имиджевый герой	модератор (технический и социальный)	медийный автор / PR-менеджер / критик	наличие фигуры, опосредующей отношения между Творцом и реципиентом	модератор регулирует текущий процесс, а медийный автор репрезентирует конечный продукт

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Таблица 4

Формально-субъектная организация
современной песенной поэзии и игрового стрима

Научная категория	**Игровой стрим**	**Песенная поэзия**	**Типологические схождения**	**Отличительные особенности**
Платформа (П) + скрипт / точка зрения (ТЗ) + зона + сфера	интернет-платформы (Twitch, YouTube)	вербальные и невербальные субтексты	П / ТЗ определяют способ распространения и усвоения контента	П диктует правила взаимодействия, а ТЗ является фокусом интерпретации
Геймдизайн + сеттинг / хронотоп	постоянный контакт субъектов создает иллюзию реального бытия	идентификация авторских ипостасей с лирическим субъектом через ТЗ	формирование глубокой эмоциональной связи между Творцом и реципиентом	в стриме бытие строится на виртуально-бытовом уровне, в песне — на опыте сопереживания художественному высказыванию (ТЗ)
Интерактивность / диалог	двусторонняя связь в реальном времени; ЦА — со-автор контента	односторонняя или отсроченная связь; реципиент — интерпретатор и со-автор хронотопа	наличие обратной связи от реципиента к Творцу	в стриме интерактивность непосредственная, а в песне она реализуется через онлайн-формат (концерт, интервью)
Эмоциональная реакция (ЭР) / эмоциональный тон (ЭТ)	удержание вовлеченности ЦА на протяжении всей трансляции	циклический механизм: ярко проявляется во время онлайн-ивентов, а далее актуализируется лишь в момент «перечитывания»	требование к Творцу создавать уникальный мир, управлять своими эмоциями для создания креативного события	для стримера ЭР — рутинный труд, для рок-героя ЭТ — это вдохновенно-интенсивные периодические этапы, явленные в вербальном субтексте прямо-оценочной зоной

CC BY

4. Заключение = Conclusions

Проведенное исследование подтверждает центральную гипотезу: современная белорусская и российская рок-поэзия функционирует по сходным игровому стриму траекториям, а лирический субъект, реализуя аватарную, нарративно-ролевую, автокоммуникативную и трансмедийную игровые стратегии, трансформируется в экзистенциально-виртуальном мире синтетического произведения во внесубъектного героя-игрока.

Во-первых, доказана трансформация лирического героя от пророчествующего монологического субъекта 1980-х годов к протеическому аватару с вариативным субъектно-объектным «кодом». В вербальных субтекстах песен групп «Vihilija» и «Хрен» лирическое переживание дробится на серию состояний — «игровых сохранений», посредством которых психологизм и эмоциональная тональность художественного мира замещаются смешанными стратегиями прохождения игровых зон. Описанная траектория аватаризации дополняет представление о системно-субъектном строении лирики и демонстрирует модификации рок-героя до элемента условного мира [Галкин, 2007, с. 67] в пространственно-временных условиях гейм-дизайна.

Во-вторых, установлено, что «чужое слово» выражает не только «другое сознание» [Бахтин, 2002, с. 59], а служит инструментом геймплейного ветвления. Так, в творчестве группы «Няміга» выявлены диалоги, напоминающие RPG-развилки с триггерными функциями NPC, на границе которых субъект сознания выбирает подходящую нарративную стратегию. Трагическая ирония полифонического дискурса песен группы «Хрен» позволяет увидеть типологические связи между синкретизмом фольклорной коммуникации с симулятивным характером читерского кода, что подтверждает тезис о том, что современный творческий диалог — это не только обмен созидательными семантическими интенциями, но и взаимовлияние посредством манипулятивных приемов.

В-третьих, выявлена ключевая роль автокоммуникации в ее цифровом воплощении: ритмико-семантические и эмотивные паттерны, (полу) повторы в рок-поэзии групп «Bjarla» и «Vihilija» функционируют как стримерские коды для перепрограммирования «Я-сознания» лирического субъекта. В условиях перформативности онлайн-трансляций белорусского и российского рока выявленная субъектно-объектная динамика указывает на кризис (само)идентификации лирического героя, который готов добровольно удалить «Я-аккаунт» в «игре-реальности» — актуальной хронотопической зоне невербального субтекста песни.

Формально игровой стрим — это незавершенный процесс, перформанс-в-становлении, поэтому его аудитория выступает со-автором и со-участником

CC BY

стримера в реальном времени, а песенная поэзия (даже в онлайн-формате) представляет собой завершенный художественный продукт. Вместе с тем очевидная тенденция рок-творчества — не просто фиксация лирического переживания в вербальном субтексте, но его «проживание» в игровых интернет-локациях и посредством игровых стратегий, «отзеркаливание» в субъектной организации песенной поэзии невербальных игровых компонентов.

Актуализация *непреднамеренного в искусстве* «вообще без какого-либо участия художника, сознательного или подсознательного» [Мукаржовский, 1994, с. 203], принципиальная *незавершенность текста произведения* как «средства художественной активизации его структуры» [Лотман, 1970, с. 363] и интерпретация рок-текста (книги, компьютерные игры, фильмы, ремейки, кавер-версии), входящая в *креативную память культуры* [Ассман, 2014, с. 32], сближают песенную поэзию и игровой стрим. Этот факт может стать теоретико-методологическим поводом для дальнейшего научного осмысления их субъектно-образных сфер.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. В — *Bjarla* | ВКонтакте [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://vk.com/topic-146504690_36537264 (дата обращения 23.08.2025).
2. Н — *Нямі́га* (Niamiha) [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://genius.com/albums/Niamiha/Covenant (дата обращения 23.08.2025).
3. V — *Vihilija* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.musixmatch.com/ko/artist/Vihilija (дата обращения 23.08.2025).
4. Х — *Хрен* | khren metal [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://vk.com/topic-25088906_52435082?ysclid=me5igvo9nr935371975 (дата обращения 27.08.2025).

Литература

1. *Абросимова Е. А.* Современная гипертекстовая поэзия : аспекты взаимодействия авторского текста и интернет-медиа / Е. А. Абросимова // Научный диалог. — 2020. — № 8. — С. 9—28. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-9-28.
2. *Аванесов С. С.* Антропология игры / С. С. Аванесов, Е. И. Спешилова // Вестник ТГПУ. — 2012. — № 4 (119). — С. 208—213.
3. *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / А. Ассман. — Москва : Новое литературное обозрение, 2014. — 328 с. — ISBN 978-5-4448-0146-8.
4. *Бахтин М. М.* «Проблемы поэтики Достоевского», 1963. Работы 1960-х — 1970-х гг. / М. М. Бахтин // Собрание сочинений : в 7 т. — Москва : Русские словари; Языки славянской культуры, 2002. — Т. 6. — 799 с. — ISBN 5-98010-001-6.
5. *Бахтин М. М.* Философская эстетика 1920-х годов / М. М. Бахтин // Собрание сочинений : в 7 т. — Москва : Русские словари; Языки славянской культуры, 2003. — Т. 1. — 955 с. — ISBN 5-98010-006-7.

6. *Беляева Л. А.* «Человек играющий» в эпоху постмодерна / Л. А. Беляева, О. Н. Новикова // Идеи и идеалы. — 2018. — № 3. — Т. 2. — С. 82—95. — DOI: 10.17212/2075-0862-2018-3.2-82-95.

7. *Виноградов С. Н.* Логика ролевой компьютерной игры в функционировании и изучении русского языка / С. Н. Виноградов // Русистика. — 2018. — Т. 16. — № 4. — С. 398—411. — DOI: 10.22363/2618-8163-2018 16-4-398-411.

8. *Гавриков В. А.* Русская песенная поэзия второй половины XX — начала XXI веков как текст (проблема взаимодействия литературы с другими видами искусства) : автореферат диссертации … доктора филологических наук : 10.01.01 ; 10.01.08 / В. А. Гавриков. — Иваново, 2012. — 41 с.

9. *Галкин Д. В.* Компьютерные игры как феномен современной культуры : опыт междисциплинарного исследования / Д. В. Галкин // Гуманитарная информатика. — 2007. — Выпуск 3. — С. 54—72.

10. *Горелов О. С.* Стрим как метапоэтический перформанс / О. С. Горелов // Вестник Ивановского государственного университета. Серия : Гуманитарные науки. — 2022. — Выпуск 4. — С. 5—14. — DOI: 10.46726/H.2022.4.1.

11. *Доманский Ю. В.* Рок-поэтика : монография / Ю. В. Доманский. — Москва : Эдитус, 2023. — 206 с. — ISBN 978-5-00217-060-9.

12. *Иванов Д. И.* Логоцентрическая модель рок-текста в контексте изучения синтетической языковой личности / Д. И. Иванов // Вестник ВГУ. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2015. — № 4. — С. 95—100.

13. *Иванова Ю. М.* Стратегии взаимодействия в текстовой ролевой игре / Ю. М. Иванова // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. — 2009. — Выпуск 35. — № 30 (168). — С. 94—101.

14. *Ильин Е. П.* Эмоции и чувства / Е. П. Ильин. — Санкт-Петербург : Питер, 2001. — 752 с. — ISBN 5-318-00236-6.

15. *Казакова Н. Ю.* Гейм-дизайн (художественно-проектный подход к созданию цифровой игровой среды) : диссертация ... доктора искусствоведения : 17.00.06 / Н. Ю. Казакова. — Москва, 2017. — 497 с.

16. *Карпов Д. Л.* Лирический герой в рок-поэзии / Д. Л. Карпов // Вестник РГГУ. Серия Литературоведение. Языкознание. Культурология. — 2023. — № 3. — С. 71—80. — DOI: 10.28995/2686-7249-2023-3-71-80.

17. *Корман Б. О.* Избранные труды по теории и истории литературы / Б. О. Корман. — Ижевск : Изд-во Удм. ун-та, 1992. — 236 с.

18. *Корман Б. О.* Практикум по изучению художественного произведения / Б. О. Корман. — Ижевск : Изд-во ИПК ; ПРО УР, 2003. — 88 с.

19. *Коршунов В. В.* Цифровой человек : новый зритель и новый персонаж / В. В. Коршунов // Международный журнал исследований культуры. — 2021. — № 2 (43). — С. 21—33. — DOI: 10.52173/2079-1100_2021_2_21.

20. *Кукулин И.* Интернет и гетерохронность современной русской поэзии / И. Кукулин // Russian Literature. — 2020. — Т. 116. — С. 41—66. — DOI: 10.1016/j.ruslit.2020.09.003.

21. *Лебедев И. Э.* Математические модели смешанного распределения в теории игр / И. Э. Лебедев, Б. А. Сула, Е. Н. Мурая // Восточно-европейский научный журнал. — 2024. — № 3 (100). — С. 12—15. — DOI: 10.31618/ESSA.2782-1994.2024.1.100.453.

22. *Локтевич Е.* В. Современная русская оригинальная рок-поэзия : трансформация субъектной парадигмы : монография / Е. В. Локтевич. — Москва : ИНФРА-М, 2024. — 199 с.

23. *Лотман Ю. М.* Семиосфера / Ю. М. Лотман. — Санкт-Петербург : «Искусство-СПб», 2000. — 704 с. — ISBN 5-210-01488-6.

24. *Лотман Ю. М.* Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. — Москва : Искусство, 1970. — 387 с.

25. *Масленникова Е. М.* Читательская проекция текста как его интерпретация : «живое знание» и внутренний контекст / Е. М. Масленникова // Этнопсихолингвистика. — 2022. — № 1 (8). — С. 35—49. — DOI: 10.31249/epl/2022.01.03.

26. *Морквина Е. А.* Нарративная структура книги-игры как разновидности гипернарратива / Е. А. Морквина // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2023. — № 81. — С. 113—131. — DOI: 10.17223/19986645/81/6.

27. *Мошков Н. А.* Эволюция драматургических приемов, используемых в компьютерных играх / Н. А. Мошков // Известия Российского государственного университета им. А. И. Герцена. — 2011. — № 131. — С. 295—300.

28. *Мукаржовский Я.* Исследования по эстетике и теории искусства / Я. Мукаржовский ; пер. с чешск. — Москва : Искусство, 1994. — 606 с. — ISBN 5-210-01299-9.

30. *Новикова О. Н.* Виртуальный игровой мир как симулякр жизни / О. Н. Новикова // Гуманитарный вектор. — 2017. — Т. 12. — № 3. — С. 23—29. — DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-3-23-29.

31. *Образ* Другого в компьютерных играх / С. С. Буглак, А. Р. Латыпова, А. С. Ленкевич, К. А. Очеретяный, М. М. Скоморох // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. — 2017. — Т. 33. — Выпуск 2. — С. 242—253. — DOI: 10.21638/11701/spbu17.2017.212.

32. *Папковская Н. А.* Феномен популярности интернет-поэзии через исследование ее читателя / Н. А. Папковская // Уральский филологический вестник. Серия : Драфт : молодая наука. — 2018. — № 5. — С. 138—147.

33. *Попова О. И.* Маркетинговая стратегия продвижения в сети Интернет / О. И. Попова, Т. Л. Сысоева, И. А. Шихов // Фундаментальные исследования. — 2024. — № 8. — С. 93—97. — DOI: 10.17513/fr.43665.

34. *Рымарь Н. Т.* Поэтика границы в литературе. Эстетические и поэтологические аспекты границы как феномена художественного языка / Н. Т. Рымарь. — Седльце : Изд-во ЕГУ, 2016. — 334 с. — ISBN 978-83-64884-41-2.

35. *Самойлова Е. О.* Компьютерные игры как виртуальный нарратив / Е. О. Самойлова, Ю. М. Шаев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 2 (64). — С. 171—173.

36. *Свиридов С. В.* Все ушли — остались двое: о русской рок-поэзии 2000-х годов / С. В. Свиридов // Русская рок-поэзия: текст и контекст. — 2019. — Выпуск 19. — С. 6—26.

37. *Селиванов В. И.* Дискурсивно-коммуникативная рамка во французской публицистической статье : автореферат … диссертации кандидата филологических наук : 10.02.05 / В. И. Селиванов. — Москва, 1994. — 18 с.

38. *Скоморох М. М.* Компьютерные игры и утопия интерактивности : на что способны геймеры / М. М. Скоморох // Международный журнал исследований культуры. — 2014. — № 2 (15). — С. 53—60.

39. *Статкевич И. А.* Проекция и интерпретация в структуре художественного восприятия / И. А. Статкевич // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. — 2010. — № 6. — С. 287—292.

40. *Харитонов О. С.* Синтетический подход как метод изучения русской песенной поэзии конца XX — начала XXI вв. / О. С. Харитонов // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. — 2023. — № 1. — С. 162—170.

41. *Шольц Г.* Лирическая поэзия в информационном обществе / Г. Шольц // Семиотические исследования. Semiotic studies. — 2023. — Т. 3. — № 3. — С. 39—44. — DOI: 10.18287/2782-2966-2023-3-3-39-44.

42. *Югай И. И.* Компьютерная игра как жанр художественного творчества на рубеже XX—XXI веков : диссертация ... кандидата искусствоведения : 17.00.09 / И. И. Югай. — Санкт-Петербург, 2008. — 226 с.

Статья поступила в редакцию 26.08.2025,
одобрена после рецензирования 20.01.2026,
подготовлена к публикации 03.02.2026.

Material resources

In — *Bjarla | VKontakte.* Available at: https://vk.com/topic-146504690_36537264 (accessed 23.08.2025). (In Russ.).

Niamiha. Available at: https://genius.com/albums/Niamiha/Covenant (accessed 23.08.2025). (In Belar.).

V — *Vihilija.* Available at: https://www.musixmatch.com/ko/artist/Vihilija (accessed 23.08.2025). (In Russ.).

X — *Horseradish | khren metal.* Available at: https://vk.com/topic-25088906_52435082?ysclid=me5igvo9nr935371975 (accessed 27.08.2025). (In Russ.).

References

Abrosimova, E. A. (2020). Modern Hypertext Poetry: Aspects of Relations between Author's Text and Internet Resources. *Nauchnyi dialog, 8:* 9—28. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-8-9-28. (In Russ.).

Assman, A. (2014). *The long shadow of the past: Memorial culture and historical policy.* Moscow: New Literary Review. 328 p. ISBN 978-5-4448-0146-8. (In Russ.).

Avanesov, S. S., Speshilova, E. I. (2012). Anthropology of the game. *Bulletin of TSPU, 4 (119):* 208—213. (In Russ.).

Bakhtin, M. M. (2002). "Problems of Dostoevsky's poetics", 1963. Works of the 1960s — 1970s. In: *Collected works: in 7 volumes, 6.* Moscow: Russian dictionaries; Languages of Slavic culture. 799 p. ISBN 5-98010-001-6. (In Russ.).

Bakhtin, M. M. (2003). *Philosophical aesthetics of the 1920s. In: Collected works: in 7 volumes, 1.* Moscow: Russian dictionaries; Languages of Slavic culture. 955 p. ISBN 5-98010-006-7. (In Russ.).

Belyaeva, L. A., Novikova, O. N. (2018). "The man playing" in the postmodern era. Ideas and ideals, 3 (2): 82—95. DOI: 10.17212/2075-0862-2018-3.2-82-95. (In Russ.).

Buglak, S. S., Latypova, A. R., Lenkevich, A. S., Ocheretyaniy, K. A., Skomorokh, M. M. (2017). The image of the Other in computer games. *Bulletin of St. Petersburg State University. Philosophy and conflictology, 33 (2):* 242—253. DOI: 10.21638/11701/spbu17.2017.212. (In Russ.).

Domansky, Yu. V. (2023). *Rock poetics: a monograph.* Moscow: Editus. 206 p. ISBN 978-5-00217-060-9. (In Russ.).

Galkin, D. V. (2007). Computer games as a phenomenon of modern culture: the experience of interdisciplinary research. *Humanitarian Informatics, 3:* 54—72. (In Russ.).

Gavrikov, V. A. (2012). *Russian song poetry of the second half of the XX — beginning of the XXI centuries as a text (the problem of the interaction of literature with other forms of art)*. Author's abstract of Doct. Diss. Ivanovo. 41 p. (In Russ.).

Gorelov, O. S. (2022). Stream as a metapoetic performance. *Bulletin of the Ivanovo State University. Series: Humanities, 4:* 5—14. DOI: 10.46726/H.2022.4.1. (In Russ.).

Ilyin, E. P. (2001). *Emotions and feelings.* Saint Petersburg: Peter. 752 p. ISBN 5-318-00236-6. (In Russ.).

Ivanov, D. I. (2015). Logocentric model of rock text in the context of studying synthetic linguistic personality. *Bulletin of the VSU. Series: Linguistics and Intercultural communication, 4:* 95—100. (In Russ.).

Ivanova, Yu. M. (2009). Strategies of interaction in a text role-playing game. *Bulletin of the Chelyabinsk State University. Philology. Art history, 35 / 30 (168):* 94—101. (In Russ.).

Karpov, D. L. (2023). Lyrical hero in rock poetry. *Bulletin of the Russian State University. A series of Literary Studies. Linguistics. Cultural studies, 3:* 71—80. DOI: 10.28995/2686-7249-2023-3-71-80. (In Russ.).

Kazakova, N. Y. (2017). *Game design (an artistic and design approach to creating a digital gaming environment).* Doct. Diss. Moscow. 497 p. (In Russ.).

Kharitonov, O. S. (2023). Synthetic approach as a method of studying Russian song poetry of the late XX — early XXI centuries. *Bulletin of the State University of Humanities and Technology, 1:* 162—170. (In Russ.).

Korman, B. O. (1992). *Selected works on the theory and history of literature.* Izhevsk: Publishing House of Udm. University. 236 p. (In Russ.).

Korman, B. O. (2003). *A workshop on the study of an artistic work.* Izhevsk: IPK Publishing House; PRO UR. 88p . (In Russ.).

Korshunov, V. V. (2021). Digital man: a new viewer and a new character. *International Journal of Cultural Studies, 2 (43):* 21—33. DOI: 10.52173/2079-1100_2021_2_21. (In Russ.).

Kukulin, I. (2020). The Internet and the heterochrony of modern Russian poetry. *Russian Literature, 116:* 41—66. DOI: 10.1016/j.ruslit.2020.09.003. (In Russ.).

Lebedev, I. E., Sula, B. A., Muraya, E. N. (2024). Mathematical models of mixed distribution in game theory. *East European Scientific Journal, 3 (100):* 12—15. DOI: 10.31618/ESSA.2782-1994.2024.1.100.453. (In Russ.).

Loktevich, E. V. (2024). *Modern Russian original rock poetry: transformation of the subjective paradigm: a monograph.* Moscow: INFRA-M. 199 p. (In Russ.).

Lotman, Yu. M. (1970). *The structure of a literary text.* Moscow: Iskusstvo Publ. 387 p. (In Russ.).

Lotman, Yu. M. (2000). *Semiosphere.* Saint Petersburg: Iskusstvo-SPb. 704 p. ISBN 5-210-01488-6. (In Russ.).

Maslennikova, E. M. (2022). Reader's projection of the text as its interpretation: "iving knowledge" and the internal context. *Ethnopsycholinguistics, 1 (8):* 35—49. DOI: 10.31249/epl/2022.01.03. (In Russ.).

Morkvina, E. A. (2023). The narrative structure of a game book as a type of hypernarrative. *Bulletin of Tomsk State University. Philology, 81:* 113—131. DOI: 10.17223/19986645/81/6. (In Russ.).

Moshkov, N. A. (2011). The evolution of dramatic techniques used in computer games. *Proceedings of the Russian State University named after A. I. Herzen, 131:* 295—300. (In Russ.).

Mukarzhovskiy, J. (1994). *Studies on aesthetics and theory of art.* Moscow: Iskusstvo Publ. 606 p. ISBN 5-210-01299-9. (In Russ.).

Novikova, O. N. (2017). Virtual game world as a simulacrum of life. *Humanitarian Vector, 12 (3):* 23—29. DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-3-23-29. (In Russ.).

Papkovskaya, N. A. (2018). Phenomenon of popularity of Internet poetry through the study of its reader. *Ural Philological Bulletin. Series: Draft: young Science, 5:* 138—147. (In Russ.).

Popova, O. I., Sysoeva, T. L., Shikhov, I. A. (2024). Marketing strategy of promotion on the Internet. *Fundamental research, 8:* 93—97. DOI: 10.17513/fr.43665. (In Russ.).

Rymar, N. T. (2016). *Poetics of the border in literature. Aesthetic and poetological aspects of the border as a phenomenon of artistic language.* Siedlce: YSU Publishing House. 334 p. ISBN 978-83-64884-41-2. (In Russ.).

Samoilova, E. O., Shaev, Yu. M. (2016). Computer games as a virtual narrative. Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. *Questions of theory and practice, 2 (64):* 171—173. (In Russ.).

Scholz, G. (2023). Lyrical poetry in the information society. *Semiotic research. Semiotic studies, 3 (3):* 39—44. DOI: 10.18287/2782-2966-2023-3-3-39-44. (In Russ.).

Selivanov, V. I. (1994). *The discursive and communicative framework in a French journalistic article.* Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 18 p. (In Russ.).

Skomorokh, M. M. (2014). Computer games and the utopia of interactivity: what gamers are capable of. *International Journal of Cultural Studies, 2 (15):* 53—60. (In Russ.).

Statkevich, I. A. (2010). Projection and interpretation in the structure of artistic perception. *Bulletin of the Buryat State University. Philosophy, 6:* 287—292. (In Russ.).

Sviridov, S. V. (2019). Everything is gone — two are left: about the Russian rock poetry of the 2000s. *Russian rock poetry: text and context, 19:* 6—26. (In Russ.).

Vinogradov, S. N. (2018). Logic of a role-playing computer game in the functioning and learning of the Russian language. *Russian Studies, 16 (4):* 398—411. DOI: 10.22363/2618-8163-2018 16-4-398-411. (In Russ.).

Yugai, I. I. (2008). *Computer game as a genre of artistic creation at the turn of the XX—XXI centuries.* PhD Diss. St. Petersburg. 226 p. (In Russ.).

The article was submitted 26.08.2025;
approved after reviewing 20.01.2026;
accepted for publication 03.02.2026.

CC BY

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Сай На. Цюй Цюбо и культурно-идеологическое взаимодействие Китая и России в начале XX века / Сай На, Чжу Сяоминь // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 2. — С. 300—314. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-300-314.

Sai Na, Zhu Xiaomin. (2026). Qu Qiubao and Cultural-Ideological Interaction between China and Russia in Early 20th Century. *Nauchnyi dialog, 15* (2): 300-314. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-300-314. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU · РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Цюй Цюбо и культурно-идеологическое взаимодействие Китая и России в начале XX века

Сай На
orcid.org/0000-0003-4732-8428
кандидат филологических наук, доцент
факультета русского языка,
корреспондирующий автор
sai.na@yandex.ru

Чжу Сяоминь
orcid.org/0009-0005-0023-3116
бакалавр,
факультет русского языка
834989140@qq.com

Цзянсуский университет
науки и технологий
(Чжэньцзян, КНР)

Благодарности:
Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта философских и общественных наук провинции Цзянсу, проект № 24DJC002
и при финансовой поддержке социально-гуманитарного фонда Министерства образования Китая, проект № 24YJC752011

Qu Qiubao and Cultural-Ideological Interaction between China and Russia in Early 20th Century

Sai Na
orcid.org/0000-0003-4732-8428
PhD in Philology, Associate Professor,
Faculty of Russian Language,
corresponding author
sai.na@yandex.ru

Zhu Xiaomin
orcid.org/0009-0005-0023-3116
Bachelor,
Faculty of Russian Language
834989140@qq.com

Jiangsu University
of Science and Technology
(Zhen Jiang, China)

Acknowledgments:
The research was carried out with the financial support of the Jiangsu Province Philosophical and Social Sciences Grant, project No. 24DJC002 and with the financial support of the Social and Humanitarian Foundation of the Ministry of Education. China, Project No. 24YJC752011

© Сай На, Чжу Сяоминь, 2026

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вклад китайского журналиста, литературоведа, переводчика, общественного и политического деятеля Цюй Цюбо в развитие социально-политических и культурных связей Китая и России в начале XX века. Актуальность исследования обусловлена вниманием Китая к распространению информации о китайских деятелях, оказавших влияние на укрепление отношений с Россией, как инструменту мягкой силы. Показано, что Цюй Цюбо в начале прошлого столетия сыграл важную роль в изменении представлений китайского общества о революционных процессах, происходящих в России. Отмечается, что, работая журналистом, он всесторонне описал социальные процессы, происходящие после революции 1917 года, показал соотечественникам, что социалистическая революция была неизбежна и справедлива. Утверждается, что на трансформацию отношения китайского общества к послереволюционной России повлияла не только деятельность Цюй Цюбо как публициста и общественного деятеля, занимавшегося распространением идей марксистско-ленинской философии, но и его литературоведческие исследования и переводы. Авторы приходят к выводу, что, несмотря на ранний уход из жизни, Цюй Цюбо успел оказать влияние на развитие китайского революционного искусства XX века.

Ключевые слова:
Цюй Цюбо; социокультурные связи Китая и России; Октябрьская революция 1917 года; журналистика; литературоведение; переводоведение.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The contribution of Chinese journalist, literary scholar, translator, and public and political figure Qu Qiubo to the development of socio-political and cultural ties between China and Russia in the early 20th century is considered. The relevance of the study is determined by China's attention to disseminating information about Chinese figures who influenced the strengthening of relations with Russia as a tool of soft power. It is shown that Qu Qiubo played an important role in changing the perceptions of Chinese society regarding the revolutionary processes occurring in Russia at the beginning of the last century. As a journalist, he comprehensively described the social processes following the 1917 revolution and demonstrated to the Chinese that the socialist revolution was inevitable and just. It is noted that the transformation of Chinese society's attitude towards post-revolutionary Russia was influenced not only by Qu Qiubo's activities as a publicist and social activist engaged in spreading Marxist-Leninist philosophy but also by his literary studies and translations. The authors conclude that despite his early passing, Qu Qiubo managed to influence the development of Chinese revolutionary art in the 20th century.

Key words:
Qu Qiubo; socio-cultural ties between China and Russia; October Revolution of 1917; journalism; literary studies; translation studies.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 821.581+929Цюй
DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-300-314

Научная специальность ВАК
5.9.2. Литературы народов мира
5.9.3. Теория литературы
5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Цюй Цюбо и культурно-идеологическое взаимодействие Китая и России в начале XX века

© Сай На, Чжу Сяоминь, 2026

1. Введение = Introduction

Роль личности в истории любой страны, в частности в развитии различных сфер жизни, нельзя недооценивать. Как отмечает российский философ Л. Е. Гринин, «раз исторические события не являются предопределенными, то и будущее имеет множество альтернатив и способно измениться в результате деятельности различных групп и их лидеров, оно также зависит от действий самых разных людей, например ученых. Следовательно, проблема роли личности в истории для каждого поколения всегда актуальна. И она очень актуальна в век глобализации, когда влияние определенных людей на весь мир может возрасти» [Гринин, 2011, с. 176]. В XX веке видным китайским деятелем, сыгравшим значимую роль в истории страны, стал Цюй Цюбо (1899—1935), урождённый Цюй Шуан, один из руководителей Коммунистической партии Китая (далее — КПК), ставший ключевой фигурой в распространении марксизма, установлении китайско-российского культурного обмена и литературных связей. Лу Синь, отец современной китайской литературы, в 1931 году дал ему следующую характеристику: «Владеет в совершенстве как китайским, так и русским; таких, как он, сейчас в Китае почти нет» [цит. по: Сяо Цзюнь, 2011, с. 220].

В юности Цюй Цюбо закончил Пекинскую специализированную школу русского языка при Министерстве иностранных дел, став по окончании одним из первых в Китае профессиональных русистов. В 1920 году он приехал в Советскую Россию в качестве корреспондента, и эта поездка коренным образом изменила его жизнь. В Москве Цюй Цюбо пригласили преподавать в Коммунистическом университете трудящихся Востока, где его учениками были такие видные деятели КПК, как Лю Шаоци и Жэнь Биши. В это же время он дважды встречался с В. И. Лениным, в результате их общения Цюй Цюбо испытал глубокое влияние на свое мировоззрение идей вождя пролетариата.

CC BY

Симпатия Цюй Цюбо к Советскому Союзу сформировалась на основе его личных наблюдений и глубокого осмысления новой социальной действительности. В 1919 году, период расцвета движения за новую культуру в Китае, он, будучи лидером студентов Пекинской специализированной школы русского языка, превратился из увлечённого культурой юноши в революционера-искателя истины. На формирование устойчивого интереса к социалистическому учению повлияло посещение Цюй Цюбо в 1920 году Исследовательского общества марксистской теории, созданного Ли Дачжао.

Впечатления от поездки в Россию, уважение Цюй Цюбо к рабоче-крестьянскому обществу, культуре страны во многом обусловили его вступление в 1922 году в КПК. В первой половине 1920-х годов он написал две публицистические работы: «Путевые заметки из голодной страны» (1922) и «Впечатления о Красной столице» (1924). В них Цюй Цюбо познакомил китайских читателей с советской действительностью. В 1927 году он создал фундаментальные теоретические труды: «История русской литературы» и «Теория русской революции», — заложив основы культурных связей Китая и Советской России.

В течение двух лет жизни в Москве он активно общался с представителями разных социальных слоёв, наблюдая процесс создания нового общества под руководством большевиков. По возвращении на родину Цюй Цюбо не только способствовал международному сотрудничеству, но и в 1922 году принял участие в создании Шанхайского университета, в котором работал деканом. Кроме того, он начал редактировать ключевые партийные издания: «Сяндао» (1922), «Синь циннянь» (1923), «Цяньфэн» (1923) и «Жэньсюэ жибао» (1925), — через которые распространял революционные идеи.

Даже после отстранения от власти, снятия с руководящих постов в 1931 году Цюй Цюбо остается верным марксистско-ленинским идеям, он продолжает работать в области литературной теории и перевода. Жизнь великого революционного деятеля Китая трагически оборвалась в 1935 году, когда он стал жертвой политических репрессий в возрасте 36 лет.

Цюй Цюбо в качестве журналиста, учёного и педагога создал каналы китайско-российского культурного обмена, которые не только способствовали на тот момент распространению марксизма в Китае, но и по сей день остаются важным историческим ориентиром для понимания двустороннего культурного взаимодействия.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом для исследования послужили работы Цюй Цюбо [Цюй Цюбо, 1985; Цюй Цюбо, 1986], а также статьи о нем китайских специ-

алистов, в которых деятельность выдающегося соотечественника анализируется в разных аспектах: переводческом [Ван Цзяньхуа, 2024; Дин Синьхуа, 2006; Фэн Вэньцзе, 2009; Чэнь Дяньсин, 1983; Чжу Чжэн, 2022 и др.], литературном [Ван Дандань, 2024; Хэ Ф, 2023; Ши Лэй и др., 2021 и др.], политическом [Чжан Чжичжун, 2021; Чжун Юань, 2018; Цинь Вэньцзинь и др., 2022; Ху Инцюнь, 2025 и др.].

Среди русских работ мы обнаружили только две статьи китаеведа Е. В. Сениной, которая анализирует публицистические произведения, в частности представления Цюй Цюбо о русских, России и некоторых ее исторических реалиях [Сенина, 2017, 2019], и небольшое тридцатистраничное монографическое издание М. Е. Шнейдера, в котором Цюй Цюбо рассматривается как «революционер, писатель, боец» [Шнейдер, 1960].

В данном исследовании мы применили биографический метод исследования, сосредоточившись на изучении творчества писателя, которое существует в неразрывной связи с его жизненным опытом. Кроме того, изучение жизни и творчества Цюй Цюбо осуществлялось с использованием культурно-исторического метода, предполагающего учет исторического контекста.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Журналистская деятельность Цюй Цюбо

В китайской журналистике Цюй Цюбо стал первым специальным корреспондентом, целенаправленно изучавшим Россию после революции 1917 года, когда он работал в газете «Чэньбао» в 1920—1922 годах. Обладая историческим сознанием, опережавшим его время, он преодолел влияние западных медиа, создававших демонизированный образ Октябрьской революции в 1920-х годах. В своих записях Цюй Цюбо подчёркивал: «Моя задача — изучать коммунизм в контексте ценности этой общественной организации для человеческой культуры, исследовать русскую культуру — часть общечеловеческой культуры, отправную точку перехода от старой культуры к новой... Голод, холод, страдания и боль — цена моих усилий. Теперь я уже у входа, прошу: входите и поднимайтесь в залы!» (здесь и далее перевод наш. — *С.Н., Ч. С.*) [Цюй Цюбо, 1985, с. 82].

В двух произведениях документальной литературы, ставших классическими: «Путевые заметки из голодной страны» («来自饥饿国家的游记») и «Впечатления о Красной столице» («红都印象»), — Цюй Цюбо удалось творчески интегрировать в журналистский репортаж глубокий и объективный исторический анализ и эмоциональную силу художественного слова. Характерной в этом отношении является фраза из раздела «Красный прилив Москвы» книги «Впечатления о Красной столице»: «После победы

CC BY

Октябрьской революции Москва стала центром мировой революции, и в эти дни как раз нарастает красный прилив» [Цюй Цюбо, 2021, с. 131]. Данная фраза точно зафиксировала превращение Москвы в центр мировой революции в октябре 1917 года. Через призму этого события огромной значимости раскрывается важная роль революционного города в историческом процессе. Метафора «нарастает красный прилив» отражает революционную ситуацию, которая сравнивается с бушующем морем, утверждает мощь и неодолимость революционных сил.

В своих трудах Цюй Цюбо создал первую в Китае многомерную систему описания советского общества. Ценность такого подхода заключалась не только в его «панорамности», охватывающей как макропроцессы в политических центрах, которыми являлись Москва и Петроград, так и провинциальные реалии, например, производственные процессы на уральских заводах, аграрные преобразования в деревнях Поволжья. Большой ценностью обладает новаторская методология Цюй Цюбо: для изучения политического переустройства раннего советского периода (например, работы съездов Советов), экономических преобразований в условиях военного коммунизма, политики ликвидации безграмотности, а также популяризации искусства для всех слоев населения он использовал полевые исследования. Благодаря анализу действительности путем непосредственного наблюдения и исторических материалов (лозунги, заводские стенгазеты, крестьянские письма) Цюй Цюбо в своих работах интегрировал высокие идеи в рассказ о повседневной жизни людей, показывая политические изменения мирового значения через живые, доступные истории.

3.2. Вклад Цюй Цюбо в исследование истории русской революции

В 1922 году на основе своих наблюдений и глубокого анализа русских революционных процессов, осмысленных в ходе его журналистской работы в России, Цюй Цюбо написал и опубликовал труд «Теория русской революции», ознаменовавший ключевой переход в его мировоззрении от академического наблюдателя к революционному теоретику. Основываясь на принципах марксистско-ленинской философии, автор обосновывает историческую неизбежность Октябрьской революции 1917 года. Ключевой тезис о том, что «революция — неизбежный продукт исторической диалектики» [Ли Чжанькэ, 2024, с. 26], разрушал характерные для китайской интеллектуальной среды того времени романтизированные и демонизированные представления о «насильственной революции» [Собрание …, 2019, с. 43], закладывал теоретический фундамент для адаптации марксистской революционной теории к китайским условиям.

Впервые в китайской марксистской мысли Цюй Цюбо выделил две стадии русской революции: буржуазно-демократическую и пролетарско-

CC BY

социалистическую, — охарактеризовав как их историческую преемственность, так и качественные отличия. Его анализ не только прояснил для китайских коммунистов отвлеченные теории о природе революции, но и заложил теоретическую базу, предвосхитившую новую демократическую революцию Мао Цзэдуна.

3.3. Роль Цюй Цюбо в исследовании истории русской литературы и ее связи с революционным процессом

В 1921—1922 годах Цюй Цюбо написал академическую монографию «История русской литературы» [Цюй Цюбо, 2004] — первое в Китае научное произведение, системно излагающее историю русской литературы. Новаторство работы заключалось в представлении русской литературы послеоктябрьского периода китайскому академическому сообществу.

Монография из 14-ти глав представляет путь русской литературы — от летописей Киевской Руси XI века до только начавшей свое формирование молодой советской литературы XX века. Особое внимание уделено критическому анализу 35 писателей-классиков, включая Пушкина и Толстого. Новизна методологического подхода заключалась в изучении литературного процесса сквозь призму истории революционного движения. Цюй Цюбо в данном исследовании преодолел традиционный для китайской науки того периода европоцентризм, показав, что русскую литературу нужно изучать как самостоятельную культурную систему.

Разработанное для монографии приложение «Хронология русской литературы» заложило основы для сравнительного изучения истории китайской и русской литературы. Профессор Чжан Чжичжун из Столичного педагогического университета дал следующую оценку: «Хотя объём работы составляет всего около 70 000 иероглифов, её содержание отличается энциклопедической широтой — от древнерусского фольклора до Горького, от поэзии до литературной критики, все аспекты освещены с блеском» [Чжан Чжичжун, 2021, с. 3].

В 1923 году Цюй Цюбо сделал первый перевод «Интернационала» на китайский язык, синхронизировав китайский текст с мелодией. Ему удалось сохранить ритмический рисунок оригинальной мелодии, соотнеся его с нормами китайской фонетики. Кроме того, он точно перевел русское название «Интернационал» как «国际歌» («Гоцзигэ» — «Песня Интернационала»), и это название используется в китайском языке до настоящего времени. Исследователь Юй Сяоцзин отмечает: «Перевод “Интернационала”, выполненный Цюй Цюбо непосредственно с русского оригинала, способствовал распространению теории пролетарской литературы и искусства в Китае. Эта работа демонстрирует, как Коммунистическая партия Китая в ранний период заимствовала опыт советской революционной му-

CC BY

зыки для развития собственной революционной музыкальной традиции, а также представляет ранний пример адаптации китайскими коммунистами советской революционной модели» [Юй Сяоцзин, 2023, с. 109].

Таким образом, в период 1921—1923 годов Цюй Цюбо с учетом своего журналистского опыта, позволившего ему наблюдать за жизнью послереволюционной России, через теоретическое осмысление революции, изучение истории литературы и практику художественного перевода сформировал целостную систему взглядов, которая получила отражение в его творческой и научной деятельности, в том числе в теоретическом осмыслении феномена революции.

3.4. Новаторство Цюй Цюбо в становлении современной китайской литературы и развитии переводческого дела

В период с 1919 по 1935 годы Цюй Цюбо одним из первых начал переводить произведения советской литературы с русского языка, восполнив пробел в систематическом изучении русской литературы в Китае. Им были переведены десятки классических произведений, включая сочинения А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, Ю. М. Лермонтова и М. Горького. Общий объём переводов русских классиков превышает два миллиона иероглифов и охватывает прозу и поэзию в жанрах романа, пьесы, стихотворения и др. Переводы Цюй Цюбо отличаются явно выраженной двуплановостью — политической и художественной. С одной стороны, опираясь на глубокое знание русского языка и виртуозное владение китайским, он точно передавал идейное содержание произведений, будь то гуманистическая критика Льва Толстого или тема пробуждения пролетариата у Максима Горького. С другой — переводческий метод Цюй Цюбо стремился к принципу единства «верности» (信) и «понятности» ( ), сочетающему точность передачи оригинального текста с ясностью и естественностью изложения на китайском языке. Лу Синь охарактеризовал эти переводы как «точные и понятные, не имеющие себе равных в современную эпоху» [Цит. по: Ян Чжихуа, 1982, с. 172]. Такой подход не только способствовал популяризации русской литературы в Китае начала XX века, но и стал основой для гуманитарного обмена между двумя странами, предоставив интеллектуальным кругам Китая важный идеологический ресурс для поддержки движения за новую культуру. Переводя работы советских теоретиков, такие как «Искусство» Г. В. Плеханова [Плеханов, 1922], Цюй Цюбо внедрял учение о классовой борьбе в китайскую литературную критику, сформулировав тезис «литература и искусство являются орудием классовой борьбы» [Лес …, 1983, с. 64]. Данная концепция не была механически заимствована, а прошла творческое осмысление через призму китайской социальной реальности.

CC BY

В 1930-х годах, руководя Лигой левых писателей, Цюй Цюбо утвердил марксизм в качестве идеологической основы литературного движения, оказав непосредственное влияние на формирование школы пролетарской литературы. Так, в процессе анализа произведений Пушкина и Толстого он выделял как их художественные достоинства, так и социально-критический потенциал: «Величие Пушкина заключается в том, что он выражал передовое общественное сознание через совершенные художественные формы. Он стал основоположником современной русской литературы, заложившим традиции русского реализма... В его творчестве пылает огонь сопротивления. В “Оде вольности” поэт обличает тиранию, в “Цыганах” и “Евгении Онегине” разоблачает лицемерие и духовную опустошённость аристократического общества... Им создан в русской литературе образ “лишнего человека”, ставший инструментом критики разложения дворянского сословия» [Цюй Цюбо, 2004, с. 20]. Таким образом, русская классическая литература стала идеологическим оружием китайского левого движения. Теоретические исследования Цюй Цюбо вышли за пределы сугубо академической сферы и повлияли на формирование основ китайского революционного искусства. Их рупором стал журнал «Литературный ежемесячник» (1932), пропагандировавший идею служения литературы делу освобождения народных масс.

Также Цюй Цюбо внес вклад в развитие народной культуры. В работе «Проблемы народной литературы и искусства» (1932) он обосновал тезис о том, что «революционное искусство должно ориентироваться на народ» [Цюй Цюбо, 1986, с. 4]. Он выступал за использование разговорного языка и традиционных художественных форм (таких как народная драма) для распространения революционных идей и преодоления ограниченности «элитарной литературы» [Там же]. Эта концепция получила практическое воплощение в создании «Положения об организации советских театральных коллективов» для Китайской театральной школы имени М. Горького в 1934 году. Данный документ способствовал превращению китайского театра в эффективный инструмент народного просвещения и революционной пропаганды. Исследователи Ван Тесянь и Лю Фуцинь отмечали, что «Цюй Цюбо раньше других обратился к проблеме народности литературы, изучал её наиболее глубоко и создал наибольшее количество работ по этой теме. Реализация народности стала ядром его литературно-теоретической мысли — он стремился внедрить революционную литературу в народные массы, чтобы искоренить влияние феодальных пережитков и буржуазного сознания, преобразовав их в силу свержения старого общества» [Ван Тесянь и др., 2011, с. 358].

Таким образом, начав с переводческой деятельности, Цюй Цюбо выстроил целостную систему, объединяющую теорию, творчество и практи-

CC BY

ку. Его работы не только ускорили адаптацию марксистской литературной теории к китайским условиям, но и заложили фундамент культурного обмена между Китаем и Россией, оказав глубокое влияние на траекторию развития современной китайской культуры.

3.5. Влияние Цюй Цюбо на становление образовательной системы и подготовку кадров

Ключевой вклад внес Цюй Цюбо и в создание системы марксистского образования, сочетавшей международный опыт с китайской спецификой. Еще в 1921 году, преподавая в Коммунистическом университете трудящихся Востока во время пребывания в Москве, Цюй Цюбо сыграл роль в идеологической подготовке первых китайских кадров, обучавшихся в СССР. Работая с группой молодых студентов, включающей Лю Шаоци, Жэнь Биши и Ло Инуна, которые стремились к спасению родины, но ещё не овладели системной революционной теорией, Цюй Цюбо отверг абстрактно-догматическую модель обучения в пользу творческого сочетания лекционных занятий с изучением советской революционной практики.

Методика Цюй Цюбо включала не только углублённое изучение «Манифеста Коммунистической партии» и «Капитала», но и анализ реального опыта функционирования советской власти, что позволяло студентам диалектически осмысливать историческую необходимость революции и диктатуры пролетариата. Педагогическая парадигма «теоретического осмысления практики и практического обогащения теории» [Мао Цзэдун, 1992, с. 15] способствовала фундаментальной трансформации мировоззрения студентов. Результаты проявились в революционной практике Ло Инуна, который после возвращения в Китай возглавил Шанхайское восстание рабочих.

После возвращения из Советского Союза Цюй Цюбо внес вклад в переход марксистского образования в Китае на новый уровень, адаптацию его к китайским условиям. В 1923 году он принял участие в создании Шанхайского университета и возглавил факультет социологии, преобразовав его в «красный плацдарм» теоретической подготовки кадров Компартии Китая. В основу проектирования учебных курсов также был заложен ключевой принцип сочетания революционной теории с практикой, который предусматривал глубокое погружение студентов в социальные исследования на шанхайских заводах и в доках, что позволяло усваивать теоретические знания с учетом полуколониального и полуфеодального состояния китайского общества.

Параллельно Цюй Цюбо вел активную редакторскую работу в периодических изданиях: ежеквартальном журнале «Новая молодёжь» (1923—1926), ежемесячнике «Авангард» (1923—1924) и журнале «Проводник» (1923—1927), — внедряя марксистско-ленинскую теорию в информацион-

ное пространство. Он не только переводил и публиковал важные работы, такие как «Ленинизм и троцкизм» (1924), «Ленин и социализм» (1924), «Введение в ленинизм» (1925), но и создавал собственные статьи — «От народной власти к социализму» (1923) и «Восточная культура и мировая революция» (1923). В этих трудах он творчески развил теорию стадий китайской революции, обосновав необходимость перехода «от революции за народные права к социальной революции» [Цюй Цюбо, 1988, с. 205]. Эти издания стали мостом, соединившим опыт международного коммунистического движения с реалиями китайской революции. Благодаря этому марксистский дискурс трансформировался из теории в программу конкретных действий, что способствовало идейной мобилизации во время антиимпериалистических выступлений, в частности Движения 30 мая.

Таким образом, благодаря деятельности в Москве и Шанхае Цюй Цюбо не только открыл каналы передачи китайско-российского революционного опыта, но и добился институционализации марксистской теории в системе образования Китая. Через сеть выпускников Шанхайского университета идеи революции распространились по всем фронтам рабочего и крестьянского движения страны. Это существенно преобразовало интеллектуальную базу и логику действий первых кадров Коммунистической партии Китая, заложило фундамент для ее организационного укрепления и идейного единства.

4. Заключение = Conclusions

Цюй Цюбо, будучи видным руководителем Коммунистической партии Китая в ранний период и пионером китайско-российского культурного взаимодействия, своей короткой, но яркой жизнью заложил фундамент для распространения марксизма в Китае, освоения советской социокультурной практики и адаптации революционной художественной теории. На его становление как журналиста, литературоведа, переводчика и партийного деятеля большое влияние оказала поездка в послереволюционную Россию. Изучение новой российской действительности и представление ее китайскому обществу в публицистических работах позволили иначе взглянуть на Октябрьскую революцию 1917 года, изменить в восприятии соотечественников ее демонизированный образ.

Большой вклад внес Цюй Цюбо и в развитие марксистского образования в Китае, приняв участие в создании Шанхайского университета, где стал деканом. Благодаря многогранной деятельности в области документальной журналистики, теоретических исследований, литературного перевода и образовательной практики он создал условия для преодоления европоцентризма в журналистике и литературоведении и устранения культур-

ного и идеологического разрыва между Китаем и Россией, существенно повлиял на идеологию и траекторию развития китайского революционного искусства XX века.

Заявленный вклад авторов: Чжу Сяоминь — основная исследовательская работа по теме; написание текста; итоговые выводы. Сай На — научное руководство; концепция исследования; дополнение и редактирование текста.	**Contribution of the authors:** Zhu Xiaomin – main research work on the topic; writing a text; final conclusions. Sai Na — scientific management; research concept; supplementation and editing of text.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Лес* над морем / пер. с рус. Цюй Цюбо ; ред. Лу Синя. — Чэнду : Сычуаньское народное издательство, 1983. — Т. 1. — 623 с. (海上述林（上卷） / (俄译本)瞿秋白 译 / 鲁迅 编. — 成都： 四川人民出版社， 1983. —卷1. — 623页).

2. *Плеханов Г. В.* Искусство : сборник статей / Г. В. Плеханов. — Москва : Новая Москва, 1922. — 215 с.

3. *Цюй Цюбо.* Собрание сочинений Цюй Цюбо (Литературная серия) / Цюй Цюбо. — Пекин : Народная литература, 1985. — Т. 1. — 456 с. (瞿秋白. 瞿秋白作品集（文学丛书） / 瞿秋白. —北京：人民文学出版社，1985年. — 卷1. — 456页).

4. *Цюй Цюбо*. Собрание сочинений Цюй Цюбо (Литературная серия) / Цюй Цюбо. — Пекин: Народная литература, 1986. — Т. 2. — С. 551. (瞿秋白. 瞿秋白作品集（文学丛书） / 瞿秋白. — 北京： 人民文学出版社, 1986. — 卷2. — 551页).

5. *Цюй Цюбо.* Хроники Красной столицы / Цюй Цюбо. — Пекин : Пекинское объединенное издательство, 2021. — 224 с. (瞿秋白.赤都心史 / 瞿秋白. — 北京 ： 北京联合出版社， 2021. — 224页).

6. *Цюй Цюбо*. История русской литературы и другие работы / Цюй Цюбо. — Шанхай : Издательство Фуданьского университета, 2004. — 211 с. (瞿秋白. 俄罗斯文学史等作品 / 瞿秋白. — 上海 : 复旦大学出版社, 2004. — 211页).

7. *Цюй Цюбо.* Собрание сочинений Цюй Цюбо: политико-теоретическая серия / Цюй Цюбо. — Пекин : Народное издательство, 1988. — Т. 2. — 755 с. (瞿秋白. 瞿秋白文集：政治理论编 / 瞿秋白. — 北京：人民出版社， 1988年. —卷2. — 755页).

Литература

1. *Ван Дандань.* Об исследованиях Цюй Цюбая и его вкладе в китаизацию марксистской теории литературы / Ван Дандань // Hebei Economic Daily. — 2024. — № 11. — С. 43—49 (王丹丹. 论瞿秋白对马克思主义文学理论中国化的探索与贡献 / 王丹丹 // 河北经济日报/. — 2024. — 第11期. — 43—49页).

2. *Ван Тесянь.* Биография Цюй Цюбо / Ван Тесянь, Лю Фуцинь. — Пекин: Народное издательство, 2011. — 469 с. (王泰森。 瞿秋白传 / 王特仙，刘抚琴。 北京：人民出版社， 2011. — 469页).

3. *Ван Цзяньхуа*. Исследование переводческой практики и мышления Цюй Цюбая / Ван Цзяньхуа, Ху Цянь // Исследование переводчика. — 2024. — № 1. — С. 77—86

(王建华. 瞿秋白翻译实践与思想研究 / 王建华, 胡茜 // 中国翻译. — 2024. — 第1期. — 77—86页).

4. *Гринин Л. Е.* Лекция : Роль личности в истории : история и теория вопроса / Л. Е. Гринин // Философия и общество. — 2011. — № 4 (64). — С. 175—193.

5. *Дин Синьхуа.* Цюй Цюбай и перевод / Дин Синьхуа // Иностранные языки и перевод. — 2006. — № 2. — С. 18—23 (丁新华. 瞿秋白与翻译 /丁新华 // 外语与翻译. — 2006. — 第2期. — 18—23页).

6. *Сенина Е. В.* Образ России и русских в «Путевых заметках о новой России» Цюй Цюбо / Е. В. Сенина // Проблемы Дальнего Востока. — 2017. — № 4. — С. 158—166.

7. *Сяо Цзюнь.* Комментарии к письмам Лу Синя к Сяо Цзюню и Сяо Хун / Сяо Цзюнь ; пер. с кит., предисл. и коммент. Сяо Цзюня. — Пекин : Цзиньчэн, 2011. — С. 26—34 (萧军. 鲁迅给萧军萧红信简注释录 / 序言和评论. 萧军. — 北京：金城出版社，2011年. — 26—34页).

8. *Фэн Вэньцзе.* Комментарий к ранней переводческой деятельности Цюй Цюбая / Фэн Вэньцзе // Журнал Цзянсуского технологического института (Общество Научное издание). — 2009. — № 2. — С. 51—54 (冯文杰. 瞿秋白早期翻译活动述评 / 江苏工业学院学报（社会科学版）. — 2009. — 第2期. — 51—54页).

9. *Ху Инцюнь.* Комментарий к исследованиям Цюй Цюбая в Китае за последние 10 лет / Ху Инцюнь, Вэй Жуйруй // Журнал технологического института Чанчжоу. — 2025. — Т. 43. — Выпуск 3. — С. 24—30 (胡颖群. 近10年国内瞿秋白研究述评 / 胡颖群, 韦瑞瑞 // 常州工学院学报（社科版）. — 2025. —第43卷. — 第3期. — 24—30页).

10. *Хэ Ф.* Исследование перевода стихотворения М. Ю. Лермонтова «Ангел» на китайский язык в аспекте стихосложения (на материале переводов Цюй Цюбо, Юй Чжэня и Гу Юйньпу) / Ф. Хэ, Ц. Хао // Мир науки, культуры, образования. — 2023. — № 2 (99). — С. 389—392.

11. *Цинь Вэньцзинь.* О культурном вкладе Цюй Цюбая и его современной ценности / Цинь Вэньцзинь // Чуань Чэн. — 2022. — № 4. — С. 43—49 (秦文晋. 论瞿秋白的文化贡献及当代价值 / 秦文晋 // 传承. — 2022. — 第4期. — 43—49页).

12. *Чжан Чжичжун.* Великий вклад Цюй Цюбо в революционное искусство и литературу / Чжан Чжичжун // Вестник Шаньдунского Педагогического университета (Социальные науки). — 2021. — № 3. — С. 1—23 (张治中. 瞿秋白对革命文艺的巨大贡献 / 张治中 // 山东师范大学学报（社会科学版）. — 2021. —第3期. — 1—23页).

13. *Чжу Чжэн.* Сборник из трех переводов Цюй Цюбая / Чжу Чжэн // Журнал современной китайской литературы. — 2022. — № 5. — С. 9—12 (朱正. 瞿秋白的三种译文集 / 朱正 // 现代中文学刊. — 2022. —第5期. — 9—12页).

14. *Чжун Юань.* От издания «Избранные произведения Цюй Цюбая в Каймине» до издания «Коллекция Цюй Цюбая в Жэньвэне» : О причинах задержки публикации собрания сочинений Цюй Цюбая в начале становления КНР / Чжун Юань // JOURNAL OF HEZHOU UNIVERSITY. — 2018. — Т. 34 — № 2. — С. 21—28 (钟媛. 从开明版《瞿秋白选集》到人文版《瞿秋白文集》 —关于建国初瞿秋白作品结集出版延迟原因考 / 钟媛 // 贺州学院学报. — 2018. — 卷34. —第2期. — 21—28页).

15. *Чэнь Дяньсин.* Предварительное исследование переводческого искусства Цюй Цюбая / Чэнь Дяньсин // Китайский перевод. — 1983. — № 5. — С. 2—7 (陈殿兴 . 瞿秋白翻译艺术初探. 中国翻译. — 1983. — 第5期. — 2—7页).

16. *Ши Лэй.* Исследование литературной теории Цюй Цюбая / Ши Лэй, Ван Хуэйцзяо // Цзиньян. — 2021. — № 1. — С. 72—79 (石磊 王慧娇. 瞿秋白文艺理论研究 / 石磊 王慧娇 // 晋阳学刊. — 2021. — 第1期. — 72—79页).

17. *Шнейдер М. Е.* Цюй Цю-бо — революционер, писатель, боец [1899—1935] / М. Е. Шнейдер. — Москва : Знание, 1960. — 32 с.

18. *Юй Сяоцзин.* Историческое значение столетнего распространения «Интернационала» в переводе Цюй Цюбо / Юй Сяоцзин // Музыкальные исследования. — 2023. — № 4. — С. 101—109 (于晓晶. 瞿秋白翻译国际百年传播的历史意义 /余晓静 // 音乐研究. — 2023. —第4期. — 101—109页).

19. *Ян Чжихуа.* Рекламное объявление о публикации «Лес над морем» / Ян Чжихуа // Память и исследования. — — 1982. —№1. — С. 170—173 (杨志华. 介绍<海上述林>广告考/ 杨志华 // 纪念与研究. — 1982. —第1期. — 170—173页).

Статья поступила в редакцию 09.10.2025,
одобрена после рецензирования 26.12.2025,
подготовлена к публикации 21.02.2026.

Material resources

Lu Xin. (ed.). (1983). *Forest over the sea, 1.* Chengdu: Sichuan People's Publishing House. 623 p. (In Chin.).

Plekhanov, G. V. (1922). *Art: a collection of articles.* Moscow: New Moscow. 215 p. (In Russ.).

Qu Qiubo. (1985). *The Collected Works of Qu Qiubo (Literary series), 1.* Moscow: Publishing house "folk literature". 456 p. (In Chin.).

Qu Qiubo. (1986). *The Collected Works of Qu Qiubo (Literary series), 2.* Moscow: People's literature. 551 p. (In Chin.).

Qu Qiubo. (1988). *The collected works of Qu Qiubo (Political and theoretical series), 2.* Beijing: People's publishing house. 755 p. (In Chin.).

Qu Qiubo. (2004). *The History of Russian literature and other works.* Shanghai: Publishing house of Fudan University. 201 p. (In Chin.).

Qu Qiubo. (2021). *Chronicles of the Red Capital*. Beijing: Beijing joint publishing 224 p. (In Chin.).

References

Chen Dianxing. (1983). A preliminary study of the translation art of Qu Qiubai. *Chinese Translation, 5:* 2—7. (In Chin.).

Ding Xinhua. (2006). Qu Qiubai and translation. *Foreign Languages and Translation, 2:* 18—23. (In Chin.).

Feng Wenjie. (2009). Commentary on the early translation activities of Qu Qiubai. *Journal of the Jiangsu Institute of Technology (Society Scientific Publication), 2:* 51—54. (In Chin.).

Grinin, L. E. (2011). Lecture: the Role of personality in history: history and theory of matter. *Philosophy and society, 4 (64):* 175—193. (In Russ.).

He F., Hao Q. (2023). A study of the translation of M. Y. Lermontov's poem "Angel" into Chinese in the aspect of versification (based on translations by Qu Qiubo, Yu Zhen and Gu Yunpu). *Mir Nauki, Kul'tury, Obrazovaniya, 2* (99): 389—392. (In Chin.).

Hu Yingqiong, Wei Ruirui. (2025). Commentary on Qu Qiubai's research in China over the past 10 years. *Journal of the Changzhou Institute of Technology, 43 (3):* 24—30. (In Chin.).

Qin Wenjin. (2022). On the cultural contribution of Qu Qiubai and its modern value. *Studies on the history of the Party and Party Building of the Communist Party of China, 4:* 43—49. (In Chin.).

Schneider, M. E. (1960). *Qu Qiu-Bo — revolutionary, writer, soldier [1899—1935].* Moscow: Znanie Publ. 32 p. (In Russ.).

Senina, E. V. (2017). The image of Russia and Russians in Qu Qiubo's "Travel Notes on New Russia". *Problems of the Far East, 4:* 158—166. (In Russ.).

Shi Lei, Wang Huijiao. (2021). A study of the literary theory of Qu Qiubai. *Jinyang, 1:* 72—79. (In Chin.).

Van Tesanj, Liu Fuqin. (2011). *"Biography of Qu Qiubo".* Moscow: People's literature. P. 358. (In Chin.).

Wang Dandan. (2024). About the research of Qu Qiubai and his contribution to the Sinification of Marxist literary theory. *Hebei Economic Daily, 11:* 43—49. (In Chin.).

Wang Jianhua, Hu Qian. (2024). A study of the translation practice and thinking of Qu Qiubai. *Translator's research, 1:* 77—86. (In Chin.).

Xiao Jun. (2011). *Comments on Lu Xin's letters to Xiao Jun and Xiao Hong.* Beijing: Jincheng. 26—34. (In Chin.).

Yang Zhihua. (2024). Advertisement for the publication "Forest over the Sea". *Memory and Research.* 170—173. (In Chin.).

Yu Xiaojing. (2023). "The historical significance of the centennial spread of the International in translation by Qu Qiubo". *Musical Studies, 4:* 101—109. (In Chin.).

Zhang Zhizhong. (2021). Qu Qiubo's Great Contribution to Revolutionary Art and Literature. *Bulletin of Shandong Pedagogical University (Social Sciences), 3:* 1—23. (In Chin.).

Zhong Yuan. (2018). From the publication of "Selected Works of Qu Qiubai in Kaiming" to the publication of "The Collection of Qu Qiubai in Renwen": The reasons for the delay in publishing the collected works of Qu Qiubai at the beginning of the Formation of the PRC. *Journal of Hezhou University, 34 (2):* 21—28. (In Chin.).

Zhu Zheng. (2022). A collection of three translations by Qu Qiubai. *Journal of Modern Chinese Literature, 5:* 9—12. (In Chin.).

The article was submitted 09.10.2025;
approved after reviewing 26.12.2025;
accepted for publication 21.02.2026.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]
Check for updates

Информация для цитирования:

Шарапенкова Н. Г. «Симфония (2-я, драматическая)» Андрея Белого : генезис и поэтика / Н. Г. Шарапенкова // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 2. — С. 315—339. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-315-339.

Sharapenkova, N. G. (2026). "Symphony No. 2 ('Dramatic')" by Andrei Bely: Genesis and Poetics. *Nauchnyi dialog, 15* (2): 315-339. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-315-339. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU · РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

«Симфония (2-я, драматическая)» Андрея Белого: генезис и поэтика

Шарапенкова Наталья Геннадьевна
orcid.org 0000-0002-2161-7494
доктор филологических наук, доцент,
заведующая кафедрой германской
филологии и скандинавистики;
профессор отдела подготовки
и аттестации НПР ПетрГУ,
ведущий научный сотрудник
natshar@mail.ru

Петрозаводский
государственный университет
(Петрозаводск, Россия)

"Symphony No. 2 ('Dramatic')" by Andrei Bely: Genesis and Poetics

Natalia G. Sharapenkova
orcid.org 0000-0002-2161-7494
Doctor of Philology, Associate Professor,
Head of the Department of Germanic
Philology and Scandinavian Studies;
Professor, Department of Preparation
and Certification of the NPR PetrSU,
leading research scientist
natshar@mail.ru

Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

© Шарапенкова Н. Г., 2026

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Актуальность исследования продиктована возрастающим интересом к творчеству и личности одного из самых оригинальных и «головоломных» писателей XX века — Андрея Белого (1880—1934). Цель статьи — анализ первых литературных «опытов» писателя, таких как «Предсимфония», «Рассказ № 2 (записки чиновника)», в тесной связи с «Симфонией (2-й, драматической)» (1902). Все эти произведения относятся к сложным художественным явлениям, гибридным по своей природе текстам, тяготеющим к поэзии, с одной стороны, и к музыке, с другой. Новизна статьи состоит в том, что на основе автобиографического материала, без которого невозможен полноценный анализ написанного Андреем Белым на каждом этапе его творчества, рассмотрена история создания (генезис) текста симфонии, выявлен основной творческий импульс писателя. В ходе проведенного исследования были представлены подходы к «Симфонии (2-й, драматической)», от времени её выхода в 1902 году и до сегодняшнего дня. Выявлены особенности структуры текста. Определены обобщающие черты *раннего героя* в творчестве Андрея Белого. Выделены основные сюжетообразующие мотивы всего раннего периода творчества писателя (Вечности, Скуки, зори). Были сделаны выводы о приемах становления идиостиля писателя, его «поэтического косноязычия».

Ключевые слова:
Андрей Белый; символизм; ирония; Симфония (2-я, драматическая); Арбат; орнаментальная проза.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The relevance of this study stems from the growing interest in both the work and personality of one of the most original and enigmatically complex writers of the twentieth century, Andrei Bely (1880–1934). This article aims to analyze the writer's early literary experiments such as “Pre-Symphony,” “Story No. 2 (Notes of a Civil Servant),” and their close relationship with his “Symphony No. 2 (‘Dramatic’),” published in 1902. These works are all examples of intricate artistic phenomena that blur genre boundaries between poetry and music. Their hybrid nature is characterized by an interplay of poetic sensibility and musical structure. A novel aspect of this paper lies in its reliance on biographical material, indispensable for understanding each stage of Bely’s creative development. It investigates the genesis of Symphony No. 2 through a detailed examination of the autobiographical context surrounding its creation. The analysis tracks the reception history of this symphonic text since its publication in 1902 up until today. Structural features of the text have been identified, along with key thematic motifs prevalent throughout Bely’s early period, including those related to Eternity, Ennui, and Dawn. Conclusions regarding the formation of Bely’s unique idiolect, marked by what he himself termed his ‘poetic dysfluency,’ were also drawn.

Key words:
Andrei Bely; Symbolism; Irony; Symphony No. 2 (Dramatic); Arbat; Ornamental Prose.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 821.161.1Белый.07
DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-315-339

Научная специальность ВАК
5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации
5.9.3. Теория литературы

«Симфония (2-я, драматическая)» Андрея Белого: генезис и поэтика

© Шарапенкова Н. Г., 2026

1. Введение = Introduction

Личность и творчество Андрея Белого в конце XX — в первые десятилетия XXI веков заняли как в сознании читателей, так и в филологической науке то достойное место, которое и должен занимать этот поистине уникальный, сложный для истолкования («головоломный» [Воронский, 2004, с. 776]) писатель, поэт, автор философско-эстетических и публицистических трудов, идеолог символизма [Белый, 1994], создатель оригинальных теорий в области стиховедения, ритма, языка [Белый, 2018], разработавший основные приемы «орнаментальной» прозы XX века [Шкловский, 1929; Шкловский, 2004; Кожевникова, 1976].

Первые прозаические опыты писателя, названные им *симфониями*, были изданы в начале XX века [Белый, 1991]. Сам Андрей Белый в труде «Материал к биографии» [Белый, 2016, с. 29—329], полностью вышедшем в свет лишь в 2016 году, дает в ретроспективе характеристику 1901 года: «*Этот год переживался мною, как единственный год в своем роде: переживался он максимальнейшим напряжением* (курсив автора. — *Н. Ш.*) <…> этот год был годом максимального мистического напряжения и мистического откровения» [Белый, 2016, с. 57].

Этот год для Андрея Белого «окрашен первой глубокой, мистической, единственной своего рода любовью к М. К. М.» (Маргарите Кирилловне Морозовой. — *Н. Ш.*) [Белый, 2016, с. 57]. Кроме того, писатель вспоминал: «...складываются основные ноты моего творчества; и само крещение меня моим псевдонимом “*Андрей Белый*”» [Белый, 2016, с. 58].

Вместе с университетским товарищем, ставшим впоследствии близким другом и единомышленником, антропософом А. Петровским [«Мой вечный спутник по жизни» ..., 2007] начинающий автор весной 1901 года, когда и создавалась «Симфония (2-я, драматическая)», переживал «гром апокалиптических событий из будущего» [Белый, 2016, с. 63]. Вот как

CC BY

описывал Андрей Белый то свое особое состояние и «сонный» Арбат: «…в некоторых частях Москвы разливался аромат сирени, — я почувствовал сильное вдохновение: я выставил рабочий столик на балкон, поставил свечку и всю ночь напролет писал: была написана вся 2-ая часть 2-ой “Симфонии” в эту ночь; <…> я никогда не писал так безотчетно, как в эту ночь» [Там же]. Еще одна важнейшая фигура для Андрея Белого в этот ранний, «аргонавтический» период [Белый, 1989, с. 323; Лавров, 1978]), друг юности, с которым его связывало духовное и интеллектуальное «братство», — это сын М. С. Соловьева, Сергей Соловьев: «Страстная неделя для нас с С. М. Соловьевым совершенно необычна: вся она залита весной, солнцем, зарею, обетованиями Апокалипсиса и “*встречами”* на Арбате и на Пречистенке: *не Арбат, не Пречистенка места наших прогулок, а — Вечность*» (выделено нами. — *Н. Ш.*) [Белый, 2016, с. 61]. Неслучайно «Симфония (2-я. Драматическая)» получила название «Московской симфонии». Андрей Белый в «Ракурсе к дневнику», где подробно даны даты написания частей и первой, и второй симфоний, пишет: «На Фоминой неделе <9—15 апреля> пишу первую часть “Московской симфонии”; и тут же её читаю Соловьёвым. Они — поражены» [Белый, 2016, с. 338].

Так, в прогулках, в «апокалиптических» переживаниях друзей-«аргонавтов» (см. об этом: [Лавров, 1978]), особых «встречах», в мистической влюбленности формируется *идейно-символический* план второй симфонии, которая, по воспоминаниям писателя, лишь «случайный отрывок, почти протокольная запись той подлинной, огромной симфонии, которая переживалась мной ряд месяцев в этом году» [Белый, 2016, с. 60]. Отсюда и непривычное «для слуха», *странное* наименование художественного текста — «симфония»: это и жанр музыкального произведения, и импровизации Бореньки Бугаева за роялем в квартире на Арбате, и «воспоминание» о встрече с Маргаритой Морозовой, и весь спектр чувств, экстазов, пребываний «в волнах любви, в волнах зари» [Белый, 2016, с. 61].

«Год огромного духовного поворота» [Белый, 2016, с. 58] привел к созданию первого «серьезного» произведения, названного автором *«Симфонией (2-й, драматической)»*. Это был не первый литературный опыт Андрея Белого, до этого были созданы «Предсимфония» (1899, год написания), «Световая сказка» и «Северная симфония (1-я, героическая)» (1900, год написания) и другие «лирические отрывки в прозе» [Белый, 1991]. «Рассказ № 2 (из записок чиновника)», созданный в мае 1902 года, имеет значимые переклички со второй симфонией, что позволяет рассматривать оба произведения в одном идейно-символическом и мотивном поле.

Но именно написанная весной 1901 года на Страстной неделе в квартире на Арбате «Симфония (2-я, драматическая)», появившаяся в свет

CC BY

в журнале «Скорпион» в апреле 1902 года, стала началом творческого пути Андрея Белого, поистине его «литературным рождением» (подробно об истории написания: [Лавров, 1991, с. 501—506; Хмельницкая, 1988, с. 103]).

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом данного исследования стала недостаточно изученная в современной филологической науке «Симфония (2-я, драматическая)» Андрея Белого в её тесной связи с предшествующими литературными опытами писателя («Предсимфония», «Рассказ № 2 (записки чиновника)»). Все они вкупе стали «точкой отсчета» ритмической («орнаментальной») прозы писателя-символиста.

«Северная симфония (1-я, героическая)» в ее связи с драмами Г. Ибсена и музыкой Э. Грига рассмотрена нами ранее [Шарапенкова, 2025], но при необходимости (выявлении сюжетообразующих мотивов, отсутствия / наличия иронии, определении природы героя и рассказчика) в данной статье делаются отсылки и к первой симфонии.

«Симфония (2-я, драматическая)» Андрея Белого сразу же после появления в свет в 1902 году вызвала ряд откликов, причем с разновекторными оценками: от полного отрицания её эстетических (художественных) достоинств до признания пророческого дара её создателя.

Так, к примеру, Э. К. Метнер, критик и организатор издательства «Мусагет» [Книгоиздательство ..., 2014], анализирует в своей статье обе симфонии: «Северную симфонию (1-ю, героическую)» и «Симфонию (2-ую, драматическую)». Особое место в этой обширной рецензии отведено форме (жанру) «необычных» произведений — *симфоний*, которые скорей следовало именовать «сюитами» [Метнер, 2004, с. 42].

Сам Э. К. Метнер, с которым Андрея Белого связывают сотрудничество в «Мусагете» и дружба, завершившаяся разрывом [Андрей Белый и Эмилий Метнер, 2017], оказал на начинающего писателя огромное влияние [Юнггрен, 2001; Лавров, 2017]. Критик-«гётеанец» усилил интерес Андрея Белого к немецкой философии, литературе (И. Канту, Ф. Ницше и И. В. Гёте) и к музыке (Р. Вагнеру), которая, к слову сказать, вошла в жизнь писателя очень рано благодаря музыкальным наклонностям его матери, Александры Бугаевой. Выявляя «архитектоническую стройность» [Метнер, 2004, с. 43] первой симфонии, рецензент тем не менее при выявлении ее слабых мест («меньшее количество тем», чем во второй симфонии, и т. д.) отмечает и наличие ее главной особенности. По наблюдениям критика, это — рифма, «внезапно и непринужденно вращающаяся в прозаическое движение» [Метнер, 2004, с. 43]. Данный взгляд на архитектонику

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

симфоний будет развит в дальнейших исследованиях, посвященных природе ранних произведений Андрея Белого. Так, к примеру, М. Л. Гаспаров свяжет возникновение *метрической, ритмической (орнаментальной) прозы*, которая является тяготением прозы к ритму поэзии, с именем Андрея Белого [Гаспаров, 1984, с. 224]. Следует отметить, что все эти дефиниции отражают одно стилевое явление — ритмизацию и метризацию прозы, справедливо названную *орнаментальной*, в развитие которой немалый вклад внес Андрей Белый [Шкловский, 1929; Забурдяева, 1985; Орлицкий, 2002]. Анализируя ритмику прозаической симфонии, Л. Силард представит ее в тесной связи с ритмическим рисунком «Так говорил Заратустра» Ф. Ницше, влияние которого на структуру первых произведений признавал и сам Андрей Белый [Силард, 1973, с. 276]. Так, в «Материале к биографии» автор пишет в 1902 году, после выхода второй симфонии: «Лето для меня начинается вторичным увлечением Ницше; я впервые читаю “Заратустру” в подлиннике; и упиваюсь ритмами его; эти ритмы сливаются для меня с ветром времен…» [Белый, 2016, с. 77].

В финале своей статьи Э. К. Метнер резюмирует: «Будущности “симфония не имеет, но многие приемы ее *разовьются и укрепятся в сильных руках самого автора* в других его произведениях и будут схвачены и привиты другими писателями» (выделено мной. — *Н. Ш.*) [Метнер, 2004, с. 42]. Преемственность, указанную критиком, отметил в дальнейшем В. И. Мильдон: «Некоторые из этих приемов встретятся в последующей русской прозе: от М. Булгакова до С. Соловьева, А. Кима и В. Пелевина, хотя названные авторы могут и не осознавать этого» [Мильдон, 2011, с. 517].

Д. В. Философов относит начинающего писателя-мистика к людям «высшей «*многострунной* культуры» [Философов, 1903, с. 165]. Сами слова взяты критиком непосредственно из второй симфонии («Все это были люди высшей *«многострунной»* культуры» (выделено автором. — *Н. Ш.*) [Белый, 1991, с. 127]). Они будут применены несколько в ином контексте Т. Ю. Хмельницкой, а затем и академиком А. В. Лавровым при анализе *структуры* второй и первой симфоний, а именно — для установления наличия (многострунная) или отсутствия (однострунная) в них иронического начала (о чем разговор в статье впереди).

В 80—90-е годы XX века в связи с возвращением имени писателя интерес к литературно-симфоническим опытам Андрея Белого вновь возрастает. Л. Силард справедливо утверждает, что анализ ранней прозы Андрея Белого не возможен без понимания приемов ее «структурирования» (ритмизации) [Силард, 1973; Силард, 2002].

В 1999 году была проведена первая конференция, посвященная творчеству Андрея Белого. В сборнике докладов конференции «Москва и

CC BY

“Москва” Андрея Белого» вышло исследование немецкого исследователя Д. Буркхарта, который дает анализ семиотики пространства «Симфонии (2-й, драматической)» и как «образца символистской, синэстетической, “орнаментальной прозы”», и как симфонического сочинения, «стремящегося к воплощению вагнеровской идеи Gesamtkunstwerk» («единение искусств», или — привычнее — «синтез искусств». — *Н. Ш.*) [Буркхарт, 1999, с. 73]. Анализ пространственных структур и выявление музыкальной архитектоники текста (музыкальных приемов, лейтмотивов, техники контрапункта и др.) Д. Буркхарт тесным образом связывает с идейно-тематическим планом симфонии, а именно с «духовной атмосферой России на рубеже столетий» [Там же], с «воссозданием многопланового образа Москвы», с «ви́дением апокалиптического заката России и Европы» [Там же, с. 77] и с другими не менее важными мотивами всей поэтической системы писателя (Вечности, скуки, апокалиптической «Жены, облечённой в солнце» и др.).

Проблему толкования мистицизма и форм его воплощения в симфониях Андрея Белого поднимает в начале нынешнего, XXI века В. С. Севастьянова, которая предлагает на примере симфоний Андрея Белого анализ «художественной модели, в центре которой — образ тьмы, приобретающий особое значение в контексте исканий средневековых мистиков, и прежде всего — Эриугены» [Севастьянова, 2013, с. 80].

В рамках идей «властителей умов» Серебряного века, Вл. Соловьева и Ф. Ницше, Н. Какинума анализирует два типа («образа») времени во второй симфонии, а именно в его «прогрессивно-линейном продвижении и регрессивно-кругообразном возврате» [Какинума, 2014, с. 162].

Другим важнейшим направлением изучения литературно-симфонических опытов Андрея Белого стало понимание того, как автор посредством причудливого ритмико-интонационного рисунка, особой интонации, «наложения ритма на метр», визуального облика текста сумел приблизить прозаическое произведение к музыке [Семьян и др., 2014].

Приведенные выше точки зрения критиков и исследователей на природу и структуру первых образцов орнаментальной прозы Андрея Белого свидетельствуют об устойчивом интересе как к самому типу прозы, тяготеющей к стиху, так и к раннему периоду творчества писателя.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. От лирической прозы к симфониям Андрея Белого: проблема героя

Андрей Белый, говоря о структуре своего первого отданного в издательство для публикации текста, пишет о трех его смыслах (планах): са-

CC BY

тирическом, музыкальном и идейно-символическом [Белый, 1991, с. 89]. Автор во введении описывает структуру своего текста, сориентированного на музыкальное произведение: это «…симфония, задача которой состоит в выражении ряда настроений, связанных друг с другом основным настроением (настроенностью, ладом); отсюда вытекает необходимость разделения ее на части, частей на отрывки и отрывков на стихи (музыкальные фразы); неоднократное повторение некоторых музыкальных фраз подчеркивает это разделение» [Там же].

До четырех литературных симфоний, изданных в 1902—1907 годы, Андрей Белый создает своего рода *претексты*, строящиеся на ритмическом (лирическом) начале и лейтмотивном принципе организации текста. Проследить «путь героя» (его трансформацию) от «Предсимфонии» через «Рассказ № 2 (записки чиновника)», изданный после анализируемой нами симфонии, к первой и второй симфониям представляется нам продуктивным углом зрения на ранние лирические «опусы» Андрея Белого. Так, к примеру, «Предсимфонию», «Световую сказку», «Рассказ № 2 (записки чиновника)», «Северную симфонию (1-ю героическую)» и «Симфонию (2-ю, драматическую)» объединяет две группы мотивов: мотив борьбы безвременья (времени) / Вечности и мотив двойничества, который связан с темой мистической любви героя и, в свою очередь, перекликается с мотивом Вечности. За обозначенными мотивами во всех указанных выше произведениях следует закрепить *проблему героя*.

«Предсимфония» (1899) Андрея Белого сориентирована на музыкальное произведение: она представляет собой еще робкие, незаконченные наброски, строящиеся на строгом подчинении музыкальному темпу, зафиксированному в заголовках её частей (Andante, Allegro, Adagio и т. д.). Все это найдет свое развитие в дальнейшем, правда, «уйдут» собственно музыкальные термины, обозначающие темп, но сам принцип будет сохранен. Развивая направление в изучении природы художественных творений Андрея Белого — их визуально-стилевое своеобразие, — Е. В. Федорова справедливо разворачивает мысль выдающихся исследователей стиля писателя (Э. К. Метнера, П. Флоренского, Л. Силард, Л. А. Лаврова, Л. А. Колобаевой [Колобаева, 2017]) о том, что симфонии — «новый экспериментальный жанр, в основе которого лежит сочетание собственно литературного текста и структурных канонов музыкального произведения» [Федорова, 2014, с. 76].

Кроме этого, в «Предсимфонии» Андрея Белого, по «образу и подобию» Ветхого и Нового Заветов, пронумерованы строки (стихи) текста. Именно здесь будет «опробован» сам принцип композиционного построения будущих литературных симфоний (в том числе и «Симфонии (2-й,

CC BY

драматической)») и намечен их мотивно-тематический ряд. Один из мотивов, ставших впоследствии ведущими (от симфоний до последнего романа «Москва» (1925—1932)), — мотив Вечности — здесь, в тексте «Предсимфонии», предстает как «победная Заря далекого Солнца» [Белый, 1991, с. 420], которая может обернуться и «пустотой грозной» [Там же]. Заря, встреча зари, «эпоха зорь» — важнейшие мифологемы всей поэтической системы Андрея Белого; об этом собран большой исследовательский материал: [Спивак, 2006; Спивак, 2023].

Прелюдия («Praeludium») — так автор называет первую часть текста «Предсимфонии» — предстает как своего рода «гимн нисходящей Вечности», и герой обращается к братьям с призывом воздать ей должное. Вечность здесь — трансцендентное, «идеальный» мир, высшая Истина.

В «Предсимфонии» начинает складываться концепция Андрея Белого о многомерном существовании человека. Л. К. Долгополов, автор первой монографии о писателе, отмечал: «Белый отделил бытовое в человеке от бытийной основы его личности и, отделив эти стороны, снова слил их в одно единое целое, и эту *разделенную им неразделенность* определил как земное существование» [Долгополов, 1988, с. 82]. Эта концепция начнет реализоваться и в «Рассказе № 2 (записки чиновника)», и в симфониях и найдет свое полное разрешение в романе «Петербург» (1913), где под влиянием идей основоположника антропософии Р. Штайнера герой представлен в своем многомерном существовании.

В этом раннем тексте Андрея Белого коммуникация представлена цепочкой: *«Я» героя — другие («братья»)*. Герой раздираем противоречиями. С одной стороны, он осознает собственную исключительность, непохожесть на других, его одолевают предчувствия собственной гениальности, с другой, он одержим желанием совместить свою непохожесть с миром обыденности, «обычных» людей. Своего рода апогея это противоречие достигает в его возгласе: «Други, кто я? Нет меня! Отыщите меня» [Белый, 1991, с. 433]. В этом монологе героя, обращенном к «братьям», вырисовывается еще одна важнейшая для всего творчества Андрея Белого тема, которая сопрягается с темой гениальности собственного «я», это тема *одиночества, одиночества гения-пророка* с узнаваемыми новозаветными аллюзиями (на «Евангелие от Матфея»): «Ст. 66. Братья, возлюбленные мои! Обижают меня за ничтожество моё. Гонят меня за любовь мою к вам. Ст. 66. И плачу я один, братья мои; страдаю за вас, и вы гоните меня» [Там же].

Финал «Предсимфонии» (Послесловие) видится в окончательном расторжении связей с «братьями»: «ст. 3. И гоните меня, проклинаете меня… Ухожу в страны далекие, плача о ничтожестве моем. Ст. 4 А когда загудит труба Кричащего на вас, *«вы»* придете ко мне, *«вы»* преклонитесь передо

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

мной, ст. 5. Но я буду глух и не услышу вас, буду слеп и не увижу вас. Ст. 6. Потому что будет со мной Невеста моя» [Там же, с. 441].

Образ *небесной Невесты* будет также трансформирован автором и в образ «бледно-голубой красавицы» (ее двойника) в «Рассказе № 2», и в образ Королевны (Христовой невесты) в «Северной симфонии (1-й, героической)», и в образ Сказки в «Симфонии (2-й, драматической)». В этом видится преемственность и перекличка ранних текстов Андрея Белого, что дает возможность проследить трансформацию важнейших образов и мотивов его творчества.

Герой «Предсимфонии» «разлучен с самим собой», не состоялся, в финале «я» героя дано в ареоле сверхчеловеческого (в этом, безусловно, видны «следы» прочтения автором «Так говорил Заратустра» Ф. Ницше). Разлучение с самим собой, ставшее в «Предсимфонии» главной характеристикой героя, доведено до предела в «Рассказе № 2 (записки чиновника)», по сути «парафраза» «Записок сумасшедшего» Н. Гоголя.

«Рассказ № 2 (записки чиновника)» (год написания — 1902) представляет собой, с точки зрения формы, достаточно традиционное повествование, без свойственного симфониям писателя деления на строки, фразы, фрагменты. В «Рассказе № 2» появляются *двойник главного героя* («в миру» он чиновник) и «высшая», так сказать, ипостась его возлюбленной, опять же *двойник героини*: «И я с особым чувством нравственного удовлетворения вспоминаю тот вечер, когда мой двойник разрешил мои недоумения относительно любви “к ней” <…> Эта не была земная любовь, я не любил “её”, но ту, которая мерещилась за ней, “ее идеал”, скажут другие, “её двойник”, скажу я…» [Белый, 1991, с. 496].

Возлюбленная героя этого рассказа — *надмировое* существо, сродни Королевне из «Северной симфонии (1-й, героической)», которая в ней «ведет» партию *Вечности* [Шарапенкова, 2025].

Так, в «Рассказе № 2» приведен разговор героя с самим собой: «Я объяснял ему (то есть двойнику. — *Н. Ш.*), что любил мою бледно-голубую красавицу, что любовь моя была такая чистая и такая сильная, что вырастала выше мира… Но я не умел применить мою любовь к делу, я не знал, что с ней делать… А она вырастала до Вечности…» [Белый, 1991, с. 496]. Этой функцией — служить Вечности — «бледно-голубую красавицу» из «Рассказа № 2 (записки чиновника)» наделяет сам главный герой, в «Северной симфонии» сама Королевна видит в этом свое предназначение: *«Где твое царство — ты, неведомая королевна?» — «У меня было царство земное, а теперь я не знаю, где оно… Мое царство — утро воскресения и сапфировые небеса. Это царство сапфировых грез не отымется у меня»* [Там же, с. 57].

CC BY

Оба героя (и Рыцарь в «Северной симфонии», и чиновник в «Рассказе № 2») проходят через любовь-испытание, обретают через нее путь к подлинному высшему миру, Вечности, постигают новую истину. Вместе с тем этот пафос снижается, дан подчас в гротескных формах: Рыцарь соединится с Королевной только после смерти («белое царство белых детей»), герой-чиновник окажется в доме умалишенных. Сам герой «Рассказа № 2» понимает всю необычность своего чувства к «бледно-голубой красавице», ему присуще, подчеркнем еще раз, рыцарское служение в любви, он переживает всю гамму чувств: от восторгов, что он любим, до полного отчаяния.

Любовь героя «Рассказа № 2» к надмировой красавице (по сути — Вечности) преобразуется в любовь к своему двойнику (к себе самому!). В финале герой приглашает в гости своего двойника, признает единственную реальность — только свое «я», приравнивая его к целому миру: «Я объяснял ему, что “она” не любила меня, что я не любил ее…Что я люблю только его, “двойника”, — себя самого, потому что “я” — один в мире и “сам” составляю мир» [Белый, 1991, с. 493].

Финалы «Рассказа № 2 (записки чиновника)» и «Предсимфонии» близки по своему содержанию: «я» героя приравнено целому миру и наделено «сверхчеловеческим», так сказать, потенциалом. Возлюбленная в обоих произведениях толкуется героем выше мира тварного, она и есть сама Вечность. В «Предсимфонии», «Рассказе № 2» герой обращается к читателю напрямую, без посредника. Собственно в ранних творениях Андрея Белого герой и автор — одно лицо, единственный полномочный рассказчик событий. Опосредующее звено повествования — рассказчик — появляется во Вступлении к «Северной симфонии», а сами *взаимоотношения* между автором и героем усложняются. Повествователь во Вступлении к «Северной симфонии» наделен важными характеристиками, такими как *разорванность сознания*, принятая на себя роль *юродствующего пророка* (об этом подробнее: [Шарапенкова, 2025]). В «Рассказе № 2 (записки чиновника)» также есть отсылка к этой разорванности героя-рассказчика, стремлению воссоздать новое единство, новую целостность: «Я не мог объяснить ей “всё” своими, простыми словами и выдумывал искусственные обороты и напыщенные сравнения… И я достигал цели … в своей *ходульной манере выражаться*» [Белый, 1991, с. 478].

В «Северной симфонии (1-й, героической)» повествователь только заявлен как своего рода *проекция* образа автора, но отмеченные выше черты его, а также особый стиль писателя, поименованный в «Рассказе № 2» как «ходульная манера выражаться», найдут свое полное развитие в «Симфонии (2-й, драматической)».

CC BY

3.2. Музыкальный план повествования: к генезису «Симфонии (2-й, драматической)»

Всего писателем было создано, напомним, четыре литературных симфонии: «Северная симфония (1-я, героическая)», 1899—1900 годы; издана позднее «Симфонии (2-й, драматической)» — в 1904 году; «Возврат. III симфония» (1905), «Кубок метелей. Четвертая симфония» (1908). Наименования даны по изданию 1991 года, подготовленному академиком А. В. Лавровым [Лавров, 1991]. Здесь — в текстах четырех симфоний — началось формирование «причудливого» оригинального идиостиля писателя с его тяготением к музыкальной организации текста, к его лиризации (стиранию границ между прозой и поэзией) и ритмизации (формированию ритма прозаического текста).

Эти черты проявились в стремлении Андрея Белого выстроить текст литературных симфоний и как *партитуру* музыкального произведения, и как Священное писание (в тексте симфоний идет нумерация строчек, по сути, стихов или отрывков). Начинающий писатель рефлексировал над собственной стилевой манерой, «открытой» им во второй симфонии, расположив ее между наукой и искусством и назвав принцип организации текста *структурой*: «Меня интересовал конструктивный механизм той смутно осознаваемой формы, которой были написаны мои симфонии» [Белый, 1991, с. 252—253].

Впоследствии автор, размышляя о природе своего синтетического жанра (на стыке музыки и слова, живописи и слова), дал своего рода *экскурс* в историю создания собственных художественных текстов, тесным образом связанных с музыкально-интонационной (звуковой) и ритмической основой всех его творений. Так, в 1930 году Андрей Белый в итожащей статье «Как мы пишем» вводит читателя в свою «писательскую кухню», отвечая на один из вопросов, поставленный издательством авторам будущего сборника: «Что Вам дает первый импульс к работе (слышанный рассказ, заказ, образ и т. д.)?» [Как мы пишем ..., 1930, с. 5]. К тому времени уже ставший маститым автором, Андрей Белый отвечает на этот вопрос так: «Я склонен думать, что я не писатель <…> процесс записывания для меня ничтожен в сравнении с процессом оформления до описания» [Белый, 1988, с. 10]. И далее: «…синтез материала переживал я не рефлексией, а *звуком музыкальной темы*, программу к которой, то есть сюжет, я должен найти <…> Было ясно то впечатление, которое должно было подниматься в душе читателя по прочтении сюжета; и я искал сюжет к *переживаемому мной звуку темы*, который, в свою очередь, был синтезом материала, запротоколированного памятью» (выделено мной. — *Н. Ш.*) [Белый, 1988, с. 12]. Данное наблюдение (саморефлексия) перекликается

CC BY

с тем, что автор пишет о создании текста симфонии. Так, поясняет автор, «обстояло и с юношескими моими формами, с так называемыми «Симфониями»; они — оформление в 1900—1907 годах некой работы, произведенной в период 1896—1900 годов» [Там же]. И далее: «…шесть или семь книг, в которых я сознательно выступаю *как художник слова*, а не как публицист, написаны так; другие — совсем иначе: к этим 6—7 книгам я отношу: «Драматическую симфонию» (так автор именует «Симфонию (2-ю, драматическую)». — *Н. Ш.*), «Серебряный голубь», «Петербург», «Крещеный китаец», «Москва», «Котик Летаев» [Там же, с. 13].

В томе воспоминаний «Начало века» Андрей Белый анализирует «три стороны» [Белый, 1990, с. 138] «Симфонии (2-й, драматической)» (сатирическую, музыкальную, идейно-символическую). Одна из них — музыкальная — непосредственно связана с генезисом текста, «атмосферой» его появления. Приведем слова писателя: «…Одна <сторона> — слово, итог окисления крови в полях, ритм галопа на лошади; то смысл музыкальный…» [Там же]. В таком «пунктирном» виде (ритм галопа, «окисление крови») автор передает то, что уже не раз описывал в других статьях, посвященных природе своего творческого импульса: «…что я могу говорить о писáнии в широком смысле <…>, которое началось опять-таки до писания за письменным столом, скорее в брожении, в бегании, в лазании по горам, в искании ландшафтов, вызывающих чисто *музыкальный звук темы*…» (курсив мой. — *Н. Ш.*) [Белый, 1988, с. 13]. Из «звука темы» у писателя рождались сюжеты и темы всех его художественных произведений. Так, писатель подчеркивал, что он «более слагал свои тексты, чем писал их за столом, подбирая слово к слову, я записывал так сложенные фразы в полях на ходу <…> слагал я свои отрывки часто верхом на лошади» [Там же, с. 20].

Важнейшим источником формирования литературных симфоний является и то, что начинающий писатель сам музицировал за роялем произведения Шумана, Грига, Шопена, Бетховена. «Мои юношеские “Симфонии” начались за роялью, в сложении мелодиек; образы пришли как иллюстрации к звукам» [Там же, с. 15], — признавался Андрей Белый в работе «Как мы пишем».

3.3. Сатирический план «Симфонии (2-й, драматической) и формирование приема «поэтического косноязычия»

Сатирический план «Симфонии (2-й, драматической)», заявленный автором наряду с музыкальным и идейно-символическим, не является ни самостоятельным, ни самодовлеющим, он связан с главной категорией в эстетике русского символиста — иронией. А. С. Петровский после выхода в свет «Симфонии (2-й, Драматической)», «узнавший себя в ее персонажах,

CC BY

Петковском и Поповском» [Мальмстад, 2007, с. 12], обращается с письмом к Э. К. Метнеру: «…эта вещь — шутка» [Мальмстад, 2007, с. 12].

Вторая симфония есть наглядный пример своего рода *игры автора с читателем*, которую можно представить как соединение рассогласованных и, казалось бы, не связанных друг с другом фрагментов реальности, что порождает «образ бессмыслицы» или, по наблюдениям П. Флоренского, «организующий хаос». В. Брюсов, поэт и редактор «Скорпиона», опубликовавший на его страницах никому не известного автора, впоследствии так определил «эффект» от композиционного построения симфоний Андрея Белого (смешение разных слоев реальности, бытовой и идеально-духовной, наличие сегментного построения текста и др.): «Он вынул какие-то связи между событиями, выпавшие легко, как ненужные украшения. И вдруг вся эта строгая последовательность нашей обыденной жизни обратилась в бессвязный и чудовищный хаос, в бесцельный метущийся водоворот, из которого нет выхода» [Брюсов, 1990, с. 126].

Исследователи вплотную подошли к проблеме *иронии* в произведениях русского символиста. А. В. Лавров сравнивает «мягкую лукавую иронию» Андрея Белого с романтической иронией, справедливо полагая, что «… ирония — основной способ видения мира во второй “симфонии”, вскрывающий двойственность бытия и призывающий преодолеть эту двойственность…» [Лавров, 1991, с. 22]. Ирония у Андрея Белого, по сути, есть резкое совмещение в одном отрывке (фрагменте, сегменте) текста пафоса и сатиры, низкого и высокого, верхнего и низового плана, и в конечном итоге она «оборачивается неподдельным пафосом» [Там же, с. 22].

В «Симфонии (2-й, драматической)» автор шифрует свой «аргонавтический» опыт, запечатлевает духовные предчувствия и экстатические «взмывы», пережитые совместно с А. Петровским и С. Соловьевым. Мотивы и образы второй симфонии «навеяны» идеями В. Соловьёва и Ф. Ницше, но даны подчас пародийно. Так, Ф. Ницше в тексте симфонии подается в сатирическом ключе. Первоначально автор дает это «знаковое имя» в сравнении: уподобляя внешний облик кучера портрету Ф. Ницше («На козлах сидел потный кучер с величавым лицом, черными усами и нависшими бровями. Это был как бы Ницше» [Белый, 1991, с. 92]). В следующей строке союз *как бы* не употребляется, и кучер словно превращается в «Ницше»: «Ницше тронул поводья» [Там же, с. 92]. В четвертой части симфонии так представлено учение Вл. Соловьева и Н. Федорова: «В одном углу спорили о видении Соловьева, а в другом завзятый мистик учил воскрешать мертвых» [Там же, с. 172]. Над крышами Москвы слышен «звук рога», знаменующий собой «видение» Вл. Соловьева: «На крышах можно было заметить пророка. …Это был покойный Владимир Соловьев»

CC BY

[Там же. с. 135]. Само *сумасшествие* Мусатова подано как «разговор» с философом: «Ээээ! Да неельзяяя же так, Влади-мир Серге-евич!» … Двое прохожих вздрогнули от этого священного хохота..» [Там же, с. 171].

Характерное для раннего идиостиля Андрея Белого стремление «передать высокое через низовое» есть не только способ сопряжения «далековатых идей» (если вспомнить теорию М. Ломоносова), но и создание в тексте симфонии нового смыслового единства («поэтического косноязычия»). Как отмечал Ю. М. Лотман, «он (Андрей Белый. — *Н. Ш.*) ищет не только новых значений для старых слов и даже не новых слов, он ищет новый язык» [Лотман, 1988, с. 439].

Этот новый язык Андрея Белого терминологически будет соотнесен с «косноязычием», на что указывали и сам ученый-семиотик [Лотман, 1989. с. 439], и академик Д. С. Лихачев в предисловии к академическому изданию «Петербурга». Ученый поднимает важную в данном контексте тему: «Бывает косноязычие Моисея и косноязычие дурака. У Белого было косноязычие первого — косноязычие пророка» [Лихачев, 1981, с. 7]. Несомненно, как уточняет Ю. М. Лотман, «речь идет не о реальных свойствах реального “Бореньки” Бугаеве, а о самосознании А. Белого…Как пророк нового искусства он должен был создавать новый язык высокого косноязычия» [Лотман, 1989, с. 438].

3.4. Идейно-символический план симфонии: герои и мотивы

Согласно «Вместо предисловия», третий смысл (план) симфонии — *«идейно-символический»* [Белый, 1991, с. 89], который, по Андрею Белому, «являясь преобладающим, не уничтожает ни музыкального, ни сатирического смысла» [Там же]. Для раскрытия этого плана текста симфонии обратимся к расшифровке природы героев и сюжетообразующих мотивов второй симфонии.

Сумасшествие героев (их безумие) важно для понимания идейно-символического плана текста. Кроме того, безумие, начиная с «Рассказа № 2», отсылающее, напомним, к «Запискам сумасшедшего» Н. Гоголя, является «кардинальным лейтмотивом» [Хмельницкая, 1988, с. 125] художественного мира Андрея Белого. Во второй симфонии герой, Молодой Философ, сходит с ума; герой-Сумасшедший совершает нападение на старушку-богомолку; «авторский герой» Сергей Мусатов (имя отсылает к другу юности Б. Бугаева, Сергею Соловьеву) после многочисленных метаний идет в сумасшедший дом. Более того, сумасшедший (безумец), по Андрею Белому, наделен ви́дением, «знанием», тем самым он приближается к некоему идейно-нравственному Абсолюту (Вечности). Так, герой первой части — Сумасшедший — «тихо шептал при этом: “Я знаю тебя, вечность!” Все ужаснулись, услышав о скрываемом …» [Белый, 1991, с. 127].

CC BY

Приближение к высшей Истине (Абсолюту) в тексте симфонии связано с мотивом Вечности, сумасшедший грезит о ней, ведет «разговоры с ней», погружается в «знание» о ней. Третья часть симфонии посвящена своего рода «разговорам» «Пророка» Сергея Мусатова с Возлюбленной (Вечностью). Так, герой назван «глашатаем Вечности» [Там же, с. 163], который «снял покровы» [Там же], «прошел все ступени здравости» [Там же, с. 165]. В. Брюсов дает такое толкование: перед ним (героем) «встали дали третьего плана вселенной, последние истины» [Брюсов, 1991, с. 127].

Герой Сергей Мусатов назван «баловником и любимцем Вечности» [Белый, 1991, с. 162—163], она «как бы большая птица в печали», она же «Вечность Царящая, Великая». «Он…слишком учился для того, слишком тосковал, слишком много снял покровов, слишком полюбил Вечность» [Там же, с. 176]. «Вечность шептала своему баловнику: “Все возвращается…Все возвращается …Одно…Одно… во всех измерениях”» [Там же, с. 155].

«Глашатай Вечности» Сергей Мусатов, как и молодой рыцарь из «Северной симфонии», которого одолевают «наследственные силы», наделен *двойственной* природой. Это скрыто и в его характеристике: «золотобородый аскет [Там же, с. 147]», «пророк». Он аскет, рыцарь, он призван к нравственному служению высшему долгу (в симфонии — Вечности, а в финале — к служению России: «шел вопрос о священном значении России» [Там же, с. 125]).

Любовь Мусатова не разрешается в психологическом («реальном») ключе (так, оказавшись в деревне у брата в третьей части симфонии, герой не заметил или не захотел заметить вспыхнувшее к нему чувство героини Вари), а она «переключена» в план высокой, мистериального толка любви, понимаемой именно как рыцарское служение (в этом мы видим отголоски «Северной симфонии» и «Записок чиновника»). В Сказке — жене морского кентавра — Мусатов «угадывает» апокалиптическую «Жену, облеченную в Солнце» [Там же, с. 174], а её ребенка («дитя мужеского пола») принимает за того, кто в будущем должен спасти Россию («пастú народы жезлом железным»). В высказывании героя угадываются апокалиптические аллюзии. На деле же ребенок Сказки — девочка: «Мы с мужем одеваем её мальчиком» [Там же, с. 178]. Тем самым высокие апокалиптические чаяния и предчувствия героя оборачиваются «пустым звуком». Здесь смыкаются две важнейшие темы симфонии: тема высокой мистической любви Мусатова к Сказке и жажда деятельности, личностного участия в преображении самой жизни, но вместе с тем данные в гротескном и подчас снижающем ключе (по словам самого автора — в тексте симфонии происходит «высмеивание крайностей мистицизма» [Там же, с. 89]).

CC BY

«Знанием» об Истине также наделена Сказка — предмет воздыханий Демократа и Мусатова: «…Перед ней раскрылось грядущее, и загорелась она радостью …Она з н а л а …» (разрядка автора. — *Н. Ш.*) [Белый, 1991, с. 193]. Автор её именует «синеглазой нимфой», «сказкой Демократа», «морской нимфой» [Там же, с. 99]. Образ Сказки навеян, как отмечали не раз исследователи, мистической любовью Б. Бугаева к М. Морозовой. Образ Сказки восходит и к собственным мистическим переживаниям писателя, и к теме «Вечно-Женственного», идущего от И. В. Гёте и трансформированного Вл. Соловьевым и русскими символистами. В «Ракурсе к дневнику» Андрей Белый вспоминает: «В неделю пишу 3-ью часть 2-ой *“Симфонии”* в необычайном подъеме, перманентная медитация над “зорями”, откровения о *“Ней”:* стихи Соловьева, Фета, Лермонтова» [Белый, 2016, с. 338].

«Вечность» в симфонии вбирает в себя и важнейшую идею «властителя умов» Ф. Ницше о «Вечном возвращении», которая отсылает, в свою очередь, к более древней традиции. Уроборос — змея, кусающая свой хвост, символ, встречающийся в восточных религиях, оккультных и эзотерических учениях и т. д. С ним связаны идеи круговорота жизни, перерождения, связи начала и конца, это символ бесконечности и мн. др.

Образ круга и спирали — важнейшая составляющая философско-эстетической системы Андрея Белого: две из статей писателя носят названия «Линия, круг, спираль — символизма» и «Круговое движение».

Интересен в связи с рецепцией идеи Ницше о «Вечном возвращении» образ *времени* в симфонии. С ним в тексте Андрея Белого связано семантическое поле «полета». Время в симфонии «летит», оно «незаметно» «пролетело», «проходили новые времена», «прорыв пролетающих времен». При описании времени автор используют лексемы (*снова, опять*), на синтаксическом уровне текста повторяются целые сегменты, связанные образом времени («Минуты текли за минутами», «искони все те же»).

Автор сводит время в симфонии «к нулю», словно возвращает мир к его начальной точке, к рождению Христа и началу нового летоисчисления: «Вы все были свидетелями того, глядя на звезду, сиявшую, как и 1900 лет назад …ныне она вновь светит» [Белый, 1991, с. 172]. Симфония, напомним, описывает события, относящиеся к 1900—1901 годам (о чем есть записи и самого автора, и «свидетелей» этих событий, А. С. Петровского и др.). Автор выстраивает стратегию повествования как возвращение профанного, мирского времени к истинному, высшему, вечному времени — illud tempus (лат. «то время», мифическое).

1901 год связан, как мы писали в начале статьи, для Андрея Белого и его друзей-единомышленников с переживанием христианско-мистического опыта. Так, в «Материале к биографии» Андрей Белый оставляет

CC BY

такие свидетельства: «…углубляемся в толкование Евангелия; мы подглядываем действие благодати в современности; наш мистический опыт этого времени — узнание апокалиптических переживаний в связи с *“белым”* цветом…великой эры пришествия Софии Премудрости и Духа утешителя; в таком настроении пишу последнюю 4-ую часть “Северной симфонии”, являющейся переходом к 2-ой Симфонии, вполне апокалиптической» [Белый, 2016, с. 57].

Рассмотрим в контексте создания «смысловой вертикали» (термин Лены Силард) еще один из ведущих мотивов «Симфонии (2-й, драматической)» — мотив Скуки, который «пронизывает» всю первую часть симфонии. Скука здесь — «знакомый, милый образ», тесно связанный с музыкальным планом повествования, который построен на лейтмотивном принципе развития темы. Приведем ряд метафор, репрезентирующих мотив Скуки: «Улыбка вечной скуки», «музыкальная скука», «беспредметная скука», «грозящий палец скуки» и т. д. Автор не только дает целый ряд метафор, сравнений, эпитетов, связанных с этим мотивом, но и наделяет ее «свойствами» живого существа (используя прием олицетворения): Скука «кивала», «глядела из окна, из глаза ужаснувшегося философа», «стояла», «танцевала» и т. д.

Образ Скуки тесным образом связан и с «географией» Москвы, стоящей на семи холмах: «Над туманным городом играли вечные упражнения. И скука, как знакомый, милый образ, танцевала на семи холмах» [Белый, 1991, с. 97].

Важным видится переход от мотива Скуки к Вечности и теме «знания» Истины. Для этого обратимся к вопросу о построении (структуре) самого текста второй симфонии.

В начале текста воссоздана пестрая картина улиц и переулков Арбата, описана череда вроде бы не связанных друг с другом событий: «…В те дни и часы в присутственных местах составлялись бумаги и отношения, а петух водил кур по мощеному дворику…Талантливый художник изобразил “чудо”, а в мясной лавке висело двадцать ободранных туш…» [Белый, 1991, с. 91]. Все эти разрозненные фрагменты реальности построены на оппозиции («чудо» / «двадцать ободранных шкур»; «художник» / «мясник», за которыми прочитывается: «прекрасное» или бытийное / бытовое).

«Полифония сцен» (и контрапунктное их соединение), на принципе которой построены первые художественные опыты писателя, наглядно и в высшей степени «демонстративно» воплощена в симфонии. Напомним: в основу архитектоники симфонии положены абзац и отрывок (или, по наблюдению Э. К. Метнера, «музыкальные фразы» [Метнер, 2004, с. 41], что позволило автору свободно переходить от одного плана изображения (верх-

CC BY

него, небесного, сакрального) к другому (низовому, профанному, бытовому). Таким образом, в результате семантической наполненности каждого сегмента (отрывка) автор строит единое смысловое целое, в котором все элементы текста симфонии от звука до образа, мотива, сюжетных линий попадают в область *контрапунктного* ведения разнонаправленных тем.

Противопоставление в сегменте текста двух несовместимых начал передает ощущение нелепости и скуки эмпирического существования. Скука в этом фрагменте «спрятана», но угадывается: «…Она стояла у каждого невидимым туманным очертанием» [Белый, 1991, с. 107]. Она здесь — скука.

Герой Сергей Мусатов «вырывается» из тенет Вечного Возвращения — Вечности и обретает для себя подлинную реальную цель — служение России. В симфонии важнейшее место отведено актуальным и для Андрея Белого, и для всего его поколения (шире — эпохи начала века) вопросам судьбы России, ее месту среди Востока и Запада, «Закату Европы». И это возложено на героя (читай: на автора): «Он полагал, что завершение синтетического периода той или иной культуры требует личности; только рука великого учителя может завязать последние узлы, соединить цветные ленты событий» [Там же, с. 147].

Мусатов, следуя к брату в деревню, размышляет: «Он думал — отсиял свет на западе и темнокрылая ночь надвигалась из-за туманного океана. Европейская культура сказала свое слово...» [Там же]. Герой размышляет об истинном предназначении России, проезжая по бескрайним русским просторам: «Вот она русская грусть и русская беспредметность...» [Там же].

Во второй симфонии на смену темы «третьей радости» «белых детей», поданной в «Северной симфонии» (1-й, героической)» в качестве идеи искомого синтеза, автор вводит апокалиптический символ «Жены, облечённой в Солнце». В этом символе соединены и мотив розовой зари, и, безусловно, важнейшая для самого Андрея Белого и переданная им герою соловьевская православная София как символическое выражение всемирной миссии России и как ее (России) Вечно-женственная суть.

4. Заключение = Conclusions

В «Симфонии (2-й, драматической)» состоится «рождение» личности героя, которому будет перепоручена миссия преобразователя жизни, демиурга, творца (идеи, вынашиваемые в это время самим Андреем Белым). Перемещение повествования «в начало времен» — одно из подтверждений данного наблюдения. Но вместе с тем Андрей Белый не дает состояться пророку, как сказано в тексте: Мусатов — «обманутый пророк», «Вечность шутила с баловнем своим» [Белый, 1991, с. 164]. Все эти характеристики позволяют связать Вечность с высшими смыслами (Истина, Абсолют и т. д.),

CC BY

а также с музыкой («унылые и суровые песни Вечности великой, Вечности царящей» [Там же, с. 91]), которая не только является принципом построения текста симфонии, но для Андрея Белого и всех символистов выступает высшим началом, сопрягающимся с трансцендентным, «небесным» миром.

По сравнению с «Предсимфонией», «Северной симфонией (1-й, героической)», где только идет процесс формирования образа рассказчика и он заявлен только во Вступлении к тексту [Шарапенкова, 2025], во второй симфонии структура текста усложнена. В ней появляется повествователь, который «подвергает» иронии идеи героя, а по существу Андрей Белый представляет в гротескном ключе свои собственные мистико-теургические чаяния. Главная «неудача» «Северной симфонии», по словам А. В. Лаврова, проявляется в том, что «высокий пафос … не уравновешивается снижающими, деструктивными началами» [Лавров, 1991, с. 13]. И А. В. Лавровым, и Т. Ю. Хмельницкой ранний метод Андрея Белого определен как «многострунный», начиная со второй симфонии, тогда как «Северная симфония» «однострунное» произведение. Причина этому (по наблюдениям А. В. Лаврова) в наличии / отсутствии авторской иронии.

Мотив Вечности — интегрирующий и сюжетообразующий, который сводит воедино всю многоплановость и фрагментарность текста симфонии.

Автобиографизм образов, тематики, идейного комплекса (знамения грядущего Апокалипсиса, «священное значение России», мистическое неонародничество) составляет один из содержательных уровней текста второй симфонии. В симфониях автором были предприняты поиски новых форм художественной словесности. «Ходульная манера выражаться» — это и есть прием «поэтического косноязычия», сотворение нового языка, который станет характерной приметой всего идиостиля писателя и ляжет в основу орнаментальной прозы Андрея Белого.

В завершении приведем высказывание В. Б. Шкловского, подтверждающее важность изучения литературных симфоний русского писателя в контексте формирования ритмической прозы: «Андрей Белый — интереснейший писатель нашего времени. Вся современная русская проза носит на себе его следы» [Шкловский, 2004, с. 681].

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Литература

1. *Андрей Белый и Эмилий Метнер*. Переписка. 1902—1915. — Москва : Новое литературное обозрение, 2017. — Т. 1. — С. 5— 83. — ISBN 978-5-4448-0685-2.

2. *Белый А.* Как мы пишем / А. Белый // Проблемы творчества. — Москва : Сов. писатель, 1988. — С. 10—19. — ISBN 5-265-00346-0.

3. *Белый А.* Симфонии / А. Белый. — Ленинград : Художественная литература, 1991. — 528 с. — ISBN 5-280-01316-1.

4. *Белый А.* Символизм как миропонимание / А. Белый. — Москва : Республика, 1994. — 528 с. — ISBN 5-250-02224-3.

5. *Белая Г. А.* Закономерности стилевого развития советской прозы двадцатых годов / Г. А. Белая. — Москва : Наука, 1977. — 256 с.

6. *Брюсов В.* Среди стихов, 1894—1924 : Манифесты. Статьи. Рецензии / В. Брюсов. — Москва : Сов. писатель, 1990. — 714 с. — ISBN 5-265-00941-8.

7. *Буркхарт Д.* К семиотике пространства : «московский текст» во «Второй (драматической) симфонии Андрея Белого» / Д. Буркхарт // Москва и «Москва» Андрея Белого. — Москва : РГГУ, 1999. — С. 72—89. — ISBN 5-7281-0051-1.

8. *Воронский А.* Мраморный гром (Андрей Белый) / А. Воронский // Андрей Белый : pro et contra. Личность и творчество Андрея Белого в оценках и толкованиях современников. — Санкт-Петербург : Рус. Христиан. Гуман. Ин-т, 2004. — С. 765—793. — ISBN 5-88812-121-5.

9. *Гаспаров М. Л.* Очерк истории русского стиха / М. Л. Гаспаров. — Москва : Наука, 1984. — 324 с.

10. *Долгополов Л. К.* Роман Андрея Белого «Петербург» / Л. К. Долгополов. — Москва : Сов. писатель, 1988. — 414 с.

11. *Забурдяева В. И.* Ритм и синтаксис русской художественной прозы конца XIX — первой трети XX века : орнаментальная проза и сказовое повествование : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / В. И. Забурдяева. — Ташкент, 1985. — 252 с.

12. *Как мы* пишем / Андрей Белый, М. Горький, Евг. Замятин [и др.]. — Ленинград : Изд-во писателей, 1930. — 215 с.

13. *Какинума Н.* Противоречие телеологии и «вечного возвращения» в «Симфонии (2-й, драматической)» А. Белого / Н. Какинума // Вестник Псковского государственного университета. Серия. Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. — 2014. — Выпуск 5. — С. 159—169.

14. *Книгоиздательство* «Мусагет» : История. Мифы. Результаты. Исследования и материалы / Сост. А. И. Резниченко. — Москва : РГГУ, 2014. — 533 с. — ISBN 978-5-7281-1548-9.

15. *Кожевникова Н. А.* Из наблюдений над неклассической («орнаментальной») прозой / Н. А. Кожевникова // Известия АН СССР. — Сер. литературы и языка. — 1976. — Т. 35. — № 1. — С. 55—66.

16. *Козменко М.* Автор и герой повести «Серебряный голубь» / М. Козменко // Белый А. Серебряный голубь. — Москва : Художественная литература, 1989. — С. 5—28.

17. *Колобаева Л. А.* Русский символизм / Л. А. Колобаева. — Москва : Издательский дом МГУ, 2017. — 352 с. — ISBN 978-5-19-010819-4.

18. *Криницына О. Е.* «Отрывок» как структурный элемент «симфоний» А. Белого (на примере 2-й, Драматической симфонии) / О. Е. Криницына // Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова. — 2006. — Т. 12. — № 6. — С. 86—91.

19. *Лавров А. В*. Мифотворчество аргонавтов / А. В. Лавров // Миф. Фольклор. — Ленинград : Наука, 1978. — С. 137—170.

20. *Лавров А. В*. Моцарт и Сальери / А. В. Лавров // Андрей Белый и Эмилий Метнер. Переписка. 1902—1915. — Москва : Новое литературное обозрение, 2017. — Т. 1. — С. 5—83. — ISBN 978-5-4448-0685-2.

21. *Лавров А. В.* У истоков творчества Андрея Белого / А. В. Лавров. — Ленинград : Художественная литература, 1991. — С 3—34. — ISBN 5-280-01316-1.

22. *Литературное* наследство. Андрей Белый : Жезл Аарона. Работы по теории слова 1916—1927 гг. / Сост. Е. В. Глуховой, Д. О. Торшиловой. — Москва : Наука, 2018. — Т. 111. — 960 с. — ISBN 978-5-9208 - 0580-5.

23. *Литературное* наследство. Андрей Белый : Автобиографические своды : Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов / Отв. ред. А. Ю. Галушкин, О. А. Коростелев ; научн. ред. М. Л. Спивак ; сост. А. В. Лавров, Дж. Малмстад. — Москва : Наука, 2016. — Т. 105. — 1120 с. — ISBN 978-5-02-039975-4.

24. *Лихачев Д. С.* От редактора / Д. С. Лихачев // Андрей Белый. Петербург. — Санкт-Петербург : Наука, 2004. — С. 6—7. — ISBN 5-02-026981-6.

25. *Лотман Ю. М.* Поэтическое косноязычие Андрея Белого / Ю. М. Лотман // Андрей Белый. Проблемы творчества. — Москва : Сов. писатель, 1988. — С. 437—443. — ISBN 5-265-00346-0.

26. *Метнер Э. К.* Симфонии Андрея Белого / Э. К. Метнер // Андрей Белый : pro et contra. — Санкт-Петербург : Рус. Христиан. Гуман. Ин-т, 2004. — С. 39—53. — ISBN 5-88812-121-5.

27. *Мильдон В. И.* Заметки о литературной технике Андрея Белого в «Симфониях» / В. И. Мильдон // Миры Андрея Белого. — Белград-Москва, 2011. — С. 507—533. — ISBN 978-86-6153-018-0.

28. «*Мой* вечный спутник по жизни». Переписка Андрея Белого и А. С. Петровского : Хроника дружбы / вст. статья, составление, комментарии и подготовка текста Дж. Мальмстада. — Москва : Новое литературное обозрение, 2007. — 296 с. — ISBN 5-86793-531-0.

29. *Новиков Л.* Стилистика орнаментальной прозы А. Белого / Л. Новиков. — Москва : Наука, 1990. — 180 с. — ISBN 5-02-011026-4.

30. *Орлицкий Ю. Б.* Стих и проза в русской литературе / Ю. Б. Орлицкий. — Москва : РГГУ, 2002. — 685 с. — ISBN 5-7281-0511-4.

31. *Севастьянова В. С.* Мистицизм в творчестве Андрея Белого («Симфонии») / В. С. Севастьянова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2013. — № 11—2. — С. 78—80.

32. *Семьян Т. Г.* Визуальная модель прозы А. Белого / Т. Г. Семьян, Е. Федорова // Вестник ТГПУ. — 2014. — Т. 11 (152). — С. 49—54.

33. *Силада Л.* Герметизм и герменевтика / Л. Силард. — Санкт-Петербург : Изд-во с 36 Ивана Лимбаха, 2002. — 328 с.

34. *Силард Л.* О влиянии ритмики прозы Ф. Ницше на ритмику прозы А. Белого. „Так говорил Заратустра“ и „Симфонии“» / Л. Силард // «Studia slavica». — 1973. — Т. 19. — С. 289—313.

35. *Спивак М. Л.* Андрей Белый — мистик и советский писатель / М. Л. Спивак. — Москва : РГГУ, 2006. — 577 с. — ISBN 5-7281-0758-3.

36. *Спивак М. Л.* Андрей Белый : между мифом и судьбой / М. Л. Спивак. — Москва : Новое литературное обозрение, 2023. — 848 с. — ISBN 978-5-4448-1894-7.

37. *Федорова Е. В.* Визуальные особенности текстов «симфоний» А. Белого / Е. В. Федорова // Вестник ЮУрГУ. Сер. Лингвистика. — 2014. — Т. 11. — № 2. — С. 76—80.

38. *Философов Д. В.* Андрей Белый. Северная симфония (1-я, героическая) / Д. В. Философов. — Москва : Скорпион», 1903. — С. 164—165.

39. *Хмельницкая Т. Ю.* Андрей Белый : Проблемы творчества / Т. Ю. Хмельницкая. — Москва : Советский писатель, 1988. — С. 103—131. — ISBN 5-265-00346-0.

40. *Шарапенкова Н. Г.* «Северный импульс» в творческом становлении Андрея Белого / Н. Г. Шарапенкова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 2. — С. 339—357.

41. *Шкловский В.* Андрей Белый // Андрей Белый : pro et contra. Личность и творчество Андрея Белого в оценках и толкованиях современников / В. Шкловский. — Санкт-Петербург : Рус. Христиан. Гуман. Ин-т, 2004. — С. 679—696. — ISBN 5-88812-121-5.

42. *Шкловский В. Б.* Орнаментальная проза. Андрей Белый / В. Б. Шкловский // О теории прозы. — Москва : Федерация, 1929. — С. 205—255.

43. *Юнггрен М.* Русский Мефистофель. Жизнь и творчество Эмилия Метнера / М. Юнггрен. — Санкт-Петербург : Академический проект, 2001. — 288 с. — ISBN 5-7331-0232-2.

Статья поступила в редакцию 24.09.2025,
одобрена после рецензирования 17.01.2026,
подготовлена к публикации 02.02.2026.

References

Andrey Bely and Emili Medtner. (2017). *Correspondence. 1902—1915, 1.* Moscow: New Literary Review. 5—83. ISBN 978-5-4448-0685-2. (In Russ.).

Belaya, G. A. (1977). *Patterns of stylistic development of Soviet prose of the twenties.* Moscow: Nauka Publ. 256 p. (In Russ.).

Bely, A. (1988). How we write. In: *Problems of creativity.* Moscow: Soviet Writer. 10—19. ISBN 5-265-00346-0. (In Russ.).

Bely, A. (1991). *Symphonies.* Leningrad: Khudozhestvennaya literatura. 528 p. ISBN 5-280-01316-1. (In Russ.).

Bely, A. (1994). *Symbolism as a worldview.* Moscow: Republika Publ. 528 p. ISBN 5-250-02224-3. (In Russ.).

Book publishing house "Musaget": History. Myths. Results. Research and materials. (2014). Moscow: RGGU. 533 p. ISBN 978-5-7281-1548-9. (In Russ.).

Bryusov, V. (1990). *Among poems, 1894—1924: Manifestos. Articles. Reviews.* Moscow: Soviet Writer. 714 p. ISBN 5-265-00941-8. (In Russ.).

Burkhart, D. (1999). Towards the semiotics of Space: The "Moscow Text" in Andrei Bely's "Second (Dramatic) Symphony". In: *Moscow and Andrei Bely's "Moscow".* Moscow: RGGU. 72—89. ISBN 5-7281-0051-1. (In Russ.).

Dolgopolov, L. K. (1988). *Andrei Bely's Novel "Petersburg".* Moscow: Soviet writer. 414 p. (In Russ.).

Fedorova, E. V. (2014). Visual features of the texts of A. Bely's "symphonies". *Bulletin of SUSU. Ser. Linguistics, 11 (2):* 76—80. (In Russ.).

Filosofov, D. V. (1903). *Andrey Bely. Northern Symphony (1st, heroic).* Moscow: Scorpion. 164—165. (In Russ.).

Galushkin, A. Y., Korostelev, O. A. (eds.). (2016). *Literary heritage. Andrey Bely: Autobiographical collections: Material for a biography. An angle to the diary. Registration records. Diaries of the 1930s., 105.* Moscow: Nauka. 1120 p. ISBN 978-5-02-039975-4. (In Russ.).

Gasparov, M. L. (1984). *An essay on the history of Russian verse.* Moscow: Nauka Publ. 324 p. (In Russ.).

CC BY

How we write / Andrey Bely, M. Gorky, Yevg. Zamyatin. (1930). Leningrad: Publishing House of Writers. 215 p. (In Russ.).

Junggren, M. (2001). *The Russian Mephistopheles. The life and work of Emilia Medtner.* Saint Petersburg: Academic Project. 288 p. ISBN 5-7331-0232-2. (In Russ.).

Kakinuma, N. (2014). Contradiction of teleology and "eternal return" in A. Bely's "Symphony (2nd, dramatic)". *Bulletin of Pskov State University. Series. Social, humanitarian, psychological and pedagogical sciences, 5:* 159—169. (In Russ.).

Khmelnitskaya, T. Y. (1988). *Andrey Bely: Problems of creativity.* Moscow: Soviet Writer. 103—131. ISBN 5-265-00346-0. (In Russ.).

Kolobaeva, L. A. (2017). *Russian symbolism.* Moscow: MSU Publishing House. 352 p. ISBN 978-5-19-010819-4. (In Russ.).

Kozhevnikova, N. A. (1976). From observations on non-classical ("ornamental") prose. *News of the USSR Academy of Sciences. Ser. literature and language, 35 (1):* 55—66. (In Russ.).

Kozmenko, M. (1989). The author and hero of the story "The Silver Dove". In: *Bely A. The Silver Dove.* Moscow: Fiction. 5—28. (In Russ.).

Krinitsyna, O. E. (2006). "Excerpt" as a structural element of A. Bely's "symphonies" (on the example of the 2nd, Dramatic Symphony). *Bulletin of Kostroma State University named after N. A. Nekrasov, 12 (6):* 86—91. (In Russ.).

Lavrov, A. V. (1978). Myth-making of the Argonauts. In: *Myth. Folklore.* Leningrad: Nauka Publ. 137—170. (In Russ.).

Lavrov, A. V. (1991). At the origins of Andrei Bely's work. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura. 3—34. ISBN 5-280-01316-1. (In Russ.).

Lavrov, A. V. (2017). Mozart and Salieri. In: *Andrey Bely and Emili Medtner. Correspondence. 1902—1915, 1.* Moscow: New Literary Review. 5—83. ISBN 978-5-4448-0685-2. (In Russ.).

Likhachev, D. S. (2004). From the editor. In: *Andrey Bely.* St. Petersburg. Saint Petersburg: Nauka Publ. 6—7. ISBN 5-02-026981-6. (In Russ.).

Literary heritage. Andrey Bely: Aaron's Rod. Works on the theory of words 1916—1927, 111. (2018). Moscow: Nauka Publ. 960 p. ISBN 978-5-9208-0580-5. (In Russ.).

Lotman, Yu. M. (1988). Andrey Bely's poetic tongue-tied speech. In: *Andrey Bely. Problems of creativity.* Moscow: Soviet Writer. 437—443. ISBN 5-265-00346-0. (In Russ.).

Malmstad, J. (2007). *"My eternal companion in life." Correspondence between Andrei Bely and A. S. Petrovsky: Chronicle of Friendship.* Moscow: New Literary Review. 296 p. ISBN 5-86793-531-0. (In Russ.).

Medtner, E. K. (2004). Symphonies of Andrey Bely. In: *Andrey Bely: pro et contra.* St. Petersburg: Rus. Christians. Humane. In-t. 39—53. ISBN 5-88812-121-5. (In Russ.).

Mildon, V. I. (2011). Notes on Andrei Bely's literary technique in the Symphonies. In: *Worlds of Andrei Bely.* Belgrade-Moscow. 507—533. ISBN 978-86-6153-018-0. (In Russ.).

Novikov, L. (1990). *Stylistics of ornamental prose by A. Bely.* Moscow: Nauka Publ. 180 p. ISBN 5-02-011026-4. (In Russ.).

Orlitsky, Yu. B. (2002). *Verse and prose in Russian literature.* Moscow: RGGU. 685 p. ISBN 5-7281-0511-4. (In Russ.).

Semyan, T. G., Fedorova, E. (2014). The visual model of A. Bely's prose. *Bulletin of TSPU, 11 (152):* 49—54. (In Russ.).

Sevastyanova, V. S. (2013). Mysticism in the works of Andrei Bely ("Symphonies"). *Actual problems of the humanities and natural sciences, 11—2:* 78—80. (In Russ.).

Sharapenkova, N. G. (2025). "The Northern impulse" in the creative formation of Andrei Bely. *Nauchnyj dialog, 14 (2):* 339—357. (In Russ.).

Shklovsky, V. (2004). *Andrey Bely: pro et contra. The personality and creativity of Andrei Bely in the assessments and interpretations of his contemporaries.* St. Petersburg: Rus. Christians. Humane. In-t. 679—696. ISBN 5-88812-121-5. (In Russ.).

Shklovsky, V. B. (1929). Ornamental prose. Andrey Bely. In: *About the theory of prose.* Moscow: Federation Publ. 205—255. (In Russ.).

Silada, L. (2002). *Hermeticism and hermeneutics.* Saint Petersburg: Ivan Limbach Publishing House № 36. 328 p. (In Russ.).

Spivak, M. L. (2006). *Andrey Bely — a mystic and a Soviet writer.* Moscow: RGGU. 577 p. ISBN 5-7281-0758-3. (In Russ.).

Spivak, M. L. (2023). *Andrey Bely: between myth and fate.* Moscow: New Literary Review. 848 p. ISBN 978-5-4448-1894-7. (In Russ.).

Szilard, L. (1973). On the influence of the rhythm of F. Nietzsche's prose on the rhythm of A. Bely's prose. *"Thus spake Zarathustra" and "Symphonies". "Studia slavica", 19:* 289—313. (In Russ.).

Voronsky, A. (2004). Marble thunder (Andrey Bely). In: *Andrey Bely: pro et contra. The personality and creativity of Andrei Bely in the assessments and interpretations of his contemporaries.* St. Petersburg: Rus. Christians. Humane. In-t. 765—793. ISBN 5-88812-121-5. (In Russ.).

Zaburdyaeva, V. I. (1985). *Rhythm and syntax of Russian fiction of the late 19th — first third of the 20th century: ornamental prose and narrative narrative.* PhD Diss. Tashkent. 252 p. (In Russ.).

The article was submitted 24.09.2025;
approved after reviewing 17.01.2026;
accepted for publication 02.02.2026.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ
HISTORY

Азамат Амурович Татаров, канд. истор. наук (Нальчик)
Александр Валентинович Мартыненко, д-р истор. наук (Саранск)
Альбина Исламовна Ажигулова, канд. истор. наук (Москва)
Анна Сергеевна Столетова, канд. истор. наук (Вологда)
Елена Захарьевна Грачева, канд. истор. наук (Саранск)
Каринэ Размиковна Амбарцумян, канд. истор. наук (Ставрополь)
Кирилл Андреевич Уланов, канд. истор. наук (Екатеринбург)
Махач Мустафаевич Вагабов, д-р истор. наук (Москва)
Наталья Викторовна Чернышева, д-р истор. наук (Москва)
Павел Александрович Меркулов, д-р истор. наук (Орел)
Саида Джафар гызы Исмаилзаде, д-р философии по истории (Гянджа, Азербайджан)
Сакен Жаугаштович Токтамысов, канд. истор. наук (Москва)
Сардана Николаевна Копырина, канд. истор. наук (Екатеринбург)
Светлана Владимировна Букалова, д-р истор. наук (Орел)
Сергей Владимирович Воробьев, д-р истор. наук (Москва)
Тамара Александровна Булыгина, д-р истор. наук (Ставрополь)
Тимофей Дмитриевич Надькин, д-р истор. наук (Саранск)
Юлия Георгиевна Кокорина, д-р филол. наук (Москва)

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]
Check for updates

Информация для цитирования:

Амбарцумян К. Р. Рекреационная политика советской власти и курортная повседневность городов Кавказских Минеральных Вод в 1920—1930-е годы / К. Р. Амбарцумян, Т. А. Булыгина // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 2. — С. 341—358. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-341-358.

Ambartsumyan, K. R., Bulygina, T. A. (2026). Soviet Recreational Policy and Everyday Life of Mineral Water Resorts in Caucasus during 1920s and 1930s. *Nauchnyi dialog, 15* (2): 341-358. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-341-358. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Рекреационная политика советской власти и курортная повседневность городов Кавказских Минеральных Вод в 1920—1930-е годы

Амбарцумян Каринэ Размиковна
orcid.org/0000-0002-9397-6197
кандидат исторических наук, доцент,
департамент мировой политики
и зарубежного регионоведения,
корреспондирующий автор
karina-best21@mail.ru

Булыгина Тамара Александровна
orcid.org/0000-0003-1846-9360
доктор исторических наук, профессор,
кафедра истории России
bul.tamara2011@yandex.ru

Северо-Кавказский
федеральный университет
(Ставрополь, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
(№ 24-18-20073),
https://rscf.ru/project/24-18-20073/

Soviet Recreational Policy and Everyday Life of Mineral Water Resorts in Caucasus during 1920s and 1930s

Karine R. Ambartsumyan
orcid.org/0000-0002-9397-6197
PhD in History, Associate Professor,
Department of World Politics
and Foreign Regional Studies,
corresponding author
karina-best21@mail.ru

Tamara A. Bulygina
orcid.org/0000-0003-1846-9360
Doctor of History, Professor,
Department of Russian History
bul.tamara2011@yandex.ru

North-Caucasus Federal University
(Stavropol, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 24-18-20073,
https://rscf.ru/project/24-18-20073/

© Амбарцумян К. Р., Булыгина Т. А., 2026

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье реконструируется курортная повседневность городов Кавказских Минеральных Вод в первые два десятилетия правления советской власти. Значительную часть источниковой базы исследования составили документы двух региональных архивов — Государственного архива Ставропольского края и Государственного архива новейшей истории Ставропольского края. Большинство из неопубликованных источников впервые вводятся в научный оборот. В статье рассматриваются вопросы организации большевиками курортного дела. Новизна исследования видится в постановке проблемы, предполагающей изучение особого вида повседневности в узких территориальных и хронологических рамках. Авторы приходят к выводу, что новая власть руководствовалась исключительно утилитарными целями, поэтому избавила курорты от буржуазного лоска и максимально быстро постаралась превратить их в фабрики здоровья для советских трудящихся. Уделяется внимание процессу формирования новой социальной реальности и новым повседневным практикам отдыхающих. Показан контраст между дореволюционным социальным составом отдыхающих и новыми советскими курортниками. Показано, что повседневность советского курорта может быть представлена с разных ракурсов: материальная база, социальный состав отдыхающих, быт, досуг и лечение.

Ключевые слова:
история повседневности; новая локальная история; Кавказские Минеральные Воды; история курортов; советское общество; рекреационная политика.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article reconstructs the everyday life at mineral water resorts in the Caucasus region during the first two decades of Soviet rule. The primary source base consists largely of documents from two regional archives — the State Archive of Stavropol Krai and the State Archive of Recent History of Stavropol Krai. Many unpublished sources are introduced into scholarly circulation for the first time. The study examines how Bolsheviks organized resort activities under their regime. A novelty of this research lies in its focus on a specific type of daily life within narrow territorial and chronological boundaries. It concludes that the new authorities pursued purely utilitarian goals by stripping these resorts of bourgeois glamour and swiftly transforming them into health factories for Soviet workers. Attention is given to processes shaping new social realities and emerging leisure practices among visitors. Contrasts between pre-revolutionary and post-revolutionary clientele are highlighted. Additionally, various perspectives on the daily experience of Soviet resorts are presented, including material infrastructure, social composition of guests, living conditions, entertainment options, and therapeutic treatments.

Key words:
history of everyday life; new local history; Caucasian Mineral Waters; spa town history; Soviet society; recreational policy.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94(47).084.2/.5+94(470.630)“192/193”
DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-341-358

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Рекреационная политика советской власти и курортная повседневность городов Кавказских Минеральных Вод в 1920—1930-е годы

© Амбарцумян К. Р., Булыгина Т. А., 2026

1. Введение = Introduction

Советская власть сформировала новое социальное представление о целях и сущности курортной рекреации. В данном исследовании предлагается взгляд на курортную политику в связи с формированием советской повседневности в городах Кавказских Минеральных Вод (КМВ). Большевики принесли с собой новые представления не только о труде, но и об отдыхе и здравоохранении. Они рассматривали курорты как место оздоровления трудящихся, а не гедонизма, как до революции 1917 года: «На курортах, где прежде прожигали жизнь и развратничали тунеядцы, теперь лечатся трудящиеся бедняки» [Октябрьская …, 1920, с. 29]. Историк Л. А. Кузнецова полагает, что в 1920-е годы советская власть не занималась созданием образа «советского курорта» в массовом сознании. Дискуссии относительно назначения курортов велись преимущественно среди профессионалов и должностных лиц на страницах специализированных изданий, таких как журнал «Курортная хроника». Отдых на курортах стал ассоциироваться главным образом с лечебно-профилактическими функциями учрежденинй [Кузнецова, 2018, с. 100]. Курорты были превращены «в действительные места лечения из мест разгула, веселья и разврата» — так определял заслуги советской власти нарком здравоохранения Н. Семашко [Семашко, 1923, с. 3]. Изменение курортной политики, безусловно, влияло на курортную повседневность: вводилась строгая дисциплина пребывания больных в санаториях, режим питания и приема бальнеологических процедур.

Тема советской повседневности, в том числе городской, не является новой. Наиболее известны работы Н. Б. Лебиной [Лебина, 1999]. В 2000—2010 годах российскими историками был сформирован обширный комплекс литературы, в которой тема советской повседневности раскрыта в междисциплинарном ключе и представлена изучением отдельных сторон советского быта и нравов, в том числе в курортной среде [Орлов, 2010; Орлов, 2009; Кринко и др., 2011; Барышева, 2018; Соболева, 2018].

Что касается курортной повседневности и рекреационной политики, здесь нет обширной историографии [Кузнецова, 2011; Кузнецова, 2018]. Сама политика в российской историографии представлена работами общероссийского и регионального охвата. Л. Н. Мазур рассматривает курортную политику в контексте реализации большевиками права на отдых [Мазур, 2010]. С институциональной позиции представлена курортно-санитарная политика в 1920-е годы в статье А. В. Морозова [Морозов, 2016]. Отдельные работы позволяют увидеть региональные и локальные особенности советского курорта [Антипова, 2012; Гуменюк, 2016; Динаев, 2017]. Есть примеры исследований курортной политики в городах КМВ, но без выхода на советский образ жизни и повседневные практики [Зольникова, 2016; Владимирова, 2013].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Исследование проведено с использованием материалов архивов Ставропольского края — Государственного архива Ставропольского края [ГАСК] и Государственного архива новейшей истории Ставропольского края [ГАНИСК]. Кроме того, источниковая база статьи представлена опубликованными материалами сборника документов «Голоса из провинции: Жители Ставрополья в 1917—1929 годах». Большинство источников относятся к виду делопроизводственных документов, а именно — деловой переписке представителей разного уровня власти. Анализировались также письма, адресованные гражданами в советские властные структуры.

Методология представлена подходами новой локальной истории, истории повседневности и микроистории. Новая локальная история подразумевает возможность очертить границы отдельного социокультурного пространства с целью выявить черты и уникальные, и типичные. Заявляя о применении подхода, характерного для микроистории, мы следуем в первую очередь принципу итальянского ученого Дж. Леви, который выдвинул тезис: «Микроистория означает не разглядывание мелочей, а рассмотрение в подробностях» [Медик, 1994, с. 193].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Начало советского курортного строительства

Контраст между курортом дореволюционным и советским был разительным. В воспоминаниях краеведа М. В. Берниковой, прибывшей на Кавказские Минеральные Воды в 1913 году, Пятигорск был городом сугубо курортным. Сезон открывался 1 мая, и снять жилье на круглый год был трудно, так как в большинстве сдаваемых квартир не было отопления за его ненадобностью в период без курортников [Берникова, 2011, с. 167].

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Приезжие селились в гостиницах, квартирах, на дачах, питались в ресторанах и столовых. Лечение было организовано на низком уровне. Больные могли получать ванны без обращения к врачу. Отдыхающие могли требовать две ванны в один день или ванны с «крайними температурами» [ГАСК, ф. Р-2874, оп. 1, д. 7, л. 7—7 об.].

С первых лет советской власти курорты рассматривались как «фабрики здоровья», где восстанавливались трудящиеся. Эту идею хорошо выразил Н. Семашко, который говорил о курортах как о «ремонтных мастерских здоровья трудящихся» [Семашко, 1923, с. 3]. Как место лечения КМВ стали использоваться до советизации. Уже с 1914 года в годы Первой мировой войны Кавминводы служили базой для реабилитации раненых военных. К моменту возвращения красных на Северный Кавказ в 1920 году на курортах региона лечились около 10 тысяч солдат и офицеров [Берникова, 2011, с. 177—178]. К весне 1918 года была установлена советская власть в городах Кавминвод и был создан отдельный курортный Совет во главе с архитектором И. И. Байковым и врачом Н. А. Орловым. 19 января 1919 года Пятигорск заняли белогвардейцы, и Кавказские Минеральные Воды стали лазаретом для солдат Добровольческой армии А. И. Деникина [Владимирова, 2013, с. 123]. В это время в Москве был издан декрет СНК РСФСР от 4 апреля 1919 года «О лечебных местностях общегосударственного значения», по которому все лечебные местности и курорты объявлялись государственной собственностью, передавались в ведение народного комиссариата здравоохранения (НКЗ) и обеспечивались как больницы [Декрет …]. Когда в марте 1920 года советская власть окончательно закрепилась на Старополье и Тереке, началось восстановление курортов, разоренных гражданской войной. К этому периоду города-курорты Северного Кавказа превратились в обычные провинциальные города, а Ессентуки, Железноводск и частично Кисловодск носили станичный облик. Здесь было организовано лечение раненых красноармейцев. Это сказалось на курортной повседневности, которая теперь приобретала устойчивые признаки больничной.

С введением нэпа в стране стала возможна аренда зданий частными лицами под санатории, появилось курсовое и платное лечение. В результате постепенно на курорт стали приезжать граждане с «курсовками» и платные больные, среди которых были люди состоятельные, нэпманы, постепенно курортная повседневность стала переходить в мирное русло. Появились многочисленные частные «амбулансы» [Мамушин, 1923, с. 109]. В районе отремонтированных бюветов с минеральной водой можно было встретить группы хорошо одетых людей, по восстановленным паркам и терренкурам гуляли отдыхающие, у местных торговок курортники покупали овощи, фрукты, сладости. Если в курортный сезон 1922 года через

CC BY

санатории КМВ прошло 13,4 тыс. человек, то в 1925 году — 44,605 тыс. человек, что было выше максимального уровня пребывания курортников 1914 года на 41,192 тыс. отдыхающих. К 1928 году посещаемость отдыхающих на Кавминводах практически удвоилась, достигнув 80,422 тыс. человек [ГАСК, ф. 1236, оп. 1, д. 4, л. 9]. За привлечение платных [Охрана …, 1922, с. 2] отдыхающих санатории соревновались между собой, так как это было одной из статей дохода. Для таких больных организовывалось питание со «сверхбуржуазным комфортом» и в убранстве жилища использовалась стильная мебель, хотя при этом могли игнорироваться медико-санитарные нормы, что было связано с проблемами в отрасли в целом [Мамушин, 1923, с. 111].

В начале 1920-х годов еще шел процесс выработки программы оздоровления трудящихся на КМВ. Существовал порядок, когда только по прибытии в санаторий больному ставился диагноз и назначалось лечение [Мамушин, 1923, с. 112]. Один из организаторов курортного дела на Северном Кавказе, доктор С. А. Мамушин, был сторонником специализации санаториев и категорически выступал против универсального подхода к больным. Как показала история, его принципы позже возобладали в курортной политике.

3.2. Формирование новой курортной среды: намерения власти и реальная практика

Материальная база первых советских санаториев и амбулаторий оставляла желать лучшего. В послевоенной и постреволюционной разрухе для организации санаториев использовались старые здания, которые адаптировали под новые потребности. На Кавминводах в начале 1920-х годов стали переоборудовать в санатории гостиницы, дачи, частные дома. Восстанавливались старые лечебные и бальнеологические учреждения, среди которых были нарзанные ванны в Кисловодске и грязелечебница в Ессентуках, в период пребывания белых частей превращенная в конюшню [ГАСК, ф. Р-2874, оп. 1, д. 7, л. 8 об]. В Кисловодске появилось 20 новых санаториев [Борисова и др., 2009, с. 31].

В мае 1920 года под санаторий была приспособлена квартира гражданина Эстонии В. В. Грубеннера в Кисловодске. Судя по его письму, в пользу учреждения осталось и все внутреннее убранство. После заключения мирного договора между СССР и Эстонией Грубеннер обратился с просьбой вернуть имущество, в том числе и шторы [ГАСК, ф. Р-1236, оп. 1, д. 4, л. 180]. В 1920-е годы начала оформляться практика комплексного сервиса для курортных больных. Дома, квартиры и дачи занимались под самые разные нужды, не только лечебные. В августе 1921 года Кисловодская группа управления КМВ претендовала на помещение в частном доме для открытия

CC BY

там парикмахерской. Дом располагался в центре бальнеологической группы и был легкодоступен для больных [ГАСК, ф. Р-1236, оп. 1, д. 4, л. 475].

В 1930 году в Кисловодске в связи с наплывом амбулаторных и санаторных больных была развернута на сезон сеть столовых и молочно-кофейных пунктов [ГАСК, ф. Р-1236, оп. 1, д. 29, л. 157 об.]. В то же время и спектр медицинских услуг мог выходить на пределы лечебного профиля санаториев. В 1926 году санаториям № 1 («1 мая») в Пятигорске, № 10 в Ессентуках, № 16 («Коминтерн») в Кисловодске, № 31 («Дубовая роща») в Железноводске передали зубоврачебные кабинеты [ГАСК, ф. р-1159, оп. 1, д. 7, л. 27]. Конечно, облик городов Кавминвод менялся, но пока это были неблагоустроенные, замусоренные поселения с ограниченными возможностями для релаксации и спартанскими условиями для жизни курортников, каковыми они и оставались до конца 1930-х годов.

Переход курортов из рук в руки во время борьбы за власть и отсутствие эффективного хозяйственного руководства привели к разрушению целого ряда бальнеологических учреждений и сооружений у источников, к утрате хозяйственного и медицинского инвентаря, к превращению парков отдыха в пастбища для скота. Статус города Ессентуки и Железноводск получили только при советской власти, поэтому здесь граница между городским и сельским бытом в принципе отсутствовала. В 1925 году в Железноводске разгорелся скандал: местные жители и работники курорта обсуждали вопрос о том, что разведение коз и свиней вредит курортному делу. На открытом заседании горсовета постановили в двухнедельный срок ликвидировать коз, несмотря на потребность курорта в молоке [ГАНИСК, ф. 5938, оп. 1, д. 1, л. 106]. Дальнейшее разведение именно коз, вредящих клумбам и паркам, было запрещено городским исполкомом. Согласно постановлению горисполкома Железноводска, в курортной зоне содержание любого скота и птицы исключалось, допускалось в других частях только при особом разрешении и наличии для животных соответствующих помещений и только для нужд города [Там же, л. 107].

Новая повседневность формировалась в связи с двумя разнонаправленными трендами: целенаправленной деятельностью государства по построению качественно иного быта и стихийными попытками людей вернуться к старому быту. Вторая тенденция объяснялась нежеланием подавляющего большинства людей иметь «безбытный» быт, который был искомым идеалом в государственной политике раннесоветского периода [Воробьева, 2006, с. 28—29]. Однако медленно, но новые явления становились заметными в облике советского курорта. Изменился состав отдыхающих, принципы формирования групп курортников, лечение, питание и досуг. Если до революции в обиходе было понятие «курсовые» [Берникова, 2011, с. 72],

CC BY

то советская курортная лексика предполагала термин «больные» или «курортные больные» [ГАСК, ф. Р-1159, оп. 1, д. 4, л. 61 об]. Особой группой «больных» стали дети, которых начал принимать санаторий № 20 в Кисловодске. Уже в первые годы существования учреждения в штате были предусмотрены учителя, няня и инструкторы по ручному труду [ГАСК, ф. Р-1236, оп. 1, д. 4, л. 61 об].

Стихийность переоборудования старого фонда и налаживания курортного дела, скудное финансирование сопровождались бытовыми сложностями и нехваткой элементарных вещей. Санаторий № 20 Кисловодска, где лечились дети, в 1923 году не имел достаточного количества кроватей и теплых одеял, отапливался дровами и не имел центрального отопления. Разместить вновь прибывших детей не получалось, так как уже прибывшие спали по два человека на одной кровати. Несмотря на неоднократные устные и письменные обращения руководства санатория, получить требуемое имущество не удавалось [ГАСК, ф. Р-1236, оп. 1, д. 4, л. 45—45 об.]. В южных губерниях в 1921 году из-за засухи свирепствовал голод. В этот же санаторий местные дети приходили питаться в столовую как больные. Проверка показала, что несколько человек просто приходили поесть, не пройдя соответствующего медицинского обследования [ГАСК, ф. Р-1236, оп. 1, д. 4, л. 61].

Несмотря на изданные декреты, в том числе на охранную грамоту Наркомата здравоохранения РСФСР 1920 года, и придание курортам КМВ общегосударственного значения, поддерживать здесь особую атмосферу советской здравницы сразу не получилось. На повседневном уровне особая курортная среда, даже в Пятигорске и Кисловодске, отступила на задний план. Председатель Терского окружкома РКП (б) С. О. Котляр протестовал в 1925 году против расквартирования в Пятигорске военных частей, так как задачу власти на КМВ он видел именно в создании специфической атмосферы, а военные контингенты и учреждения обостряли жилищный кризис [Письмо секретаря …, 2009, с. 594]. В 1930 году горком Кисловодска объявил месяц по очистке и приведению курортного города в надлежащий вид. Антисанитарное состояние вынуждало местные власти мобилизовать горожан на борьбу за чистоту. Что касается водоснабжения, например, Кисловодск находился в катастрофическом положении, и горком призывал просто экономить воду [ГАСК, ф. Р-1236, оп. 1, д. 29, л. 157 — 157 об].

Советская социальная реальность определила принцип санаторизации больных, реализуемый с первых шагов организации курортного дела на КМВ. Пребывание на курорте не могло быть праздным, оно должно было иметь не только медицинские основания. Выработалось понимание того, что санаторий предполагает реабилитацию после трудовой активности.

CC BY

Курорт рассматривался многими как награда за ударную работу. Обращение ставропольского профсоюзного работника П. В. Орлова, датированное августом 1922 года, с просьбой о предоставлении санаторной путевки как раз содержит аргументы, отсылающие к тому, что ему необходимо лечение после работы «по ударно-боевому в посевной компании»: «Я письменно прошу Вас во имя справедливости и товарищеской поддержки помочь мне выехать на курорты полечиться. Это для меня вопрос буквально жизни и смерти» [Письмо профсоюзного …, 2009, с. 88].

Курорт стал также местом притяжения для работы различного уровня управленцев, что повышало социальный престиж КМВ. В 1928 году секретарь Воронцово-Александровского райкома В. Романов просил перевести его на работу в любой город КМВ по причине болезни жены и ребенка, которые нуждались в постоянном медицинском наблюдении [Заявление секретаря …, 2009, с. 364—365]. Такие письма в Терский губисполком поступали во множестве.

Наряду с усилением лечебной составляющей курорты сохраняли рекреационную функцию. В 1920-е годы на КМВ формировалась особая культура, в том числе досуговая. Проблемой была нехватка средств, а также дефицит компетентных кадров — «культурников». В силу сложности переживаемого времени руководство санаториев не уделяло внимания культурному отдыху больных и подходило к вопросу формально, ограничиваясь организацией однообразных форм [ГАСК, ф. Р-1236, оп. 1, д. 29, л. 27], о чем постоянно говорится в документах местных властей.

Культурная политика в отношении курортов меняла постепенно и пространство городов. В 1920-е годы в рамках библиотечного строительства на КМВ основывались библиотеки для курортников. В частности, библиотечное обслуживание курортников было налажено в Кисловодске, и в 1929 году было принято решение на уровне горкома партии о том, что курортная библиотека должна обслуживать не только больных, но и местных жителей. Так что санаторий не ограничился функциями «фабрики здоровья», стал базой культурной революции, поэтому горком распорядился пополнить фонды книгами и периодикой для «нацменов» (национальных меньшинств. — *К. А., Т. Б.*), которых было большое количество среди курортных больных [Там же, л. 87, 91].

Власти действовали уже опробованными способами регламентации в области организации культурного отдыха больных. В 1926 году управление курортов КМВ распорядилось проводить концерты и зрелищные мероприятия только в парках, а не в санаториях. Это требование было близко к больничному распорядку. Зато пребывание больных на воздухе, среди зелени парков было полезным для их здоровья [ГАСК, ф. Р-1159, оп. 1,

CC BY

д. 7, л. 5 об]. Санитарное просвещение и культурные развлечения наряду с лечением стали неотъемлемой частью санаторного режима, что регулярно повторялось на уровне локальной нормативной документации [Там же, л. 44]. С 1926 года по всему СССР, в том числе и на Кавминводах, для санаторных больных стала вводиться физкультура, под которую отводились специальные площадки в зависимости от возможностей санатория [ГАСК, ф. Р-1159, оп. 1., д. 7, л. 31].

В сравнении с дореволюционным водяным обществом первые советские курортники представляли собой особый контингент. Значительная часть мужчин были замечены в нарушении режима и в пьянстве. В 1925 году в Кисловодске курортное руководство стало бить тревогу по поводу злоупотреблений алкоголем. Из санаториев «Красный октябрь» и «Красный шахтер» было выписано много больных за нарушение режима и пьянство. Лекции и беседы не помогли. Только отправка домой стала действенным средством. Оказалось, что в центре лечебной станции легально продавалась водка [ГАНИСК, ф. 5938, оп. 1, д. 3, л. 185—186].

В результате свертывания нэпа из массы отдыхающих и больных в 1928 году на КМВ исчез так называемый «нетрудовой элемент» [ГАСК, ф. Р-2874, оп. 1, д. 7, л. 9], одновременно расширилось число бесплатных и льготных больных. Еще в июле 1922 года 60 % бесплатных мест было передано профсоюзам, а 40 % предназначалось ответственным советским и партийным работникам, инвалидам и детям. Для красноармейцев была своя квота: в 1922 году она составила 1200 коек [Мамушин, 1923, с. 111]. К концу 1920-х годов усилился контроль над социальным составом и отдыхающих, и персонала курортов. В 1928 году бюро Кисловодского района признало «окоммунизирование персонала» недостаточным, среди санаторных служащих Центрального управления социального страхования (впоследствии ВЦСПС. — *К. А., Т. Б.*) только 7 % составляли коммунисты [ГАСК, ф. Р-1236, оп. 1, д. 29, л. 51]. Контроль над приезжающими в города-курорты постепенно превратил Кисловодск в 1930-е годы в закрытый город.

3.3. Старое и новое в курортной политике и повседневности КМВ 1930-х годов

В 1930-е годы возросло число как санаторных, так и амбулаторных больных, в связи с этим требовались дополнительные площади, поэтому во время каникул («вакаций») арендовались помещения школ и детских садов [Там же, л. 54]. Иногда по особой протекции амбулаторных больных прикрепляли для получения процедур к санаториям.

В начале 1930-х годов началось активное строительство новых санаториев, особенно с 1932 года, в том числе ведомственных. Однако плановое

CC BY

строительство началось с 1935 года, когда был принят генеральный план застройки городов-курортов КМВ. После 1935 года в Железноводске началось строительство новой грязелечебницы, в Ессентуках была основана физиолечебница, в Пятигорске в 1936 году — заложена первая в СССР радиолечебница [Ганштак, 1935, с. 50]. Благодаря созданному на базе дореволюционного Бальнеологического общества в 1920 году Бальнеологическому институту в 1930-е годы были открыты новые лечебные ресурсы, в том числе и новые минеральные воды. Повседневность курортников стала существенно меняться при строительстве новых санаториев, архитектурно украшавших курортные города и создававших благоустроенный быт курортников. Это в 1936 году санаторий имени С. М. Кирова наркомата земледелия СССР, а также санаторий 1937 года им. С. Орджоникидзе в Кисловодске. В то же время тогда завершилось создание системы закрытых санаториев для руководителей страны.

Вместе с тем к моменту принятия постановления ЦК ВКП(б) 1935 года о генеральной реконструкции Кавказских Минеральных Вод [Зольникова, 2019, с. 108—109] коммунальное состояние курортных городов попрежнему оставляло желать лучшего. Антисанитария, отсутствие коммунальных удобств приводили к тому, что на курортах свирепствовал педикулез, увеличилось число больных тифом. Например, в 1933 году среди больных пансионата «Гранд-отель» в Кисловодске было два случая заболевания сыпным тифом. Всего в 1933 году переболел 71 человек из отдыхающих [ГАСК, ф. Р-2739, оп. 1, д. 72, л. 3].

В борьбе за чистоту проводились субботники и даже месячник культурного похода. Очищались от мусора улицы, проводилась дезинфекция санаторных строений и подвалов, сажались цветы и деревья, велась борьба с бездомными домашними животными на территории лечебных учреждений, наводился порядок в уборных, ванных, комнатах отдыха и т. д. [Там же, л. 59—60].

Курортные больные часто официально выражали свое недовольство условиями. В 1933 году санаторные отдыхающие Попов и Кисляков адресовали жалобу на состояние кавказской здравницы сразу на имя Сталина. Суть их претензии состояла в том, что город Кисловодск «завшивел», а мыла в городе нет, и городскую баню топить было нечем. Другой причиной их недовольства был дефицит электричества, поэтому по вечерам курортники пребывали в темноте и в палатах, и на улицах: «Товарищ Сталин, неужели на 17-м году революции мы должны быть вшивыми и ходить по улицам Кисловодска на ощупь» [Там же, л. 9]. Как свидетельствует письменное объяснение уполномоченного наркомздрава по Кисловодскому курорту А. Хмурого, жалоба была обоснованной [Там же, л. 11—12].

CC BY

Дело в том, что рост курортов и числа отдыхающих создавал нагрузку на системы электроснабжения, которые в 1930-х испытывали кризис [Ганштак, 1935, с. 51—53]. Поэтому в городах-курортах местная власть вводила режим жесткой экономии. В 1934 году по Кисловодскому курорту изымались лампочки с высоким потреблением энергии, в палатах запретили использовать вторые и настольные лампы, утюги, электрические лампочки и т. д. Ограничивался в потреблении электроэнергии персонал курорта, постоянно проживающий на территории лечебных учреждений [ГАСК, ф. Р-2739, оп. 1, д. 61, л. 36]. Проблема с электроэнергией стояла столь остро, что даже в санаториях Кисловодска вечером больные не читали и не выходили на улицу [ГАНИСК, ф. 1, оп. 1, д. 38, л. 17]. Массовые жалобы больных поступали после сбоев в отпуске электропроцедур [ГАСК, ф. Р-2739, оп. 1, д. 72, л. 3].

Были сложности с водоснабжением. Более или менее ситуация с водой была удовлетворительной в Пятигорске. В Кисловодске при большом водозаборе ряд домов воду попросту не получал, нестабильно снабжались Ессентуки и Железноводск. В 1930 году в Железноводске был построен новый водопровод, но в это же время расширился курорт, и дефицит воды ликвидировать не удалось даже в 1935 году [Ганштак, 1935, с. 51—53]. Что касается канализации, то по архивным данным в 1934 году в Кисловодске была устроена канализация всего в 5,3 % домовладений, а в основном население пользовалось выгребными ямами, которые создавали угрозу минеральным водам. Сброс имевшейся канализации происходил, как правило, недалеко от ванн [ГАНИСК, ф. 1, оп. 1, д. 38, л. 17]. В этот же период на курортах Северного Кавказа слабо внедрялось паровое отопление, поэтому ряд зданий курортов продолжал отапливаться дровами [ГАСК, ф. Р-2739, оп. 1, д. 61, л. 37].

Все эти сложности понимали руководители Северо-Кавказского края. Нерешенные вопросы особенно остро встали в связи с переводом столицы края в Пятигорск. Для реализации плана реконструкции КМВ были созданы специальные мастерские во главе с архитектором профессором Н. В. Семеновым [ГАНИСК, ф. 1, оп. 1, д. 38, л. 8]. Города КМВ делились на жилой и курортный район. Кроме того, предусматривалась промышленная зона и административно-политический центр. Главной задачей этого плана было полностью сохранить каждый из городов-курортов с уникальностью их природы и источников и одновременно создать удобное и комфортное проживание их гостей и жителей [ГАНИСК, ф. 1, оп. 1, д. 38, л. 8—9].

На совещании, посвященном вопросу развития курортов Кавминвод, прямо указывалось, что от роста населения и активного строительства санаториев все больше отстает городское благоустройство. Наиболее запущенное

CC BY

состояние во всех направлениях коммунального хозяйства от водоснабжения до озеленения наблюдалось в Ессентуках и Железноводске. Нормальное водоснабжение Пятигорска объяснялось расположением в городе органов краевой власти. Ни в Кисловодске, ни в Ессентуках, ни в Железноводске не было ни такси, ни автобусов, улицы не замощены, разрушены мосты через горные речки, протекавшие по городам. Снова фундаментальным вопросом было строительство электростанций, которые могли бы обеспечить все эти города электричеством [ГАНИСК, ф. 1, оп. 1, д. 38, л. 10—11].

Серьезная проблема городов-курортов заключалась в однообразном питании больных. Поэтому с 1935 года местная власть поставила задачу развития пригородных хозяйств, которые обеспечивали бы курортников овощами, фруктами и молочными продуктами [ГАНИСК, ф. 1, оп. 1, д. 38, л. 16]. Речь шла не только о достаточном снабжении, но и о культуре торговли и обслуживания в общественных местах. Как заметил второй секретарь Северо-Кавказского крайкома партии В. М. Путнин, «то, что мы даем сегодня больным, никак хорошим отдыхом назвать нельзя» [ГАНИСК, ф. 1, оп. 1, д. 38, л. 21]. Эти слова можно сделать эпиграфом к истории курортной повседневности до начала 1930-х годов. Только после 1935 года благоустройству КМВ стали уделять специальное внимание, и пребывание на курортах больных стало более полноценным, а курортная повседневность обогатилась разнообразным культурным досугом, качественным питанием, удобным лечением.

4. Заключение = Conclusions

Курортная повседневность Кавказских Минеральных Вод менялась по мере становления советской системы 1920—1930-х годов. Она зависела от установки советских руководителей на то, что курорт — это не отдых и развлечение, как было у «буржуев», а «фабрика здоровья» для трудящихся, необходимая для того, чтобы «ремонтировать здоровье» производителей во имя работы на социализм. Вместе с тем в период нэпа отдых нэпманской буржуазии, копирующей дореволюционное «водяное общество», и пребывание высшей номенклатуры на Кавминводах отдаленно напоминали довоенные времена.

В начале 1920-х годов, несмотря на целую серию официальных решений, которые определяли общегосударственную курортную политику, разоренные, разграбленные, захламленные КМВ сохранили дух госпитального города. Переполненные города-курорты, где лечились раненые красноармейцы, жили беглые офицеры и представители «старого» общества и куда съезжались советские руководители разных масштабов, продолжали ветшать под напором этой пестрой толпы. Вначале жилищный кризис пыта-

CC BY

лись решать за счет изъятия частных домов и дач, гостиниц, которые приспосабливали под санатории, а в конце 1920-х годов началось активное строительство новых санаториев без существенных изменений коммунальных условий, без перспективного планирования. В этом контексте курортная повседневность больных строилась на пересечении строгих дисциплинарных норм проживания, которые не соблюдались, и убогого коммунального быта.

Только к середине 1930-х годов городская и курортная жизнь городов КМВ стала существенно меняться. Курортная повседневность приобретала черты праздничного отдыха. Однако этот процесс был прерван Великой Отечественной войной и вернулся на Кавминводы только в 1950-е годы.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Берникова М. В.* Старый Пятигорск / М. В. Берникова // Кавказские Минеральные Воды в описаниях, очерках, исследованиях за 200 лет. Антология : в 3 т. / под ред. проф. В. А. Шаповалова, проф. К. Э. Штайн. — Ставрополь : Издательство Ставропольского государственного университета, 2011. — Т. 2. — С. 167—197. — ISBN 978-5-88648-768-8.

2. ГАНИСК — *Государственный* архив новейшей истории Ставропольского края. Ф. 1 — Ставропольский краевой комитет КПСС (1934—1991). Оп. 1. Д. 38 ; Ф. 5938 — Терский окружной комитет ВКП (б) (1924—1930). Оп. 1. Д. 1. Д. 3.

3. *Ганштак М. И.* Кавказские минеральные воды : Справочник по курортам / М. И. Ганштак. — Пятигорск : Севкавгиз, 1935. — 212 с.

4. ГАСК — *Государственный* архив Ставропольского края. Ф. Р-2739 — Кисловодское территориальное Управление курортов, санаториев и домов отдыха Министерства Здравоохранения РСФСР. Оп. 1. Д. 61. Д. 72 ; Ф. Р-1159 — Курортное бюро Железноводской группы Кавказских Минеральных Вод народного комиссариата здравоохранения. г. Железноводск. 1926—1927 гг. Оп. 1. Д. 7 ; Ф. Р-1236 — Кисловодская лечебная группа Курортного треста Кавказских Минеральных Вод Народного Комиссариата здравоохранения РСФСР г. Кисловодск июль 1929 г. — август 1931 г. Оп. 1. Д. 4. Д. 29 ; Ф. Р-2874 — Пятигорский государственный научно-исследовательский институт курортологии и физиотерапии Министерства здравоохранения РСФСР г. Пятигорск. Оп. 1. Д. 7.

5. *Декрет* Совета Народных Комиссаров «О лечебных местностях общегосударственного значения». 19.03.1920 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://istmat.org/node/37912 (дата обращения 21.09. 2025).

6. *Заявление* секретаря Воронцово-Александровского райкома ВКП(б) В. Романова в окружком ВКП(б) о предоставлении работы в городах Кавминвод // Голоса из провинции : Жители Ставрополья в 1917—1929 годах : Сборник документов. — Ставрополь : Ком. Ставропольского края по делам арх., 2009. — С. 364—365. — ISBN 978-5-88216-128-5.

7. *Мамушин С. А.* К вопросу об организации санаторного и амбулаторного лечения на курортах / С. А. Мамушин // Курортное дело. — 1923. — Январь. — № 1. — С. 109—115.

8. *Октябрьская* годовщина // Вестник агитации и пропаганды. Двухнедельный орган ЦК РКП (большевики). — 1920. — № 2. — С. 29.

9. *Охрана* здоровья. Курорты России. 8.625 бесплатных коек (Из беседы с зав. лечебными местностями д-ром Н. И. Тезяковым) // Вечерние известия. — 1922. — № 29. — С. 2.

10. *Письмо профсоюзного* работника П. В. Орлова в Ставропольский губсовпроф о предоставлении санаторной путевки. 18 августа 1922 г. // Голоса из провинции : Жители Ставрополья в 1917—1929 годах : Сборник документов. — Ставрополь : Ком. Ставропольского края по делам арх., 2009. — С. 88. — ISBN 978-5-88216-128-5.

11. *Письмо секретаря* Терского окружкома РКП(б) С. О. Котляра секретарю Северо-Кавказского крайкома РКП(б) А. И. Микояна о расквартировании в городе Пятигорске штаба дивизии. 26 февраля 1925 г. // Голоса из провинции : Жители Ставрополья в 1917—1929 годах : Сборник документов. — Ставрополь : Ком. Ставропольского края по делам арх., 2009. — С. 594. — ISBN 978-5-88216-128-5.

12. *Семашко Н.* Миллионы трудящихся на отдыхе / Н. Семашко // Огонек. — 1923. — № 27. — С. 3.

Литература

1. *Антипова Е. И.* Организация санаторно-курортного дела органами социального страхования в период НЭПа (на материалах Уральской губернии) / Е. И. Антипова // Социум и власть. — 2012. — № 3. — С. 113—116.

2. *Барышева Е. В.* Праздничное убранство советских городов 1920 — 1930-х гг. / Е. В. Барышева // Уральский исторический вестник. — 2016. — № 3 (52). — С. 23—32.

3. *Борисова А. В.* История развития санаторно-курортного дела в России / А. В. Борисова, Ю. Ю. Иерусалимский // Современные проблемы сервиса и туризма. — 2009. — № 3. — С. 31—34.

4. *Владимирова С. Н.* Организация санаторно-курортного лечения на Кавказских Минеральных Водах в начале XX века / С. Н. Владимирова // Вестник Поволжского института управления. — 2013. — № 6 (39). — С. 122—126.

5. *Воробьева М. В.* Городской советский быт : клише идеологии и реальность / М. В. Воробьев // Социокультурное развитие города : история и современность : сборник научных трудов. — Екатеринбург : Уральский институт социального образования, 2006. — С. 24—39. — ISBN 5-7186-0174-7.

6. *Гуменюк А. А.* Деятельность санаторно-курортных учреждений Нижнего Поволжья во второй половине 1950-х — середине 1980-х гг. как неотъемлемый атрибут советского образа жизни / А. А. Гуменюк // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. — 2016. — № 3. — С. 42—49.

7. *Динаев Р. С.* Зарождение санаторного дела в Карачаево-Черкесии (1920—1930-е гг.) / Р. С. Динаев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 10. — Ч. 1. — С. 59—63.

8. *Зольникова Ю. Ф.* Формирование санаторно-курортного комплекса региона Кавказские Минеральные воды в 20-е годы XX века / Ю. Ф. Зольникова // Наука. Инновации. Технологии. — 2016. — № 1. — С. 121—132.

9. *Кринко Е. Ф.* Повседневный мир советского человека 1920—1940-х гг. : Жизнь в условиях социальных трансформаций / Е. Ф. Кринко, И. Г. Тажидинова, Т. П. Хлынина. — Ростов-на-Дону : ЮНЦ РАН, 2011. — 360 с. — ISBN 978-5-4358-0019-7.

10. *Кузнецова Л. А.* Гендерные аспекты курортного отдыха в СССР / Л. А. Кузнецова // Вестник Пермского университета. Серия : История. — 2011. — № 3 (17). — С. 81—85.

11. *Кузнецова Л. А.* Дискуссии о форме и содержании советского курортного отдыха (1920-е — 1930-е гг.) / Л. А. Кузнецова // Вестник Пермского университета. — 2018. — Выпуск 4 (43). — С. 98—10.

12. *Лебина Н. Б.* Повседневная жизнь советского города : нормы и аномалии : 1920—1930-е годы / Н. Б. Лебина. — Санкт-Петербург : Журнал «Нева», 1999. — 320 с. — ISBN 5-87516-133-7.

13. *Мазур Л. Н.* Право на отдых в СССР : социальный аспект реализации / Л. Н. Мазур // Аграрная сфера в контексте российских модернизаций XVIII—XX веков : макро- и микропроцессы : Сб. статей. — Оренбург : Изд-во ГУ «РЦРО», 2010. — С. 184—188. — ISBN 978-5-91442-050-2.

14. *Медик Х.* Микроистория / Х. Медик // Thesis. — 1994. — Выпуск 4. — С. 193—202.

15. *Морозов А. В.* Работа Наркомздрава РСФСР и Н. А. Семашко по организации санаторно-курортной помощи населению в первые годы советской власти / А. В. Морозов // Вестник новых медицинских технологий. — 2016. — Т. 23. — № 4. — С. 246—250.

16. *Орлов И. Б.* Советская повседневность : исторический и социологический аспекты становления / И. Б. Орлов. — Москва : ГУ-ВШЭ, 2010. — 317 с. — ISBN 978-5-7598-0701-8.

17. *Орлов И. Б.* Советский курорт 1930-х годов : на «экспорт» и для внутреннего пользования / И. Б. Орлов // Современные проблемы сервиса и туризма. — 2009. — № 3 — С. 25—30.

18. *Соболева А. Н.* Бытовая культура советских горожан в 1920—1930-е гг. / А. Н. Соболева // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. — 2018. — № 3. — С. 20—25. — DOI: 10.18101/2305-753X-2018-3-20-25.

Статья поступила в редакцию 05.08.2025,
одобрена после рецензирования 06.01.2026,
подготовлена к публикации 31.01.2026.

Material resources

A letter from a trade union worker P. V. Orlov to the Stavropol Gubernatorial Committee on the provision of a sanatorium permit. August 18, 1922. In: *Voices from the province: Residents of Stavropol in 1917—1929: A collection of documents.* Stavropol: Com. Stavropol Territory on the affairs of the arch. P. 88. ISBN 978-5-88216-128-5. (In Russ.).

Bernikova, M. V. (2011). Old Pyatigorsk. In: *Caucasian Mineral Waters in descriptions, essays, and studies for 200 years. Anthology: in 3 volumes, 2.* Stavropol: Stavropol State University Publishing House. 167—197. ISBN 978-5-88648-768-8. (In Russ.).

Decree of the Council of People's Commissars "On medical areas of national importance". 19.03.1920. Available at: https://istmat.org/node/37912 (accessed 21.09.2025). (In Russ.).

GANISK — *State Archive of the Modern History of the Stavropol Territory. F. 1 — Stavropol Regional Committee of the CPSU (1934—1991). Op. 1. D. 38; F. 5938 — Tersk District Committee of the CPSU (b) (1924—1930). Op. 1. D. 1. D. 3.* (In Russ.).

Ganstak, M. I. (1935). *Caucasian mineral waters: A guide to resorts.* Pyatigorsk: Sevkavgiz. 212 p. (In Russ.).

GASK — *State Archive of the Stavropol Territory. F. R-2739 — Kislovodsk territorial Administration of resorts, sanatoriums and rest homes of the Ministry of Health of the RSFSR. Op. 1. 61. 72; F. R-1159 — The Resort Bureau of the Zheleznovodsk group of Caucasian Mineral Waters of the People's Commissariat of Health. Zheleznovodsk. 1926—1927 Op. 1. 7; F. R-1236 — Kislovodsk medical group of the Resort Trust of the Caucasian Mineral Waters of the People's Commissariat of Health of the RSFSR, Kislovodsk July 1929 — August 1931 Op. 1. 4. 29; F. R-2874 — Pyatigorsk State Scientific Research Institute of Balneology and Physiotherapy of the Ministry of Health of the RSFSR, Pyatigorsk. Op. 1. D. 7.* (In Russ.).

Health protection. Resorts in Russia. 8,625 free beds (From a conversation with the head of the by Dr. N. I. Tezyakov). (1922). *Evening News, 29:* P. 2. (In Russ.).

Letter from the secretary of the Tersk district Committee of the Russian Communist Party (b) S. O. Kotlyar to the secretary of the North Caucasian Regional Committee of the Russian Communist Party (b) A. I. Mikoyan on the deployment of the division headquarters in the city of Pyatigorsk. February 26, 1925. In: *Voices from the province: Residents of Stavropol in 1917—1929: A collection of documents.* Stavropol: Com. Stavropol Territory on the affairs of the arch. P. 594. ISBN 978-5-88216-128-5. (In Russ.).

Mamushin, S. A. (1923). On the organization of sanatorium and outpatient treatment at resorts. *Resort business, 1:* 109—115. (In Russ.).

Semashko, N. (1923). Millions of workers on vacation. *Ogonek, 27:* P. 3. (In Russ.).

The October anniversary. (1920). *Bulletin of agitation and propaganda. The fortnightly organ of the Central Committee of the Russian Communist Party (Bolsheviks), 2:* S. 29. (In Russ.).

The statement of the secretary of the Vorontsovo-Alexandrovsky district committee of the CPSU(b) V. Romanov in the district committee of the CPSU(b) on the provision of work in the cities of Kavminvod. In: *Voices from the province: Residents of Stavropol in 1917—1929: A collection of documents.* Stavropol: Com. Stavropol Territory on the affairs of the arch. 364—365. ISBN 978-5-88216-128-5. (In Russ.).

References

Antipova, E. I. (2012). Organization of sanatorium-resort business by social insurance authorities during the NEP period (based on the materials of the Ural province). *Society and power, 3:* 113—116. (In Russ.).

Barysheva, E. V. (2016). Festive decoration of Soviet cities of the 1920s — 1930s. *Ural Historical Bulletin, 3 (52):* 23—32. (In Russ.).

Borisova, A. V., Jerusalem, Yu. Y. (2009). The history of the development of sanatorium-resort business in Russia. *Modern problems of service and tourism, 3:* 31—34. (In Russ.).

Dinaev, R. S. (2017). The origin of sanatorium business in Karachay-Cherkessia (1920—1930s). Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. *Questions of theory and practice, 10 (1):* 59—63. (In Russ.).

Gumenyuk, A. A. (2016). The activity of sanatorium-resort institutions of the Lower Volga region in the second half of the 1950s — mid—1980s as an integral attribute

of the Soviet way of life. *Bulletin of the Samara University. History, pedagogy, philology, 3:* 42—49. (In Russ.).

Krinko, E. F., Tazhidinova, I. G., Khlynina, T. P. (2011). *The everyday world of the Soviet man of the 1920s and 1940s: Life in conditions of social transformations.* Rostov-on-Don: YUNTS RAS. 360 p. ISBN 978-5-4358-0019-7. (In Russ.).

Kuznetsova, L. A. (2011). Gender aspects of resort recreation in the USSR. *Bulletin of Perm University. Series: History, 3 (17):* 81—85. (In Russ.).

Kuznetsova, L. A. (2018). Discussions about the form and content of Soviet resort holidays (1920s — 1930s). *Bulletin of Perm University, 4 (43):* 98—10. (In Russ.).

Lebina, N. B. (1999). *Everyday life of the Soviet city: norms and anomalies: the 1920s and 1930s.* Saint Petersburg: Neva Magazine. 320 p. ISBN 5-87516-133-7. (In Russ.).

Mazur, L. N. (2010). The right to rest in the USSR: a social aspect of implementation. In: *The agrarian sphere in the context of Russian modernization of the XVIII—XX centuries: macro- and micro-processes: Collection of articles.* Orenburg: Publishing House of the State Institution "RCRO". 184—188. ISBN 978-5-91442-050-2. (In Russ.).

Medik, H. (1994). Microhistory. *Thesis, 4:* 193—202. (In Russ.).

Morozov, A. V. (2016). The work of the People's Commissariat of Health of the RSFSR and N. A. Semashko on the organization of sanatorium-resort assistance to the population in the early years of Soviet power. *Bulletin of new medical technologies, 23 (4):* 246—250. (In Russ.).

Orlov, I. B. (2009). The Soviet resort of the 1930s: for "export" and for domestic use. *Modern problems of service and tourism, 3:* 25—30. (In Russ.).

Orlov, I. B. (2010). *Soviet everyday life: historical and sociological aspects of its formation.* Moscow: Higher School of Economics. 317 p. ISBN 978-5-7598-0701-8. (In Russ.).

Soboleva, A. N. (2018). Household culture of Soviet citizens in the 1920s and 1930s. *Bulletin of the Buryat State University. Humanitarian Studies of Inner Asia, 3:* 20—25. DOI: 10.18101/2305-753X-2018-3-20-25. (In Russ.).

Vladimirova, S. N. (2013). The organization of sanatorium-resort treatment in the Caucasian Mineral Waters at the beginning of the XX century. *Bulletin of the Volga Institute of Management, 6 (39):* 122—126. (In Russ.).

Vorobyova, M. V. (2006). Urban Soviet life: cliches of ideology and reality. In: *Socio-cultural development of the city: history and modernity: collection of scientific papers.* Yekaterinburg: Ural Institute of Social Education. 24—39. ISBN 5-7186-0174-7. (In Russ.).

Zolnikova, Yu. F. (2016). Formation of the sanatorium-resort complex of the Caucasian Mineral Waters region in the 20s of the twentieth century. *Science. Innovation. Technologies, 1:* 121—132. (In Russ.).

The article was submitted 05.08.2025;
approved after reviewing 06.01.2026;
accepted for publication 31.01.2026.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Воробьев С. В. Идеологическая консолидация социалистического блока в контексте кризиса международных отношений 1960-х годов / С. В. Воробьев // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 2. — С. 359—374. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-359-374.

Vorobyev, S. V. (2026). Ideological Consolidation of Socialist Bloc Amidst International Relations Crisis in 1960s. *Nauchnyi dialog, 15* (2): 359-374. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-359-374. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU · РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Идеологическая консолидация социалистического блока в контексте кризиса международных отношений 1960-х годов

Воробьев Сергей Владимирович
orcid.org/0009-0003-0889-5590
доктор исторических наук, профессор,
кафедра международных
отношений и внешней политики
352147@gmail.com

Дипломатическая академия
Московского государственного
института
международных отношений
(университета)
Министерства иностранных дел
Российской Федерации
(Дипломатическая академия
МГИМО МИД России)
(Москва, Россия)

Ideological Consolidation of Socialist Bloc Amidst International Relations Crisis in 1960s

Sergey V. Vorobyev
orcid.org/0009-0003-0889-5590
Doctor of History, Professor,
Department of International Relations
and Foreign Policy
blagoder_1@mail.ru

Diplomatic Academy
of the Moscow State Institute
of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

© Воробьев С. В., 2026

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуется роль идеологии как фактора дипломатического позиционирования стран Варшавского договора на фоне обострения международных противоречий в середине 1960-х годов, в числе которых холодная война и раскол в коммунистическом движении. В качестве материалов привлечены официальные документы Бухарестского совещания 1966 года, заявления Политического консультативного комитета (ПКК) Организации Варшавского договора (ОВД), публикации в газете «Правда», документы НАТО 1966 года, сборники Министерства иностранных дел СССР. Показано, что руководители социалистических стран целенаправленно использовали риторику марксизма-ленинизма и ссылки на «пролетарский интернационализм» для консолидации блока. Подчеркивается, что демонстрация идеологического единства служила ответом на рост военной угрозы со стороны НАТО и на идеологические разногласия, вызванные китайско-советским расколом. Показано, что итоговые декларации совещания 1966 года провозгласили незыблемую сплоченность социалистических стран и их приверженность делу мира, что стало важным дипломатическим сигналом в условиях напряжённости. Утверждается, что идеологическя консолидация стала инструментом мягкой силы для социалистических государств: посредством правильно выстроенных деклараций они отстаивали свои интересы не только военными средствами, но и на уровне идей и образов.

Ключевые слова:
социалистический блок; Организация Варшавского договора; идеологическое единство; холодная война; китайско-советский раскол; международные отношения 1960-х годов.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This paper explores the pivotal role ideology played in shaping diplomatic strategies of Warsaw Pact countries amid intensifying international tensions in the mid-1960s, particularly against the backdrop of the Cold War and ideological divisions within communist movements. Utilizing official documents from the Bucharest Conference of 1966, statements issued by the Political Consultative Committee of the Warsaw Treaty Organization, publications in “Pravda,” NATO records from 1966, and collections compiled by the Soviet Ministry of Foreign Affairs, the research underscores how leaders of socialist states deliberately employed Marxist-Leninist rhetoric and references to proletarian internationalism to solidify bloc cohesion. It is highlighted that showcasing ideological unity served as a response to rising military threats posed by NATO and internal ideological rifts exacerbated by Sino-Soviet splits. The final declarations from the 1966 conference emphasized unwavering solidarity among socialist nations committed to peace, thus delivering an important diplomatic message under conditions of heightened tension. The study concludes that ideological consolidation functioned as a soft power tool enabling these states to advance their interests through ideational means rather than solely relying on military force.

Key words:
socialist bloc; Warsaw Treaty Organization; ideological unity; Cold War; Sino-Soviet split; international relations of the 1960s

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94(47).084.9+327(470+510)“196”::81’42
DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-359-374

Научная специальность ВАК
5.6.7. История международных
отношений и внешней политики

Идеологическая консолидация социалистического блока в контексте кризиса международных отношений 1960-х годов

© Воробьев С. В., 2026

1. Введение = Introduction

Холодная война середины 1960-х годов характеризовалась сочетанием обострившейся конфронтации военных блоков и нарастанием внутренних противоречий в обоих лагерях. К этому времени оформились два противостоящих военно-политических союза: Организация Варшавского договора (ОВД) социалистических стран и Организация Североатлантического договора (НАТО) капиталистических держав. Международные кризисы начала 1960-х, в числе которых Берлинский кризис и Карибский кризис, к середине десятилетия сменились относительной стабилизацией, однако сохранялась высокая степень недоверия между блоками [Westad, 2017]. В том же периоде проявились новые вызовы для единства социалистического лагеря — прежде всего китайско-советский идеологический конфликт. Раскол между СССР и КНР, начавшийся в конце 1950-х, к середине 1960-х годов превратился в открытое противостояние, затронувшее мировое коммунистическое движение [Lüthi, 2008; Петров, 2008]. Эти факторы актуализировали задачу консолидации социалистических союзников под эгидой Москвы. Руководство СССР стремилось публично продемонстрировать сплоченность социалистического блока, используя идеологические аргументы как инструмент внешней и внутриблоковой политики. Идеология марксизма-ленинизма в этот период стала важным фактором дипломатического позиционирования: официальная риторика подчеркивала единство, солидарность и братскую взаимопомощь союзников по соцлагерю, противопоставляя их «агрессивному империализму» Запада.

Проблематика идеологического единства социалистического лагеря привлекает внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей. В советский период данная тема освещалась преимущественно с акцентом на монолитность лагеря социализма. В постсоветской историографии появились критические исследования: так, отмечены скрытые

CC BY

противоречия внутри ОВД и особая позиция Румынии [Mastny et al., 2005]. Раскол между СССР и КНР и его влияние на мировое коммунистическое движение подробно проанализированы в научных трудах [Lüthi, 2008]. Тем не менее вопрос о том, как именно идеологическая риторика использовалась для поддержания единства союзников на фоне этих вызовов, изучен недостаточно. Настоящее исследование восполняет этот пробел, фокусируясь на материалах Бухарестского совещания 1966 года как ключевого эпизода оформления идеологической консолидации соцлагеря в ответ на международный кризис.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Источниковую базу работы составили преимущественно архивные документы внешнеполитического характера, прежде всего материалы Совещания Политического консультативного комитета (ПКК) государств — участников Варшавского договора, состоявшегося 4—6 июля 1966 года в Бухаресте. Официальные тексты итоговых документов этого совещания частично опубликованы в советской печати. В работе использованы резолюции, заявления и коммюнике, принятые на данном совещании, как ключевые свидетельства официальной идеологической позиции руководства стран ОВД. Кроме того, привлекались сборники документов по истории внешней политики СССР, которые позволяют проследить контекст и преемственность рассматриваемых идей. В частности, материалы сборника «Организация Варшавского Договора, 1955—1985» содержат декларации и заявления ОВД. Этот сборник издан к 30-летию Варшавского договора и отражает эволюцию официальной риторики блока. Также использован сборник документов «Советский Союз в борьбе за разоружение» [Советский Союз …, 1977], включающий важнейшие инициативы СССР в области контроля над вооружениями, что дополняет понимание идеологического акцента на миролюбивой политике. В качестве сопоставительного материала рассмотрены некоторые документы НАТО 1966 года и оценки западных наблюдателей, позволяющие выявить восприятие идеологической кампании СССР по консолидации союзников. Для понимания оценок стран коллективного Запада использованы данные американской дипломатической переписки и аналитические обзоры. Наконец, источниками послужили публикации советской прессы — публикации газеты «Правда», в которых отражено публичное освещение результатов Бухарестского совещания.

Методологически исследование базируется на принципах историзма и системного подхода. Автором применен структурно-содержательный анализ текстов официальных документов: выделены ключевые идеологические понятия и лозунги, проводится их контекстуальная интерпретация.

Сопоставительный подход позволяет рассмотреть заявленную позицию ОВД в контрасте с позицией НАТО и с политикой Китая, что раскрывает дипломатическую функцию идеологических сообщений. При анализе риторики используется контент-аналитический прием: подсчитывается частота употребления определенных терминов и клише, например, «социалистическая солидарность», «империализм», «мирное сосуществование», в документах и в сопутствующих статьях. Такой междисциплинарный подход, сочетающий исторический анализ и элементы дискурс-анализа, позволяет более полно увидеть роль идеологии в дипломатии.

В ходе исследования осуществлен обзор научной литературы по теме. Внимание уделено как работам по истории холодной войны [Westad, 2017; Нежинский и др., 1995; Штоль и др., 2020], так и специальным исследованиям, фокусирующимся на взаимоотношениях внутри социалистического лагеря. Значимым фактом является то, что официально провозглашаемое единство «социалистического содружества» нередко скрывало наличие трений. Зарубежные исследователи, используя доступ к рассекреченным архивам, отмечают закулисные разногласия между союзниками по ОВД, несмотря на внешнюю идеологическую монолитность [A Cardboard ..., 2005]. Что касается китайско-советского раскола, то тут накоплена обширная научная литература, рассматривавшая исторические основы взаимодействия двух стран [Добровольский и др., 2022; Егоров и др., 2019; Барский, 2023], идеологические и геополитические аспекты конфликта Москвы и Пекина в 1960-е годы [Lüthi, 2008; Бельченко и др., 2020], а также его воздействие на мировое коммунистическое движение [Борисов, 1977; Балакин и др., 2015; Балакин и др., 2016], специфику взаимодействия в политико-экономическом контексте [Нарышкин, 2021; Нарышкин, 2023]. Несмотря на наличие этих исследований, комплексного рассмотрения именно идеологической консолидации соцлагеря в контексте одновременно внешнего противоборства с НАТО и внутреннего раскола с Китаем до сих пор не проводилось. Новизна данного исследования состоит как раз в том, что идеология рассматривается не как фон или «дипломатическая риторика» постфактум, а как активный инструмент, с помощью которого социалистические государства пытались укрепить свои ряды и повлиять на ход холодной войны.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Противостояние с НАТО и вызовы международной безопасности в середине 1960-х

К середине 1960-х годов международные отношения входили в один из самых напряженных этапов холодной войны. После относительно стабильного начала десятилетия новый виток гонки вооружений и локальных

CC BY

конфликтов, например, военный переворот в Индонезии 1965 года, эскалация войны во Вьетнаме, сопровождался жесткой риторикой обеих сторон. В Европе сохранялось противостояние двух военных блоков, хотя и произошли события, отчасти дестабилизировавшие каждый лагерь. В 1966 году Франция под руководством Ш. де Голля объявила о выводе своих войск из интегрированной военной структуры НАТО, что стало серьезным вызовом для единства Альянса. Этот шаг выявил наличие трещин в западном блоке, хотя НАТО в целом сумело адаптироваться к новой ситуации. Советская пресса с удовлетворением комментировала демонстративный демарш Франции, представив его как симптом кризиса империалистического лагеря. Рассекреченная запись беседы Л. И. Брежнева с И. Броз Тито демонстрирует реальное отношение советского руководства к политике генерала де Голля, воспринимавшейся как свидетельство растущих противоречий между капиталистическими странами и упадка атлантической солидарности [Запись беседы ..., 1966, с. 131]. Хотя западные лидеры публично заверяли в сплоченности НАТО, Советский Союз стремился использовать момент для усиления собственной пропаганды о преимуществах социалистического единства.

Одновременно Советский Союз и союзники по ОВД активизировали миротворческую риторику, стараясь показать себя стороной, заинтересованной в разрядке напряженности. Так, советская дипломатия выдвигала инициативы в области контроля над вооружениями и разоружения. В 1966 году СССР выступил с предложениями, которые впоследствии привели к подписанию Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) [Советский Союз в борьбе ..., 1977, с. 43—51]. В официальных заявлениях социалистических стран подчеркивалось, что именно они являются «миролюбивыми государствами», последовательно борющимися за разоружение и мирное сосуществование систем. Например, в материалах Варшавского блока регулярно указывалось, что ОВД создан в ответ на угрозу НАТО и преследует сугубо оборонительные цели, а «государства-участники Североатлантического блока» проводят «гонку вооружений», эскалируя в том числе угрозу применения ядерного оружия [ОВД, 1986, с. 21]. Эта линия на моральное превосходство была важной частью идеологической стратегии: противопоставление «лагеря мира и социализма» агрессивному империалистическому блоку подчеркивалось во множестве документов и речей [Егорова, 2016]. Таким образом, к кризису международных отношений 1960-х годов государства ОВД подошли с четко артикулированной позицией: обвиняя НАТО в милитаризме, они старались заручиться поддержкой мировой общественности, позиционируя себя как объединение, консолидированное не только военными интересами, но прежде всего идеями мира и дружбы народов.

CC BY

3.2. Китайско-советский раскол и проблема единства социалистического лагеря

Более сложной проблемой для идеологической консолидации социалистического блока стал конфликт между СССР и Китайской Народной Республикой. Как известно, после смерти И. В. Сталина советско-китайские отношения постепенно ухудшались, а с середины 1960-х годов переросли в открытую взаимную критику между КПСС и Коммунистической партией Китая (КПК). Несмотря на близость дипломатических школ (многие китайские дипломаты получали образование в Советском Союзе [Барский, 2023]), идеологические разногласия касались прежде всего верности марксистско-ленинскому учению и стратегии мировой революции: руководство КНР во главе с Мао Цзэдуном обвиняло СССР в «ревизионизме» и отступлении от истинного революционного духа, тогда как советская сторона клеймила китайских коммунистов за «левацкий авантюризм» и раскольнические действия [Мао Цзэдун, 2010, с. 19]. Такое противоборство подрывало саму идею единого мирового коммунистического движения.

Для советского руководства во главе с Л.И. Брежневым возникла дилемма: с одной стороны, необходимо было защищать лидерство СССР и свою интерпретацию идеологии, с другой — не допустить распада единого фронта социалистических стран.

Особое значение приобрела позиция европейских союзников СССР по Варшавскому договору в условиях этого раскола. Ряд стран, например, ГДР, Польша, Чехословакия, однозначно поддержали советскую линию и разорвали или заморозили отношения с Пекином, продемонстрировав лояльность Москве. Однако некоторые государства Восточного блока заняли более противоречивую позицию. Румыния, возглавляемая Николае Чаушеску, намеренно дистанцировалась от советско-китайского спора. Более того, Бухарест стремился извлечь выгоду из разногласий великих коммунистических держав, позиционируя себя независимым игроком. Румынское руководство не присоединилось к резкой критике Китая и продолжало поддерживать контакты с Пекином, тем самым знаменуя свое несогласие с советской гегемонией в идеологической сфере. По другим вопросам, например осуждению американской агрессии во Вьетнаме, страны ОВД демонстрировали полное единство [Документы совещания ПКК ОВД …, 1966, с. 25—29]. Такая двунаправленная позиция вызвала раздражение в Москве; в советских кулуарах Чаушеску обвиняли в «национал-коммунизме» и подрыве единства соцлагеря [Mastny et al., 2005]. В обстановке растущего китайско-советского раскола советская дипломатия прилагала усилия к тому, чтобы хотя бы на уровне европейского блока сохранить показное единодушие. Например, в 1965—1966 годы пред-

CC BY

принимались попытки созвать совещание всех коммунистических партий мира для урегулирования споров, но из-за противодействия Китая и ряда иных «не согласных» партий эти планы провалились [Lüthi, 2008]. В итоге руководство СССР сделало ставку на интегрированные структуры, такие как ОВД, в рамках которых влияние Москвы было прочнее. Варшавский договор рассматривался Кремлем как ядро социалистического лагеря, вокруг которого следовало сплотить остальных.

Идеологически советское руководство выбрало тактику умалчивания и косвенных намеков в отношении КНР в официальных документах ОВД. Публично государства Варшавского блока продолжали провозглашать единство и сплоченность всех «социалистических государств», выступающих «против империалистической политики агрессии», не упоминая о наличии раскола [Документы совещания …, 1966, с. 6]. Любые «внутрилагерные» разногласия объяснялись происками империализма.

Такое позиционирование проблемы косвенно указывало на проблему и одновременно заверяло в том, что единство восточного блока нерушимо. Разумеется, в узком кругу лидеров ОВД обсуждалась и сама китайская угроза. Известно, что на встречах партийных руководителей социалистических стран звучала обеспокоенность агрессивной антисоветской кампанией в КНР и ее возможным влиянием, особенно на Вьетнам и Албанию, последняя фактически вышла из ОВД в 1962 году и ориентировалась на Пекин, отказываясь от участия в совместных совещаниях социалистических стран с участием руководства СССР. К примеру, показательным видится отказ от участия в нейтральных с идеологической точки зрения совещаниях по исследованию и использованию космического пространства: рассекреченные документы отмечают «несогласие ряда стран на проведение совещания... КНР и Албания отказались от участия в проведения совещания» [Записка Отдела оборонной промышленности ..., 2008, с. 294]. Тем не менее итоговые коммюнике таких встреч обычно обходили тему: она не обсуждалась прямым текстом. Стремление не выносить сор из избы объяснялось как раз заботой о международном имидже соцлагеря. В условиях, когда раскол стал очевиден для всего мира, Советский Союз надеялся через концентрацию на европейской проблематике и демонстрацию европейского единства [Документы совещания ПКК ОВД …, 1966], а также через фиксацию успешного сотрудничества в военно-политическом аспекте [Учения «Влтава» ..., 1966] компенсировать ущерб для международного престижа. В известном смысле, идеологическая консолидация в рамках ОВД должна была показать и странам Запада, и коммунистическим движениям в других регионах, что «ядро» мирового социализма по-прежнему монолитно и верно марксистско-ленинским принципам. Западная печать

CC BY

тех лет действительно нередко продолжала говорить о социалистическом лагере как о едином монолите, хотя и упоминала о китайско-советских спорах. Примечательно, что в англоязычном дискурсе закрепилось выражение «Communist bloc», обычно подразумевавшее группу государств во главе с СССР, независимо от существующих внутри разногласий [Shapiro et al., 1968; Macdonald, 1995-1996]. Таким образом, несмотря на глубокий раскол с Китаем, советскому блоку в значительной мере удалось сохранить видимость и образ единого целого — во многом благодаря целенаправленной идеологической кампании.

3.3. Бухарестское совещание 1966 года как витрина идеологического единства

Совещание Политического консультативного комитета ОВД в Бухаресте 4—6 июля 1966 года стало важнейшим мероприятием, на котором публично подтвердилось идеологическое единство европейских социалистических стран. На фоне описанных выше событий — обострения конфронтации с НАТО и раскола с КНР — лидеры стран Варшавского договора съехались в столицу Румынии, чтобы согласовать общую позицию по международным вопросам. Итоги совещания были обнародованы в виде совместных документов: Декларации ПКК о укреплении мира и безопасности в Европе и Коммюнике совещания. Эти тексты представляют собой образцы согласованной идеологизированной дипломатической речи.

В Декларации, принятой 5 июля 1966 года, страны-участницы Варшавского договора провозгласили курс на активное содействие разрядке напряженности в Европе [Документы совещания ПКК ОВД ..., 1966, с. 3]. В частности, была выдвинута инициатива созвать общеевропейскую конференцию по вопросам безопасности и сотрудничества — предложение, которое советская сторона лоббировала уже несколько лет. Формулировки Декларации подчёркивали, что социалистические государства едины в своей миролюбивой политике и стремлении предотвратить угрозу новой войны. «Социалистические государства, подписавшие настоящую Декларацию, считают, что устранение такого положения и создание прочных устоев мира и безопасности в Европе предполагает, что межгосударственные отношения, исходя из отказа от угрозы силой или применения силы и необходимости решать международные споры только мирными средствами, должны строиться на принципах суверенитета и национальной независимости, равноправия и невмешательства во внутренние дела, на уважении территориальной неприкосновенности. Европейские государства должны стремиться к принятию эффективных мер по предотвращению опасности возникновения вооруженного конфликта в Европе и по укреплению европейской коллективной безопасности», — заявлялось в документе [Документы совещания …, 1966,

CC BY

с. 5]. Одновременно текст содержал скрытую критику тех сил, которые препятствуют разрядке: осуждалась гонка вооружений, милитаризация ФРГ и агрессия США во Вьетнаме — фактически намеки на политику НАТО без упоминаия Альянса напрямую. Таким образом, идеологическая линия прослеживалась следующая: соцстраны представлялись мирными объединителями Европы, противостоящими милитаристам.

Не менее важным политическим сигналом стало итоговое Коммюнике совещания, опубликованное сразу после его завершения. Коммюнике обобщало дух встречи и адресовалось широкой публике. Его, в частности, полностью напечатала газета «Правда» [Коммюнике ..., 1966]. В этом документе особенно подчеркивалась сплоченность участников Варшавского договора. Примечательно, что в тексте многократно употреблялись слова «единство», «солидарность», «единая политика». Например, отмечалось «единство и солидарность европейских социалистических государств, всех стран социализма, проведение ими миролюбивой внешней политики» [Документы совещания …, 1966, с. 10]. Подобные утверждения создавали впечатление абсолютного консенсуса. Формула «братская дружба и взаимопомощь» была вынесена как главный принцип отношений между союзниками. Кроме того, Коммюнике подтверждало верность всех государств ОВД марксистско-ленинской идеологии и принципам пролетарского интернационализма. Таким образом, идеологическая общность возводилась в ранг основополагающего фактора, цементирующего союз. Ни о каких разногласиях или особых мнениях в официальном отчете, разумеется, не упоминалось. Румынское руководство, принимая у себя союзников, также присоединилось к декларациям, хотя за закрытыми дверями Чаушеску, вероятно, настаивал на уважении суверенитета и права каждого на особое мнение. Тем не менее публично и Румыния подписала все документы, тем самым формально подтвердив единство позиций.

Идеологическая риторика Бухарестского совещания 1966 года служила сразу нескольким дипломатическим целям. Во-первых, она должна была убедить внешних оппонентов — страны НАТО — в прочности Восточного блока. В условиях, когда Запад мог рассчитывать на раскол коммунистического мира, особенно наблюдая конфликт Москвы и Пекина, демонстрация монолитности европейских союзников СССР имела эффект охлаждения этих надежд. Коллективные заявления социалистических стран сигнализировали: никакие попытки «расколоть социализм» успеха не имеют, союзники действуют единым фронтом. Во-вторых, декларации 1966 года адресовались и внутренней аудитории — народам стран соцлагеря. Данным документом проводилась мысль о том, что, несмотря на различия в национальных интересах, существует наднациональное брат-

CC BY

ство, основанное на общей идеологии. Это подкрепляло легитимацию правящих коммунистических элит, сплоченных вокруг СССР. В-третьих, идеологические посылы совещания имели и пропагандистский эффект на страны Азии, Африки, Латинской Америки, где длилось соперничество за влияние. Социалистический лагерь позиционировал себя как объединение миролюбивых держав, способное быть лидером в борьбе за мир против империализма. Недаром значительная часть Декларации 1966 года была посвящена поддержке национально-освободительных движений и осуждению агрессии США во Вьетнаме. Это отсылало к идеологическому тезису о едином фронте социалистических и прогрессивных сил мира.

Важно отметить, что идеологическая консолидация, продемонстрированная в 1966 году, носила во многом характер декларативный. За фасадом единства сохранялись разногласия: как упоминалось, Румыния имела особое мнение, да и внутри правящих партий других стран были разные взгляды. Тем не менее успехом советской дипломатии стало то, что внешнеполитическая линия всех союзников на время была синхронизирована. Ни одна страна ОВД публично не выступила против советских инициатив на этом совещании, все подписались под общими лозунгами. В дальнейшем, вплоть до конца 1960-х, эта видимость единства в целом поддерживалась. Только события Пражской весны 1968 года и последовавший ввод войск в Чехословакию резко проявили вновь существовавшие разногласия, но это уже выходило за хронологические рамки данного исследования. Что касается 1966 года, то его можно рассматривать как кульминацию попыток сгладить расколы посредством идеологической риторики. Советская историография преподносила этот период как время, когда социалистический лагерь «выступал единым строем», давая отпор и империалистам.

4. Заключение = Conclusions

Рассмотрев материалы Бухарестского совещания 1966 года и сопутствующий исторический контекст, автор приходит к выводу, что идеология играла существенную роль в дипломатии стран Варшавского договора периода 1960-х годов. В условиях кризиса международных отношений — обострения противоборства с НАТО и одновременного раскола внутри самого коммунистического лагеря — советское руководство инициировало кампанию по демонстрации идеологической сплоченности союзников. Марксистско-ленинская риторика, ссылка на принципы пролетарского интернационализма, братской дружбы, мирного сосуществования стали своего рода идеологическими «скрепами», призванными удержать вместе государства соцблока. Бухарестское совещание ПКК ОВД 1966 года выступило яркой иллюстрацией такого подхода: коллективные декларации этого форума подчеркнули

CC BY

единство взглядов и целей социалистических стран, их общую решимость противостоять внешним врагам и протягивать руку миру.

Практическая дипломатическая функция этих идеологических заявлений состояла в том, чтобы позиционировать социалистический блок как монолитного игрока на мировой арене. Внешнеполитический эффект был двояким. Во-первых, страны НАТО получили сигнал о сплоченности противника, что должно было охладить расчеты на использование раскола между СССР и Китаем или иных противоречий внутри блока. Во-вторых, для стран «третьего мира» и международной общественности создался образ Варшавского договора как силы, стремящейся к миру и выступающей единым фронтом против империализма, — важнейший элемент советской пропаганды того времени. Идеология, таким образом, стала инструментом мягкой силы для социалистических государств: посредством правильно выстроенных деклараций они отстаивали свои интересы не только военными средствами, но и на уровне идей и образов.

Одновременно исследование показывает, что провозглашенное идеологическое единство имело определенные ограничения. Оно было скорее консолидирующим мифом, нежели отражением полного отсутствия разногласий. Тем не менее именно этот миф сыграл значительную роль: в критический момент 1960-х он позволил удержать союзников СССР в одном лагере, несмотря на центробежные силы. Новизна данного вывода состоит в конкретном раскрытии механизма, посредством которого идеологические клише и совместные декларации выполняли интеграционную функцию. Если ранее историки рассматривали подобные заявления Варшавского блока как рутинную пропаганду, то в настоящей работе они интерпретируются как важный фактор, влиявший на восприятие и поведение акторов холодной войны.

Подводя итог, следует отметить, что опыт идеологической консолидации 1960-х годов имел долговременные последствия. Он создал прецедент использования идеологии в качестве инструмента внешней политики, чему следовали и в последующие десятилетия. Даже после распада социалистического лагеря отзвук этой практики заметен: современная российская внешнеполитическая риторика нередко апеллирует к идеям многополярности, суверенности, общности целей развития групп стран [Воробьев и др., 2023; Нарышкин и др., 2025], интеграции и экономического развития [Прохорова, 2016] и т. д. — своего рода новым идеологемам. Интересно, что и официальная политика в сфере образования сегодня придает значение воспитанию с формированием определенных идеалов, что можно рассматривать как наследие понимания роли идеологии в обществе. Изучение истории идеологической консолидации социалистического блока позволя-

ет глубже понять, как идеи и убеждения используются государствами для укрепления союзов и противостояния внешним угрозам. Это урок истории, который сохраняет актуальность и в нынешних международных реалиях.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts // interests.**

Источники и принятые сокращения

1. Документы совещания ПКК ОВД …, 1966 — *Документы* совещания Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского договора. Бухарест, 4—6 июля 1966 г. — Москва : Политиздат, 1966. — 30 с.

2. *Записка* Отдела оборонной промышленности ЦК КПСС (И. Сербина) об установлении бронзовых бюстов П. Беляеву и А. Леонову. 22 марта 1965 г. // Советская космическая инициатива в государственных документах 1946—1964 гг. / Под ред. Ю. М. Батурина. — Москва : РТСофт, 2008. — 416 с.

3. *Запись* третьей беседы Л.И. Брежнева с И. Броз Тито во время визита в Югославию 22—25 сентября 1966 г. Добаницы. 24 сентября 1966 г. // РГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 926. Л. 150—166.

4. *Коммюнике* совещания ПКК ОВД // Газета «Правда». — 7 июля 1966.

5. ОВД, 1986 — *Организация* Варшавского Договора, 1955—1985 : Документы и материалы / М-во иностр. дел СССР. — Москва : Политиздат, 1986. — 422 с.

6. *Советский* Союз в борьбе за разоружение : Сб. док. / М-во иностр. дел СССР. — Москва : Политиздат, 1977. — 280 с.

7. Учения «Влтава», 1966 — *Документы* и материалы о совместных учениях «Влтава» государств — участников Варшавского договора на территории ЧССР в сентябре 1966 года. Заявление главнокомандующего Объединенными Вооруженными силами государств — участников Варшавского договора Маршала Советского Союза А. А. Гречко, сделанное в Писеке журналистам в связи с учениями «Влтава» 22 сентября 1966 года // Газета «Красная звезда». — 23 сентября 1966 г.

Литература

1. *Балакин В. С.* КНР СССР в 1960—1980-е годы : от конфронтации к равноправному сотрудничеству / В. С. Балакин, Лу Сяоин // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия : социально-гуманитарные науки. — 2016. — Т. 16. — № 1. — С. 11—15.

2. *Балакин В. С.* Советско-китайские отношения 1960-х — 1980-х гг. В ракурсе дискурсологии / В. С. Балакин, Лу Сяоин // Дискурсология: методология, теория, практика. — 2015. — № 9. — С. 376—385.

3. *Барский К. М.* К вопросу о формировании современной китайской дипломатической школы / К. М. Барский // Российское китаеведение. — 2023. — № 1 (2). — С. 100—116. — DOI: 10.48647/ICCA.2023.71.25.005.

4. *Бельченко А. С.* Реакция КНР на усилия советской дипломатии по разрешению тайваньского вопроса в 1949—1985 гг. / А. С. Бельченко, М. Г. Новоселова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : История России. — 2020. — Т. 19. — № 2. — С. 418—437. — DOI: https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-2-418-437.

5. *Борисов О. Б.* Советско-китайские отношения. 1945—1977 / О. Б. Борисов, Б. Т. Колосков. — Изд. 2-е, доп. — Москва : Мысль, 1977. — 582 с.

6. *Воробьев С. В.* Исторические предпосылки и перспективы формирования Большого евразийского партнерства / С. В. Воробьев, А. А. Крутько, А. А. Нарышкин // Человеческий капитал. — 2023. — № 7 (175). — С. 11—20. — DOI: 10.25629/HC.2023.07.01.

7. *Добровольский Л. В.* Возникновение, эволюция и современное состояние российско-китайских внешнеторговых отношений / Л. В. Добровольский, А. Ш. Ногмова // Проблемы постсоветского пространства. — 2022. —Т. 9. — № 4. — С. 408—422. — DOI: 10.24975/2313-8920-2022-9-4-408-422.

8. *Егоров В. Г.* Историко-культурные основания российско-китайского сотрудничества / В. Г. Егоров, В. В. Штоль // Международная жизнь. — 2019. — № 12. — С. 118—129.

9. *Егорова Н. И.* «Народная дипломатия» ядерного века : движение сторонников мира и проблема разоружения, 1955—1965 гг. / Н. И. Егорова. — Москва : ИВИ РАН; Аквилон, 2016. — 320 с. — ISBN 978-5-906578-19-8.

10. *Мао Цзэдун.* Маленькая красная книжица / Мао Цзедун. — Москва : Эксмо : Алгоритм, 2010. — 444 с. — ISBN 978-5-699-40623-4.

11. *Нарышкин А. А.* Альтернативные экономические отношения в условиях санкций / А. А. Нарышкин // Современная Европа. — 2023. — № 5 (119). — С. 96—104. — DOI: 10.31857/S020170832305008X.

12. *Нарышкин А. А.* Роль зарубежных представительств в экономической дипломатии Советского Союза / А. А. Нарышкин // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. — 2021. — № 2 (28). — С. 155—163.

13. *Нарышкин А. А.* Цифровизация здравоохранения в странах БРИКС+ / А. А. Нарышкин, А. А. Нарышкина // Современная Европа. — 2025. — № 1 (129). — С. 136—149. — DOI: 10.31857/S0201708325010115.

14. *Прохорова А. А.* К вопросу о классификации многосторонних международных объединений / А. А. Прохорова // Вестник Московского университета. Серия 12 : Политические науки. — 2016. — № 1. — С. 21—37.

15. *Штоль В. В.* Холодная война : истоки, наследие и альтернативы когнитивный аспект / В. В. Штоль, А. Г. Задохин // Обозреватель. — 2020. — № 2 (361). — С. 5—24.

16. *A Cardboard* Castle? An Inside History of the Warsaw Pact, 1955—1991 / V. Mastny, M. Byrne (Eds.). — New York : Central European University Press, 2005. — 783 p. — ISBN 9789637326073.

17. *Lüthi Lorenz M.* The Sino-Soviet Split : Cold War in the Communist World / M. Lüthi Lorenz. — Princeton : Princeton University Press, 2008. — 400 p. — ISBN 978-0-691-12838-3.

18. *Macdonald D. J.* Communist Bloc Expansion in the Early Cold War : Challenging Realism, Refuting Revisionism / D. J. Macdonald // International Security. — Winter 1995—1996. — Vol. 20. — № 3. — Pp. 152—188. — DOI: https://doi.org/10.2307/2539142.

19. *Shapiro L.* Communist Bloc / L. Shapiro, J. Goodman // The American Jewish Year Book. — 1968. — Vol. 69. — Pp. 188—197.

20. *Westad O. A.* The Cold War : A World History / O. A. Westad. — New York : Basic Books, 2017. — 720 p.

Статья поступила в редакцию 01.11.2025,
одобрена после рецензирования 21.01.2026,
подготовлена к публикации 31.01.2026.

Material resources

Baturin, Yu. M. (ed.). (2008). A note from the Department of Defense Industry of the Central Committee of the CPSU (I. Serbin) on the installation of bronze busts to P. Belyaev and A. Leonov. March 22, 1965. In: *The Soviet space Initiative in state documents of 1946—1964.* Moscow: RTSoft. 416 p. (In Russ.).

Communique of the meeting of the PKK of the Department of Internal Affairs. (1966). *Newspaper "Pravda". July 7.* (In Russ.).

Department of Internal Affairs, 1986 — *Warsaw Pact Organization, 1955—1985: Documents and Materials / Foreign Ministry. affairs of the USSR.* (1986). Moscow: Politizdat. 422 p. (In Russ.).

Documents of the meeting of the PKK of the Department of Internal Affairs ..., 1966 — *Documents of the meeting of the Political Advisory Committee of the Warsaw Pact Member States. Bucharest, July 4—6, 1966.* (1966). Moscow: Politizdat. 30 p. (In Russ.).

Recording of the third conversation between L. I. Brezhnev and I. Broz Tito during his visit to Yugoslavia on September 22—25, 1966. Dobanica. September 24, 1966. RGAN. F. 80. Op. 1. D. 926. L. 150—166. (In Russ.).

The Soviet Union in the struggle for disarmament: Collection of documents. (1977). Moscow: Politizdat Publ. 280 p. (In Russ.).

The Vltava Exercises, 1966 — *Documents and materials on the joint Vltava exercises of the Warsaw Pact member states on the territory of the Czechoslovak Republic in September 1966. Statement by the Commander—in-Chief of the Joint Armed Forces of the Warsaw Pact Member States, Marshal of the Soviet Union A. A. Grechko, made to journalists in a letter in connection with the Vltava exercises on September 22, 1966. Krasnaya Zvezda newspaper. September 23, 1966.* (In Russ.).

References

Balakin, V. S., Lu Xiaoying. (2015). Soviet-Chinese relations of the 1960s — 1980s. In the perspective of discursology. *Discursology: methodology, theory, practice, 9:* 376—385. (In Russ.).

Balakin, V. S., Lu Xiaoying. (2023). The PRC of the USSR in the 1960s and 1980s: from confrontation to equal cooperation. *Bulletin of the South Ural State University. Series: social and humanitarian sciences, 16 (1):* 11—15. (In Russ.).

Barsky, K. M. (2023). On the formation of a modern Chinese diplomatic school. *Russian Sinology, 1 (2):* 100—116. DOI: 10.48647/ICCA.2023.71.25.005. (In Russ.).

Belchenko, A. S., Novoselova, M. G. (2020). China's reaction to the efforts of Soviet diplomacy to resolve the Taiwan issue in 1949—1985. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: The History of Russia, 19 (2):* 418—437. DOI: https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-2-418-437. (In Russ.).

Borisov, O. B., Koloskov, B. T. (1977). *Soviet-Chinese relations. 1945—1977.* Moscow: Mysl Publ. 582 p. (In Russ.).

Dobrovolsky, L. V., Nogmova, A. Sh. (2022). The emergence, evolution and current state of Russian-Chinese foreign trade relations. *Problems of the post-Soviet space, 9 (4):* 408—422. DOI: 10.24975/2313-8920-2022-9-4-408-422. (In Russ.).

Egorov, V. G., Stoll, V. V. (2019). Historical and cultural foundations of Russian-Chinese cooperation. *International life, 12:* 118—129. (In Russ.).

Egorova, N. I. (2016). *"People's diplomacy" of the nuclear age: the movement of supporters of peace and the problem of disarmament, 1955—1965.* Moscow: IVI RAS; Aquilon. 320 p. ISBN 978-5-906578-19-8. (In Russ.).

Lüthi Lorenz, M. (2008). *The Sino-Soviet Split: Cold War in the Communist World.* Princeton: Princeton University Press. 400 p. ISBN 978-0-691-12838-3.

Macdonald, D. J. (1995—1996). Communist Bloc Expansion in the Early Cold War: Challenging Realism, Refuting Revisionism. *International Security, 20* (3): 152—188. DOI: https://doi.org/10.2307/2539142.

Mao Zedong. (2010). *The Little Red Book.* Moscow: Eksmo: Algorithm. 444 p. ISBN 978-5-699-40623-4. (In Russ.).

Mastny, V., Byrne, M. (eds.). (2005). A *Cardboard Castle? An Inside History of the Warsaw Pact, 1955—1991.* New York: Central European University Press. 783 p. ISBN 9789637326073.

Naryshkin, A. A. (2021). The role of foreign missions in the economic diplomacy of the Soviet Union. *Bulletin of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. Russia and the world, 2 (28):* 155—163. (In Russ.).

Naryshkin, A. A. (2023). Alternative economic relations in the context of sanctions. *Modern Europe, 5 (119):* 96—104. DOI: 10.31857/S020170832305008X. (In Russ.).

Naryshkin, A. A., Naryshkina, A. A. (2025). Digitalization of healthcare in the BRICS+ countries. *Modern Europe, 1 (129):* 136—149. DOI: 10.31857/S0201708325010115. (In Russ.).

Prokhorova, A. A. (2016). On the classification of multilateral international associations. *Bulletin of the Moscow University. Episode 12: Political Science, 1:* 21—37. (In Russ.).

Shapiro, L., Goodman, J. (1968). Communist Bloc. *The American Jewish Year Book, 69:* 188—197.

Stoll, V. V., Zadokhin, A. G. (2020). The Cold War: origins, legacy and alternatives to the cognitive aspect. *The Observer, 2 (361):* 5—24. (In Russ.).

Vorobyev, S. V., Krutko, A. A., Naryshkin, A. A. (2023). Historical prerequisites and prospects for the formation of a Large Eurasian Partnership. *Human capital, 7* (175): 11—20. DOI: 10.25629/HC.2023.07.01. (In Russ.).

Westad, O. A. (2017). *The Cold War: A World History.* New York: Basic Books. 720 p.

The article was submitted 01.11.2025;
approved after reviewing 21.01.2026;
accepted for publication 31.01.2026.

CC BY

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Исмаилзаде С. Д. Этнополитическая структура и региональное влияние Первого Болгарского царства / С. Д. Исмаилзаде // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 2. — С. 375—400. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-375-400.

Ismailzade S. J. (2026). Formation of Ethnopolitical Identity in Early Medieval Bulgaria. *Nauchnyi dialog, 15* (2): 375-400. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-375-400. (In Russ.).

Clarivate Web of Science Scopus Q1 DOAJ ERIHPLUS eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Этнополитическая структура и региональное влияние Первого Болгарского царства

Исмаилзаде Саида Джафар гызы
orcid.org/0000-0002-2877-8944
доктор философии по истории, доцент,
кафедра всеобщей истории
saida.ismailzade@mail.ru

Гянджинский
государственный университет
(Гянджа, Азербайджан)

Formation of Ethnopolitical Identity in Early Medieval Bulgaria

Saida J. Ismailzade
orcid.org/0000-0002-2877-8944
Doctor of Philosophy in History,
Associate Professor,
Department of General History
saida.ismailzade@mail.ru

Ganja State University
(Ganja, Azerbaijan)

© Исмаилзаде Саида Джафар гызы, 2026

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья вносит вклад в изучение военно-политической истории Болгарии. Цель исследования заключается в реконструкции этнополитической модели Дунайской Болгарии и выявлении механизмов формирования политической элиты, процессов этнической интеграции и роли болгаро-славянского союза в региональной консолидации Балканского пространства. Источниковую базу составляют византийские и восточнохристианские хроники, археологические материалы, а также труды болгарских, российских, турецких и западноевропейских исследователей. Используются сравнительно-исторический, источниковедческий, структурный и хронологический методы. Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного анализа механизмов взаимодействия тюркской протоболгарской правящей элиты и славянского населения, интеграция которых стала основой формирования устойчивой модели раннегосударственной организации и надэтнической политической идентичности. В результате исследования установлено, что тюркская правящая элита выполняла функцию интеграционного ядра, обеспечив формирование эффективной системы власти и создав предпосылки для постепенной славянизации и трансформации этнополитической структуры государства. Научная новизна работы состоит в интерпретации Первого Болгарского царства как многоуровневой этнополитической системы, анализируемой с учётом различных историографических традиций и сопоставления письменных источников.

Ключевые слова:
Первое Болгарское царство; этнополитика; болгаро-славянские отношения; правящая элита; этническая интеграция.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article contributes to the study of military-political history in Bulgaria by reconstructing the ethno-political model of Danubian Bulgaria and identifying mechanisms for forming political elites, processes of ethnic integration, as well as the role of the Bulgarian-Slavic alliance in regional consolidation on the Balkan Peninsula. Source materials include Byzantine and Eastern Christian chronicles, archaeological findings, and works by Bulgarian, Russian, Turkish, and Western European scholars. Comparative-historical, source-critical, structural, and chronological methods are employed. The relevance of this research lies in its necessity for a comprehensive analysis of interaction between Turkic proto-Bulgarian ruling elite and Slavic populations whose integration formed the basis for stable early state organization and supra-ethnic political identity. It is demonstrated that the Turkic ruling class functioned as an integrative core, establishing effective governance systems and creating conditions for gradual Slavization and transformation of the state's ethnopolitical structure. The scientific novelty of this work consists in interpreting First Bulgarian Empire as a multi-level ethno-political system analyzed with consideration given to diverse historiographical traditions and comparison of written sources.

Key words:
The First Bulgarian Empire; ethnopolitics; Bulgarian-Slavic relations; ruling elite; ethnic integration.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94(497.2)“681/1018”
DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-375-400

Научная специальность ВАК
5.6.2. Всеобщая история
5.6.7. История международных отношений и внешней политики

Этнополитическая структура и региональное влияние Первого Болгарского царства

© Исмаилзаде Саида Джафар гызы, 2026

1. Введение = Introduction

В раннем Средневековье Юго-Восточная Европа представляла собой пространство интенсивных политических и этнических трансформаций, находившееся в зоне пересечения интересов крупных держав и кочевых объединений, прежде всего Византийской империи и Хазарского каганата. Процессы миграции, военного противостояния и межэтнического взаимодействия, разворачивавшиеся в регионе в VII—XI веках, существенно повлияли на формирование новых политических структур и моделей раннегосударственной организации. В этом контексте становление и развитие Первого Болгарского царства выступает одним из ключевых факторов трансформации этнополитического пространства Балкан.

Особенностью Болгарского государства являлось сочетание военно-политического доминирования правящей элиты и сложной многоэтнической структуры населения, сформировавшейся в результате длительного взаимодействия протоболгар тюркского происхождения со славянскими племенами и другими региональными группами. Болгарская элита, опиравшаяся на кочевые традиции власти и военной организации, была вынуждена адаптировать эти институты к условиям оседлого многоэтничного общества, разрабатывая механизмы интеграции, перераспределения власти и согласования интересов различных этнических компонентов. Данные процессы определяли не только внутреннюю устойчивость государства, но и его место в системе международных отношений средневековой Европы.

В историографии XIX—XX веков исследовательский интерес был сосредоточен преимущественно на военно-политической истории Болгарии, её противостоянии с Византией, дипломатических стратегиях болгарских

CC BY

правителей и территориальной экспансии. Значительное внимание уделялось деятельности Аспаруха, Крума, Омуртага и Симеона I, однако этнополитическое измерение болгарской государственности — структура власти, формы интеграции славянского населения, трансформация правящей элиты — рассматривалось фрагментарно и, как правило, вне рамок целостного анализа.

Современная историография представлена рядом конкурирующих подходов к проблеме происхождения болгар и определению характера болгаро-славянского союза. Одни исследователи акцентируют внимание на тюркском происхождении правящей элиты и её роли в формировании государственной традиции, другие подчёркивают доминирующее значение славянского элемента в развитии культуры, языка и христианской идентичности. При этом комплексные исследования, рассматривающие Первое Болгарское царство как многоэтничную этнополитическую систему с внутренней динамикой власти и интеграции, по-прежнему остаются ограниченными, что обусловливает актуальность настоящего исследования.

Актуальность настоящего исследования определяется тем, что процесс формирования и укрепления Первого Болгарского царства во многом предопределил конфигурацию этнополитического пространства не только собственно болгарских земель, но и всего Балканского региона. Именно в рамках данного государственного образования сложились долговременные направления славянизации и христианизации, сформировались устойчивые модели сосуществования и взаимодействия тюркского и славянского населения, а также были заложены основы государственности, оказавшие влияние на формирование идентичности последующих балканских народов.

Средневековые нарративные источники фиксируют не только военные успехи болгарских правителей, но и способность правящей элиты мобилизовывать различные социальные и этнические группы и использовать межэтнические ресурсы в целях укрепления власти. Так, якобитский патриарх Михаил Сириец, описывая события 811 года, подчёркивает масштаб мобилизации населения Болгарии и отмечает, что хан Крум «собрал большое войско, вооружив не только мужчин, но и женщин и крестьян, и устроил засады в горных проходах, уничтожив отступающее византийское войско; сам император Никифор был убит» [Michel le Syrien, 1901]. Схожая картина представлена и в византийской традиции: патриарх Никифор акцентирует внимание на полном разгроме византийской армии и символическом использовании Крумом черепа императора в качестве трофейной

CC BY

чаши, что подчёркивает не только военный, но и идеологический аспект победы [Nikephoros, 1990].

Вместе с тем целый ряд ключевых вопросов, связанных с культурной ассимиляцией протоболгар в среде местного населения, трансформацией правящей элиты и её адаптацией к оседлому образу жизни, а также эволюцией этнической структуры в условиях постепенной славянизации, остаётся дискуссионным. Недостаточно изучены механизмы включения славянских племён в систему власти, степень сохранения ими политической и социальной автономии, а также особенности сосуществования различных правовых и культурных традиций внутри Болгарского царства. Указанные обстоятельства обусловливают необходимость обращения к этнополитическому измерению истории Болгарии и требуют уточнения роли болгаро-славянского союза в процессах региональной консолидации.

Научная проблема настоящего исследования заключается в том, что при наличии обширной историографии по военно-политической истории Болгарии сравнительно немного работ, в которых Первое Болгарское царство рассматривалось бы как целостная этнополитическая система с внутренней динамикой власти и интеграции. Недостаточно задействован потенциал сопоставительного анализа письменных источников и современной научной литературы для реконструкции механизмов межэтнического взаимодействия, перераспределения власти и культурной трансмиссии в болгарском обществе. Восполнение данного исследовательского пробела и составляет основное содержание предлагаемой работы.

Объектом исследования выступает Первое Болгарское царство как раннесредневековое государственное образование на Балканах. Предметом исследования являются этнополитические механизмы его формирования, структура взаимоотношений между тюркоязычной болгарской правящей элитой, славянским населением и другими этническими группами, а также влияние этих процессов на региональную систему власти и культурную конфигурацию Юго-Восточной Европы.

Основная цель статьи заключается в комплексном анализе этнополитической роли Первого Болгарского царства в формировании и трансформации политического пространства Балканского региона в раннем Средневековье. Для достижения поставленной цели в работе предполагается решение следующих исследовательских задач:

— охарактеризовать этнополитическую ситуацию в Юго-Восточной Европе в период становления Болгарского государства;

CC BY

— проследить миграционные процессы тюркских племён и формы их политической организации на пути к Дунайскому рубежу;

— выявить роль славянского населения в системе власти и механизмах этнополитической интеграции Болгарского царства;

— проанализировать трансформацию правящей элиты в контексте внешнеполитических взаимодействий с Византией и соседними державами;

— реконструировать этническую структуру Болгарского царства на основе данных письменных источников и современных историографических исследований.

Научная новизна работы состоит в интерпретации Первого Болгарского царства как многоуровневой этнополитической системы, в рамках которой тюркоязычная правящая элита выступала не только в качестве военной и административной силы, но и как интеграционное ядро, обеспечившее включение славянского населения в общегосударственные структуры. Комплексный подход, основанный на сопоставлении византийских и восточнохристианских нарративных источников с выводами современной болгарской, российской, турецкой и западноевропейской историографии, позволяет уточнить характер межэтнических взаимодействий и по-новому оценить вклад Болгарского царства в формирование историко-культурного пространства Юго-Восточной Европы.

2. Материалы, методы = Methods & Material

Материальной основой исследования является корпус письменных источников VIII—XI веков, прежде всего византийские и восточнохристианские хроники, отражающие как внутренние процессы в Болгарском царстве, так и его взаимодействие с соседними государствами. Ключевое место среди них занимает «Краткая история» патриарха Никифора, в которой подробно освещаются события правления императора Никифора I и его противостояние с ханом Крумом, включая поход 81 года и разгром византийской армии в горных проходах [Nikephoros, 1990, p. 146—147]. Существенным нарративным источником является также «Хронография» Феофана Исповедника, фиксирующая ход византийско-болгарских войн и особенности политического взаимодействия империи с северными соседями [Theophanes, the Confessor, 1997, с. 495—496]. Дополнительные сведения о масштабах и восприятии болгарской экспансии содержатся в хронике якобитского патриарха Михаила Сирийца, который подчёркивает мобилизацию различных социальных слоёв болгарского общества, включая женщин и крестьян, в критические периоды противостояния с Византией

CC BY

[Michel le Syrien, 1901, t. II].Наряду с византийскими и сирийскими источниками в работе привлекаются данные других средневековых свидетельств и компиляций, позволяющие уточнить этнический состав болгарского населения, ареалы расселения и характер взаимодействия болгар с соседними кочевыми и оседлыми народами.

Методологическую основу исследования составляет комплексный подход, сочетающий источниковедческий, сравнительно-исторический и структурный методы анализа. Источниковедческий анализ направлен на выявление специфики византийской и восточнохристианской традиции, а также на оценку степени их идеологической обусловленности и возможной предвзятости при описании болгарских правителей и военных конфликтов. Сравнительно-исторический метод используется для сопоставления свидетельств различных авторов о ключевых событиях (формирование Болгарского государства на Дунае, правление Крума, укрепление Болгарского царства в эпоху Симеона I), а также для сравнения болгарской модели государственности с другими раннесредневековыми формами политической организации. Структурный подход позволяет рассматривать Первое Болгарское царство как целостную этнополитическую систему, в рамках которой взаимодействуют тюркоязычная правящая элита, славянское большинство и другие этнические группы региона.

Обзор современной научной литературы опирается на труды болгарской, российской, турецкой и западноевропейской историографии, в рамках которых проблема становления Болгарского государства рассматривается с различных методологических и концептуальных позиций. Фундаментальное значение для анализа политической эволюции Болгарии сохраняют исследования В. Н. Златарского, проследившего путь от хунно-болгарского компонента к формированию Дунайской Болгарии и её превращению в одно из ведущих православных государств региона [Златарски, 1970, с. 319—320]. Подход Златарского, основанный на сочетании письменных источников и историко-политической реконструкции, заложил основу для последующих интерпретаций болгарской государственности.

Классическим трудом западноевропейской историографии остаётся монография С. Рансимена, посвящённая политической истории Первого Болгарского царства и его противостоянию с Византией. Вместе с тем используемая Рансименом терминология и его концепция «болгарской империи» отражают уровень историографического знания первой трети XX века и требуют критического переосмысления с учётом более поздних

CC BY

исследований, уточнивших статус и характер болгарской государственности [Runciman, 1930, с. 147—149].

Существенный вклад в изучение происхождения и ранней истории булгар внесли работы А. Рона-Таша, акцентирующего внимание на связях протоболгар с гуннскими и другими кочевыми объединениями, а также на проблеме локализации державы Кубрата [Róna-Tas, 2000, p. 1—22]. Его исследования позволяют рассматривать болгарскую государственность в широком контексте евразийских степных империй и миграционных процессов раннего Средневековья.

Турецкая историография представлена трудами С. Ахметбеёглу, посвящёнными анализу «Списка болгарских ханов» и выявлению тюркского характера правящей династии Болгарии [Ahmetbeyoğlu, 1994, с. 2; Ahmetbeyoğlu, 2007, S. 36—42], а также исследованиями О. Каратая, рассматривающего болгар в контексте тюркской этногенетической традиции и миграционных процессов раннего Средневековья [Karatay, 2013, p. 259]. Эти работы подчёркивают преемственность политических и культурных элементов болгарской элиты по отношению к более ранним степным образованиям.

Среди российских и западных исследователей, анализировавших проблематику степных народов и балканской политики, следует отметить труды Д. Данлопа, посвящённые хазаро-болгарским и более широким степным взаимодействиям Восточной Европы [Dunlop, 1954, p. 113—114], а также исследования по византийской истории, в которых Болгария рассматривается как один из ключевых факторов трансформации политической карты региона [Ostrogorsky, 1969].

Таким образом, привлекаемые материалы и методы ориентированы на соединение анализа нарративных источников с достижениями современной историографии, что позволяет рассматривать Первое Болгарское царство не только в контексте политической истории, но и как сложную этнополитическую систему, в рамках которой тюркоязычная элита и славянское население формировали общую модель государственности и идентичности Балканского региона в раннем Средневековье.

3. Результаты и обсуждение = Results and discussion

3.1. Этнополитическая роль Первого Болгарского царства в формировании региональной структуры Юго-Восточной Европы

Результаты анализа раннего этапа болгарской истории свидетельствуют о том, что после распада Западно-Гуннского государства булгары не утратили политической субъектности, а, напротив, сумели сохранить эле-

CC BY

менты государственно-династической преемственности. Под предводительством Ирнека, младшего сына Аттилы, булгарские объединения вновь заявили о себе как самостоятельный политический фактор. Исследование Али Ахметбеёглу, посвящённое «Списку ханов булгар» (*Hakanlar Listesi*), показывает, что фиксация продолжительности правлений через двенадцатилетний цикл тюркской системы летоисчисления отражает устойчивое следование древнетюркской традиции власти и подчёркивает преемственность булгарской правящей династии по отношению к гуннскому политическому наследию [Ahmetbeyoğlu, 1994, с. 2]. Данный факт подтверждает тюркское происхождение правящей элиты и сохранение ею культурно-политической идентичности в процессе миграций.

Одновременно другая часть булгарских племён в VII веке сформировала государство в северокавказском и причерноморском регионе, тесно связанное с именем хана Кубрата. По данным Али Ахметбеёглу, первоначальное ядро Великой Болгарии располагалось на Северном Кавказе, однако в дальнейшем её влияние распространилось на территории бассейнов Дона и Днепра [Ahmetbeyoğlu, 2007, с. 36—38].

После смерти Кубрата в период между 650 и 665 годами государство вступило в фазу дезинтеграции. Отсутствие сильного централизующего преемника и разделение власти между его сыновьями привели к распаду политического единства и дальнейшим миграциям булгарского населения [Ahmetbeyoğlu, 2007]. Византийская традиция подробно фиксирует данный процесс: патриарх Никифор сообщает, что Кубрат завещал своим сыновьям сохранять единство, однако они нарушили этот завет. Старший сын Батбаян остался на родной земле, Котраг пересёк Дон, другие братья направились в Паннонию и Италию, тогда как Аспарух, достигнув нижнего Дуная, основал новое политическое ядро [Nikephoros, 1990, с. 145].

Переселение Аспаруха и формирование Дунайской Болгарии стали ключевым этапом трансформации болгарской государственности. Новое государство возникло в зоне постоянного соперничества между Византией и кочевыми объединениями, что потребовало адаптации традиционных тюркских механизмов власти к балканским условиям. Именно эта государственная модель стала основой последующего развития болгарской государственности и этнополитической идентичности региона.

Схожие сведения о распаде Великой Болгарии приводит и Феофан Исповедник в своей «Хронографии». Он подчёркивает, что Кубрат «настоятельно советовал своим сыновьям не разделяться и не становиться под власть чужеземцев», однако вскоре после его смерти политическое единство было утрачено: «Старший Батбаян остался на родной земле, Ко-

CC BY

траг пересёк Дон, один из братьев ушёл к Дунаю, другой — в Паннонию, один — в Пентаполь, а Аспарух, достигнув местности, называемой Онглос, укрепился там» [Theophanes, the Confessor, 1997, с. 466—467]. Отсутствие в источниках сведений о длительных и устойчивых правлениях сыновей Кубрата свидетельствует о том, что между его смертью и окончательным распадом Великой Болгарии прошло сравнительно немного времени, а сама политическая структура государства отличалась высокой степенью нестабильности. В историографии обоснованно высказывается мнение о смерти Кубрата около 665 года, что согласуется с хронологией последующих миграций булгар.

Сопоставление данных тюркологических реконструкций (О. Каратай, А. Ахметбеёглу, с. Г. Кляшторный, А. Караев) с выводами болгарской и российской медиевистики позволяет уточнить характер раннеболгарской государственности. Классический труд В. Н. Златарского показывает, что распад Великой Болгарии и переселение части булгар на Дунай были не только следствием династического кризиса, но и этапом более длительного процесса этнополитической консолидации праболгар и славян на Балканах [Златарски, 1970, с. 319—320]. Д. Ангелов, анализируя формирование болгарской народности, связывает роль Дунайской Болгарии с возникновением нового типа этнополитического организма, в рамках которого тюркская правящая элита и славянское большинство образовали устойчивую общественно-политическую систему [Ангелов, 1971]. Просопографические исследования Й. Андреева подчёркивают преемственность власти от Кубрата к Аспаруху и адаптацию ханской власти к балканскому пространству [Андреев, 1988], тогда как работы Г. Г. Литаврина по истории византийско-болгарских отношений демонстрируют, что уже в VIII—IX веках Болгария выступала как самостоятельный центр силы, сопоставимый с Византией и другими участниками региональной политической системы [Литаврин, 1960, с. 431—437].

В совокупности эти данные позволяют рассматривать Первое Болгарское царство не как случайный продукт распада кочевой державы, а как результат осознанной стратегии переноса и сохранения тюркской политической традиции в новой геополитической зоне, ставшей одним из ключевых факторов формирования этнополитической конфигурации Юго-Восточной Европы [Runciman, 1930, с. 35—41].

3.2. Роль болгарских ханов в развитии Первого Болгарского царства

Результаты исследования показывают, что роль болгарских ханов в период становления и укрепления Первого Болгарского царства но-

CC BY

сила не только персональный, но и институциональный характер. Личность правителя, структура правящей династии и механизмы передачи власти определяли устойчивость раннеболгарской государственности и специфику её этнополитического развития. Центральным источником для реконструкции хронологии и продолжительности правлений болгарских ханов остаётся «Именник болгарских ханов», который, несмотря на фрагментарность и текстологические сложности, отражает важные элементы тюркской политической традиции [Златарски, 1970, с. 319—320].

Анализ данных Именника выявляет существенные расхождения в сведениях о длительности правлений отдельных ханов, прежде всего Аспаруха. Указание на 61 год его правления трудно согласуется с датой смерти Аспаруха (701 год), предполагаемым временем кончины Кубрата и хронологией правления византийского императора Констанса II (641—668).

С учётом кочевых традиций власти представляется обоснованным предположение, что Аспарух ещё при жизни Кубрата мог командовать самостоятельным военным контингентом и выступать как автономный политический актор. В данном контексте 61 год «правления» Аспаруха может интерпретироваться как символическое обозначение длительности его политической и военной деятельности, начиная с периода возможного вступления в командование войском в 620—630-е годы и завершая его смертью в начале VIII века. Такой подход согласуется с выводами болгарских исследователей, рассматривающих деятельность Аспаруха как процесс постепенного превращения военного лидера в основателя новой династической линии на Дунае [Андреев, 1988, с. 62—72].

Современная историография предлагает различные интерпретации маршрута и характера миграции болгар к Дунайскому рубежу. Часть исследователей допускает временную остановку болгарских групп в Буджаке перед окончательным закреплением в нижнедунайском регионе, тогда как другие подчёркивают почти непосредственный выход болгар в дунайскую зону. В хазарских источниках и в хронике сирийского патриарха Михаила болгары описываются как крупное политическое объединение, вытесненное хазарами из прежних владений и отступившее в сторону Дуная. Эти свидетельства имеют принципиальное значение для реконструкции военной стратегии Аспаруха и его окружения, поскольку указывают на организованный, а не стихийный характер переселения.

CC BY

Болгарская историография, прежде всего труды В. Н. Златарского и Д. Ангелова, интерпретирует данные источников как подтверждение того, что миграция болгар носила целенаправленный стратегический характер и была связана с попыткой закрепиться в регионе, где можно было эффективно использовать противоречия между Византией и кочевыми объединениями степи [Златарски, 1970, с. 319—320; Ангелов, 1971, с. 196—242]. Такой подход позволяет рассматривать переселение не как бегство от хазарского давления, а как осознанный выбор геополитического пространства.

Армянские географические сочинения, а также византийские и восточные хроники фиксируют столкновения болгар с аварами и хазарами на пути к Дунаю, подчёркивая сложный и многосторонний характер степной политики VII века. Особое значение в этом контексте имела борьба с аварами, победы над которыми способствовали укреплению позиций болгар и расширению их политического влияния в византийском направлении. Военные успехи болгар под руководством Аспаруха в конце 670-х годов стали поворотным моментом в процессе институционализации новой государственности. После прибытия болгар в район Буджака в 679 году и серии успешных походов против византийских войск империя была вынуждена признать существование болгарского политического образования. Заключение договора, сопровождавшееся выплатой дани, закрепило этнополитический статус Болгарии и стало одним из ранних примеров международно-правового признания новой силы Константинополем [Ангелов, 1971, с. 196—242; Литаврин, 1960, с. 431—437].

В дальнейшем болгары окончательно обосновались южнее Дуная, основали столицу в Плиске и сформировали устойчивое государство, непосредственно граничившее с византийскими владениями. Тем самым роль ранних болгарских ханов — от Кубрата до Аспаруха — проявилась не только в военных победах, но и в способности использовать кризисы степных и имперских структур для создания самостоятельного центра силы на Балканах. В этом контексте фигура Аспаруха предстает не просто как военачальник, покинувший зону хазарского влияния, но как архитектор новой политической конфигурации, в рамках которой тюркская правящая традиция была перенесена в иное геополитическое пространство и адаптирована к условиям дунайского пограничья [Андреев, 1988, с. 62—72; Литаврин, 1960].

Несмотря на фрагментарность источников, данные византийской традиции позволяют реконструировать ключевые политические эпизоды эпо-

хи Аспаруха. Известно, что во время правления императора Юстиниана II Византия разорвала договор с болгарами и прекратила выплату дани, что привело к резкому обострению отношений. Однако болгары сумели нанести византийскому войску сокрушительное поражение, устроив засаду в горном проходе во время его возвращения из похода на Фессалоники. Этот эпизод окончательно закрепил болгарское присутствие в нижнедунайском регионе и показал, что Болгария стала долговременным фактором политической географии Балкан.

Таким образом, сопоставление сведений «Именника болгарских ханов», византийских и восточных хроник с болгарскими и российскими историографическими реконструкциями показывает, что роль ранних болгарских ханов значительно шире простой династической хроники. Аспарух и его ближайшие предшественники выступают как ключевые агенты трансформации кочевого политического наследия в устойчивую территориальную государственность на Балканах. Современные исследования подчёркивают стратегический характер выбора дунайского региона, использование противоречий между Византией, аварами и хазарами, а также институционализацию власти через договоры и систему дани [Златарски, 1970, с. 319—320; Ангелов, 1971, с. 196—242]. Это позволяет трактовать Первое Болгарское царство как результат целенаправленной династической политики, а не как случайный продукт распада степных объединений.

3.3. Внутренние потрясения и дипломатическое маневрирование в эпоху нестабильности

Дальнейшее развитие Первого Болгарского царства происходило в условиях усложнения внешнеполитической обстановки и нарастания внутренних противоречий. После периода относительной стабилизации, связанного с деятельностью Аспаруха и Тервела, Болгария вступила в фазу политической нестабильности, обусловленной борьбой за власть внутри правящей элиты и активным вмешательством Византии.

Правление Винека (756—761) в историографии рассматривается как показатель данного кризиса. Усиление борьбы за власть и обострение противоречий среди знати привели к ослаблению центральной власти и росту зависимости от внешнеполитических факторов. Византия стремилась использовать внутриполитическую нестабильность Болгарии, поддерживая выгодные ей группировки и усиливая своё влияние на болгарскую элиту. Болгарская и российская медиевистика подчёркивают, что именно в этот период проявилась необходимость трансформации ханской власти из преимущественно военного института в более устойчивую политическую

CC BY

структуру, способную обеспечивать преемственность и внутреннюю консолидацию государства.

Правление Телца (761—764) стало попыткой восстановления ослабленного болгарского авторитета в условиях внутриполитического кризиса. Происходивший из влиятельного рода Угайн, Телец сделал ставку на активную внешнюю политику и военное давление на Византию, стремясь компенсировать внутреннюю нестабильность внешними успехами. Однако поражение, нанесённое болгарам императором Константином V, а также казнь многочисленных пленников в Константинополе не только подорвали престиж правителя, но и резко усилили недовольство среди болгарской знати. В болгарской и российской византиноведческой историографии данный эпизод рассматривается как наглядное свидетельство того, что наступательная стратегия в условиях отсутствия внутреннего консенсуса приводила к углублению кризиса легитимности и ускоряла смену власти.

Краткое правление Савина (764), зятя Кормисоша и представителя прежней династической линии, было связано с попыткой стабилизации ситуации посредством мирного урегулирования отношений с Византией. Однако отсутствие согласия внутри элиты привело к тому, что мирные инициативы были восприняты значительной частью знати как признак слабости и уступок империи. В результате Савин был свергнут и вынужден искать убежища на византийской территории. Данный эпизод демонстрирует, что в условиях неустойчивой политической системы даже дипломатический курс мог восприниматься как угроза традиционной модели власти и статусу правящей группы.

В последующий период власть перешла к правителю, который в источниках характеризуется противоречиво: патриарх Никифор называет его «язычником», тогда как Феофан Исповедник упоминает его под именем Баян. Независимо от идентификации, данный хан также предпринял попытку нормализации отношений с Византией, однако внезапное византийское нападение лишило Болгарию шанса на краткосрочную стабилизацию. Византийские хронисты интерпретировали эти события как проявление слабости болгарских правителей, тогда как современная историография подчёркивает их структурный характер, связывая кризис с конкуренцией родовых группировок и отсутствием институционализированных механизмов преемственности власти.

Правление Телерига (ок. 768—777) стало попыткой активного противодействия византийскому вмешательству. Согласно хроникам, он сумел разоблачить византийскую агентурную сеть, выманив у императора

CC BY

сведения о шпионах и казнив их. Этот шаг привёл к резкому обострению отношений с Константинополем, но одновременно укрепил позиции Телерига внутри Болгарии. Однако после смерти Константина V хан оказался лишён прежнего политического контекста и был вынужден искать убежища в Византии, где принял христианство и вошёл в византийскую аристократию. Данный эпизод наглядно иллюстрирует степень взаимопроникновения элит двух государств и показывает, как судьба болгарских правителей могла становиться элементом византийской политической стратегии.

Кардам (после 777 — до 802), пришедший к власти после Телерига, сосредоточился на стабилизации внутренней ситуации и укреплении обороноспособности государства. В 791 году он избежал решающего сражения с византийскими войсками в Македонии, применив тактику выжидания и вынудив противника отступить. В 792 году Кардам нанёс византийцам поражение и потребовал восстановления выплаты дани, что свидетельствует о восстановлении болгарских переговорных позиций. Параллельно он начал экспансию в северные районы, воспользовавшись распадом Аварского каганата. В этом контексте уточнение А. Рона-Таша о локализации ядра державы Кубрата преимущественно в бассейне Днепра позволяет точнее оценить территориальное и политическое наследие, с которым пришлось иметь дело правителям конца VIII — начала IX веков, прежде всего в вопросах контроля над Придунайскими землями [Róna-Tas, 2000, p. 11].

В 796 году, столкнувшись с новой угрозой со стороны императора Константина VI, Кардам вновь избежал открытого столкновения и тактически вынудил византийские войска отступить. В болгарской и российской историографии этот период рассматривается как переход от затяжной политической нестабильности к относительной консолидации, создавшей предпосылки для реформ Крума и дальнейшей централизации власти.

Правление Крума (с 802 года) открыло новый этап в истории Болгарии, связанный с институциональными реформами, территориальной экспансией и формированием правовой системы, что будет рассмотрено в следующем разделе. Наивысшего политического и культурного расцвета Болгария достигла при Симеоне I (893—927). Победа над венграми в 895 году и последующее принуждение Византии к выплате дани позволили Симеону сосредоточиться на внутреннем укреплении государства и культурной политике. Превратив Преслав в центр славянской письменности и богословия, он способствовал формированию Болгарии как альтернативного

центра православного мира. Как подчёркивают болгарская и западноевропейская историография, Симеон воспринимал себя не просто как болгарского правителя, но как «царя болгар и ромеев», фактически претендуя на византийское политическое и символическое наследие [Златарски, 1970, с. 319—320; Runciman, 1930, с. 147—149].

Таким образом, сопоставление данных византийских хроник с реконструкциями болгарской и российской медиевистики позволяет заключить, что внутренняя нестабильность и дипломатическое маневрирование представляли собой не случайную череду кризисов, а механизм адаптации раннеболгарской государственности к изменяющемуся политическому пространству Балкан. В динамике от Винека и Телца к Кардаму и Круму прослеживается постепенный переход от ситуативных реакций на внешнее давление к более последовательной стратегии, основанной на сочетании военной силы и договорной практики. Эксперименты с различными моделями поведения — от конфронтационного курса до попыток мирного урегулирования — привели к формированию политической линии, в которой дипломатия с Византией, управление родовой знатью и контроль приграничных территорий стали взаимосвязанными элементами единой стратегии [Златарски, 1970, с. 319—320; Ангелов, 1971, с. 196—242; Литаврин, 1960, с. 431—437; Runciman, 1930, с. 147—149]. Следовательно, эпоха «внутренних потрясений» может быть интерпретирована не только как период ослабления, но и как фаза институционального созревания Первого Болгарского царства, подготовившая почву для системных преобразований при Круме и последующего подъёма в эпоху Симеона.

3.4. Реформы Крума и территориальная экспансия

С восшествием на престол в 802 году хан Крум инициировал курс на территориальную экспансию и внутреннюю консолидацию власти. Одним из ключевых направлений его политики стала ликвидация остаточных структур Аварского каганата, что позволило Болгарии расширить северо-западные границы и укрепить контроль над районами Среднего Дуная. Расширение территории увеличило стратегическую глубину государства и существенно расширило ресурсную базу, создав предпосылки для формирования более устойчивой системы пограничной обороны и административного контроля над новыми землями.

Параллельно Крум расширял влияние на запад и юго-запад, усиливая позиции Болгарии во Фракии, Мёзии и части Македонии. Его кампании против Византии в начале IX века носили системный характер: они были направлены не только на захват территорий, но и на подрыв византийской военной и хозяйственной инфраструктуры в приграничных зонах. В бол-

CC BY

гарской и российской историографии подчёркивается, что при Круме Болгария окончательно превращается в один из ключевых факторов балканской политики, а военные успехи создают базу для последующих конфессиональных и культурных преобразований при Борисе I и Симеоне I [Златарски, 1970, с. 319—320].

Кульминацией раннего этапа противостояния стала кампания 811 года Император Никифор I, вторгшись в болгарские земли и разорив Плиску, при отходе оказался в крайне уязвимом положении. Византийская армия была окружена в горных проходах и подверглась разгрому; сам император погиб. Феофан Исповедник фиксирует данный эпизод как одно из наиболее тяжёлых поражений Византии в войнах с Болгарией и отмечает, что череп Никифора был превращён в трофейную чашу, ставшую устойчивым символом победы [Theophanes, the Confessor, 1997, с. 495—496]. Указанное событие резко усилило политический авторитет Крума и оказало долговременное психологическое воздействие на византийскую элиту, изменив баланс сил на Балканах.

После военных успехов Крум приступил к реформам, направленным на укрепление центральной власти и этнополитическую консолидацию многоэтничного населения. В историографии отмечается, что при нём усиливается централизованное управление войском и формируются более устойчивые механизмы мобилизации ресурсов. Существенным элементом институционального строительства стала кодификация правовых норм: в источниках фиксируются законы, регулирующие вопросы собственности, наказания за кражи и ложные доносы, меры по обеспечению безопасности путников и защите социально уязвимых групп. Принципиально важно, что данные нормы были ориентированы на ограничение злоупотреблений со стороны местной знати и усиление роли верховной власти как арбитра в конфликтах между общинами и родовыми группами [Златарски, 1970, с. 319—320].

Правовые меры сопровождались политикой дисциплины и контроля: в историографической традиции Крум нередко описывается как правитель, стремившийся соединить жёсткость наказаний с обеспечением порядка и безопасности. Параллельно укреплялась оборонительная инфраструктура на западных и южных рубежах: расширялись фортификационные линии, создавались опорные пункты и системы снабжения, что повышало управляемость периферийных территорий и устойчивость государства перед внешним давлением.

Дипломатическая линия Крума охватывала как степные политические силы, так и контакты с франками и группами, связанными с быв-

CC BY

шей аварской знатью, а также отдельные каналы взаимодействия внутри византийского политического пространства. Это расширяло возможности Болгарии маневрировать между центрами силы и использовать их противоречия в собственных интересах. В результате сочетание военных побед, правовой унификации и гибкой дипломатии превратило Болгарию времён Крума в одно из наиболее влиятельных государств региона и создало предпосылки для дальнейшей этнополитической интеграции, а также для усиления славянского и христианского компонентов при его преемниках.

Таким образом, сопоставление сведений византийских хроник о походах Крума с данными болгарской и российской историографии показывает, что его деятельность выходит за рамки образа исключительно военного лидера. Военные кампании против Византии и ликвидация Аварского каганата были частью более широкой стратегии, в которой территориальная экспансия сочеталась с институциональным строительством и правовой унификацией [Там же]. Реформы Крума можно интерпретировать как попытку адаптировать степную модель власти к формату раннефеодальной монархии с более чётким административным центром, контролем над пограничными зонами и нормативно закреплёнными социальными обязанностями. Следовательно, эпоха Крума представляет собой ключевой рубеж, на котором Болгария окончательно формируется как структурированный территориально-политический организм, сопоставимый по уровню организации с Византией и другими крупными державами региона.

3.5. Этнический состав Болгарии и политика интеграции

Болгарское государство эпохи Крума представляло собой типичное для раннесредневековых Балкан многоэтничное образование. Его население включало протоболгар тюркского происхождения, многочисленные славянские племена, а также остатки фракийского субстрата, греков и отдельных аварских групп. Как подчёркивается в болгарской и российской историографии, именно многоэтничность и необходимость выработки устойчивого баланса между военной протоболгарской элитой и славянским большинством во многом определяли специфику болгарской государственности IX века [Златарски, 1970, с. 319—320; Ostrogorsky, 1969, с. 213—215].

Для обеспечения внутренней стабильности правящая элита проводила последовательную политику этнополитической интеграции. Протоболгары сохраняли доминирующее положение в военной и административной иерархии, однако славянские общины постепенно вовлекались в систему

CC BY

управления и вооружённые силы. Этот процесс отражал переход от племенной конфедерации к более сложной раннегосударственной структуре, в которой принадлежность к политическому организму начинала играть большую роль, чем этническое происхождение.

Особенно интенсивные интеграционные процессы фиксируются в районах с высокой плотностью населения — прежде всего в долинах Дуная и Марицы. В этих зонах формировались смешанные поселения и общины, где элементы протоболгарской военной традиции сочетались со славянскими формами общинного самоуправления и заимствованными византийскими административными практиками. По наблюдению А. Рона-Таша, именно такие гибридные структуры обеспечивали устойчивость власти на местах и способствовали постепенному формированию надэтнической политической идентичности [Róna-Tas, 2000, p. 11].

На локальном уровне складывались формы совместного управления, в которых представители разных этнических групп участвовали в принятии решений. Это снижало риск открытых конфликтов и создавало основу для трансформации этнической мозаики в более целостное политическое сообщество. В результате этничность постепенно утрачивает статус основного маркера социальной принадлежности, уступая место лояльности к Болгарскому царству как единому политическому пространству.

Таким образом, анализ этнической структуры и интеграционной политики Болгарии времён Крума показывает, что многоэтничность не являлась фактором дестабилизации. Напротив, сочетание протоболгарской военной организации, славянских общинных традиций и византийских административных элементов создало фундамент устойчивого политического организма, способного противостоять как внешнему давлению, так и внутренним кризисам [Златарски, 1970, с. 319—320; Ostrogorsky, 1969, с. 213—215; Róna-Tas, 2000, p. 11; Ahmetbeyoğlu, 2021]. В историографии всё чаще подчёркивается, что именно в IX веке закладывается модель «надэтнического» болгарского государства, предвосхищающая процессы формирования многонациональных монархий средневековой Европы.

3.6. Славянизация и христианизация: идеологическая трансформация

Оставаясь язычником, Крум осознавал значение идеологического и культурного единства для устойчивости власти. Процессы славянизации в этот период носили постепенный и во многом осознанный политический характер. Они выражались в учёте языка, обычаев и социальной структуры славянского населения, официальном использовании славянской речи

CC BY

на локальном уровне управления, расширении участия славян в военной службе и продвижении представителей славянской знати в административный аппарат.

К концу правления Крума славяне перестают восприниматься исключительно как подчинённая масса и всё в большей степени рассматриваются как одна из опор государственности, вовлечённая в функционирование её ключевых институтов. По наблюдению В. Н. Златарского, именно в этот период складываются основы нового политического союза между болгарской правящей элитой и славянским большинством населения, что выразилось в перераспределении административных функций и расширении социальной базы власти [Златарски, 1970]. В данном контексте славянизация выступала не только как культурно-языковой процесс, но и как инструмент легитимации ханской власти.

Христианизация в эпоху Крума ещё не приобрела официального характера, однако её предпосылки уже были очевидны. В болгарском обществе присутствовали византийские пленники — монахи, епископы и миссионеры, способствовавшие распространению христианских представлений. В пограничных с Византией районах, особенно на юге и юго-западе Болгарии, фиксируются локальные очаги христианского влияния, затрагивавшие как население, так и представителей элиты.

Эти процессы получат институциональное завершение при князе Борисе I, однако их политическая и идеологическая основа была заложена именно в эпоху Крума. Военные успехи, правовые реформы и централизация власти создали образ сильного и структурированного государства, способного интегрировать новую религиозную систему без утраты политической устойчивости. Тем самым славянизация и ранние формы христианизации следует рассматривать как элементы единой трансформации, направленной на формирование надплеменной болгарской идентичности и включение Болгарского царства в общеевропейское христианское пространство.

Хазарский каганат, как восточный сосед Болгарии и один из ключевых геополитических акторов степной зоны, демонстрирует, каким образом религиозная политика могла использоваться в качестве инструмента внешней репрезентации и внутренней легитимации. По наблюдению Д. Данлопа, хазарская элита формировала сложную модель политико-религиозной идентичности, сочетающую различные конфессиональные элементы, что позволяло каганату маневрировать между христианским и мусульманским мирами. В этом контексте особое значение имела сеть опорных пунктов и коммуникационных узлов, включая крепость Саркел на Дону, заложенную

CC BY

в середине IX века и выполнявшую функции контроля над стратегическим направлением и торговыми потоками [Dunlop, 1954, с. 113—114]. Хотя Болгария и Хазария развивались в различных конфессиональных траекториях, само существование рядом государства с выраженной моделью «сакрализованной» власти усиливало актуальность для Болгарии выработки собственной идеологической рамки, способной повышать внутреннюю сплочённость и укреплять престиж правящей власти. В этом смысле внешнеполитическое соперничество и контактность степного пространства косвенно стимулировали поиск Болгарией механизмов религиозно-символической унификации, что впоследствии облегчило институционализацию христианства при князе Борисе I.

3.7. Природа болгаро-славянского союза: между равенством и доминированием

Взаимодействие болгар и славян в период становления Первого Болгарского царства в историографии трактуется неоднозначно. Условно можно выделить два полюса интерпретаций, различия между которыми прослеживаются в западноевропейской, болгарской и российской научных традициях.

Согласно первой позиции, болгаро-славянский союз на раннем этапе носил относительно договорный и частично равноправный характер. В пользу этого подхода приводятся аргументы о сохранении славянскими племенами заметной автономии, собственных форм управления и участия племенных элит в региональной политике. Подчёркивается, что в VII—VIII веках болгарская власть располагала ограниченными ресурсами для прямого подчинения многочисленного славянского населения и поэтому опиралась на гибкие политико-этнические механизмы, допускавшие договорные отношения с местными структурами. Косвенными индикаторами такой модели выступают устойчивость славянской топонимики, упоминания славянских вождей в нарративных источниках и данные о значимой роли славянских контингентов в обороне приграничья [Róna-Tas, 2000, p. 11].

Противоположный исследовательский полюс акцентирует структурное доминирование протоболгар, прежде всего правящего тюркского военного слоя. В рамках этой интерпретации славянский компонент рассматривается как преимущественно подчинённый, хотя и функционально важный: славяне включались в военную организацию и административные практики, но при сохранении контролирующей роли протоболгарской элиты. Дж. Острогорский, отмечая более централизованный характер болгарской организации, подчеркивает, что именно протоболгары задавали институ-

CC BY

циональные параметры власти и навязывали политико-административную модель, внутри которой славяне играли значимую, но вторичную роль [Ostrogorsky, 1969, с. 213—215].

Болгарская медиевистика (В. Н. Златарский и последующие авторы) чаще занимает промежуточную позицию: признавая стартовое доминирование протоболгарской верхушки, она одновременно подчеркивает, что долгосрочная устойчивость государства стала возможной лишь при постепенном включении славянской знати в управление и при формировании общих политико-идеологических ориентиров. В такой логике болгаро-славянский союз выступает не статичной моделью «равенства» или «подчинения», а динамичным процессом, где соотношение доминирования и партнерства менялось под влиянием военной обстановки, внутридинастической борьбы и давления внешних сил — прежде всего Византии и Хазарии [Златарски, 1970; Róna-Tas, 2000, p. 1—22].

Для Византии союз болгар и славян представлял одновременно угрозу и объект политического воздействия. Он воспринимался как прагматическая, но потенциально нестабильная конструкция, подверженная внутренним трениям и внешнему вмешательству. Именно поэтому византийская политика нередко стремилась использовать противоречия между болгарской элитой и славянскими группами, что дополнительно подчёркивает многослойность и изменчивость данного союза.

Таким образом, сопоставление процессов славянизации и ранних форм христианизации с эволюцией болгаро-славянского союза показывает, что идеологическая трансформация Болгарского царства определялась не только внешним воздействием Византии, но и внутренней потребностью в устойчивой модели многоэтничной государственности. Славянизация расширяла социальную базу власти, превращая славянское большинство в активного участника политико-военных институтов, тогда как постепенное усиление христианского влияния открывало дополнительные ресурсы символической легитимации и включения в общехристианское пространство. В совокупности это позволяет интерпретировать эпоху Крума и его преемников как этап идеологической перестройки, в ходе которой военно-племенная конструкция протоболгарской власти эволюционировала в более сложную раннесредневековую государственную систему с надэтнической политической идентичностью.

4. Заключение = Conclusions

История Первого Болгарского царства представляет собой один из ключевых примеров этнополитической трансформации Юго-Восточной

CC BY

Европы раннего Средневековья, в рамках которой кочевая традиция власти была перенесена и адаптирована к иным геополитическим, демографическим и культурным условиям. Прослеженный в настоящем исследовании путь — от миграции группы Аспаруха к дунайскому рубежу до военно-политической консолидации и институциональных реформ эпохи Крума — позволяет утверждать, что Болгария развивалась не как периферийное образование византийского мира, а как самостоятельный и устойчивый субъект региональной политики, оказывавший долговременное структурное воздействие на баланс сил на Балканах.

Проведённый анализ показывает, что раннеболгарская государственность формировалась как многоуровневая этнополитическая система, в которой взаимодействие протоболгарской военно-политической элиты и славянского большинства определяло характер власти, механизмы интеграции и степень устойчивости политического организма. В этой связи процессы славянизации и последующей христианизации не могут быть интерпретированы как утрата или «растворение» болгарской идентичности. Напротив, они выступали формой её трансформации, в ходе которой складывалась новая надэтническая политическая общность, основанная на лояльности государству, включённости в его институциональные структуры и признании центральной власти как арбитра межэтнических и социально-политических отношений.

Сопоставление данных византийских и восточных нарративных источников с результатами современной болгарской, российской и западноевропейской историографии позволяет уточнить место Болгарии в системе международных отношений раннего Средневековья. Болгарское царство выступало не только как военная сила, но и как политический актор, активно использовавший дипломатические инструменты, договорную практику и правовые механизмы для закрепления своего статуса. В этом контексте внутренняя нестабильность VII—VIII веков предстает не как признак слабости, а как фаза институционального созревания, в ходе которой вырабатывались формы управления, обеспечившие последующую централизацию и подъём государства.

Научная новизна работы заключается в концептуальном смещении исследовательского фокуса с описания отдельных военно-политических событий на анализ этнополитических механизмов формирования болгарской государственности. Первое Болгарское царство рассматривается как результат длительного процесса трансформации многоэтничного союза в устойчивое территориально-политическое образование, в котором тюркская правящая традиция не исчезла, а была адаптирована к балканскому

пространству и встроена в региональную систему власти. Уточняется роль болгаро-славянского взаимодействия в формировании надэтнической идентичности и показывается, что идеологические сдвиги, включая предпосылки христианизации, являлись не только следствием внешнего византийского влияния, но и инструментом внутренней консолидации и легитимации власти.

Полученные выводы позволяют рассматривать Первое Болгарское царство как одну из наиболее успешных моделей синтеза степной политической традиции и балканской государственности в раннесредневековой Европе. Тем самым болгарский опыт демонстрирует универсальный механизм этнополитической адаптации кочевых элит в условиях перехода к территориально организованным формам власти, что придаёт исследованию более широкий сравнительно-исторический и теоретический потенциал.

Перспективы дальнейшего изучения данной проблематики связаны с расширением источниковедческого анализа за счёт привлечения эпиграфических и археологических комплексов, а также с применением сравнительных и цифровых методов, включая ГИС-реконструкции миграционных траекторий и этнополитических границ VII—X веков. Такой подход позволит углубить понимание механизмов формирования раннесредневековых государств и уточнить место Болгарии в истории политических трансформаций Евразии.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. Michel le Syrien — *Chronique* de Michel le Syrien, patriarche jacobite d'Antioche (1166-1199) / trad. J.-B. Chabot. — Paris : Ernest Leroux, 1901. — T. II. — 529 p.

2. Nikephoros — *Short* History / ed. and transl. by C. Mango. — Washington, D.C. : Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1990. — 264 p.

3. Theophanes Confessor — *Chronographia* / ed. and transl. by C. Mango, R. Scott. — Oxford : Clarendon Press, 1997. — 754 p.

Литература

1. *Андреев Й.* Българските ханове и царе (VII—XIV век) / Й. Андреев. — София : Изд-во на БАН, 1988. — 214 с.

2. *Ангелов Д.* Образуване на българската народност / Д. Ангелов. — София : Наука и изкуство, 1971. — 415 с.

3. *Златарски В.* История на българската държава през средните векове / В. Златарски. — София : Наука и изкуство, 1970. — Т. 1. — 681 с.

4. *Литаврин Г. Г.* Болгария и Византия в XI—XII вв. / Г. Г. Литаврин. — Москва : Издательство АН СССР, 1960. — 472 с.

5. *Ahmetbeyoğlu A.* Bulgar hakanlar listesi / A. Ahmetbeyoğlu // Tarih Enstitüsü Dergisi. — 1994. — № 14. — Pp. 1—8.

6. *Ahmetbeyoğlu A.* Kubrat Han ve Büyük Bulgar Devleti'nin kuruluşu / A. Ahmetbeyoğlu // Karadeniz Araştırmaları. — 2007. — № 13. — Pp. 35—42.

7. *Ahmetbeyoğlu A.* 718—803 yılları arasında Tuna Bulgar Devleti / A. Ahmetbeyoğlu // ETÜT Dergisi. — 2021. — № 8. — Pp. 45—59.

8. *Dunlop D. M.* The History of the Jewish Khazars / D. M. Dunlop. — Princeton : Princeton University Press, 1954. — 293 p.

9. *Karatay O.* Türklerin kökeni / O. Karatay. — Ankara : Kripto Yayınları, 2013. — 480 p.

10. *Ostrogorsky G.* History of the Byzantine State / G. Ostrogorsky. — New Brunswick, N.J. : Rutgers University Press, 1969. — 624 p.

11. *Róna-Tas A.* Where was Khuvrat's Bulgharia? / A. Róna-Tas // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. — 2000. — Vol. 53, No. 1/2. — Pp. 1—22.

12. *Runciman S.* A History of the First Bulgarian Empire / S. Runciman. — London : G. Bell & Sons, 1930. — 337 p.

Статья поступила в редакцию 20.06.2025,
одобрена после рецензирования 24.01.2026,
подготовлена к публикации 24.02.2026.

Material resources

Michel le Syrien — *Chronique de Michel le Syrien, patriarche jacobite d'Antioche (1166-1199), II.* (1901). Paris: Ernest Leroux. 529 p.

Nikephoros — *Short History.* (1990). Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection. 264 p.

Theophanes, the Confessor — *Chronographia.* (1997). Oxford: Clarendon Press. 754 p.

References

Ahmetbeyoğlu, A. (1994). Bulgar hakanlar listesi. *Tarih Enstitüsü Dergisi, 14:* 1—8. (In Turkish).

Ahmetbeyoğlu, A. (2007). Kubrat Han ve Büyük Bulgar Devleti'nin kuruluşu. *Karadeniz Araştırmaları, 13:* 35—42. (In Turkish).

Ahmetbeyoğlu, A. (2021). 718—803 yılları arasında Tuna Bulgar Devleti. *ETÜT Dergisi, 8:* 45—59. (In Turkish).

Andreev, J. (1988). *Bulgarian Khan and Kings (VII—XIV century).* Sofia: Publishing house on the BAN. 214 p. (In Russ.).

Angelov, D. (1971). *Formation of the Bulgarian people.* Sofia: Science and Art. 415 p. (In Russ.).

Dunlop, D. M. (1954). *The History of the Jewish Khazars.* Princeton: Princeton University Press. 293 p.

Karatay, O. (2013). *Türklerin kökeni.* Ankara: Kripto Yayınları. 480 p. (In Turkish).

Litavrin, G. G. (1960). *Bulgaria and Byzantium in XI—XII.* Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 472 p. (In Russ.).

Ostrogorsky, G. (1969). *History of the Byzantine State.* History of the Byzantine State / G. Ostrogorsky. New Brunswick, N.J. : Rutgers University Press. 624 p.

Róna-Tas, A. (2000). Where was Khuvrat's Bulgharia? *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae, 53*(1/2): 1—22.

Runciman, S. (1930). *A History of the First Bulgarian Empire.* London: G. Bell & Sons. 337 p.

Zlatarski, V. (1970). *History of the Bulgarian state in the Middle Ages, 1.* Sofia: Science and Art. 681 p. (In Russ.).

The article was submitted 20.06.2025;
approved after reviewing 24.01.2026;
accepted for publication 24.02.2026.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]
Check for updates

Информация для цитирования:

Кокорина Ю. Г. Проблема нейтралитета Норвегии в Зимней войне СССР и Финляндии (по материалам газеты «Arbeiderbladet») / Ю. Г. Кокорина, М. М. Вагабов // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 2. — С. 401—420. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-401-420.

Kokorina, Yu. G., Vagabov, M. M. (2026). Norway's Neutrality in Winter War between Soviet Union and Finland as Reflected in "Arbeiderbladet". *Nauchnyi dialog, 15* (2): 401-420. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-401-420. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Проблема нейтралитета Норвегии в Зимней войне СССР и Финляндии (по материалам газеты «Arbeiderbladet»)

Кокорина Юлия Георгиевна
orcid.org/0000-0002-2496-3958
доктор филологических наук,
кандидат исторических наук,
профессор кафедры
«Гуманитарные дисциплины»,
корреспондирующий автор
kokorina@inbox.ru

Вагабов Махач Мустафаевич
orcid.org/0000-0002-6949-9490
доктор исторических наук,
профессор кафедры
«Гуманитарные дисциплины»
9162803@mail.ru

Московский
политехнический университет
(Москва, Россия)

Norway's Neutrality in Winter War between Soviet Union and Finland as Reflected in "Arbeiderbladet"

Yulia G. Kokorina
orcid.org/0000-0002-2496-3958
Doctor of Philology,
PhD in History, Professor,
Department of Humanities,
corresponding author
kokorina@inbox.ru

Makhach M. Vagabov
orcid.org/0000-0002-6949-9490
Doctor of History, Professor,
Department of Humanities
9162803@mail.ru

Moscow Polytechnic University
(Moscow, Russia)

© Кокорина Ю. Г., Вагабов М. М., 2026

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Выявляются особенности отражения событий Советско-финской войны в норвежской прессе в ракурсе оценки заявлений Норвегии о нейтралитете в Зимней войне (30 ноября 1939 года — 12 марта 1940). Проанализировано 74 единицы материала — публикаций в газете «Arbeiderbladet», органе Норвежской рабочей партии, за 1940 год. Установлено, что задачей норвежской прессы было формирование негативного образа советской стороны и позитивного — финской. Подчеркивается, что советская сторона обвиняется газетой в срыве переговоров об Аландских островах, уничтожении гражданских объектов и культурных ценностей, гибели мирных жителей, тогда как финны изображены пострадавшей стороной. Установлено, что, по сообщениям в прессе, в Норвегии проводился сбор средств в пользу Финляндии, организовывались поставки в Финляндию квалифицированной рабочей силы, осуществлялось формирование военных частей добровольцев, создавались медицинские центры для лечения финских солдат. Доказано, что все эти действия идут вразрез с официально заявленной политикой нейтралитета. Сделан вывод о том, что, несмотря на официальные заявления правительства Норвегии, газета правящей партии была рупором политики, слабо ассоциирующейся с нейтральной.

Ключевые слова:
история Норвегии; история России; норвежская пресса; Советско-финская война; Вторая мировая война.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study examines how events of the Soviet-Finnish conflict were portrayed by Norwegian media with a focus on evaluating Norway's claims to neutrality during the Winter War (November 30, 1939—March 12, 1940). The analysis is based on seventy-four articles from "Arbeiderbladet," the official organ of the Norwegian Labour Party, published throughout 1940. It demonstrates that Norwegian press coverage aimed at constructing a negative image of the Soviet side while presenting Finland positively. The newspaper consistently accused the Soviets of undermining negotiations regarding the Åland Islands, destroying civilian infrastructure and cultural heritage, and causing casualties among non-combatants. In contrast, Finns are depicted as victims. Additionally, it was found that Norway organized fundraising campaigns for Finland, supplied skilled labor, formed volunteer military units, and established medical facilities for treating Finnish soldiers. These actions contradict Norway's declared policy of neutrality. Ultimately, this research concludes that despite government statements affirming neutrality, the ruling party's newspaper served as an instrument for policies inconsistent with true neutrality.

Key words:
History of Norway; history of Russia; Norwegian press; Soviet-Finnish War; World War II.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94(47).084.6+94(481).083+94(480)“1939/1940”
DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-401-420

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история
5.6.2. Всеобщая история
5.6.7. История международных отношений и внешней политики

Проблема нейтралитета Норвегии в Зимней войне СССР и Финляндии (по материалам газеты «Arbeiderbladet»)

© Кокорина Ю. Г., Вагабов М. М., 2026

1. Введение = Introduction

Северный вектор играет все большую роль в российской политике [Зуев, 2006; Васецкий и др., 2010]. Выстраиванию отношений со странами, находящимися у северо-западных границ, российское и советское руководство уделяет и уделяло значительное внимание [Жуков, 2008]. Одним из соседей современной России в арктическом регионе является Норвегия. Экономическое сотрудничество и культурные контакты Российской Федерации с Норвегией до последних лет активно развивались [Кривун, 2008, с. 28]. Одним из факторов, влияющих на характер взаимоотношений двух стран, является общественное мнение. Определяющий вклад в его формирование вносят средства массовой информации, которые не случайно в современной публицистике называют «четвертой властью». Уяснение специфики формирования общественного мнения Норвегии, страны-соседа современной России, по поводу политики Советского Союза у своих северо-западных границ и, в частности, Советско-финской войны представляется в свете вышеизложенного актуальным. В ходе Советско-финской войны Норвегия формально заявила о своем нейтралитете, о чем неоднократно сообщал ее министр иностранных дел Х. Кут. Исследователь советско-норвежских отношений А. О. Подоплёкин на основе анализа архивных материалов указывает на двойственность политики норвежского правительства [Подоплёкин, 2006, с. 46]. В связи с этим встает проблема выявления реальной позиции нейтралитета Норвегии в Зимней войне, рассмотрение которой мы проводим на материале норвежской прессы. Именно обращение к норвежской прессе позволит, на наш взгляд, ответить на вопрос о том, насколько последовательной была политика норвежского нейтралитета, и выявить факты, подтверждающие или опровергающие официальную точку зрения.

CC BY

Новизну данного исследования определяет введение в научный оборот исторического источника, практически не известного российскому читателю: публикаций норвежской прессы, в частности газеты «Arbeiderbladet» («Арбейдербладет») за 1940 год. Подробно данный источник будет охарактеризован далее, здесь же необходимо отметить, что норвежская пресса, в частности, социал-демократического направления, относительно редко становится источником для изучения истории советско-норвежских отношений. Кроме того, новизну данной работе придает ракурс изучения особенностей формирования общественного мнения Норвегии в контексте истории внешней политики страны и общего характера отношений Норвегии и СССР в годы, предшествовавшие началу Великой Отечественной войны. Вводом в научный оборот нового, по крайней мере, для российского читателя, исторического источника обусловлено обилие цитат из него, что, на наш взгляд, позволяет не только понять, но и прочувствовать политическую атмосферу той эпохи.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом для данного исследования послужили, как указано выше, публикации в норвежской газете «Arbeiderbladet» («Рабочая газета») (здесь и далее перевод наш. — *Ю. К., М. В.*) за январь, февраль и март 1940 года. Нами изучены 26 январских, 25 февральских и 23 мартовских номеров издания, в общей сложности — 74 номера, из которых методом сплошной выборки извлечены статьи, посвященные Советско-финской (Зимней) войне. Газета «Арбейдербладет» основана в 1884 году, является ежедневным изданием — печатным органом Норвежской рабочей партии, которая в рассматриваемый период была правящей в стране. Аудитория газеты — рабочие, мелкие крестьяне, служащие, рыбаки, часть интеллигенции [Михайлов, 2003, с. 28], что определило характер и тональность подачи материала. Газета выходила в Осло, являлась ежедневной. Объем издания колебался от десяти до шестнадцати страниц. Структура разделов газеты и внимание, уделяемое тем или иным темам, обусловлены, с одной стороны, спецификой целевой аудитории, с другой — являются отражением общих особенностей, присущих норвежской прессе. Как отмечает С. А. Михайлов, «свободная норвежская пресса развивалась своими, не схожими с остальными странами, путями <…> прессы как таковой не существовало: были лишь разрозненные журналы, печатающие объявления, сплетни, поучительные истории и т. п. В известной степени это определялось тем, что во время датского господства Норвегия не имела собственного письменного языка: в качестве литературного использовался датский. Только последовавшие двадцать лет после принятия Конституции можно считать реальным началом развития прессы» [Михайлов, 2003, с. 30].

CC BY

Свойственные традициям норвежской журналистики черты отразились в структуре разделов «Рабочей газеты». Так, на первой полосе помещались статьи, посвященные важнейшим внутри- и внешнеполитическим событиям, а также анонсы главнейших новостей, продолжение которых публиковалось на второй странице. На третьей полосе размещались заметки к юбилеям важнейших деятелей политики и культуры Норвегии, а также статьи историко-философского содержания, на четвертой и пятой — комиксы, занимательные истории, информация из области культуры. Далее четыре или пять полос отводились спортивным известиям. Внимание к спорту является составляющей национальной идентичности норвежцев, как и обостренное внимание к экологическим проблемам [Скирбекк, 2027, с. 102]. История норвежской прессы, начинавшаяся с изданий, публикующих частные объявления, отразилась и в структуре «Рабочей газеты»: после спортивных новостей от четырех до шести полос отданы объявлениям. Последняя страница газеты посвящалась экономическим новостям и публикациям из сферы бизнеса. Статьи, связанные с Советско-финской войной, размещались на разных полосах газеты — от правительственных сообщений на первой странице до предложений по экономической поддержке Финляндии на последней.

Норвежская пресса времен Второй мировой войны нечасто становится предметом исследования российских авторов. Первая в советской историографии работа, посвященная периодической печати Норвегии, датируется 1967 годом. Она была посвящена коммунистическим изданиям страны [Барсуков, 1967]. Расширение круга тем и источников по изучению норвежской прессы приходится уже на постсоветский период. Норвежская пресса изучалась в этих работах в контексте истории прессы стран Скандинавского полуострова в целом. К таким работам относится цитировавшийся выше труд А. С. Михайлова [Михайлов, 2003] и работа Е. Л. Вартановой [Вартанова, 1997]. Основное внимание в работах названных ученых уделено процессам становления норвежской журналистики и ее современному состоянию, но прессе времен Второй мировой войны уделено относительно мало внимания. Эти же ракурсы исследования норвежской прессы — ее возникновение или современное состояние — анализируются в новейшей российской историографии [Сельницин, 2011; Сельницин, 2014; Топтунов, 2019]. В этих работах подчеркивается своеобразная черта норвежской прессы — ее локальность и сложность выделения общенациональных средств массовой информации [Михайлов, 2003, с. 38]. Теоретическим аспектам данной проблемы, изучаемым на материале прессы Норвегии и России, посвящена диссертация А. Н. Кудиновой [Кудинова, 2017]. Таким образом, норвежская пресса времен Второй мировой войны

остается малоизвестной российскому читателю, что подчеркивает новизну нашего исследования.

Исторический контекст рассматриваемой темы требует обращения к историографии, освещающей роль Норвегии во Второй мировой войне и отношения страны с Советским Союзом в указанный период. Позицию правительственных кругов Норвегии по отношению к Советско-финской войне на основании опубликованных источников изучил А. В. Репневский [Репневский, 2005]. Исследователь восстанавливает противоречивую картину действий политического истеблишмента Норвегии, лавировавшего между Германией, европейскими державами и СССР, и делает вывод о том, что «документы, пресса и историческая литература тех лет с очевидностью показывают, что норвежское общественное мнение почти однозначно оценивало советское наступление на Финляндию как агрессию, как несправедливую акцию» [Репневский, 2005, с. 21]. Позицию норвежской прессы ученый устанавливает по публикациям сообщений посла СССР в Норвегии Виктора Андреевича Плотникова.

Позицию Норвегии в Советско-финской войне затрагивают в своих трудах авторы, посвятившие свои работы истории страны в целом и ее участию во Второй мировой войне [Носков, 1973], а также особенностям внешней политики и советско-норвежских отношений в преддверии Великой Отечественной войны [Жуков, 2008; Подополёкин, 2006; Ристе, 2003]. Особую важность для раскрытия данной темы представляет сборник документов на норвежском и русском языках, содержащий сведения о двусторонних отношениях рассматриваемого периода [Советско-норвежские отношения ..., 1997]. В центре внимания большинства авторов названных работ — политика государственных элит Норвегии. Цель нашей работы — выделить основные темы и особенности представления Зимней войны и внешней политики СССР изданием, рассчитанным на широкие массы населения. Анализ специфики представления этих тем позволит решить вопрос о том, насколько реальным был норвежский нейтралитет.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Оценка «Рабочей газетой» событий на фронте Зимней войны

Характеризуя особенности изложения в официальной прессе Норвегии ситуации вокруг Советско-финской войны, мы концентрируем внимание именно на отражении их в «Arbeiderbladet» / «Рабочей газете». Ход войны тщательно рассмотрен в публикациях советских и российских ученых, в том числе и последних лет [105 дней ..., 2000; Семиряга, 1990].

В современной российской историографии политика правительства Норвегии в Советско-финской войне характеризуется как двойственная.

CC BY

«С одной стороны, следование принципам абсолютного нейтралитета и возможная реакция СССР требовали невмешательства в конфликт. С другой стороны, норвежское правительство испытывало давление таких факторов, как радикальные профиннские настроения общественности, соображения общескандинавской солидарности, настойчивые запросы Франции и Великобритании о транзите вооружений и открытые просьбы финнов об оказании военно-технической помощи» [Подополёкин, 2006, с. 46]. Двойственность политики Норвегии привела к тому, что полпред СССР вручил заявление 6 января в 3.00 пополуночи МИД Норвегии.

«Arbeiderbladet» публикует ноту Советского Правительства и ответ Правительства Норвегии, с комментариями о том, что в своей ноте СССР «среди конкретных претензий указаны случаи публикации призывов к участию Норвегии в войне против Советского Союза, размещение объявлений о сборе денег и оружия для отправки в Финляндию, распространение слухов о подготовке Норвегии к войне и другие нарушения принципов нейтралитета» [Koht om Sovjets ..., 1940, s. 2]. Уже в этих словах видна позиция норвежской прессы и ее отношение к событиям на Советско-финском фронте, а также реальная позиция правящих кругов, поскольку «Рабочая газета» была органом правящей партии.

Правительство Норвегии в ответном заявлении утверждало, что газеты «представляют частные мнения отдельных журналистов и организаций, а не официальную позицию государства» [Koht om Sovjets ..., 1940, s. 2]. В то же время «Arbeiderbladet» приводит леденящие душу подробности: «Военно-воздушные силы Советского Союза совершили масштабные удары по городам и деревням Финляндии, начиная с пятницы и продолжая вплоть до сегодняшнего дня. Зафиксирована гибель от 30 до 40 гражданских лиц, сотни раненых, сотни сожженных и разрушенных строений. Количество задействованных самолетов оценивается примерно в 400 единиц, действующих в группах по сотне аппаратов каждый» [Russerne skjøt på arbeidere ..., 1940, s. 1]. Нарисованная журналистом картина дополняется комментариями о том, что «характер и интенсивность нападений напоминает первые дни войны в конце ноября и декабре предыдущего года» [Ibid]. Эти слова подтверждают положение, высказанное в российской историографии, о нагнетании атмосферы страха в норвежском обществе [Репневский, 2005]. Тревожность эта связана со страхом возможной, как казалось властям Норвегии, оккупации Советским Союзом всего Скандинавского полуострова. Так, посланник Норвегии в Москве Э. Масенг докладывал своему правительству, что «экспансия на севере... может затронуть... побережье Северной Норвегии». Рядом с этой фразой он от руки дописал, что «... (Россия) заинтересована поставить под свой... контроль Сканди-

CC BY

навский полуостров...» [Подополёкин, 2017, с. 279—280]. Эти домыслы были следствием традиционной «русофобии» скандинавских политиков, что сказывалось и на тональности выступлений прессы.

Норвежская газета с удовлетворением отмечает успехи финских войск, называя их атаки «мощными», приведшими к большому количеству погибших и раненых среди советских солдат [Russke fortropper ..., 1940, s. 1]. Со ссылкой на итальянскую прессу, «Рабочая газета» сообщает о значительных потерях советской стороны: «Только за последний бой у них погибло около 70 солдат, а также потеряно более 100 винтовок и другого стрелкового оружия. Российские военные оставили свои позиции, отступив вглубь собственной территории» [Russerne tilbake ..., 1940, s. 1]. С восторгом описываются успехи финских летчиков, хотя цифры явно преувеличены: «Три финских пилота открыли огонь, в результате чего десять русских самолетов были сбиты, остальные два успели укрыться на советской территории» [Gjesdal, 1940, s. 13].

«Arbeiderbladet» в своих репортажах противопоставляет советскую и финскую стороны, явно отдавая предпочтение последней. По ее словам, советские летчики бомбят гражданские объекты, для живописания чего журналисты не жалеют слов: «Русские авиационные налеты до сих пор привели к гибели 377 мирных жителей и ранению около 900 человек среди гражданского населения. За время конфликта было сброшено более 20 тысяч бомб разного калибра, включая авиабомбы весом до 500 кг, торпеды и зажигательные снаряды, специально предназначенные для поражения мирного населения <…>. Русскими воздушными силами было совершено примерно 673 рейда, результатом которых стали массовые жертвы среди гражданского населения. Особенно трагическими оказались атаки на медицинские учреждения, дома престарелых и санатории. Например, во время новогодних праздников российские самолеты совершили налет на санитарный поезд, применив бомбы и пулеметный огонь. Всего от авиации погибло 377 человек, тяжело ранено — 323, легко пострадавших — 585.Среди использованных боеприпасов — термитные и напалмовые зажигательные бомбы, иногда снабжённые дополнительными взрывателями» [Russernes flyåtak ..., 1940, s. 15]. В то же время на страницах нрвежской газеты сообщалось, что финские ВВС атакуют только военные объекты. В описании удара финских ВВС по Кронштадту подчеркивалось, что «целью авиаудара стало уничтожение судов и складов снабжения, находящихся в непосредственной близости от морского порта. Согласно официальным источникам, финские самолеты сбросили серию бомб на корабли и транспортные колонны, движущиеся в сторону Ладожского озера. Сообщалось, что атака была успешной, в результате чего было уничтожено большое количество техники и вооружения противника» [Nytt finsk bombe ..., 1940, s. 16].

Комментируя последние события на фронте, газета изменяет тональность, говоря о том, что «российские войска достигли значительного прогресса, продвинувшись вперед на важных направлениях. Советские командиры отмечают успехи в боях близ Выборга и побережья Ладожского озера» [Større operasioner ..., 1940, s. 11]. В то же время очевидно сочувствие финнам, которые «оказались вынуждены отступать, теряя важные участки фронта. Число жертв растет с каждым днем, увеличивая тревожность как среди гражданских лиц, так и в правительственных кругах» [Ibid].

Таким образом, несмотря на официально объявленный нейтралитет страны, пресса Норвегии сочувственно относится к финской стороне и формирует у читателя страх перед «восточным соседом».

3.2. Образ СССР и советских людей на страницах «Арбейдербладет»

«Arbeiderbladet» в одном из январских номеров на первой полосе публикует фотографию разбитой техники и заснеженных человеческих трупов и сообщает, что «тысячи русских замерзли на фронте Салла. Невообразимая сцена открывается перед глазами: тела советских солдат лежат на земле, скованные морозом. Их ноги торчат вверх, словно статуи, застывшие во времени. Эта картина стала символом жестокости Зимней войны, которая разворачивалась в суровых условиях Лапландии. Отступление Красной армии после сокрушительного поражения под Суомуссалми привело к тому, что тысячи солдат остались замерзшими на снегу» [Tusener russiske soldater ..., 1940, s. 1]. При этом газета подчеркивает недооценку советскими командирами способности финнов воевать в экстремальных условиях, которые оказались роковыми. На исходе войны норвежские корреспонденты сообщают, что «российские солдаты буквально покрывают землю своими телами, образуя огромные насыпи трупов. Некоторые участки напоминают минные поля, настолько густо разбросаны тела погибших. Условия окружающей среды ухудшили положение раненых и оставшихся в живых бойцов. Холод и нехватка продовольствия создают дополнительные трудности для обеих сторон» [Fredsfølere den russisk-finske krigen ..., 1940, s. 1].

Издание дважды (в номере от 15 января и 04 марта 1940 года) публикует одну и ту же фотографию изможденного и заросшего красноармейца, жадно грызущего сухарь. Демонстрируя показное сочувствие, газета отмечает, что «русский рабочий класс, в отличие от финского, не имеет ни профессиональных союзов, ни прав голоса и печати. Вместо этого существует лишь государственный аппарат и пародия на профсоюз, действующая аналогично фашистским организациям. Отсутствие политических свобод оставляет трудящихся без защиты и гарантий. Поэтому финны готовы встать на защиту своих интересов и единства нации» [Die finske arbeidere, 1940, s. 2].

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Корреспондент «Арбейдербладет» помещает обширную статью, в которой описывает силу Красной Армии, жестокость русских солдат и приводит сообщения финской стороны о возможной «шпионской угрозе» для Норвегии со стороны советских разведчиков, использовавших сеть радиопередатчиков, что позволило им «установить как концентрацию войск, так и их транспортировку, и, что еще хуже, характер, протяженность и расположение финских зенитных установок» [Tusener russere ..., 1940, s. 13].

Рисуя устрашающий образ советской стороны, газета, информируя о поездке делегации норвежских профсоюзов в Финляндию, подчеркивает, что делегаты «увидели разрушения гражданских объектов, больниц, школ и жилых домов, которые пострадали от варварских бомбардировок. Каждый уголок страны затронут войной, дети, женщины и старики живут в постоянной опасности… целью становились маленькие деревни вдали от военных объектов» [Norsk og svensk arbeidskraft ..., 1940, s. 14].

«Арбейдербладет» публикует фрагменты из финской «сине-белой книги», где история взаимоотношений Финляндии и России представляется как череда военных конфликтов, в которых малая страна вынуждена была отстаивать свою независимость от притязаний «восточного соседа». «Советский Союз совершил акт агрессии против Финляндии, начав масштабную войну. Русский военный контингент превосходит численность финской армии численно и технически, однако финны проявляют удивительную стойкость и героизм, защищая свое право на существование. <…> Обстрелы жилых кварталов, госпиталей и школ свидетельствуют о жестокости, которую проявляют русские солдаты. Нарушение норм международного права вызывает возмущение мирового сообщества, что заставляет задуматься о дальнейшей судьбе региона» [Interessant dokumentasjon ..., 1940, s. 14].

Сообщения о бомбардировках советской авиацией мирных жителей и инфраструктуры призваны были вызвать возмущение у норвежского читателя и у мирового сообщества в целом: «Город Сортавала, расположенный недалеко от озера Ладога, практически стерт с лица земли в результате недавних воздушных налетов <…>. Подтверждается гибель примерно семидесяти мирных жителей, среди которых много женщин и детей. Целый ряд зданий оказался полностью разрушен, включая больницу и санитарный поезд, подвергшиеся прямым попаданиям авиабомб» [Foran russ ..., 1940, s. 16]. Описывая атаки советской авиации, норвежские журналисты приводят цифры и факты, должные порождать страх и возмущение читателя: «Финский город Выборг стал объектом массивных бомбардировок, проведённых силами Советского Союза... Среди пострадавших объектов оказалась городская школа, временно превращенная в госпиталь. <…>

Количество жертв среди гражданского населения достигает десятков человек. Пострадали преимущественно мирные жители, включая женщин и детей. Один из местных жителей поделился воспоминаниями о пережитом ужасе: “Мы видели, как бомбы падали прямо на наши головы, и ничего не могли сделать”» [500 bomber ..., 1940, s. 1].

Газетные заметки побуждали читателя ужаснуться не только гибели мирного населения, но и разрушению исторического достояния: «Uopoд Выборг подвергается мощным артиллерийским ударам <…> Многие исторические здания и культурные памятники серьезно пострадали или полностью уничтожены. Огонь ведется систематически, вызывая пожары и хаос среди населения» [Viborg ..., 1940, s. 1].

Описывая успехи советских войск в боях под Выборгом, газета продолжает усиливать атмосферу страха, уже не только у норвежского читателя, но и вообще у европейцев: «Захват Выборга позволит Красой армии значительно продвинуться вперед и создать благоприятные условия для наступления на запад <…> Некоторые аналитики утверждают, что попытка захвата Выборга связана с попыткой СССР продемонстрировать военную мощь Западу, особенно Великобритании и Франции» [Kampene, 1940, s. 2].

Таким образом, «Арбейдербладет» создает образ жестокого и бездарного советского командования, бросающего на смерть рядовых солдат, отдающего приказы о бомбардировке гражданских объектов и уничтожении культурных ценностей. Красноармейцы выглядят бездумными и кровожадными, бесправными и — в то же время — коварными, опасными противниками. Тем более в выгодном свете на этом фоне предстают финны.

3.3. Образ финнов на страницах «Рабочей газеты». Освещение вопросов организации помощи Финляндии

Газета апеллирует к чувствам своих читателей, среди которых большинство — простые норвежцы, поэтому говорит о финнах, что именно «рядовые граждане сомневаются в истинных мотивах Кремля» [Russerne skjøt ..., 1940, s. 1]. Газета публикует сообщения о сборе средств и помощи со стороны Норвегии финской стороне. Опять же, учитывая характер целевой аудитории, норвежские журналисты подчеркивают народный характер помощи: «Народ Норвегии демонстрирует солидарность и поддержку своему соседнему народу в трудные времена. Через многочисленные благотворительные акции и сборы средств граждане нашей страны стремятся облегчить ситуацию для народа Финляндии, столкнувшегося с тяжелыми испытаниями. Норвежцы активно участвуют в сборе денег и вещей первой необходимости, организуя сбор пожертвований по всей стране» [Raaen, 1940, s. 3]. В частности, подчеркивается инициатива норвежских рабочих перечислять средства, заработанные на своем рабочем месте в течение

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

одного часа, в фонд поддержки Финляндии [Norsk Folkehjelp, 1940, s. 4]. Сообщается и о правительственной поддержке соседней страны, народ которой называется «друзьями». Таким образом, претензии Советского Союза, высказанные в январской ноте, оказываются оправданными: помощь воюющей стране оказывается не только «частными лицами и организациями», но и на правительственном уровне.

Помощь оказывалась целенаправленно, норвежцы работали на благо финской экономики. При этом подчеркивается, что они участвуют в гражданском, а не военном, производстве Финляндии: оно «нуждается в квалифицированных работниках. Особая потребность в механиках, строителях, работниках лесного хозяйства и сельскохозяйственных специалистах. Профсоюзы Норвегии обсудят этот вопрос» [Norsk og svensk arbeidskraft ..., 1940, s. 14].

Помощь Норвегии, как и других западных стран, носила не только гуманитарный характер. «Под руководством иностранного командования в Финляндии продолжается формирование бригад добровольцев для участия в конфликте с Россией. Первый батальон сформирован полностью, готов отправиться на фронт в ближайшее время. Планируется сформировать ещё три батальона в ближайшие дни. Среди участников-добровольцев представители разных профессий и стран, включая латышей, эстонцев, литовцев, итальянцев, венгров, румын, французов и англичан. Добровольцы проходят усиленный тренинг, готовятся выдерживать суровую зиму и условия боевого конфликта» [Fremmed legion ..., 1940, s. 1].

Помощь Финляндии со стороны Норвегии изображается газетой как добровольное, гуманное предприятие. Организовывал ее НОРФОЛК (Norwegian Relief Committee). В качестве помощи финской стороне не только предоставлялись гуманитарные грузы, но и была развернута целая сеть медицинских центров и госпиталей в непосредственной близости от фронта: «Волонтеры подчеркивают, что основное предназначение акции — облегчить страдания мирного населения и показать, что мирные жители близлежащих регионов чувствуют ответственность за происходящее. Финны воспринимают подобную помощь как акт братства и солидарности, отражая общее стремление северных народов к миру и сотрудничеству» [16,000 kroner ..., 1940, s. 15].

С приближением к завершению войны норвежская газета, опять апеллируя к рядовому читателю, в выгодном свете преподносит позицию финского простого народа, который, по ее словам, «утверждает, что отсутствие прогресса, которого добилась русская армия, никак не оправдывает финские уступки, противоречащие национальной независимости» [Stemningen i Finnland ..., 1940, s. 1]. Газета противопоставляет ему Россию, которая «несмотря на значительные потери в людях и технике, выдвинула новые,

CC BY

более строгие требования к Финляндии. Вероятно, это встретит сильное противодействие, особенно среди армии, которая героически защищает независимость и свободу Финляндии» [Ibid]. По словам корреспондента, во время, когда советская делегация предъявляет жесткие требования к финскому правительству, касающиеся передачи территорий и компенсаций убытков, «финское правительство подчеркивает свое намерение сохранить независимость и территориальную целостность государства. Такая сложная политическая ситуация создаёт беспокойство среди населения, общественное мнение разделяется по вопросу возможных уступок» [Slitasjen krever sitt ..., 1940, s. 3].

Таким образом, норвежская пресса не только создавала благоприятный образ финнов, но и деятельно организовывала помощь финской стороне, притом не только гуманитарную, но и военную в лице добровольцев.

3.4. Оценка «Рабочей газетой» дипломатической истории Советско-финской войны

Тональность описания усилий дипломатов в годы Зимней войны отражает общую установку «Арбейдербладет». Так, газета обвиняет Москву в срыве переговоров о судьбе Аландских островов. Со ссылкой на информированные круги в Великобритании, она сообщает о требовании советской делегации разместить военно-морскую базу на Аландских островах, и о том, что это привело к провалу переговоров. Продолжая нагнетать атмосферу страха перед СССР, издание утверждало, что Советская сторона настаивала на включении балтийских стран в потенциальный договор, предлагала запрет отдельным странам заключать сепаратные соглашения и выдвигала требования по созданию баз в Финском заливе и Рижском море. По мнению журналиста, советское руководство продолжало затягивать переговоры, очевидно стремясь выиграть время и подготовиться к «альтернативному решению» [Russlaand forlangte ..., 1940, c. 14].

Норвежские профсоюзы направили свою делегацию в Финляндию, о поездке которой «Рабочая газета» опубликовала подробный отчет. Члены делегации встретились с маршалом Маннергеймом, который «подтвердил свое уважение к демократии и выразил удовлетворение уровнем единства финского народа. Он высоко оценил вклад профсоюзов и общественных организаций в защиту свободы Финляндии. Признал, однако, необходимость срочной международной помощи, подчеркнув, что без нее невозможно долго поддерживать обороноспособность страны» [Norsk og svensk arbeidskraft ..., 1940, s. 14]. В этом сообщении примечательны указание на «демократию» как противоположность советскому «тоталитаризму» и призыв к «международной помощи» как фактору прекращения военных действий.

CC BY

«Рабочая газета» опубликовала речь Уинстона Черчилля, в то время — министра финансов Великобритании. Риторика Черчилля была направлена на «консолидацию демократических государств Европы перед угрозой агрессии со стороны Советского Союза и нацистской Германии. Черчилль выразил глубокую обеспокоенность положением малых европейских народов, оказавшихся под давлением тоталитарных режимов. Министр призвал Великобританию усилить военную подготовку и подготовиться к возможному участию в конфликтах на стороне демократических ценностей» [Churchill tale, 1940, s. 3]. Издание, комментируя речь Гитлера, отмечает «угрозу распространения большевизма» как истинную причину страха европейских держав, прикрывавшуюся разговорами о «германском общественном мнении», которое видело «в Финляндии символ борьбы за европейские ценности и стремление сохранить национальную независимость» [Hitlers tale ..., 1940, s. 2].

Утверждалось: «Дальнейшее развитие событий зависит от способности финской армии удержать фронт и возможности международной поддержки. Эта ситуация подчёркивает важность быстрых и эффективных дипломатических усилий для разрешения кризиса» [Viborg under ile ..., 1940, s. 2].

Рассказывая о завершении Советско-финской войны и переговорах в Москве, «Рабочая газета» утверждает, что советская сторона неоднократно ужесточала свои требования. Причиной завершения войны газета называет исчерпание военных ресурсов Финляндией и отсутствие «существенной иностранной помощи» [Regjeringa All kamp ..., 1940, s. 1]. Газета публикует выступление президента Финляндии К. Каллио (1873—1940), который подтвердил, что «Финляндия продолжит свое дело, несмотря на тяжелые условия перемирия. Важнейшие территории потеряны, но моральную победу нельзя недооценивать. Президент призвал международное сообщество оказать финансовую и экономическую помощь, необходимую для восстановления страны» [Finnlands president taler ..., 1940, s. 1]. И в одном из последних мартовских номеров публикуется статья о том, что Норвегия планирует отправить около трех тысяч рабочих и необходимое оборудование для участия в восстановлении инфраструктуры Финляндии. «Первые группы рабочих уже прибыли в Финляндию и приступили к выполнению заданий. Они привезли с собой строительные инструменты и машины, произведенные в Норвегии, что позволит повысить темпы восстановительных работ. Руководством проекта занимается специальная комиссия, созданная совместно представителями финских властей и норвежскими специалистами. Координатором процесса выступает Halfdan Jønsson, представитель Норвежской ассоциации профессиональных со-

CC BY

юзов. Подобная инициатива призвана продемонстрировать тесное сотрудничество и поддержку соседних стран в трудные периоды. Она также способствует развитию двусторонних экономических связей и укрепляет дружеские отношения между народами. Принимая активное участие в восстановлении Финляндии, Норвегия стремится способствовать скорейшему возвращению региона к нормальному функционированию и обеспечению устойчивого развития» [3000 norske anleggsarbeidere ..., 1940, s. 1].

Таким образом, «Арбейдербладет» призывает к наращиванию дипломатических усилий во время успешных действий советских войск, информирует, выражаясь современным языком, о «народной дипломатии» и опирается на авторитет Черчилля и Гитлера, в заявлениях которых звучат слова о приверженности «демократии». Истинная причина подобного ракурса освещения событий — страх «распространения большевизма».

4. Заключение = Conclusions

Проведенный нами анализ публикаций, размещенных в газете «Арбейдербладет», печатном органе правящей в Норвегии до 2001 года партии, позволяет как подтвердить сложившиеся в российской историографии положения о позиции Норвегии в ходе Советско-финского конфликта, так и уточнить ряд моментов. Газетные публикации показывают страх, охватывавший правящие элиты Норвегии, перед мерещившейся им возможностью советской оккупации Скандинавского полуострова. Этот страх связан прежде всего с опасениями распространения коммунистической идеологии и революционной практики, что привело бы к утрате власти правящими кругами. Поэтому изданием создается резко отрицательный образ советской стороны.

Создание подобного образа было частью информационной политики страны, направленной на дискредитацию СССР и представление Финляндии в выгодном свете. На страницах этой газеты советские военачальники представлены жестокими, отдающими приказы об уничтожении мирного населения и культурных ценностей. Красноармейцы изображаются кровожадной и бесправной массой, готовой растоптать «демократические ценности».

Тем благоприятнее образ финской стороны как оплота этих самых «ценностей», внутренне единой нации, которая защищает свой суверенитет. «Арбейдербладет» организовывает как гуманитарную помощь Финляндии, информируя о сборе средств и вещей, так и военную, рассказывая о многонациональном отряде добровольцев и волонтеров-медиков. Газета, опирающаяся на профсоюзы, описывает усилия профсоюзных лидеров по оказанию помощи Финляндии рабочей силой и техникой и поездку делегации норвежских рабочих в воюющую страну. Эти действия подаются как

CC BY

широко поддерживаемые норвежским народом и осуществляющиеся для народа Финляндии. С нарастанием успехов советских войск тональность публикаций меняется, но развивается тезис о «моральной победе» Финляндии и «тяжелых условиях» мирного соглашения.

На основе анализа материалов газеты, принадлежавшей правящей партии Норвегии, можно сделать вывод о «призрачности» официально заявляемой в то время позиции нейтралитета. Газета откровенно выражает поддержку лишь одной стороне, очерняя и выставляя в неприглядном свете другую.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *216,000 kroner* på Finnlands-bøssene // Arbeiderbladet [avis]. — 1940. — Februar 9. — S. 15.

2. *3000 norske anleggsarbeidere* skal reise til Finnland // Arbeiderbladet [avis]. — 1940. — Mars 30. — S. 1.

3. *500 bombe*r over Viborg // Arbeiderbladet [avis]. — 1940. — Februar 5. — S. 1.

4. *Churchill tale* // Arbeiderbladet [avis]. — 1940. — Januar 22. — S. 3.

5. *Die finske arbeidere* forsvarer sine klasseinteresser i krigen // Arbeiderbladet [avis]. — 1940. — Januar 22. — S. 4.

6. *Finnlands president* taler // Arbeiderbladet [avis]. — 1940. — Mars 14. — S. 1.

7. *Foran russ isk* retrett nord for Ladoga? // Arbeiderbladet [avis]. — 1940. — Februar 5. — S. 16.

8. *Fredsfølere* den russisk-finske krigen // Arbeiderbladet [avis]. — 1940. — Mars 7. — S. 1.

9. *Fremmed* legion i Finnland // Arbeiderbladet [avis]. — 1940. — Januar 22. — S. 1.

10. *Gjesdal T.* Russiske / T. Gjesdal // Arbeiderbladet [avis]. — 1940. — Januar 18. — S. 13.

11. *Hitlers tale* en oppstiver til partifellene og folket // Arbeiderbladet [avis]. — 1940. — Januar 31. — S. 2.

12. *Interessant dokumentasjon* om Moskva forhandlingene i finsk ”blåhvit-bok"// Arbeiderbladet [avis]. — 1940. — Januar 22. — S. 14.

13. *Kampene raser* na i forstedene til Viborg // Arbeiderbladet [avis]. — 1940. — Mars 2. — S. 2.

14. *Koht* om Sovjets note // Arbeiderbladet [avis]. — 1940. — Januar 15. — S. 2.

15. *Norsk Folkehjelp* har brukt nær 400 000 kr.till Finland hittil // Arbeiderbladet [avis]. — 1940. — Januar 17. — S. 4.

16. *Norsk og svensk* arbeidskraft till Finland // Arbeiderbladet [avis]. — 1940. — Januar 18. — S. 14.

17. *Nytt finsk* bombe tokt mot Kronstadt // Arbeiderbladet [avis]. — 1940. — Januar 31. — S. 16.

18. *Raaen A*. En times fortjeneste hver uke til Finnland / A. Raaen // Arbeiderbladet [avis]. — 1940. — Januar 17. — S. 3.

19. *Regjeringa* All kamp ble har vedtatt fredsvilkåra innstille kl. 11 i formiddag // Arbeiderbladet [avis]. — 1940. — Mars 13. — S. 1.

20. *Russerne skjøt* på arbeidere som flyktet fra en bedrif // Arbeiderbladet [avis]. — 1940. — Januar 15. — S. 1.

21. *Russerne tilbake* ved Salla // Arbeiderbladet [avis]. — 1940. — Januar 18. — S. 1.

22. *Russernes flyåtak* har hittil krevd 377 dødsofre og 900 såredebkmt sivilfolke // Arbeiderbladet [avis]. — 1940. — Januar 31. — S. 15.

23. *Russke fortropper* en mil fra Kemijårvi // Arbeiderbladet [avis]. — 1940. — Januar 18. — S. 1.

24. *Russlaand* forlangte også flatebasis pao Ålandsoyene // Arbeiderbladet [avis]. — 1940. — Januar 17. — S. 14.

25. *Slitasjen* krever sitt // Arbeiderbladet [avis]. — 1940. — Mars 4. — S. 3.

26. *Stemningen* i Finnland går mot de russi ske fredsvilkåra // Arbeiderbladet [avis]. — 1940. — Mars 8. — S. 1.

27. *Større* operasioner i vente på Salla-fronten? // Arbeiderbladet [avis]. — 1940. — Mars 11. — S. 11.

28. *Tusener* russiske soldater er frosset ihiel pa Salla-fronten // Arbeiderbladet [avis]. — 1940. — Januar 17. — S. 1.

29. *Viborg* under ile av svært skyts som russerne har kjørt fram // Arbeiderbladet [avis]. — 1940. — Februar 23. — S. 1.

Литература

1. *105 дней «Зимней войны».* К шестидесятилетию советско-финляндской войны 1939—1940 гг. / отв. ред. В. Н. Барышников. — Санкт-Петербург : [б. и], 2000. — 118 с. — ISBN 5-211-03866-6.

2. *Барсуков И. И.* Печать норвежских коммунистов в годы борьбы патриотических сил Норвегии против немецко-фашистских оккупантов, 1940—1945 гг. : автореферат диссертации ... доктора исторических наук : 10.00.00 / И. И. Барсуков. — Ленинград, 1967. — 21 с.

3. *Вартанова Е. Л.* Северная модель в конце столетия. Печать, ТВ и радио стран Северной Европы между государственным и рыночным регулированием / Е. Л. Вартанова. — Москва : МГУ, 1997. — 183 с. — ISBN 5-211-03866-5.

4. *Васецкий А. А.* Северная политика России : арктические перспективы / А. А. Васецкий, С. Э. Зуев // Экономика и управление. — 2010. — № 3 (53) — С. 45—49.

5. *Война в Арктике* (1939—1945 гг.) / под ред. М. Н. Супруна. — Архангельск : Издательство Поморского университета, 2001. — 365 с. — ISBN 5-85879-075-5.

6. *Жуков Ю. Н.* Сталин : арктический щит / Ю. Н. Жуков. — Москва : Вагриус, 2008. — 541 с. — ISBN 978-5-9697-0472-5.

7. *Зуев С. Э.* «Северный сценарий» как парадигма развития России в XXI в. / С. Э. Зуев // Управленческое консультирование. — 2006. — № 2. — С. 96—112.

8. *Кривун В. Ю.* Российско-норвежские отношения : история и современность / В. Ю. Кривун // Электронное приложение к «Российскому Юридическому Журналу». — 2015. — № 2. — С. 28—33.

9. *Кудинова А. Н.* Функционально-содержательная модель общенациональной газеты России и Норвегии : сравнительный анализ : диссертация … кандидата филологических наук : 10.01.10 / А. Н. Кудинова — Москва, 2017. — 261 с.

10. *Михайлов А. С.* Журналистика стран Северной Европы / С. А. Михайлов. — Санкт-Петербург : Издательство Михайлова В. А., 2003 (ГИПК Лениздат). — 365 с. — ISBN 5-8016-0221-6.

11. *Носков А. М.* Норвегия во второй мировой войне 1940—1945 / А. М. Носков. — Москва : Наука, 1973. — 276 с.

12. *Подоплёкин А. О.* Советско-норвежские отношения и трансформация внешней политики Норвегии в 1939—1955 гг. : диссертация … кандидата исторических наук : 07.00.02 / А. О. Подоплёкин. — Архангельск, 2006. — 232 с.

13. *Репневский А. В.* «Зимняя война» в политике Норвегии / А. В. Репневский // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. — 2005. — № 6. — С. 134—148.

14. *Ристе У.* История внешней политики Норвегии / У. Ристе. — Москва : Весь Мир, 2003 (ОАО Тип. Новости). — 413 с. — ISBN 5-7777-0280-5.

15. *Сельницин А.* Возникновение и становление норвежской прессы / А. Сельницын // Меди@льманах. — 2011. — № 5 (46). — С. 44—50.

16. *Сельницин А. А* «Norsk Landboeblad» в истории норвежской прессы / А. А. Сельницин // Аграрный Вестник Урала. — 2014. — № 2 (120). — С. 58—62.

17. *Семиряга М. И.* Советско-финляндская война (К 50-летию окончания) / М. С. Семиряга. — Москва : Знание, 1990. — 63 с. — ISBN 5-07-001228-2.

18. *Скирбекк Г.* Норвежский менталитет и модерность / Г. Скирбекк. — Москва : РОССПЭН, 2017. — 197 с. — ISBN 978-5-8243-2091-6.

19. *Советско-норвежские* отношения 1917—1955 гг. Сборник документов / сопредседатели редколлегии А. О. Чубарьян, У. Ристе. — Москва : ЭЛИА-АРТ-О, 1997. — 681 с. — ISBN 5-86280-007-1.

20. *Топтунов А. А.* Особенности «персонификации» образа СССР в норвежской прессе после прихода к власти М. С. Горбачева (на примере публикаций в газете «Aftenposten», 1985 г.) / А. А. Топтунов // Русский Север и Арктика : фундаментальные проблемы истории и современности. Сборник научных статей / Составитель О. В. Зарецкая. — Архангельск : Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, 2019. — С. 92—97. — ISBN 978-5-261-01361-7.

21. *Хубач В.* Захват Дании и Норвегии / В. Хубач. — Москва : Центрполиграф, 2006. — 303 с. — ISBN 5-9524-2446.

Статья поступила в редакцию 08.09.2025,
одобрена после рецензирования 25.01.2026,
подготовлена к публикации 07.02.2026.

Material resources

216,000 kroner på Finnlands-bøssenею (1940). *Arbeiderbladet [avis]. Februar 9.* S. 15. (In Swed.).

3000 norske anleggsarbeidere skal reise til Finnland. (1940). *Arbeiderbladet [avis]. Mars 30.* S. 1. (In Swed.).

500 bomber over Viborg. (1940). *Arbeiderbladet [avis]. Februar 5.* S. 1. (In Swed.).

Churchill tale. (1940). *Arbeiderbladet [avis]. Januar 22.* S. 3. (In Swed.).

Die finske arbeidere forsvarer sine klasseinteresser i krigen. (1940). *Arbeiderbladet [avis]. Januar 22.* S. 4. (In Swed.).

Finnlands president taler. (1940). *Arbeiderbladet [avis]. Mars 14.* S. 1. (In Swed.).

Foran russ isk retrett nord for Ladoga? (1940). *Arbeiderbladet [avis]. Februar 5.* S. 16. (In Swed.).

Fredsfølere den russisk-finske krigen. (1940). *Arbeiderbladet [avis]. Mars 7.* S. 1. (In Swed.).
Fremmed legion i Finnland. (1940). *Arbeiderbladet [avis]. Januar 22.* S. 1. (In Swed.).
Gjesdal, T. (1940). *Russiske. Arbeiderbladet [avis]. Januar 18.* S. 13. (In Swed.).
Hitlers tale en oppstiver til partifellene og folket. (1940). *Arbeiderbladet [avis]. Januar 31.* S. 2. (In Swed.).
Interessant dokumentasjon om Moskva forhandlingene i finsk "blåhvit-bok". (1940). *Arbeiderbladet [avis]. Januar 22.* S. 14. (In Swed.).
Kampene raser na i forstedene til Viborg. (1940). *Arbeiderbladet [avis]. Mars 2.* S. 2. (In Swed.).
Koht om Sovjets note. (1940). *Arbeiderbladet [avis]. Januar 15.* S. 2. (In Swed.).
Norsk Folkehjelp har brukt nær 400 000 kr.till Finland hittil. (1940). *Arbeiderbladet [avis]. Januar 17.* S. 4. (In Swed.).
Norsk og svensk arbeidskraft till Finland. (1940). *Arbeiderbladet [avis]. Januar 18.* S. 14. (In Swed.).
Nytt finsk bombe tokt mot Kronstadt. (1940). *Arbeiderbladet [avis]. Januar 31.* S. 16. (In Swed.).
Raaen, A. (1940)). En times fortjeneste hver uke til Finnland. *Arbeiderbladet [avis]. Januar 17.* S. 3. (In Swed.).
Regjeringa All kamp ble har vedtatt fredsvilkåra innstille kl. 11 i formiddag. (1940). *Arbeiderbladet [avis]. Mars 13.* S. 1. (In Swed.).
Russerne skjøt på arbeidere som flyktet fra en bedrif. (1940). *Arbeiderbladet [avis]. Januar 15.* S. 1. (In Swed.).
Russerne tilbake ved Salla. (1940). *Arbeiderbladet [avis]. Januar 18.* S. 1. (In Swed.).
Russernes flyåtak har hittil krevd 377 dødsofre og 900 såredebkmt sivilfolke. (1940). *Arbeiderbladet [avis]. Januar 31.* S. 15. (In Swed.).
Russke fortropper en mil fra Kemijårvi. (1940). *Arbeiderbladet [avis]. Januar 18.* S. 1. (In Swed.).
Russlaand forlangte også flatebasis pao Ålandsoyene. (1940). *Arbeiderbladet [avis]. Januar 17.* S. 14. (In Swed.).
Slitasjen krever sitt. (1940). *Arbeiderbladet [avis]. Mars 4.* S. 3. (In Swed.).
Stemningen i Finnland går mot de russi ske fredsvilkåra. (1940). *Arbeiderbladet [avis]. Mars 8.* S. 1. (In Swed.).
Større operasioner i vente på Salla-fronten? (1940). *Arbeiderbladet [avis]. Mars 11.* S. 11. (In Swed.).
Tusener russiske soldater er frosset ihiel pa Salla-fronten. (1940). *Arbeiderbladet [avis]. Januar 17.* S. 1. (In Swed.).
Viborg under ile av svært skyts som russerne har kjørt fram. (1940). *Arbeiderbladet [avis]. Februar 23.* S. 1. (In Swed.).

References

Barsukov, I. I. (1967). *The seal of the Norwegian Communists during the years of the struggle of the patriotic forces of Norway against the Nazi occupiers, 1940—1945.* Author's abstract of Doct. Diss. Leningrad. 21 p. (In Russ.).
Baryshnikov, V. N. (ed.). (2000). *105 days of the "Winter War". On the sixtieth anniversary of the Soviet-Finnish War of 1939—1940.* St. Petersburg: [b. i.]. 118 p. ISBN 5-211-03866-6. (In Russ.).
Chubaryan, A. O., Riste, U. (eds.). (1997). *Soviet-Norwegian relations 1917—1955. Collection of documents.* Moscow: ELIA-ART-O. 681 p. ISBN 5-86280-007-1. (In Russ.).

Hubach, V. (2006). *Capture of Denmark and Norway.* Moscow: Tsentrpoligraf Publ. 303 p. ISBN 5-9524-2446. (In Russ.).

Krivun, V. Y. (2015). Russian-Norwegian relations: history and modernity. *Electronic Supplement to the Russian Law Journal, 2:* 28—33. (In Russ.).

Kudinova, A. N. (2017). *The functional and substantive model of the national newspaper of Russia and Norway: a comparative analysis.* PhD Diss. Moscow. 261 p. (In Russ.).

Mikhailov, A. S. (2003). *Journalism of the Nordic countries.* St. Petersburg: Mikhailov V. A. Publishing House. 365 p. ISBN 5-8016-0221-6. (In Russ.).

Noskov, A. M. (1973). *Norway in the Second World War 1940—1945.* Moscow: Nauka Publ. 276 p. (In Russ.).

Podoplekin, A. O. (2006). *Soviet-Norwegian relations and the transformation of Norway's foreign policy in 1939—1955.* PhD Diss. Arkhangelsk. 232 p. (In Russ.).

Repnevsky, A. V. (2005). The "Winter War" in Norwegian politics. *St. Petersburg and the countries of Northern Europe, 6:* 134—148. (In Russ.).

Riste, U. (2003). *The history of Norway's foreign policy*. Moscow: The Whole World. 413 p. ISBN 5-7777-0280-5. (In Russ.).

Selnitsin, A. A. (2014). "Norsk Landboeblad" in the history of the Norwegian press. *Agrarian Bulletin of the Urals, 2 (120):* 58—62. (In Russ.).

Selnitsyn, A. (2011). The emergence and formation of the Norwegian press. *Copper@llmanach, 5 (46):* 44—50. (In Russ.).

Semiryaga, M. I. (1990). *The Soviet-Finnish War (On the 50th anniversary of the end).* Moscow: Znanie Publ. 63 p. ISBN 5-07-001228-2. (In Russ.).

Skirbekk, G. (2017). *Norwegian mentality and modernity.* Moscow: ROSSPEN. 197 p. ISBN 978-5-8243-2091-6. (In Russ.).

Suprun, M. N. (ed.). (2001). *The war in the Arctic (1939—1945).* Arkhangelsk: Pomeranian University Press. 365 p. ISBN 5-85879-075-5. (In Russ.).

Toptunov, A. A. (2019). Features of the "personification" of the USSR image in the Norwegian press after Mikhail Gorbachev came to power (on the example of publications in the newspaper Aftenposten, 1985). In: *The Russian North and the Arctic: fundamental problems of history and modernity. Collection of scientific articles.* Arkhangelsk: M. V. Lomonosov Northern (Arctic) Federal University. 92—97. ISBN 978-5-261-01361-7. (In Russ.).

Vartanova, E. L. (1997). *The Northern model at the end of the century. Print, TV and radio of the Nordic countries between government and market regulation.* Moscow: Moscow State University. 183 p. ISBN 5-211-03866-5. (In Russ.).

Vasetsky, A. A., Zuev, S. E. (2010). Northern Policy of Russia: Arctic prospects. *Economics and management, 3 (53):* 45—49. (In Russ.).

Zhukov, Yu. N. (2008). *Stalin: the Arctic shield.* Moscow: Vagrius. 541 p. ISBN 978-5-9697-0472-5. (In Russ.).

Zuev, S. E. (2006). "The Northern scenario" as a paradigm of Russia's development in the 21st century. *Management consulting, 2:* 96—112. (In Russ.).

The article was submitted 08.09.2025;
approved after reviewing 25.01.2026;
accepted for publication 07.02.2026.

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Копырина С. Н. Горнозаводская медицина Урала первой половины XVIII века : организация, практика и социальный контроль / С. Н. Копырина, К. А. Уланов // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 2. — С. 421—439. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-421-439.

Kopyrina, S. N., Ulanov, K. A. (2026). Medical Care in Ural Mining Industry during First Half of Eighteenth Century: Organization, Practice, and Social Control. *Nauchnyi dialog, 15* (2): 421-439. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-421-439. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Горнозаводская медицина Урала первой половины XVIII века: организация, практика и социальный контроль

Копырина Сардана Николаевна
orcid.org/0000-0001-6306-4333
кандидат исторических наук,
старший преподаватель кафедры
документоведения, архивоведения и
истории государственного управления,
корреспондирующий автор
sardana.kopyrina@urfu.ru

Уланов Кирилл Андреевич
orcid.org/0009-0008-9781-3097
кандидат исторических наук, доцент
кафедры документоведения,
архивоведения и истории
государственного управления,
ulanov.kirill@urfu.ru

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного
фонда, проект № 24-18-00080

Medical Care in Ural Mining Industry during First Half of Eighteenth Century: Organization, Practice, and Social Control

Sardana N. Kopyrina
orcid.org/0000-0001-6306-4333
PhD in History, Senior Lecturer,
Department of Documentation,
Archival Science and History
of Public Administration,
corresponding author
sardana.kopyrina@urfu.ru

Kirill A. Ulanov
orcid.org/0009-0008-9781-3097
PhD in History, Associate Professor,
Department of Documentation, Archival
Science and History
of Public Administration,
ulanov.kirill@urfu.ru

Ural Federal University
named after the First President of Russia
B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 24-18-00080

© Копырина С. Н., Уланов К. А., 2026

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуются механизмы организации заводской медицины и система регламентации поведения работников через медицинские практики в первой половине XVIII века на Урале. Проводится анализ архивных материалов: предписаний Берг-коллегии, отчетов заводской администрации и медицинских журналов. Показано, что создание госпиталей, введение обязательных медицинских освидетельствований и деятельность профессиональных лекарей, прежде всего И. И. Спринцеля, обеспечивали функционирование устойчивой модели медицинского обслуживания и одновременно выполняли дисциплинарные функции. Доказано, что медицинские освидетельствования превратились в инструмент выявления симуляции, контроля за трудовой нагрузкой и регулирования юридического статуса работников, а болезни рассматривались не только как физические недуги, но и как элементы управленческой практики. Установлено, что такие меры, как финансирование медицины через систему удержаний из жалованья, дополнительный сбор «по копейке с рубля» и штрафы за нарушения трудовой дисциплины, формировали экономически обеспеченную модель функционирования госпиталей, отвечавшую административным задачам горного ведомства. Сделан вывод о том, что медицинская помощь на горнозаводском Урале сочетала европейские лечебные стандарты с функциями социального контроля, выступая механизмом «медицинской полиции» и обеспечивая государственные интересы в сфере управления рабочей силой.

Ключевые слова:
горнозаводской Урал; история медицины; управленческие практики; институционализация медицины.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study investigates the mechanisms for organizing medical care within mining enterprises on the Urals region during the first half of the eighteenth century, as well as the regulatory framework governing workers' behavior through medical practices. An analysis is conducted using archival materials such as regulations issued by the Berg-Kollegium, reports from factory administrations, and medical journals. It demonstrates that the establishment of hospitals, mandatory medical examinations, and activities led primarily by professional physicians like Johann I. Sprinzel ensured a stable model of healthcare provision while simultaneously fulfilling disciplinary roles. The findings reveal how medical inspections became instruments to detect malingering, monitor workloads, and regulate legal statuses among employees. Illnesses were not merely seen as physical afflictions but also integral components of administrative practice. Additionally, measures such as funding medicine via deductions from wages, additional collections (“one kopeck per ruble”), and fines for breaches of labor discipline contributed to an economically sustainable system supporting hospital operations aligned with the administrative goals of the mining authority. Ultimately, it concludes that medical assistance in the Ural mining industry combined European therapeutic standards with social control functions, serving as a mechanism akin to “medical policing” aimed at safeguarding state interests in workforce management.

Key words:
Ural mining industry; history of medicine; managerial practices; institutionalization of medicine

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94:614(470.5)“17”
DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-421-439

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Горнозаводская медицина Урала первой половины XVIII века: организация, практика и социальный контроль

© Копырина С. Н., Уланов К. А., 2026

1. Введение = Introduction

В раннем Новом времени государственная медицинская политика все чаще выходила за рамки собственно лечения и становилась частью управленческой инфраструктуры, связанной с поддержанием трудового потенциала и контролем повседневных практик. В условиях петровской модернизации этот процесс приобретал прикладное значение: здоровье мастеровых и служилых людей рассматривалось как ресурс, от которого зависели устойчивость производства, темпы строительства и выполнение государственных задач. Для горнозаводского Урала, где в 1720-х годах формировался крупный промышленный комплекс, медицинская служба становилась не только социальной мерой, но и инструментом рационализации управления рабочей силой.

Существующие исследования по истории медицины в России подробно анализируют институциональные преобразования петровского времени и развитие медицинской практики, однако региональные механизмы управления ранней государственной медициной остаются изученными неравномерно. Работы, посвященные медицинской инфраструктуре горнозаводского Урала (госпиталям, Екатеринбургской аптеке, снабжению медикаментами), существенно продвинули понимание организационных аспектов. Вместе с тем в меньшей степени рассмотрено, каким образом медицинские институты включались в административные процедуры учета трудоспособности, регулирования допуска к работам, предотвращения симуляции болезней и распределения выплат в период нетрудоспособности.

В статье ставится цель рассмотреть становление системы медицинского обеспечения на горнозаводском Урале в первой половине XVIII века. Анализ направлен на выявление особенностей организации лечебной практики и медицинских институтов как элемента более широкого процесса регламентации и контроля над трудовыми и повседневными практиками населения региона.

CC BY

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Источниковую базу исследования составили архивные материалы, отражающие административно-хозяйственную деятельность горнозаводских учреждений. Ключевыми среди них являются протоколы и определения Сибирского Обер-бергамта и Канцелярии Главного заводов правления (далее — КГЗП), указы, а также документы из личной канцелярии В. Н. Татищева, В. И. Геннина, хранящиеся в Государственном архиве Свердловской области и Российском государственном архиве древних актов.

Одной из особенностей истории медицины является институциональная привязка к врачебной профессии и, как следствие, то обстоятельство, что ею занимались и занимаются в большей степени медики [Заблудовский, 1981; Мирский, 1996; Мирский, 2005; Бородулин и др., 2019]. От всеобщей, или гражданской истории эта дисциплина была почти полностью изолирована. Такая история писалась ретроспективно: с позиций современной медицины идеи и достижения прошлого представлялись цепочкой последовательных шагов или восходящими ступенями лестницы. Эти ступени неуклонно вели к прогрессу — все более полному и точному пониманию человеческого тела и его болезней и все более эффективным способам лечения [Болезнь и здоровье …, 2008, с. 8]. Подобное положение дел характерно не только для России, но и для европейских стран, например Великобритании, Германии [Михель, 2010, с. 299—302].

В российской историографии ориентиром в изучении медицинских институтов петровской эпохи выступает работа А. В. Морохина, где реконструируется медицинская служба при первых Романовых и вводятся в научный оборот сведения о болезнях и лечебных практиках в эпоху Петра I [Морохин, 2024]. Для первой половины XVIII века региональный уровень медицинского администрирования исследован значительно слабее. Даже в трудах, посвященных медицинской географии и институциональной истории медицины Российской империи, внимание к ранним периферийным центрам промышленного освоения остается ограниченным [История ..., 2021].

На региональном уровне значительный вклад в изучение истории медицины Екатеринбурга внесла А. М. Сафронова. В ее работах рассмотрены организация госпиталя, аптечного дела и роль В. Н. Татищева в становлении медицинской службы в 1720—1730-е годы [Сафронова, 2010; Сафронова, 2017; Сафронова, 2019; Сафронова и др., 2020]. Существенное значение имеет также исследование А. Плате, в котором анализируются процедуры освидетельствования больных, нормативные основания медицинских заключений и их правовые последствия [Плате, 2025]. Вместе эти работы показывают, что медицинские институты и лекарские заключения в горнозаводском регионе были встроены в административные решения и

CC BY

регламентацию трудоспособности, то есть функционировали не только как форма помощи, но и как элемент управления. Указанные наблюдения соотносятся с европейской традицией осмысления медицины как механизма государственного регулирования, концептуализированной в понятии «медицинской полиции».

В европейской историографии «медицинская полиция», наиболее последовательно разработанная И. П. Франком и позднее осмысленная М. Фуко, трактуется не как институт или дисциплина, а как законодательно оформленный комплекс мер государственного вмешательства в жизнедеятельность населения в целях охраны здоровья и обеспечения «внутренней безопасности государства», выполняющий дисциплинарно-управленческую функцию [Затравкин, 2020, с. 102]. Несмотря на широкое применение данной перспективы к западноевропейскому материалу, ее использование для анализа ранней истории российской медицины, особенно в периферийных индустриальных регионах XVIII века, остается ограниченным.

В последние годы опубликованы работы, посвященные истории отдельных госпиталей и медицинских учреждений Российской империи, а также развитию системы охраны здоровья в XIX — начале XX веков [Круглов, 2022; Черноухов, 2021].

Исследование выполнено с опорой на комплекс общенаучных и специально-исторических методов. Использованы институциональный анализ, историко-системный, историко-типологический и историко-сравнительный методы.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Екатеринбургский госпиталь как ключевой институт медицинской службы горнозаводского Урала (1720-е годы)

На раннем этапе петровских преобразований вопросы болезни и нетрудоспособности начали осмысляться не как частное дело отдельных людей, а как фактор, влияющий на производственную устойчивость и выполнение государственных задач. В 1720 году, направляясь на Урал, В. Н. Татищев ходатайствовал перед Берг-коллегией о назначении профессионального лекаря и направлении медикаментов, однако соответствующее решение принято не было [Сафронова, 2017, с. 53—54]. В отсутствие штатного специалиста заводская администрация была вынуждена опираться на частные лечебные практики пленных шведов, обладавших ограниченной медицинской подготовкой и находившихся на Алапаевском, Толмачевском и Невьянском заводах [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 77, л. 184—185].

Ситуация существенно осложнялась общероссийской нехваткой врачей в первой четверти XVIII века. Даже в столичных учреждениях ощущался

CC BY

дефицит подготовленных специалистов, что неоднократно отмечается в исследованиях по истории медицины петровской эпохи [Мирский, 1996, 2005].

Первым профессиональным лекарем, поступившим в распоряжение Сибирского обер-бергамта, стал Иоганн Иосиф Спринцель, прибывший на Урал в статусе личного лекаря генерала В. И. Геннина. Обосновывая необходимость его присутствия, Геннин в обращении к Петру I подчеркивал, что речь идет не о частной потребности, а о государственных интересах [Геннин, 1995, с. 21].

С первых месяцев службы на Урале И. И. Спринцель был вовлечен в решение задач, связанных с сохранением трудоспособности заводских служителей и мастеровых. Показательным в этом отношении является участие Спринцеля в локализации последствий массового заболевания солдат, привлеченных к строительству Екатеринбурга. По официальной версии администрации, многие из них «офранцузились» вследствие употребления пищи из общих котлов [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 26, л. 33, 535, 552]. Управителям заводов в начале 1725 года впервые строго предписали: «Ежели кто из заводских и горных служителей и мастеровых, работных людей заскорбит какою ни есть болезнию, то таких немедленно объявлять Спринцелю для свидетельства и лечения их болезней, дабы безвременно мастеровые люди от болезней не помирали» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 79, л. 331].

Именно И. И. Спринцель курировал организацию строительства первого госпиталя в Екатеринбурге, и к 1727 году учреждение было введено в действие. [Сафронова, 2020, с. 437]. С этого времени Спринцель не только занимался лекарской практикой, но и руководил работой медицинского учреждения. Такое решение повышало статус «горной службы»: заводские служители и мастеровые получали доступ к профессиональной медицинской помощи, сопоставимой с европейскими стандартами своего времени. В более широком смысле это соответствовало камеральной логике управления, в рамках которой мастеровые и работные люди рассматривались как ценный ресурс, требующий сохранения. Подготовка мастера занимала длительное время и предполагала обучение и проверку квалификации, поэтому утрата специалиста вследствие болезни или несчастного случая могла повлечь перебои в производственном процессе. Показательно, что В. И. Геннин в письме от 24 марта 1724 года, обосновывая необходимость присутствия лекарей на Урале, связывал этот вопрос с риском утраты иностранных мастеров вследствие болезней. Тем самым он подчеркивал возможный материальный ущерб для государства: поиск, приглашение и содержание квалифицированного специалиста требовали значительных затрат. «Великая имеется нужда в лекарях как на Екатеринбургских заводах, так и у Соли Камской. И опасно, чтоб мастеровым людям напрасно без лекаря не потре-

CC BY

бить и от того остановки в заводских и горных делах не учинить. Для того, когда мастер занеможет, а без лекаря пособить его болезни некому и от той болезни безвременно умрет, то другого на ево место из Саксонии достать будет трудно и не безубыточно. Дело его мастерства остановится, русские ученики его мастерство и искусство свое еще до конца не приняли и без мастера потеряют» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 37, л. 100 об.].

Крестьянское население также могло обращаться за помощью в госпиталь, однако лечение предоставлялось на платной основе [Сафронова и др., 2020]. Для заводских служителей и мастеровых медицинская помощь обеспечивалась за счет регулярных удержаний из жалованья и потому рассматривалась как гарантированная часть ведомственного обеспечения. Создание госпиталя требовало не только кадрового и организационного оформления, но и устойчивой финансовой базы. Поэтому следующий аспект, принципиально важный для понимания функционирования медицинской службы, связан с механизмами ее содержания и источниками денежных поступлений.

3.2. Финансирование медицинской службы: удержания, сборы и штрафные поступления

В исследуемый хронологический период казенная горнозаводская медицина незыблемо следовала положению ст. 8 гл. 47 Адмиралтейского регламента: «У содержания в госпиталях с больных удерживать половину денежного жалования … и употреблять деньги на содержание госпиталей. Другую половину отдавать им по выпуске их из госпиталя» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 157, л. 177]. В Табель заводских штатов 1726 года Геннин внес дополнение: «ежели оных денег первой половины не достанет», дополнительно выделять на покупку медикаментов в год из доходов Сибирского обер-бергамта 100 руб., а на содержание раненых и хворых — 50 руб. [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 243, л. 57].

Адмиралтейский регламент предусматривал еще одну меру для пополнения медицинского бюджета казенных учреждений. В соответствии со ст. 34 гл. 1 регламента устанавливалось взимание платы на госпиталь по копейке с рубля [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 691, л. 28]. На его основе указом от 4 февраля 1723 года управителям всех заводских контор В. И. Геннин определил: «Надлежит как с канцелярских со всех чинов служителей, так и с мастеровых людей и прочих, не обходя никого, которые получают Его императорского величества денежное жалование годовое, месячное и задельное, вычитать на медикаменты, то есть на лекарства для лечения по копейки с рубля и записывать те деньги в приход особно». Деньги следовало собирать и с иностранцев. Если же кто-то заболеет или на работе «повредится», то предписывалось «приходить к лекарю и требовать лекарства

CC BY

без платы», «только кроме тех, которые имеют французскую немощь или в драке ушиблены будут» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 73, л. 55].

Помимо основных доходных статей В. И. Геннин уже в первые годы изыскивал дополнительные источники финансирования медицинской службы — прежде всего штрафные поступления за пьянство, игру на деньги в карты и кости. Примечателен в этом отношении документ от 5 марта 1724 года: «... ежели мастера как русские, так и иноземцы будут пьянствовать, отходя от своих работ в работные дни, тех брать за караул и вычесть за день месячное жалование, и класть оные деньги особо на школу и госпиталь, а когда по вычете пьянства не пресекут, то держать оных у работ скованных» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 160, л. 171].

Следовательно, меры по обеспечению медицинских учреждений средствами были тесно связаны с практиками ведомственного контроля и поддержания производственной дисциплины. Дальнейший анализ показывает, что аналогичная логика проявлялась и в сфере болезни: решения об освобождении от работ и отпуске по состоянию здоровья принимались только при наличии лекарского свидетельства.

3.3. Медицинские освидетельствования и социальный контроль

На лекаря возлагались обязанности не только по лечению, но и по удостоверению болезни и нетрудоспособности. Заводские управители не обладали достаточной квалификацией для отстранения работников от производства по медицинским показаниям. Характерен случай капрала И. Погорельского, присланного на Урал из Москвы в феврале 1725 года: по его прибытии местные власти сочли его тяжело больным. Поскольку госпиталя еще не было, а лекарь вместе с В. И. Генниным в этот период отсутствовали, чиновники опирались на свидетельские показания товарищей Погорельского о недуге. В результате было принято решение о его возвращении в Москву. Но Берг-коллегия выступила против и в ответном указе содержалось требование о проведении медицинского освидетельствования: «И впредь таких, кои покажут за собою болезнь, без свидетельства лекаря отнюдь отрешать и отпускать не надлежит» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 135, л. 187—187 об.].

С этого момента Сибирский обер-бергамт строго следовал процедуре медицинского освидетельствования, подразумевая под этим наличие письменного заключения лекаря о болезни и обязательной отсылки больных работников в госпиталь заводскими управителями для проведения этой процедуры «при письменном известии». Вариантов заключений было три: «подлинно ли он не годен для работы», может работать на другой (более легкой) работе, «болезнь притворная» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 135, л. 196].

Однако значительная удаленность заводов от госпиталя в Екатеринбурге вносила свои коррективы, в частности, в отношении «падучей болез-

CC BY

ни». Во-первых, потеря сознания во время работы зачастую вызывалась высокими температурами на производстве при выплавке железа, тяжелыми физическими нагрузками и не проявлялась при осмотре в медицинском учреждении. Во-вторых, работники могли симулировать симптомы (обморок, судороги) с целью избежать тяжелых заводских работ и вернуться к земледелию в родных селениях. В Сибирском обер-бергамте 3 июля 1729 года был разработан специальный указ, направленный на выявление симуляции приступов. Документ предписывал при падении больного на землю применять «телесное испытание»: к пятке следовало кратковременно приложить раскаленное железо. Отсутствие реакции трактовалось как признак подлинного заболевания, тогда как сохранение чувствительности и ответ на ожог рассматривались как основание квалифицировать приступ как притворный [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 280, л. 180—182].

Процедура медицинского освидетельствования прочно закрепилась в горнозаводской практике. В августе-сентябре 1733 года три прошения об освобождении от работ по болезни, поступившие в Сибирский обербергамт, были рассмотрены через процедуру лекарского освидетельствования: И. И. Спринцель удовлетворил два из них (разрешив заявителям вернуться в заводские слободы), а по третьему молотовому подмастерью П. Понамареву, у которого был выявлен недуг глаз, Спринцель не счел заболевание основанием для полного освобождения от работ, указав, что при утрате зрения на один глаз он может продолжать трудиться на заводском производстве, за исключением молотового дела. В результате Пономарев был переведен на работы по засыпке домны на Екатеринбургском заводе [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 388, л. 547—548].

Болезнь в горнозаводской практике имела не только медицинские, но и правовые последствия. Отдельные диагнозы рассматривались как форма личной вины: например, заболевание сифилисом («французская болезнь») устойчиво интерпретировалось как результат поведения самого заболевшего. Характер болезни напрямую влиял и на порядок содержания в период нетрудоспособности. Так, в определении КГЗП от 18 декабря 1734 года «О больных мастеровых людях при государственных заводах» устанавливалось, что при подтверждении «непритворной» болезни (в частности, «огневой лихоратки») заболевшим следует выдавать «на пропитание… на день по 3 копейки», тогда как пострадавшим «от работы» вследствие несчастного случая — выплачивать «полное, кто что мог бы получать во время своей работы». Напротив, при болезнях, квалифицируемых как «самоохотные» (включая «французскую», а также возникшие «от пьянства и драки»), выплаты предписывалось не производить [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 1138, л. 478; д. 629, л. 57—57 об.].

CC BY

Вместе с тем осуществляемый контроль не был безосновательным: в документах фиксируются случаи, когда работники действительно злоупотребляли предоставляемыми возможностями. В январе 1733 года Сибирский обер-бергамт разослал в заводские конторы указ, предписывавший направлять больных в Екатеринбургский госпиталь в сопровождении провожатого. Провожатый должен был иметь при себе документально оформленные результаты первичного освидетельствования, составленные заводским управителем, а также сведения об окладе заболевшего (или пострадавшего). На подготовку отправки отводилось не более двух дней. Проблема заключалась в том, что с удаленных заводов, например Лялинского, находившегося в 336 км от Екатеринбурга, работники добирались до госпиталя за десять дней, тогда как на обратный путь недобросовестные больные тратили от трех недель до месяца, а иногда и более. В действительности, выздоровевшие нередко останавливались у родственников в заводских слободах, расположенных по пути следования. Выгода работников была очевидна: они получали половину жалованья за период пребывания в госпитале, а за «прохожие» дни, затраченные на путь до места лечения и обратно, женатым выплачивался полный оклад, а холостым — половина [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 476, л. 51—51 об.].

Естественно, подобные случаи не оставались без надзора горнозаводской администрации. Одним из решений проблемы было назначение поручителей, которые бы под свою ответственность гарантировали возвращение больного после излечения к месту работы. Показателен случай рассыльщика Прохора Ежакова, который 5 ноября 1734 года просил в КГЗП отставку из-за «глазной болезни». Доктор Яков Грив освидетельствовал его 23 ноября 1734 года и вынес вердикт, согласно которому прежнее лечение в госпитале имело положительный результат, но «ныне зимний воздух тяжелый» и негативно влияет на зрение пациента, и рекомендовал ему вернуться к работе рассыльщиком в летнее время [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 477, л. 23—24]. На основании этого заключения КГЗП разрешила П. Ежакову вернуться к родным в Камышловский дистрикт до 1 мая 1735 года, однако обязала его представить поручителей, гарантирующих возвращение «на своем коште» в случае неявки в установленный срок. В качестве поручителей были указаны канонир Емельян Медведков и рассыльщик Степан Пометкин [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 477, л. 25—26]. Их выбор может свидетельствовать о близких служебных или личных связях с Ежаковым, однако имеющиеся документы не позволяют установить мотивы поручительства. В литературе отмечается, что мотивы поручительства могли быть различными: выполнение распоряжения («по приказу»), материальная заинтересованность («за мзду») либо добровольное принятие обязательства [Kosheleva, 2009, с. 361—380].

CC BY

Таким образом, медицинская экспертиза и поручительство выступали взаимосвязанными элементами административной процедуры, регулирующей перемещение больных и сроки их возвращения к службе. Однако практическая эффективность этой системы зависела не только от контроля и делопроизводства, но и от наличия устойчиво организованного лечения и лекарственного снабжения. Поэтому далее рассмотрены терапевтические практики и аптечное обеспечение в рамках госпитальной системы.

3.4. Лечение в госпитальной системе: лекарства, диагнозы

Нормативные основания организации лечения и аптечного дела были заданы уже в первые годы становления горнозаводской администрации. В частности, в «Наказе заводскому комиссару», составленном В. Н. Татищевым и утвержденном В. И. Генниным 15 октября 1723 года, были закреплены положения, направленные на упорядочение медицинского обеспечения [Козлов, 1960, с. 14—29]. Наказ включал главу «О содержании аптеки, лекаря и богадельни», где впервые были регламентированы основы организации медицинской службы, работа лекаря, аптекаря, порядок отпуска лекарств, обучения первых лекарских и аптекарских учеников. В начале главы В. Н. Татищев объяснял причину распространения болезней среди населения тем, что «здешний простой народ о пользе лекарства и лекаря разуметь не хотят, болезнуя, лекарствами гнушаются, паче же от глупости и неразумия в грех ставят» и «доколе пользы ясно не ощутят не поверят» [Татищев, 1990, с. 91—92].

Для отражения всей специфики и сложности работы лекарских служителей на уральских заводах в первой половине XVIII века необходимо охарактеризовать заболевания, с которыми чаще всего им приходилось бороться. Перечень болезней, с которыми приходилось сталкиваться на заводах, был обширен. В основном они носили производственный характер: ожоги и раны при работе на фабриках (в заводских цехах), чахотка — на рудниках, «грудные, ножные, нутряные, очные, в спине великий лом», всевозможные переломы рук, ног [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 532а, л. 87—90 об].

Уральские лекари периодически обращались в КГЗП с просьбой о присылке материалов, необходимых для изготовления лекарств. Региональные власти направляли перечни медикаментов в Генерал-берг-директориум, который взаимодействовал с Медицинской канцелярией. В 1739 году роспись Catalogum materialium, составленная на полутора листах аптекарем Л. Г. Мендерсом, была отправлена из Екатеринбурга в Генерал-берг-директориум [Сафронова, 2019, с. 71]. Доставка медикаментов на уральские заводы в основном осуществлялась из Московской главной аптеки [РГАДА, ф. 271, оп. 1, д. 834, л. 32; д. 1082, л. 46—57].

CC BY

В целях оформления заказов медикаментов в Медицинскую канцелярию составлялись перечни лекарственных средств на немецком языке, однако фиксировались они с помощью русской транслитерации. В отличие от этого, учет запасов лекарств в Сибирском обер-бергамте иногда велся и на русском языке. Подобная практика значительно затрудняет современную идентификацию наименований: транслитерация с немецкого и латинского языков, по всей видимости, осуществлялась преимущественно «на слух». Иностранный лекарь диктовал список на немецком или латинском языке, а ученик либо подканцелярист записывал его, руководствуясь собственным фонетическим восприятием. Это приводило к регулярным искажениям: слитному написанию частиц («де», «про»), выпадению окончаний, а также ошибочному разделению или объединению слов.

Характерным примером подобных документов являются ежемесячные журналы И. И. Спринцеля, в которых фиксировались сведения о том, «сколько в котором месяце было больных и каких чинов именами» и «сколько издержано на всех обще всего лекарств». Особенно показателен «Регистр лекарствам августа с 1 сентября по 1 число 1734 года», выполненный русской транслитерацией и содержащий все перечисленные особенности письма [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 532а, л. 101 об. —105].

Анализ наименований препаратов и устойчивых совпадений в их написании позволяет предположить, что екатеринбургские медики в своей практике, вероятно, ориентировались на Бранденбургский диспенсаторий. Известно, что это издание поступило в Екатеринбург не позднее 1739 года: книга была выписана из Санкт-Петербурга по заявке аптекаря Х. Мендерса [Сафронова, 2010, с. 39]. Сопоставление терминологии и вариантов написания лекарственных наименований с материалами Аптекарского приказа XVII века [Олехнович, 2000, с. 113], переводом «аптекарского списка» Михаэлиса 1726 года, выполненным Эрнстом Грубе [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 92, л. 259—271 об.], а также изданием Бранденбургского диспенсатория 1734 года [Fagino, 1734] сделало возможной реконструкцию латинских форм названий лекарств, зафиксированных в материалах делопроизводства Сибирского обер-бергамта.

При анализе показаний к применению лекарственных средств использовались описания, представленные в медицинской литературе XVIII—XIX веков. В качестве основного ориентира выбран трактат «Аптека или наука составлять разные, как внутрь, так и снаружи употребляемые лекарства», наиболее близкий к лекарским представлениям XVIII века. В данном сочинении приводятся латинские наименования препаратов, их рецептуры, сведения о заболеваниях, подлежащих лечению, а также рекомендации по способам применения лекарств. Автором трактата является Франциск

CC BY

Антон Шлерерт, а первый перевод на русский язык был выполнен Фомой Барсуком-Моисеевым в 1793 году [Шлерет, 1793].

Так, регистры расхода лекарств за июль-август 1734 года позволяют реконструировать практику лечения в Екатеринбургском госпитале и увидеть, что терапия строилась вокруг ограниченного набора типовых фармакологических групп, применявшихся к пациентам разных чинов и социального статуса. В документах фиксируются назначения как высокопоставленным фигурам (генералу В. И. Геннину, асессору И. Рудаковскому), так и служителям заводского ведомства (штейгеру И. Х. Креслеру, шихтмейстеру В. Ближевскому, комиссару И. Чарушину, обер-цегентнеру С. Неелову, мастеровым и членам их семей).

Лекарем И. Гриненбергом для лечения генерала В. И. Геннина в июле-августе 1734 года были назначены препараты, ориентированные на купирование судорог и болевого синдрома, а также на лечение состояний, интерпретируемых как «водянка» и «ревматизм». В июле использовались камфора, смола мирры (Gummi Myrrhae), настойка можжевельника (Spiritus Juniperi), сок бузины (Roob Sambuci), коричное масло (Oleum Cinnamomi). В августе к терапии добавлялись препараты сурьмы и многокомпонентные эссенции, а также опийный настой. Существенную роль играли наружные лекарственные формы: мази (в том числе Unguentum anodynum, Unguentum populeum, Unguentum de Althaea, Unguentum nervinum, Unguentum martiatum), что указывает на широкое использование местной терапии при болевых и воспалительных состояниях [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 532а, л. 92 об.].

Назначения И. Рудаковскому включали средства, применявшиеся при внутренних расстройствах и болевом синдроме: настойку лабазника (Aqua Ulmariae), камфору (Camphora), препараты сурьмы (включая Antimonium diaphoreticum и Cinnabri Antimonium), опийный препарат (Laudanum Opiatum), а также смеси потогонного и «очищающего» действия (Mixtura simplex, tincturae antimonii и tartari). Наряду с ними упоминаются средства местного действия (Cornu Cervi praeparati, Oculi Cancrorum, Nigri de boratum). Повторяемость назначений по месяцам показывает, что лечение строилось по схеме «курс — повтор курса» с корректировкой набора препаратов [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 532а, л. 92 об., 103].

Препараты, назначенные штейгеру И. Х. Креслеру, концентрируются вокруг лечения желудочно-кишечных нарушений и «застоя влаг»: фиксируются Mercurius dulcis, Resina Jalapae, Cremor tartari, клизменные составы, препараты сурьмы, а также средства, трактуемые как противоглистные и «очищающие». В августе курс дополнялся сурьмяными каплями, «древесными каплями», горькими и стимулирующими средствами (полынь, на-

CC BY

шатырный спирт) и препаратами, применявшимися при болях и заболеваниях дыхательной системы [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 532а, л. 103 об.].

Шихтмейстер В. Ближевский и комиссар И. Чарушин получали терапию, сочетавшую желудочные капли (Essentia Stomachica), слабительные (Resina Jalapae), противоцинготные средства (Spiritus Cochleariae) и «древесные капли» (Essentia lignorum), что отражает типовую схему лечения «цинготных» и «желудочных» недугов. Для Чарушина дополнительно назначались наружные средства (пластыри и препараты на основе Cantharides), а на дорогу выдавался набор поддерживающих лекарств. Командиру К. Бранту, помимо желудочных средств, был назначен венецианский териак (Theriaca venetiana), что демонстрирует обращение к универсальным комплексным препаратам. Мастер Н. Бахорев получал слабительные и рвотные средства, а также пластырь для заживления ран, С. Неелов — слабительное, противоцинготные и бальзамические средства, применявшиеся как внутрь, так и наружно [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 532а, л. 93, 104—104 об.].

Материалы регистров свидетельствуют, что назначения делались не только служителям, но и членам их семей. В частности, супруге Н. Бессонова выписан курс средств потогонного и мочегонного действия (Tincturae antimonii et tartari, Decoctum Lignorum), супруге Е. Яковлева — препараты при судорожно-лихорадочном состоянии (желудочные капли, потогонные смеси, Theriaca venetiana и др.), а вдове молотового мастера Анне Алексеевне — грудной отвар и порошок при легочных заболеваниях. Следовательно, госпитальная практика охватывала и семейное окружение служителей [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 532а, л. 93, 104 об. — 105].

Во всех рассмотренных случаях повторяются четыре группы средств: потогонно-«очищающая» терапия (препараты сурьмы, «древесные капли», винный камень и смеси на их основе), направленная на усиление потоотделения и «выведение влаги / соков», обезболивающие и противосудорожные средства, включая опийные препараты и камфору, слабительные и рвотные средства (Resina Jalapae, Pulvis purgans, Tartarus emeticus), применявшиеся при желудочно-кишечных расстройствах и «застое влаг», наружные лекарственные формы (пластыри и мази), ориентированные на лечение ран, опухолей, болевого синдрома и «простудных» поражений.

Полученные данные позволяют предположить, что уральские лекари сочетали терапевтические схемы, характерные для гуморальной медицины (широкое применение мочегонных, потогонных и слабительных средств), с практиками, отражающими решение конкретных нозологических задач госпитального контингента. В регистрах и назначениях устойчиво прослеживаются попытки лечения паразитарных инфекций, цинги, ревмати-

CC BY

ческих состояний и заболеваний дыхательной системы. В целом терапевтический репертуар и способы его фиксации свидетельствуют о включенности екатеринбургской медицинской службы в общеевропейское профессиональное пространство XVIII века: об этом говорит как используемые фармакологические группы и номенклатура препаратов, так и обращение к актуальным для времени справочникам и диспенсаторным изданиям.

4. Заключение = Conclusions

Проведенное исследование позволило реконструировать становление системы медицинского обеспечения на горнозаводском Урале в 1720—1750-х годах и показать, что медицинские институты развивались не изолированно, а в тесной связи с административными задачами горнозаводского ведомства. Материалы Сибирского обер-бергамта и Канцелярии Главного заводов правления фиксируют постепенный переход от эпизодических форм помощи к более устойчивой организации медицинской службы: появление профессионального лекаря И. И. Спринцеля и строительство Екатеринбургского госпиталя институционально закрепили практику лечения «работных и мастеровых людей» и сделали ее частью управленческого порядка.

Установлено, что функционирование медицинских учреждений обеспечивалось многоисточниковой финансовой моделью, включавшей удержания из жалованья, сбор «по копейке с рубля» и штрафные поступления. Эти механизмы не только формировали материальную базу госпиталя и лекарственного снабжения, но и задавали правила доступа к лечению и содержанию больных, связывая медицинскую помощь с режимом ведомственного учета и дисциплины.

Ключевым элементом включения медицины в административную практику стала медицинская экспертиза (освидетельствование). Требование обязательного лекарского заключения для отпуска от работ, наличие типовых вариантов решения о трудоспособности и меры по выявлению симуляции болезни свидетельствуют о том, что болезнь в делопроизводстве приобретала статус управленчески значимой категории.

Наконец, анализ лекарственного обеспечения и госпитальной практики показывает включенность уральской медицины в профессиональные стандарты своего времени: поставки из центральных аптек России и ведение журналов расхода лекарств обеспечивали воспроизводимость терапевтических подходов, хотя источники фиксируют и локальные трудности учета. В целом горнозаводская медицина рассматриваемого периода предстает как система, в которой лечебные функции сочетались с задачами регламентации трудоспособности и поддержания устойчивого функционирования заводов.

CC BY

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. ГАСО — *Государственный* архив Свердловской области. Ф. 24 : Уральское горное управление. Оп. 1. Д. 26, 37, 73, 79, 92, 135, 157, 160, 243, 280, 388, 476, 477, 532а, 629, 691, 1138.

2. РГАДА — *Российский* государственный архив древних актов. Ф. 271 : Берг-коллегия, гг. Москва, Петербург. Оп. 1. Д. 834, 1082.

3. *Fagino E.* Dispensatorivm Regivm Et Electorale Borvsso-Brandenbvrgicvm / E. Fagino. — Erford : [b. i], 1734. — 304 p.

Литература

1. *Богданов К. А.* Врачи, пациенты, читатели : патографические тексты русской культуры XVIII—XIX веков / К. А. Богданов. — Москва : Новое литературное обозрение, 2005. — 504 с. — ISBN 5-94282-278-6.

2. *Болезнь* и здоровье : новые подходы к истории медицины : [сборник] / Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, Институт истории общества им. Макса Планка (Геттинген) ; под общ. ред. Ю. Шлюмбома [и др.] ; отв. ред. И. Сироткина ; пер. с англ. и нем. К. А. Левинсон. — Санкт-Петербург : Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2008. — 304 с. — ISBN 978-5-91419-127-3.

3. *Бородулин В. И.* XXI век : кому писать историю медицины — врачам для врачей или историкам для историков? / В. И. Бородулин, Е. Н. Банзелюк, Е. Е. Бергер // Opera medica historica. Труды по истории медицины. — 2019. — Выпуск 4. — С. 42—48. — DOI: 10.34774/ROIM.2019.56.15.002.

4. *Заблудовский П. Е.* История медицины / П. Е. Заблудовский, Г. Р. Крючок, М. К. Кузьмин, М. М. Левит. — Москва : Медицина, 1981. — 352 с.

5. *Затравкин С. Н.* Концепция медицинской полиции : возникновение и практическая реализация / С. Н. Затравкин // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья им. Н. А. Семашко. — 2020. — № 4. — С. 100—107. — DOI: 10.25742/NRIPH.2020.04.013.

6. *История* медицины и медицинской географии в Российской империи / под ред. Е. А. Вишленковой, А. Реннера. — Москва : Шико, 2021. — 388 с. — ISBN 978-5-907348-20-2.

7. *Козлов А. Г.* Фонд «Уральское горное управление» (1719—1917 гг.) как основной источник по истории казенных заводов и фабрик Урала / А. Г. Козлов // Из истории заводов и фабрик Урала. — 1960. — № 1. — С. 14—29.

8. *Круглов В. Н.* «Охранение народного здравия» в Российской Империи : организация, функционирование, достижения, последствия (1880-е гг. — 1916 г.) / В. Н. Круглов // Исторические записки. — 2022. — № 21 (139). — С. 316—347.

9. *Мирский М. Б.* Медицина России XVI—XIX веков / М. Б. Мирский. — Москва : РОССПЭН, 1996. — 376 с. — ISBN 5-86004-029-6.

10. *Мирский М. Б.* Медицина России X—XX веков : очерки истории / М. Б. Мирский. — Москва : РОССПЭН, 2005. — 631 с. — ISBN 5-8243-0603-6.

11. *Михель Д. В.* Социальная история медицины : становление и проблематика / Д. В. Михель // The Journal of Social Policy Studies. — 2010. — Т. 7. — № 3. — С. 299—302.

12. *Морохин А. В.* Придворная медицина в России в петровскую эпоху. 1682—1733 гг. / А. В. Морохин. — Москва : Кучково поле, 2024. — 592 с. — ISBN 978-5-907813-02-1.

13. *Олехнович О. Г.* Медицинская терминология в «Делах Аптекарского приказа», XVII в. : диссертация … кандидата филологических наук : 10.02.01 / О. Г. Олехнович. — Екатеринбург, 2000. — 113 с.

14. *Плате А.* Медицинская экспертиза в Екатеринбургском госпитале : законодательство и практика 1720—1750-х годов / А. Плате // Научный диалог. — 2025. — № 14 (5). — С. 473—490. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-473-490

15. *Сафронова А. М.* В. Н. Татищев — организатор медицинской службы в Екатеринбурге / А. М. Сафронова // Документ. Архив. История. Современность. — 2017. — № 17. — С. 51—70. — ISBN 978-5-7996-2116-2.

16. *Сафронова А. М.* Госпиталь как объект социальной инфраструктуры Екатеринбурга в 1723—1734 годах / А. М. Сафронова, А. А. Сафронов // Научный диалог. — 2020. — № 9. — С. 434—453. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-9-434-453.

17. *Сафронова А. М.* Первая аптека Екатеринбурга и ее роль в медицинском обслуживании населения казенных заводов Урала и Сибири (1734—1750-е гг.) / А. М. Сафронова // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. — Выпуск 19. — С. 56—79. — ISBN 978-5-7996-2747-8.

18. *Сафронова А. М.* Роль Татищева в формировании собрания медицинской литературы в Екатеринбурге (1734—1738 гг.) / А. М. Сафронова // Восьмые Татищевские чтения : материалы региональной научной конференции (Екатеринбург, 27—28 мая 2010 года). — Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2010. — С. 34—39. — ISBN 978-5-8295-0039-9.

19. *Черноухов Э. А.* Верх-Исетский госпиталь в XIX — начале XX вв. / Э. А. Черноухов // Документ. Архив. История. Современность. — 2021. — № 21. — С. 48—56.

20. *Шлерет Ф. А.* Аптека или наука составлять разные лекарства / пер. с нем, Ф. Барсук-Моисеев. — Москва : Типография М. Пономарева, 1793. — 614 с.

21. *Kosheleva O. E.* L'honneur et la caution : La confiance en Russie (XVIIe — XVIIIe siècles) / O. E. Kosheleva // Cahiers du Monde russe. — 2009. — Vol. 50. — Pp. 361—380. — DOI: 10.4000/monderusse.7082.

Статья поступила в редакцию 09.10.2025,
одобрена после рецензирования 12.02.2026,
подготовлена к публикации 24.02.2026.

Material resources

Fagino, E. (1734). *Dispensatorivm Regivm Et Electorale Borvsso-Brandenbvrgicvm.* Erford: [b. i]. (In Ital.).

GASO — *The State Archive of the Sverdlovsk region. F. 24: Ural Mining Administration. Op. 1. D. 26, 37, 73, 79, 92, 135, 157, 160, 243, 280, 388, 476, 477, 532a, 629, 691, 1138.* (In Russ.).

RGADA — *Russian State Archive of Ancient Acts. F. 271: Berg-collegium, Moscow, Petersburg Op. 1. D. 834, 1082.* (In Russ.).

CC BY

References

Bogdanov, K. A. (2005). *Doctors, patients, readers: pathographic texts of Russian culture of the XVIII—XIX centuries.* Moscow: New Literary Review. 504 p. ISBN 5-94282-278-6. (In Russ.).

Borodulin, V. I., Banzelyuk, E. N., Berger, E. E. (2019). XXI century: who should write the history of medicine — doctors for doctors or historians for historians? *Opera medica historica. Works on the history of medicine, 4:* 42—48. DOI: 10.34774/ROIM.2019.56.15.002. (In Russ.).

Chernoukhov, E. A. (2021). The Upper Iset Hospital in the 19th — early 20th centuries. *Document. Archive. History. Modernity, 21:* 48—56. (In Russ.).

Kosheleva, O. E. (2009). L'honneur et la caution: La confiance en Russie (XVIIe — XVIIIe siècles). *Cahiers du Monde russe, 50:* 361—380. DOI: 10.4000/monderusse.7082. (In Frenc.).

Kozlov, A. G. (1960). The Ural Mining Management Foundation (1719—1917) as the main source on the history of state-owned factories in the Urals. *From the history of factories in the Urals, 1:* 14—29. (In Russ.).

Kruglov, V. N. (2022). "Protection of public health" in the Russian Empire: organization, functioning, achievements, consequences (1880s — 1916). *Historical Notes, 21 (139):* 316—347. (In Russ.).

Mikhel, D. V. (2010). Social history of medicine: formation and problems. *The Journal of Social Policy Studies, 7 (3):* 299—302. (In Russ.).

Mirsky, M. B. (1996). *Medicine of Russia of the XVI—XIX centuries.* Moscow: ROSSPEN. 376 p. ISBN 5-86004-029-6. (In Russ.).

Mirsky, M. B. (2005). *Medicine of Russia of the X—XX centuries: essays on history.* Moscow: ROSSPEN. 631 p. ISBN 5-8243-0603-6. (In Russ.).

Morokhin, A. V. (2024). *Court medicine in Russia in the Petrine era. 1682—1733.* Moscow: Kuchkovo Pole. 592 p. ISBN 978-5-907813-02-1. (In Russ.).

Olekhnovich, O. G. (2000). *Medical terminology in the "Affairs of the Pharmacy Order", XVII century.* PhD Diss. Yekaterinburg. 113 p. (In Russ.).

Safronova, A. M. (2010). The role of Tatishchev in the formation of the collection of medical literature in Yekaterinburg (1734—1738). In: *The eighth Tatishchevsky readings: proceedings of the regional scientific conference (Yekaterinburg, May 27—28, 2010).* Yekaterinburg: Publishing House of UMTS UPI. 34—39. ISBN 978-5-8295-0039-9. (In Russ.).

Safronova, A. M. (2017). V. N. Tatishchev — organizer of the medical service in Yekaterinburg. *Document. Archive. History. Modernity, 17:* 51—70. ISBN 978-5-7996-2116-2. (In Russ.).

Safronova, A. M. (2019). The first pharmacy in Yekaterinburg and its role in the medical care of the population of state-owned factories in the Urals and Siberia (1734—1750s). In: *Document. Archive. History. Modernity: collection of scientific papers, 19.* Yekaterinburg: Ural Publishing House. University. 56—79. ISBN 978-5-7996-2747-8. (In Russ.).

Safronova, A. M., Safronov, A. A. (2020). Hospital as an Object of Social Infrastructure in Yekaterinburg in 1723—1734. *Nauchnyi dialog, 9:* 434—453. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-9-434-453. (In Russ.).

Schleret, F. A. (1793). *Pharmacy or the science of composing different medicines.* Moscow: M. Ponomarev Printing House. 614 p. (In Russ.).

Schlumbom, J. (ed.). (2008). *Disease and health: new approaches to the history of medicine: [collection] / European University in St. Petersburg, Institute of the History of Society. Max Planck (Göttingen).* Saint Petersburg: European University in Saint Petersburg. 304 p. ISBN 978-5-91419-127-3. (In Russ.).

Vishlenkova, E. A., Renner, A. (eds.). (2021). *History of medicine and medical geography in the Russian Empire.* Moscow: Shiko. 388 p. ISBN 978-5-907348-20-2. (In Russ.).

Zabludovsky, P. E., Kryucok, G. R., Kuzmin, M. K., Levit, M. M. (1981). *History of medicine.* Moscow: Meditsina Publ. 352 p. (In Russ.).

Zatravkin, S. N. (2020). The concept of medical police: emergence and practical implementation. *Bulletin of the National Scientific Research Institute of Public Health named after N. A. Semashko, 4:* 100—107. DOI: 10.25742/NRIPH.2020.04.013. (In Russ.).

The article was submitted 09.10.2025;
approved after reviewing 12.02.2026;
accepted for publication 24.02.2026.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]
Check for updates

Информация для цитирования:

Мартыненко А. В. Бахаи в Российской империи в контексте русско-иранских отношений / А. В. Мартыненко, Т. Д. Надькин, Е. З. Грачева // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 2. — С. 440—458. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-440-458.

Martynenko, A. V., Nadkin, T. D., Gracheva, E. Z. (2026). Bahá'ís in Russian Empire within Context of Russo-Iranian Relations. *Nauchnyi dialog, 15* (2): 440-458. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-440-458. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU · РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Бахаи в Российской империи в контексте русско-иранских отношений

Мартыненко Александр Валентинович
orcid.org/0000-0002-4701-6398
доктор исторических наук, профессор
arkanaddin@mail.ru

Надькин Тимофей Дмитриевич
orcid.org/0000-0002-2677-8529
доктор исторических наук, доцент
корреспондирующий автор
ntd2006@yandex.ru

Грачева Елена Захарьевна
orcid.org/0000-0002-2758-8065
кандидат исторических наук, доцент
p629@yandex.ru

Мордовский государственный
педагогический университет
имени М. Е. Евсевьева
(Саранск, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта на проведение научно-исследовательских работ по приоритетным направлениям научной деятельности вузов-партнеров по сетевому взаимодействию (Чувашский государственный педагогический университет имени И. Я. Яковлева и Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева) по теме «Россия и Каджарский Иран: взаимодействие империй в торгово-экономической и конфессиональной сферах»

Bahá'ís in Russian Empire within Context of Russo-Iranian Relations

Alexander V. Martynenko
orcid.org/0000-0002-4701-6398
Doctor of History, Professor
arkanaddin@mail.ru

Timofey D. Nadkin
orcid.org/0000-0002-2677-8529
Doctor of History, Associate Professor,
corresponding author
ntd2006@yandex.ru

Elena Z. Gracheva
orcid.org/0000-0002-2758-8065
PhD in History, Associate Professor
p629@yandex.ru

M. E. Evseviev Mordovian
State Pedagogical University
(Saransk, Russia)

Acknowledgments:
The study was carried out with the financial support of a grant for research in priority areas of scientific activities of partner universities in networking (I. Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University and M. E. Evseviev Mordovian State Pedagogical University) on the topic “Russia and Qajar Iran: interaction of empires in trade, economic and religious spheres”

© Мартыненко А. В., Надькин Т. Д., Грачева Е. З., 2026

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена конфессиональной истории религиозной общины персидского происхождения — веры бахаи (старая транслитерация в отечественной литературе — бехаизма, бехаитства) на территории Российской империи в конце XIX — начале XX веков. Проанализированы историко-культурные основы данной религиозной общины персидского происхождения, а также причины и особенности формирования диаспор бахаи в царской России, прежде всего — в Ашхабаде. В качестве источников привлекаются «священные писания» религиозных авторитетов бахаи (на русском, английском и персидском языках), а также работы русских дореволюционных исследователей данного феномена. Уделяется внимание сотрудничеству бахаи с царской администрацией Средней Азии и Закавказья, под защитой которой они находились. Авторы опираются на цивилизационный подход, который позволил выстроить данное исследование в контексте отношений России позднего имперского периода как государства-цивилизации с «пришлой», эмигрантской религиозной общиной (бахаи) и крупным азиатским соседом (Каджарской Персией). Подчеркивается исторический дискурс Большой Игры — геополитического соперничества России и Великобритании на Среднем Востоке, частью которого стало «мирное закабаление» Ирана двумя европейскими державами, что повлияло и на ситуацию вокруг веры бахаи.

Ключевые слова:
Российская империя; Каджарский Иран; вера бахаи; Великобритания; Средний Восток.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the confessional history of a Persian-origin religious community — the Bahá'í Faith (formerly known as Beháism or Behaitstvo in Russian literature) — on the territory of the late nineteenth and early twentieth-century Russian Empire The study examines the historical-cultural foundations of this religious group from Persia, including reasons for its formation and unique characteristics of Baha'i diaspora communities within Tsarist Russia, particularly focusing on Ashkhabad. Drawing upon sacred writings by prominent Bahá'í figures translated into Russian, English, and Persian languages, along with works by pre-revolutionary Russian scholars studying this phenomenon, the authors analyze the cooperation between the Bahá'ís and Imperial administration across Central Asia and Transcaucasia, where they were granted protection. Utilizing a civilizational approach, the research situates these findings within broader relationships between the late imperial Russian state-civilization and an immigrant religious community (the Bahá'ís) alongside a major Asian neighbor (Qajar Iran). Emphasis is placed on the historical discourse of "The Great Game" — a geopolitical rivalry involving Russia and Britain over influence in the Middle East — wherein Iran was subjected to peaceful subjugation by both European powers, impacting the situation surrounding the Bahá'í faith.

Key words:
Russian Empire; Qajar Iran; Bahá'í Faith; United Kingdom; Middle East

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94(47+55)“17/19”
DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-440-458

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история
5.6.2. Всеобщая история
5.6.7. История международных отношений и внешней политики

Бахаи в Российской империи в контексте русско-иранских отношений

© Мартыненко А. В., Надькин Т. Д., Грачева Е. З., 2026

1. Введение = Introduction

Статья представляет собой анализ малоизвестной страницы в конфессиональной истории России, а именно особенностей распространения на территории Российской империи веры бахаи — религиозного движения персидского происхождения. На своей исторической родине — в Иране — бахаи были изначально и остаются до настоящего времени преследуемым религиозным меньшинством. Это связано со многими положениями их вероучения, но прежде всего с тем, что они почитают своего основателя, Мирзу Хусейна Али Бахауллу, как пророка, что входит в непримиримое противоречие с исламской идеей завершения цикла пророчеств миссией Мухаммада. Именно преследования побудили часть бахаи обосноваться в пределах Российской империи. Отношение царской администрации к данной конфессии в немалой степени объяснялось как характером взаимодействия России с Каджарской Персией того времени, так и расчетами на использование бахаи в интересах христианского миссионерства в исламском мире.

Русско-иранские отношения знали разные периоды. Взаимовыгодная торговля и культурный обмен чередовались с затяжными конфликтами, породившими исторические обиды, в определенной степени не изжитые до конца. Примерами могут служить русско-персидские войны за Кавказ первой четверти XIX века или период «мирного закабаления» Ирана Россией и Англией в последней четверти того же столетия.

С другой стороны, как минимум два столетия в России почитают великолепную иранскую культуру, особенно плеяду средневековых поэтов, от Фирдоуси с его монументальной «Книгой царей» («Шахнамэ») до Омара Хайяма с его искромётными и утонченными четверостишиями-рубаи. Иранские мотивы прослеживаются и в русской культуре: от лермонтовского Печорина, «умершего по дороге в Персию», до великолепного «персидского цикла» стихотворений Есенина.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

В настоящее время отношения Российской Федерации и Исламской Республики Иран характеризуются неуклонно растущим стратегическим партнерством. Оба государства испытывают беспрецедентное санкционное давление со стороны коллективного Запада. Вооруженные силы РФ и ИРИ взаимодействовали как союзники в ходе антитеррористической операции в Сирии. Иран оказал России военно-техническую помощь в ходе Специальной военной операции, а Россия оказала Ирану дипломатическую поддержку во время его военного столкновения с Израилем и США летом 2025 года.

Россия и Иран связаны множеством социально-экономических, политических и культурных нитей, что обусловливает актуальность изучения самых разных сюжетов многовекового русско-иранского взаимодействия, в том числе истории персидской общины бахаи, гонимой у себя на родине и получившей прибежище в царской России.

В отечественной историографии отношение к религии бахаи менялось вместе со сменой идеологического дискурса. Первым исследованиям веры бахаи в Российской империи будет дана характеристика в следующем подразделе нашей статьи, поскольку по содержанию и стилю данные работы более приближаются к источникам. В советский период имели место несколько работ, в основном публицистического плана, в которых вера бахаи (в тогдашней отечественной транслитерации — *бехаизм, бехаитство*) безоговорочно осуждалась с позиций классового подхода и трактовалась как идеология компрадорской буржуазии. Такое отношение образно и эмоционально выразил один из советских авторов, И. Даров: «Бехаистское яблоко красиво, свежо и румяно; но достаточно вскрыть это яблоко скальпелем марксистской критики, чтобы обнаружить гниль его сердцевины» [Даров, 1930, с. 14].

В постсоветский период появилось несколько исследований, посвященных вере бахаи. В частности, один из соавторов данной статьи, А. В. Мартыненко в 2005 году опубликовал монографию, в которой провёл сравнительно-исторический анализ двух религиозных меньшинств во враждебном для них исламском окружении. Речь идет о бахаи и об ахмадийя. Вторая община выходит за рамки заявленной в статье тематики: коротко поясним, что ахмади (другое название — *кадиани*) как религиозное сообщество зародились на территории Британской Индии фактически в тот же период, когда в Ираке, Турции и Палестине разворачивалась проповедь основателя веры бахаи. Дело в том, что обе общины, при всей их доктринальной несхожести, в полной мере разделили общую участь и судьбу изгоев в исламском мире: и те, и другие объявили своих лидеров-основателей пророками, что неизбежно натолкнулось на враждебное отношение со стороны мусульман. С другой стороны, если ахмади считают

CC BY

себя истинными мусульманами и настаивают на своей исламской идентичности, то бахаи претендуют на статус новой религии.

На Западе же корпус трудов по бахаи достаточно обширен. Однако в подавляющем большинстве это работы многочисленных авторов-бахаи (иранских, английских, американских, французских и других), которые носят откровенно апологетический характер.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Целью статьи является структурный, комплексный анализ истории общины бахаи в Российской империи в общем контексте тогдашних русско-иранских отношений.

Ядро источниковой базы по вероучению и культово-повседневной практике бахаи составляют многочисленные тексты основателя данного религиозного сообщества — Мирзы Хусейна Али Нури Бахауллы, а также его сына Абдул Баха и его правнука Шоги Эфенди Раббани. Это весьма обширное собрание произведений, изначально написанных на фарси или арабском, которые бахаи всего мира до настоящего времени почитают как свои священные писания.

Некоторым из этих книг бахаи придают особенное значение. Пожалуй, самым важным текстом в своей системе ценностей они считают «Китаб-и Агдес» (фарси «Самая святая книга»; другие варианты перевода — «Священнейшая книга», «Наисвятая книга»), автором которой является сам Бахаулла. Время создания «Китаб-и Агдес» относят к нахождению основателя веры бахаи под контролем турецких властей в городе Акко, в Палестине, к началу 70-х годов XIX века. Значимость этого текста для бахаи часто сравнивают со значимостью библейского текста для христиан, а коранического текста для мусульман. «Самая святая книга» включает в себя лаконичные статьи (всего — 468), которые в совокупности своей рисуют нам достаточно подробную и полную картину учения, культовой практики, образа жизни этой молодой религии. Авторы данной статьи использовали самый первый перевод «Китаб-и Агдес» на русский язык (так называемый «Ашхабадский перевод» 1893 года), выполненный царским дипломатом и исламоведом А. Г. Туманским.

Гораздо более сложный текст, наполненный мистическими образами, отсылками и аллюзиями к исламскому и христианскому культурным пластам и социокультурным кодам, представляет собой ещё один крупный труд Бахауллы — «Китаб-и Иган» (фарси «Книга несомненности»). Это более раннее, чем «Самая святая книга», произведение, сочиненное основателем веры бахаи в 1863 году в Багдаде. Именно в указанном году, находясь в багдадской ссылке, он объявил себя новым пророком в истории

CC BY

человечества. Поэтому «Книга несомненности» представляет собой подробное обоснование истинного характера претензий Бахауллы на пророческий статус. В статье цитируется английский перевод «Китаб-и Иган», подготовленный последним крупным религиозным авторитетом бахаи Шоги Эфенди Раббани.

Большое место в своей проповеди Бахаулла отводил жанру небольших по объёму посланий — так называемых лаух, выполненных им на фарси и арабском. Эти тексты адресованы как сторонникам, так и недоброжелателям бахаи и освещают точку зрения представителей этой религии на самые разные темы и вопросы — от богословских до бытовых. Некоторые цитаты из лаух приводятся в нашей статье; они взяты из сборника посланий под названием «Таблицы Бахауллы», англоязычный перевод которого подготовлен своеобразным «мировым правительством» бахаи — Всемирным домом справедливости, расположенным в городе Хайфа (в настоящее время это территория Израиля).

Огромную роль в распространении веры бахаи по всему миру в XX веке сыграл сын Бахауллы — Аббас Эфенди, более известный под своим сакральным именем Абдул Баха (фарси «Раб Сияющего»). Этот человек, возглавивший религиозную общину после смерти своего отца, объехал многие страны с целью привлечения новых приверженцев. Его энергичная деятельность действительно привела к значительному расширению «географии» веры бахаи, особенно в странах Западной Европы и США. В частности, в 1912 году Абдул Баха посетил Париж, где выступил с проповедями, которые легли в основу его книги «Парижские беседы». Данный текст представляет собой дальнейшую детализацию учения бахаи, включая взгляды этой религии на целый ряд вопросов философии и социального, культурного, нравственного состояния человечества. В статье цитируется одно из англоязычных изданий «Парижских бесед».

Помимо лидеров и религиозных авторитетов бахаи, история и учение данной религии излагаются отдельными её приверженцами. Некоторые из них, будучи выходцами из Персии, облекали идеи рождающейся, новой религиозной системы в традиционные и причудливые, ускользающие от рационального осмысления образы мусульманского мистицизма — тасаввуф. Ярким примером в этом плане является один из убеждённых сторонников Бахауллы по имени Мухаммад Али Заранди, написавший мистическую поэму «Месневи» (1888 год). Как известно, месневи — это традиционный жанр персидской поэзии, представляющий собой собрание двустиший. Мухаммад Али Заранди поместил в эту средневековую литературную форму персов иносказательное и метафорическое обоснование пророческой миссии Бахауллы. В Восточном зале Российской государственной библи-

CC BY

отеки (Москва) хранится экземпляр «Месневи» Мухаммада Али Заранди, изданный в Каире на персидском языке в 1924 году. Отдельные строки поэмы, переведённые с фарси одним из соавторов (А. В. Мартыненко), цитируются в нашей статье.

Одними из первых исследователей данного историко-религиозного феномена «со стороны» стали российские исламоведы (А. Е. Крымский, А. Г. Туманский, С. Уманец), непосредственно познакомившиеся с бахаи во время своей службы на Среднем и Ближнем Востоке или даже в пределах Российской империи, в частности — в Ашхабаде. Русским учёным принадлежит заслуга сбора и систематизации религиозных текстов бахаи. Более того, первый перевод «Китаб-и Агдес» на европейский язык (на русский) выполнил упомянутый А. Г. Туманский.

При дискуссионном характере цивилизационного подхода, его использование в данной статье в качестве методологии нашего исследования представляется наиболее оптимальным, поскольку его несомненным достоинством является повышенное внимание к духовно-нравственным и социокультурным основаниям той или иной цивилизации как к факторам, определяющим её облик и историческую судьбу. В нашем случае религиозный феномен веры бахаи рассматривается в контексте взаимодействия России как государства-цивилизации с зарубежным исламскими миром (здесь — с Каджарской Персией).

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Религия бахаи как историко-культурный феномен

Бахаи (вера бахаи) представляет собой отдельную религиозную систему, которая сформировалась во второй половине XIX — начале XX веков на территории Каджарской Персии и Османской империи, а впоследствии широко распространилась по всему миру.

Община бахаи сформировалась на организационной и доктринальной основе религиозного движения бабидов, охватившего Иран в 40-е годы XIX века. Данное движение было создано проповедником Али Мухаммадом, присвоившим себе сакральный титул «Баб» (араб. «Врата», «Двери»), давший название самому движению. Мухаммад Али Заранди, соратник и Баба, и Бахауллы, в своей поэме «Месневи» мистическим и образным языком описывает явление Баба мусульманам: «Соловей твоей души лишился чувств, поскольку удостоился чести царственного бытия. Сущность сокровенного не высказана, поскольку народ Аллаха погряз в суеверии» [Месневи, 1924, с. 7].

В то же время Баб изначально в значительной степени отошёл от исламского вероучения и, самое главное, объявил себя новым пророком,

CC BY

нарушив важнейшее мусульманское представление о том, что последним пророком в истории человечества был Мухаммад. Во многом именно поэтому движение бабидов подверглось жестокому разгрому в Персии в 1848—1852 годах, а основатель движения — Баб — был казнён каджарскими властями в 1850 году. Упомянутый выше Мухаммад Али Заранди в своей поэме, в свойственной ему завуалированной и иносказательной стилистике, связывает казнь Баба с появлением нового пророка: «Убийство Сияющего совершили силы мракобесия. Ангел красоты явился миру. Будьте готовы! О будьте к этому готовы!» [Месневи, 1924, с. 8].

В 1850—1860-е годы на территории Османской империи (в Ираке, Турции и Палестине) на основе эмигрировавших общин бабидов сформировалась новая религия — бахаи.

Её основатель, Мирза Хусейн Али Нури, принявший сакральное имя Бахаулла (перс. «Сияние / Свет Бога»), создал новое религиозное движение: «С 1866 г. он переместился в Багдад (из Персии. — *А. М., Т. Н., Е. Г.*), где утвердил своё лидерство над бабидами и инициировал преобразование вооружённого и эсхатологического движения в веру бахаи» [Robinson, 2011, p. 168].

Смыслом, декларируемой целью и одновременно главным идеалом веры бахаи является такое объединение человечества, при котором исчезнут национальные государства, уйдут в прошлое межгосударственные границы, все этносы планеты будут жить в рамках единого политико-экономического пространства. Это будущее, воспетое Бахауллой и его преемниками, бахаи называют «Новым мировым порядком».

По данному поводу Бахаулла утверждает в одном из своих посланий-лаух («Бишарат»): «Достоин хвалы не тот, кто любит свою страну, но тот, кто любит мир… Настоящий человек тот, кто сегодня посвящает себя служению всей человеческой расе» [Bahaullah, 1982b, p. 87—88]. С этими словами перекликается его призыв к человечеству в «Самой священной книге»: «Будьте, как бы пальцы одной руки и как бы основные части тела», — говорится в «Китаб-и Агдес» [Китабе, 1899, с. 15].

Из «священных текстов» бахаи можно вычленить отдельные детали идеального будущего для всех жителей Земли. Прежде всего, речь идет о некоем едином органе управления, в равной степени представляющем интересы всех народов, больших и малых. Хотя подразумевается, что конфликты и преступления в таком прекрасном грядущем уйдут в прошлое, всё же у религиозных авторитетов бахаи звучат упоминания о некоей карательной структуре (мировом трибунале), которая, очевидно, будет способна эффективно пресекать какие-либо покушения на этот идеальный миропорядок.

CC BY

Бахаулла писал в упомянутом выше тексте «Бишарат», что «правителям и министрам следует — да поможет им Бог — собраться на совет и принять один из существующих языков или новый язык для обучения ему детей во всех школах мира, то же самое касается письменности. Тогда вся земля будет выглядеть как одна страна» [Bahaullah, 1982b, p. 22]. Об этом же говорится и в «Китаб-и Агдес» [Китабе, 1899, с. 45]. Не смотря на то, что вопрос о том, какой именно язык займёт столь почетное место единого языка для всех жителей планеты, среди сегодняшних бахаи немало эсперантистов — сторонников известного искусственного языка.

Идея равноправия также играет важнейшую роль в проповеди бахаи. «Все люди равны перед законом, который царствует безраздельно» — заявляет Абдул-Баха в «Парижских беседах» [Abdul Baha, 1971, p. 154].

О равенстве и равноправии мужчины и женщины также говорится в «Парижских беседах»: «Божественная справедливость требует, чтобы права обоих полов соблюдались в равной степени, так как они равны в глазах небес. Достоинство перед Богом зависит не от пола, но от чистоты сердца» [Ibid., p. 162]. Эмансипация женщин практиковалась среди бахаи уже на начальном этапе их истории. Об этом писал в своём отчёте русский врач С. Марк, находившийся в командировке в Южной Персии (1897 год): «Успех секты бабидов (имеются в виду бахаи. — *А. М., Т. Н., Е. Г.*), особенно распространенной на юге Персии, обязан, отчасти, стремлению их освободить мусульманскую женщину из ея затворничества, поднять уровень ея развития, предоставив ей положение в обществе, подобно женщине христианской» [Марк, 1898, с. 42].

Абдул Баха в своих парижских проповедях много говорил о содружестве религиозного и научного знания, постулируя отсутствие противоречий между ними: «Между истинной религией и наукой нет противоречия. Когда религия противостоит науке, она превращается в суеверие: то, что противостоит знанию, является невежеством» [Abdul Baha, 1971, p. 144]. С другой стороны, основатель этой религии, Бахаулла, отстаивал превосходство веры над материальным знанием, в том числе научным: «Подумай, как может тот, кто в день откровения Бога не смог достичь щедрости Божественного Присутствия и постигнуть Его Провозглашение, справедливо называться образованным, хотя бы он вечно копил знания и овладел всеми ограниченными материальными учениями людей? Совершенно очевидно, что он ни в коей мере не может считаться обладающим истинным знанием. Тогда как самый неграмотный из всех людей, если он наделен этой высшей проницательностью, поистине считается одним из тех божественно просвещенных людей, чье знание от Бога» [Bahaullah, 1982a, p. 93—94].

CC BY

В XX веке относительно небольшая община бахаи трансформировалась в международное религиозное движение, не столь многочисленное в глобальных масштабах, но чрезвычайно широко распространенное и создавшее свои организационные структуры (так называемые «духовные советы») в большинстве государств мира.

В Российской Федерации бахаи являются своеобразной «общиной-невидимкой», поскольку их численность в нашей стране насчитывает несколько тысяч человек. В то же время с Россией, точнее с Российской империей, связана важная страница в истории этой религии.

3.2. Формирование ашхабадской общины бахаи

Ранняя история веры бахаи проходила на фоне Большой Игры — напряжённого соперничества между Россией и Великобританией за сферы влияния в Центральной Азии и на Среднем Востоке. Итальянский историк Франко Кардини пишет об особенностях Большой Игры: «На службе русских и англичан были не только солдаты. В распоряжении обеих держав имелась целая армия шпионов, замаскированных под географов, этнографов и торговцев, которые проникали в пустыни и на склоны высочайших в мире гор» [Кардини, 2009, с. 274]. К концу XIX века в ходе этой борьбы в состав Российской империи вошла почти вся Средняя Азия, в том числе территория современного Туркменистана.

Появление первых приверженцев веры бахаи в пределах среднеазиатских владений Российской империи относят к первой половине 80-х годов XIX столетия. Это были люди, бегущие и ищущие спасения от религиозных гонений у себя на родине, в Персии. К 1890 году в Ашхабаде уже существовала достаточно крупная (более тысячи человек) диаспора бахаи, уроженцев персидских городов Сабзивар и Йезд, в основном купцов и ремесленников. В 1912 году исламовед А. Е. Крымский приводил данные об одном миллионе русскоподданных бахаи (впрочем, он сам же и ставил эту цифру под сомнение) [Крымский, 1912, с. 25].

Переселенцы-бахаи в Ашхабаде впервые почувствовали себя защищенными, попав под покровительство русских властей, применявших в их отношении название «бабиды», которое к этому времени было уже анахронизмом.

Русский композитор шведского происхождения В. Н. Гартевельд в книге о своем путешествии в Среднюю Азию «Среди сыпучих песков и отрубленных голов» вспоминал: «Город же Асхабад (транслитерация оригинала. — *А. М., Т. Н., Е. Г.*), центр Закаспийской области и резиденция начальника края, основан русскими в 1882 году. В нём находятся все отделы областного управления, как то: управление Среднеазиатской железной дороги, окружной суд, отделение Государственного банка, тамож-

CC BY

ня, казначейство, акцизное управление и т. п. Имеется женская гимназия, мужская прогимназия, железнодорожное техническое училище, Куропаткинская школа садоводства, воскресные школы, детский приют, церковно-приходская школа и ***бахаинское училище бабистов*** (выделено авторами статьи. — *А. М., Т. Н., Е. Г.*)» [Гартевельд, 1914, с. 35—36].

История бахаи на территории современной Туркмении началась с того, что в 1884 году Ашхабад посетил мубелиг (странствующий проповедник бахаи), по имени Мухсин-и Афнан, который затем предложил Бахаулле, находившемуся тогда в палестинской ссылке, план создания общины бахаи в этом среднеазиатском городе. Основатель веры бахаи не только одобрил этот план, но и вел постоянную переписку со своими ашхабадскими приверженцами. Лидером же ашхабадской диаспоры бахаи стал Хаджи Мухаммад Реза Исфахани. Он и его соратники охотно делились сведениями о своей религии с русскими исследователями, названными выше.

Так, С. Уманец, например, свидетельствует о том, что бахаи выступили с критикой в адрес книги казанского исламоведа Мирзы Казем-Бека «Баб и бабиды»: «Бабиды (речь здесь идет о бахаи. — *А. М., Т. Н., Е. Г.*), с которыми нам случалось вести речь по поводу книги Мирзы Казем-Бека, положительно отрицают приписываемую им профессором веру в переселение душ и в то, что, будто бы, по их ученью, атрибуты божии переходят в их главарей и ученых» [Уманец, 1904, с. 42].

Русские авторы упорно продолжали употреблять в отношении общины название «бабиды», поэтому последние считали долгом объяснить свое отличие от традиционных поклонников сейида Али Мухаммада Баба. «Заметим, — пишет в связи с этим А. Е. Крымский, — что последователи Бехоаллаха (Бахауллы. — *А. М., Т. Н., Е. Г.*) даже не желают, чтобы их называли бабидами. Один самаркандский бехаит, Сабит (из общества “Омид”) пишет мне в письме 14 декабря 1911 года: “надо различать бехаидов и бабидов. Нынешняя стадия (ан че хаст аль-ан) — это же бехаиды, а не бабиды. Бабиды имеются в некоторых городах, их немного, и их нелегко пересчитать. Тот, кто изгнанником живет в Акке, это глава бехаидов, а не бабидов, и бабиды его учений не признают”» [Крымский, 1902, с. 83].

Бахаи проживали в Ашхабаде компактно, занимая несколько домов в районе Мервского проспекта: «Благодаря своему достойному образу жизни, — пишет А. Г. Туманский, — они (бахаи. — *А. М., Т. Н., Е. Г.*) приняты русскими как нельзя лучше. Некоторые из более зажиточных бабидов состоят даже членами городского общественного собрания» [Туманский, 1893, с. 2]. Об этом же свидетельствует и А. Е. Крымский в работе «Общий исторический очерк бабизма и обзор новейшей литературы о нем»: «Русские власти приняли их приветливо, и в Туркестане несколько лет тому

CC BY

назад закончена постройка чрезвычайно красивого бабидского храма в Асхабаде на Мервском проспекте» [Крымский, 1902, с. 82].

Этот храм получил название Машрик ул-Азкар. К настоящему времени храм не сохранился, поскольку был разрушен землетрясением 1948 года. Теперь на месте этого первого в истории бахаи их молитвенного здания находится памятник туркменскому поэту XVIII века Махмуткули Фраги.

3.3. Бахаи и власти Российской империи на фоне русско-иранских отношений конца XIX — начала XX веков

Период, к которому относится анализируемый исторический сюжет (конец XIX — начало XX веков), характеризуется так называемым «мирным закабалением Ирана». Как и другие страны Среднего Востока и Центральной Азии, Каджарская Персия стала объектом «Большой Игры», то есть геополитического соперничества в этом обширном регионе между двумя империями — Российской и Британской. Иран оказался разделенным на две сферы влияния — русскую (север страны) и английскую (юг). Проявления «мирного закабаления» были разнообразны. Например, началась англо-русская борьба за концессии — по сути, за право держав на льготных условиях эксплуатировать богатые природные и экономические ресурсы Ирана, включая нефть. Каджары утратили финансовую самостоятельность, поскольку эта важнейшая сфера фактически была монополизирована двумя иностранными банками — русским Учетно-ссудным банком и английским Шаханшахским банком. О стремительной утрате суверенитета свидетельствовал и тот факт, что единственным боеспособным подразделением каджарской армии стала Персидская казачья бригада — личная гвардия шаха, созданная из местного населения русскими офицерами, находящаяся под командованием полковника царской армии, который фактически не подчинялся правителю страны. Более того, когда в результате теракта был убит Наср ад-дин шах Каджар (1 мая 1896 года), на некоторое время хозяином страны стал командир указанной бригады, полковник В. А. Косоговский, который посадил на трон Музаффар ад-дин шаха, находившегося в орбите русского влияния.

При подобном состоянии Ирана Российская империя позволяла себе игнорировать недовольство каджарских властей тем, что царские власти предоставили убежище бахаи как преследуемой у себя на родине религиозной общине.

В немалой степени это было обусловлено геополитическими и культурно-просветительскими интересами России в присоединенных к ней регионах Средней Азии. Православное миссионерство в данном обширном регионе — регионе традиционно мусульманском — не было отмечено значительными успехами и, возможно, потому использовало любую воз-

CC BY

можность. В качестве такой возможности были восприняты и бахаи — уже не мусульмане, хотя еще не христиане, но активно обращающиеся в своих проповедях к новозаветной традиции. Об этом, например, писал исследователь веры бахаи того времени И. Сегаль: «Бабизм («необабизм», то есть вера бахаи. — *А. М., Т. Н., Е. Г.*) — это тот путь, встретившись на котором, христианство и просветленный ислам протянут друг другу руки» [Сегаль, 1893, с. 27]. Об этом же писал православный миссионер в иранском городе Казвин Н. Бернасовский: «Но, бесспорно, бабизм (имеется в виду вера бахаи. — *А. М., Т. Н., Е. Г.*) много заимствовал и заимствует из христианского учения для развития своих нравственных сторон и, с этой точки зрения, распространение его среди персов можно только лишь приветствовать» [Бернасовский, 1909, с. 13].

Однако напряжение между мусульманами Ашхабада и местной диаспорой бахаи непрерывно росло и, как известно, завершилось трагической гибелью лидера бахаистской общины. Отметим, что сведений о причастности каджарских властей к этим событиям нет. Скорее всего, это было это была «инициатива снизу», проявление религиозного фанатизма и нетерпимости проживавших в городе шиитов-персов, для которых слово «баби» было синонимом понятий «раскольник» и «еретик». С другой стороны, можно говорить и о «внешнем факторе»: в Ашхабад прибывали проповедники-шииты из Хорасана (Восточного Ирана), которые призывали к таким же жестоким и беспощадным расправам над бахаи, которые практиковались тогда по всей территории Персии.

Итак, в среде местного шиитского населения созрело роковое решение об убийстве главы бахаистской общины Ашхабада Хаджи Мухаммада Резу Исфахани: «Но так как это было не в Персии, и шииты хорошо знали, к каким последствиям поведет такое убийство, то они решились бросить жребий, кому достанется благочестивый удел покончить с презренным отступником от ислама и пострадать за веру Пророка» [Туманский, 1892, с. 317].

27 августа 1889 года, в 7 часов утра на Базарной площади Ашхабада, «в присутствии народа и полицеского служителя», два шиита, Мешхеди Али Акбар и Мешхеди Хусейн, напали с кинжалами на Мухаммада Резу Исфахани и нанесли ему сорок две раны, от которых он скончался на месте: «Совершив убийство, они отдались в руки полиции, причем, когда их везли на извозчике, они, в припадке фанатическаго исступления, лизали кровь, стекавшую с их кинжалов» [Туманский, 1892, с. 317].

В этой драматичной ситуации царские власти немедленно пришли бахаи на помощь, оказав им всемерную защиту. Инициативу в этом плане проявил генерал-губернатор Закаспийской провинции Александр Виссарионович Комаров, участник боевых действий против Шамиля на Северном Кавказе и

CC BY

Туркестанских походов русской армии. Его решительные действия по обеспечению безопасности бахаи даже привели к уличным беспорядкам шиитов Ашхабада, впрочем, быстро и эффективно подавленных.

Любопытна в данной ситуации позиция самих бахаи. Они обратились к властям с просьбой о помиловании убийц их лидера. В итоге в ходе судебного заседания 1890 года изначальный смертный приговор Мешхеди Али Акбару и Мешхеди Хусейну был заменен пожизненной каторгой в Сибири [Туманский, 1892, с. 316]. Это решение получило личное письменное одобрение находившегося в Палестине Бахауллы: «Вы были убиваемы и не убивали. Добро вам!» [Там же, с. 320]. Основатель веры бахаи в специальном послании вознес хвалу «светозарной державе», «величайшему императору» и «почтеннейшему генералу», подразумевая соответственно Российскую империю, Александра III и А. В. Комарова: «Мы молим Бога, — писал Бахаулла, — да поможет Он (Александр III. — *А. М.*) этой общине (бахаи. — *А. М., Т. Н., Е. Г.*) славить его, восхвалять его, служить ему и да проявит Он в них то, что требуется за деяние его чистое, святое, славное, великое» [Там же, с. 321]. Одновременно в Каджарской Персии местные бахаи даже сочинили хвалебный гимн в честь «Государя Императора» Александра III. Искренность столь восторженных и пафосных выражений благодарности со стороны как самого Бахауллы, так и его приверженцев не вызывает сомнения: впервые в своей истории бахаи получили официальную поддержку и защиту со стороны государства. И этим государством стала Российская империя. К слову, в связи с этими обстоятельствами своей ранней истории особое отношение к России сохраняется у бахаи до настоящего времени.

Особо почитаемое отношение бахаи всего мира к России связано также с тем, что именно на территории Российского государства был воздвигнут самый первый бахаистский храм. Поясним, что храмов бахаи (они называются «дома преклонения») немного. Раньше они воздвигались по принципу «один храм — на один континент», теперь эта география несколько расширена. Так, европейский храм бахаи находится в Федеративной Республике Германии, азиатский — в Индии, африканский — в Уганде, североамериканский — в США. Есть два храма в Латинской Америке — в Панаме и в Чили, отдельный храм в Австралии и отдельный храм в Океании (на Самоа).

Однако самый первый в истории бахаи «дом преклонения» был построен ими к 1907 году в пределах Российской империи, в Ашхабаде. Он получил название *Машрик ул-Азкар* (араб., перс. «Место, где расцветает восхваление Бога»). Строительство осуществлялось с разрешения царских властей и под руководством архитектора-бахаи Устада Али Акбара. До на-

CC BY

ших дней храм не сохранился: сначала он был конфискован советскими властями, а в 1948 году разрушен мощным Ашхабадским землятресением.

Другими крупными центрами бахаи на территории Российской империи стали города Закавказья. К 1904 году в Баку, Шемахе и Елисаветполе проживало около семи тысяч бахаи, «в Тифлисе же их всего меньше, — здесь их число доходит до ста семейств» [Уманец, 1904, с. 41].

Относительно благополучное существование бахаи в мусульманских регионах России продолжалось вплоть до установления советской власти. В 1920-е годы общины бахаи в Закавказье и Средней Азии были еще достаточно многочисленны и активны. Например, ашхабадские бахаи даже издавали собственный журнал «Хуршид-и Ховер» («Солнце Востока»).

Однако проповеди бахаи о классовом мире и отказе от насильственных методов борьбы очень скоро вступили в противоречие с революционной и атеистической идеологией нового, советского режима. Раздражение новой власти вызывала и основополагающая идея бахаи — идея «нового мирового порядка», предлагающая модель развития человечества, альтернативную марксистской. Начался период гонений, который завершился в 1930-е годы полным разгромом общины бахаи в СССР.

4. Заключение = Conclusions

В современном мире, по разным оценкам, насчитывается от 6 до 8 млн бахаи. В некоторых странах они почти не заметны. Например, в Российской Федерации их численность колеблется между тремя и четырьмя тысячами последователей. Один из авторов статьи (А. В. Мартыненко) в течение почти тридцати лет преподавания в вузе, на своих занятиях по истории стран Азии и Африки почти всегда сталкивался с ситуацией, когда студенты об этой конфессии никогда и ничего не слышали. Казалось бы, есть страны, где масштабы их деятельности весьма впечатляют. Так, в окрестностях столицы Индии, Дели расположено одно из самых известных молитвенных зданий бахаи — знаменитый Храм-Лотос, а число индийских последователей Бахауллы превышает миллион человек. Но для Индии с её полуторамиллиардным населением это весьма незначительное религиозное меньшинство.

Тем не менее бахаи с оптимизмом смотрят в своё будущее, позиционируя себя ни много ни мало как «новую мировую религию». На ироничные комментарии скептиков и недоброжелателей бахаи возражают, что они находятся в начале своего пути, а их сообщество с исторической точки зрения еще очень юное, поскольку его возраст не намного превышает сто лет. В логике рассуждений бахаи, в свое время и христианство, и ислам тоже были относительно небольшими и гонимыми общинами, для их трансформации в мировые религии понадобились тысячелетия.

CC BY

По мнению авторов данной статьи, мечта бахаи о «новом мировом порядке», едином планетарном государстве, грядущем гармоничном состоянии человечества не может не вызвать скепсис, особенно с учетом тревожных реалий современного мира.

Более того, существует обширный мир, объединяющий более чем полтора миллиарда верующих, в котором благожелательное отношение к бахаи невозможно априори. Это исламский мир во всём его многообразии, который вряд ли простит бахаи даже тот факт, что в данное сообщество перешли (особенно на раннем этапе его истории) сотни тысяч мусульман. Как упоминалось выше, ещё одним раздражителем для правоверных является пророческий статус Бахауллы, признанный его последователями, что входит в непримиримое противоречие с тем, что «печатью пророчеств» (араб. «хатм ан-наби») является Мухаммад, пророк ислама и основатель исламской уммы.

Особенно драматичной история бахаи стала в Иране, где они преследовались и при Каджарах (до 1925 года), и при последней монархической династии Пехлеви (1925—1979 годы правления), и в Исламской Республике Иран (ИРИ) (с 1979 года). В 1983 году все организации бахаи в ИРИ были законодательно запрещены, что сохраняется в силе до настоящего времени.

Так сложилось исторически, что первым государством, оказавшим помощь и защиту бахаи, стала Российская империя. В тот период Каджары находились в политической зависимости от внешних игроков настолько, что не имели никаких рычагов воздействия на царские власти по вопросу о диаспоре бахаи в Средней Азии и Закавказье. Но безопасность бахаи-эмигрантов была весьма условной, что подтверждает факт расправы над лидером их общины в Ашхабаде, совершенной религиозными фанатиками в 1889 году.

Относительно благополучная жизнь бахаи в России была окончательно прервана с установлением советской власти, обрушившей репрессии без преувеличения на все конфессии страны. Аресты, лагеря и депортации привели к тому, что в 1930-е годы общины бахаи на территории СССР прекратили свое существование.

В Россию «лихих девяностых» бахаи вернулись в общем потоке «новых религиозных движений» (НРД) и «религий нового века» и, как упоминалось выше, получили весьма скромные успехи в приобретении новых адептов. Свою роль здесь сыграла и смена социокультурного дискурса. В качестве примера можно привести изменение отношения к бахаи со стороны Русской православной церкви. Если священник Николай Бернасовский, расстрелянный большевиками в 1933 году, отзывался о «просве-

щенном бабизме» в комплиментарном духе, усматривая в бахаи едва ли не союзников в деле христианского миссионерства, то сегодня РПЦ относит веру бахаи к общей совокупности «вредоносных сект», подрывающих традиционные религиозные ценности страны.

В целом, история бахаи в Российской империи это ещё одна перевернутая страница в не самой благополучной главе российско-иранских отношений. Данный сюжет не столь значим в глобальных масштабах, но, как в сложной мозаике, он является отдельным пазлом более широкого полотна многовекового взаимодействия России и Ирана.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Китабе* Акдес. «Священнейшая книга» современных бабидов. Текст, перевод, введение и приложения А. Г. Туманского. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1899. — 160 с.

2. *Abdul Baha*. Paris talks / Abdul Baha. — London : Bahai Publishing Trust, 1971. — 184 p.

3. *Bahaullah.* Ketab-i-Iqan / Bahaullah. — London : Bahai Publishing Trust, 1982a. — 167 p.

4. *Bahaullah.* Tablets of Bahaullah / Bahaullah. — Haifa : Baha'i Publishing Trust, 1982b. — 269 p.

5. *Месневи* Мухаммад Али Заранди [Месневи о бехаизме и история восхождения Бахауллы]. — Каир : [б. и.], 1924. — 112 с. (на языке фарси).

Литература

1. *Алиев С. М.* История Ирана. XX век / С. М. Алиев. — Москва : Ин-т востоковедения, 2004. — 644 с. — ISBN 5-93675-075-2.

2. *Бартольд В. В.* Работы по исторической географии и истории Ирана / В. В. Бартольд. — Москва : Восточная литература, 2003. — 663 с. — ISBN 5-02-018410-1.

3. *Бернасовский Н.* Бабизм. История возникновения. Его развитие. Догматические и нравственные начала / Н. Бернасовский. — Тифлис : Тип. Штаба Кавк. воен. окр., 1909. — 14 с.

4. *Гартевельд В. Н.* Среди сыпучих песков и отрубленных голов. Путевые очерки Туркестана (1913 г.) / В. Н. Гартевельд. — Москва : И. А. Маевский, 1914. — 159 с.

5. *Грачева Е. З.* Каджарский Иран в XIX веке. Монография / Е. З. Грачева, А. В. Мартыненко. — Саранск : МГПИ им. М. Е. Евсевьева, 2015. — 153 с. — ISBN 978-5-8156-0759-0.

6. *Даров И.* Бехаизм / И. Даров. — Москва ; Ленинград : Прибой, 1930. — 54 с.

7. *Кардини Ф.* Европа и ислам. История непонимания / Ф. Кардини. — Санкт-Петербург : Александрия, 2007. — 332 с. — ISBN 978-5-9033445-06-6.

8. *Казем-Бек А. К.* Баб и бабиды / А. К. Казем-Бек. — Санкт-Петербург : Тип. В. Н. Майкова, 1865. — 177 с.

9. *Корбен А.* История исламской философии / А. Корбен. — Москва : Прогресс-Традиция, 2009. — 367 с. — ISBN 978-5-89826-301-2.

10. *Крымский А. Е.* История мусульманства. Очерки религиозной жизни / А. Е. Крымский. — Москва ; Жуковский : Кучково поле, 1912. — 289 с.

11. *Крымский А. Е.* Общий исторический очерк бабизма и обзор новейшей литературы о нем / А. Е. Крымский // История мусульманских народов. Лекции и пособие к лекциям. — Москва : [б. и.], 1902. — С. 80—91.

12. *Марк С.* Отчет по командировке на Персидский залив (в Бендер-Аббас) в 1897 г. врача Сергея Марка / С. Марк. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1898. — 44 с.

13. *Мартыненко А. В.* Бахаи и ахмадийат : новые религиозные сообщества в контексте модернизации ислама (сравнительно-исторический анализ) / А. В. Мартыненко. — Ульяновск : Ульяновский Дом печати, 2005. — 400 с. — ISBN 5-901141-40-7.

14. *Ру Ж.* История Ирана и иранцев : от истоков до наших дней / Ж. Ру. — Санкт-Петербург : Евразия, 2012. — 429 с. — ISBN 978-5-91852-037-6.

15. *Сегаль И.* Мусульманские секты в Персии и Закавказском крае / И. Сегаль. — Тифлис : [б. и.], 1893. — 52 с.

16. *Туманский А. Г.* Два последних бабидских откровения / А. Г. Туманский // Записки Восточного отделения Императорского Русского Археологического Общества. — 1892. — Т. 6. — С. 314—321.

17. *Туманский А. Г.* К вопросу об авторах истории бабидов, известной под именем Тарихе Манукчи или Тарихе Джедид / А. Г. Туманский. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1893. — 15 с.

18. *Уманец С.* Современный бабизм (раскол в магометантстве) / С. Уманец. — Тифлис : [б. и.], 1904. — 47 с.

19. *Ша'бани Р.* Краткая история Ирана / Р. Ша'бани. — Санкт-Петербург : Петербургское востоковедение, 2008. — 382 с. — ISBN 978-5-85803-380-6.

20. *Robinson F.* The Islamic World in the Age of Western Dominance / F. Robinson. — Cambridge : Cambridge University Press, 2011. — 805 p. — ISBN 978-0-521-83826-9.

Статья поступила в редакцию 10.08.2025,
одобрена после рецензирования 06.01.2026,
подготовлена к публикации 31.01.2026.

Material resources

Abdul Baha. (1971). *Paris talks.* London: Bahai Publishing Trust. 184 p. (In Malay.).

Bahaullah. (1982a). *Ketab-i-Iqan.* London: Bahai Publishing Trust. 167 p. (In Malay.).

Bahaullah. (1982b). *Tablets of Bahaullah.* Haifa: Baha'i Publishing Trust. 269 p. (In Malay.).

Kitabe Akdes. (1899). *The "most sacred book" of the modern Babids. Text, translation, introduction and appendices by A. G. Tumansky.* St. Petersburg: [b. i.]. 160 p. (In Russ.).

Mesnevi on Baha'ism and the story of Baha'u'llah's Ascent. (1924). Cairo: [b. i]. 112 p. (In Farsi).

References

Aliev, S. M. (2004). *The History of Iran. The twentieth century.* Moscow: Institute of Oriental Studies. 644 p. ISBN 5-93675-075-2. (In Russ.).

Bartold, V. V. (2003). *Works on historical geography and history of Iran.* Moscow: Oriental Literature. 663 p. ISBN 5-02-018410-1. (In Russ.).

Bernasovsky, N. (1909). *Babizm. The history of its origin. His development. Dogmatic and moral principles.* Tiflis: Type. The headquarters of the Kavk. Military okr. 14 p. (In Russ.).

Cardini, F. (2007). *Europe and Islam. The history of misunderstanding.* St. Petersburg: Alexandria. 332 p. ISBN 978-5-9033445-06-6. (In Russ.).

Darov, I. (1930). *Behaism.* Moscow; Leningrad: Surf. 54 p. (In Russ.).

Garteveld, V. N. (1914). *Among the loose sands and severed heads. Travel sketches of Turkestan (1913).* Moscow: I. A. Mayevsky. 159 p. (In Russ.).

Gracheva, E. Z., Martynenko, A. V. (2015). *Qajar Iran in the 19th century. Monograph.* Saransk: Moscow State Pedagogical Institute named after M. E. Evseviev. 153 p. ISBN 978-5-8156-0759-0. (In Russ.).

Kazem-Bek, A. K. (1865). *Bab and babids.* St. Petersburg: V. N. Maikov Publishing House. 177 p. (In Russ.).

Korben, A. (2009). *The History of Islamic Philosophy.* Moscow: Progress-Tradition. 367 p. ISBN 978-5-89826-301-2. (In Russ.).

Krymsky, A. E. (1902). A general historical sketch of Babism and a review of the latest literature about it. In: *History of Muslim peoples. Lectures and lecture notes.* Moscow: [b. i.]. 80—91. (In Russ.).

Krymsky, A. E. (1912). *The history of Islam. Essays on Religious Life.* Moscow; Zhukovsky: Kuchkovo Pole. 289 p. (In Russ.).

Mark, S. (1898). *Report on a business trip to the Persian Gulf (Bandar Abbas) in 1897 by doctor Sergei Mark.* St. Petersburg: [b. i.]. 44 p. (In Russ.).

Martynenko, A. V. (2005). *Baha'is and Ahmadiyyats: new religious communities in the context of modernizing Islam (comparative historical analysis).* Ulyanovsk: Ulyanovsk Press House. 400 p. ISBN 5-901141-40-7. (In Russ.).

Robinson, F. (2011). *The Islamic World in the Age of Western Dominance.* Cambridge: Cambridge University Press. 805 p. ISBN 978-0-521-83826-9.

Ru, J. (2012). *The history of Iran and the Iranians: from the origins to the present day.* Saint Petersburg: Eurasia. 429 p. ISBN 978-5-91852-037-6. (In Russ.).

Segal, I. (1893). *Muslim sects in Persia and the Transcaucasian region.* Tiflis: [b. i.]. 52 p. (In Russ.).

Sha'bani, R. (2008). *A brief history of Iran.* Saint Petersburg: Petersburg Oriental Studies. 382 p. ISBN 978-5-85803-380-6. (In Russ.).

Tumansky, A. G. (1892). The last two Babid revelations. *Notes of the Eastern Branch of the Imperial Russian Archaeological Society, 6:* 314—321. (In Russ.).

Tumansky, A. G. (1893). *On the question of the authors of the history of the Babids, known as Tarikhe Manukchi or Tarikhe Jedid.* St. Petersburg: [b. i.]. 15 p. (In Russ.).

Umanets, S. (1904). *Modern Babism (split in Mohammedanism).* Tiflis: [b. i.]. 47 p. (In Russ.).

The article was submitted 10.08.2025;
approved after reviewing 06.01.2026;
accepted for publication 31.01.2026.

CC BY

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Меркулов П. А. Влияние публичного дискурса на формирование института социальной помощи в годы Первой мировой войны / П. А. Меркулов, С. В. Букалова // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 2. — С. 459—477. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-459-477.

Merkulov, P. A., Bukalova, S. V. (2026). Impact of Public Discourse on Emergence of Social Welfare Institutions during World War I. *Nauchnyi dialog, 15* (2): 459-477. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-459-477. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU · РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Влияние публичного дискурса на формирование института социальной помощи в годы Первой мировой войны

Меркулов Павел Александрович [1]
orcid.org/0000-0002-3471-5923
доктор исторических наук, профессор
info@oreluniver.ru

Букалова Светлана Владимировна [2]
orcid.org/0000-0001-7788-9299
доктор исторических наук,
доцент кафедры истории, политологии
и государственной политики,
корреспондирующий автор
STL1612@yandex.ru

[1] Орловский государственный
университет имени И. С. Тургенева
(Орел, Россия)

[2] Среднерусский институт
управления —
филиал РАНХиГС при Президенте
Российской Федерации
(Орел, Россия)

Impact of Public Discourse on Emergence of Social Welfare Institutions during World War I

Pavel A. Merkulov [1]
orcid.org/0000-0002-3471-5923
Doctor of History, Professor
info@oreluniver.ru

Svetlana V. Bukalova [2]
orcid.org/0000-0001-7788-9299
Doctor of History, Associate Professor
of the Department of History,
Political Science and Public Policy,
corresponding author
STL1612@yandex.ru

[1] Orel State University
named after I. S. Turgenev
(Orel, Russia)

[2] Central Russian Institute of Management,
a branch of the RANEPA under
the President
of the Russian Federation
(Orel, Russia)

© Меркулов П. А., Букалова С. В., 2026

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья рассматривает позиционирование социальной проблематики в российском публичном дискурсе периода Первой мировой войны. Анализируя опыт публичного обсуждения связанных с войной социальных проблем, авторы прослеживают их воздействие на конфигурацию института социальной помощи, который зарождался в России в этот период. Источниками послужили материалы работы Государственной Думы и Государственного Совета, заседаний Верховного Совета по призрению семей мобилизованных, съездов и совещаний общественных организаций, Земского Союза и Союза Городов. Методологической основой исследования стала теория делиберативной демократии, рассматривающая управленческие решения как результат диалога власти и гражданского общества. Выявлено, что политически активная общественность не раз обращалась к теме социальной поддержки жертв войны, предлагая власти модифицировать складывавшуюся систему социальной помощи в направлении расширения социальных гарантий. Подчёркивается, что в публичном пространстве формировался запрос на признание помощи пострадавшим государственной обязанностью. Показано, что в этой модели непосредственные меры помощи должны были предоставляться местным самоуправлением при казённом финансировании. Сделан вывод о том, что процедурная оформленность диалога и организационная вовлечённость власти в обсуждение социальных проблем свидетельствуют об определённой степени демократизации политической сферы.

Ключевые слова:
Российская империя; Первая мировая война; публичный дискурс; социальная политика; социальная помощь.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the positioning of social issues within Russian public discourse during the First World War. By analyzing the public deliberation surrounding war-related social problems, the authors trace the impact of this discourse on the nascent configuration of Russia's social welfare institutions. The study draws upon archival materials from the State Duma and State Council, sessions of the Supreme Council for the Relief of Mobilized Families, congresses and conferences of public organizations, as well as records from the Zemstvo Union and the Union of Cities. Methodologically, the research is grounded in deliberative democracy theory, which frames governance as the outcome of dialogue between state authorities and civil society. The analysis reveals that politically engaged segments of Russian society repeatedly addressed the issue of social support for war victims, advocating for modifications to the existing system of relief in order to expand social guarantees. Crucially, the public sphere witnessed the formation of a demand for the recognition of assistance to those affected by the war as a state obligation. The model that emerged envisioned direct relief efforts being administered by local self-governance bodies, supported by state funding. The authors conclude that the procedural formality of this dialogue, and the organizational involvement of state authorities in addressing social problems, indicate a discernible degree of democratization within the political sphere.

Key words:
Russian Empire; World War I; public discourse; social policy; welfare provision.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94(47).084.1
DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-459-477

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Влияние публичного дискурса на формирование института социальной помощи в годы Первой мировой войны

© Меркулов П. А., Букалова С. В., 2026

1. Введение = Introduction

Участие России в глобальном конфликте начала XX века оказало мощное модернизирующее воздействие на многие стороны общественной жизни, по сути, заложив основы для последующего грандиозного эксперимента строительства социализма. В. И. Ленин, постулируя усиление государственного регулирования экономики как элемент политической программы большевиков, прямо утверждал, что империалистическая война, породившая в России государственно-монополистический капитализм, создала все необходимые материальные предпосылки для перехода к социализму [Ленин, 1969, с. 191—193]. Историческая наука традиционно уделяет больше внимания экономическим аспектам усиления роли государства в этот период и процессам нарастания политической конфронтации, тогда как вопросы модернизации социальной сферы остаются на периферии внимания. Между тем годы Первой мировой войны стали в России временем социально-управленческих новаций.

В ряде предшествующих публикаций прослеживается становление в годы Первой мировой войны института социальной помощи, включая его нормативные, организационные и ресурсные аспекты [Букалова, 2023; Букалова, 2024]. Также представляется полезным осветить позиционирование этого нового института в публичном пространстве. Наличие возможностей для представления своей позиции, артикулирование консолидированного общественного мнения по актуальным проблемам служит свидетельством достижения определённого уровня демократизации политической сферы России накануне революции.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Целью настоящей статьи выступает выявление влияния публичного дискурса на процесс институциализации социальной помощи жертвам войны. Определение основных форм и ведущих тем взаимодействия власти

CC BY

и гражданского общества по этим вопросам позволит представить целостную картину процесса организационно-правового оформления института социальной помощи. В основе достижения указанной цели лежит систематизация случаев публичного обращения государственных и негосударственных акторов к социальным проблемам, порождённым войной. В этих случаях декларировалась общенациональная значимость поднятых вопросов, и артикулирующие их субъекты позиционировали себя в качестве защитников интересов дискриминированных социальных групп. Источниковая база исследования представлена материалами, связанными с организацией и проведением слушаний, съездов и совещаний общественных организаций и органов власти, обсуждавших социальную проблематику и принимавших определённые решения как нормативного порядка, влиявшие на социальную сферу, так и рекомендательные, отражавшие общественную позицию относительно путей её дальнейшей эволюции.

Особенность российской модели взаимодействия государственной власти и общественности в социальной сфере можно представить через призму теории делиберативной демократии (от лат. *deliberare* — взвешивать (мысленно), обдумывать, совещаться) — публичного обсуждения (коммуникативного дискурса) относительно значимых для всего общества вопросов. Представляя сферу политического как коммуникативный процесс, делиберативная парадигма основывает политическое действие на принципах диалога и консенсуса, достигаемого через коммуникацию общества и государства. Для делиберативной концепции важным является институционализация процедур коммуникации в процессе принятия управленческих решений, когда обсуждение важнее голосования [Линде, 2021]. Являясь развитием коммуникативной теории власти, разрабатывавшейся Ханной Арендт и Юргеном Хабермасом, концепция делиберативной демократии оформилась в начале 1980-х годов как ответ на кризис механизмов представительной демократии эпохи модерна [Баранов, 2014], однако возможно её применение к анализу общественно-политических процессов в России начала XX века. Российская империя на последнем историческом этапе своего существования находилась в состоянии транзита политического режима и модернизации политических институтов. Представительная парламентская демократия и соответствующая ей партийная система были слабо укоренены в российской политической культуре и в определённом смысле отторгались официальной властью. Политическая жизнь была уделом относительно немногочисленного образованного и обеспеченного городского меньшинства, общественная активность через участие в социальных проектах затрагивала несколько более широкие круги. Наличие гражданского общества в поздней Российской империи, его структура

CC BY

и модели взаимоотношения с властью остаются темой для дискуссий, тем не менее в представленных материалах можно наблюдать своеобразную институциализацию диалога между властью и обществом, имевшую место в годы войны.

Данный ракурс анализа позволяет по-новому представить общественно-политические процессы, разворачивавшиеся накануне революции. Существующие обобщающие исследования развития местного самоуправления в России в период Первой мировой войны фокусируются на политической борьбе вокруг съездов Земского Союза и Союза Городов [Герасименко, 1990; Шевырин, 2000; Судавцов, 2001], оставляя за рамками содержательные аспекты общественной дискуссии. Немногочисленные работы, посвящённые деятельности общественных организаций в годы войны — Комитета великой княгини Елизаветы Фёдоровны [Волошун, 2010; Оськин, 2018; Ковальская, 2022] и Общества русских врачей в память Н. И. Пирогова [Злодеева, 2004; Туманова, 2014], лишь косвенно затрагивают их участие в публичном диалоге по социальным вопросам.

Исторические аспекты социальной помощи актуализировались в современных условиях, однако они рассматриваются авторами исключительно в категориях благотворительности, окрашенной военно-патриотическими ценностями [Филатов, 2024; Литвинова и др., 2024], игнорируя общественно-политический контекст. В то же время В. П. Булдаков, выступивший редактором томов академической «Истории России», посвящённых войне и революции, акцентирует внимание на «стохастически-синергетических» процессах массовой психологии, разрушавших официальную имперскую иерархию [Булдаков, 2025, с. 125, 134]. Хотя универсальность такого подхода оспаривается некоторыми историками, он указывает на многоаспектность и внутреннюю противоречивость социальных процессов, развивавшихся в тылу в годы войны.

В соответствующем разделе посвящённого Первой мировой войне 11-го тома «Истории России» Т. Г. Леонтьева противопоставляет низовую традиционную милостыню и организованную аристократическую филантропию, религиозную и «рациональную» светскую благотворительность. В порождённых войной практиках благотворительной помощи автор выделяет ритуально-символические функции репрезентации патерналистской заботы императорской фамилии о подданых и выражения политической лояльности самодержавию, противопоставляемых, собственно, каритативной деятельности [Леонтьева, 2024, с. 292—316].

Таким образом, анализ общественного обсуждения проблем социальной помощи в предреволюционный период призван дополнить научные представления о становлении этого института общественных отношений.

CC BY

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Борьба парламента за законодательное расширение социальной помощи

В Российской империи возможности для государственно-общественного диалога и взаимодействия были весьма ограничены. Одной из основных площадок для публичных дискуссий на общественно-значимые темы была Государственная Дума. Первое обращение к теме социальной помощи в связи с войной состоялось уже на чрезвычайной однодневной сессии Государственной Думы 26 июля 1914 года, в ходе которой палата народных представителей выразила горячую и почти единодушную поддержку участию России в войне, что стало одной из страниц патриотического подъёма и «единения вокруг престола» общественных сил. В самом конце «исторического заседания» член «совета старейшин» Думы IV созыва С. И. Шидловский в виде формулы перехода к текущим делам, которая обобщала прозвучавшую патриотическую риторику, предложил, чтобы к делу призрения семей запасных были привлечены общественные силы и местное самоуправление в тесном единении с административными органами [Историческое …, 1914, с. 28—29]. Это пожелание было поддержано министром внутренних дел Н. А. Маклаковым, который обратился в Совет министров с предложением создать систему органов управления для объединения правительственной и благотворительной помощи семьям воинов. В это же время на высшем уровне были созданы Верховный Совет по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов и Комитет великой княгини Елизаветы Фёдоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну, чья структура предусматривала участие общественности. Тем самым, по мнению Совета министров, пожелание Государственной Думы было реализовано [О порядке …, 1915, с. 284—285].

Л. А. Булгакова также связывает с призывом Государственной Думы издание Высочайшего указа 29 июля 1914 года, вводившего в состав губернских присутствий и уездных попечительств о семьях призванных представителей местного самоуправления [Булгакова, 2001, с. 435—436].

В продолжение четвёртой сессии Министерство внутренних дел несколько раз вносило в Думу законопроекты о дополнении Положения о призрении нижних воинских чинов и их семейств. Государственная Дума использовала исходящие от правительства инициативы по корректировке законодательства о продовольственном пособии для попыток существенным образом расширить круг его получателей.

Предложения МВД касались технических моментов уточнения сроков, места и порядка выплаты казённых пособий. Рассмотрение этих новаций

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

было передано думской Комиссии по военным сухопутным и морским делам. Одновременно в комиссию были направлены поправки, предложенные группой из 34 депутатов. Они касались двух принципиальных моментов: наделения пособием всех членов «большой семьи» мобилизованного, которые до войны содержались его трудом, в том числе и «незаконных» жён и детей, а также существенного изменения состава уездных попечительств о семьях призванных. Как следовало из мотивировочной части законопроекта, административный чиновничий элемент, «проявляя служебную угодливость», стремился ограничить круг получателей пособия. Депутаты предлагали обеспечить преобладание в составе попечительств «общественного элемента» за счёт представителей местного самоуправления [Законодательное предположение …, 1915, Приложение № 12]. В то же время А. И. Шингарёв полагал, что без волостного земства никакими попечительствами правильно поставить дело призрения семей мобилизованных невозможно [Стенографические отчеты …, 1916, стб. 1610].

Принять решение по докладу комиссии депутаты смогли только после возобновления своих заседаний в феврале 1916 года. Члены Комиссии по военным и морским делам сочли удобным интегрировать в ведомственное предложение о наделении пособием семейств иностранных подданых, поступивших добровольцами в русскую армию, норму о наделении правом на получение пособия «второстепенных» членов солдатской семьи, не указанных в первоначальной редакции закона, при условии их зависимости от труда призванного («так как семейства нашей деревни имеют особый характер») [Доклад …, 1916, с. 61—62].

Как и следовало ожидать, оживлённая дискуссия между народными представителями и правительственными чиновниками на думской трибуне развернулась по поводу наиболее резонансного и затратного предложения — расширения прав на пособие. Присутствовавшие на заседании заместитель министра внутренних дел Н. В. Плеве и заместитель министра финансов В. В. Кузьминский возражали против обременения государственного бюджета новыми расходами. Выступавшие в поддержку депутаты, в том числе такие видные думские ораторы, как М. А. Караулов и С. П. Мельгунов, делали акцент на долге государства перед народом, настроении масс в тылу и на фронте и на незначительности новых расходов в сравнении с колоссальными затратами на ведение войны [О дополнении …, 1916, стб. 1615—1617]. Поправки были приняты в думской редакции во втором и третьем чтениях, прошли редакционную комиссию и были рассмотрены Государственным Советом на заседании 4 апреля 1916 года. Предметом обсуждения стало снятие с пайка семей военнопленных и дезертиров: Дума отвергала такую меру во избежание ошибок, Госсовет по-

CC BY

лагал, что ошибки поправимы. Была создана согласительная комиссия из членов Госдумы и Госсовета. В итоге карательная мера, проведённая ещё в апреле 1915 года через Совет Министров, приобрела силу закона. Идея расширения круга получателей государственной социальной поддержки была на время оставлена.

3.2. Участие Совета по призрению в совершенствовании социальной поддержки

Другой институциализированной площадкой, предполагавшей публичный диалог власти и общества на социальные темы, был Верховный Совет по призрению, созданный в первые недели войны. В состав этого коллективного органа входили как члены императорской фамилии и их доверенные лица, так и руководители причастных министерств, депутаты Государственной Думы, представители крупнейших благотворительных обществ, Земского Союза и Союза Городов. Совет по призрению имел право разрабатывать и вносить в Совет министров предложения по совершенствованию выплат пособий, пенсий и суточного довольствия. Этим занималась Подготовительная комиссия, затем — Междуведомственное совещание. Их работа освещалась «Известиями Верховного Совета».

В Совете по призрению в ноябре 1914 года также обсуждался вопрос наделения пособием невенчанных жён и рождённых вне законного брака детей мобилизованных, однако он был отклонён прежде всего по соображениям экономии средств, а также ввиду невозможности точного установления отцовства в отсутствие предполагаемого отца-солдата. Но основной формулировкой была нежелательность «умаления святости брачного союза в народном сознании» [Булгакова, 2009, с. 196].

3.3. Социальная проблематика на съездах Земского и Городского союзов

Эстафету публичного обсуждения проблем социальной сферы и мер социальной поддержки приняли общественные структуры. Учредительный съезд Всероссийского Земского Союза прошёл через три дня после «исторического заседания» Думы, Всероссийский Союз Городов был создан десятью днями позже. Формально Земский Союз и Союз Городов должны были заниматься организацией лечения раненых в тылу, однако масштаб и непредсказуемый ход войны предоставили возможность расширить их сферу деятельности, распространив её прежде всего на действующую армию. Также в орбиту интересов общероссийских объединений органов местного самоуправления попали и иные связанные с войной гуманитарные вопросы.

Первой в этой очереди стала тема реабилитации раненых. 24 апреля — 1 мая 1915 года Главные комитеты Земского и Городского союзов провели объединённое совещание по организации санаторно-курортной помощи

CC BY

больным и раненым воинам. Совещание выработало общий план постановки санаторно-курортного лечения, который затем был одобрен руководящими органами обоих Союзов. Была образована Соединённая санаторно-курортная комиссия Земского Союза и Союза Городов, в распоряжение которой был передан коечный фонд в санаториях Союзов и Красного Креста [Соловьев, 1915, с. 6].

В сентябре 1915 года одновременно прошло собрание уполномоченных Земского Союза и Союза Городов, которое обсудило участие Союзов в помощи беженцам и организацию систематической поддержки огромной массы вынужденных мигрантов. Собрание признало целесообразным сосредоточение всех мероприятий по беженскому делу в руках местного самоуправления с централизующей ролью Союзов по образцу организации госпитального дела [Собрание …, 1916, с. 229]. Однако вышедший в это же время Закон об обеспечении нужд беженцев оставил Всероссийский земский союз (ВЗС) и Всероссийский союз городов (ВСГ) «за бортом» системы помощи перемещённым лицам, подчинив её губернаторам и отведя местному самоуправлению роль исполнительных органов.

По инициативе Особой Комиссии Совета по призрению, которая была признана центральным органом, координирующим помощь инвалидам войны, 22—23 февраля 1916 года состоялось совещание врачей и представителей комитетов Союза Городов по вопросу об организации помощи увечным воинам [РГВИА, ф. 12593, оп. 1, д. 119, л. 29]. Совещание обсудило подробный план регистрации военно-увечных, который был представлен на одобрение Съезду ВСГ 12—14 марта 1916 года. Он утвердил общие принципы регистрации инвалидов войны и форму регистрационной карточки [РГВИА, ф. 12564, оп. 1, д. 430, л. 18]. Велись переговоры об организации объединённого статистического бюро при Главных комитетах ВЗС и ВСГ; в итоге Медико-Статистическое бюро возникло при Главном Комитете Земского Союза [РГВИА, ф. 12564, оп. 1, д. 986, л. 51—52].

Земский Союз также организовал с участием представителей своих губернских комитетов 5—6 марта 1916 года Совещание представителей губернских земских санитарных отделов при медицинском совете Главного Комитета Земского Союза по вопросам организации специальной врачебной помощи военно-увечным, которое признало необходимым самостоятельное ведение дела помощи военным инвалидам органами местного самоуправления и их всероссийскими союзами при минимальном вмешательстве государства в эту область [РГВИА, ф. 12564, оп. 1, д. 859, л. 5].

3.4. Тема призрения сирот в общественном дискурсе

17—20 марта 1916 года в Москве прошло совещание по детскому призрению, созванное Объединённым отделом по устройству беженцев

CC BY

Земского и Городского Союза и Петроградским обществом правовой охраны малолетних. В Москву прибыли до 300 делегатов со всей России: представители судов для малолетних, благотворительных и национальных организаций, земские и городские деятели, педагоги, врачи и юристы, интересующиеся вопросами призрения, обучения и правовой охраны детей [Люблинский, 1916, с. 311]. Совещание признало, что осиротевшие дети как воинов, так и мирных жителей подлежат попечению государства. Земскому и Городскому союзам предлагалось создать особый совместный орган, объединяющий деятельность в этом направлении всех благотворительных организаций при сохранении их самостоятельности. Само же попечение о детях должно было осуществляться на средства казначейства, тогда как организация попечения должна была возлагаться на органы местного самоуправления. На местах систему органов, осуществлявших призрение сирот, должны были составить земские уездные участковые попечительства о бедных, инспектора по призрению при управах, волостные комиссии и попечительства. При этом планомерное проведение земствами и городами мероприятий по призрению детей связывалось с немедленным реформированием органов местного самоуправления на основе их демократизации и введения мелкой земской единицы [Гогель, 1916, с. 128]. Было предложено внести в Государственную Думу законопроект о попечении над беспризорными детьми [Работы …, 1916, с. 109].

3.5. Медицинское сообщество о постановке социальной помощи

В русле тенденции расширения общественной инициативы прошёл и экстренный съезд Пироговского общества русских врачей, традиционно вызвавший большой резонанс. Он состоялся в Петрограде 14—18 апреля 1916 года и собрал около полутора тысяч участников. Впервые на Пироговском съезде выступили представители Красного Креста и военно-санитарного ведомства. Также впервые в истории Пироговских съездов были подняты такие вопросы, как постановка помощи инвалидам, развитие санаторного дела, психиатрическая помощь пострадавшим на войне [Труд …, 1917]. На съезде выступали представители Главных комитетов Земского и Городского союзов, которые просили врачебное сообщество поддержать стремление Союзов закрепить за собой ведущую роль в этих новых сферах общественной жизни, что и было сделано в резолюциях Пироговского съезда.

К теме регистрации военных инвалидов возвращались на совещании представителей земств, прошедшем 5—7 октября 1916 года в Москве [РГВИА, ф. 12564, оп. 1, д. 968, лл. 127—128], и на совещании представителей областных комитетов Союза Городов 30 октября — 1 ноября 1916 года [РГВИА, ф. 12593, оп. 1, д. 2071, л. 28—32]. Союзы намеревались создать объединённый центральный орган помощи увечным со своей

CC BY

региональной сетью и представительством в ней общественных организаций [РГВИА, ф. 12593, оп. 1, д. 2072, л. 30]. Была учреждена Соединённая комиссия по организации помощи увечным воинам при Земском и Городском союзах [РГВИА, ф. 12593, оп. 1, д. 2072, л. 75—75 об.]. Однако поскольку её деятельность не была поддержана централизованным государственным финансированием, заметной роли она не играла.

С завидной настойчивостью внимание медицинской общественности обращалось к проблеме помощи психиатрическим и неврологическим больным в связи с войной. Уже в апреле 1915 года при поддержке Земского и Городского союзов в Москве прошло совещание представителей общественных психиатрических учреждений, однако в нём не приняли участие официальные ведомства, ответственные за помощь душевнобольным воинам. 25—27 июня того же года в Петрограде прошёл Съезд психиатров и представителей общественных организаций Северной области, уже с участием представителей Красного Креста, военных и гражданских правительственных ведомств. Наконец, по инициативе Петроградской психиатрической комиссии Областного комитета Союза Городов 24—27 ноября 1916 года был проведён всероссийский съезд представителей земств, городов, их объединений и заинтересованных ведомств: Военного, МВД, Красного Креста, Русского союза психиатров и невропатологов. Было необходимо выяснить вопрос о разграничении сфер деятельности различных учреждений, заинтересованных в деле призрения душевнобольных воинов, и основные параметры участия местного самоуправления в организации психиатрического призрения жертв войны. Съезд пришёл к заключению, что призрение душевнобольных воинов и прочих пострадавших от войны лиц составляет неразрывную часть общей системы призрения душевнобольных в России, являясь предметом заботы государства и общества, но должно осуществляться за счёт государства через посредство земских и городских общественных управлений при содействии Особой Комиссии Верховного Совета при участии объединяющих местные самоуправления органов ВЗС и ВСГ [Резолюции …, 1915, с. 5].

3.6. Обсуждение роли Елизаветинского комитета в системе социальной помощи

В ноябре 1916 года прошёл ещё один съезд, на этот раз не связанный с активностью Земского и Городского союзов. Его организовал Комитет великой княгини Елизаветы Фёдоровны, собрав представителей своих местных отделений для согласования программы целесообразной и планомерной организации на местах помощи солдатским семьям. Магистральными темами совещания были намечены вопросы призрения сирот, помощи семьям убитых и увечных и меры поддержки семей мобилизованных. По

CC BY

каждому из направлений была разработана подробная программа дискуссии. Так, предполагалось определить органы, на которые должно быть возложено призрение сирот; их взаимоотношения с другими структурами и местными отделениями Елизаветинского комитета; виды призрения сирот и источники средств на их осуществление. На совещании присутствовали управляющий делами Совета по призрению Г. Г. Витте, представители от Попечительства трудовой помощи, Ольгинского комитета, Особой Комиссии, Георгиевского комитета, Общества повсеместной помощи солдатам и их семьям, Романовского комитета, Кавказского комитета, Татьянинского комитета, Земского Союза, губернских отделений Елизаветинского комитета со всей страны. В резолюциях, принимаемых по каждому из обсуждаемых вопросов, высказывались пожелания относительно участия правительства в призрении опекаемых категорий населения, а также намечались планы работы Комитета в послевоенный период [О созыве ..., 1916, с. 10; ЦГАМ, ф. 113, оп. 1, д. 219].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, в годы войны организация социальной поддержки населения стала предметом коммуникации между властью и гражданским обществом. Её ценностное ядро, формировавшееся в публичной риторике высочайших рескриптов, воззваний о пожертвованиях, проповедей и иных официальных публичных высказываний, содержало признание необходимости установления социальных гарантий для жертв войны со стороны общества и государства. Однако по поводу путей и форм воплощения в жизнь этих ценностных установок между обществом и властью не возникло полноценного диалога.

Общественную позицию по социальной проблематике артикулировали достаточно многочисленные и репрезентативные съезды и совещания, имевшие место в 1915—1916 годах. Их организаторами выступали общественные структуры, возникшие в годы войны для оказания помощи пострадавшим. Наиболее активными в этом отношении были Земский Союз и Союз Городов. Широкое общественное участие в работе съездов при этом рассматривалось как способ легитимации выработанной позиции.

В ходе совещаний были определены социальные группы, имевшие приоритет в получении поддержки: сироты и инвалиды войны. Предметом обсуждения являлась общая конфигурация системы социальной помощи и её отдельных элементов. Общественные силы активно разрабатывали тему «государственного призрения» — модель социальной помощи, предоставляемой органами местного самоуправления с участием частной инициативы и обеспеченной государственным финансированием. Политическая

сторона этой позиции заключалась в расширении компетенции органов местного самоуправления и сохранении после войны их всероссийских объединений.

Таким образом, в годы Первой мировой войны общественность подталкивала государство к структурированию социальной сферы. Общественный дискурс относительно помощи жертвам войны всё дальше отходил от категорий благотворительности и разворачивался в сторону рациональной организации и государственных гарантий мер помощи. Эти тенденции свидетельствуют об институциализации системы социальной помощи, происходившей накануне революции в Российской империи. В её основе лежала трансформация социальных ценностей от носящей частный, факультативный характер благотворительности к преобладанию в публичном пространстве ценностей справедливости и солидарности. Они находили своё выражение в признании «государственным делом» обеспечения той или иной категории пострадавшего от войны населения, его нормативном закреплении и финансовом обеспечении из государственной казны. Тенденции, заданные Первой мировой войной, имели продолжение в советской организационной модели социальной политики, подразумевавшей государственные социальные гарантии, централизацию, регламентацию и этатизацию мер поддержки. Однако традиция диалога между властью и гражданским обществом по поводу форм и размеров социальных гарантий в советский период не получила своего развития.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Гогель С. К.* К чему пришли на Съезде в Москве по вопросам призрения детей в связи с войной / С. К. Гогель // Призрение и благотворительность в России. — 1916. — № 3. — С. 119—129.

2. *Доклад* Комиссии по военным и морским делам по законопроекту о дополнении Положения о призрении нижних воинских чинов и их семейств // Стенографические отчеты. Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы (№№ 58—87) / четвертый созыв, сессия четвертая. — 1916. — С. 61—62.

3. *Журнал* заседаний… № 4 // Известия Верховного Совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. — 1915. — № 3. — С. 18—19.

4. *Законодательное* предположение об изменении и дополнении Закона 25 июля 1912 г. О призрении нижних воинских чинов и их семейств и Закона 29 августа 1914 г. Внесено за подписью 34 членов Государственной Думы 1 августа 1915 г. // Стенографиче-

CC BY

ские отчеты. Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы 19 июля — 3 сентября 1915 г. (№№ 1—57) / четвертый созыв, сессия четвертая. — 1915. — 880 с.

5. *Историческое* заседание Государственной Думы 26 июля 1914 года // Известия Министерства иностранных дел. Третий год издания. 1914. — Царицын : Типография В. Ф. Киршбаума, 1914. — Книга V. — С. 8—29.

6. *Ленин В. И.* Грозящая катастрофа и как с ней бороться / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. Издание 5-е. — Москва : Издательство политической литературы, 1969. — Т. 34. — С. 151—199.

7. *Люблинский П. И.* Совещание по вопросам призрения детей в связи с войной / П. И. Люблинский // Трудовая помощь. — 1916. — № 4. — С. 311—334.

8. *О дополнении* положения о призрении нижних воинских чинов и их семейств (Заседание двадцать первое. 15 февраля 1916 года) // Стенографические отчеты. Заседания 17—37 (с 9 февраля по 15 марта 1916 г.) / Гос. дума, четвертый созыв, 1916 г., сессия четвертая. — 1916. — XII с., стб. 1588—1629.

9. *О порядке* приведения в исполнение высочайше утверждённого 25 июня 1912 года закона в части, касающейся призрения семейств нижних воинских чинов, призванных на действительную службу : Особый журнал Совета министров № 100 от 1, 12 и 19 августа 1914 г. // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909—1917 гг. 1915 год / Федер. архив. агентство, Рос. гос. ист. архив, отв. сост., авт. введ. и примеч. Б. Д. Гальперина. — Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. — 715 с.

10. *О созыве* в Москве совещания представителей отделений Комитета по вопросам, связанным с его дальнейшей деятельностью в области призрения семей лиц, призванных на войну : Циркуляр № 9 от 21.04.1916 // Ежемесячник комитета Ея Императорского Высочества великой княгини Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц призванных на войну. — 1916. — № 9—10. — С. 10.

11. *Работы* Съезда по призрению детей // Призрение и благотворительность в России. — 1916. — № 1—3. — С. 107—109.

12. РГВИА — *Российский* государственный военно-исторический архив. Ф. 12564 (Всероссийский Земский Союз). Оп. 1. Д. 430, 859, 968, 986.

13. РГВИА — *Российский* государственный военно-исторический архив. Ф. 12593 (Всероссийский Союз Городов). Оп. 1. Д. 119, 2071, 2072.

14. *Резолюции* Всероссийского съезда врачей-психиатров и представителей земств, городов и заинтересованных ведомств по организации призрения душевнобольных воинов и прочих лиц, причастных к военным событиям в Петрограде 24—27 ноября 1916 года // Отдельный оттиск из «Психиатрической газеты». — 1916. — № 23. — С. 12—18.

15. *Собрание* уполномоченных губернских земств в Москве 7—9 сентября 1915 г. Журналы заседания. — Москва : Тип. т-ва Рябушинских, 1916. — 234 с.

16. *Соловьёв З. П.* Основные начала организации и развитие санаторно-курортного лечения больных и раненых воинов / З. П. Соловьёв // Материалы по организации санаторно-курортного лечения больных и раненых воинов. — Москва : Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1915. — Выпуск 1. — С. 1—48.

17. *Стенографические* отчеты. Сессия 12. Заседания 1—33 (9 февраля — 22 июня 1916 г.). — Петроград : Государственная типография, 1916. — 1822 стб.

18. *Труды* внеочередного Пироговского съезда по врачебно-санитарным вопросам в связи с условиями настоящего времени (Петроград, 14—18 апреля 1916 г.) / О-во рус. врачей в память Н. И. Пирогова. — Москва : [б. и.], 1917. — 222 с.

19. ЦГАМ — *Центральный* государственный архив города Москвы. Ф. 113 (Комитет ее императорского величества великой княгини Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну). Ф. 113. Оп. 1. Д. 219.

Литература

1. *Баранов Н. А.* Делиберативная политика в условиях кризиса представительной демократии / Н. А. Баранов // Вестник СПбГУ. Сер. 6. — 2014. — Выпуск 4. — С. 127—134. — DOI: 10.18572/1812-3767-2024-4-41-46.

2. *Букалова С. В.* Организация социальной поддержки населения Российской империи в годы Первой мировой войны : финансовые аспекты / С. В. Букалова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 5. — С. 371—389. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-371-389.

3. *Букалова С. В.* Становление социальной защиты в Российской империи : между патернализмом и субсидиарностью / С. В. Букалова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. — 2023. — № 1 (65). — С. 148—157. — DOI: 10.26456/vthistory/2023.1.148-157.

4. *Булгакова Л. А.* Привилегированные бедняки: помощь солдатским семьям в годы Первой мировой войны / Л. А. Булгакова // На пути к революционным потрясениям. Из истории России второй половины XIX — начала XX века : материалы конференции памяти В. С. Дякина. — Санкт-Петербург ; Кишинев : Nestor-Historia, 2001. — С. 431—496. — ISBN 9975-9606-2-6.

5. *Булгакова Л. А.* Невенчанные солдатки : борьба за признание гражданских браков в годы Первой мировой войны / Л. А. Булгакова // Власть, общество и реформы в России в XIX — начале XX в. : исследования, историография, источники. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2009. — С. 183—214. — ISBN 978-5-98187-473-4.

6. *Булдаков В. П.* От войны к революции : векторы социального предчувствия и пути развала Российской империи / В. П. Булдакова // Вестник НГУ. Серия: История, филология. — 2025. — Т. 24. — № 8. — С. 123—138. — DOI: 10.25205/ 1818-7919-2025-24-8-123-138.

7. *Волошун А.* Блаженны милостивые : благотворительная деятельность Великой княгини Елизаветы Федоровны / А. Волошун. — Москва : Даръ, 2010. — 479 с. — ISBN 978-5-485-00317-3.

8. *Герасименко Г. А.* Земское самоуправление в России / Г. А. Герасименко. — Москва : Наука, 1990. — 262 с.

9. *Ковальская Е. Ю.* Благотворительные организации великой княгини Елизаветы Федоровны : руководство, структура, источники финансирования, жертвователи (1884—1918) : диссертация ... кандидата исторических наук : 5.6.1 / Е. Ю. Ковальская. — Москва, 2022. — 457 с.

10. *Злодеева Е. Б.* Пироговские съезды врачей и их роль в становлении системы государственного здравоохранения в России : Конец XIX — начало XX вв. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Е. Б. Злодеева. — Москва, 2004. — 219 с.

11. *Леонтьева Т. Г.* Каритативные инициативы власти и общества / Т. Г. Леонтьева // История России : в 20 т. — Москва : Наука, 2024. — Т. 11. — Книга 1. — С. 292—316.

12. *Линде А. Н.* Происхождение концепции делиберативной демократии и ее глубинный философский смысл / А. Н. Линде // Общество: политика, экономика, право. — 2021. — № 11. — С. 12—16. — DOI: 10.24158/pep.2021.11.1.

13. *Литвинова И. Н.* Благотворительные и волонтерские практики периода первой Мировой войны в отношении раненых воинов / И. Н. Литвинова, О. А. Карагодина // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2024. — № 10—4 (97). — С. 52—56. — DOI: 10.24412/2500-1000-2024-10-4-52-56.

14. *Оськин М. В.* Поддержка беднейших слоев населения Центральной России в годы Первой мировой войны (1914—1916) (на примере Елизаветинского комитета) / М. В. Оськин // Вестник ПСТГУ. Серия 2 : История. История РПЦ. — 2018. — № 80. — С. 107—120. — DOI: 10.15382/sturII201880.107-120.

15. *Судавцов Н. Д.* Земское и городское самоуправление России в годы Первой мировой войны / Н. Д. Судавцов. — Москва : Ставрополь : Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 2001. — 718 с. — ISBN 5-88648-337-3.

16. *Туманова А. С.* Либеральные идеи общественного переустройства в повестке дня Пироговских съездов 1915—1916 годов / А. С. Туманова // Имперская и монархическая составляющая либеральной идеологии : сборник материалов Всероссийской научной конференции Шестые "Муромцевские чтения" (24—26 сентября 2014 г.). — Орел : Александр Воробьев, 2014. — С. 296—308. — ISBN 978-5-91468-152-1.

17. *Филатов А. М.* Благотворительность как проявление патриотизма гражданами России (от Первой мировой войны до специальной военной операции) / А. М. Филатов // Военный академический журнал. — 2024. — № 3 (43). — С. 112—122.

18. *Шевырин В. М.* Земский и городской союзы (1914—1917) : Аналитический обзор / В. М. Шевырин. — Москва : ИНИОН РАН, 2000. — 63 с.

Статья поступила в редакцию 21.10.2025,
одобрена после рецензирования 21.01.2026,
подготовлена к публикации 07.02.2026.

Material resources

CGAM — *Central State Archive of the City of Moscow. F. 113 (Committee of Her Imperial Majesty Grand Duchess Elizabeth Feodorovna for charitable assistance to families of persons called up for war). F. 113. Op. 1. D. 219.* (In Russ.).

Gogel, S. K. (1916). What they came to at the Congress in Moscow on the issues of charity for children in connection with the war. *Charity and charity in Russia, 3:* 119—129. (In Russ.).

Legislative proposal to amend and supplement the Law on July 25, 1912. On the recognition of lower military ranks and their families and the Law of August 29, 1914 Signed by 34 members of the State Duma on August 1, 1915. (1915). *Verbatim reports. Appendices to the verbatim reports of the State Duma of July 19 — September 3, 1915 (№ 1—57) / fourth convocation, fourth session.* 880 p. (In Russ.).

Lenin, V. I. (1969). The impending catastrophe and how to deal with it. In: *Complete Works, 34. 5th edition.* Moscow: Publishing House of Political Literature. 151—199. (In Russ.).

Lyublinsky, P. I. (1916). Meeting on the care of children in connection with the war. *Labor aid, 4:* 311—334. (In Russ.).

Meeting Journal ... № 4. (1915). *Proceedings of the Supreme Council for the Care of Families of Persons called up for War, as well as families of wounded and Fallen Soldiers, 3:* 18—19. (In Russ.).

Meeting of authorized provincial zemstvos in Moscow on September 7—9, 1915. Meeting logs. (1916). Moscow: Ryabushinsky Publishing House. 234 p. (In Russ.).

On the amendment of the regulations on the care of lower military ranks and their families (Twenty-first session. February 15, 1916). (1916). *Verbatim reports. Sessions 17—37 (from February 9 to March 15, 1916) / State Duma, fourth convocation, 1916, fourth session.* XII p., stb. 1588—1629. (In Russ.).

On the convening in Moscow of a meeting of representatives of the branches of the Committee on issues related to its further activities in the field of family support for persons called up to war: Circular № 9 dated 21.04.1916. (1916). *Monthly Bulletin of Her Imperial Highness Grand Duchess Elizabeth Feodorovna's Committee for Charitable assistance to families of persons called up to war, 9—10:* P. 10. (In Russ.).

On the procedure for the enforcement of the law most highly approved on June 25, 1912, regarding the care of families of lower military ranks called up for active service: Special Journal of the Council of Ministers № 100 dated August 1, 12 and 19, 1914. (2008). In: *Special Journals of the Council of Ministers of the Russian Empire. 1909—1917. 1915.* Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 715 p. (In Russ.).

Proceedings of the extraordinary Pirogov Congress on medical and sanitary issues in connection with the conditions of the present (Petrograd, April 14—18, 1916). (1917). Moscow: [b. i.]. 222 p. (In Russ.).

Report of the Commission on Military and Naval Affairs on the draft law on supplementing the Regulations on the supervision of lower military ranks and their families. (1916). *Verbatim reports. Appendices to verbatim reports of the State Duma (№ 58—87) / fourth convocation, fourth session.* 61—62. (In Russ.).

Resolutions of the All-Russian Congress of Psychiatrists and Representatives of Zemstvos, Cities and Interested Departments on the organization of relief for mentally ill soldiers and other persons involved in the military events in Petrograd on November 24—27, 1916. (1916). *A separate print from the Psychiatric Newspaper, 23:* 12—18. (In Russ.).

RGVIA — *Russian State Military Historical Archive. F. 12564 (All-Russian Zemstvo Union). Op. 1. D. 430, 859, 968, 986.* (In Russ.).

RGVIA — *Russian State Military Historical Archive. F. 12593 (All-Russian Union of Cities). Op. 1. № 119, 2071, 2072.* (In Russ.).

Solovyov, Z. P. (1915). The main principles of the organization and development of sanatorium-resort treatment of sick and wounded soldiers. In: *Materials on the organization of sanatorium-resort treatment of sick and wounded soldiers, 1.* Moscow: A. I. Mamontov Printing Company. 1—48. (In Russ.).

The historic meeting of the State Duma on July 26, 1914. (1914). In: *News of the Ministry of Foreign Affairs. The third year of publication. 1914, V.* Tsaritsyn: V. F. Kirshbaum Printing House. 8—29. (In Russ.).

The work of the Congress on the charity of children. (1916). *Charity and charity in Russia, 1—3:* 107—109. (In Russ.).

Verbatim reports. Session 12. Sessions 1—33 (February 9 — June 22, 1916). (1916). Petrograd: State Printing House. 1822 stb. (In Russ.).

References

Baranov, N. A. (2014). Deliberative policy in the context of the crisis of representative democracy. *Bulletin of St. Petersburg State University. Ser. 6, 4:* 127—134. DOI: 10.18572/1812-3767-2024-4-41-46. (In Russ.).

Bukalova, S. V. (2023). The formation of social protection in the Russian Empire: between paternalism and subsidiarity. *Bulletin of Tver State University. Series: History, 1 (65):* 148—157. DOI: 10.26456/vthistory/2023.1.148-157. (In Russ.).

Bukalova, S. V. (2024). Social Support Organization in Russian Empire During World War I: Financial Aspects. *Nauchnyi dialog, 13 (5):* 371—389. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-5-371-389. (In Russ.).

Buldakov, V. P. (2025). From war to revolution: vectors of social anticipation and ways of the collapse of the Russian Empire. *Bulletin of the NSU. Series: History, philology, 24 (8):* 123—138. DOI: 10.25205/ 1818-7919-2025-24-8-123-138. (In Russ.).

Bulgakova, L. A. (2001). Privileged poor people: assistance to soldiers' families during the First World War. In: *On the way to revolutionary upheavals. From the history of Russia in the second half of the XIX — early XX century: proceedings of the conference in memory of V. S. Dyakin.* St. Petersburg; Chisinau: Nestor-Historia. 431—496. ISBN 9975-9606-2-6. (In Russ.).

Bulgakova, L. A. (2009). The unmarried soldiers: the struggle for the recognition of civil marriages during the First World War. In: *Power, society and reforms in Russia in the XIX — early XX century: research, historiography, sources*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 183—214. ISBN 978-5-98187-473-4. (In Russ.).

Filatov, A. M. (2024). Charity as a manifestation of patriotism by Russian citizens (from the First World War to a special military operation). *Military Academic Journal, 3 (43):* 112—122. (In Russ.).

Gerasimenko, G. A. (1990). *Zemstvo self-government in Russia.* Moscow: Nauka Publ. 262 p. (In Russ.).

Kovalskaya, E. Y. (2022). *Charitable organizations of Grand Duchess Elizabeth Feodorovna: leadership, structure, sources of funding, donors (1884—1918).* PhD Diss. Moscow. 457 p. (In Russ.).

Leontieva, T. G. (2024). Caritative initiatives of government and society. In: *The History of Russia: in 20 volumes, 11.* Moscow: Nauka. 292—316. (In Russ.).

Linde, A. N. (2021). The origin of the concept of deliberative democracy and its deep philosophical meaning. *Society: politics, economics, law, 11:* 12—16. DOI: 10.24158/pep.2021.11.1. (In Russ.).

Litvinova, I. N., Karagodina, O. A. (2024). Charitable and volunteer practices during the First World War in relation to wounded soldiers. *International Journal of Humanities and Natural Sciences, 10—4 (97):* 52—56. DOI: 10.24412/2500-1000-2024-10-4-52-56. (In Russ.).

Oskin, M. V. (2018). Support for the poorest segments of the population of Central Russia during the First World War (1914—1916) (on the example of the Elizabethan Committee). *Bulletin of the St. Petersburg State University. Episode 2: The Story. History of the Russian Orthodox Church, 80:* 107—120. DOI: 10.15382/sturII201880.107-120. (In Russ.).

Shevyrin, V. M. (2000). *Zemsky and urban unions (1914—1917): An analytical review.* Moscow: INION RAS. 63 p. (In Russ.).

Sudavtsov, N. D. (2001). *Zemstvo and city self-government of Russia during the First World War.* Moscow: Stavropol: Publishing House of Stavropol State University. 718 p. ISBN 5-88648-337-3. (In Russ.).

Tumanova, A. S. (2014). Liberal ideas of social reconstruction on the agenda of the Pirogov Congresses of 1915—1916. In: *The imperial and monarchical component of liberal*

ideology: a collection of materials of the Sixth All-Russian Scientific Conference "Muromtsev Readings" (September 24—26, 2014). Orel: Alexander Vorobyov. 296—308. ISBN 978-5-91468-152-1. (In Russ.).

Voloshun, A. (2010). *Blessed are the Merciful: the charitable activities of Grand Duchess Elizabeth Feodorovna.* Moscow: Dar. 479 p. ISBN 978-5-485-00317-3. (In Russ.).

Zildeeva, E. B. (2004). *Pirogov congresses of doctors and their role in the formation of the public health system in Russia: Late XIX — early XX centuries.* PhD Diss. Moscow. 219 p. (In Russ.).

The article was submitted 21.10.2025;
approved after reviewing 21.01.2026;
accepted for publication 07.02.2026.

CC BY

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Столетова А. С. Отражение социально-экономической реальности жизни Русского Севера на страницах печати 1950—1980-х годов / А. С. Столетова // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 2. — С. 478—499. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-478-499.

Stoletova, A. S. (2026). Reflecting Socioeconomic Realities in Russian North through Printed Word, 1950-1980s. *Nauchnyi dialog, 15* (2): 478-499. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-478-499. (In Russ.).

Clarivate Web of Science Scopus Q1 DOAJ ERIHPLUS eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Отражение социально-экономической реальности жизни Русского Севера на страницах печати 1950—1980-х годов

Столетова Анна Сергеевна
orcid.org/0000-0002-2167-072X
кандидат исторических наук,
кафедра гуманитарных дисциплин
Stoletowa-A-S@yandex.ru

Вологодская государственная
молочно-хозяйственная академия
имени Н. В. Верещагина
(Вологда, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда,
проект № 25-28-00938
«Векторы эволюции
общественного сознания
в историко-культурном пространстве
Русского Севера
второй половины XX века»

Reflecting Socioeconomic Realities in Russian North through Printed Word, 1950-1980s

Anna S. Stoletova
orcid.org/0000-0002-2167-072X
PhD in History,
Department of Humanities
Stoletowa-A-S@yandex.ru

Vologda State Dairy Academy
named after N. V. Vereshchagin
(Vologda, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 25-28-00938
“Vectors of the evolution
of public consciousness
in the historical and cultural space
the Russian North of the second half
the twentieth century”

© Столетова А. С., 2026

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуются художественные тексты, публицистика и документалистика советского периода (1950—1980) с позиций отражения исторического контекста трансформации культурной идентичности Русского Севера. Привлекаются материалы региональных и центральных архивов, в том числе фондов Аппарата ЦК КПСС Российского государственного архива новейшей истории, а также коллекции материалов Союза писателей СССР и РСФСР Российского государственного архива литературы и искусства. Выявлены ключевые темы, ставшие предметом обсуждения в творчестве «северных писателей» второй половины XX века, связанные с осмыслением социально-экономических преобразований и их влияния на повседневную жизнь. Показано, что партийный контроль оказывал существенное давление на писательскую среду, регламентируя творчество через запрос на социалистическое бытописание, на укрепление и доминирование реалистического направления в литературе. На основе анализа литературных текстов утверждается, что к началу 1990-х годов на Русском Севере ценностные установки и стереотипы поведения эволюционировали в сторону утраты трудовых традиций, оторванности человека от земли, забвения психологии пахаря, ослабления традиций. Сделан вывод об активной роли литературной агломерации в осмыслении ценностных смещений в социуме, в выражении предчувствований перемен в историко-культурном пространстве сельского мира Русского Севера, об участии писателей в общественных дискуссиях.

Ключевые слова:
Русский Север; социально-экономические и культурные сдвиги; культура русской деревни; советская литература.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines literary texts, journalism, and documentary materials from the Soviet period (1950-1980) to illuminate the historical context of evolving cultural identities in the Russian North. Drawing on sources from regional and central archives – including holdings from the Archive of Contemporary Russian History (formerly the CPSU Central Committee Archive) and the Russian State Archive of Literature and Art, specifically the collections of the Soviet Writers' Union – this study identifies key themes that preoccupied "Northern Writers" in the latter half of the twentieth century. These themes centered on grappling with socio-economic transformations and their impact on everyday life. The analysis demonstrates that Party control exerted significant pressure on the literary sphere, shaping creative output through demands for socialist realism and a focus on depicting socialist life. Based on a close reading of literary works, this article argues that by the early 1990s, value systems and behavioral norms in the Russian North had undergone a discernible shift, marked by a decline in traditional work ethics, a growing disconnect from the land, a fading understanding of the peasant mindset, and a weakening of established customs. The study concludes that the literary community played an active role in interpreting these societal value shifts, articulating premonitions of change within the historical and cultural space of the rural Russian North, and participating in broader public debates.

Key words:
Russian North; socioeconomic development; rural culture; soviet literature.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94(47).084.9+821.161.1(470.1/.2)“195/198”
DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-478-499

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Отражение социально-экономической реальности жизни Русского Севера на страницах печати 1950—1980-х годов

© Столетова А. С., 2026

1. Введение = Introduction

Русский Север, территориально соотносимый с Архангельской, Вологодской, Мурманской областями, Коми, Карелией, отличается своеобразностью темпов и направленностью социально-экономического развития, в том числе народного восприятия действительности. Аграрная направленность экономики, удаленность, аскетичность, инертность региона обеспечивали длительное сохранение крестьянского уклада жизни даже для представителей рабочего звена на протяжении второй половины XX века. Недаром Русский Север именовался страной «зеленого золота», крестьянской вселенной (и даже цивилизацией) со своим духовно-нравственным стержнем, отражающим особую любовь к суровой природе и народным истокам, выносливость и щедрость русской души. «И писать есть о ком — и о лесорубах, и об охотниках, о плотовщиках, кружевницах, доярках, наконец, о людях металлургического комбината в Череповце, или о строителях Волго-Балта», — обобщал в 1958 году писатель Н. С. Бобров-Новгородский [РГАЛИ, ф. 2938, оп. 1, д. 269, л. 12—13].

В связи с этим важным представляется научное описание моральных, эстетических, духовных сторон и черт, векторов эволюции общественного сознания аграрного и производственного социума, характерных для всей России, но со специфическими чертами для северного региона. При этом внимание уделяется не только представителям трудящихся масс, но и интеллигентской среде: писателям, ученым, общественным деятелям, а также представителям властно-управленческого сектора и т. д. На наш взгляд, велико значение изучения социального сознания и социальной памяти как инструмента познания локальной идентичности. Вследствие этого целесообразно обращение к региональной литературе и печати.

Отметим, что в современной науке частично проанализированы истоки видоизменения жизненных идеалов, идеологии писателей-северян, воздействие писательского труда на коллективное общественное сознание,

CC BY

и подобные исследования носят междисциплинарный характер [Parthe, 1992; Добренко, 1999; Шабаев, 2011; Русские …, 2013; Власова, 2015; Сидорова, 2018; Культурное наследие ..., 2022]. Социально-экономические и политические процессы, динамика общественных настроений в зеркале региональной печати отражены в серии научных изданий, характеризующих отдельные исторические периоды, см., например: [Тюкавина, 2007; Соколова, 2016; Нилов, 2024; Красильников, 2025].

Интерес представляет изучение исторических факторов, в соответствии с которыми в звеньях социального поля региона складывались новые убежденности, идеалы, взгляды, настроения, ценности, стандарты и стратегии поведения. Научная значимость решения проблемы заключается в выявлении исторической закономерности событий начала 1990-х годов, обусловленности нравственного застоя и социального кризиса, запустения сельскохозяйственных угодий, депрессивного состояния региона и образования многослойной, полифонической структуры сознания.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Основным источником для изучения темы является журнальная периодика, дополненная архивными материалами, освещающими издательскую деятельность. Публикации северных писателей в авторитетных журналах, таких как «Новый мир» и «Наш современник», свидетельствуют о выходе их творчества за рамки регионального литературного пространства и о его значимости для общероссийского контекста, так как их творчество отличалось выраженной остросоциальной направленностью.

Во второй половине XX века крупнейшим печатным органом Союза Писателей РСФСР [РГАЛИ, ф. 2938, оп. 2, д. 613, л. 53, 54] на Русском Севере являлся литературно-художественный и общественно-политический журнал «Север». С января 1965 года издание стало межобластным для Вологодской, Архангельской, Мурманской, Новгородской областей и республики Карелия, с 1969 года — и для республики Коми [РГАЛИ, ф. 631, оп. 30, д. 2037, л. 131; ф. 2938, оп. 2, д. 613, л. 5—6]. Как только завершились статусные преобразования (первоначально «Север» являлся республиканским журналом «На рубеже»; см. об этом: [РГАЛИ, ф. 2938, оп. 1, д. 238, л. 48—50]), последовала литературная сенсация — публикация дискуссионной повести вологодского писателя В. И. Белова «Привычное дело» (1966). Не без причины писатель С. И. Шуртаков в 1967 году отмечал: «Установлены День сталевара, День шахтера, День лесника и т. д. Вспомнили: нет дня крестьянина. Это — половина жителей страны. Мы будем беспокоиться, чтобы было привлечено внимание к деревенской прозе» [РГАЛИ, ф. 634, оп. 5, д. 1308, л. 62]. Руководя ежемесячником в течение 36 лет, главный редактор журнала Д. Я. Гусаров

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

способствовал обращению деревенской прозы в заметное явление культуры второй половины XX века.

В данный период журнал переживал период становления. В декабре 1966 года в Петрозаводске состоялась конференция писателей северной зоны, посвященная рассмотрению планов и задач выпуска журнала [Сушинов, 1966; Иванов, 1967]. Работа обсуждалась на бюро Карельского обкома КПСС, на заседаниях секретариата СП РСФСР, а также на выездных заседаниях Совета по военно-художественной литературе СП РСФСР (1978) и Совета по российской прозе СП РСФСР (1981) [РГАЛИ, ф. 631, оп. 30, д. 2037, л. 17]. Отметим, что внимание к изданию способствовало активизации литературной деятельности в крае, поэтому подавляющее большинство плодотворно работавших членов литературных объединений и писательских организаций Карелии, Вологды, Мурманска, Архангельска начинали свой творческий путь в «Севере» [РГАЛИ, ф. 2938, оп. 3, д. 146, л. 4].

К концу 1970-х годов соиздателями журнала «Север» являлись пять писательских организаций (в 1978 году была создана Мурманская писательская организация), включая два национальных Союза писателей, что, безусловно, укрепило литературные связи и дух возрастающей требовательности [Там же, д. 600, л. 173]. Крепли и международные связи. Примечателен факт упоминания в отчетной документации писательской организации и литобъединений Карельской АССР второй половины 1960-х годов систематического взаимодействия с финскими журналами «Тера» [РГАЛИ, ф. 2938, оп. 1, д. 238, л. 1, 41—42], «Пуналиппу» [Шорохова, 2016; РГАЛИ, ф. 2938, оп. 2, д. 613 л. 21, 38; д. 943, л. 5, 21, 37, 39, 43, 45, 48].

В регионе функционировала широкая полиграфическая сеть: с 1920 года — Коми, с 1925 года — Карельское, с 1958 года — Мурманское книжные издательства. В 1964 году в Архангельске было основано Северо-Западное книжное издательство, имевшее в своей структуре Вологодское отделение. Издавались различные сборники (архангельский альманах «Север», вологодский — «Литературная Вологда» [Коковин, 1957]) с участием писателей-северян [Мишин, 1967; ГААО, ф. 741, оп. 1, д. 199, л. 3; РГАЛИ, ф. 2938, оп. 2, д. 953, л. 16, 29]. Кроме того, было развито сотрудничество с центральными издательствами, такими как «Художественная литература», «Советский писатель», «Советская Россия», «Молодая гвардия», «Искусство» и др. [РГАЛИ, ф. 2938, оп. 2, д. 943, л. 6].

Нельзя не отметить функционал областных и республиканских газет «Правда Севера», «Северный комсомолец» (Архангельск), «Красный Север» (Вологда), «Ленинская правда», «Комсомолец» (Карелия), «Комсомолец Заполярья», «Полярная правда» (Мурманск) и др., имевших литературные страницы и публиковавших произведения северных авторов. В рассматри-

ваемый период пресса действительно играла значимую роль в хозяйственном и мобилизационном, культурном и просветительском планах, утверждая непрерывный рост экономики и сознательности трудящихся [РГАНИ, ф. 5, оп. 16, д. 687, л. 181—182]. Неслучайно в информации ЦК КПСС за подписью министра культуры СССР Н. Михайлова от 17 июня 1958 года при рассмотрении деятельности Союза советских писателей была обозначена важность участия литераторов в работе газет и общественно-литературных журналов в качестве штатных и внештатных очеркистов, разъездных корреспондентов [РГАНИ, ф. 5, оп. 36, д. 57, л. 66—75].

Документация делопроизводственного характера (стенограммы, протоколы писательских заседаний, творческих семинаров и конференций) дает возможность исследовать комплекс представлений о вещном пространстве, предпочтений, связанных с образом жизни, характеристикой жизненных стратегий и приоритетов, а также трансформационные процессы в отношении к власти. Обзор надзорных материалов (например, документов собраний в организациях, архивные данные о деятельности комиссии по критике, переписки с областными отделениями Союза писателей о работе печатных органов) позволяет продвинуться в процессе реконструкции государственных задач (за что поощряли, за что осуждали, что транслировали) и интерпретации типов поведения людей. Анализ материалов по вопросам реализации властных указаний предоставляет возможности в оценке генерации форм сознания.

В работе с вышеназванными источниками использовались социокультурный, аналитический, системный, институциональный и ретроспективный подходы, позволяющие выявить закономерности и специфику литературно-общественного осмысления народного мироощущения, идеологической составляющей в формировании черт ментальности. Применение историко-генетического метода обеспечило возможность толкования основ трансформации общественного сознания под влиянием экономических, социальных, идеологических, психо-ментальных и других факторов, определивших исторический выбор. Историко-динамический метод открывает возможность для анализа динамики количественных показателей сельского хозяйства в исторической перспективе.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Инициативы органов власти в разрешении социально-экономических проблем региона: практики взаимодействия с писателями и издающими организациями

Издательства, газеты, журналы и, соответственно, писатели выстраивали свою работу согласно направляющей деятельности партии. Так, по-

CC BY

весть Ф. Трофимова «Крутая весна» (На рубеже. 1958. № 4) трактовала вопросы обогащения районного аппарата за счет передвижения более опытных и умелых работников из крупных центров в низовые организации, что было особенно подчеркнуто в решениях соответствующих пленумов ЦК КПСС [РГАЛИ, ф. 2938, оп. 1, д. 238, л. 7].

Вторая половина XX века — время активного участия представителей власти в развитии системы партийного просвещения (о системе партийного просвещения см., например: [РГАНИ, ф. 5, оп. 15, д. 426; д. 427; оп. 16, д. 590]), в том числе литературного движения. На Севере этот процесс разворачивался неравномерно. Например, вологодский обком партии уделял особое внимание писательскому процессу, в частности, в виде активации организации совещаний, бесед, вечеров. Инициатива Вологодского областного комитета КПСС привела к организационному оформлению и в дальнейшем стимуляции развития отделения Союза писателей (1961).

Административный контроль над тематикой изданий велся через организацию переписки ответственными секретарями отделения Союза писателей, представления предложений и рекомендаций по произведениям, а также через решение вопросов предоставления жилой площади литераторам, что не могло не способствовать активизации их работы. С инспектирующей миссией партийные деятели присутствовали на отчетно-выборных собраниях литераторов, заседаниях правления, культурно-массовых мероприятиях. Например, открытие сентябрьских «Дней литературы» 1964 года, проходивших в Архангельской области, состоялось в Доме политического просвещения, где выступил секретарь областного комитета КПСС Ф. В. Виноградов [РГАЛИ, ф. 2938, оп. 2, д. 533, л. 16]. Подобные мероприятия подтверждают большое идеологическое значение литературы и внимание партии к писательской среде. Координации деятельности способствовали заседания Совета по критике правления Союза писателей СССР. Так, на подобном совещании, прошедшем 15—16 апреля 1971 года, было рассмотрено идейно-нравственное, воспитательное значение деревенской темы: от изживания архаичных представлений, ее вневременного, патриархального начала, существующего вне динамики социальных и духовных перемен, к трансляции черт облика жизни, глубинных общественных процессов, происходящих на селе, в том числе хозяйственных и нравственных конфликтов. Обмен мнениями способствовал прояснению значения высказывания Ф. Абрамова относительно творческой работы писателей-деревенщиков, призванных, по его выражению, показать «Русь-уходящую». Оппоненты писателя и он сам в ходе дискуссии уточнили: еще более важным являлся показ рождения нового на селе [РГАНИ, ф. 5, оп. 63, д. 143, л. 65—71].

CC BY

В 1972 году вышло постановление ЦК КПСС «О литературно-художественной критике», что стало определенным творческим импульсом. По инициативе журнала «Север» в мае 1972 года в Петрозаводске было проведено соответствующее совещание. Была перестроена работа, на страницах издания стала публиковаться литературная полемика по актуальным вопросам. За этим процессом пристально наблюдали ответственные и контролирующие органы [РГАЛИ, ф. 631, оп. 30, д. 2037, л. 32—33].

Организующая роль партии в литературном изучении социально-экономических проблем региона транслировалась в большинстве обследуемых источников, что, с одной стороны, закономерно, а с другой — обоснованно. Например, в протоколе № 1-А заседания секретариата правления Союза писателей СССР от 12 января 1983 года среди членов заседания видим значащегося секретаря Карельского обкома партии М. Х. Киуру (областной комитет партии на протяжении исследуемого периода принимал участие в руководстве журналом, совершенствовании его работы, а также следил за идейно-политическим уровнем издания [Там же, л. 132—133]), а далее читаем: «Редакционный и авторский коллектив журнала “Север” с горячим одобрением, как программу всей своей деятельности, восприняли постановление ЦК КПСС “О творческих связях литературно-художественных журналов с практикой коммунистического строительства”» (август 1982 года) [Там же, л. 4]. Поэтому в период подготовки к XXVI съезду КПСС «Север» ввел постоянную рубрику «От съезда к съезду». Кроме того, журнал включился в выполнение Продовольственной программы СССР [Там же, л. 5].

Контроль над содержанием материалов журналов вело Главное управление по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР (Главлит). Организуемые проверки чаще всего влекли за собой разноплановые замечания и рекомендации. Это касалось и произведений, опубликованных в центральных изданиях. Например, в 1980—1981 годах журнал «Наш современник» опубликовал серию очерков В. Белова «Лад». По итогам контрольного обследования надзорным органом отмечалось, что автором идеализировалось прошлое, подчеркивалась разумность хозяйственного уклада дореволюционной деревни. Критика фиксировала: «Просматривалось какое-то “умиление” патриархальностью и “благолепием” жизни старой деревни, не говорилось о классовом расслоении крестьянства, нищете и невежестве подавляющей его части. Один из очерков В. Белова (№ 1. 1981) завершался главой “Неразлучная пара”, повествующей о праздниках и обрядах, являвшихся, по мнению автора, “необходимым звеном в чередовании труда и отдыха сельского жителя”» [РГАНИ, ф. 5, оп. 88, д. 133, л. 4]. Такое заключение — не что иное, как разнотипное восприятие реальности, в первом случае — испытывавшее наслоение

CC BY

идеологического плана, связанное с отрицанием дореволюционных ценностей, во втором — выросшее из традиционной крестьянской, почвенной этики. Ввиду инспекционных возражений редакция журнала внесла исправления в повествование, глава «Неразлучная пара» была исключена.

Согласно рекомендациям Главлита и секретариата Союза писателей СССР рукописи часто возвращались редакциям изданий на доработку. Однако в документальных данных ЦК КПСС находим и сведения о полном снятии материалов с печати. Так, из № 12 за 1981 год «Нашего современника» было исключено стихотворение Н. Рубцова «Репортаж», пропитанное иронией по отношению к практике организации сбора откликов трудящихся на решения директивных органов.

К мужику микрофон подносят.
Тянут слово из мужика.
Рассказать о работе просят.
В свете новых решений ЦЕКА! [Там же, л. 8].

Другой пример: из № 10 «Нашего современника» за 1982 год были изъяты воспоминания писателя Ф. Абрамова «Семь верст до небес». В партийных документах значатся причины исключения: «Ф. Абрамов отвергает справедливую партийную критику, которой подверглись его очерк “Вокруг да около” и “Вологодская свадьба” А. Яшина (об А. Я. Яшине и его творчестве см.: [Столетова, 2018]. — *А. С.*), и утверждает, что произведения были продиктованы одним чувством — привлечь внимание к трудным и острым проблемам деревни. Ни малейшего лака. Ни малейшей подсветки. Честный и откровенный разговор о реальной жизни, о наболевших вопросах в развитии сельского хозяйства» [РГАНИ, ф. 5, оп. 88, д. 133, л. 18—41]. Контролирующие органы пытались пресечь практику написания произведений критической направленности. Однако рефлексирующее писательское сознание и критическое осмысление региональной хозяйственной ситуации характеризовалось потребностью в том, чтобы вскрыть нелицеприятную суть социально-экономических процессов, влекущих за собой ломку общественного сознания, стратегий поведения, ментальных констант и ценностных идеалов. Реальное неоптимистичное положение в деревне обосновывало готовность борьбы с социалистическими отступлениями. Партия же воспринимала и трактовала такие шаги как идейную неустойчивость, посредственность, примитивизм [РГАНИ, ф. 5, оп. 36, д. 90, л. 95—107].

Несколько подробнее стоит остановиться на направляющей роли секретариата правления Союза писателей СССР, постановления которого в первую очередь касались задач в области литературной печати. Так, главному редактору журнала «Наш современник» С. В. Викулову (в должности

CC BY

находился с 1968 по 1989 годы, имел вологодские корни, в первой половине 1960-х годов являлся ответственным секретарем Вологодской областной писательской организации Союза писателей РСФСР) в 1982 году. Правление предписало задачу повышения ответственности сотрудников редакции за идейно-художественное качество публикуемых материалов [РГАНИ, ф. 5, оп. 88, д. 133, л. 11]. На заседании в 1983 году секретариата правления, рассматривавшего отчет о работе редакции журнала «Север», в качестве основной миссии издания называлось сосредоточение внимания на коренных вопросах внутренней и внешней политики, главных направлениях социально-экономического развития страны в соответствии с решениями XXVI съезда КПСС, ноябрьского (1982) пленума ЦК КПСС, докладом Генерального секретаря ЦК КПСС Ю. В. Андропова. При этом предписывалось руководствоваться принципами партийности и народности, поддерживать новое и передовое, пропагандировать советский образ жизни, примеры коммунистического отношения к труду, к нравственным нормам социалистического общества; поощрять творческие искания писателей в отображении процессов интенсификации экономики, развертывания социалистического соревнования; публиковать материалы освещающие инициативу тружеников в деле укрепления дисциплины и организованности, эффективного управления производством в борьбе с бесхозяйственностью и расточительством; находить яркие формы для обстоятельного рассказа о жизненных проблемах, о социальном переустройстве, развитии села, а также воспитывать у молодежи любовь к земле, к природе, к сельскому труду [РГАЛИ, ф. 631, оп. 30, д. 2037, л. 8—9].

Добавим, что отдел культуры ЦК КПСС осуществлял надзор через собственную Академию общественных наук, о чем, например, говорит подготовленный в начале 1982 года кафедрой теории социалистической культуры доклад «О работе отделов очерка и публицистики литературно-художественных и общественно-политических ежемесячных журналов» [РГАНИ, ф. 5, оп. 88, д. 201, л. 1—10]. В материалах излагался анализ избираемой проблематики, пробелов и положительных с точки зрения авторов практик деятельности.

Строя литературные сюжеты, писатели не обходили вниманием представителей управляющего корпуса. Региональная печать описывала преимущественно партийного руководителя, ответственного работника с положительно-желательной стороны, субъективно и «правдиво», как указывается во многих источниках. Например, в материалах Архангельского областного отделения Союза писателей за 1958 год читаем: «Правдиво описаны, душевно близки читателю образ секретаря райкома партии Николая Белова в рассказе Е. Богданова “Рождение человека”» [РГАЛИ, ф. 2938,

CC BY

оп. 1, д. 263, л. 45]. Стоит отметить экранизированный в 1964 году роман В. Кочетова «Секретарь обкома», основной темой которого являлись трудности руководящей работы инициативного и волевого партийного деятеля, а также документальную повесть историко-революционного жанра Д. Гусарова «Три повести из жизни Петра Анохина» (1968) о жизни и трудоемкой деятельности председателя Олонецкого Губревкома, впоследствии — секретаря Дальбюро ЦК ВКП (б), опубликованную в «Карельском книжном издательстве» [РГАЛИ, ф. 2938, оп. 2, д. 613, л. 51]. В романе Ф. Абрамова «Пряслины» (издательство «Современник», 1977) председательница колхоза «Новый путь» северного села Пекашино Анфиса Минина являлась олицетворением трудолюбивой, решительной, ответственной женщины, лишенной стремления к карьеризму. Фигура деятельного секретаря сельского райкома была представлена в очерке Т. Спивак «Идущий от земли» (Север. 1982. № 7).

Однако с течением времени, как отмечала, Е. С. Балабанова, «институты пожалований и жалоб обусловили приспособление к специфическим каналам получения материальных благ — через лояльность к власти (материальные блага не “зарабатывались”, а “заслуживались”)» [Балабанова, 2001, с. 72]. При этом «раздаточная» экономика [Бессонова, 2006] и служебная организация труда формировали преобладание в сознании людей веры в верховную власть [Балабанова, 2001, с. 72]. На Русском Севере начиная с «оттепельного» времени в писательской и народной среде эта вера поступательно угасала. Образы начальников не всегда соответствовали декларативным идеалам. Так, повесть «Сирота» (1962) писателя А. Я. Яшина обнажила портреты диссонирующих персонажей — колхозных руководителей иного типа, определяемых как не гнушающихся взяточничества, накопительства, частнособственической морали, невежественного стиля управления. Из произведений, напечатанных в периодике, где раскрывается остросоциальная линия и критика издержек «начальства» партийного руководства, безусловно, стоит назвать, рассказ А. Яшина «Рычаги» («Литературная Москва», 1956), выступившего против партийного бюрократизма и фальшивой официальности, а также подвергшуюся критике, повесть Ф. Абрамова «Вокруг да около» («Нева», 1963). В абрамовском тексте представлен к размышлению дискуссионный подход организации работы со стороны председателя колхоза А. Е. Мысовского, граничившего с самоуправством и разумностью. Масштабный объем корреспонденции, отправленной на личный адрес писателя В. И. Белова (особенно массивно в 1980-е годы), продолжал горькую линию об обманутых народных ожиданиях и искаженных ценностных ориентациях представителей власти [ГАВО, ф. 5134, оп. 1, д. 475; оп. 1, д. 531].

CC BY

3.2. Отображение жизни северной деревни в художественной и публицистической литературе: социальные и духовно-нравственные ориентиры

Большинство северных авторов второй половины XX века являлись выходцами из деревни, поэтому писали главным образом о ней. Сельскую жизнь они знали досконально, изнутри. Стиль авторов отличается органичной связью с живым народным языком, опирается на народно-поэтические и фольклорные традиции, что проявляется в выразительности, образности и мелодичности повествования. Примечательно об этом писал А. Я. Яшин, вспоминая деревенское детство, сказочников и песельников, см.: [Столетова, 2018, с. 9—11; о сказителях Карелии см.: [РГАЛИ, ф. 2938, оп. 2, д. 943, л. 10, 13, 18]. К числу главных черт творчества литературовед В. П. Друзин, выступая на I конференции писателей Севера 21 марта 1961 года, отнес следующее: «Писатели-северяне не просто описывали жизнь и изображали нравы. Им не нужно прибегать к вымыслу, сама пережитая ими действительность богаче всякого вымысла, полна поэзии, красоты, динамики» [РГАЛИ, ф. 2938, оп. 1, д. 143, л. 21].

В стенограмме «Круглого стола» «Литературной газеты» по вопросу о деревенской прозе от 14 февраля 1967 года данное художественное направление символично сравнивалось с лирической исповедью и даже литературной проповедью, поднимался вопрос значения «народности» деревенской прозы в развитии национального самосознания, в том числе в условиях социального обновления жизни [РГАЛИ, ф. 634, оп. 5, д. 1308, л. 11, 17—19, 21]. Критик В. Чалмаев во время заседания высказался о необходимости интеграции моральных приоритетов деревни в общий багаж действительности: «Должен наступить момент, когда ценности Ивана Африкановича (главного героя повести В. Белова «Привычное дело») нужно уметь включить в рамки большого романа, большой концепции, которая объединит и город, и деревню, а не противопоставит их» [Там же, л. 41]. Д. Гусаров, развивая эту мысль, во время выступления на выездном заседании секретариата правления Союза писателей РСФСР в г. Костроме с общей темой «Нечерноземье и современная российская литература» в июне 1979 года отмечал: «Глубокий реализм В. Белова, Ф. Абрамова, В. Астафьева, Ю. Галкина в изображении жизни северной деревни 1940-х, 1950-х, 1960-х годов, заложил очень важный и прочный художественный фундамент для правдивого показа поступательного движения, экономических основ жизни, новых конфликтов в сфере нравственно-духовной» [РГАЛИ, ф. 2938, оп. 3, д. 600, л. 170].

Жизнь деревни составляла одну из ключевых тем прозы журнала «Север». Как выразился главный редактор издания, «северная тематика об-

CC BY

рела общесоюзное и идейно-художественное звучание» [РГАЛИ, ф. 631, оп. 30, д. 2037, л. 47]. Журнал уделял внимание истории простых людей, предметом художественных описаний становились ощущение корней и истоков, любовь к родной земле. Это «Кануны» В. Белова, цикл миниатюр Ф. Абрамова «Трава-мурава» и роман «Дом», повести В. Шаповалова «Серые великаны», В. Федяева «Земля моего деда», Ю. Галкина «Будний круг», Б. Рябова «Деревенька», произведения Н. Жернакова, В. Маслова, Я. Ругоева и др. [Там же, л. 18—19, 48]. Д. Гусаров в 1979 году, характеризуя географический охват авторов «Севера», упоминал, что в редакцию поступало столько рукописей, посвященных жизни деревни, что их могло бы хватить для издания специального ежемесячного литературного журнала. При этом материалы приходили не только из областей и республик северного региона, но и из Москвы, Ленинграда, Сибири, с Урала, Дальнего Востока и юга страны. Редактор даже высказывал опасение, что такой всеохватный поток мог помешать публикациям на иную тематику, например, о развивающейся индустрии Севера [РГАЛИ, ф. 2938, оп. 3, д. 600, л. 172]. Ю. В. Бондарев во время доклада на выездном заседании секретариата правления Союза писателей РСФСР от 5 июня 1979 года выразил мысль о причинах столь частого обращения к деревенской тематике и о ситуации объективной реальности: «Деревни пустеют, сиротеют поля, в городе на каждом углу висят объявления о наборе рабочей силы, и кричит, режет по глазам, приглашает и умоляет одно слово: “Требуются”» [Там же, л. 15—16]. Интересно, что еще в 1967 году критик Ф. Кузнецов сказал: «Сегодня студенты едут не в Сочи, а в Кижи и в Соловки. Это очень глубокие общественные настроения. В основе своей это процесс благотворный, здоровый и исторически оправданный, необходимый. Действительно существовала в русской деревне русская крестьянская цивилизация, русская крестьянская культура. Надо задуматься — почему молодежь из деревни идет в город? Потому что молодежь стремится к городской цивилизации» [РГАЛИ, ф. 634, оп. 5, д. 1308, л. 50—53]. Добавим, что к началу 1980-х годов в журнале «Север» на материале промышленного строительства, сельского и лесного хозяйства были показаны трудовые будни советских людей в суровых природных условиях («Чугра» Г. Юшкова, «Менурей» Е. Рочева, «Двадцать миллионов» В. Королева). При этом в прозаическом разделе заметное место занимала тема нравственных исканий: «Переходный возраст» Л. Фролова, «Деревенька» Б. Рябова, «Мужчина в доме» А. Гвоздева, рассказы В. Малышева, Е. Твердова, М. Свистунова, В. Чернышева и др. [РГАЛИ, ф. 631, оп. 30, д. 2037, л. 5].

Таким образом, проблемы экономики края, социально-нравственных изменений и национального самосознания оказались связанными на про-

CC BY

тяжении рассматриваемого периода. Писатели-деревенщики анализировали глубинные социальные процессы жизни, истоки народных характеров, выражение гражданских чувств, мир человеческой души и его духовную глубину. И как раз осмысление жизни писателями можно назвать исследовательским. Значение этой литературы состоит в том, что она осваивала крестьянский пласт жизни и подталкивала (как и на более поздних этапах) к новому постижению качества народности. Кроме того, писателей интересовали нравственные последствия экономических процессов, анализ нехватки исчезающей деревенской целостности, надежных и опробованных ценностных скреп.

3.3. Социально-экономические преобразования края: проекция в литературе, публицистике, критике

В экономике региона одно из ведущих мест занимала лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность. Редакция журнала «Север» с особым вниманием относилась к рукописям, посвященным жизни рабочего класса, к тематике, связанной с преобразованием северного края, к людям труда — лесорубам, горнякам, мореплавателям. Как правило, это были острые, основанные на фактах, материалы, — с цифрами, фамилиями, точными адресами, сопоставлением положительного и отрицательного опыта [Там же, л. 55]. Производство региона, освоение природных богатств, задачи бережного, рачительного отношения к природе раскрыты в романах «Хозяева леса» В. Бабич (1956), «Родными тропами» А. Тимонена (1957), «Тростниковый берег» Я. Ругоева (1974), повестях И. Торопова, Н. Жернакова, И. Полуянова, В. Соловьева, С. Панкратова и др. [Там же, л. 19]. При этом мэтры деревенского направления вносили свою лепту в общую тональность художественного творчества края. «Нет сейчас более острой и трудной проблемы, чем проблема возрождения русского поля», — утверждали Ф. Абрамов и А. Чистяков в публицистической статье «Пашня живая и мертвая», опубликованной в журнале «Москва» № 8 за 1978 год [РГАЛИ, ф. 2938, оп. 3, д. 600, л. 34].

В начале 1980-х годов вопросы развития экономики, сельского хозяйства, культуры края продолжали подниматься в очерках и статьях М. Данилова, А. Лыскова, П. Крупеникова, В. Пырха, А. Омельчука, В. Тимофеева, В. Литвинова, А. Сушинова, вышедших в журнале «Север» [РГАЛИ, ф. 631, оп. 30, д. 2037, л. 5,]. Примечательно, что был создан литературный пост журнала на крупнейшей стройке Северо-Запада — Костомушском горнообогатительном комбинате — во главе с прозаиком, очеркистом П. Леонтьевым [Там же, л. 6]. На страницах печати отражалось функционирование таких крупнейших объектов индустрии Севера, как Тимано-Печорский промышленный комплекс, Кольская сверхглубокая скважина,

CC BY

металлургический комбинат Череповца, воркутинские шахты, целлюлозно-бумажные комбинаты. Так, во второй половине 1980-х годов к изданию были подготовлены роман В. Маслова «Внутренний рынок» — о жизни далекого северного лесозавода — и повесть Ю. Тарыничева «Горячий стаж» — о металлургах Череповца.

В 1980-е годы в зоне интересов редакции «Севера» также находились проблемы рационального, безотходного использования лесосырьевых запасов. На эту тему были опубликованы статьи и очерки А. Сушинова «Тревоги колхозного леса» (№ 6, 1981), «Жил-был лесной поселок» (№ 10, 1981), В. Литвинова «Зигзаги мелиорации» (№ 4, 1982), А. Лыскова «Тройной вариант» (№ 8, 1981), В. Королева «Беды лесной нивы» (№ 12, 1982), В. Лысова «В лесных кварталах» (№ 12, 1982) [Там же, л. 27]. Кроме того, в поле зрения журнала находилась тема судьбы неперспективных деревень, сельских дорог, мелиорации, строительства животноводческих комплексов и перспектив возрождения северного льноводства, окультуривания заброшенных земель, оленеводства, производства кормов и т. д. Среди наиболее активно работающих «аграрников» в литературе — В. Степанов, А. Сушинов, В. Толкачев примечательны работы П. Леонтьева («Родное поле»), Т. Спивак («Идущий от земли»), В. Шульгина («Трактористки») [Там же, л. 28]. Публицистика «Севера» в 1980-е годы была нацелена на трансляцию выполнения продовольственной программы, возрождения Нечерноземья, продуктивности колхозных полей и ферм, нравственного потенциала социалистического труда, преодоления кризиса в отрасли лесной промышленности, борьбы с показухой и приписками [Там же, л. 71].

3.4. Черты общественного сознания, формирующиеся в реалиях повседневности и жизненном круге северного социума второй половины XX века

Рост общероссийской и национальной культуры на протяжении XX века потребовал от писателей расширения изобразительных средств, которые бы способствовали реалистичному отображению фактов социалистического строительства и советского быта. Классическая литература оказала значительное влияние на формирование гуманистических взглядов и принципов народности у северных писателей и поэтов. Партийный контроль оказывал давление на их творчество, регламентируя сочетание коммунистической идейности с изображением жизни, направленным на формирование духовного богатства советского человека [РГАНИ, ф. 5, оп. 63, д. 143, л. 127—129]. Поэтому печать второй половины XX века запечатлела исторические сдвиги в принципах художественного изображения действительности, зафиксировав характерное противопоставление «раньше и теперь». С середины 1950-х крепла тема труда. Например, о трудовом

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

характере землепашца масштабно вел речь А. Романов в поэме «Черный хлеб» (1975). При этом в литературу входил нравственный и психологический образ современника, его духовный рост, в связи с чем появлялись новые жанры, например, поэтичные философские раздумья [РГАЛИ, ф. 2938, оп. 1, д. 143, л. 36—83].

Писатель Ф. Абрамов в романе «Дом» (1978) размышлял: народ здорово переменился, он совсем не такой, каким был в войну. Деревенский житель, в изображении писателя, проявлял социальную активность, склонность поразмышлять, поспорить, «перетряхнуть жизнь» как сено. «Вся Россия — сплошная политбеседа», — резюмировал писатель. Многое в нравственном, гражданском облике селянина радовало романиста, но многое и тревожило, в первую очередь его отношение к земле, а следовательно, к крестьянскому делу. Ф. Абрамов с горечью замечал, что в деревне (в совхозе) люди работали, как и на фабрике, по часам, на работу могли опоздать, но по ее окончании не оставались ни одной лишней минуты. Так, в калейдоскопе героев романа присутствует тракторист Виктор Нетесов, прозванный за свою пунктуальность в соблюдении распорядка дня «немцем». Писатель через художественную форму пытался показать, что в «полевом цехе» ввиду непредвиденности погодных условий нельзя было действовать «по часам и команде», так как качество работы на поле — это не технология, а психология [РГАЛИ, ф. 2938, оп. 3, д. 600, л. 34—37]. Практические шаги по решению подобных прецедентов предлагал С. Викулов. В своем выступлении во время выездного заседания секретариата правления Союза писателей РСФСР в 1979 году писатель отмечал: «Организовать производство так, чтобы работа и в поле, и на ферме приносила человеку моральное удовлетворение, чтобы она не давала ему покоя, торопила его, подталкивала к изобретательности, творчеству — значит взять главную высоту на участке фронта, именуемом сельскохозяйственным производством, и одержать победу. А путь к этому — цеховая структура управления, бригадный хозрасчет, безнарядные звенья в полеводстве. У руководителей хозяйств — одна песня: не хватает доярок, девчата во дворы не идут, а они и не пойдут пока не будет двухсменки» [Там же, л. 38—39]. В контексте сказанного стоит отметить обострившуюся на Севере проблему кадров. В 1970-е годы организация труда все более зависела от бригадира и председателя. «Солнышко вышло, а бригадир не вышел, наряда не дал. Все остались дома. А иной уже и “пригубить” успел. В колхозном строе люди целиком полагались на ум и волю председателей. Не просто было первым из них. Опыта — никакого, знаний — агрономических, зоотехнических — не больше, чем у остальных. Выручали природная крестьянская сметка и жизненный опыт. И если бы не мелочная опека

CC BY

со стороны районного звена, диктовавшего не только то, что сеять, но и заваливавшего колхозные конторы телефонограммами, многие из них могли стать неплохими руководителями. Однако за невыполнение “спущенной” директивы снимали с постов, а не учили в специальных школах и институтах, всему, что касается земли, в т. ч. искусству руководства людьми», — подчеркивал С. Викулов [Там же, л. 62, 63]. Усугубляли положение формализм, пропагандистские штампы, многократное повторение общих истин вместо творческого осмысления, поиска доходчивой формы. «Словесную трескотню» Ф. Абрамов метко окрестил «бумажной бормотухой». В романе «Дом» о ее «действенности» рассказывалось так: «Нет, и Хвиюзов не обрадовал. Подменили мужика. Отчитал, что положено — и с колокольни долой. Даже на людей забыл взглянуть» [Там же, л. 44].

На заседании секретариата правления союза писателей РСФСР в 1979 году С. Викулов поднял ряд крупных общественных противоречий и, соответственно, писательских задач, направленных на их разрешение. Для решения проблемы кадров в Нечерноземье выдвигалась идея попытки вернуть в колхозы тех, кто не успел еще разлюбить землю и не цеплялся за город, «хотя и успел там получить какую-то квартирешку». Сергей Васильевич отмечал, что «нельзя также забывать о коренных жителях деревень. Блага, которыми располагают сейчас колхозы, должны предоставляться, в первую очередь, преданным работникам, если мы не хотим нанести им еще одну душевную травму» [Там же, л. 45]. Сложным вопросом являлась проблема страстного желания родительского поколения, познавшего трудные послевоенные годы, более счастливой доли своим детям. И эта доля связывалась с чем угодно, только не с колхозом, не с деревней. Писатель призывал к борьбе с данными убеждениями: «Там, где поняли, что уговорами молодежь не удержать — строят жилье, механизируют трудоемкие процессы, учат новым современным профессиям. Неосторожно объявив большинство деревень неперспективными, мы подстегнули миграцию, внесли разлад в души тех, кто никуда уезжать не собирался. О чем поведал с большой художественной силой В. Белов в пьесе “Над светлой водой”» [Там же, л. 49, 50, 51]. Ф. Абрамов и А. Чистяков писали: «Вековая крестьянская изба уходит в историю. Исчезают мелкие деревеньки. Это естественный процесс». С. Викулов задавался вопросом: «Но кто должен заботиться, чтобы вместе с деревнями не исчезли и пашни? Нам надо позаботиться и о том, чтобы эти пашни не остались без пахарей». И давал вполне объективный ответ: «Предпочтение — строить новые дома усадебного типа, поскольку многоквартирные дома лишают селян преимуществ сельской жизни перед городской — садово-огородного участка, помещений для домашней живности, кладовых и т. п.» [Там же, л. 52, 53]. Писатели-публицисты сделали многое для того,

CC BY

чтобы эта тенденция победила в жилищном строительстве, однако страдала материальная база: промышленность слабо осваивала производство индивидуальных домов усадебного типа.

Наконец, остановимся еще на одном викуловском размышлении: «Осталось ли что-нибудь в психологии колхозника или рабочего совхоза от психологии пахаря, горбившегося на собственной полосе в одиночку? Думаю, что нет. В психологии дореволюционного крестьянина главным было — “невозможность ослушания” повелений земли, постоянное ощущение власти земли. Дореволюционный крестьянин шел к земле тогда, когда она его звала, колхозник и рабочий совхоза идут к ней тогда, когда их в основном пошлют» [Там же, л. 55, 56]. Таким образом, писатель чувствовал и констатировал наступление эры «полной воли» и «безграничной пустой шири», оторванности от земли, деревенской пустоты, потери народного миросозерцания, его творческого начала и интереса к жизни.

Региональная периодическая печать не оставалась в стороне от обсуждений смещения ценностных устоев. В начале 1980-х годов редакцией журнала «Север» ставились вопросы выбора рукописей на основе не столько художественных свойств произведений, сколько актуальной жизненной тематики в аспектах поиска положительного героя и энергичности художника в отношении явлений жизни. Откликами на данные установки стали публикации В. Харчева «Какой человек придёт» (№ 3, 1981), Ю. Дюжева «Деревенский очерк» (№ 11, 1981), С. Захарова «Активность героя» (№ 1, 1982), Е. Степаненко «Стоит жить и работать» (№ 6, 1982), М. Птушкиной «Гражданственность — талант нелегкий» (№ 1, 1983) [РГАЛИ, ф. 631, оп. 30, д. 2037, л. 34]. Герои повестей Г. Баженова «Свадьба» (№ 8, 1981), «Любина роща» (№ 7—8, 1982), повести В. Маканина «Предтеча» (№ 3—4, 1982), рассказов Л. Зорина, А. Суржко, В. Афонина, В. Кушманова, Ю. Галкина работали, служили, были инженерами, журналистами, фотографами, композиторами. Речь шла не о бездушном пространстве, каждый имел жизненную профессию [Там же, л. 22].

Тем не менее к перестроечному времени усиливавшееся социально-экономическое расслоение и укрепление частного начала все больше разрушали конструкции самобытности, коллективности (*мы*-мировоззрения), взаимопомощи, служения, жертвенности, нравственного смысла жизни, веры в социальную справедливость. При этом противоречия политического пространства и социального времени задавали вектор создания новой переформатированной общности людей с модернизированным функционалом хозяйственных ролей, авторитетов, поведенческих маркеров. Групповое сознание отражало устанавливающиеся модели потребительства, бездуховности, безынициативности и бесхозяйственности.

4. Заключение = Conclusions

Картина мира, умонастроения и культурные установки жителей Русского Севера во второй половине XX века формировались под влиянием таких определяющих факторов, как периферийное положение, замкнутость территории, строгость быта и жизненного уклада. Жизнь населения Русского Севера была глубоко укоренена в специфике природной среды, этнографических традициях и христианской вере. Суровый климат, формируя трудовой опыт, порождал не только практическую мудрость и обрядность, но и особую систему нравственных ценностей, волевую силу и самобытную смеховую культуру.

Однако, как показывает анализ советской литературы, традиционные мировоззренческие установки и ценностные ориентации подвергались трансформации под воздействием процессов урбанизации и социально-экономических реформ. В северной литературной среде, через образы героев и сюжетные линии, формировалась и воплощалась идея обобщения положительного опыта хозяйственного мастерства, что находилось в согласии с интересами местной власти. Голоса литературных героев выражали авторскую надежду на возрождение трудолюбия, на преодоление негативных явлений и преображение деревенского мира.

Тем не менее анализ литературных текстов свидетельствует о том, что нарастающие собственнические тенденции и проявления индивидуализма, часто проецируемые на «верхушку» социальной структуры, оказывались более влиятельными, отражая реалии перестроечного времени. Несмотря на старания литературного сообщества, такие тенденции, воплощенные в образах литературных героев, разрушали коллективистское сознание, этические установки, традиционный северный быт и крестьянскую самобытность, подрывали доверие к власти и утверждали эгоистические модели поведения, основанные на материальной выгоде и неприятии деревенского образа жизни. В итоге эти негативные факторы стали предвестниками общественных потрясений 1990-х годов.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. ГААО — *Государственный* архив Архангельской области. Ф. 741 (Архангельское региональное отделение общероссийской общественной организации «Союз писателей России»). Оп. 1. Д. 199.

2. ГАВО — *Государственный* архив Вологодской области Ф. 5134 (Белов Василий Иванович, писатель). Оп. 1. Д. 475 ; Оп. 1. Д. 531.

3. *Иванов В.* Первая встреча (с совещания писателей северян) / В. Иванов // Север. — 1967. — № 1. — С. 123.

CC BY

4. *Коковин Е.* За творческую дружбу / Е. Коковин // Красный Север. — 1957. — 31 декабря. — С. 3.

5. *Мишин О.* Главная тема — Север / О. Мишин // Север. — 1967. — № 3. — С. 124.

6. РГАЛИ — *Российский* государственный архив литературы и искусства. Ф. 631 (Союз писателей СССР (Москва, 1934—1991)). Оп. 30. Д. 2037 ; Ф. 634 (Редакция «Литературной газеты»). Оп. 5. Д. 1308 ; Ф. 2938 (Союз писателей РСФСР). Оп. 1. Дд. 143, 238, 263, 269 ; Оп. 2. Дд. 533, 613, 943, 953 ; Оп. 3. Дд. 146, 600.

7. РГАНИ — *Российский* государственный архив новейшей истории. Ф. 5. (Аппарат ЦК КПСС (1935—1991 гг.)). Ф. 5. Оп. 15. Дд. 426, 427 ; Оп. 16. Дд. 590, 687 ; Оп. 36. Дд. 57, 90 ; Оп. 63. Д. 143 ; Оп. 88. Дд. 133, 201.

8. *Сушинов А.* Встречи на Карельской земле / А. Сушинов // Вологодский комсомолец. — 1966. — 5 декабря. — С. 4.

Литература

1. *Балабанова Е. С.* Особенности российской экономической ментальности / Е. С. Балабанова // Мир России. — 2001. — № 3. — С. 67—77.

2. *Бессонова О. Э.* Раздаточная экономика России эволюция через трансформации / О. Э. Бессонова. — Москва : РОССПЭН, 2006. — 144 с. — ISBN 5-8243-0725-3.

3. *Власова И. В.* Русский Север : историко-культурное развитие и идентичность населения / И. В. Власова. — Москва : ИЭА РАН, 2015. — 376 с. — ISBN 978-5-4211-0146-8.

4. *Добренко Е. А* Формовка советского писателя : социальные и эстетические истоки советской литературной культуры / Е. А. Добренко. — Санкт-Петербург : Академический проект, 1999. — 557 с. — ISBN 5-7331-0134-2.

5. *Красильников А. С.* Использование художественной литературы в изучении ментальности провинциального общества: первые пролетарские писатели Вологды пишут новую реальность / А. С. Красильников // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. — 2025. — № 4(39). — С. 13—18.

6. *Культурное наследие* и культурные реалии европейского Севера : изучение, проблемы, поиски. — Сыктывкар : ФГБУН ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2022. — 316 с. — ISBN 978-5-89606-636-1.

7. *Нилов В. М.* Развитие общественных начал в печати Карелии во второй половине 1950-х — 1960-х годах / В. М. Нилов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. — 2024. — Т. 46, № 4. — С. 67—76. — DOI 10.15393/uchz.art.2024.1044.

8. *Русские :* этнокультурная идентичность. — Москва : ИЭА РАН, 2013. — 320 с. — ISBN 978-5-4211-0092-8.

9. *Сидорова Г. П.* Советская повседневность : «преодоление различий между городом и деревней», или культура городская vs сельской / Г. П. Сидорова // Вестник Ульяновского государственного технического университета. — 2018. — № 4(84). — С. 27—30.

10. *Соколова Т. Л.* Периодическая печать в общественно-политической жизни Европейского Севера России в 1985—1993 гг. / Т. Л. Соколова. — Вологда : Вологодский государственный университет, 2016. — 203 с. — ISBN 978-5-87851-688-4.

11. *Столетова А. С.* Александр Яшин: становление идеологии деревенской прозы и писательское поле Русского Севера / А. С. Столетова. — Вологда : ВоГУ, 2018. — 143 с. — ISBN 978-5-87851-813-0.

12. *Тюкавина И. А.* Периодическая печать республики Коми в годы перестройки (1985—1991 гг.) / И. А. Тюкавина // Вестник Чувашского университета. — 2007. — № 3. — С. 63—70.

13. *Шабаев Ю. П.* Культурное пространство «Русского Севера» / Ю. П. Шабаев // Антропология социальных перемен. — Москва : Политическая энциклопедия, 2011. — С. 481—496. — ISBN 978-5-8243-1585-1.

14. *Шорохова И. В.* Литературно-художественные и общественно-публицистические журналы Карелии в середине 1950-х — первой половине 1960-х годов / И. В. Шорохова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 6-2(68). — С. 206—210.

15. *Parthe K. F.* Russian village prose: the radiant past / K. F. Parthe. — Princeton, N. J. : Princeton univ. press, 1992. — XIV, 194 c. — ISBN 0-691-01534-1.

Статья поступила в редакцию 28.06.2025,
одобрена после рецензирования 02.12.2025,
подготовлена к публикации 13.02.2026.

Material resources

GAAO — *State Archive of the Arkhangelsk region. F. 741 (Arkhangelsk regional branch of the All-Russian public organization "Union of Writers of Russia"). Op. 1. D. 199.* (In Russ.).

GAVO — *The State Archive of the Vologda region F. 5134 (Belov Vasily Ivanovich, writer). Op. 1. 475; Op. 1. 531.* (In Russ.).

Ivanov, V. (1967). The first meeting (from the meeting of writers of the Northerners). *North, 1:* P. 123. (In Russ.).

Kokovin, E. (1957). For creative friendship. *Krasny Sever. December 31.* P. 3. (In Russ.).

Mishin, O. (1967). The main theme is the North. *North, 3:* P. 124. (In Russ.).

RGALI — *Russian State Archive of Literature and Art. F. 631 (Union of Writers of the USSR (Moscow, 1934—1991)).* (In Russ.).

RGANI — *Russian State Archive of Modern History. F. 5. (Apparatus of the Central Committee of the CPSU (1935—1991)).* (In Russ.).

Sushinov, A. (1966). Meetings on Karelian soil. *Vologda Komsomolets. December 5.* P. 4. (In Russ.).

References

Balabanova, E. S. (2001). Features of the Russian economic mentality. *The world of Russia, 3:* 67—77. (In Russ.).

Bessonova, O. E. (2006). *The distribution economy of Russia, evolution through transformation.* Moscow: ROSSPEN. 144 p. ISBN 5-8243-0725-3. (In Russ.).

Cultural heritage and cultural realities of the European North: study, problems, searches. (2022). Syktyvkar: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Komi Scientific Center Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 316 p. ISBN 978-5-89606-636-1. (In Russ.).

Dobrenko, E. A. (1999). *The shaping of the Soviet writer: social and aesthetic origins of Soviet literary culture*. Sankt-Peterburg: Akademicheskiy proekt. 557 p. (In Russ.).

Krasilnikov, A. S. (2025). The use of fiction in studying the mentality of provincial society: First Proletarian writers from Vologda write a new reality. *Vestnik Vologodskogo*

gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoricheskie i filologicheskie nauki, *4*(39): 13–18. (In Russ.).

Nilov, V. M. (2024). Development of public principles in Karelia's press during the second half of the 1950s to the early 1960s. *Uchenye zapiski Petrozavods'kogo gosudarstvennogo universiteta*, *46*(4): 67–76. https://doi.org/10.15393/uchz.art.2024.1044. (In Russ.).

Parthe, K. F. (1992). *Russian Village Prose: The Radiant Past.* Princeton, NJ: Princeton University Press. XIV, 194 p.

Russians: ethnocultural identity. (2013). Moscow: IEA RAS. 320 p. ISBN 978-5-4211-0092-8. (In Russ.).

Shorokhova, I. V. (2016). Literary-artistic and socio-political journals of Karelia in mid-1950s to first half of 1960s. *Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Issues of Theory and Practice*, *6-2*(68): 206–210. (In Russ.).

Shabaev, Yu. P. (2011). The cultural space of the "Russian North". In: *Anthropology of social change.* Moscow: Political Encyclopedia. 481—496. ISBN 978-5-8243-1585-1. (In Russ.).

Sidorova, G. P. (2018). Soviet everyday life: Overcoming differences between city and village or urban versus rural culture. *Bulletin of Ulyanovsk State Technical University*, *4*(84): 27–30. (In Russ.).

Sokolova, T. L. (2016). *Periodic Press in Public Life of European North Russia During 1985–1993*. Vologda: Vologda State University. 203 p. (In Russ.).

Stoletova, A. S. (2018). *Alexander Yashin: the formation of the ideology of rural prose and the literary field of the Russian North.* Vologda: VSU. 143 p. ISBN 978-5-87851-813-0. (In Russ.).

Tyukavina, I. A. (2007). Periodical press of the Republic of Komi during perestroika (1985–1991). *Bulletin of Chuvash University*, *3*: 63–70. (In Russ.).

Vlasova, I. V. (2015). *Russian North: historical and cultural development and identity of the population.* Moscow: IEA RAS. 376 p. ISBN 978-5-4211-0146-8. (In Russ.).

The article was submitted 28.06.2025;
approved after reviewing 02.12.2025;
accepted for publication 13.02.2026.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]
Check for updates

Информация для цитирования:

Татаров А. А. Кавказ как элемент антисоветской стратегии Японии накануне Второй мировой войны / А. А. Татаров // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 2. — С. 500—515. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-500-515.

Tatarov, A. A. (2026). Caucasus as an Element of Japan's Anti-Soviet Strategy on Eve of World War II. *Nauchnyi dialog, 15* (2): 500-515. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-500-515. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Кавказ как элемент антисоветской стратегии Японии накануне Второй мировой войны

Татаров Азамат Амурович
orcid.org/0000-0003-3626-3913
кандидат исторических наук,
доцент кафедры всеобщей истории
traveller9090@mail.ru

Кабардино-Балкарский
государственный университет
им Х. М. Бербекова
(Нальчик, Россия)

Caucasus as an Element of Japan's Anti-Soviet Strategy on Eve of World War II

Azamat A. Tatarov
orcid.org/0000-0003-3626-3913
PhD in History, Associate Professor,
Department of General History
traveller9090@mail.ru

Kabardino-Balkarian
State University
named after H. M. Berbekov
(Nalchik, Russia)

© Татаров А. А., 2026

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проведена реконструкция кавказского направления японской внешней политики 1920—1930-х годов в контексте анализа антисоветской стратегии Токио. В качестве основного источника привлечены материалы Токийского процесса над военными преступниками. Методология сочетает историческую реконструкцию, сравнительно-геополитический подход и региональный анализ. Показано, что Япония создала разветвленные разведывательные сети на Ближнем Востоке и в Европе, вербовала агентов среди кавказской эмиграции и разрабатывала теоретические основы для подрывной деятельности, разжигания сепаратизма. Сообщается, что в 1937 году было заключено германо-японское соглашение о совместной поддержке антисоветских движений, в рамках которого Кавказ являлся зоной ответственности Японии. Автор приходит к выводу, что, несмотря на отдельные попытки реализации, масштабные планы по созданию «пятой колонны» на Кавказе не были реализованы из-за бдительности советских органов государственной безопасности, географической удаленности региона от Японии, начала войны с Китаем, неэффективного взаимодействия внутри блока «оси».

Ключевые слова:
Кавказ; Япония; подрывная деятельность; диверсионные операции; военные атташе внешняя политика Японии; СССР.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study reconstructs Japanese foreign policy towards the Caucasus in the 1920s and 1930s within the broader context of Tokyo's anti-Soviet strategy. Drawing primarily from materials related to the Tokyo Trials for war crimes, this research employs a methodology that combines historical reconstruction with comparative geopolitical analysis and regional studies. It demonstrates how Japan established extensive intelligence networks across the Middle East and Europe, recruited agents among Caucasian émigrés, and developed theoretical foundations for subversive activities aimed at fostering separatist movements. A significant finding is the conclusion of a German-Japanese agreement in 1937 providing joint support for anti-Soviet forces, under which the Caucasus was designated as Japan's area of responsibility. Despite some efforts toward implementation, large-scale plans for creating a "fifth column" in the region ultimately failed due to vigilance by Soviet state security agencies, geographical distance between Japan and the Caucasus, Japan's involvement in the Sino-Japanese conflict, and ineffective collaboration within the Axis powers.

Key words:
Caucasus; Japan; subversive activity; covert operations; military attachés; Japanese foreign policy; USSR.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94(47).084.6+94:327(520).033
DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-500-515

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история
5.6.2. Всеобщая история
5.6.7. История международных отношений и внешней политики

Кавказ как элемент антисоветской стратегии Японии накануне Второй мировой войны

© Татаров А. А., 2026

1. Введение = Introduction

В первой половине XX века Кавказ привлекал внимание западных держав как важный источник нефти, потенциальный плацдарм для диверсий и очаг антисоветского сепаратизма. Однако даже милитаристская Япония, несмотря на тысячи километров, отделявшие ее от региона, также проявила к нему интерес, сделав Кавказ одним из направлений своей антисоветской политики. С 1922 года, после окончания Гражданской войны на Дальнем Востоке, и вплоть до начала Второй мировой войны японские стратеги разрабатывали планы по использованию кавказских народов в качестве «пятой колонны», а также готовили диверсионные проекты на случай мирного и военного времени.

В 1937 году Германия и Япония, союзники по блоку «оси», заключили соглашение о совместной поддержке антисоветских сил на национальных окраинах СССР. Однако если Германия активно вела подрывную деятельность на Кавказе вплоть до своего поражения, то для Токио пакт Молотова — Риббентропа (август 1939 года) ознаменовал переход к более сдержанной политике, что окончательно закрепил подписанный в апреле 1941 года пакт о нейтралитете с СССР. Тем не менее в предвоенные годы кавказское направление оставалось заметным элементом курса восточноазиатской державы в ожидании потенциального крупного конфликта с Советским Союзом.

Включение столь отдаленного региона в агрессивные планы Японии подчеркивает стратегическую важность Кавказа для СССР в 1920—1930-е годы и позволяет лучше понять предпосылки советско-японских отношений в период Великой Отечественной войны. Тема статьи не становилась предметом обособленного исследования, хоть и нашла отражение в работах отечественных авторов [Капистка, 2006а; Капистка, 2006б, Лота, 2008; Куртинец, 2011; Кириченко, 2016; Зорихин, 2020; Зорихин, 2023],

CC BY

в которых рассматривается деятельность японской военной разведки против СССР в 1920—1930-х годах. Однако в них кавказское направление либо не выделяется в самостоятельное, либо упоминается фрагментарно, в то время как основной фокус смещен на Дальний Восток как ключевой объект стратегии Токио. Среди зарубежной историографии отметим труд Х. Куромия и Г. Мамулия [Kuromiya et al., 2009a], в котором значительное внимание уделено сотрудничеству кавказских эмигрантов с Японией в 1920—1930-е годы, направленному против Советского Союза.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Основным методологическим подходом выступает историческая реконструкция кавказского направления японской антисоветской политики между мировыми войнами (преимущественно в 1930-е годы). Сочетаются анализ источников (судебные показания, директивы, записки, разведданные), сравнительно-геополитический подход (сопоставление японских стратегий с действиями Германии) и региональный анализ, позволяющий рассматривать Кавказ как объект различных международных стратегий. В статье будут освещены три аспекта: создание разведывательных ячеек, формирование теоретико-идеологической базы, попытки практической реализации.

Связь макро- и микроуровней анализа раскрывается через рассмотрение как общих стратегических установок (Антикоминтерновский пакт, деятельность Абвера и 2-го отдела японского Генштаба), так и конкретных операций — активность военных атташе на Ближнем Востоке, контакты с кавказской эмиграцией, а также проекты по созданию «пятой колонны».

Источниками выступают в числе прочего материалы Токийского процесса 1946—1948 годов над военными преступниками, опубликованные на английском языке в 1981 году в США.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Предпосылки включения Кавказа в антисоветский контекст внешней политики Японии

После Первой мировой войны и геополитического ослабления России Япония превратилась во влиятельного участника политических процессов, разворачивавшихся вокруг вопроса о решении судьбы Османской империи, приобретя опыт отстаивания своих интересов в далеких региональных конфликтах. Примечательно, что она была одной из стран, признавших независимость недолго просуществовавшей меньшевистской Грузии (январь 1921 года). Как показало формирование Версальско-Вашингтонской системы, японское руководство изначально было готово поддерживать англо-американские интересы в Европе в расчете на компенсации

CC BY

в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Однако уже в 1920-е годы стали проявляться масштабные имперские амбиции, на что указывало резкое увеличение инвестиций в разведывательную и диверсионную деятельность на Ближнем Востоке.

Хотя кавказский вопрос и не был единственным мотивом, он побуждал Японию координировать свои действия в Европе и на Ближнем Востоке. Важную роль в подпольной политике играли дипломатические представительства, открытые в Турции (1924), Иране (1929) и Афганистане (1931). Параллельно с официальными органами действовали специализированные полуавтономные шпионские центры. В частности, усилия М. Танака, возглавлявшего Институт повседневных биографических исследований Мэйдзи в Оараи, позволили к 1931 году создать разветвленные сети японского влияния, простиравшиеся от Австралии до Ирана [Bergamini, 1972, p. 453].

Параллельно укреплялись и экономические интересы Японии в западном направлении. Например, Румыния, будущий сателлит блока «оси», привлекала своими нефтяными ресурсами, а также как рынок для закупок и сбыта. В 1936 году в Бухаресте был открыт филиал компании «Мицуи Буссан», проработавший до 1944 года. Другой филиал этой же компании, действовавший в Иране, в конце 1930-х годов наладил прямые поставки персидского опиума из Дариана в оккупированный Китай. Вырученные средства шли на финансирование операций японской армии [The Tokyo War …, 1981, vol. 3, p. 45, 51].

В деле тайного сбора информации и подготовки аналитических материалов ключевая роль отводилась посольствам и военным атташе. В условиях официальных ограничений поездок по СССР японская разведка велась через командировки по ближневосточным территориям, например поездку военного атташе в Турции М. Канда по Ираку, Сирии, Палестине и Египту в 1934 году. Из Токио поступала обратная связь. Так, в 1933 году военным атташе в СССР, Польше, Латвии, Турции, Германии и Франции была разослана директива от принца Котохито с требованием предоставить данные о положении кавказских, среднеазиатских и других народов СССР и оценить потенциал их сепаратизма [Кириченко, 2016, с. 63].

Другое направление этой работы было связано с целенаправленным разжиганием враждебности в государствах, граничивших с СССР. Военные атташе, аккредитованные в Турции и Иране, в своих донесениях убеждали армейское командование в стратегической важности вторжения этих стран на Кавказ в случае начала японо-советской войны [Севостьянов, 1961, с. 311].

На Дальнем Востоке у Японии появился дополнительный козырь. С 1931 года она контролировала Маньчжурию, где проживало значитель-

CC BY

ное число русскоязычных эмигрантов и противников советской власти. Со временем местные мусульманские общины также стали объектом целенаправленного влияния в русле политики, характерной для держав «оси» с конца 1930-х годов, — мобилизации ислама против Британской империи и СССР. Дальневосточный Харбин (здесь в 1921 году проживало около 165 тыс. бывших подданных Российской империи [Мусульмане …, 2020, с. 262]) превратился в центр вербовки и пропаганды, ориентированной на тюрко-татарские и кавказские диаспоры. В рамках официального курса эта политика была институционализирована: в Харбине (1937 год) и Токио (1938 год) строились мечети, а также создавались специализированные структуры, такие как «Бюро по вопросам белой эмиграции» (1934 год).

Тем не менее географическая близость Маньчжурии к Японии нивелировалась ее удаленностью от национальных окраин европейской части СССР, где была сосредоточена его основная геополитическая мощь. В связи с этим поиск уязвимых мест сместился на западные и южные границы СССР и прилегающие территории, где Кавказ стал одним из приоритетных направлений.

Япония вела вербовку агентов, руководствуясь политическими, религиозными и национальными мотивами. В их число стремились включить сторонников Л. Троцкого, белоэмигрантов, а также антисоветски настроенных мусульман и представителей кавказских и среднеазиатских народов. Этой работой среди мусульман-эмигрантов, например, в 1931—1932 годы занимался военный атташе в Варшаве Х. Хата. В 1934 году военный атташе в Турции М. Канда подчеркивал важность привлечения к подрывной деятельности азербайджанцев, крымских татар и персов. По его оценкам, для вторжения на Кавказ можно было бы задействовать до тысячи человек в Иране и от одной до двух тысяч — в Турции [Kuromiya et al., 2009б, p. 658]. Подобные планы сохраняли актуальность на протяжении всего десятилетия. Согласно данным 2-го (разведывательного) бюро Генерального штаба Франции за август 1939 года, японский атташе в Иране, связанный с грузинскими эмигрантами, также занимался разведывательной деятельностью [Органы …, 1995, с. 333].

На протяжении всего межвоенного периода поддерживались контакты с маньчжурской, ближневосточной и европейской ветвями кавказской эмиграции. С 1935 года долгосрочное планирование и финансирование были сосредоточены на одной из ключевых фигур горской эмиграции — Г. Баммате. Он обладал обширными связями в Европе и Турции, а также возглавлял редакцию журнала «Кавказ». К 1937 году этот журнал выходил на русском, грузинском, французском, английском и немецком языках. В августе 1938 года Г. Баммат принял участие во встрече в Турции, на которой при-

CC BY

сутствовали японские военные атташе из Турции, СССР, Египта, Румынии, Сирии и Афганистана [Kuromiya et al., 2009a, p. 1429].

Интерес Японии к Ирану, также имевшему границу с Кавказом, был обусловлен в том числе этническим родством между советскими и иранскими азербайджанцами. Как отмечал М. Канда, персы предпринимали попытки наладить контакты с потенциальными противниками советской власти в Азербайджане. В 1933 году в Тегеране был открыт офис военного атташе, который возглавил М. Уэда (1933—1936 годы). Он поддерживал связь с М. Канда и, по некоторым данным, по его поручениям собирал разведывательные данные у персидских источников [Ibid., p. 1424].

К концу 1930-х годов внешнеполитический курс Японии стал все больше сближаться с интересами нацистской Германии. Ключевую роль связующего звена между Токио и Берлином выполнял военный атташе в Германии Х. Осима (с 1941 года — посол Японии в Германии). В ходе Токийского процесса расследование по его делу выявило несколько важных деталей этого сотрудничества. После заключения Антикоминтерновского пакта 1936 года представители командования немецкой и японской армий, а также дипломаты обеих сторон начали обсуждать возможности обмена разведывательными данными об СССР. Было принято решение активизировать работу с белоэмигрантскими кругами в Париже, Варшаве, Берлине и других городах. По запросу японского Генштаба Осима поднял этот вопрос в ходе переговоров с Кейтелем в декабре 1939 года. Кроме того, Х. Осима приобрел дом в Фалькензе, который был использован как база для печати пропагандистских листовок. Что касается непосредственно Берлина, то там с японской стороной сотрудничал информатор с позывным «Бамард», уроженец Кавказа. На него возлагалась задача проникнуть на территорию СССР с запрещенными печатными материалами [The Tokyo War …, 1981, vol. 3, p. 341—342].

После назначения на пост военного атташе в Германии в марте 1934 года он получил от начальника Генерального штаба принца Котохито указание сосредоточиться на сборе информации об СССР. Именно эта задача стала одной из ключевых причин для установления контакта между Х. Осима и главой Абвера В. Канарисом. Результатом их последующих переговоров стало заключение 7 июля 1937 года соглашения о совместной разведывательной деятельности против СССР [Fox, 1982, p. 179, 220].

План действий был рассчитан на период с 1937 по 1941 годы. После одобрения соглашения в армейских кругах в октябре 1937 года к нему были приняты дополнительные пункты. В них предусматривалось, что Германия и Япония будут сотрудничать в мобилизации национальных меньшинств, ведении пропаганды, а также в подготовке повстанческих движений, тер-

CC BY

рористических актов и диверсий на случай войны. Если полоса территорий от Финляндии до Болгарии считалась «вотчиной» германских спецслужб, то юго-западные пограничные районы СССР (со стороны Турции и Ирана) преимущественно отводились для деятельности японской разведки [Kuromiya et al., 2009a, p. 1427].

Однако это разграничение не было окончательным. Согласно показаниям Э. Штольце, полковника из управления Абвер-II, отвечавшего за проведение диверсий за рубежом, на практике европейско-азиатская граница СССР и Кавказ являлись зоной совместных операций Германии и Японии. При этом японская сторона сохраняла за собой право самостоятельно получать информацию от Г. Баммата [Мадер, 1985, с. 115].

Соглашение 1937 года предусматривало ряд совместных мер. В их число входили наблюдение за «прометеевским» движением в Польше, а также работа с кавказской эмиграцией в Турции, которая включала налаживание контактов с турецким Генеральным штабом (обозначавшимся в документах как «военные объекты») и создание близ советских границ сети секретных станций, замаскированных под торговые представительства. Специально подготовленные и экипированные группы из числа эмигрантов планировалось перебрасывать на территорию СССР.

Были разработаны поэтапные планы действий по регионам: на 1937 год — для Европы, на 1938 — для Турции и Ирана, а на 1939 — вновь для Турции. Параллельно велось наблюдение за «кавказскими операциями» Великобритании и Италии. Непосредственно кавказский план на 1939 год включал создание подпольных ячеек в ключевых городах — Баку, Грозном, Тбилиси, Владикавказе и Батуми, а также вдоль нефтетранспортных маршрутов. На 1940 год намечалось детальное изучение военных объектов для последующих воздушных ударов, организация импорта оружия для Турции и Ирана и всеобщая подготовка к восстанию на Кавказе. Наконец, план на 1941 год ставил задачей завершение всех военных приготовлений и формирование на территории Турции так называемой «кавказской армии» [Kuromiya et al., 2009a, p. 1427—1428].

3.2. Теоретические поиски и проекты Японии в отношении Кавказа

Теоретической основой антисоветского планирования Японии в 1920—1930-е годы служили разработки, поступавшие из нескольких организационных центров разведки и саботажа: в Европе (Польша, Германия), на Ближнем Востоке (Турция, Иран, Афганистан) и на Дальнем Востоке (Маньчжурия, город Харбин).

На рубеже 1920—1930-х годов японская справочно-аналитическая работа заметно активизировалась. В 1928 году М. Канда подготовил для

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

командования Квантунской армии отчет под названием «Материалы для военных операций против СССР». В нем предполагалось использование саботажа и пропаганды для того, чтобы «свергнуть коммунистическое правительство в Сибири и на Кавказе» [The Tokyo War …, 1981, vol. 4, p. 100]. Параллельно с прямыми военными приготовлениями разрабатывалась и сложная программа подрывной деятельности против СССР, рассчитанная как на мирное, так и на военное время. М. Канда подчеркивал: «Дела, включенные в нашу подрывную деятельность против России, многочисленны, и их деятельность будет распространяться на весь мир» [The Tokyo War …, 1981, vol. 20, p. 251].

Диверсионным проектам в Токио придавали не меньшее значение. На проходившей в апреле 1929 года в Берлине конференции обсуждались методы саботажа, которые планировалось применять в европейских государствах в условиях будущей войны с СССР. В рамках мероприятия также рассматривались вопросы привлечения белоэмигрантов и координирования шпионской деятельности, которую японские атташе вели за пределами Советского Союза. Согласно показаниям подсудимых на Токийском процессе, в конференции участвовали военные атташе, аккредитованные в Великобритании, Германии, Франции, Польше, Австрии, Италии, Турции и СССР [Там же].

Эта конференция, организованная военным атташе в Берлине Ю. Омура и бывшим главой 2-го (разведывательного) отдела Генерального штаба И. Мацуи, стала новой платформой для разработки антисоветских планов. Среди ее участников был военный атташе в Турции К. Хасимото, предложивший привлечь к разведывательной работе Л. Троцкого и шестьдесят его соратников, находившихся в Турции [The Tokyo War …, 1981, vol. 18, p. 288].

До назначения военным атташе К. Хасимото обучался в военном колледже, где специализировался на истории российской революции 1917 года. После возвращения из Турции в 1930 году он возглавил «российское отделение» 2-го (разведывательного) отдела Генерального штаба. Подводя итоги своей карьеры, Хасимото впоследствии написал книгу «Путь к преобразованию мира» (1940 год), в которой обобщил свои профессиональные наблюдения за ближневосточным регионом [The Tokyo War …, 1981, vol. 1, p. 622—623].

По итогам упомянутой берлинской конференции К. Хасимото подготовил доклад для заместителя начальника Генерального штаба генерал-лейтенанта Р. Окамото под названием «Положение на Кавказе и его стратегическое использование в целях диверсионной деятельности» (от 15 ноября 1929 года). В докладе, в частности, отмечалось: «Кавказский регион, раз-

CC BY

нообразный по расе и религии, мало затронут русской цивилизацией, поскольку находится далеко от центра Советской России. Учитывая это, Кавказ, несомненно, является важным регионом с точки зрения борьбы против России. Однако из-за того, что различные расы в этом регионе враждебны друг другу и не могут сотрудничать в каких-либо действиях, мы не можем отрицать, что будет очень трудно объединить весь Кавказ для восстания против России, если только не силой военной оккупации». Исходя из этого анализа, Хасимото рекомендовал «побудить все расы на Кавказе противостоять друг другу и, следовательно, внести смятение в этот район». Таким образом, в документе четко прослеживаются замыслы японских милитаристов по захвату Кавказа «методами военной оккупации» — причем осуществить эти планы предполагалось совместно с другими странами, граничившими с СССР [The Tokyo War …, 1981, vol. 4, p. 105].

К. Хасимото допускал, что Кавказ способен стать плацдармом для совместных антисоветских акций Японии и Великобритании, напоминая об опыте последней по удержанию контроля в Закавказье после революции 1917 года. Кроме того, он рассматривал возможность сотрудничества в сфере поощрения территориальных притязаний Турции и Персии на Кавказе, а также их влияния на местное мусульманское население [The Tokyo War …, 1981, vol. 12, p. 237—238].

В то же время, по аналогии с А. Розенбергом, составителя ряда немецких заметок о Кавказе, автор доклада ранжировал кавказские народы по принципу их «полезности». Грузия и Армения рассматривались как регионы с развитым стремлением к независимости и влиятельной диаспорой за рубежом. Азербайджан К. Хасимото считал менее «динамичным» в культурном и политическом отношении и, следовательно, менее полезным для стратегических целей Японии. Северокавказские народы признавались малопригодными для политических задач в силу их этнической раздробленности и «низкого культурного развития», и их предполагалось использовать разве что в качестве партизан. Особый взгляд был связан с «великоармянским движением»: в случае включения Турции в антисоветский блок, его следовало избегать, и, напротив, использовать в качестве плацдарма для пропаганды, если советско-турецкие отношения становились бы излишне дружественными [Kuromiya et al., 2009a, p. 1421—1422; Кириченко, 2016, с. 60—61].

С начала 1930-х годов антисоветская направленность работы японских военных атташе усилилась как в крупных центрах эмиграции в Западной Европе, так и на приграничных с СССР территориях — в Прибалтике, Польше, Турции, Иране и Афганистане. Дополнительным шагом стало создание в 1933 году специальных разведывательно-подрывных органов

CC BY

в Париже и Берлине, укомплектованных специалистами, знакомыми с советской спецификой. При этом парижское отделение было закрыто уже в 1934 году, тогда как берлинское продолжало действовать вплоть до 1940-х годов [Kuromiya et al., 2009a, p. 1423].

В марте 1931 года военный атташе в Москве Ю. Касахара направил в Генеральный штаб доклад, содержавший отдельную главу, посвященную диверсионной деятельности против СССР. В ней утверждалось, что сбор разведывательной информации не должен быть единственной задачей, и подчеркивалась необходимость учета стратегического положения при размещении разведывательных органов [The Tokyo War …, 1981, vol. 16, p. 431].

В конце своего пребывания на посту военного атташе в Турции М. Канда подготовил два доклада (1934 год). В одном из них описывались результаты вербовочной кампании среди азербайджанцев, северокавказских горцев и крымских татар, которых предполагалось готовить для нелегального перехода советско-иранской и советско-турецкой границ. Наиболее перспективным признавалось использование азербайджанцев, учитывая их значительную численность в Северном Иране. Второй доклад был составлен по итогам поездки по ближневосточным территориям. Его автор солидаризировался с мнением Ю. Касахара, выразив точку зрения, что подготовка антисоветских акций должна выходить за рамки Европы и носить всеобъемлющий характер, с особым упором на мусульманские страны. Для этого предлагалось задействовать торговые представительства, офицеров под прикрытием и дипломатов. По оценкам М. Канда, для мобилизации воинственных мусульманских движений требовалось около 200 тысяч иен в год [Кириченко, 2016, с. 66—67].

Еще одной иллюстрацией стратегических замыслов японского командования может служить доклад М. Уэда 1935 года, в котором он отмечал: «Азербайджанские тюрки, в связи с географическим распределением единомышленников и родственных им племен, а также с точки зрения их национального характера, представляют максимальную ценность … в диверсионных целях» [Там же, с. 65].

3.3. Практическая реализация: провал попыток диверсий и организации «пятой колонны»

Доступные нам сведения о конкретных действиях японцев остаются ограниченными, однако очевидно, что их стратегия во многом определялась финансовыми и географическими факторами. В этом контексте особой целевой категорией для них стали эмигранты в Маньчжурии, оказавшейся под японским контролем с 1931 года. Среди них было немало грузин, содержавших рестораны на станциях Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), а также других выходцев с Кавказа. Как показывают на

CC BY

основе грузинских архивов Х. Куромия и Г. Мамулия, в 1930-е годы советские органы госбезопасности выявили десятки завербованных агентов, переброшенных с Дальнего Востока в Грузию. При этом исследователи оговариваются, что «невозможно подтвердить, действительно ли эти лица шпионили в пользу Японии» [Kuromiya et al., 2009a, p. 1420—1421].

На территории Ингушетии в начале 1930-х годов также был вскрыт так называемый «штаб японского шпионажа», обвинявшийся в подготовке антисоветских выступлений. Однако, как отмечает, например, А. Авторханов, это дело, скорее всего, было сфабриковано [Авторханов, 1952, с. 31—33]. Несмотря на это, восприятие японской угрозы на Кавказе было вполне реальным фактором, определявшим активность советских органов государственной безопасности.

Японские спецслужбы демонстрировали способность к проведению трансграничных операций. В июле 1938 года трое грузин, перешедшие границу из Ирана с целью проникновения в Грузинскую ССР, были задержаны. В августе-сентябре того же года, на фоне военного конфликта у озера Хасан, другая группа из трех агентов успешно пересекла советскую границу со стороны Турции, достигла Батуми и, собрав разведывательные данные, вернулась обратно [Kuromiya et al., 2009a, p. 1429].

Одним из катализаторов этих событий стала конференция, прошедшая в Турции в августе 1938 года. На ней присутствовали японские военные атташе и дипломаты из ряда стран, включая СССР, Турцию, Египет, Румынию, Сирию и Афганистан. Приглашенный на встречу Г. Баммат стал свидетелем того, как под прикрытием экономической повестки мероприятие превратилось в площадку для обсуждения разведывательной и подрывной деятельности на Кавказе и в Средней Азии. Советская разведка, заранее осведомленная об истинных целях конференции, направила жалобу турецкому правительству. В результате 10 августа 1938 года Анкара вручила официальный протест японскому послу в Стамбуле. Несмотря на то, что Турция ранее не препятствовала антисоветским операциям, на этот раз, стремясь избежать осложнения отношений с СССР, она сочла политически целесообразным выслать из страны ряд видных эмигрантов, включая Г. Баммата, А. Кантемира и их сторонников [Ibid.].

В сентябре 1946 года на Токийском процессе был оглашен меморандум, подготовленный Г. Гиммлером в конце января 1939 года по итогам его встречи с военным атташе Японии в Берлине Хироси Осимой. В документе подтверждалось сотрудничество Осимы с «Абвером» в рамках проекта по «дезинтеграции России за счет Кавказа и Украины». Согласно меморандуму, Осима направил на Кавказ группу из десяти диверсантов, снабженных бомбами, с заданием ликвидировать И. В. Сталина, однако все они

CC BY

были уничтожены советскими пограничниками при попытке пересечения границы. Кроме того, Г. Гиммлер сообщил, что пропагандистские листовки, производившиеся в домовладении Х. Осима в Фалькензе, доставлялись на советскую территорию из Польши с помощью надувных шаров, которые запускали при благоприятном направлении ветра. В заключение документа упоминалась еще одна неудачная операция — попытка доставки пропагандистских материалов на катерах через Черное море со стороны Румынии [The Tokyo War …, 1981, vol. 3, p. 342—343].

Хотя различные факты говорят о том, в предвоенный период Япония рассматривала Кавказ как пространство для организации «пятой колонны» против СССР, ее агрессивные проекты не были реализованы в начале Второй мировой войны. С одной стороны, это может быть обусловлено нежеланием державы вступать в прямой конфликт с СССР и затратами на восточноазиатские дела — уже в 1937 году начинается война с Китаем. С другой стороны, существовали взаимная подозрительность в блоке «оси» и конкуренция за влияние на приграничных к Кавказу территориях, что снижало эффективность взаимодействия антисоветских держав и их проектов. Британская служба разведки на Ближнем Востоке (Security Intelligence Middle East, SIME), работавшая в Иране, установила, что даже на пике своей деятельности не только немецкие и итальянские, но и «японские разведывательные службы оказались не в состоянии получить какую-либо полезную информацию …, несмотря на существование недовольных и сторонников “оси” среди местного населения» [O’Sullivan, 2015, p. 4].

4. Заключение = Conclusions

На основе представленного анализа можно сделать несколько выводов. В межвоенный период Япония целенаправленно и системно выстраивала разветвленную сеть для проведения разведывательной и подрывной деятельности против СССР, используя как официальные дипломатические каналы, так и полуавтономные структуры. Политика в отношении Кавказа реализовывалась на трех взаимосвязанных уровнях: формирование враждебной среды в сопредельных с СССР странах (Афганистане, Иране, Турции), разработка дезинтеграционных концепций и ведение целенаправленной антисоветской работы.

Этническая и религиозная пестрота Кавказа, подкрепленная наличием активной зарубежной диаспоры, сделала регион в глазах Токио перспективным плацдармом для подрыва стабильности СССР. В теории японская стратегия носила комплексный характер и включала вербовку агентуры, финансирование антисоветских изданий, проведение диверсионных операций, а также организацию восстаний.

Несмотря на масштабные замыслы и отдельные тактические успехи, амбициозные проекты Японии так и остались нереализованными. При этом вряд ли стоит считать пакт Молотова — Риббентропа 1939 года и последовавшее разочарование Токио единственным рубежом, после которого произошло свертывание «кавказских планов». Их эффективность ограничивалась рядом факторов: противодействием со стороны советских органов государственной безопасности, вовлеченностью Японии в затяжную войну в Китае, нежеланием вступать в прямой конфликт с СССР, а также внутренней конкуренцией между странами «оси», которая мешала координации. Большое расстояние до Кавказа требовало дополнительных затрат на организацию антисоветской деятельности в отдаленных странах Европы и Ближнего Востока. Таким образом, хотя угроза от Японии и воспринималась советским руководством как реальная, а активность ее антисоветской деятельности была высокой, практические результаты стратегии в контексте Кавказа оказались незначительными и не смогли оказать существенного влияния на стратегическую обстановку в регионе накануне и в ходе Второй мировой войны.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Органы* государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов : в 5 т. — Москва : Книга и бизнес, 1995. — Т. 1. — Книга 1. — 464 с.

2. *The Tokyo* War Crimes Trial. The Complete Transcripts : In 22 Volumes / ed. by R. J. Pritchard, S. M. Zaide. — New York : Garland, 1981. — Vol. 1—22.

Литература

1. *Авторханов А. Г.* Народоубийство в СССР: Убийство чеченского народа / А. Г. Авторханов. — Мюнхен : Свободный Кавказ, 1952. — 69 с.

2. *Зорихин А. Г.* «Японо-советская война... должна быть проведена как можно скорее» : противоборство военной разведки Японии и советских спецслужб в 1922—1931 гг. / А. Г. Зорихин // Военно-исторический журнал. — 2020. — № 1 (717). — С. 47—56.

3. *Зорихин А. Г.* Военная разведка Японии против СССР : противостояние спецслужб в Европе, на Ближнем и Дальнем Востоке, 1922—1945 гг. / А. Г. Зорихин. — Москва : Центрполиграф, 2023. — 446 с. — ISBN 978-5-227-10476-2.

4. *Капистка В. В.* «Раскрыта крупная шпионско-диверсионная организация японского генерального штаба» : Особенности тайного противостояния советских и японских спецслужб на Дальнем Востоке в конце 1920-х — начале 1930-х гг. / В. В. Капистка // Военно-исторический журнал. — 2006а. — № 2 (550). — С. 21—27.

5. *Капистка В. В.* Деятельность военной разведки Японии в Советском союзе в 1930-е годы / В. В. Капистка // Военно-исторический журнал. — 2006б. — № 8. — С. 44—48.

6. *Кириченко А. А.* Японская разведка против СССР / А. А. Кириченко. — Москва : Вече, 2016. — 320 с. — ISBN 978-5-4444-1100-1.

7. *Куртинец С. А.* Разведывательная деятельность японских консульств на советском Дальнем Востоке (1922—1931) / С. А. Куртинец // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. — 2011. — № 1 (155). — С. 28—35.

8. *Лота В. И.* За гранью возможного: Военная разведка России на Дальнем Востоке, 1918—1945 гг. / В. И. Лота. — Москва : Кучково поле, 2008. — 656 с. — ISBN 978-5-901679-98-2.

9. *Мадер Ю.* Империализм : шпионаж в Европе вчера и сегодня / Ю. Мадер. — Москва : Политиздат, 1985. — 304 с.

10. *Мусульмане* на Дальнем Востоке : история и современность / А. С. Гарифуллин, Р. Н. Павлинова, Д. В. Руденков, А. Н. Старостин. — Казань : Духовное управление мусульман Дальнего Востока, 2020. — 656 с. — ISBN 978-5-6042963-5-6.

11. *Севостьянов Г. Н.* Политика великих держав на Дальнем Востоке накануне второй мировой войны / Г. Н. Севостьянов. — Москва : Соцэкгиз, 1961. — 559 с.

12. *Bergamini D.* Japan's Imperial Conspiracy / D. Bergamini. — New York : Pocket Books, 1972. — 1364 p.

13. *Fox J. P.* Germany and the Far Eastern Crisis, 1931—1938 : A Study in Diplomacy and Ideology / J. P. Fox. — Oxford : Clarendon Press, 1982. — 445 p.

14. *Kuromiya H.* Anti-Russian and Anti-Soviet Subversion : The Caucasian-Japanese Nexus, 1904—1945 / H. Kuromiya, G. Mamoulia // Europe-Asia Studies. — 2009a. — № 61 (8). — Pp. 1415—1440.

15. *Kuromiya H.* The Great Terror : Polish-Japanese Connections / H. Kuromiya, A. Pepłoński // Cahiers du monde russe. — 2009б. — № 50 (4). — Pp. 647—670.

16. *O'Sullivan A.* Espionage and Counterintelligence in Occupied Persia (Iran) : The Success of the Allied Secret Services, 1941—45 / A. O'Sullivan. — London : Palgrave Macmillan, 2015. — 271 p.

Статья поступила в редакцию 23.10.2025,
одобрена после рецензирования 25.01.2026,
подготовлена к публикации 13.02.2026.

Material resources

Pritchard, R. J., Zaide, S. M. (ed.). (1981). *The Tokyo War Crimes Trial. The Complete Transcripts: In 22 Volumes, 16.* New York: Garland. Vol. 1-22.

The state security agencies of the USSR in the Great Patriotic War. Collection of documents: In 5 volumes, 1 (1). (1995). Moscow: Book and Business. 464 p. (In Russ.).

References

Avtorkhanov, A. G. (1952). *Narodkide in the USSR: The murder of the Chechen people.* Munich: Svobodny Kavkaz Publ. 69 p. (In Russ.).

Bergamini, D. (1972). *Japan's Imperial Conspiracy.* New York: Pocket Books. 1364 p.

Fox, J. P. (1982). *Germany and the Far Eastern Crisis, 1931—1938: A Study in Diplomacy and Ideology.* Oxford: Clarendon Press. 445 p.

Garifullin, A. S., Pavlinova, R. N., Rudenkov, D. V., Starostin, A. N. (2020). *Muslims in the Far East: history and modernity.* Kazan: Spiritual Administration of Muslims of the Far East. 656 p. ISBN 978-5-6042963-5-6. (In Russ.).

Kapistka, V. V. (2006a). "A large espionage and sabotage organization of the Japanese General Staff has been uncovered": Features of the secret confrontation between Soviet and Japanese special services in the Far East in the late 1920s and early 1930s. *Military History Magazine, 2 (550):* 21—27. (In Russ.).

Kapistka, V. V. (2006b). The activities of Japanese military intelligence in the Soviet Union in the 1930s. *Military Historical Journal, 8:* 44—48. (In Russ.).

Kirichenko, A. A. (2016). *Japanese intelligence against the USSR.* Moscow: Veche. 320 p. ISBN 978-5-4444-1100-1. (In Russ.).

Kuromiya, H., Mamoulia, G. (2009a). Anti-Russian and Anti-Soviet Subversion: The Caucasian-Japanese Nexus, 1904—1945. *Europe-Asia Studies, 61 (8):* 1415—1440.

Kuromiya, H., Pepłoński, A. (2009b). The Great Terror: Polish-Japanese Connections. *Cahiers du monde russe, 50 (4):* 647—670.

Kurtinets, S. A. (2011). Intelligence activities of Japanese consulates in the Soviet Far East (1922—1931). *Bulletin of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, 1 (155):* 28—35. (In Russ.).

Lota, V. I. (2008). *Beyond the limits of what is possible: Russian military intelligence in the Far East, 1918—1945.* Moscow: Kuchkovo Pole. 656 p. ISBN 978-5-901679-98-2. (In Russ.).

Mader, Yu. (1985). *Imperialism: Espionage in Europe yesterday and today*. Moscow: Politizdat Publ. 304 p. (In Russ.).

O'Sullivan, A. (2015). *Espionage and Counterintelligence in Occupied Persia (Iran): The Success of the Allied Secret Services, 1941—45.* London: Palgrave Macmillan. 271 p.

Sevostyanov, G. N. (1961). *The policy of the great Powers in the Far East on the eve of the Second World War.* Moscow: Sotsekgiz. 559 p. (In Russ.).

Zorikhin, A. G. (2020). "The Japanese-Soviet war... it should be carried out as soon as possible": the confrontation between Japanese military intelligence and Soviet special services in 1922—1931. *Military History Magazine, 1 (717):* 47—56. (In Russ.).

Zorikhin, A. G. (2023). *Military intelligence of Japan against the USSR: the confrontation of special services in Europe, the Near and Far East, 1922—1945*. Moscow: Tsentrpoligraf. 446 p. ISBN 978-5-227-10476-2. (In Russ.).

The article was submitted 23.10.2025;
approved after reviewing 25.01.2026;
accepted for publication 13.02.2026.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]
Check for updates

Информация для цитирования:

Токтамысов С. Ж. Строительство российской казной телеграфных и почтовых линий в Закаспийской области и в сопредельных районах Персии на рубеже XIX—XX веков / С. Ж. Токтамысов // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 2. — С. 516—533. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-516-533.

Toktamysov, S. Z. (2026). Construction of Telegraph and Postal Lines in Transcaspian Region and Adjacent Areas of Persia at Turn of Nineteenth to Twentieth Centuries. *Nauchnyi dialog, 15* (2): 516-533. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-516-533. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Строительство российской казной телеграфных и почтовых линий в Закаспийской области и в сопредельных районах Персии на рубеже XIX—XX веков

Токтамысов Сакен Жаугаштович
orcid.org/0000-0003-4284-9638
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры истории России
toktamysov-szh@rudn.ru

Российский университет
дружбы народов
им. Патриса Лумумбы
(Москва, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00648 «Развитие экономической инфраструктуры российско-иранского трансграничья (вторая половина XIX — начало XX века)», https://rscf.ru/project/24-28-00648/

Construction of Telegraph and Postal Lines in Transcaspian Region and Adjacent Areas of Persia at Turn of Nineteenth to Twentieth Centuries

Saken Zh. Toktamysov
orcid.org/0000-0003-4284-9638
PhD in History, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Russian History
toktamysov-szh@rudn.ru

RUDN University
(Moscow, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported by Russian Science Foundation, project number 24-28-00648 “Development of the economic infrastructure of the Russian-Iranian cross—border area (the second half of the 19th — early 20th century)”, https://rscf.ru/project/24-28-00648/

© Токтамысов С. Ж., 2026

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается история строительства телеграфно-почтовых линий на территории Закаспийской области и в северо-восточных приграничных районах Персии в позднеимперский период. Основными источниками статьи стали неопубликованные документы двух центральных архивов: Архив внешней политики Российской империи и Российский государственный исторический архив. Представлены материалы внутриведомственных обсуждений представителей российской бюрократии и дипломатические переговоры с персидским правительством относительно технических аспектов реализации указанных телеграфных линий, включавших их маршрут, протяженность, финансовые аспекты. Сделан вывод о тесной взаимосвязи сооружения в Южно-Каспийском регионе почтово-телеграфной инфраструктуры и строительства здесь транспортных путей. Показано, что прокладывание коммуникационных линий было важной частью инфраструктурно-логистической региональной модернизации в конце XIX — начале XX веков. Отмечается важность развития средств связи в вопросе активизации двусторонних экспортно-импортных операций с северо-восточной Персией. Показано, что некоторые почтовые проекты, предполагавшие соединение Закаспийской области и Персии остались нереализованными. Автор приходит к выводу о формировании российско-персидской интегрированной инфраструктуры на рубеже XIX—XX веков, которая была важна для развития двусторонних торгово-экономических отношений и укрепления российских позиций в Персии.

Ключевые слова:
Закаспийская область; инфраструктура; экономическая история; Средняя Азия; Российская империя.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the history of constructing telegraph and postal lines across the territory of the Transcaspian region and its northeastern border areas with Persia during Russia's late imperial period. The primary sources for this study are unpublished documents from two central archives: the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire and the Russian State Historical Archive. These materials provide insights into internal bureaucratic discussions among Russian officials as well as diplomatic negotiations between Russian representatives and Persian authorities regarding technical aspects such as route planning, line length, and financial considerations related to these telecommunication projects. It is concluded that there was a close interconnection between the establishment of mail-telegraph infrastructure and transportation networks in the South Caspian region. The importance of communication development in facilitating bilateral export-import operations with northeastern Persia is highlighted. Some proposed postal initiatives linking the Transcaspian area and Persia were not implemented. Ultimately, it is argued that an integrated Russian-Persian infrastructural framework emerged by the turn of the nineteenth century, which played a significant role in enhancing bilateral trade-economic relations and consolidating Russian influence within Persia.

Key words:
Transcaspian region; infrastructure; economic history; Central Asia; Russian Empire.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94(47).082/.084.3+327:656.8(575.4+55)“188/191”
DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-516-533

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история
5.6.2. Всеобщая история
5.6.7. История международных отношений и внешней политики

Строительство российской казной телеграфных и почтовых линий в Закаспийской области и в сопредельных районах Персии на рубеже XIX—XX веков

© Токтамысов С. Ж., 2026

1. Введение = Introduction

Развитие телеграфного сообщения в XIX веке являлось составной частью европейской и мировой промышленной, транспортной и информационной революции. Телеграф выступал одним из важнейших элементов экономической инфраструктуры, способствовал интенсификации экономического взаимодействия, росту внешней и внутренней торговли, ускорению и удешевлению процесса обмена коммерческой информацией.

На рубеже XIX—XX веков на юге Закаспийской области реализовывались проекты строительства телеграфной инфраструктуры. К середине 1890-х годов была проведена телеграфная линия, соединившая Мерв с Пендэ (Кушкой). В 1890—1891 годах была построена телеграфная линия, которая соединила российский закаспийский город Серахс с одноименным персидским Серахсом. В 1887—1891 годах был завершен телеграфный проект по маршруту Чарджуй — Керки.

При этом на рубеже XIX—XX веков территория Южно-Каспийского фронтира была связана дорожным и транспортным сообщением с северо-восточной Персией. К этому периоду началась эксплуатация Закаспийской железной дороги, шел процесс сооружения шоссейной дороги между Асхабадом и Мешхедом, функционировала система грунтовых дорог, осуществлялись караванные и пароходные грузо- и пассажироперевозки.

Однако телеграфное сообщение лишь локально и фрагментарно соединяло Российскую империю и приграничные территории Персии. В этой сфере на рубеже XIX—XX веков отсутствовала непрерывная и эффективно функционирующая система телеграфных линий, что оказывало негативное влияние на обмен коммерческой информацией и российско-персидские торговые операции.

CC BY

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Вопросы экономического и инфраструктурного развития Южно-Каспийского региона на рубеже XIX—XX веков получили определенное освещение в отечественной историографии [Васильев, 2025; Литвинов, 2025; Токтамысов, 2024]. Вопросы развития приграничной российско-иранской транспортной инфраструктуры в позднеимперский период рассматриваются в работах З. А. Арабаджяна, Г. Г. Корноуховой [Арабаджян, 2024; Корноухова, 2025]. Проблема фронтирной модернизации в Средней Азии на рубеже XIX—XX веков затрагивается в научных работах как российских, так и зарубежных исследователей [Бочкарева, 2021; Бочкарева, 2024; Котюкова, 2015; Straeten, 2019; Penati, 2023]. Определенный пласт подобных исследований рассматривает хлопковый вопрос как составную часть модернизационного развития Туркестана в рамках указанного периода [Васильев, 2025; Ларин, 2023, Penati, 2013]. К тематике развития телеграфной связи в Закавказье в конце XIX века обращается П. А. Колпаков [Колпаков, 2024]. Вместе с тем проблематика развития телеграфной и почтовой инфраструктуры Закаспийской области на рубеже XIX—XX веков является недостаточно хорошо разработанным вопросом.

В настоящем исследовании рассматриваются финансово-технические аспекты возведения таких элементов экономической инфраструктуры, как телеграф и почта в Закаспийской области и в сопредельных районах Персии, анализируются взгляды отдельных представителей высшей российской бюрократии по вопросу строительства и эксплуатации данных объектов. Цель исследования — определить особенности строительства и содержания российских телеграфных и почтовых линий в районе российско-персидского трансграничья на рубеже XIX—XX веков, а также их значение в вопросе развития российско-персидской торговли через северо-восточную границу Персии, а также в рамках политики Большой игры.

Источниковой основой статьи выступили делопроизводственные документы, хранящиеся в фонде «Среднеазиатский стол» (ф. 147) Архива внешней политики Российской империи и в фонде МВД — Главного управления почт и телеграфов по 1 отделению (ф. 1289) Российского государственного исторического архива.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Телеграфная южно-каспийская приграничная инфраструктура на рубеже XIX—XX веков

К середине 1890-х годов на юге Закаспийской области был завершен ряд проектов по сооружению телеграфной инфраструктуры. Некоторые из них соединяли Российскую империю и Персию, например линия между

CC BY

российским и персидским городами Серакс. Работа по ее сооружению началась в июне 1890 года, в сентябре асхабадское уездное казначейство выделило сумму в размере 135 руб. на приобретение 50 столбов для строительства данного инфраструктурного объекта [РГИА, ф. 1289, оп. 2, д. 2127, л. 17—17 об.]. 22 апреля 1891 года была заключена российско-персидская конвенция, статья вторая которой устанавливала, что охрана и ремонт телеграфной линии между двумя Сераксами будут обеспечиваться администрацией того государства, по территории которого пройдет линия [РГИА, ф. 1289, оп. 2, д. 2127, л. 22]. Она стала составной частью персидского телеграфного проекта, соединявшего Мешхед и Серакс.

Российский посланник в Персии К. Э. Аргиропуло отмечал в 1898 году важность развития телеграфного сообщения Закаспийской области с персидским Рештом, поскольку в нем осуществлялся большой объем двусторонних экспортно-импортных операций [РГИА, ф. 1289, оп. 2, д. 2127, л. 23 об.]. Телеграфная связь позволила бы более оперативно получать коммерческую информацию, чем это происходило за счет почтовых пароходов. В связи с этим представители некоторых торговых фирм и частных лиц выражали готовность выделить собственные финансовые средства для содержания в данном месте русского телеграфиста и телеграфной станции.

Особое значение приобретало развитие экономических связей между Закаспийской областью и Хорасаном. Российско-персидское приграничье на рубеже XIX—XX веков постепенно связывалось единой транспортной инфраструктурой. Здесь шел процесс строительства Мешхедо-Асхабадской колесной дороги [Корноухова и др., 2025]. Вместе с тем участок Гаудан — Кучан оставался необеспеченным телеграфной связью. Это приводило к большим временным затратам при доставке телеграмм, которые шли по маршруту Серакс — Мешхед. При этом в Кучане принимались телеграммы на французском языке, что делало данную станцию недоступной для значительной части российских предпринимателей. Высокой была и плата. Она составляла 24 коп. за слово, тогда как в Австрии и в Германии эта стоимость не превышала 11 коп [АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 1293, л. 20].

С открытием в середине 1890-х годов в Асхабаде таможни и отделения государственного банка произошел резкий рост товарооборота между Асхабадом и Мешхедом. Начальник Закаспийской области в письме к начальнику Главного управления почт и телеграфов от 21 апреля 1895 года отмечал необходимость открытия между указанными пунктами почтово-телеграфного сообщения как с целью «дальнейшего развития торговли и связанного с этим благосостояния края, так и в видах облегчения торгово-промышленных и административных сношений с Хорасаном» [РГИА, ф. 1289, оп. 3, д. 93, л. 1]. При этом важным элементом данного инфра-

CC BY

структурного проекта было учреждение почтового тракта от Асхабада до Гаудана, поскольку в Гаудане функционировала таможенная застава, через которую в большом количестве производился ввоз иностранных товаров и вывоз сахара с возвратом акцизов и мануфактурных товаров [РГИА, ф. 1289, оп. 3, д. 93, л. 1].

Асхабад находился на расстоянии 45 верст от Гаудана и был соединен шоссейной дорогой, на которой планировалось открытие трех почтовых станций. При этом почтовое сообщение должно было соединить Асхабад с Мешхедом, а телеграфное — дойти до Кучана, что составляло протяженность в 120 верст [РГИА, ф. 1289, оп. 3, д. 93, л. 1].

Расходы казны на сооружение телеграфной линии Асхабад — Гаудан были оценены в июне 1895 года начальником Бакинского почтово-телеграфного округа в размере 9 тыс. руб. [РГИА, ф. 1289, оп. 3, д. 154, л. 4]. Вместе с тем Государственный Совет не поддержал ассигнование этой суммы на 1896 год, в результате чего финансирование указанного проекта было перенесено на 1897 год [РГИА, ф. 1289, оп. 3, д. 154, л. 14 об., 15]. Кроме того, объем выделенных средств был сокращен — с 9 до 8 тыс. руб. [РГИА, ф. 1289, оп. 3, д. 154, л. 16 об.]. Тем не менее, несмотря на некоторую задержку, в октябре 1897 года состоялось открытие телеграфной станции в Гаудане.

Начальник Закаспийской области А. Н. Куропаткин в письме к российскому посланнику в Тегеране в октябре 1897 года настаивал на переговорах с персидским правительством о соединении телеграфным проводом Гаудана с Кучаном [АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 1293, л. 2]. Это привело бы к формированию единой телеграфной линии до Мешхеда. По мнению Куропаткина, в этом случае улучшилось бы и качество телеграфного сообщения России с Персией, поскольку существовавшая линия Мешхедо-Серакского телеграфа часто выходила из строя. Так, за период января — октября 1897 года на указанной линии было отмечено 25 повреждений, которые продолжались 1—4 суток. В результате российские и персидские телеграфные учреждения были вынуждены передавать депеши длинными обходными путями, что приводило к замедлению в доставке телеграмм. Данное обстоятельство негативно отражалось на служебных, коммерческих и торговых отношениях с Хорасаном [АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 1293, л. 2 об.].

В 1878 году была заключена российско-персидская конвенция о Чикишлярско-Астрабадском телеграфе, положения которой планировалось использовать при строительстве телеграфных линий в среднеазиатском регионе. Начальник Закаспийской области настаивал на российском контроле над запланированной Асхабадо-Мешхедской линией на всем ее протяжении, аналогичном условиям эксплуатации Астрабадо-Чикишлярской

CC BY

линии или британскому контролю над Мешхедо-Тегеранским телеграфом [АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 1293, л. 2 об., 3].

Предложение А. Н. Куропаткина получило поддержку руководителя Азиатского департамента МИД А. К. Базили, который в январе 1898 года обратился к К. Э. Аргиропуло с просьбой обсудить этот вопрос с персидским правительством [АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 1293, л. 6]. Персидская сторона выдвинула предложение о проведении телеграфной линии от Гаудана до Кучана за свой счет, с «допущением» работы русского телеграфиста в Кучане. Это противоречило изначальному российскому подходу по этому вопросу. Российское военное министерство и МИД выступили за постройку и содержание Гаудан-Мешхедской телеграфной линии за счет российского почтово-телеграфного ведомства при условии передачи ее эксплуатации российскому правительству и открытия российских телеграфных учреждений в Кучане и в Мешхеде [АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 1293, л. 7 об., л. 13, 13 об.].

Российский Посланник в Тегеране К. Э. Аргиропуло отмечал проблематичность защиты такой позиции перед персидским правительством в силу неприемлемости для них положения о контроле другой страны над национальной телеграфной линией. В случае его принятия требовались «соответствующие компенсации» со стороны России персидскому государству во многих других отношениях [РГИА, ф. 1289, оп. 13, д. 192, л. 28].

В итоге российские подходы к строительству указанного инфраструктурного проекта были скорректированы путем фактического принятия персидского предложения. Это позволило весной 1899 года начать сооружение телеграфной линии Гаудан — Кучан. Была достигнута договоренность о работе в Кучане российского телеграфиста. При этом персидское правительство обратилось к К. Э. Аргиропуло с предложением прислать российского мастера-механика с техническим образованием, который управлял бы телеграфной линией и следил за ее состоянием. Это требовало ежегодных расходов российской казны на его содержание в размере трех тысяч руб. и на возмещение всех расходов по служебным поездкам, причем контракт заключался на несколько лет [РГИА, ф. 1289, оп. 13, д. 192, л. 48 об.].

В августе 1899 года было завершено сооружение телеграфной линии Асхабад — Гаудан. Работы по участку Асхабад — Гаудан проводились под руководством старшего инженера Иванова. Согласно акту выполненных работ, протяженность линии составила 42,5 верст, а сумма расходов на ее реализацию — 7360 руб. 76 коп. [РГИА, ф. 1289, оп. 3, д. 154, л. 49, 64]. Это означало сокращение расходов в сравнении с утвержденной сметой почти на 600 руб. Среди расходных статей наибольшие ассигнования направлялись по разделам «устройство линий и станций» — 4832 руб., «заготовка и доставка материалов» — 2379 руб.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

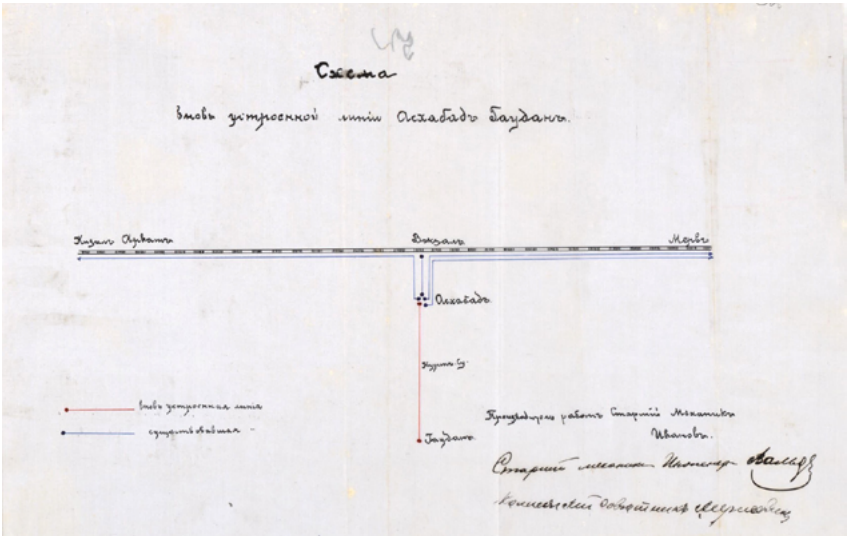

Рис. 1. Схема телеграфной линии Асхабад — Гаудан
[РГИА, ф. 1289, оп. 3, д. 154, л. 52]

Вместе с тем задача соединения Асхабада с Мешхедом оставалась не до конца реализованной. К рубежу XIX—XX веков существовала телеграфная линия Серакс — Мешхед, связывавшая юг Закаспийского региона с северо-востоком Персии. К началу XX века данный инфраструктурный объект находился в запущенном состоянии. На протяжении 10 лет здесь не производился капитальный ремонт, средства, которые отпускались на его функционирование, расхищались представителями телеграфного ведомства. В результате линия постоянно выходила из строя, что приводило к задержке с отправкой важных телеграм и большим убыткам для многих торговцев [АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 1293, л. 17].

Персидская почта отправлялась из Гаудана в Кучан всего два раза в неделю, хотя фургоны и караваны ежедневно в большом количестве приходили из Кучана в Асхабад. Из персидского города Мамед-Абад, расположенного на расстоянии 25 верст от российской границы, где проживало много русских купцов из Асхабада, телеграммы шли «кружным путем» в Россию сотни верст [АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 1293, л. 20 об.]. Это обстоятельство затрудняло развитие информационного обмена, что негативно отражалось и на различных аспектах российско-персидского взаимодействия.

Российские правительственные круги в рамках перезапуска телеграфного сообщения Серакс — Мешхед рассматривали возможность капиталь-

CC BY

ного ремонта указанного инфраструктурного объекта. Кроме того, ускорились работы по сооружению телеграфной линии Гаудан — Кучан, постройка которой привела бы к двойному телеграфному соединению Мешхеда с Россией. Это позволило бы полностью исключить технические проблемы в двустороннем сообщении [АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 1293, л. 17 об.].

Российский посланник в Тегеране П. М. Власов информировал в феврале 1903 года, что с присоединением к Мешхедо-Сеистанской телеграфной линии участка Мешхед — Кучан и доведением его до Асхабада выкуп обошелся бы для российской казны в 160—180 тысяч рублей [РГИА, ф. 1289, оп. 13, д. 192, л. 80]. По мнению П. М. Власова, в рамках строившейся телеграфной линии Гаудан — Кучан общей протяженностью в 18 верст было необходимо оказать помощь персидскому правительству, снабдив его в долг оборудованием и телеграфным материалом: проволокой, оловом, серной кислотой, изоляторами [АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 1293, л. 18].

Однако, несмотря на готовность российских партнеров предоставить Персии выгодные условия, шахское правительство проявило несговорчивость и в итоге выступило противником продажи или сдачи в аренду российской стороне Мешхедо-Сеистанской линии. В этих условиях П. М. Власов предложил организовать содержание русских телеграфистов в ключевых пунктах Мешхедо-Сеистанской телеграфной линии, а также трех техников и шести надсмотрщиков для ежегодного ремонта линий. Все это требовало ежегодных расходов российской казны в размере 29—33 тыс. руб. [АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 1293, л. 84 об.].

Таким образом, несмотря на готовность России взять на себя все расходы по строительству Мешхедо-Сеистанской телеграфной линии, оно осуществлялось на средства персидского правительства, лишь при участии российской миссии в Тегеране.

К 31 декабря 1903 года общая протяженность линии Мешхед — Сеистан составила 153½ фарсахов (~854,5 км). Она включала 15 382 столба, 12 телеграфных станций и 4 дома, отведенных под телеграфные станции [АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 1293, л. 145].

Результат строительных работ, проведенных персидскими специалистами, оказался неудовлетворительным: линии часто выходили из строя и не функционировали 4—6 дней подряд. Соединение Гаудана с Мешхедом и открытие телеграфной линии Асхабад — Мешхед состоялось 7 ноября 1905 года [РГИА, ф. 1289, оп. 3, д. 154, л. 65].

3.2. Проблемы в развитии почтовой инфраструктуры в Южно-Каспийском регионе на рубеже XIX—XX веков

Телеграфная инфраструктура была тесно связана с почтовой, и ее функционирование зависело от состояния почтового сообщения. Началь-

CC BY

ник Закаспийской области А. Н. Куропаткин в письме руководителю главного управления почт и телеграфов Н. И. Петрову 31 декабря 1897 года отмечал, что между Асхабадом и Гауданом в 1896 году был проведен почтовый тракт с промежуточной станцией в Курт-Су [РГИА, ф. 1289, оп. 13, д. 90, л. 1]. В 1896 году с руководителем почтового ведомства Хорасана Мушир-уль-везаре Хаджи-Абуль-Касым Ханом, который вел переговоры по почтовому обмену в Гаудане, был затронут вопрос о продлении указанного почтового тракта до Мешхеда через Кучан. Персидский чиновник уклонился от обсуждения данного вопроса, но заявил о возможности проведения указанной линии при условии, что ее функционирование не будет осуществляться за счет персидской казны [РГИА, ф. 1289, оп. 13, д. 90, л. 1 об.].

Необходимо отметить, что телеграфное сообщение в Персии наряду с таможенным и почтовым делом представляло собой государственную регалию (исключительное право). Почтовая регалия сдавалась в аренду и приносила персидской казне прибыль. На территории Южно-Каспийского фронтира Российской империи российское правительство передавало обслуживание почтового сообщения частным лицам, инвестируя при этом финансовые ресурсы на его содержание. К концу 1890-х годов на юге Закаспийской области функционировал Мерво-Кушкинский почтовый тракт, условия которого были неблагоприятны для регулярного почтового сообщения в силу песчаного грунта и тяжелых климатических условий, отличавшихся засухой и сильной жарой.

Кроме него, существовали два почтово-телеграфных учреждения — Каракалакское и Чикишлярское. Первое из них осуществляло доставку почтовой и телеграфной корреспонденции через Кизил-Арват, а второе — посредством пароходов общества «Кавказ и Меркурий». Оба отделения являлись убыточными для казны. Так, в 1897 году ими был выручен доход 3306 руб. (в том числе почтовый — 1417 руб. и телеграфный — 1889 руб.) [РГИА, ф. 1289, оп. 3, д. 1458, л. 17 об.], в то время как их ежегодное содержание обходилось в сумму в 5584 руб. [РГИА, ф. 1289, оп. 3, д. 1458, л. 17 об.].

Что касается частных представителей, то самой яркой фигурой среди них является крупный российский концессионер Л. С. Поляков. В 1890 году он получил концессию на страхование и транспортирование грузов между Хорасаном и Закаспийской областью, а в 1892 году учредил в Тегеране Персидское страховое и транспортное общество [Корноухова, 2024, с. 447]. Это создавало перспективу начала интенсивного строительства в Персии колесных дорог, а следовательно, и запуск по ним почтовых экипажей. Однако Поляков медлил с реализацией концессии, что вызвало

CC BY

недовольство российского правительства, с точки зрения которого это служило помехой для развития российской торговли в Персии.

К счастью, помимо Л. С. Полякова было достаточно других российских предпринимателей. Российская казна, заинтересованная в развитии почтовых сообщений в российско-персидском трансграничье, оказывала им активную финансовую поддержку. К примеру, крупным содержателем почтовых трактов в Закаспийской области на рубеже XIX—XX веков был А. И. Рудометкин. С 1896 года он являлся арендатором почтового тракта Асхабад — Гаудан. Финансовые условия соглашения, утвержденные Министром внутренних дел, предусматривали выплату ему от казны за двенадцатилетний срок 89 тыс. 640 руб., что составляло 7470 руб. в год.

Условия контракта с Главным управлением почт и телеграфов, очевидно, были выгодными, поскольку за право заключить его между российскими предпринимателями велась борьба. Так, в середине 1900-х годов, в связи с приближением истечения договора с А. И. Рудометкиным в 1908 году, в Министерство внутренних дел поступило несколько прошений, заявители которых предлагали более выгодные условия содержания Асхабадо-Гауданского почтового тракта. Крестьянин И. И. Тихонов предлагал 12 %-ю скидку к годовому содержанию вышеупомянутого объекта, что дало бы казне экономию в размере 10 тыс. 750 руб. 80 коп. за двенадцатилетний период [РГИА, ф. 1289, оп. 6, д. 2201, л. 2 об.]. Другое прошение, поступившее от предпринимателя А. Аствацатурянца, направленное министру внутренних дел, предусматривало экономию казне за двенадцатилетний период в размере 20 тыс. руб. [РГИА, ф. 1289, оп. 3, д. 1458, л. 35]. К начальнику Закаспийской области также обратились два частных лица, Алиев и Агаджанов, предлагавшие более выгодные финансовые условия содержания вышеупомянутого почтового тракта, чем у А. И. Рудометкина.

Частно-государственное партнерство в почтовой транспортировке было выгодно не только предпринимателям, но и самой казне. Начальник Туркестанского почтово-телеграфного округа отмечал в мае 1907 года, что реальные расходы казны на почтовое сообщение были выше суммы, которая выделялась А. И. Рудометкину. К ним относились затраты на ковку, лечение и покупку лошадей, содержание повозок и другие расходы [РГИА, ф. 1289, оп. 3, д. 1458, л. 29 об.]. Кроме того, начальником округа было замечено, что передача почтового дела из частных в казенные руки могла бы привести к ухудшению содержания почтовой линии.

Последнее, как можно сделать вывод из документа, имело для российского правительства решающее значение. Несмотря на выгодные предложения со стороны конкурентов А. И. Рудометкина, сулившие казне снижение финансовых затрат на содержание Асхабадо-Гауданского почтового

CC BY

тракта, правительство решило не рисковать и оставить дело в руках уже проверенного партнера [РГИА, ф. 1289, оп. 3, д. 1458, л. 29 об.].

Данный предприниматель зарекомендовал себя положительно перед российским правительством также в деле обслуживания и ряда других трактов. Их полный перечень представлен в нижеследующей таблице.

Таблица 1

Почтовые тракты, которые содержал А. И. Рудометкин в Закаспийской области в конце XIX века*

Почтовые линии	Число станций	Кол-во лошадей	Годовая плата (руб.)
Ташкент — Серакс	5	30	8268
Кизил-Арват — Кара-Кала	4	24	8448
Асхабад — Гаудан	3	21	5838
Таш — Кепры–Тахтабазар	2	12	3792
Мерв — Кушкинский	14	120	35795
Итого	28	207	62141

*Источник: [РГИА, ф. 1289, оп. 3, д. 1458, л. 12].

Как видим из таблицы, А. И. Рудометкин содержал пять почтовых трактов, крупнейшим из которых выступал Мерв-Кушкинский пост. На его обслуживание приходилось почти 58 % всех средств, которые получал данный предприниматель от российской казны. При этом итоговая сумма, выделяемая из бюджета Рудометкину, была выше, поскольку она включала средства на содержание лошадей и некоторые другие расходы. Как уже было отмечено, в рамках обслуживания линии Асхабад — Гаудан Рудометкину выделялось 7470 руб. в год, в то время как годовая плата без учета других показателей была 5838 руб.

Однако не все заявки А. И. Рудометкина получали удовлетворение со стороны правительства. Так, в 1897 году он обратился к начальнику Закаспийской области А. Н. Куропаткину с предложением передать ему в аренду Гаудано-Мешхедское почтовое сообщение сроком на 12 лет. Финансовые условия аренды Гаудан-Мешхедской линии были идентичны условиям аренды Мерво-Кушкинского тракта. В рамках этого запроса Рудометкин настаивал на выплате от российского правительства в размере 35 795 руб. в год на содержание указанной почтовой линии [РГИА, ф. 1289, оп. 13, д. 90, л. 1 об., 2 об.].

Данное предложение было поддержано А. Н. Куропаткиным, отмечавшим обоснованность расходов в контексте установления почтового

CC BY

сообщения с главным торговым и административным центром Хорасана [РГИА, ф. 1289, оп. 13, д. 90, л. 1 об.]. Мнение о важности почтового соединения Асхабада и Мешхеда с точки зрения политических и экономических интересов Российской империи было одобрено министром внутренних дел И. Л. Горемыкиным.

Вместе с тем руководитель главного управления почт и телеграфов Н. И. Петров в январе 1898 года высказал отрицательное мнение относительно необходимости передачи прав А. И. Рудометкину на Гаудано-Мешхедский почтовый тракт. С его точки зрения, разница климатических и топографических условий обоих трактов, связанная с этим проблемность функционирования почтового сообщения исключали возможность сохранения Рудометкину высокой платы в размере 35 795 руб. в год на двенадцатилетний срок [РГИА, ф. 1289, оп. 13, д. 90, л. 2 об.]. В результате передача на содержание почтовой линии Гаудан — Мешхед должна была пройти на общем основании — с торгов.

При этом для упорядочения российских почтовых отношений с Хорасаном требовалось открытие почтового пункта в Мешхеде. По мнению Н. И. Петрова, негативным аспектом, затруднявшим развитие двустороннего почтового взаимодействия, являлось отсутствие между Россией и Персией конвенции об обмене пакетов и посылок в результате неудовлетворительной организации в Персии почтового дела [РГИА, ф. 1289, оп. 13, д. 90, л. 11 об.]. Несмотря на это, к концу 1898 года военное ведомство поддержало идею о передаче А. И. Рудометкину прав на содержание Гаудано-Мешхедского почтового тракта, что было сообщено российскому консулу в Мешхеде [РГИА, ф. 1289, оп. 13, д. 90, л. 22 об.].

Однако российский посланник в Тегеране К. Э. Аргиропуло отмечал 5 ноября 1898 года трудности с реализацией этого предложения. В силу наличия монополии персидского правительства на почтовое дело оно не поддерживало передачу этих прав и извлекаемой от этого прибыли российскому частному лицу. Кроме того, между Россией и Персией отсутствовала почтовая конвенция, что затрудняло формализацию взаимодействия в данной сфере [РГИА, ф. 1289, оп. 13, д. 90, л. 25 об.]. Большие юридические затруднения были связаны с открытием российской почтовой конторы в Мешхеде. К тому же наличие в Мешхеде телеграфного сообщения и его связь с Гауданом посредством гулямов делало указанный центр Хорасана более соединенным с Закаспийской областью, чем столицу персидского государства Тегеран [РГИА, ф. 1289, оп. 13, д. 90, л. 26]. В этом контексте содержание в Персии русской почты встретило, по словам Аргиропуло, «сильное противодействие со стороны персидского правительства и было воспринято Шахом как посягательство на его верховные права» [РГИА, ф. 1289, оп. 13, д. 90, л. 26 об.].

CC BY

В результате Н. И. Петров в письме к А. Н. Куропаткину 28 января 1899 года констатировал, что устройство почтового тракта между Гауданом и Мешхедом было «неосуществимым» [РГИА, ф. 1289, оп. 13, д. 90, л. 32]. Однако данный вопрос продолжал оставаться актуальным в российско-персидских отношениях. В марте 1900 года российский консул в Хорасане отмечал, что почтовая корреспонденция в Мешхед шла не кратчайшим путем через Асхабад, а доставлялась через Джульфу и Тавриз. В результате письма доходили с опозданием в один месяц и более [РГИА, ф. 1289, оп. 13, д. 90, л. 33]. Это привело к многочисленным жалобам торговцев, проживавших в Мешхеде, и вызывало затруднения в оперативном обмене коммерческой информацией. Ситуация изменилась после открытия телеграфной линии Асхабад — Мешхед в 1905 году. С ее запуском телеграф смог частично заместить нереализованный в тот период проект почтового сообщения между указанными центрами Закаспийской области и Персии.

4. Заключение = Conclusions

Рост телеграфно-почтовой инфраструктуры в Закаспийской области был тесно связан с развитием транспортных путей в Средней Азии. Он способствовал увеличению региональных торгово-экономических и коммуникационных связей, приводил к укреплению влияния Российской империи в Южно-Каспийском регионе.

Процесс строительства телеграфных линий был сопряжен с большим количеством препятствий и трудностей. Климатические условия, пустынная местность, перепады температуры, отсутствие надлежащего контроля имели следствием быстрый выход из строя телеграфной инфраструктуры и частые неисправности станций, что вело к задержкам при передаче и получении телеграмм. На персидской территории данная проблема усугублялась нехваткой квалифицированного персонала, недобросовестными работами по установке телеграфных столбов и другого оборудования, нехваткой финансовых ресурсов для качественного завершения постройки телеграфных линий.

Российские правительственные круги пытались разрешить эти проблемы в ходе переговоров с персидскими официальными лицами, что не всегда приводило к быстрому результату. Здесь требовались согласование позиций и неустанный контроль над ходом строительства линий на персидской территории. При этом в ряде случаев эти усилия оказывались безрезультатными. Российскому правительству в тот период так и не удалось организовать почтовое сообщение между Мешхедом и Асхабадом.

Несмотря на важность телеграфных линий для предпринимательского сообщества, его представители не были инициаторами и движущей силой в их строительстве. Ведущую роль здесь играла центральная военная и ре-

CC BY

гиональная бюрократия. Однако частные лица играли определенную роль в содержании уже построенных почтовых трактов.

Телеграфно-почтовая инфраструктура в российско-персидском приграничье имела двойственный характер на рубеже XIX—XX веков. Она была важна для двусторонних торгово-экономических отношений, облегчая информационный обмен. При этом она не имела самостоятельного значения, а дополняла дорожные проекты, которые реализовывались в указанный временной период. С другой стороны, она укрепляла российские геоэкономические позиции в северо-восточных приграничных районах Персии, «привязывая» их к России, и рассматривалась некоторыми представителями Военного ведомства и МИД как геополитический элемент Большой игры между Российской и Британской империями. Можно констатировать, что на рубеже XIX—XX веков Российская империя реализовывала масштабную стратегию инфраструктурного развития в Южно-Каспийском регионе, а телеграфно-почтовые проекты выступали ее составным элементом.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. АВПРИ — *Архив* внешней политики Российской империи. Ф. 147 (Среднеазиатский стол). Оп. 485. Д. 1293.

2. РГИА — *Российский* государственный исторический архив. Ф. 1289 (МВД — Главное управление почт и телеграфов по 1 отделению). Оп. 2. Д. 2127 ; Ф. 1289 (МВД — Главное управление почт и телеграфов по 1 отделению). Оп. 3. Д. 93, 154, 1458 ; Ф. 1289 (МВД — Главное управление почт и телеграфов по 1 отделению). Оп. 13. Д. 192. Д. 90 ; Ф. 1289 (МВД — Главное управление почт и телеграфов по 1 отделению). Оп. 6. Д. 2201.

Литература

1. *Арабаджян З. А.* Николай Нотович — энтузиаст российских железнодорожных концессий в Персии / З. А. Арабаджян // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : История России. — 2024. — Т. 23. — № 4. — С. 451—462. — DOI: 10.22363/2312-8674-2024-23-4-451-462.

2. *Бочкарева И. Б.* Железные дороги как фактор экономической модернизации Туркестана / И. Б. Бочкарева, О. И. Чекрыжова // Железные дороги как фактор экономической модернизации Туркестана. Тюрко-монгольский мир Большого Алтая: историко-культурное наследие и современность : материалы II Международного алтаистического форума. — Барнаул : АлтГУ, 2021. — С. 134—137.

3. *Бочкарева И. Б.* Среднеазиатская железная дорога : вклад в модернизацию Туркестанского края versus проблемы рентабельности (конец XIX — начало XX в.) / И. Б. Бочкарева // Вестник Томского государственного университета. История. — 2024. — № 88. — С. 16—23. — DOI: 10.17223/19988613/88/2.

4. *Васильев Д. В.* Роль железнодорожного транспорта в экономике Закаспийской области: на примере Мургабского государева имения (1896—1912) / Д. В. Васильев, С. Д. Васильев // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 8. — С. 442—459. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025 14-8-442-459.

5. *Васильев Д. В.* Мургабское государево имение в контексте макроэкономических показателей / Д. В. Васильев, Н. А. Мазаев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : История России. — 2025. — Т. 24. — № 3. — С. 402—414. — DOI: 10.22363/2312867420252434024l4.

6. *Колпаков П. А* Телеграфная связь в Закавказье как средство обеспечения российских геоэкономических интересов в Персии во второй половине XIX в. / П. А. Колпаков // Внешнеполитические интересы России : История и современность : сборник материалов XII Всероссийской научной конференции. — Самара : Самарама, 2024. — С. 92—99.

7. *Котюкова Т. В.* Туркестан в дискурсе фронтирной модернизации российской империи в конце XIX — начале XX в. / Т. В. Котюкова // Ислам в современном мире. — 2015. — Т. 11. — № 1. — С. 43—54.

8. *Корноухова Г. Г.* Российско-персидские экономические отношения в начале XX века : дорожное строительство / Г. Г. Корноухова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 3. — С. 445—462. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-445-462.

9. *Корноухова Г. Г.* Развитие российско-персидской торговли по среднеазиатской границе на рубеже XIX—XX вв. / Г. Г. Корноухова, С. Ж. Токтамысов // Oriental Studies. — 2025. — Т. 18. — № 1. — С. 25—39. — DOI: 10.22162/2619-0990-2025-77-1-25-39.

10. *Ларин А. Б.* Перспективы хлопководства в Прикаспийских провинциях Ирана в оценках чиновников Российской империи накануне и в годы Первой мировой войны / А. Б. Ларин // Самарский научный вестник. — 2023. — Т. 12. — № 4. — С. 140—145. — DOI: 10.55355/snv2023124202.

11. *Литвинов В. П.* Туркестанское восстание 1916 г. и его проявления в Бухарском эмирате / В. П. Литвинов, Р. А. Арсланов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : История России. — 2025. — Т. 24. — № 3. — С. 478—492. — DOI: 10.22363/2312867420252434784g2.

12. *Токтамысов С. Ж.* Правительственная дискуссия об участии частного капитала в строительстве Закаспийской железной дороги в конце XIX в. / С. Ж. Токтамысов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : История России. — 2024. — Т. 23. — № 1. — С. 109—121. — DOI: 10.22363/2312-8674-2024-23-1-109-121.

13. *Straeten J.* Borderlands of Industrial Modernity : Explorations into the History of Technology in Central Asia, 1850—2000 / J. Straeten // Technology and Culture. — 2019. — Vol. 60. — № 3. — Pp. 659—687.

14. *Penati B.* The Cotton Boom and the Land Tax in Russian Turkestan (1880s—1915) / B. Penati // Kritika : Explorations in Russian and Eurasian History. — 2013. — Vol. 14. — № 4. — Pp. 741—774.

15. *Penati B.* Wormwood, nomads' rights, and capitalism : the birth of a chemical industry in Russian Turkestan (1870s—1914) / B. Penati // Modern Asian Studies. — 2023. — Vol. 57. — № 4. — Pp. 1135—1197. — DOI: 10.1017/S002-6749-X2-3-000-057.

Статья поступила в редакцию 29.10.2025,
одобрена после рецензирования 02.12.2025,
подготовлена к публикации 07.02.2026.

CC BY

Material resources

AVPRI — *Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire.* F. 147 (Central Asian Table). Op. 485. D. 1293. (In Russ.).

RGIA — *Russian State Historical Archive.* F. 1289 (Ministry of Internal Affairs — Main Directorate of Posts and Telegraphs for the 1st department). Op. 2. D. 2127; F. 1289 (The Ministry of Internal Affairs is the Main Directorate of Posts and Telegraphs for the 1st department). Op. 3. 93, 154, 1458; F. 1289 (the Ministry of Internal Affairs — the Main Directorate of Posts and Telegraphs in the 1st department). Op. 13. D. 192. D. 90; F. 1289 (the Ministry of Internal Affairs — the Main Directorate of Posts and Telegraphs for the 1st department). Op. 6. D. 2201. (In Russ.).

References

Arabajian, Z. A. (2024). Nikolay Notovich is an Enthusiast of Russian Railways Concessions in Persia. *RUDN Journal of Russian History, 23* (4): 451—462. DOI: 10.22363/2312-8674-2024-23-4-451-462. (In Russ.).

Bochkareva, I. B. (2024). The Central Asian Railway: a contribution to the modernization of the Turkestan region versus profitability problems (late 19th — early 20th centuries). *Bulletin of Tomsk State University. History, 88:* 16—23. DOI: 10.17223/19988613/88/2. (In Russ.).

Bochkareva, I. B., Chekryzhova, O. I. (2021). Railways as a factor of economic modernization of Turkestan. In: *Railways as a factor of economic modernization of Turkestan. The Turkic-Mongolian world of the Greater Altai: historical and cultural heritage and modernity: proceedings of the II International Altaic Forum.* Barnaul: AltSU. 134—137. (In Russ.).

Kolpakov, P. A. (2024). Telegraphic communication in Transcaucasia as a means of ensuring Russian geo-economic interests in Persia in the second half of the 19th century. In: *Foreign policy interests of Russia: History and modernity. Collection of materials of the XII All-Russian Scientific Conference.* Samara: Samarama. 92—99. (In Russ.).

Kornoukhova, G. G. (2024). Russian-Persian Economic Relations in Early 20th Century: Road Construction. *Nauchnyi dialog, 13 (3):* 445—462. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-3-445-462. (In Russ.).

Kornoukhova, G. G., Toktamysov, S. J. (2025). Development of Russian-Persian trade in Central Asia the border at the turn of the XIX—XX centuries. *Oriental Studies, 18 (1):* 25—39. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-77-1-25-39. (In Russ.).

Kotyukova, T. V. (2015). Turkestan in the discourse of the frontier modernization of the Russian Empire in the late 19th and early 20th centuries. *Islam in the modern world, 11 (1):* 43—54. (In Russ.).

Larin, A. B. (2023). Prospects of cotton growing in the Caspian provinces of Iran in the assessments of officials of the Russian Empire on the eve and during the First World War. *Samara Scientific Bulletin, 12 (4):* 140—145. DOI: 10.55355/snv2023124202. (In Russ.).

Litvinov, V. P., Arslanov, R. A. (2025). The Turkestan Uprising of 1916 and its Manifestations in the Emirate of Bukhara. *RUDN Journal of Russian History*, *24* (3): 478—492. DOI: 10.22363/23128674202524347849 2. (In Russ.).

Penati, B. (2013). The Cotton Boom and the Land Tax in Russian Turkestan (1880s—1915). *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History, 14 (4):* 741—774.

Penati, B. (2023). Wormwood, nomads' rights, and capitalism: the birth of a chemical industry in Russian Turkestan (1870s—1914). *Modern Asian Studies, 57 (4):* 1135—1197. DOI: 10.1017/S002-6749-X2-3-000-057.

Straeten, J. (2019). Borderlands of Industrial Modernity: Explorations into the History of Technology in Central Asia, 1850—2000. *Technology and Culture, 60 (3):* 659—687.

Toktamysov, S. Z. (2024). Governmental Discussion on the Private Capital Participation in the Trans-Caspian Railway Construction in the Late XIX Century. *RUDN Journal of Russian History*, *23* (1): 109—121. DOI: 10.22363/2312-8674-2024-23-1-109-121. (In Russ.).

Vasiliev, D. V., Mazaev, N. A. (2025). Murghab Sovereign's Estate in the Context of Macroeconomic Indicators. *RUDN Journal of Russian History*, *24* (3): 402—414. DOI: 10.22363/23128674202524340241 4. (In Russ.).

Vasilyev, D. V., Vasilyev, S. D. (2025). Role of Rail Transport in Economy of Transcaspian Region: A Case Study of Murghab Sovereign's Estate (1896—1912). *Nauchnyi dialog, 14 (8):* 442—459. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2025-14-8-442-459. (In Russ.).

The article was submitted 29.10.2025;
approved after reviewing 02.12.2025;
accepted for publication 07.02.2026.

CC BY

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Чернышева Н. В. Меры демографической политики СССР в отношении многодетных матерей в первое послевоенное десятилетие (1945—1955) / Н. В. Чернышева, А. И. Ажигулова // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 2. — С. 534—552. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-534-552.

Chernysheva, N. V., Azhigulova, A. I. (2026). Demographic Policy Measures of USSR Regarding Multi-child Mothers in First Postwar Decade (1945–1955). *Nauchnyi dialog, 15* (2): 534-552. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-534-552. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Меры демографической политики СССР в отношении многодетных матерей в первое послевоенное десятилетие (1945—1955)

Чернышева Наталья Викторовна
orcid.org/0000-0002-1492-5368
доктор исторических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник
natiche84@mail.ru

Ажигулова Альбина Исламовна
orcid.org/0009-0008-1345-8447
кандидат исторических наук,
научный сотрудник,
корреспондирующий автор
azhigylova@mail.ru

Институт социальной демографии
Федерального государственного
бюджетного учреждения науки
Федерального научно-исследовательского
социологического центра
Российской академии наук
(Москва, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
№ 25-28-00645,
https://rscf.ru/project/25-28-00645/

Demographic Policy Measures of USSR Regarding Multi-child Mothers in First Postwar Decade (1945–1955)

Natalia V. Chernysheva
orcid.org/0000-0002-1492-5368
Doctor of History, Associate Professor,
Leading Researcher
natiche84@mail.ru

Albina I. Azhigulova
orcid.org/0009-0008-1345-8447
PhD in History, Researcher,
corresponding author
azhigylova@mail.ru

Institute of Social Demography
of the Federal Center of Theoretical
and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences
(ISD FCTAS RAS)
(Moscow, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 25-28-00645,
https://rscf.ru/project/25-28-00645/

© Чернышева Н. В., Ажигулова А. И., 2026

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Цель статьи — охарактеризовать меры демографической политики СССР в отношении многодетных матерей в послевоенное время. Источниками выступили материалы Госплана СССР, Всесоюзных переписей населения 1939 года и 1959 года, отчеты, служебные записки центральных органов власти и управления, сборники документов, словари публикации центральной прессы. Поднимается вопрос о своевременности и результативности мер, направленных на компенсацию демографических потерь военных лет, в том числе по средствам поддержки многодетного материнства. Авторы приходят к выводу о том, что рассматриваемый период совпал со вторым этапом демографического перехода. Сообщается, что к середине 1950-х годов удалось достичь довоенной численности населения, что стало итогом политики государства и компенсаторного послевоенного роста рождаемости. Показано, что меры демографической политики реализовывались с большими трудностями. Отмечается, что государству удалось поддержать многодетных матерей, снизить негативное воздействие военных и послевоенных лет. Подчеркивается, что восстановить сверхвысокую рождаемость, а также традиционно высокий удельный вес многодетных семей в советском обществе не представлялось возможным. Утверждается, что в СССР произошел отход от привязки многодетности к институтам семьи (полной) и брака.

Ключевые слова:
многодетность; рождаемость; СССР; демография; меры демографической политики; Великая Отечественная война; послевоенный период.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article aims to describe demographic policy measures implemented by the Soviet Union towards multi-child mothers during the post-war period. Sources include materials from the State Planning Committee of the USSR, All-Union population censuses of 1939 and 1959, reports, official notes from central government bodies, document collections, dictionaries, and publications from major newspapers. It raises questions regarding the timeliness and effectiveness of these measures aimed at compensating for wartime demographic losses through support mechanisms for large families with multiple children. The authors conclude that this period coincided with the second stage of the demographic transition. By mid-1950s, pre-war levels of population were restored due to state policies and compensatory post-war fertility increases. However, it is shown that implementing such demographic policies faced significant challenges. It is noted that the state managed to support mothers with many children and mitigate the negative impact of wartime and post-war years. It is emphasized that restoring the extremely high birth rate as well as the traditionally large proportion of multi-child families in Soviet society was not feasible. Additionally, there was an observed shift away from associating multi-child families with traditional institutions like full-family structures and marriage.

Key words:
multi-child families; fertility rate; USSR; demography; demographic policy; Great Patriotic War; post-war era.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94(47).084.8:314.154.3
DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-534-552

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Меры демографической политики СССР в отношении многодетных матерей в первое послевоенное десятилетие (1945—1955)

© Чернышева Н. В., Ажигулова А. И., 2026

1. Введение = Introduction

В ходе Великой Отечественной войны Советское государство понесло серьезные людские потери, образовался дисбаланс полов, что отразилось на институтах семьи и брака. Меры демографической политики в Советском Союзе были направлены на поддержку материнства и детства, в том числе многодетных матерей. Многодетность является важной стороной, характеризующей воспроизводство населения, она представляет собой превышение числа детей в семье по отношению к средней норме числа детей в обществе [ДЭС, с. 156]. В послевоенный период в связи с сокращением количества детей в семье, числа детей, рожденных в браке, происходит трансформация многодетности. Необходимо понять, как в данных условиях изменялась многодетность как социальное явление и насколько своевременными были предложенные государством меры поддержки.

2. Материалы, методы, обзор = Material, Methods, Review

Использовались общенаучные методы анализа, систематизации и обобщения, частнонаучные методы — историко-хронологический, позволивший провести исследование в соответствии с исторической последовательностью, и историко-сравнительный, предполагающий сравнительный анализ структурных характеристик многодетности, а также статистические методы для расчетов относительных величин (процентов и демографических коэффициентов).

За основу исследования были взяты архивные материалы Центрального статистического управления (ЦСУ) Госплана СССР, в частности Форма 2 а, утвержденная в 1944 году, в которой представлены сведения о детях, родившихся у многодетных матерей, по порядку рождения и занятиям родителей. С 1945 года Форма 2 а содержала сведения о родившихся у многодетных матерей детях начиная с четвертого ребенка, с 1950 года сведения учитывались с третьего ребенка, с 1956 года Форма 2 а вновь

CC BY

была изменена: теперь она объединяла данные о порядке рождения, возрасте матери и роде занятий родителей. В Форме 2 а выявлены отдельные статистические неточности, свидетельствующие о неполноте данных. Также привлекались опубликованные исследователями материалы Всесоюзных переписей населения 1939 года и 1959 годов, отчеты, служебные записки Министерства здравоохранения СССР и Министерства здравоохранения РСФСР, нормативные акты Президиума Верховного Совета СССР, Наркомата торговли СССР, сборники документов, словари, а также публикации центральной прессы.

Научная литература по рассматриваемой проблеме довольно обширна. В 1970-х годах прошлого столетия была сформулирована теория репродуктивного поведения, определяющая отмирание многодетной семьи как исторически закономерный процесс [Антонов, 1986, с. 10—23]. В рамках теории репродуктивного поведения издана работа В. И. Козлова, затрагивающая этнодемографическую специфику рождаемости [Козлов, 1977]. Типологию семей, состав, число детей в советских семьях рассматривали А. Г. Волков [Волков, 1986] и М. В. Курман [Курман, 2020]. На современном этапе необходимо отметить работу С. В. Захарова, реконструировавшего эволюцию рождаемости в России XIX—XXI веков [Захаров, 2023].

Авторы также опирались на теорию демографического перехода, основы которой были изложены в работе А. Г. Вишневского [Вишневский, 1976]. Развитие демографического перехода привело к преобладанию простых мало- и среднедетных семей [Жиромская и др., 2018, с. 100].

Практики регулирования рождаемости сталкивались с запретом государства на проведение абортов. Проблема нелегальных абортов сохранялась на протяжении всего периода их запрета в СССР, подробнее об этом см.: [Араловец и др.; Чернышева и др., 2025].

В последние десятилетия проведены историко-демографические исследования, в которых затронуты вопросы семьи и брака (общие тенденции, особенности городской и сельской семьи, материнство и государственная политика и иные) [Население ..., 2001; Исупов, 2000; Араловец, 2010; Вербицкая, 2009; Жиромская, 2012; Жиромская и др., 2024; Сулейманова, 2024; Чернышева, 2025].

Отдельная историко-демографическая проблематика представлена в работах зарубежных исследователей, и если до начала 1990-х годов в силу закрытости либо ограниченности информации их выводы выстраивались на основе прогнозов (Ф. Лоример) и исследований советских ученых (Е. Кросби, Дж. Барбер, М. Харрисон) [Lorimer, 1946; Crosby, 1986; Barber et al., 1991], то в постсоветский — на основе архивных документов и материалов (М. Блюм, М. Накачи) [Блюм и др., 1997; Nakachi, 2021].

CC BY

Однако помощь многодетным матерям и структурные характеристики многодетности рассматривались лишь в рамках семьи и материнства в целом. Данная публикация направлена на то, чтобы восполнить этот пробел.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

В 1920—1930-е годы в СССР шаги государства в отношении поддержки населения были связаны преимущественно с мерами помощи материнству и детству, тесно переплетались с социальной политикой [Чернышева, 2025, с. 87]. Термин *демографическая политика* не применялся ни в теории, ни в практике. Становление ее как самостоятельного направления государственной политики следует относить к более позднему периоду — 1960—1970-м годам.

3.1. Содержание и реализация мер демографической политики в отношении многодетных матерей

В ситуации огромных людских потерь и необходимости восстановления численности населения демографическая проблематика становится одной из самых острых. Многодетность давала возможность пройти данный восстановительный период как можно быстрее. В СССР сохранялась часть мер, принятых в довоенный период [Постановление ..., 1936, № 65; Постановление ..., 1936, № 80 / 1985]. Наиболее значимыми из них были меры, установленные Постановлением от 27 июня 1936 года, действие которого совпало с компенсаторным периодом рождаемости. Кроме решений, касающихся всех родителей, оно вводило комплекс мер поддержки материнства и детства.

Благодаря мерам, направленным на расширение сети медицинских учреждений к 1 января 1939 года, в СССР было открыто 17,5 тыс. родильных коек (64,9 % от плана), их количество увеличилось в два раза. В 1939 году акушерскую помощь в городской местности СССР получили 95,2 % рожениц, а в сельской — 57,0 %. Увеличивались размеры пособий на детей, однако они по-прежнему оставались незначительными. Примечательно, что Постановление от 27 июня 1936 года не содержало термин «многодетная мать», а оперировало понятием «многосемейная мать». Многодетной считалась мать, имевшая шесть детей и родившая последующих. Матерям, имевшим десять детей, предусматривалась выплата единовременного пособия при рождении каждого последующего и со второго года жизни — ежемесячное пособие в течение четырех лет. За 1936—1939 годы, согласно данным Центрального управления народно-хозяйственного учета (ЦУНХУ), государство в 5,5 раз увеличило смету расходов на помощь многодетным матерям [РГАЭ, ф. 4372, оп. 38, д. 1366, л. 28, 30]. За 1936—1941 годах многодетным матерям было выплачено пособий на 4 млрд руб. В 2—3 раза

CC BY

увеличилось количество детских учреждений и мест в них, однако обеспеченность детей ясельного возраста детскими учреждениями оставалась недостаточной [РГАЭ, ф. 4372, оп. 38, д. 1366, л. 13—14, 29].

На протяжении всего периода действия в стране запрета на аборты (1936—1955 годы) этот вопрос в обществе оставался весьма чувствительным [Чернышева и др., 2025, с. 43—52]. Введением такого запрета государство пыталось не только компенсировать негативные последствия революций, войн, голода и прочих потрясений, но и сдержать естественный ход демографических изменений (переход к новому типу воспроизводства). Эффект запрета был кратковременным, с негативными тенденциями (рост детской и материнской смертности, криминальный характер абортов, нарушение репродуктивных функций женщин, возложение на врачей «функции дознавателя», неприятие вмешательства государства в сферу семейных вопросов и др.). На аборт решались преимущественно молодые женщины, имевшие 1—2 детей, или бездетные женщины [ГАРФ, ф. Р-8009, оп. 22, д. 227, л. 226]. Для первых аборт являлся способом регулирования количества детей, не готовых к многодетности. В 1954 году была отменена уголовная ответственность беременных женщин за производство абортов [Указ ..., 1954], а в 1955 году отменен запрет на проведение искусственных абортов [Указ ..., 1955].

В период Великой Отечественной войны меры демографической политики государства реализовывались в два этапа: 1941 — лето 1944 года и лето 1944 года — 1945 год. На первом решения были направлены на снижение негативных последствий войны (введение налога на холостяков, увеличение норм продовольственного снабжения беременных и кормящих женщин, возрождение института опеки и патроната и пр.) [Чернышева, 2025, с. 91]. В крайне бедственном положении оказались многодетные семьи красноармейцев, оставшиеся без кормильцев. На втором этапе в дополнение к мерам в области здравоохранения вводились меры демографические, включавшие пять блоков [Указ ..., 1944а]. Общие меры усложняли процедуру развода и ограничивали в семейных правах лиц, не состоявших в браке. Вносились изменения в налоговое законодательство. Налог на холостяков, одиноких и малосемейных граждан преимущественно направлялся в доходную часть бюджета страны, из которой выплачивались пособия многодетным и одиноким матерям. Увеличились льготы для беременных женщин, матерей и вводились меры, направленные на расширение сети учреждений охраны материнства и детства. Для многодетных матерей вводилась 50% льгота на оплату детских садов и яслей.

Принятый 8 июля 1944 года Указ непосредственно касался и многодетных матерей. Отныне многодетной считалась мать с тремя и более детьми.

CC BY

Отсутствовала привязка к семейному статусу таких матерей. Указ был направлен на поддержку беременных женщин, многодетных матерей, матерей-одиночек.

Многодетным матерям (имеющим мужа или вдовам) назначались и выплачивались пособия начиная с рождения третьего ребенка и за каждого последующего (учитывались дети, погибшие или без вести пропавшие на фронте) с сохранением права на получение пособия по многодетности, действовавшего еще до начала войны. Максимальный размер пособия на одного ребенка был равен минимальной месячной заработной плате рабочего и служащего. Впервые на законодательном уровне государство признавало одиноких матерей. Им выплачивалось пособие на детей до достижения ими 12 лет. Одиноким многодетным матерям еще назначалось пособие по многодетности. Право на пособие сохранялось за женщиной даже в случае ее вступления в законный брак. В 1945—1958 годах в СССР родилось 10,6 млн детей, в акте о рождении которых отсутствовала запись об отце, из них 7,9 млн в первое послевоенное десятилетие [Араловец, 2010, с. 59].

Еще одним нововведением стало учреждение государственных наград многодетным матерям. Почетным званием «Мать-героиня» и грамотой Президиума Верховного Совета СССР награждалась женщина, родившая и воспитавшая 10 детей; «Медаль Материнства» (I и II степени) присваивалась за рождение и воспитание 5—6 детей, к ордену «Материнская слава» (I, II и III степени) представлялись женщины за рождение и воспитание 7—9 детей.

В 1945 году Президиумом Верховного Совета СССР было принято еще два указа. Первый — освобождал осужденных беременных женщин; женщин, имевших при себе детей дошкольного возраста; а также осужденных женщин, имевших в семье детей дошкольного возраста, при условии отбытия половины срока наказания, за рядом исключений [ГАРФ, ф. Р. 7523, оп. 67, д. 8, л. 2]. Второй — расширял права детей, родители которых не состоят между собой в зарегистрированном браке, на получение пенсий и пособий [Указ ..., 1945, 14 марта].

В 1947 году размеры выплат одиноким и многодетным матерям снизились почти в 2 раза, что объяснялось укреплением рубля и увеличением его покупательной способности [Сборник ..., 1956, с. 389]. В 1949 году Указ от 8 июля 1944 года был дополнен положениями о правах опекунов и трудовых правах женщин [Там же].

Реализация Указа от 8 июля 1944 года находилась преимущественно под контролем Управления родовспоможения Наркомата здравоохранения СССР (1941—1952 годы), далее его функции переданы Управлению лечебно-профилактической помощи. В Наркомздраве СССР были проведены со-

CC BY

вещания, определены наиболее сложные вопросы реализации мер, принят ряд приказов [Забота о матери…, 1944, с. 3—11; ГАРФ, ф. А-482, оп. 47, д. 2079, л. 86—89; ГАРФ, ф. А-482, оп. 47, д. 2097, л. 77—79]. В прессе публиковались статьи разъяснительного характера, сведения о присвоении государственных наград и решениях. И если в 1944—1945 годах данная тематика широко представлена в прессе [Сталинская забота…, 1944, с. 3; Советские люди…, 1944, с. 2; Указ Президиума …, 1944, с. 1], то начиная с 1946 года преимущественно публиковались сведения о государственных наградах, о многодетных матерях писали к Международному женскому дню, а также к важнейшим событиям жизни Советского государства и общества (например, выборы Верховного Совета СССР) [Героическая советская женщина …, с. 1; Постановление …, 1946, с. 1; Указ Президиума …, 1946, с. 1].

Несмотря на широкое освещение, многие женщины не знали о своих правах. Проблема также заключалась в правовой неграмотности матерей [Социально-правовая помощь …, 1950]. Материалы о ходе выполнения Указа от 8 июля 1944 года и последующих указов, акты обследований деятельности органов здравоохранения в отдельных советских республиках позволяют обобщить возникавшие проблемы с реализацией. Они были схожи и различались лишь степенью остроты и нерешенности вопросов, вызванных преимущественно объективными обстоятельствами, особенно на освобожденных территориях, а также в тех республиках, где в довоенное время не была развернута соответствующая сеть медицинских и социальных учреждений.

На предприятиях открывались акушерско-гинекологические кабинеты, комнаты личной гигиены, организовывалась выдача дополнительного питания, детского «приданого». Открывались или восстанавливались учреждения родовспоможения, ясли, детские сады. Органы социального обеспечения занимались назначением пособий, исполкомы и совнаркомы принимали решения о награждениях матерей, утверждавшиеся Верховным Советом.

Трудности были с реализацией всех заявленных мер. За годы войны в городах РСФСР свернута деятельность 171 родильного дома (многие здания были разрушены), из них 98 — на оккупированной территории, 20 — в г. Москве и г. Ленинграде. В Минздрав СССР регулярно поступали докладные записки о задержке передачи помещений под лечебные учреждения, сроков их ремонта и открытия, невыполнении обязательств со стороны директоров заводов. Например, в 1945 году руководство завода Ростерскосельмаш г. Ростова-на-Дону не освободило помещение роддома № 1, акушерско-гинекологический кабинет и здравпункт остались неотремонтированными [ГАРФ, ф. Р-8009, оп. 22, д. 69, л. 61]. В Белорусской

CC BY

ССР к 1946 году в 122 районах не имелось педиатров, в Казахской ССР — в 56 районах, в Таджикской ССР — в 46. В Белорусской ССР 912 молодых специалистов-педиатров выпуска 1945 года направили на работу в родовспомогательные учреждения, но даже такая мера не позволила закрыть имеющиеся потребности [ГАРФ, ф. Р-8009, оп. 22, д. 72, л. 8].

Карточки на дополнительное питание отоваривались, как правило, своевременно, но имелись перебои с продовольствием, а также практиковалась его замена. Вместо молока выдавали соль, вместо масла — керосин, вместо крупы — картофель и пр. [ГАРФ, ф. Р-8009, оп. 22, д. 69, л. 63—64].

«Приданное» новорожденных выдавалось с перебоями, иногда заменялось мануфактурой. Выдача могла осуществляться только в городах, имелись случаи ее предоставления ограниченному контингенту (демобилизованные женщины-матери, многодетные, работницы оборонных предприятий) [ГАРФ, ф. Р-8009, оп. 22, д. 69, л. 66; ГАРФ, ф. Р-8009, оп. 22, д. 72, л. 9]. Например, в Мордовской АССР его выдавали в городах, в сельской местности мануфактура для новорожденных поступала с большим опозданием, а для ее получения необходимо было ходить за 20—30 км. Имелись случаи ее выдачи не по назначению [Чернышева, 2022, с. 191]. Выдаваемая мануфактура часто была низкого качества [ГАРФ, ф. Р-8009, оп. 22, д. 69, л. 66].

Сложности были и с назначением пособий, представлениями к наградам. Например, в Украинской ССР в 1944 году пособие получили 36 187 многодетных и одиноких матерей, в 1945 году — уже 128 896 [ГАРФ, ф. Р-8009, оп. 22, д. 73, л. 27]. В Туркменской ССР даже в 1947 году не был налажен учет многодетных матерей [ГАРФ, ф. Р-8009, оп. 22, д. 105, л. 11]. Имелись задержки в работе исполнительных органов с принятием решений о награждении многодетных матерей.

Несмотря на все трудности, постепенно общество возвращалось к мирной жизни, создавались семьи, рождались дети. Государство взяло на себя патерналистские функции.

3.2. Семья, рождаемость и многодетное материнство в послевоенном советском обществе

В 1939 году в СССР (в границах до 17 сентября 1939 года) насчитывалось около 37 млн семей. Перепись 1959 года учла более 50 млн семей. Всесоюзная перепись населения 1959 года зафиксировала, что 89,8 % советских граждан жили в семьях [Волков, 1983, с. 79—101].

За 20 лет увеличился удельный вес небольших семей, состоящих из 2—4 человек (рис. 1). В городах СССР в 1939 году таких семей насчитывалось 76,3 %, в 1959 году — 79,0 %. Как результат — сокращение доли многодетных семей, состоящих из пяти и более человек. В итоге,

если в 1939 году средняя величина советской семьи составляла 4,06, то в 1959 году — 3,71. В советском послевоенном обществе изменился взгляд на семью как ячейку, становится обыденным такое явление, как мать-одиночка.

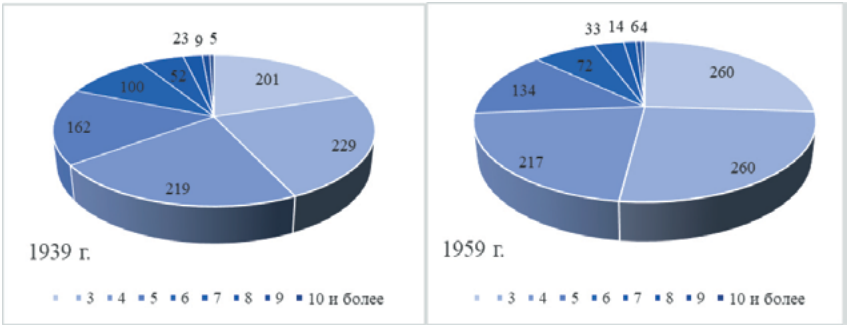

Рис. 1. Распределение семей в СССР по количеству членов
(сведения Всесоюзных переписей населения 1939 года и 1959 года), на 1000 человек
(составлено по: [Волков, 1983])

Данные тенденции были обусловлены демографическими изменениями. В годы войны число детей в семьях уменьшилось — с 3,9 до 1,9, несмотря на кратковременный компенсаторный послевоенный период (1949 год — 3,3, 1950 год — 3,1, 1953 год — 2,8) [Исупов, 2000, с. 227—228], в 1958—1959 годах среднее число детей в СССР было менее трех [Курман, 2020, с. 863—864; Великая Отечественная война ..., 2015, с. 40].

В республиках Советского Союза коэффициенты суммарной рождаемости отличались. В конце 1950-х годов наибольший коэффициент приходился на Туркменскую ССР — 5,12, Узбекскую ССР — 5,04, Азербайджанскую ССР — 5,00 [Курман, 2020, с. 863—864].

Демографический переход разворачивался в сторону снижения уровня рождаемости, этому же способствовала отмена в середине 1950-х годов запрета на производство абортов. Если на начало 1940-х годов общий коэффициент рождаемости по СССР составлял 31,2 ‰, то в начале 1950-х годов снизился до 26,7 ‰, а еще через 10 лет — до 24,9 ‰ [Козлов, 1977, с. 68].

Обратимся к сведениям непосредственно о многодетных матерях (рис. 2).

Если в 1945 году численность многодетных матерей в СССР составляла 721 404, то к концу рассматриваемого периода возросла в 2,7 раза (рис. 2). Однако данные сведения не точны, так как с 1950 года статистика по многодетности стала вестись с третьего ребенка, что было более вер-

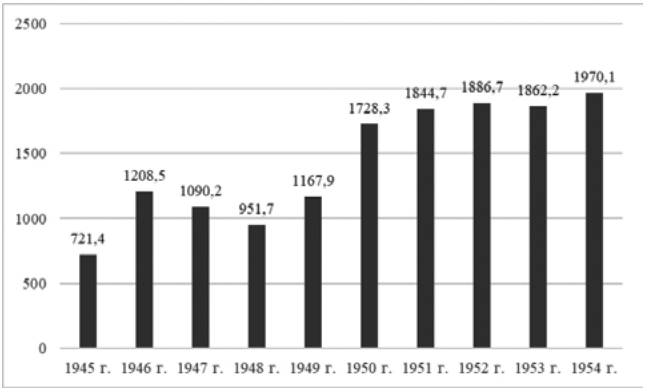

Рис. 2. Сведения о родившихся у многодетных матерей СССР (1945—1954 годы) (тысяч человек)*

* Составлено по: [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 584. Л. 2 (об); Ф. 1562. Оп. 20. Д. 643. Л. 1 (об); Ф. 1562. Оп. 20. Д. 705. Л. 1, 1 (об); Ф. 1562. Оп. 20. Д. 769. Л. 1, 1 (об); Ф. 1562. Оп. 20. Д. 847. Л. 1, 1 (об); Ф. 1562. Оп. 20. Д. 915. Л. 1, 1 (об; Ф. 1562. Оп. 20. Д. 968. Л. 3, 3 (об); Ф. 1562. Оп. 20. Д. 1017. Л. 1, 1 (об); Ф. 1562. Оп. 20. Д. 1060. Л. 1, 1 (об); Ф. 1562. Оп. 27. Д. 17. Л. 3, 3 (об)].

ным решением и соответствовало правовому статусу многодетной матери. Кроме того, сомнения вызывает полнота сбора сведений за 1945 год. Осуществленный пересчет показателей (с четвертого ребенка) свидетельствуют о том, что количество многодетных матерей за весь период увеличилось в 1,5 раза, а если взять сведения с 1946 года, то к середине 1950-х годов их количество сократилось. Данная тенденция соответствует наметившемуся к концу 1950-х годов резкому спаду рождаемости в СССР.

Традиционно многодетные семьи были более характерны для сельской местности. Если в 1945 году в городах СССР насчитывалось 35,5 % всех многодетных матерей, то начиная с 1946 года их удельный вес снижается. С начала 1950-х годов 30 % многодетных матерей проживали в городах.

В 1945—1949 годах треть матерей воспитывали четырех детей и каждая пятая — пятерых. Далее удельный вес численности последующих детей значительно снижался: шесть — 15—16 %, семь — около 10 %, восемь — 6 % и более — 2—3 %. В городах преобладали многодетные матери с четырьмя детьми, в сельской местности — с четырьмя и пятью, то есть сельские семьи были более детными.

В первой половине 1950-х годов, когда в статистике стали учитывать многодетность с рождения третьего ребенка, удельный вес численности таких матерей возрос с 37,5 % до 42,0 %. 22—23 % матерей воспитывали четырех, 13—14 % — пятерых, 8—9 % — шестерых, 4—6 % — семерых и

CC BY

далее их удельный вес был менее 3 %. В городах к середине 1950-х годов почти половина всех многодетных матерей имели лишь трех детей, в сельской местности — 35—39 %. В данный период снижался и удельный вес рождений последующих детей [РГАЭ, ф. 1562, оп. 20, д. 584, л. 1 (об), 2 (об), 3 (об); ф. 1562, оп. 20, д. 643, л. 1 (об), 2 (об), 3 (об); ф. 1562, оп. 20, д. 705, л. 1, 1(об), 2,2 (об), 3, 3 (об); ф. 1562, оп. 20, д. 769, л. 1, 1 (об), 2, 2 (об), 3, 3 (об); ф. 1562, оп. 20, д. 847, л. 1, 1 (об), 2, 2 (об), 3, 3 (об); ф. 1562, оп. 20, д. 915, л. 1, 1 (об), 2, 2 (об), 3, 3 (об), 4, 4 (об), 5, 5 (об), 6, 6 (об); ф. 1562, оп. 20, д. 968, л. 1, 1 (об), 2, 2 (об), 3, 3 (об); ф. 1562, оп. 20, д. 1017, л. 1, 1 (об), 2, 2 (об), 3, 3 (об); ф. 1562, оп. 20, д. 1060, л. 1, 1 (об), 2, 2 (об), 3, 3 (об); ф. 1562, оп. 27, д. 17, л. 1, 1 (об), 2, 2 (об), 3, 3 (об)].

Среди многодетных матерей в 1945—1949 годах снижался удельный вес категории работниц государственных предприятий и учреждений (с 15,4 % до 11,7 %), одновременно увеличивалась доля колхозниц (с 32,9 % до 42,2 %), что подтверждает территориальную дифференциацию многодетности. Еще одна тенденция первых послевоенных лет — постепенное снижение доли неработающих женщин (домашних хозяек) — с 44,7 % до 39,7 %. Данная ситуация была связана не только с возросшей во время Великой Отечественной войны необходимостью применения женского труда, но и с вынужденной ситуацией, когда женщинам нужно было работать, чтобы прокормить своих детей. В первой половине 1950-х годов доля многодетных матерей-работниц государственных предприятий и учреждений незначительно возросла, а колхозниц снизилась. Данные изменения коснулись 1,5—2 % женщин.

4. Заключение = Conciusions

На первое послевоенное десятилетие приходится второй этап демографического перехода, сопровождающийся высокой рождаемостью на фоне низкой смертности. На демографическую ситуацию в СССР оказывали воздействие социально-экономические, внешнеполитические и внутриполитические события. Попытка государства компенсировать огромные людские потери в Великой Отечественной войне выразилась в сохранении мер демографической политики 1936 года и новых решениях 1944, 1947, 1949, 1954 и 1955 годов. В послевоенное десятилетие по-прежнему существовали противоречия в реализующихся мерах демографической политики. С одной стороны, государство стремилось укрепить и поддержать институты семьи и брака, а с другой — признавало и поддерживало внебрачную рождаемость, сохраняло запрет на аборты. Такая позиция была вызвана стремлением всеми возможными способами компенсировать демографические потери.

Вводимые меры демографической политики реализовывались в послевоенное время с большими трудностями, которые во многом носили объективный характер и были вызваны тяжелой социально-экономической ситуацией в стране. Восстановить традиционно сверхвысокую рождаемость, а также традиционно высокий удельный вес многодетных семей в советском обществе не представлялось возможным. Демографический переход был необратим, а война не просто форсировала данный процесс, но и внесла в него свои коррективы. Однако принятыми мерами государству удалось в целом поддержать многодетных матерей, снизить негативное воздействие военных и послевоенных лет. На фоне постепенного снижения уровня рождаемости в СССР, на рубеже 1954—1955 годов была восстановлена довоенная численность населения.

Понятие многодетности менялось в зависимости от среднего числа детей, в довоенный период такими считались матери с шестью и более детьми, после войны — с тремя и более детьми. Подчеркнем, что происходит отход привязки многодетности к институтам семьи (полной) и брака семьи.

В 1945—1955 годах в СССР постепенно происходят изменения в численности и составе многодетных матерей. В городах СССР удельный вес многодетных семей сокращался, также более интенсивно снижалось количество детей в таких семьях.

Статистически количество многодетных матерей в стране увеличилось, но если учитывать изменение их состава, то к середине 1950-х годов их количество, наоборот, уменьшилось. Среди многодетных матерей преобладали колхозницы и домохозяйки.

Показатели многодетности отражают не только демографический индикатор общества, но и национальный, культурно-бытовой, социально-экономический. Для национальных регионов — кавказских, азиатских — сохранялась региональная дифференциация количества детей.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Великая* Отечественная война : юбилейный стат. сб. Росстат / А. Е. Суринов и др. — Москва : [б. и.], 2015. — 190 с. — ISBN 978-5-89476-398-9.

2. *Волков А. Г.* Брак и семья / А. Г. Волков // Население СССР. Справочник. — Москва : Политиздат, 1983. — С. 79—101.

3. ГАРФ — *Государственный* архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-482 (Министерство здравоохранения РСФСР). Оп. 47. Д. 2079. Л. 77—79, 86—89 ; Ф. Р. 7523

(Верховный совет СССР. г. Москва. 1937—1989). Оп. 67. Д. 8. Л. 2 ; Ф. Р-8009 (Народный комиссариат здравоохранения СССР). Оп. 22. Д. 105. Л. 11 ; Оп. 22. Д. 227. Л. 226 ; Оп. 22. Д. 69. Л. 61, 63—64, 66 ; Оп. 22. Д. 72. Л. 8—9 ; Оп. 22. Д. 73. Л. 27.

4. *Героическая* советская женщина // Комсомольская правда : [газета]. — 1946. — № 27. — С. 1.

5. ДЭС — *Демографический* энциклопедический словарь / гл. ред. Д. И. Валентей. — Москва : Советская энциклопедия, 1985. — 608 с.

6. *Забота* о матери и ребенке — важнейшая государственная задача // Советское здравоохранение. — 1944. — № 9. — С. 3—11.

7. *Постановление* ЦИК СССР и СНК СССР «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многосемейным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» от 27 июня 1936 г. № 65 [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. — Режим доступа : http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4068#NlRcaKS0Dij5PgGf (дата обращения 24.05.2025).

8. *Постановление* ЦИК СССР и СНК СССР «О порядке выдачи пособий многодетным матерям» от 14 ноября 1936 г. № 80 / 1985. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1936 г. [Электронный ресурс] // Исторические материалы. — Режим доступа : https://istmat.org/node/48093 (дата обращения 24.05.2025).

9. *Советские* люди горячо приветствуют заботу государства о детях и матерях // Правда : [газета]. — 1944. — № 167. — С. 2.

10. *Сталинская* забота советского государства о матерях и детях // Правда : [газета]. — 1944. — № 166. — С. 3.

11. *Постановление* ЦК ВКП (б) о Международном женском дне — 8 марта // Комсомольская правда : [газета]. — 1946. — № 56. — С. 1.

12. РГАЭ — *Российский* государственный архив экономики. Ф. 1562 (Государственный комитет СССР по статистике). Оп. 20. Д. 584 ; Оп. 20. Д. 1017 ; Оп. 20. Д. 1060 ; Оп. 20. Д. 643 ; Оп. 20. Д. 705 ; Оп. 20. Д. 769 ; Оп. 20. Д. 847 ; Оп. 20. Д. 915 ; Оп. 20. Д. 968 ; Оп. 27. Д. 17 ; Ф. 4372 (Государственный плановый комитет Совета Министров СССР (Госплан СССР). Оп. 38. Д. 1366. Л. 13,14, 28—30.

13. *Сборник* законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 — июль 1956) / Ю. И. Мандельштам. — Москва : Гос. изд-во юр. литературы, 1956. — 530 с.

14. *Указ* Верховного Совета СССР «Об отмене запрещения абортов» от 23 ноября 1955 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=15519#UvTIRlUUggcp88EF (дата обращения 15.05.2025).

15. *Указ* Верховного Совета СССР «Об отмене уголовной ответственности беременных женщин за производство абортов» от 5 августа 1954 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=43087#2G1HHlUEtYnq1K7W1 (дата обращения 15.05.2025).

16. *Указ* Президиума Верховного Совета СССР «О порядке применения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. в отношении детей, родители которых не состоят между собой в зарегистрированном браке» от 14 марта 1945 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://base.garant.ru/70818516/ (дата обращения 13.01.2026).

17. *Указ* Президиума Верховного Совета СССР «О присвоении многодетным матерям почетного звания «Мать-героиня»» // Известия : [газета]. — 1944а. — № 257. — С. 1.

18. *Указ* Президиума Верховного Совета СССР «О присвоении многодетным матерям почетного звания «Мать-героиня» // Комсомольская правда : [газета]. — 1946. — № 153. — С. 1.

19. *Указ* Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 года «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия — звания "Мать-героиня" и учреждении ордена "Материнская слава" и медали "Медаль материнства"» [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. — 1944б. — Режим доступа : https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=7182#oA988mUXINIIgVOT (дата обращения 24.05.2025).

Литература

1. *Антонов А. И.* Эволюция норм детности и типов демографического поведения / А. И. Антонов // Детность семьи : вчера, сегодня, завтра. — Москва : Мысль, 1986. — С. 10—26.

2. *Араловец Н. А.* Абортная политика в СССР [Электронный ресурс] / Н. А. Араловец, В. А. Исупов // Большая российская энциклопедия. — Режим доступа : https://bigenc.ru/c/abortnaia-politika-v-sssr-58642c (дата обращения 13.04.2025).

3. *Араловец Н. А*. Брак и семья в РСФСР в послевоенные годы / Н. А. Араловец // Российская история. — 2010. — № 4. — С. 55—63.

4. *Блюм А.* Демографическая история СССР и России в зеркале поколений / А. Блюм, С. Захаров // Мир России. — 1997. — № 4. — С. 3—11.

5. *Бондарская Г. А.* Рождаемость в СССР / Г. А. Бондарская. — Москва : Статистика, 1977. — 127 с.

6. *Вербицкая О. М.* Российская сельская семья в 1897—1959 гг. (историко-демографический аспект) / О. М. Вербицкая. — Москва : Гриф и К, 2009. — 296 с. — ISBN 978-5-8125-1239-2.

7. *Вишневский А. Г.* Демографическая революция / А. Г. Вишневский. — Москва : Статистика, 1976. — 240 с.

8. *Волков А. Г.* Семья — объект демографии / А. Г. Волков. — Москва : Мысль, 1986. — 271 с.

9. *Жиромская В. Б.* Основные тенденции демографического развития России в XX веке / В. Б. Жиромская. — Москва : Кучково поле, 2012. — 320 с. — ISBN 978-5-9950-0294-9.

10. *Жиромская В. Б.* Российские дети в конце XIX — начале XX в. : историко-демографические очерки / В. Б. Жиромская, Н. А. Араловец. — Москва : Ин-т рос. истории РАН ; Центр гуманитарных инициатив, 2018. — 223 с. — ISBN 978-5-8055-0327-7.

11. *Жиромская В. Б.* Демографические параметры российской семьи в 1950-х гг. / В. Б. Жиромская, Н. А. Араловец, Н. В. Чернышева // Женщина в российском обществе. — 2024. — № 4. — С. 139—155. — DOI: 10.21064/WinRS.2024.4.9.

12. *Захаров С. В.* История рождаемости в России : от поколения к поколению / С. В. Захаров // Демографическое обозрение. — 2023. — № 10 (1). — С. 4—43. — DOI: https://doi.org/10.17323/demreview.v10i1.17259.

13. *Исупов В. А.* Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века : историко-демографические очерки / В. А. Исупов. — Новосибирск : Сибирский хронограф, 2000. — 242 с. — ISBN 5-87550-101-4.

14. *Козлов В. И.* Этническая демография / В. И. Козлов. — Москва : Статистика, 1977. — 240 с.

15. *Курман М. В.* Динамика среднего числа детей в семье в СССР [Электронный ресурс] / М. В. Курман // Демоскоп. — 2020. — № 863—864. — Режим доступа : https://www.demoscope.ru/weekly/2020/0863/nauka04.php#_ftn1 (дата обращения 13.04.2025).

16. *Население* России в XX веке. Исторические очерки / отв. ред. В. Б. Жиромская. — Москва : РОССПЭН, 2001. — Т. 2. — 414 с. — ISBN 5-8243-0016-X.

17. *Социально-правовая* помощь матери и ребенку : метод. пособие / проф. С. Е. Копелянская. — Москва : Изд-во и тип. Медгиза, 1950. — 248 с.

18. *Сулейманова Р. Н.* «Многодетным матерям — должное внимание». Как в Башкирии выполнялся Указ Президиума Верховного Света СССР 1944 г. / Р. Н. Сулейманова // Женщина в российском обществе. — 2024. — № 1. — С. 93—102. — DOI: 10.21064/WinRS.2024.1.6.

19. *Чернышева Н. В.* Государственная политика в СССР в отношении абортов в 1936—1955 гг. / Н. В. Чернышева, А. И. Ажигулова // Гуманитарные науки в Сибири. — 2025. — № 4. — С. 43—52.

20. *Чернышева Н. В.* Меры демографической политики СССР в годы Великой Отечественной войны / Н. В. Чернышева // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 3. — С. 86—99. — DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-86-99.

21. *Чернышева Н. В.* Население Волго-Вятского региона в 1939—1945 годы : историко-демографическое исследование : диссертация … доктора исторических наук : 5.6.1 / Н. В. Чернышева. — Санкт-Петербург, 2022. — 516 с.

22. *Barber J.* The soviet home front 1941—1945. A social and economic history of USSR in World War II / J. Barber, M. Harrison. — London and New York : Longman, 1991. — 252 p.

23. *Crosby L. T.* The impact of civilian in the Second World War / L. T. Crosby. — London : Croom Helm, 1986. — 176 p.

24. *Lorimer F.* The population of the Soviet Union : History and prospects league of nations / F. Lorimer. — Geneva : League of nations, 1946. — 349 p.

25. *Nakachi M.* Replacing the Dead. The Politics of Reproduction in the Postwar Soviet Union / M. Nakachi. — Oxford : Oxford University Press, 2021. — 327 p.

Статья поступила в редакцию 22.09.2025,
одобрена после рецензирования 12.02.2026,
подготовлена к публикации 28.02.2026.

Material resources

Collection of laws of the USSR and Decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR (1938 — July 1956). (1956). Moscow: State Publishing House of Legal Literature. 530 p. (In Russ.).

Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR “On awarding mothers with many children the honorary title of “Mother Heroine”. (1946). *Komsomolskaya Pravda: [newspaper], 153:* P. 1. (In Russ.).

Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR “On conferring the honorary title of “Mother Heroine” to mothers with many children”. (1944a). *Izvestia: [newspaper], 257:* P. 1. (In Russ.).

Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR “On the procedure for the application of the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR dated July 8, 1944. In relation to children whose parents are not married to each other” dated March 14, 1945. Available at: https://base.garant.ru/70818516/ (accessed 13.01.2026). (In Russ.).

Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR dated July 8, 1944 "On increasing state assistance to pregnant women, large and single mothers, strengthening the protection of motherhood and childhood, establishing the highest degree of distinction — the title of "Mother Heroine" and the establishment of the Order of Maternal Glory and the Medal of Motherhood." Consultant Plus. (1944b). Available at: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=7182#oA988mUXINIIgVOT (accessed 24.05.2025). (In Russ.).

Decree of the Supreme Soviet of the USSR "On the abolition of criminal liability of pregnant women for abortions" dated August 5, 1954. Available at: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=43087#2G1HHlUEtYnq1K7W1 (accessed 15.05.2025). (In Russ.).

Decree of the Supreme Soviet of the USSR "On the abolition of the prohibition of abortion" dated November 23, 1955. Available at: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=15519#UvTIRlUUggcp88EF (accessed 15.05.2025). (In Russ.).

DES — Valentey, D. I. (ed.). (1985). *Demographic Encyclopedic Dictionary (DES).* Moscow: Soviet Encyclopedia. 608 p. (In Russ.).

GARF — *The State Archive of the Russian Federation. F. A-482 (Ministry of Health of the RSFSR); F. R. 7523 (Supreme Soviet of the USSR, Moscow. 1937—1989); F. R-8009 (People's Commissariat of Health of the USSR).* (In Russ.).

Resolution of the Central Committee of the CPSU (b) on International Women's Day — March 8. (1946). *Komsomolskaya Pravda: [newspaper], 56:* P. 1. (In Russ.).

Resolution of the Central Executive Committee of the USSR and the Council of People's Commissars of the USSR "On the prohibition of abortions, increasing financial assistance to women in labor, establishing state assistance to large families, expanding the network of maternity hospitals, nurseries and kindergartens, increasing penalties for non-payment of alimony and on some changes in the legislation on divorce" dated June 27, 1936 № 65. Consultant Plus. Available at: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU &n=4068#NlRcaKS0Dij5PgGf (accessed 24.05.2025). (In Russ.).

Resolution of the Central Executive Committee of the USSR and the Council of People's Commissars of the USSR "On the procedure for granting allowances to mothers with many children" dated November 14, 1936, № 80 / 1985. Collection of laws and orders of the Workers' and Peasant's Government of the USSR for 1936. Historical materials. Available at: https://istmat.org/node/48093 (accessed 24.05.2025). (In Russ.).

RGAE — *Russian State Archive of Economics. F. 1562 (USSR State Committee on Statistics); F. 4372 (State Planning Committee of the Council of Ministers of the USSR (Gosplan of the USSR).* (In Russ.).

Soviet people warmly welcome the state's care for children and mothers. (1944). *Pravda: [newspaper], 167:* P. 2. (In Russ.).

Taking care of the mother and the child is the most important state task. (1944). *Soviet healthcare, 9: 3*—11. (In Russ.).

The Great Patriotic War. Jubilee statistical collection of Rosstat. (2015). Moscow: [b. i.]. 190 p. ISBN 978-5-89476-398-9. (In Russ.).

The heroic Soviet woman. (1946). *Komsomolskaya Pravda: [newspaper], 27:* P. 1. (In Russ.).

The Stalinist concern of the Soviet state for mothers and children. (1944). *Pravda: [newspaper], 166:* P. 3. (In Russ.).

Volkov, A. G. (1983). Marriage and family. In: *Population of the USSR. Guide.* Moscow: Politizdat. 79—101. (In Russ.).

References

Antonov, A. I. (1986). Evolution of norms of childhood and types of demographic behavior. In: *Childhood of the family: yesterday, today, tomorrow.* Moscow: Mysl. 10—26. (In Russ.).

Aralovets, N. A. (2010). Marriage and family in the RSFSR in the post-war years. *Russian history, 4:* 55—63. (In Russ.).

Aralovets, N. A., Isupov, V. A. Abortion policy in the USSR. *Great Russian Encyclopedia.* Available at: https://bigenc.ru/c/abortnaia-politika-v-sssr-58642c (accessed 13.04.2025). (In Russ.).

Barber, J., Harrison, M. (1991). *The soviet home front 1941—1945. A social and economic history of USSR in World War II.* London and New York: Longman. 252 p.

Blum, A., Zakharov, S. (1997). Demographic history of the USSR and Russia in the mirror of generations. *The World of Russia, 4:* 3—11. (In Russ.).

Bondarskaya, G. A. (1977). *Birth rate in the USSR.* Moscow: Statistik Publ. 127 p. (In Russ.).

Chernysheva, N. V. (2022). *The population of the Volga-Vyatka region in 1939—1945: historical and demographic research.* Doct. Diss. St. Petersburg. 516 p. (In Russ.).

Chernysheva, N. V. (2025). Measures of demographic policy of the USSR during the Great Patriotic War. *Population, 28 (3):* 86—99. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-86-99. (In Russ.).

Chernysheva, N. V., Azhigulova, A. I. (2025). State policy in the USSR regarding abortions in 1936—1955. *Humanities in Siberia, 4:* 43—52. (In Russ.).

Crosby, L. T. (1986). *The impact of civilian in the Second World War.* London: Croom Helm. 176 p.

Isupov, V. A. (2000). *Demographic catastrophes and crises in Russia in the first half of the 20th century: historical and demographic essays.* Novosibirsk: Siberian Chronograph. 242 p. ISBN 5-87550-101-4. (In Russ.).

Kozlov, V. I. (1977). *Ethnic demography.* Moscow: Statistik Publ. 240 p. (In Russ.).

Kurman, M. V. (2020). Dynamics of the average number of children in a family in the USSR. *Demoscope, 863—864.* Available at: https://www.demoscope.ru/weekly/2020/0863/nauka04.php#_ftn1 (accessed 13.04.2025). (In Russ.).

Lorimer, F. (1946). *The population of the Soviet Union: History and prospects league of nations.* Geneva: League of nations. 349 p.

Nakachi, M. (2021). *Replacing the Dead. The Politics of Reproduction in the Postwar Soviet Union.* Oxford: Oxford University Press. 327 p.

Social and legal assistance to mother and child: Method. Manual. (1950). Moscow: Publishing house and type. Medgiza. 248 p. (In Russ.).

Suleymanova, R. N. (2024). "Mothers with many children should receive due attention." How the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR was executed in Bashkiria in 1944. *Woman in Russian society, 1:* 93—102. DOI: 10.21064/WinRS.2024.1.6. (In Russ.).

Verbitskaya, O. M. (2009). *The Russian rural family in 1897—1959. (historical and demographic aspect).* Moscow: Grif and K. 296 p. ISBN 978-5-8125-1239-2. (In Russ.).

Vishnevsky, A. G. (1976). *Demographic revolution.* Moscow: Statistik Publ. 240 p. (In Russ.).
Volkov, A. G. (1986). *Family — an object of demography.* Moscow: Mysl Publ. 271 p. (In Russ.).
Zakharov, S. V. (2023). The history of fertility in Russia: from generation to generation. *Demographic review, 10 (1):* 4—43. DOI: https://doi.org/10.17323/demreview.v10i1.17259. (In Russ.).
Zhiromskaya, V. B. (2012). *Main trends of demographic development of Russia in the XX century.* Moscow: Kuchkovo Pole. 320 p. ISBN 978-5-9950-0294-9. (In Russ.).
Zhiromskaya, V. B. (ed..). (2001). *The population of Russia in the XX century. Historical essays, 2.* Moscow: ROSSPEN. 414 p. ISBN 5-8243-0016-X. (In Russ.).
Zhiromskaya, V. B., Aralovets, N. A. (2018). *Russian children in the late 19th — early 20th centuries: historical and demographic essays.* Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; Center for Humanitarian Initiatives. 223 p. ISBN 978-5-8055-0327-7. (In Russ.).
Zhiromskaya, V. B., Aralovets, N. A., Chernysheva, N. V. (2024). Demographic parameters of the Russian family in the 1950s. *Woman in Russian society, 4:* 139—155. DOI: 10.21064/WinRS.2024.4.9. (In Russ.).

The article was submitted 22.09.2025;
approved after reviewing 12.02.2026;
accepted for publication 28.02.2026.

CC BY

АВТОРАМ

Журнал «Научный диалог». ISSN 2225-756X, e-ISSN 2227-1295
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-86214 от 27.10.2023 г., Роскомнадзор
Издается с 2012 года. Языки публикации — русский, английский.
Включен в Перечень ВАК с 1 декабря 2015 года.
Индексируется в Scopus
Индексируется в Google Академия
Индексируется в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)
Включен в базу ERIH PLUS с 11 июня 2015 года (идент. номер 485900).
Размещается на платформах НЭБ (eLibrary), DOAJ, на сайте журнала.
Подписной индекс 29255 в Объединенном каталоге «Пресса России».
Обязательные экземпляры журнала отправляются в Российскую государственную библиотеку, Минцифры России.
Электронный адрес: nauka-dialog@mail.ru, editor@nauka-dialog.ru
Сайт: http://www.nauka-dialog.ru/

Перечень ВАК РФ
Область наук: Социальные и гуманитарные науки

Группы научных специальностей	Научные специальности
5.9. Филология	5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
	5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)
	5.9.3. Теория литературы (филологические науки)
	5.9.4. Фольклористика (филологические науки)
	5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
	5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)
	5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
	5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
5.6. Исторические науки	5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
	5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
	5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

Журнал «Научный диалог» — рецензируемое периодическое издание открытого доступа (open access), публикующее материалы гуманитарного профиля по двум научным областям — «ФИЛОЛОГИЯ» и «ИСТОРИЯ».

Тематика: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакоммуникации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Миссия журнала — организация диалога между национальными исследовательскими традициями в гуманитарных отраслях науки — исторической и филологической.

Задачи:

1) аккумуляция знаний о русской культуре через исследования языка, литературы и отечественной истории как основных маркеров идентичности в окружении других идентичностей;

2) обмен интерпретациями инокультурного текста: русская литература и история в интерпретации зарубежных коллег — и зарубежный литературный и исторический дискурс в трактовках русских исследователей;

3) представление наблюдений исследователей из разных стран за развитием медиа как фактором глобализации;

4) приглашение исследователей разных стран к презентации и обсуждению теорий, подходов, методик, приемов анализа языка, текста, дискурса, поскольку ввиду длительного периода замкнутого развития национальных научных традиций и школ накопились разночтения в выборе проблематики исследований, трактовках ключевых терминов, методических предпочтениях.

ИНСТРУКЦИИ ДЛЯ АВТОРОВ

Принимаются к рассмотрению (1) обзорные статьи, содержащие теоретические и статистические обобщения; (2) оригинальные статьи, в которых представлены результаты исследования эмпирического материала.

Все статьи, поступившие в редакцию, проходят внутреннее рецензирование (анализируются актуальность темы, новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала) и публикуются на основании заключения рецензента из числа членов редакционного совета журнала и решения главного редактора. Выполняется двойное слепое рецензирование (автор не знает рецензента; рецензент не знает автора). Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации.

Рецензирование статей проводится в срок не более **70** дней.

Средние сроки публикации 2—5 месяцев со дня поступления статьи.

CC BY

Требования к оформлению

Файл объемом до 5000 слов (22 страницы).

Шрифт 14 Times New Roman, интервал 1,5.

Поля: левое — 3 см, остальные — 2 см. Абзацный отступ — 1,25 см.

Количество авторов не более трех.

Один автор может представить к рассмотрению две статьи в течение года.

Сведения об авторе и финансировании, благодарностях (кегль — 12 pt) по образцу:

Фамилия Имя Отчество
orcid.org/0000-0000-0000-0000
ученая степень, ученое звание
кафедра
mmm@mail.ru

Организация
(Город, Страна)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке Фонда,
проект № 00-000-00

Аннотация (шрифт 12 pt, 150 слов) должна включать короткие ясные предложения и точно отражать содержание статьи: проблему, цель, материал, подробнее всего — результаты.

Ключевые слова – шрифт 12 pt (4–6 слов или словосочетаний, разделенных точкой с запятой).

Англоязычные метаданные не готовятся автором.

Структурирование статьи: IMRaD

1. Введение = Introduction

Текст не менее 1 страницы. Описать научную проблему, степень ее исследованности, актуальность и новизну в сравнении со своими предшествующими и чужими исследованиями.

2. Материал, методы, обзор = Material, methods, review

Текст, 1—3 страницы. Описать используемые методы, процедуру анализа материала, представить методы, подходы, приемы других исследователей, обращавшихся к выбранной проблематике [Воркачев, 2004, с. 37; Зализняк и др., 2005, с. 156—157], [ОР РНБ, ф. 1148, д. 56, л. 5], [НКРЯ].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Текст 7—12 страниц.

3.1. Тематическое название раздела

Текст. Иноязычный материал снабжается переводами (рядом в скобках). Указывается: (здесь и далее перевод наш. — *И. Ф.*). Система оформления материала: слово *жизнь*, понятие «жизнь», концепт ЖИЗНЬ, лексико-семантическое поле «Жизнь».

3.2. Тематическое название раздела

Текст

3.3. Тематическое название раздела

Текст

4. Заключение = Conclusions

Текст 1—2 страницы.

Источники и принятые сокращения

(Словари, архивы, документы, газеты и другие СМИ).

ОПИСАНИЕ ЛИЧНОГО АРХИВА АВТОРОВ СТАТЬИ:

1. АА — *Архив* авторов.

ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живаго великорусскаго языка / В. И. Даль. — Санкт-Петербург : Типография М. О. Вольфа, 1880—1882. Т. 1—4.

ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ БЕЗ АВТОРА:

2. *В Британии* ответили на антироссийское заявление // Правда : [газета]. — 2004. — № 4. — С. 1.

ОПИСАНИЕ АРХИВА:

3. ГАСО — *Государственный* архив Свердловской области. Ф.Р1813 (Областное статистическое управление). Ф. Р1813. Оп. 1. Д. 227. Л. 84. Д. 518. Л. 20.

ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ С АВТОРОМ:

4. *Ищенко Е.* На Колыму! / Е. Ищенко // Колымская правда : [газета]. — 1994. — № 4 (18). — С. 2.

ОПИСАНИЕ КОРПУСА – ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:

5. НКРЯ — *Национальный* корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.ruscorpora.ru (дата обращения: 16.01.2022).

ОПИСАНИЕ ДОКУМЕНТА:

6. *Об образовании* в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 02.03.2016). — Режим доступа : http://www.assessor.ru/zakon/273-fz-zakon-ob-obrazovanii-2013.

ОПИСАНИЕ АРХИВА:

7. ОР РНБ — *Отдел* рукописей Российской национальной библиотеки.

Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.

Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.

ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:

8. СРНГ — *Словарь* русских народных говоров. — Москва ; Ленинград : Наука, 1965—. — Вып. 1—.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОГО ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:

9. BNC — *British* National Corpus [Electronic resource]. — Access mode : http://www.natcorp.ox.ac.uk/ (accessed 16.01.2022).

Литература

(Научные исследования:
не менее 15 позиций в алфавитном порядке;
если статья имеет номер DOI, то нужно приводить идентификатор;
автор может сослаться не более чем на две своих работы;
следует опираться на научную литературу, а не на учебники;
должны присутствовать публикации последних десятилетий;

рекомендуется цитировать и зарубежные публикации, их можно найти в базах:
https://www.sciencedirect.com/
https://erih.dimensions.ai/discover/publication
https://doaj.org/
https://mjl.clarivate.com/home
сначала располагается русскоязычная литература, затем англоязычная).

ОПИСАНИЕ КНИГИ:

1. *Воркачев С. Г.* Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. — Москва : Гнозис, 2004. — 192 с. — ISBN 5-94244-002-6.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ С УКАЗАНИЕМ DOI:

2. *Гадомский А. К.* Лексикографическое описание терминологии теолингвистики (на примере русского и польского языков) / А. К. Гадомский // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. — 2018. — № 17 (1). — С. 17—28. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2018.1.2.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В СБОРНИКЕ:

3. *Зализняк А. А.* Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев // Ключевые идеи русской языковой картины мира. — Москва : Языки славянской культуры, 2005. — С. 153—174. — ISBN 5-94457-104-7.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

4. *Иоанесян Е. Р.* Удовольствие : способы номинации в языке / Е. Р. Иоанесян // Вопросы психолингвистики. — 2017. — № 3 (33). — С. 156—169.

ОПИСАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ:

5. *Орлов Э. Д.* Литературный быт 1880-х годов : творчество Чехова и авторов «малой прессы» : диссертация … кандидата филологических наук / Э. Д. Орлов. — Москва, 2014. — 234 с.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ ЧЕТЫРЕХ И БОЛЕЕ АВТОРОВ В ЖУРНАЛЕ:

6. *Содержание* понятия «эффективность образования» в контексте инклюзивных тенденций современной школы / И. С. Самохин, М. Г. Сергеева, Н. Л. Соколова, Е. А. Марченко // Научный диалог. — 2018. — № 1. — С. 278—288.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

7. *Lakoff G.* Hedges : A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts /G. Lakoff // Journal of Philosophical Logic. — 1973. — Vol. 2. — No. 4. — Pp. 458—508.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КНИГИ:

8. *Makuchowska M.* Od wrogów do braci. Posoborowe zmiany w dyskursie Kościoła katolickiego / M. Makuchowska. — Opole : UO, 2011. — 496 p. — ISBN 978-83-7395-431-1.

Material resources и References

НЕ ЗАПОЛНЯТЬ.
АВТОРЫ НЕ ДЕЛАЮТ СПИСОК ПО ЗАРУБЕЖНЫМ СТАНДАРТАМ.
СПИСОК ГОТОВИТСЯ СИЛАМИ РЕДАКЦИИ В СЛУЧАЕ ПРИНЯТИЯ СТАТЬИ.

Внутритекстовые ссылки приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например [Поланин, 2004, с. 47] или [Поланин, 2004, с. 47–48]. Если указывается источник (словарь, архив и др.), то в ссылке указывается сокращенное наи-

менование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: [СРНГ, т. 8, с. 75] или [ФСРГС, с. 7] (при этом сокращения должны быть указаны в списке источников). Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Егоров, 1983, с. 213–218; Капитонова, 1991, с. 83]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Истрин, 1984; Истрин, 1997]. При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы. Если встречаются ссылки на две или несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, они приводятся с буквенным маркером около цифры, обозначающей год: [Иванов, 2001а; Иванов, 2001б]. Если авторов двое или трое, то упоминается только фамилия первого автора, а вместо фамилий остальных пишется «и др.» – в случае русскоязычного источника, «et al.» – в случае с источником на английском языке. Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Микрофлора …, 1994], [Методика расчета …, 2007, с. 17].

Цитаты обязательно снабжаются указанием на номер страницы.

Автор направляет статью через «Личный кабинет» на сайте журнала. Условия публикации размещаются на сайте журнала http://www.nauka-dialog.ru/. Справку можно получить по тел. (343)3458984, 89120458984.

Каждая статья, опубликованная в журнале «Научный диалог» с 2017 года, имеет идентификатор DOI. Пожалуйста, если в своих последующих статьях, направляемых в любые другие журналы, Вы будете цитировать свою статью или делать ссылку на любые другие опубликованные в нашем журнале статьи, то УКАЗЫВАЙТЕ номера DOI этих статей (образец оформления выходных данных статьи с номером DOI см. в начале каждой статьи).

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

CONTENTS

Linguistics

Vikulova, L. G., Tkachenko, Yu. G., Korolenko, O. I. Discourse Analysis of an Academic Inaugural Address as an Elite Text 9

Golev, N. D. Functive: Expanding Concept (On Basis of Transitional Lexemes, Word Forms, and Their Classifications in Russian Theoretical Morphology) 28

Yin Xu. Zhang Simon's "Intermediate Course in Russian Etymology" as a Pivotal Textbook for Early Development of Teaching Russian Language in China 49

Kayumova, A. R., Safina, R. A., Konopleva, N. V. Metaphorical Representation of Air Elements in Phraseology of Russian, English, German, Spanish, and Tatar Languages 73

Samorodin, G. V. Article-based Determination of Toponymic and Anthroponymic Units in German 91

Seagal, K. Ya. Russian Sentimentalism through the Lens of Punctuation Stylistics 109

Tokarev, G. V. Interpretation of Linguistic-Cultural Signs: A Scenario for Acquiring a Foreign Language within Context of Cultural Appeal 132

Shchetinina, A. V. Lexicography of Russian-Language Neologisms on Social Topics: Description Issues and Research Prospects 151

Communcations. Media technologes. Journalism

Borshchevsky, I. S., Alimuradov, O. A. Exploring Audiodescription from a Linguistic Perspective: A Case Study of Film "Moskva slezam ne verit". 168

Dyakina, A. A., Esin, I. R. Structure of Media Market in Lipetsk Region within Regional Economic Development Context 194

Ilyin, A. A., Shatilova, L. M., Popova, L. G. A Semantic Analysis of Cinematic Terminology in German: A Focus on Lexico-Thematic Group "Film Genres" 214

Literary studies. Folklore

Kolchikova, N. L., Gribkov, A. G. Mytho-Folkloric Origins of Literature in Sayan-Altai Region: A Study Based on Tuvan and Khakas Literary Works 238

Lessova, Kh. Zh., Safronova, L. V., Baimurzaeva, K. B. Initiatory Narrative and Trauma of Deportation in Gerold Belger's Novel "The House of Wandering". 257

Loktevich, E. V. Contemporary Song Poetry as a Gaming Stream: Subjective Identification of Rock Hero 275

Sai Na, Zhu Xiaomin. Qu Qiubao and Cultural-Ideological Interaction between China and Russia in Early 20th Century 300

Sharapenkova, N. G. “Symphony No. 2 (‘Dramatic’)” by Andrei Bely: Genesis and Poetics 315

History

Ambartsumyan, K. R., Bulygina, T. A. Soviet Recreational Policy and Everyday Life of Mineral Water Resorts in Caucasus during 1920s and 1930s 341

Vorobyev, S. V. Ideological Consolidation of Socialist Bloc Amidst International Relations Crisis in 1960s 359

Ismailzade S. J. Formation of Ethnopolitical Identity in Early Medieval Bulgaria 375

Kokorina, Yu. G., Vagabov, M. M. Norway's Neutrality in Winter War between Soviet Union and Finland as Reflected in “Arbeiderbladet”. 401

Kopyrina, S. N., Ulanov, K. A. Medical Care in Ural Mining Industry during First Half of Eighteenth Century: Organization, Practice, and Social Control 421

Martynenko, A. V., Nadkin, T. D., Gracheva, E. Z. Bahá'ís in Russian Empire within Context of Russo-Iranian Relations 440

Merkulov, P. A., Bukalova, S. V. Impact of Public Discourse on Emergence of Social Welfare Institutions during World War I 459

Stoletova, A. S. Reflecting Socioeconomic Realities in Russian North through Printed Word, 1950-1980s 478

Tatarov, A. A. Caucasus as an Element of Japan's Anti-Soviet Strategy on Eve of World War II 500

Toktamysov, S. Z. Construction of Telegraph and Postal Lines in Transcaspian Region and Adjacent Areas of Persia at Turn of Nineteenth to Twentieth Centuries 516

Chernysheva, N. V., Azhigulova, A. I. Demographic Policy Measures of USSR Regarding Multi-child Mothers in First Postwar Decade (1945–1955). 534

TO AUTHORS 553

Компьютерная верстка и дизайн: Издательский Дом «Ажур»

Подписано в печать 04.03.2026. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 32,66. Тираж 500 экз. Заказ 04/03-1.

Отпечатано в ООО «Издательский Дом «Ажур».
620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54.Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.

© Центр научных и образовательных проектов, 2026

Свободная цена

